

История русской армии

Том второй

ПОЛИГОН
Санкт-Петербург
2003

ББК 68.49 (2)
И90

История русской армии: В 7 т. Т. 2. — СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. — 720 с.; ил.
И90
ISBN 5-89173-212-2 (т. 2)
ISBN 5-89173-206-8

Первое издание этого труда вышло в начале второго десятилетия прошлого века. В его подготовке участвовали известные российские военные историки и теоретики А. К. Баиов, А. Г. Елчанинов, А. М. Зайончковский, Н. П. Михневич, В. П. Никольский, Н. А. Орлов, А. А. Свечин, Н. Н. Янушкевич и другие. В нем рассказывалось об истории развития русской армии от зарождения государства до начала XX в. Издание впервые давало цельную картину состояния русского военного искусства во все периоды российской истории. Следует заметить, что в русской военно-исторической литературе не было и не появилось почти за столетие после выхода первого издания более полной и систематизированной истории развития нашей армии. Нынешнее издание дополнено новыми работами историков. Книга предназначена для широкого круга читателей, но может быть использована и специалистами при изучении истории русского военного искусства.

Во втором томе рассматривается история русской армии в финляндских войнах XVIII—начала XIX в., войне 1812 г. и Заграничных походах 1813—1814 гг., показано ее состояние к концу царствования Александра I и участие в русско-турецких войнах 1806—1807 и 1828—1829 гг., персидских и кавказских войнах, усмирении польских восстаний 1830—1831 и 1863—1864 гг., а также Венгерском походе 1849 г.

ББК 68.49 (2)

Отечественная война 1812 г.

*Н. П. Михневич, заслуженный профессор
и почетный член Императорской Николаевской
Военной академии, генерал от инфантерии*

Оставление Москвы. Партизанская война. Тарутинский бой

Отступление армии Кутузова к Москве ♦ Военный совет в Филях
♦ Оставление Москвы ♦ Вступление Наполеона в Москву ♦ Переход
русской армии на старую Калужскую дорогу ♦ План императора
Александра I относительно дальнейших операций ♦ Партизанская и
народная война ♦ Тарутинский бой

Донесение Кутузова о Бородинском сражении было получено в Петербурге 30 августа, в день тезоименитства государя, и хотя император Александр не был введен в заблуждение относительно истинного значения свершившегося события, но, желая поддержать в народе надежду на успешное окончание борьбы с Наполеоном и доверие к Кутузову, принял донесение о бое 26 августа как сообщение о победе. Князь Кутузов был произведен в фельдмаршалы, и ему было пожаловано 100 тысяч руб. Барклаю-де-Толли был дан орден св. Георгия 2-й степени, а смертельно раненному князю Багратиону — 50 тысяч руб. Четырнадцать генералов получили орден св. Георгия 3-й степени. Всем бывшим в сражении нижним чинам было пожаловано по пяти рублей каждому.

В Петербурге ожидали дальнейших донесений: всех интересовала судьба Москвы.

В это время наша армия уже подходила к Москве. 27 августа она ночевала за Можайском, а арьергард Платова отбивался в Можайске от атак Мюрата, следовавшего за нашей армией по столбовой дороге; за ним двигались гвардия

и корпус Даву и Нея. Жюно был оставлен на поле сражения для оказания помощи раненым и поддержания порядка в тылу; вице-король Евгений переправился в селе Успенском через Москву-реку и двинулся на Рузу; Понятовский потянулся вправо, на Борисово. Наполеон ночевал в селе Кривуше.

28-го Кутузов продолжил отступление к Землину и Лутинскому. Платов недостаточно сдерживал напор неприятеля; на его место начальником арьергарда был назначен Милорадович, и арьергард усилен 1-м резервным кавалерийским корпусом, шестью егерскими и четырьмя пехотными полками. 29 августа армия отошла до Крутицы. В этот день Мюрат стремительно атаковал Милорадовича, но был отбит и с этого дня держался от нашего арьергарда вне пушечного выстрела. 30-го армия достигла Вязьмы, а 31-го — Мамонова, в одном переходе от Москвы. Все были убеждены, что перед Москвой будет дано сражение. Кутузов, по-видимому, имел то же намерение, требовал от Ростопчина из Москвы подкреплений, тяжелых орудий, шанцевого инструмента для укрепления позиции и подвод для вывоза раненых, а в то же время приказал вывозить из Москвы продовольственные и артиллерийские запасы. Приискать позицию для боя было поручено генералу Бенигсену.

Наполеон также готовился к сражению и приостановился в Можайске для приведения войск в порядок и пополнения артиллерийских снарядов, в которых ощущался недостаток. Послано распоряжение Виктору скорее направить в армию маршевые команды из отсталых и выздоровевших и быть в готовности самому двинуться за армией.

30 августа главные силы армии Наполеона были в Татарках, а 31-го — в Вязьме. Вице-король двигался на Звенигород. Во время этих передвижений по ночам кругом виднелись зарева пожаров: французы жгли Можайск, а крестьяне, покидая села, сжигали дома, скирды хлеба, стога сена. Голод и всевозможные лишения постоянно сопровождали войска армии Наполеона.

1 сентября наша армия двинулась от Мамонова к Москве. Здесь была выбрана Бенигсенем позиция, на которой предполагалось дать сражение. Кутузов объехал ее со многими

генералами, и все признали ее ненадежной: она была велика для нашей армии, изрезана оврагами и рекой Карповкой (более позднее название — Сетунька), а в тылу ее была Москва-река и огромный город, через который в случае неудачи под натиском противника отступать было крайне трудно. С Поклонной горы, на которой остановился Кутузов, видна была дорогая всякому русскому древняя столица — красавица Москва, и все с ужасом помышляли о возможности пожертвовать ею для спасения армии и России. Тяжелее всех принять это решение было старику фельдмаршалу, но оно уже созревало в его уме. Здесь сказалось все величие духа полководца, которому русский народ доверил свою историческую судьбу.

Военный совет в Филях. В два часа дня в главную квартиру Кутузова, в д. Филя, в избу крестьянина Андрея Савостьянова, были собраны старшие генералы армии на военный совет. Здесь Кутузов поставил на обсуждение следующий вопрос: «Спасение России в армии. Выгоднее ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву без сражения? Вот на какой вопрос я желаю знать ваше мнение!» Начались прения. Мнения разделились: за битву под Москвой высказались Бенигсен, Дохтуров, Уваров, Коновницын и Ермолов; против — Барклай, Остерман, Раевский и Толь. Спорящие не могли прийти к соглашению.

Тогда Кутузов с тяжелым вздохом обратился к собранию:

— Итак, господа, стало быть, мне платить за перебитые горшки. Господа, я слышал ваши мнения. Некоторые будут не согласны со мной. Но я, — он сделал паузу, — властью, врученной мне моим государем и отечеством, я приказываю отступить!

С тяжелым чувством, как после похорон, расходились генералы с военного совета, но еще более тяжкие думы роились в седовласой голове старика фельдмаршала: не он ли был причиной необходимости принятого решения? Поймут ли его? Оправдают ли события то, что он предвидел?

И когда поздно ночью адъютант, вошедший к нему, посетовал:

Генерал от инфантерии граф
М. А. Милорадович
(с рисунка Джорджа Доу)

— Вам надо отдохнуть, ваша светлость, — Кутузов прокричал, ударив кулаком по столу:

— Да нет же! Будут же они лошадиное мясо жрать, как турки, будут и они, только бы...

Оставление Москвы.

2 сентября армия снялась с позиции. Сначала солдаты думали, что их ведут в обход; но потом узнали — армия идет через Москву на Рязанскую дорогу. Арьергард Милорадовича должен был по возможности задерживать неприятеля, чтобы дать армии пройти через

Москву; а Винценгероде двинуться на Ярославскую дорогу. С вечера 1 сентября генерал-губернатор Москвы Ростопчин был уведомлен Кутузовым об оставлении столицы.

В Москве никак не ожидали, что столица будет отдана неприятелю без сражения. Правда, с отбытием государя из Москвы, 19 июля, многие начали проявлять беспокойство и понемногу выезжать в свои имения или дальние губернии; но основная часть жителей на что-то еще надеялась. Потеря Смоленска ошеломила Москву; отъезд населения из столицы принял массовый характер. А когда пала Вязьма, присутственные учреждения и учебные заведения тронулись из Москвы в Казань; остался только сенат и воспитательный дом. Тут уже во всех домах стали укладывать вещи, тысячи повозок загрохотали улицы. Но и тогда москвичи не унывали: верили обнадеживающим сводкам (афишам) графа Ростопчина и готовились выйти под его предводительством на Три-Горы, чтобы участвовать вместе с армией в сражении под Москвой. Весть о назначении Кутузова главнокомандующим

вселила общую уверенность в скорую решающую битву, а когда было получено известие, что под Бородином нам удалось отразить неприятеля, началось общее ликование. Впрочем, скоро начало зарождаться и беспокойство, когда узнали, что армия отступает, и когда тысячи подвод с ранеными начали прибывать в Москву; большую часть их поместили в Лефортовском дворце. Увеличилось число отъезжавших жителей; одного казенного имущества было вывезено на 65 тысячах подвод. Ночью с 30 на 31 августа отправили в Нижний Новгород колодников из тюрем. Москва постепенно пустела, оставшиеся жители ждали распоряжений относительно своих действий от архиерея, сената и графа Ростопчина.

Настало 1 сентября. Русская армия подошла к Дорогомиловской заставе и расположилась под городом биваком. С утра строили укрепления; все, по-видимому, предвещало сражение, но в 8 часов вечера Ростопчин получил уведомление о принятом решении оставить Москву и перейти с армией на Рязанскую дорогу, причем требовался наряд полицейских офицеров, чтобы вывести войска, следовавшие разными путями, на Рязанскую дорогу.

Ростопчин, исполнив повеление фельдмаршала, приказал всем воинским командам и ведомствам выступать из Москвы, вывезти больных и раненых; полиции и жандармской команде отправиться во Владимир; разбить бочки с вином и сжечь на Москве-реке все барки с частным и казенным имуществом.

Тогда же покинули столицу сенат и преосвященный Августин, взяв из Успенского собора икону Владимирской Богоматери, а из часовни от Воскресенских ворот — Иверскую.

Население Москвы теперь поняло, что его ожидает. Огромная толпа черни собралась было на Три-Горы для защиты Москвы, но так как Ростопчин не явился, то вскоре все разошлись по питейным домам и трактирам. Цены в этот день тоже указывали на положение дел. Цены на оружие, золото, телеги и лошадей подскочили; стоимость городского имущества стремительно падала, так что в середине дня были случаи, когда за мужицкую лошадь платили 500 рублей, мебель же, зеркала, бронзу отдавали даром.

На рассвете 2 сентября обозы и артиллерия вступили в Дорогомиловскую заставу, за ними двигались войска. Все были настроены мрачно, ропота не было, но тяжелые вздохи и часто призываемое имя Божье свидетельствовали о душевном потрясении беглецов.

Миновав Коломенскую заставу, войска становились на привал по обе стороны дороги. Трудная задача выпала в этот день арьергарду Милорадовича; утром он был у фарфоровых заводов, в 10 верстах от Москвы, и под напором противника к полудню отступил на Поклонную гору. Неприятельские колонны начали обходить его, угрожая отрезать от города. Тогда Милорадович послал адъютанта к Мюрату с предложением не очень наседавать на его арьергард, если французы желают занять Москву невредимой, иначе солдаты будут сражаться на улицах до последнего человека и оставят от города одни развалины. Мюрат согласился, но при условии, что русские войска уйдут из столицы в тот же день.

Вступление Наполеона в Москву. Около 10 часов утра Наполеон прибыл к авангарду Мюрата, отобедал и поехал на Поклонную гору. Вокруг гремели радостные восклицания французов: «Москва! Москва!» Наполеон задумчиво рассматривал карту города, поднесенную ему, и, обратившись к свите, сказал:

— Приведите бояр!

Прошло два часа, но никого не привели; посланные за депутацией, вернувшись, шепотом говорили свите императора, что Москва пуста, что все покинули ее, что по улицам шляются лишь толпы пьяных, и никого больше. Наполеон, не дождавшись доклада, пушечным выстрелом дал знать авангардам всех корпусов двигаться вперед. Мюрат пошел к Дорогомиловской заставе, вице-король — к Пречистенской и Тверской, Понятовский — к Калужской. За авангардами тянулись корпуса.

Войска двинулись в город, поднимая тучи пыли, за ними ехал и Наполеон. У Дорогомиловской заставы он слез с лошади, долго ходил у Камер-Коллежского вала, все еще ожидая депутации. Войскам велено было соблюдать строжайший

порядок, коннице не слезать с лошадей. Когда Наполеону доложили, что Москва пуста, он приказал подать себе экипаж и не поехал в город, а остановился на постоялом дворе Дорогомиловского предместья.

С удивлением проходили французские войска по пустынным улицам Москвы и наконец подошли к Кремлю, где у Никольских ворот собралось около 500 вооруженных горожан, решивших защищать соборы и чертоги царские. Едва французы вступили в Кремль, как по ним был открыт огонь; тогда Мюрат приказал конной артиллерии стрелять; после трех выстрелов толпа разбежалась. Мортье с частью гвардии занял Кремль и сделал приготовления к ожидавшемуся приезду императора. Но уже вечером в четырех местах вспыхнул пожар в Зарядье, это было предвестником будущего истребления города.

Французские войска, голодные, в износившейся одежде, босые, набросились на лавки и магазины, в большей части которых товары были оставлены купцами. В грабеже принимали участие даже генералы, захватывавшие себе экипажи в Каретном ряду; вскоре вся армия превратилась в банды мародеров; утолив голод и жажду, предавались необузданным страстям. Вдруг запылал москательный ряд, а вскоре вспыхнул и весь Китай-город. Это еще более усилило жажду грабежа.

3 сентября, в 6 часов утра, Наполеон поехал в Кремль. Едва вступил он во дворец, как вспыхнули Каретный ряд и Гостиный двор, и к вечеру, при сильном ветре, пожар, охвативший Москву с разных сторон, превратился в сплошное море огня. Зарево пожара не давало заснуть Наполеону. Он вышел на балкон дворца и, глядя на ужасающие языки пламени, воскликнул: «Какая чрезвычайная решительность! Что за люди! Это скифы!» Горькие чувства испытывали и войска Наполеона, видевшие в начавшемся пожаре крушение своих надежд на отдых и скорый конец войны. Это было началом конца!

Пожар приближался к Кремлю и угрожал опасностью самому императору, так как горящие головни летели в расположение 400 зарядных ящиков артиллерии. Убежденный при-

ближенными в необходимости покинуть Кремль, Наполеон с большим трудом и опасностью пробрался вдоль берега Москвы-реки в Петровский дворец (4 сентября, в 2 часа пополудни). Там он прожил четыре дня, и все это время Москва пылала, освещая отвратительные картины грабежа, разбоя и всяческих насилий над теми несчастными, которые не смогли убежать из города.

Виновниками пожара были, конечно, грабители и мародеры, а отчасти и владельцы магазинов, которые, видя массовый грабеж, предпочли уничтожить свое имущество, чем отдать врагу. Отсутствие пожарных команд и сильный ветер способствовали распространению пожара. Наполеон был заинтересован сохранить русскую столицу, где рассчитывал дать отдых своей армии; но когда пожар начался, он сам отдал Москву на разграбление войскам, стоявшим близ города¹.

7 сентября пожар начал утихать, и Наполеон снова переехал в Кремль, где и оставался до конца своего пребывания в Москве.

Переход русской армии на старую Калужскую дорогу.

2 сентября, в то время как Мортье занимал Кремль (около 5 часов пополудни), арьергард Милорадовича выходил из Москвы; кавалерия Себастиани, двигавшаяся наперерез Рязанской дороге, остановилась по требованию Милорадовича и пропустила последние наши войска и обозы. На ночь наши аванпосты стали в 4 верстах от Москвы, авангард — у Вязовки, а главные силы — между селениями Панки и Жилина; Винценгероде стал на Петербургской дороге, у с. Пешковского, оставив небольшой отряд на Ярославской дороге.

3 (15) сентября армия оставалась на том же месте, а 4-го (16) отступила к Боровскому перевозу, на правый берег

¹ До нашествия Наполеона в Москве насчитывалось 9257 монастырей, церквей, казенных и частных строений; из них сгорело 6496; все прочие были более или менее разграблены. Потери частных лиц составили 83 372 000 руб. недвижимого и 16 585 000 руб. движимого имущества. Сюда не вошли убытки дворцового, духовного, военного и других казенных и общественных ведомств.

Москвы-реки. Главная квартира была в Кулакове; 5-го, по правому берегу реки Пахры, Кутузов перешел на Каширскую дорогу, прикрываясь оставленным у Боровского переезда арьберггардом Раевского (7-й пехотный, 4-й кавалерийский корпуса), 6-го достиг Подольска, а 9-го — селения Красной Пахры, на старой Калужской дороге.

Этот смелый фланговый марш Кутузова с Рязанской на Калужскую дорогу был продолжением его основного плана — создать из Москвы для армии Наполеона ловушку и заморить в ней, прервав сообщения с базой. Расположением на старой Калужской дороге прикрывались: Тула, Калуга, Брянск и хлебородные южные губернии, наша же армия угрожала неприятельскому тылу на пространстве между Москвой и Смоленском.

Расположение нашей армии у Красной Пахры прикрывалось со стороны Москвы: авангардом Милорадовича (8-й пехотный и 1-й кавалерийский корпуса) — у Десны, корпусом Раевского — между Калужской и Тульской дорогами — у Луковня, кавалерией Васильчикова — у Подольска.

В Петербурге в это время общество страшно волновалось: ликование при получении известия об удачном для нас сражении при Бородине сменилось унынием, когда узнали, что армия продолжает отступать. 7 (19) сентября государь получил донесение графа Ростопчина о том, что Кутузов решил оставить Москву, и на следующий день, 8 (20) сентября, трагическая весть о занятии Наполеоном Москвы подтвердилась донесением фельдмаршала от 4 (16) сентября из с. Жилина.

В донесении этом Кутузов очерчивает обстановку после Бородинского сражения, объясняет рискованность сражения под Москвой и заверяет, что «вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России». Далее он утверждает, что принятое им расположение армии на Тульской дороге облегчит связь с армиями Чичагова и Торماسова, и, в частности, пишет: «Начиная с дорог Тульской и Калужской партиями моими буду пресекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы, и тем самым отвращая всякое пособие, которое неприятельская армия с тылу своего

иметь могла, и, обратив на себя внимание неприятеля, надеюсь принудить его оставить Москву и переменить всю свою операционную линию. ...Теперь, в недалеком расстоянии от Москвы собрав свои войска, твердой ногой могу ожидать неприятеля, и, пока армия Вашего Императорского Величества цела и подвижна известной храбростью и нашим усердием, дотоле еще возвратная потеря Москвы не есть еще потеря отечества. Впрочем, Ваше Императорское Величество всемилостивейше согласиться изволите, что последствия сии нераздельно связаны с потерей Смоленска и с тем расстроены совершенно состоянием войск, в котором я оные застал».

Печальное известие о гибели Москвы не поколебало решимости императора Александра продолжать войну и не вступать с неприятелем в переговоры.

Письмо Наполеона к государю от 8 (20) сентября из Москвы, в котором он отклонял от себя ответственность за сожжение столицы, было оставлено без ответа.

Кутузову было воспрещено вступать в переговоры о мире.

Пожар Москвы, а также искусные действия двух казачьих полков под командованием полковника Ефремова, оставленных на Рязанской дороге, чтобы обмануть Мюрата относительно действительного движения нашей армии, повели к тому, что до 14 (26) сентября Наполеон не знал, где находится армия Кутузова. Казаки, отступая по Рязанской дороге, увлекли за собой Мюрата на два перехода, до Бронниц. Французы потеряли нашу армию совсем из виду, и только появление казаков на Можайской дороге, напавших на французский транспорт, побудило Наполеона в ночь на 10 (22) сентября выслать корпус Понятовского к Подольску и отдать приказание Мюрату преследовать нашу армию по пятам. Бессьер со сводным корпусом двинут был сперва по Тульской дороге, но потом переведен на старую Калужскую, к Десне.

Эти значительные передвижения французских войск были приняты Кутузовым за начало общего наступления армии Наполеона. Не желая пока вступать в бой, Кутузов решил по той же старой Калужской дороге отступить на Тарутинскую позицию, за р. Нарой, куда наша армия выступила

15 (27) сентября и прибыла 20-го, выдвинув авангард Мило-радовича (сводный и 4-й кавалерийский корпуса и казаки Платова) между деревнями Глодовой и Дедней.

В 4 верстах от нашего авангарда, на правом берегу р. Чернишни, остановился Мюрат с 26,5 тысячи солдат (резервная кавалерия, легкая конница корпусов Даву и Нея, корпус Понятовского и пехотные дивизии Клапареда и Дюфура).

План императора Александра I относительно дальнейших операций. Еще до занятия французами Москвы, на другой день после получения известия о Бородинском сражении, 31 августа (12 сентября), император Александр отправил к Кутузову флигель-адъютанта Чернышева с общим планом военных действий, имевшим целью совокупными усилиями всех наших армий запереть Наполеону выход из России. Сущность плана, задуманного государем, заключалась в том, чтобы русские войска, действовавшие на флангах театра войны (на Двине и Западном Буге), усилились подкреплениями, оттеснили стоявшего перед ними неприятеля и потом направились в тыл большой армии Наполеона, атакованной в то же время с фронта нашими главными силами.

На Тарутинской позиции наши войска отдохнули, оправились и усилились прибывшими подкреплениями (к началу октября силы армии возросли до 79 тысяч регулярных войск, кроме казаков и ополчений). Последний солдат в армии сознавал значимость и, можно сказать, достоинство этой позиции. «Не было уже отчаяния, прекратился ропот осуждения: час мнимого суда и унижения миновал, возвратилась уверенность. Солдаты вновь ободрились, предвидя борьбу с неприятелем; в самой их поступи, в самом обращении с оружием виделась их готовность сразиться, прорвать вражеские ряды и отбить свои пылающие жилища»¹.

Произошли перемены в личном составе и организации армии: Барклай-де-Толли уволен в отпуск, армия Торماسова

¹ Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. III. С. 118 (из письма Вильсона).

подчинена Чичагову; дежурным генералом назначен Коновницын; 2-я армия соединена с 1-й, и, по прибытии в Тарутино Торماسова, начальство над армией (кроме авангарда Милорадовича) поручено ему. Фельдмаршал оставил за собой только высшее руководство операциями армий.

Оставаясь почти в бездействии, Кутузов расставлял сети Наполеону. Сознавая, что занятие Москвы послужит к гибели французской армии, он всеми мерами старался продлить пребывание врагов в развалинах столицы; для достижения этой цели он прибегал к искусно распускаемым слухам относительно слабости и бедственного положения русской армии и общего желания мира, представляющего будто единственное средство для спасения империи. Все эти меры содействовали к удержанию Наполеона в Москве, поддерживая в нем надежду на получение мирных предложений со стороны императора Александра.

Подобному образу действий не сочувствовали ни при дворе, ни в обществе, ни даже в армии. Тем более что недоброжелателей и завистников у Кутузова было много. Император Александр в своих письмах Кутузову неоднократно требовал решительных действий против неприятельской армии. Положение старика фельдмаршала было очень тяжелым: он признавал, что время — лучший его союзник в войне. Но мало кто понимал его стратегию.

Верным показателем того тяжкого положения, в котором находилась в это время французская армия, был приезд 23 сентября (5 октября) к Кутузову генерала Лористона с предложением от Наполеона начать переговоры о мире, а до того заключить перемирие. Кутузов отказал, но согласился донести государю о желании Наполеона. Император Александр сделал выговор Кутузову за то, что тот принял Лористона, и подтвердил свое твердое намерение продолжать войну, дабы отомстить за оскорбленное отечество.

Партизанская и народная война. При наступлении армии Наполеона от русской границы до Смоленска, при огромном перевесе сил и с флангами, прикрытыми значительными отрядами, тыл нашего противника был защищен, и если бы

Знаменитый партизан Денис Давыдов

обозы армии не отстали, то обеспечение ее всеми видами довольствия не представляло бы затруднений. Остановками в Вильне, Витебске и Смоленске Наполеон хотел воспользоваться, чтобы наладить подвоз продовольствия и порядок

Партизан капитан
артиллерии А. С. Фигнер
(с портрета О. А. Кипренского)

в тылу своей армии, но это не удалось; кое-какие запасы были впоследствии собраны в Вильне, Смоленске, Минске и других пунктах, но до армии их было не подвезти, и многие воинские части за весь поход не получали ни хлеба, ни сухарей, а варили похлебку из муки с мясом. Оставалась надежда на запасы Москвы, но пожар и грабеж уничтожили почти все; пришлось голодать, стоя на развалинах первопрестольной столицы. Высылка отрядов на фуражировку вызвала еще большее ожесточение насе-

ления и масштабное развертывание партизанских действий. Расстановка сил теперь значительно изменилась: при вступлении в Тарутинский лагерь у нас было около 90 тысяч человек, а у Наполеона — 110 тысяч, но мы были у себя дома, благодаря чему получали подкрепления и всевозможные запасы; выданы были даже полушубки для предстоящей зимней кампании; противник же наш должен был брать и провозить провиант с боем, с постоянными потерями. Кутузов отлично понимал, что большое место наступающей армии — ее тыл и что обороняющийся, будучи не в силах задержать наступление противника с фронта, нападениями на тыл может поставить его в крайне опасное положение, заставить разбросать столько войска для охраны тыла, что может без риска сразиться с ним, а при удаче работы в тылу — почти без боя уничтожить врага.

Прямо с Бородинского поля после сражения с отрядом в 130 человек (50 гусар и 80 казаков) пошел в тыл армии Наполеона подполковник Ахтырского гусарского полка, наш знаменитый поэт-партизан, Денис Васильевич Давыдов, и

уже через два дня обозначилась его работа на Смоленской дороге, вызвавшая тревогу Наполеона и его начальника штаба Бертье. По оставлении Москвы Кутузов отрядил во все стороны партизан с повелением, переносясь с одного места на другое, нападать внезапно и, действуя то совокупно, то порознь, наносить всевозможный вред неприятелю. Отряды эти редко превышали 500 человек и были большей частью составлены из казачьих войск, с небольшим числом регулярной конницы. К востоку от армии действовали полковники князь Кудашев и Ефремов; к западу, между Можайском, Москвой и Тарутином, — полковник князь Вадбольский, капитан Сеславин и поручик фон Визин; к северу от Москвы действовал отряд Винценгероде, усиленный частью Тверского ополчения; он высылал от себя отряды флигель-адъютанта Бенкендорфа и полковников Чернозубова и Пренделя — вправо, к Волоколамску, Звенигороду, Рузе, Гжатску, Сычевке и Зубцову, а влево — к Дмитрову. Капитан Фигнер действовал в ближайших окрестностях Москвы и часто, переодевшись во французский мундир, бывал на неприятельских биваках и даже проникал в сам город для получения сведений о противнике. Чтобы создать опорный пункт для наших партизан, действовавших на Смоленской дороге, выслан был отряд генерал-майора Дорохова, который 27 сентября внезапным нападением взял Верею с находившимся в ней французским гарнизоном.

Партизан генерал-лейтенант А. Н. Сеславин (с гравюры И. В. Ческого)

Таким образом, при содействии местного населения наши партизаны ни на минуту не давали противнику покоя: нападали

Подвиг помещика Смоленской губернии Энгельгардта
(со старинной гравюры)

на его транспорты, маршевые команды, партии фуражиров, избивали мародеров и делали пребывание Наполеона в Москве и ее окрестностях невыносимым. За это время к армии Наполеона прибыло 35-тысячное подкрепление, а она выступила из Москвы к Смоленску, имея в своих рядах всего 115 тысяч солдат; следовательно, пятидневное пребывание в Москве стоило французской армии потери в 30 тысяч человек, т. е. столько же, сколько в ходе Бородинского сражения!

Могущественное содействие нашим партизанам оказывало местное население и отряды народного восстания. Уже начиная со Смоленска народное восстание и кровавая, ожесточенная борьба с врагом охватили всю ту полосу, где появлялись войска и мародеры армии Наполеона. Вооружались все, кто мог и чем мог; даже женщины принимали участие в избииении врагов; не останавливались перед самыми ужасными истязаниями в отмщение за разорение и за тяжелое, удручающее всех чувство оскорбленной народной гордости. Во главе отрядов становились помещики, священники. В Юхнове уездный предводитель Храповицкий собрал до 2000 человек и, став на берегу Угры, заслонил неприятелю дорогу из Вязьмы на Калугу. Наполеон думал утратить жителей кровавой расправой: расстрелял Энгельгардта и Шубина, расстрелял мнимых поджигателей Москвы и других захваченных защитников отечества, но эти меры еще более ожесточили население. Вест о захвате Москвы возбудила новое ожесточение в народном движении; все соседние с Москвой губернии: Калужская, Тульская, Рязанская, Владимирская, Тверская и Псковская — готовились дать отпор незванным гостям.

Французы должны были брать все с бою и потому несли постоянные потери; каждая охапка сена или сноп соломы покупался ценой крови¹. Чтобы несколько облегчить сбор

¹ Полковник легкой артиллерии барон Серюзье в своих воспоминаниях описывает возглавляемый им набег сильного фуражировочного отряда на Украину; только в окрестностях Полтавы он мог захватить достаточное количество лошадей, повозок, запасы зерна, муки и фуража. Все это было доставлено им в авангард Мюрата, стоявший перед Тарутином («Mémoires du baron Sérurier». 1823).

запасов, Наполеон отдал приказ корпусам вице-короля и Нея расширить территории, занимаемые под квартиры. 20 сентября вице-король выдвинул одну дивизию к Подсолнечной, другую — к Волоколамску, третью — по Ярославской дороге, а четвертую — в Дмитров. Нея из Богородска продвинулся к Покрову, с передовыми отрядами на р. Дубне. В этом расположении они простояли до 1 октября.

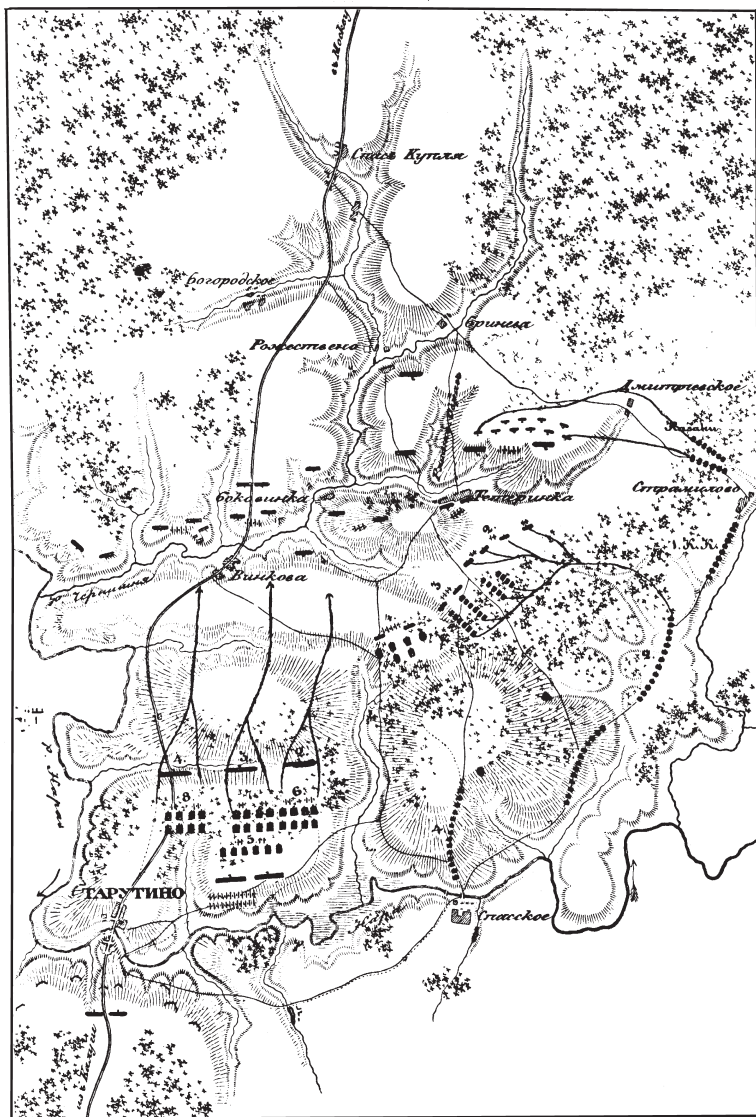
Тарутинский бой 6 (18) октября. Государь, общество и армия настаивали на решительном бое. Бенигсен, Багвут, Коновницын и Толь высказывались за немедленную атаку и уничтожение беспечно стоящего авангарда Мюрата. Ввиду приближающейся осени и вероятного скорого выступления Наполеона из Москвы Кутузов согласился атаковать Мюрата.

Авангард Мюрата (резервная кавалерия и корпус Понятовского — 12 тысяч пехоты, 8000 кавалерии при 187 орудиях) стоял на р. Чернишне, впадающей в Нару, в 60 верстах от Москвы¹; к левому его флангу подходил почти вплотную большой лес, не патрулируемый французами. Пользуясь этим скрытым подступом, можно было охватить левый фланг, зайти в тыл и уничтожить авангард Мюрата, до прибытия подкреплений от главных сил армии Наполеона.

План атаки, разработанный, по приказанию Кутузова, Бенигсеном, состоял в следующем: Бенигсен должен был управлять обходом и атакой неприятеля, для чего в его распоряжение даны: 2, 3 и 4-й пехотные, 1-й кавалерийский корпус и 10 казачьих полков графа Орлова-Денисова. Остальная часть армии должна была наступать с фронта вдоль Московской дороги. Летучий отряд Дорохова, по соединении с Фигнером, должен был напасть с тыла, направляясь к Воронову.

Диспозиция была подписана Кутузовым 4 октября, атака назначена на 5-е, но, вследствие позднего доставления ее войскам, перенесена на 6-е число. Войска двигались на позицию неприятеля шестью колоннами; атакующее крыло Бенигсена

¹ Наполеон сознавал опасность выдвинутого положения Мюрата и предлагал ему отойти к Воронову, на 30 верст ближе к Москве, но Мюрат этим не воспользовался.

План сражения при Тарутине

составляло четыре колонны: первая колонна (правая) графа Орлова-Денисова (10 казачьих полков с одной конной батареей и 20-м егерским полком) должна была обойти левое крыло неприятеля и в тылу его занять Московскую дорогу; вторая колонна (средняя) Багговута — 2-й пехотный корпус — и третья колонна (левая) графа Остермана — 4-й пехотный корпус и 2-я кирасирская дивизия — должны были атаковать левое крыло с фронта; четвертая колонна (резерв) — 3-й пехотный и 1-й кавалерийский корпуса — поддерживать атаку.

Пятой колонне Дохтурова — 6-й корпус — назначено служить связью атакующего крыла с главными силами, составлявшими шестую колонну, под личным начальством фельдмаршала (7, 8-й и 5-й пехотные корпуса, вся резервная кавалерия и резервная артиллерия), предназначенными для фронтальной атаки неприятельского авангарда.

Еще с вечера 5 октября армия начала переправляться через р. Нару — войска Бенигсена у Спасского, а главные силы у Тарутина — и бесшумно придвинулись к аванпостам, где и провели ночь без огней; граф Орлов-Денисов был у крайней опушки леса, на тропинке из Страмилова в Дмитриевское, в двух верстах против левого фланга авангарда Мюрата. Начало светать, неприятельский лагерь пробуждался, а между тем ни одна из наших колонн еще не показывалась на опушке леса; не желая упустить благоприятной обстановки для нападения и не дождавшись сигнальных выстрелов, Орлов-Денисов понесся с своими десятью казачьими полками прямо на неприятеля, захватил его совершенно врасплох, причем французы успели второпях сделать несколько выстрелов и в беспорядке побежали за Рязановский овраг. Весь лагерь левого крыла и 38 орудий были захвачены казаками. Пока граф Орлов собирал свои рассеянные по лагерю полки, показалась на опушке колонна Багговута, которая открыла артиллерийский огонь по биваку, вместо того чтобы тоже немедленно атаковать; при этом храбрый Багговут был убит в самом начале перестрелки, что вызвало смятение в его корпусе. Этим воспользовался Мюрат: осадил левый фланг назад, приказал обозам отходить, кирасирами отбивал атаки казаков на левом фланге, а на фронте поддерживал сильную канонаду. 4-й корпус, который дол-

жен был выйти одновременно со 2-м, замешкался. Тогда Бенигсен выдвинул на его место из резерва 3-й корпус (Строганова); когда же пристроился 4-й корпус, по всему фронту началась сильная канонада, но минута для неожиданного нападения была упущена, и Мюрат успел отступить к Воронову. Казаки Орлова-Денисова и 1-й кавалерийский корпус преследовали его до Спаса-Купли. Левое наше крыло, под личным начальством Кутузова, приблизясь к р. Чернишне, получило приказание остановиться, по всей вероятности, ввиду неполного успеха обхода Бенигсена.

Отряд Дорохова не успел выйти на Московскую дорогу, и только посланный от него урядник Филатов (из полка Власова) с солдатами принял участие в преследовании неприятеля и убил генерала Дери.

Наш урон составил 1200 человек, французы потеряли 600 убитыми и ранеными, 38 орудий, одно знамя, 40 зарядных ящиков и большое количество обозов.

Мюрат спасся из-за ошибок с нашей стороны: Бенигсен неожиданное нападение хотел разыграть так же, как нормальный бой: вместо того чтобы немедленно атаковать противника, он терял время на стрельбу и равнение колонн, что в данном случае было совсем неуместно.

Хотя цель, поставленная нами в Тарутинском бою, и не была вполне достигнута, но все-таки одержанный успех, которым, после шестинедельного перерыва в военных действиях, начиналась вторая кампания, несомненно имел большое значение на подъем духа и возрождение уверенности в окончательной победе над врагом.

Отступление французской армии

Уход Наполеона из Москвы ♦ Бой под Малоярославцем ♦ Бой при Вязьме ♦ Бои под Красным

Уход Наполеона из Москвы. Не получая ответа на предложения начать переговоры о мире и не рассчитывая разбить усилившуюся армию Кутузова, Наполеон думал об отступлении из Москвы. На первое время он предполагал прези-

мовать между Днепром и Двиной, усилить свою армию и в 1813 г. начать новую кампанию против России. С этой целью он хотел двинуться на Велиж и Великие Луки, соединиться там с Виктором и Сен-Сиром и удерживать Смоленск корпусом Нея. Движением на Великие Луки он думал создать угрозу Петербургу и тем принудить императора Александра к миру.

Этот фантастический план вскоре был отринут, так как было ясно, что Кутузов, ввиду приближения Молдавской армии, не имел никакого основания удаляться от нее и идти на Москву, которая, по истреблении ее пожаром, в тот момент не имела того значения, как до занятия ее Наполеоном. Кроме того, дислокация армии в Великих Луках, находящихся от Петербурга в 375 верстах, не представляла угрозы. Если бы Кутузов не пошел на Москву, а соединился с Молдавской армией, то он мог бы опередить Наполеона в Вязьме, а может быть, и в Смоленске и перерезать его тыл.

По тем или иным соображениям, Наполеон решил отступить по Смоленской дороге, но предварительно маршевым порядком направиться на Калугу, чтобы ввести Кутузова в заблуждение, выиграть время и затем немедленно двинуться к Смоленску¹. Это решение у него созрело уже в первых числах октября, но в полдень 6 (18) октября, во время следования на смотр корпуса Нея, вызванного из Богородска в Москву, он получил донесение о переходе русских в наступление и о поражении Мюрата. Тотчас же было послано приказание — всей армии сосредоточиться под Москвой, у Калужской заставы. Приказ был исполнен в ночь с 6 на 7 (18—19) октября, и утром 7 (19) октября корпуса вице-короля, Нея, Даву и гвардия готовы были к выступлению. Мортье с дивизией молодой гвардии под командованием Деляборда оставлен в Москве, в Кремле. Утром 7 (19) октября Наполеон выехал из Кремля и покинул Москву.

¹ 9 октября он сообщает Марс: «Весьма возможно, что к ноябрю Его Величество станет на зимние квартиры между Днепром и Двиной, чтобы быть ближе к своим подкреплениям, дать отдохнуть армии и чтобы с меньшими затруднениями заняться многими другими вопросами».

В армии Наполеона, при выступлении из Москвы, вместе с авангардом Мюрата и корпусом Жюно, было около 107 тысяч человек, в том числе 18,5 тысячи кавалерии, но от плохого корма лошади как в кавалерии, так и в артиллерии были изнурены и только 4600 гвардейской кавалерии были еще до некоторой степени годны для службы.

Утром 7 (19) октября армия двинулась, на поддержку Мюрата, по старой Калужской дороге: вице-король во главе, а за ним — Ней, гвардия и Даву; голова колонны дошла до Ватутинки. 8-го (20) продолжалось движение до р. Пахры, но уже отсюда вице-король и Понятовский, отделившийся от Мюрата, двинуты к Ожигово, на Боровскую дорогу; Ней дошел до Мочи, откуда вошел в связь с Мюратом, оставшимся у Воронова. Наполеон остановился в Троицком и послал приказание Мортье выступить из Москвы 10 или 11 (22—23) октября и идти на Можайск; гвардия и Даву оставались в Ватутинке. Погода была отличная и не холодно; только по ночам начиналось чувствоваться наступление осени¹.

9 (12) октября вице-король дошел до Фоминского на р. Наре. В этот день Наполеон прибыл в Плесково; остальные же войска продолжали движение за вице-королем. Ней и Мюрат остались за Мочей, на старой Калужской дороге, дивизия Морана — у Десны в арьергарде (дивизии Фридрихса и Дюфура вернулись от Мюрата в корпус Даву).

Теперь Наполеон двигает всю армию вправо, ближе к Смоленской дороге, и старается захватить Боровск, чтобы

¹ Все, что впоследствии рассказывалось Наполеоном и его почитателями о суровой осени и страшных морозах, погубивших армию, совершенно неверно. Напротив, морозы в 1812 г. начались позже обыкновенного и продолжались меньшее время, чем в другие годы в этой местности. «Первые морозы начались 15 (27) октября, при ясном, солнечном небе, и только 20 октября (1 ноября) температура опустилась до –8 градусов, и 23 октября (4 ноября) выпал первый снег» (Von Guretzky-Cornitz). «До 6 ноября (25 октября), т. е. в течение 16–17 дней, погода была отличная, и холод гораздо меньше, чем в некоторые месяцы кампании в Пруссии и Польше и даже в Испании» (Gourgaud). В своем знаменитом 29-м бюллетене Наполеон даже сам говорит: «До 6 ноября погода была отличная» (Молодечно, 3 декабря).

вести Кутузова в заблуждение относительно своих намерений. Мюрат и Моран должны двигаться за армией, и только Ней, усиленный Клапаредом, оставлен за Мочей до 11-го (23), после чего должен идти в арьергарде армии. Мортье приказано идти не на Можайск, а на Верею, куда прибыть 13-го (25); он должен таким образом служить связью между Жюно и армией.

10 (22) октября, в 7 часов утра, Наполеон приказывает вице-королю немедленно послать Понятовского занять Верею: «Занятие Вереи имеет сегодня большое значение». Вице-король выступил из Фоминского за р. Нару и выслал в авангард дивизию Дельзона, которая дошла до Боровска. Около часа Наполеон прибыл в Фоминское с гвардией и Даву; Мюрат и Моран следовали сзади; Ней оставался на месте. В 2 часа ночи с 10-го на 11-е (22—23) октября Мортье вышел из Кремля. Был произведен взрыв, по приказанию Наполеона, весьма неудачный, но свидетельствующий о бессильной злобе, помрачившей рассудок Наполеона¹. Говорят, что в пылающей Москве, видя, как ускользает из его рук добыча, к которой он так стремился, он кричал своей гвардии: «Идите грабьте, избивайте всех, кого встретите на улицах, не щадите ничего; эти варвары не имеют права на жизнь»².

Еще 7 (19) октября Дорохов, стоявший на новой Калужской дороге, у Катова, донес о появлении у Фоминского 8—10-тысячных французских войск с 16 орудиями (это была дивизия Брусье). На основании этого донесения были высланы два полка пехоты в подкрепление Дорохову, а потом 6-й корпус Дохтурова и 1-й кавалерийский корпус Меллера-

¹ Наполеон, находясь в Фоминском, в 50 верстах от Москвы, с радостной злобой слышал взрывы и на другой день объявил Европе, что «Кремль, арсенал, магазины — все уничтожено; древняя цитадель, ровесница началу монархии, древний дворец царей, подобно всей Москве, превращен в груды щебня, в грязную, отвратительную клоаку и отныне не имеет ни политического, ни военного значения». Слава Богу, ничего подобного не произошло. Мины были устроены дурно, и только небольшая часть кремлевских стен разрушилась; все прочее уцелело.

² F. v. D. Napoleon á Dresde. T. II. P. 68.

Закомельского с приказанием овладеть Фоминском. Дохтурову были подчинены Дорохов, Сеславин и Фигнер.

10 (22) октября Дохтуров выступил из Тарутинского лагеря и по размокшей от дождя дороге, даже оставив позади свою батареиную артиллерию, прибыл на ночлег в Аристово, куда вскоре прискакал Сеславин с донесением, что Наполеон и вся французская армия двигаются на Фоминское, и в доказательство представил взятых им нескольких пленных из колонны вице-короля; пленные подтвердили, что вся французская армия движется к Малоярославцу. Этим донесением Сеславин оказал великую услугу отечеству. Оно спасло корпус Дохтурова от поражения под Фоминском и дало возможность нашей армии своевременно перейти к Малоярославцу, чтобы отрезать путь Наполеону на юг.

Дохтуров немедленно послал донесение фельдмаршалу, сам остался с пехотой в Аристове, а кавалерию выслал для патрулирования Боровской дороги.

Получив первое достоверное известие об оставлении Наполеоном Москвы, Кутузов, со слезами радости, воскликнул: «Россия спасена!» — и тотчас приказал: 1) Дохтурову как можно скорее двигаться к Малоярославцу, для прикрытия новой Калужской дороги; 2) Платову, со всеми казачьими полками, спешить туда же; 3) всей армии изготавиться к выступлению; 4) Милорадовичу проследить движение Мюрата, и если он пойдет вверх по Наре, то, отделив казаков и часть кавалерии для наблюдения за ними, идти вслед за армией.

11 (23) октября, после полудня, армия Кутузова выступила из Тарутинского лагеря и двинулась на Леташевку и Спасское¹. К этому времени в рядах ее числилось 197 112 человек при 622 орудиях (76 629 пехоты, 10 711 кавалерии, 10 тысяч казаков и 9772 артиллерии²).

¹ В тот же день Москва была занята отрядом Винценгероде, под начальством Иловайского 4-го, так как Винценгероде во время переговоров был взят в плен французами.

² 2-й корпус князя Долгорукова, 3-й корпус графа Строгонова, 4-й графа Остермана, 5-й гвардейский Лаврова, 6-й корпус Дохтурова, 7-й Раевского, 8-й Бороздина; кавалерийские корпуса: 1-й барона Меллер-Зако-

До получения распоряжений Кутузова утром 11 (23) октября, по собственной инициативе, Дохтуров быстро двинулся к Малоярославцу, но был задержан постройкой моста в Спасском и только на рассвете 12 (24) октября подошел к городу. Там уже был Платов, выславший отряды влево, на Медынскую дорогу.

Бой под Малоярославцем. Подходя к Малоярославцу, Наполеон рассчитывал, что если его атакует Кутузов, то он займет позицию от Малоярославца до Фоминского, базируясь на Верею; если же Кутузов просто преградит ему дорогу на Калугу, то дать генеральное сражение; а если Кутузов пропустит его на Калугу, то тогда отступать от Калуги на Ельню. По этим соображениям он приказал Жюно двинуть в Верею из Можайска все, способное двигаться, и Виктору — направить возможно больше войск на Ельню. 12 (24) октября Наполеон рассчитывал подтянуть все обозы армии и выяснить, что хочет предпринять Кутузов; на этот день ставилось целью прочно занять Малоярославец и построить два или три моста через р. Лужу.

В 5 часов утра 12 (24) октября Дохтуров подошел к Малоярославцу, который был занят только двумя батальонами из дивизии Дельзона; остальная часть дивизии была за рекой в виду города.

Город Малоярославец лежит на скате, спускающемся к правому берегу р. Лужи, образующей входящее к югу колено. Наш 33-й егерский полк вытеснил из города французские батальоны, но Дельзон немедленно ввел всю дивизию в бой и снова занял город. Введенные с нашей стороны два полка (6-й и 19-й) выбили неприятеля вторично. К половине одиннадцатого утра стал подходить корпус вице-короля, и около полудня вступила в бой дивизия Брусье. Разгорелся страшный бой за обладание городом, который несколько раз переходил из рук в руки. А между тем обе армии противников спешили к полю сражения; к часу пополудни почти одновременно подходили головы их

мельского, 2-й (к нему после Бородина присоединился 3-й) барона Корфа, 4-й Васильчикова и Кирасирский князя Голицына; начальник артиллерии — барон Левенштерн.

Сражение при Малоярославце (с картины Мартине)

колонн к Малоярославцу. На выстрелы между полуднем и часом прискакал Наполеон и с противоположного берега р. Лужи следил за ходом боя. Корпус Даву и гвардия по прибытии были поставлены в резерв по обеим сторонам дороги. Ясно были видны и войска Кутузова, подходившие к городу.

Всю ночь шел Кутузов из Тарутина с 3, 5, 7 и 8-м пехотными корпусами и резервной конницей. Милорадович со 2-м и 4-м корпусами и кавалерией авангарда был еще позади. Войска думали, что опять началось отступление, но, услышав на рассвете гул выстрелов, с восторгом летели к полю сражения. В пяти верстах от города войскам был дан привал, и только корпус Раевского продолжал марш к Малоярославцу. Раевский сразу развернул две дивизии в бой, но вице-король ввел в бой свои последние две дивизии — Пино и Лекки — и после упорного боя окончательно овладел городом, но дебушировать¹ из него, под страшным огнем русской артиллерии, не мог. На левом берегу р. Лужи тоже стояли сильные батареи под управлением самого Наполеона. Между тем все пришедшие из Тарутина корпуса выстроились на новой Калужской дороге. К вечеру у обоих противников стояли свежие войска, готовые ринуться в бой.

Хотя Кутузов и преградил противнику дорогу на Калугу, но ему захотелось выбить французов из города, чтобы лишить их дебуше на следующий день: он поручил Коновницыну с 3-й пехотной дивизией князя Шаховского и корпусом Бороздина еще раз атаковать испепеленный город; но в это время Наполеон перевел через р. Лужу дивизии Жерара и Компана, которые развернулись по сторонам города. Часть Малоярославца осталась в наших руках, а часть — во власти противника. Настала глубокая ночь; Бороздин сменил утомленные боем корпуса Дохтурова и Раевского, но ночью войска Бороздина были выведены из города, и французы окончательно утвердились в нем. Это обстоятельство, невозможность возобновить бой ночью и невыгодное, пересеченное за городом поле побудили фельдмаршала отвести войска за село Немцово, оставив на прежней позиции только войска

Дебушировать — выводить войско на открытую местность, развертывая его из походного в боевой строй. — *Прим. ред.*

Милорадовича. Потери с каждой стороны в сражении под Малоярославцем были по 5 тысяч; у французов убиты два генерала и три ранены; с нашей стороны ранен Дорохов.

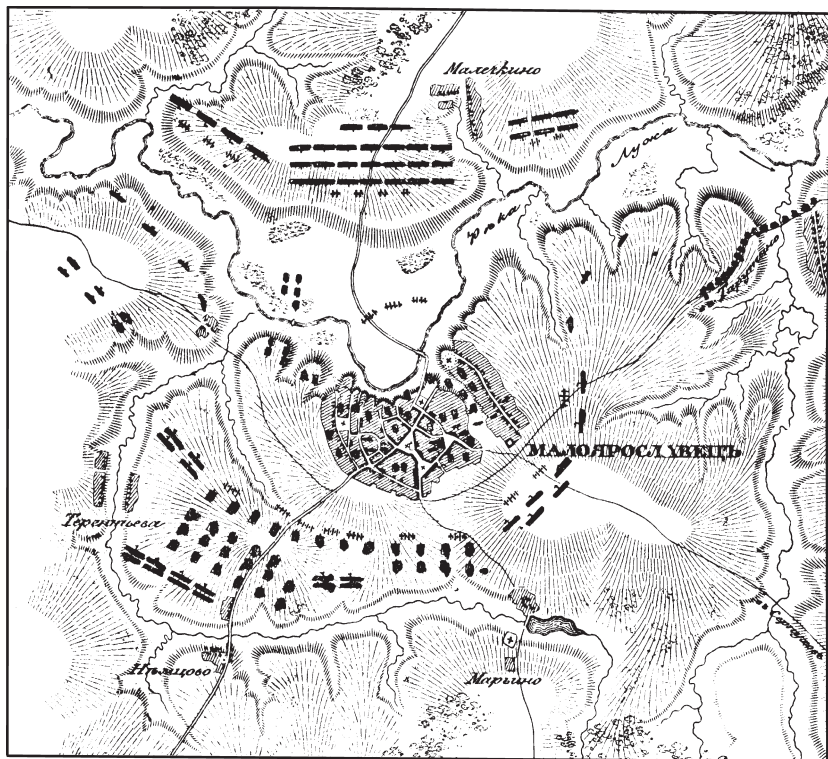
Наполеон с гвардией расположился на ночлег в Городне. В 5 часов утра ему донесли, что русские стоят на позиции и что кавалерия их двинулась на Медынь. Рассматривая карту в присутствии Мюрата, Бессьера и Лобау, Наполеон сказал: «Кажется, неприятель не отступает, и нам предстоит сражение. При настоящем положении армии что выгоднее: дать сражение или уклониться от него?» Все отвечали, что при данных условиях лучше отступать. Лобау советовал отступать на Можайск, двое других — на Смоленск. Император не возражал, но заявил, что примет решение после разведки расположения противника. Он сел на лошадь и поехал вперед, но был неожиданно атакован казаками, которые, переправившись через р. Лужу, напали на артиллерию, следовавшую в Малоярославец, увезли 11 орудий, а потом бросились грабить обоз, что спасло Наполеона, уже обнажившего свою шпагу. Прискакавшие из Городни драгуны и конногренадеры, вместе со свитой императора, атаковали казаков и принудили их отступить. В это же время полковник Кутейников сделал набег на Боровск и там захватил пленных и часть обоза с награбленным церковным имуществом. Наполеон поехал далее к Малоярославцу и до 5 часов дня оставался в поле, не приняв еще окончательного решения¹.

Между тем русская армия стояла готовая к бою на позиции в двух с половиной верстах к югу от Малоярославца. Многие из штаба фельдмаршала, и особенно Толь и Бенигсен, советовали ему атаковать французов, но это было противно всей системе войны нашего полководца, и он решил лучше отбить атаку, чем самому без нужды рисковать.

«Все это развалится и без меня», — обыкновенно отвечал Кутузов тем, кто с пылкостью настаивал на решительных действиях.

¹ Эти факты, изложенные в сочинении графа Йорка фон Вартенбурга, непонятны; Наполеон, несомненно, уже решил отступать к Смоленску и применительно к этому эшелонировал свои войска; при таких условиях о сражении и думать было невозможно.

Днем Кутузов получил донесение о столкновении отряда Иловайского (три казачьих полка) у Медыни с авангардом корпуса Понятовского; нападение было произведено внезапно из искусно устроенной засады, причем взято пять орудий, много пленных и даже сам начальник авангарда генерал Тышкевич. Это известие наводило на мысль, что, вероятно, Наполеон, не желая атаковать нашу армию с фронта, намеревается обойти наш левый фланг через Медынь и оттуда действовать на Юхнов и Ельню. Чтобы не попасться в эту ловушку, Кутузов решил отступить к Детчину, а под Малоярославцем оставить только Милорадовича. Платову и партизанам — князю Кудашеву, Сеславинову и Фигне-

План сражения при Малоярославце

ру — велено наблюдать за неприятелем, подходя к нему как можно ближе.

Решение отступить к Детчину было совершенно правильно, так как оттуда до Медынской дороги вдвое ближе, чем от Малоярославца, и не было оснований думать, что Наполеон решился идти на Можайск, через места, лишённые всех средств для пополнения продовольствия и отдыха войск. Приблизившись к Медыни, Кутузов приобретал возможность опередить Наполеона у Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска.

Утром 14 (26) октября, когда армия Кутузова подходила к Детчину, Наполеон, в сопровождении гвардии, снова поехал из Городни к Малоярославцу. На полдороги ему привезли донесение об отступлении Кутузова. Наполеон спешился, приказал развести в поле костер и, сидя у огня, напряженно обдумывал план действий: 1) преследовать Кутузова, 2) идти на Юхнов и Ельню или 3) отступать по Смоленской дороге. Первые два способа решения вопроса обязательно вели к бою с армией Кутузова, победить которую мало было надежды; оставалось выбрать третье, рискуя, правда, обречь войска на голод и другие лишения.

Что-то произошло в душе великого полководца. Он, всегда искавший боя, теперь уклоняется от него! Два дня никак не может оценить своего положения и, наконец, решается идти на Смоленск через Можайск, когда он мог это же сделать 9 (12) октября, еще будучи в Фоминском¹.

Наполеон отдал следующие приказания: Даву с двумя дивизиями следить за отступающим Кутузовым, две другие дивизии оставить в Малоярославце и Городне в виде поддержки; с 1-м и 3-м кавалерийскими корпусами он составит арьергард армии и между девятью и десятью ночами двинется на Боровск; вице-королю в два часа пополудни выступить к Боровску. Эти распоряжения отданы в Городне; потом Наполеон уехал в Боровск и дал еще следующие распоряжения: Понятовскому отойти на Егорьевское; Нею, прибывшему в Боровск, вернуться в Верею; Мортье из Вереи идти в

¹ Решиться на отступление очень трудно, особенно тому, кто мнил себя сверхчеловеком и перед кем трепетал чуть ли не весь мир.

Можайск; дивизиям Клапареда и Роге, молодой гвардии, присоединиться к Мортье. Жюно, по прибытии Мортье в Можайск, отступать к Вязьме. Виктору предписано отправить в Дорогобуж все, что им раньше было отправлено в Ельню.

Таким образом, началось уже настоящее отступление французской армии, поведшее за собой уничтожение ее и низвержение могущества Наполеона!

С угнетенным чувством войска Наполеона тронулись обратный путь к Смоленску. Даву, оставленный у Малоярославца, прошел еще несколько верст вперед. Милорадович вскоре остановился, заметив, что за ним идет только авангард, а неприятельская армия отступила. С обеих сторон открыли безрезультатную канонаду, продолжавшуюся несколько часов, и затем Даву потянулся назад, к Малоярославцу, переправился за р. Лужу и расположился в пяти верстах за нею, на дороге к Городне. Милорадович двинулся за ним, занял Малоярославец и донес об этом Кутузову.

Достигнув Дегчина, Кутузов выслал Паскевича с 26-й дивизией, одним драгунским полком, батареейной и конной артиллерией к Полотняным Заводам, а оттуда на Медынскую дорогу; вместе с казачьими частями, действовавшими на этой дороге, ему было приказано удерживать за собой данную территорию. Предполагалось, что Наполеон от новой Калужской дороги может направить всю армию к Полотняным Заводам.

Едва Паскевич, перед рассветом 15 (27) октября, пошел к Медыни, как было получено донесение Милорадовича об отступлении неприятеля от Малоярославца к Боровску. Немедленно Кутузов отдал приказания: 1) Паскевичу торопиться занять Медынь, 2) армии перейти к Полотняным Заводам, 3) Милорадовичу фланговым маршем тоже двинуться на Медынь, оставив на новой Калужской дороге, для наблюдения за неприятелем, отряд Карпова из бригады пехоты, трех полков казаков и нескольких орудий.

15 (27) октября наша армия перешла к Полотняным Заводам; были получены донесения, что Наполеон потянулся к Верее и отправлял обозы на Смоленскую дорогу, но неизвестно было, куда пойдет Наполеон — на Можайск или на Медынь и Юхнов; в ожидании разъяснения обстановки и при-

соединения обозов армия наша у Полотняных Заводов простояла на дневке. Впрочем, вся легкая кавалерия — Платов, с 15 казачьими полками, и партизаны: князь Кудашев, Кайсаров, Сеславин, Ефремов и Фигнер — должны были теснить неприятеля и следить за его действиями. Графу Орлову-Денисову с шестью казачьими полками, подкрепленными 25-й дивизией Паскевича, приказано идти к Гжатску. Давыдову, находившемуся у Вязьмы, послано 2 казачьих полка на подкрепление. Со всех сторон партизаны извещали, что при отступлении французы взрывают зарядные и патронные ящики; а Платов собственноручно писал:

«По всему видно, что гордый и дерзкий неприятель... поколебался; теперь направил лыжи. Бог да поможет! Еще не то ему будет: по повелению его светлости, фельдмаршала нашего, и совсем побежит».

16 (28) октября Наполеон ночевал в Успенском. Здесь он узнал о движении Милорадовича и Кутузова на запад, к Смоленску, чтобы преградить ему путь к отступлению. Поэтому он решает двигаться как можно быстро, дабы опередить Кутузова¹.

17 (29) он был с гвардией и корпусом Жюно в Гжатске; по дороге, в Колоцком монастыре, он застал около 2000 раненых, которых приказал вести в обозе и даже в своих экипажах. В этот день Ней дошел до Колоцкого монастыря, вице-король — до Успенского, Даву был в Можайске. Таким образом, вся армия вытянулась по Смоленской дороге; ни о каких маневрах и не думали — лишь бы поскорее уходить. Было несколько дорог по сторонам, но Наполеон ими не воспользовался, а повел все корпуса по одной дороге, обрекая их на страшные лишения и потери, повлекшие за собой полное расстройство армии.

19 (31) октября Наполеон прибыл в Вязьму, где получил корреспонденцию из Парижа и донесения с тыла, что Полоцк и Брест-Литовск в руках русских и что их фланговые корпуса угрожают его сообщениям.

¹ В тот же день, 16 октября, в тылу Наполеона, адмирал Чичагов двинулся из окрестностей Пружан к Минску и к р. Березине, оставив Сакена против Шварценберга и Ренье, оттесненных за р. Буг.

21 октября (2 ноября) он прибыл с гвардией в Землево, впереди него были Жюно, вице-король и Понятовский в Федоровском, Даву за ними. Ней, прибывший в Вязьму накануне, получил приказание пропустить все корпуса и, вместо Даву, составить арьергард армии. Чтобы отбиваться от нападений казаков, войскам приказано идти на марше в сомкнутых каре, как это делалось в Египетском походе.

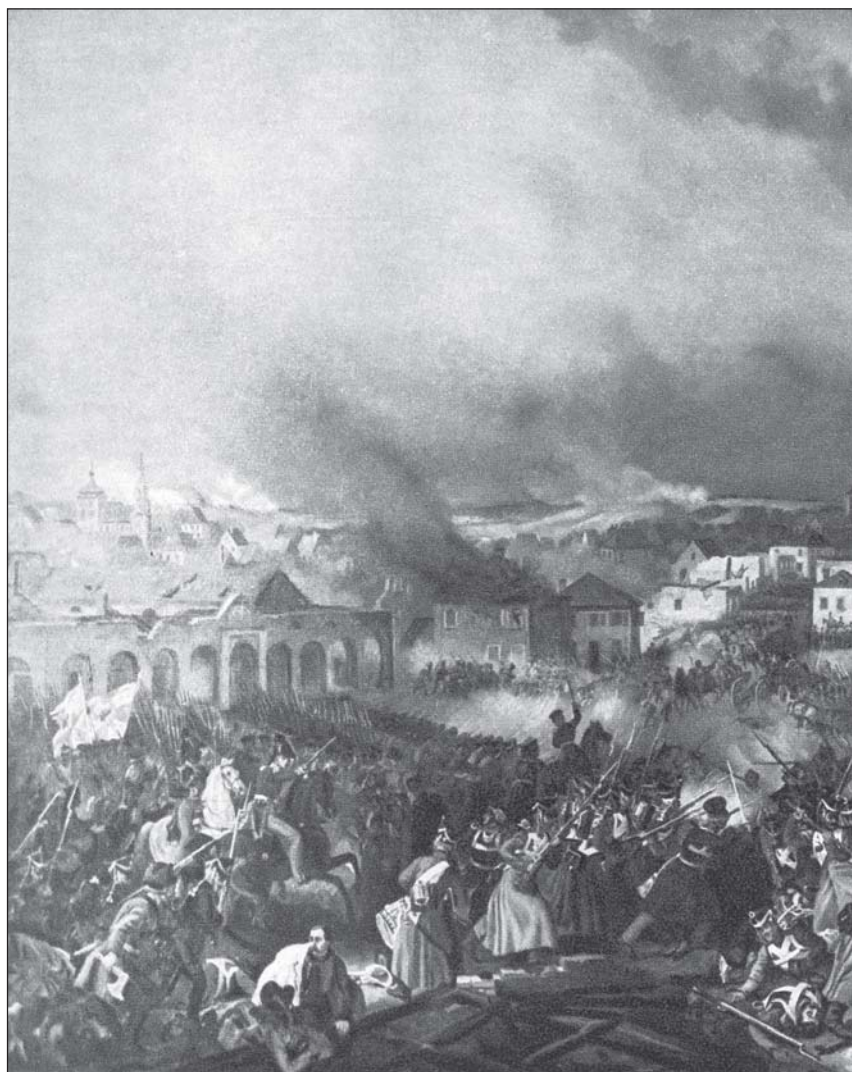
18 (30) октября Кутузов был в Кременском, а авангард Милорадовича (2-й и 4-й пехотные, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса) — у Егорьевского. Здесь были отданы следующие распоряжения: 1) Платову, усиленному дивизией Паскевича, преследовать французов с тыла; 2) армии идти к Вязьме через Кузово (прибыла туда 19-го), Сулейку (прибыла 20-го), Дубровну (прибыла 21-го) и Быково (прибыла 22-го); 3) авангарду Милорадовича двигаться в промежутке между Смоленской дорогой и главными силами на Никольское, Воронцово, Спасское (прибыл 21 октября), Федоровское; 4) партизанам с флангов делать набеги в тыл противника. Давыдов, Сеславин и Фигнер действовали с юга; Ефремов — с севера; вновь сформированный отряд генерал-адъютанта графа Ожаровского был послан на Ельню, прямо к Смоленску; севернее Смоленской дороги, от Москвы через Рузу и Сычевку, шел отряд генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова.

Бой при Вязьме. Движение Кутузова на Вязьму угрожало Наполеону быть отрезанным от Смоленска, но он шел быстро и в ночь на 22 октября (3 ноября) был уже в 30 верстах за Вязьмой по Смоленской дороге (за Землево). Не миновали еще Вязьмы корпуса вице-короля, Понятовского и Даву; они должны были пройти мимо Нея, бывшего в Вязьме и назначенного в арьергард армии. В то же время (в ночь на 22 октября) наши войска ночевали: Платов — на большой дороге позади Даву; Милорадович — у Спасского (в небольшом переходе от Вязьмы), Кутузов — у Дубровны (в 27 верстах от Вязьмы).

Видя заметное расстройство в войсках противника, Милорадович решил атаковать утром 22 октября (3 ноября) арьергард Даву, но вместо одного корпуса ему пришлось иметь

дело с четырьмя (Даву, вице-короля, Понятовского и Нея). Если бы Кутузов решительно поддержал Милорадовича, то под Вязьмой разразилась бы страшная катастрофа для Наполеона, но фельдмаршал ограничился только присылкой на поддержку 1-го кавалерийского корпуса Уварова. Впрочем, оправданием Кутузову служит то, что, находясь в 27 верстах от Вязьмы, он мог прибыть с частью сил только к ночи или даже ночью, когда противник уже отступил. Скорее можно винить Наполеона, что он не прибыл объединить действия своих войск, находившихся в критическом положении и под начальством четырех не подчиненных друг другу маршалов. Наполеон, напротив, уходил к Смоленску и был в 3 часа пополудни с гвардией у Славкова; Жюно — в Дорогобуже.

Сам бой под Вязьмой разыгрался так. Авангард Милорадовича на рассвете вышел за д. Максимовской на большую дорогу и преградил дорогу колонне Даву, выходящей из Федоровского, под напором теснивших с тыла казаков. Вице-король и Понятовский в это время уже шли к Вязьме. Казаки Платова насели на хвост колонны Даву и поставили его в критическое положение. Тогда корпус Понятовского и дивизии Дельзона и Брусье (корпус вице-короля) повернули назад, на поддержку Даву. К 10 часам утра подошла пехота авангарда Милорадовича, но Даву уже успел пройти за войсками вице-короля к Вязьме. Вице-король выстроил боевой порядок вправо от дороги, но был отброшен русской пехотой к д. Мясодовой; четыре маршала, обсудив положение, решили продолжать отступление. Около двух часов пополудни вице-король и Понятовский начали с боем отступление к Вязьме; Даву следовал с ними, но, под напором русских, его войска обратились в бегство; последним в Вязьме оставался Ней; он пропустил через город остальные отступавшие корпуса и наконец, под напором русских, атаковавших в 6 часов вечера город, очистил его и отступил за р. Вязьму, на которой успел уничтожить мост. Ночью французы продолжали отступление к Землеву. Наши войска заночевали около Вязьмы, объятай пламенем. Урон французов составил до 4000 убитыми и ранеными и более 2000 пленных; нами взято два знамени и три орудия; у нас выбыло 1800 человек.

Бой в Вязьме (с картины Гессе)

С этого времени беспорядок в отступающих французских войсках достиг полного предела; энергичному Милорадовичу, в течение десяти часов настойчиво атаковавшему неприятеля, превосходящего его числом, досталась славная честь довершить расстройство наполеоновской армии.

Положение Наполеона было крайне тяжелым: с одной стороны, он должен спешить к Смоленску, а с другой — был извещен о серьезном бое под Вязьмой; но он решил поскорее уходить и приказал Бертье: «Напишите герцогу Эльхингенскому [маршалу Нею], чтобы он, как только вступит в командование арьергардом, пропустил армию возможно скорее, потому что напрасно теряются остатки благоприятного времени для совершения марша. Князь Экмюльский [маршал Даву] пусть задерживает вице-короля и князя Понятовского при первом замеченном им нападении казаков».

На рассвете 23 октября (4 ноября) Наполеон получил донесение о том, что произошло под Вязьмой; он не знал еще подробностей боя, но уже сознавал необходимость осадить наступательный пыл русских, для чего предполагал собрать свои войска укрыто между Славковом и Дорогобужем и произвести неожиданное нападение. Поэтому он остался в этот день с гвардией в Славкове, а Жюно удержал в Дорогобуже. Вице-король, Понятовский и Даву были в окрестностях Землева; надо сказать, что разложение в их войсках становилось угрожающим. «Почти одна только итальянская королевская гвардия шла еще в должном порядке, остальные упали духом и изнеможены от усталости. Масса людей бредет в одиночку в страшном беспорядке и большей частью без оружия... Без преувеличения, по всей дороге плелись около 4000 человек от всех полков большой армии, и не было никакой возможности заставить их идти вместе»¹. 23 октября (4 ноября) в первый раз прошел снег, предвестник скорого приближения русской зимы, которую ожидали с ужасом.

24 октября (5 ноября) Наполеон, вместо предполагаемого им нападения на русских, продолжал отступление под постоянным напором казаков; армия его сосредоточилась под

¹ Ней — маршалу Бертье.

Дорогбужем. 25 октября (6 ноября) в Михайловке он получил донесение из Парижа о заговоре генерала Моле, который, основываясь на ложном известии о смерти Наполеона, решил ниспровергнуть его династию. Хотя заговор не таил в себе ничего опасного, но сам факт его возникновения заставил Наполеона с этого момента настойчиво думать о возвращении в Париж, чтобы закрепить свою власть. В тот же день он получил известие о поражении Виктора 19 (31) октября под Чашниками. Донесение было прислано из Сенно, находившегося всего в 45 верстах от пути общего отступления. Тотчас же Виктору сообщалось: «Его Величество предписывает немедленно сосредоточить ваши шесть дивизий, атаковать, отбросить неприятеля за Двину и занять Полоцк. Это движение крайне важно. Через несколько дней ваш тыл будет наводнен казаками; император и армия завтра будут в Смоленске, но сильно утомленные после безостановочного марша на 120 миль. Переходите в наступление, — от этого зависит спасение армий; промедление одного дня преступно. Кавалерия идет пешком, холод истребил всех лошадей. Двигайтесь вперед, это приказывают император и необходимость»¹.

Это предписание свидетельствует о действительном настроении полководца, которое он предпочитал скрывать от окружающих и даже, по непонятной причине, от Макдональда и Шварценберга.

Безостановочное движение усиленными переходами вконец ослабило армию Наполеона и расшатывало дисциплину. На каждом переходе от голода и усталости терялись тысячи людей. Лошади, не имеющие зимних подков, притом голодные, на малейшем пригорке выбивались из сил и падали. Брошенные повозки и орудия загромождали дорогу и замедляли движение войск. Войска питались только кониной и мясом собак, захваченных в сожженных селениях. Усталые люди, одетые кто в чем, безучастно брели, еле передвигая ноги; едва ли не половина солдат были не способны нести свое оружие. «Надо было иметь удивительное самооб-

¹ Бертье, Михайловка, 7 ноября.

ладание, чтобы не обращать внимания на эти ежедневные бедствия, чтобы не сойти с ума или, по крайней мере, не потерять всякую энергию»¹.

Наполеон прибыл в Смоленск 28 октября (9 ноября); он и его свита шли пешком, поскольку лошади, не подкованные на шипы, не могли двигаться по гололедице; мороз был –10 градусов. В течение четырех дней вся армия собралась в Смоленске и его окрестностях. Вице-король 25 октября (6 ноября) из Дорогобужа был двинут на Духовщину и Поречье к Витебску, чтобы поддержать Удино и Сен-Сира. Но Платов от Дорогобужа тоже свернул вправо, вслед за вице-королем, и настиг его корпус на переправе через р. Вопь. Уже по дороге французы вынуждены были бросить 60 орудий. Мосты на Вопи были снесены, и по реке шел лед; войскам пришлось переправляться вброд, бросив в добычу казакам все свои обозы. Подойдя к Духовщине, вице-король принужден был выбивать оттуда казаков, шедших в авангарде отряда генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова, но, будучи постоянно тревожим казаками, не имея кавалерии и артиллерии, вице-король отказался от движения к Витебску, а пошел на соединение с армией Наполеона к Смоленску, потеряв за эти дни около 6000 человек. Вице-король и Ней прибыли к Смоленску последними — 28 октября (9 ноября). Платов преследовал вице-короля неотступно до Смоленска.

В Смоленске у Наполеона собралось только 50 тысяч человек; за армией тянулась толпа безоружных, около 30 тысяч. Очевидец Лосберг пишет: «Прохождение их через город представляло печальное зрелище для настоящего и будущего. Перед нашими глазами шла армия в состоянии совершенного разложения».

Кутузов преследовал Наполеона, двигаясь на Гавриково, Белы, Холм, Ельню, Балтутино, Лапково; 1 (13) ноября он был в Щелканове, на дороге из Смоленска в Мстиславль; авангард Милорадовича 27 октября (8 ноября) сошел с большой дороги, в обход Смоленска, на Касокову, Алексеево, Ляхово, Сверчково и 1 (13) ноября был перед армией, в Чер-

¹ *Фон Лосберг*. Письма к моей семье. 9 ноября.

вонной. По большой дороге преследовала французов небольшая часть кавалерии. В день прибытия Наполеона в Смоленск, 28 октября (9 ноября), на Ельнинской дороге, у Ляхова, отряд генерала Ожро был окружен и частью истреблен партизанами Сеславиным, Давыдовым и Фигнером, частью сложил оружие.

В Смоленске, к которому бежала французская армия и где думала найти конец своим страданиям, вопреки ожиданиям, запасов было мало; выдали их только гвардии; остальные войска даже не вступали в город; солдаты самовольно разграбили жалкие остатки магазинов. О продолжительном пребывании в Смоленске, ввиду движения армии Кутузова на Ельню—Красный и успехов наших боковых корпусов, Наполеон и не помышлял и, как только подтянулись войска, пошел на Оршу.

31 октября (12 ноября) двинулись корпуса Жюно и Понятовского; 1 (13) ноября — дивизия Клапареда, утром 2 (14) — сам Наполеон с остальной гвардией; Даву оставался в Смоленске до прибытия вице-короля и Нея; вице-король должен был выступить 3 (15) ноября и Даву 4-го (16); Нею приказано тоже выступить 4 (16) ноября, а если русские не будут сильно теснить, то 5-го (17) числа, после взрыва городских стен. Если арьергард будет атакован, то его должен поддерживать Даву.

2 (14) ноября Наполеон был в Корытне. Обстановка напоминала Вязьму — армия Кутузова была всего в 30 верстах и могла бы поставить противника в безвыходное положение своими решительными действиями, но, во-первых, никому и в голову не могло прийти, в каком чудовищном состоянии находилась армия Наполеона, а во-вторых, во время этой страшной гонки по проселочным дорогам, занесенным глубоким снегом, и наша армия несла огромные потери. Выступив из Тарутина в числе 100 тысяч солдат, через три недели она насчитывала в своих рядах не более 50 тысяч, причем убыль в боях не превышала 10 тысяч. Дух армии был высок, но слишком велики материальные потери. Конечно, все отставшие, оправившись, потом вошли в ряды армии, у противника же нашего ситуация была иной, что со-

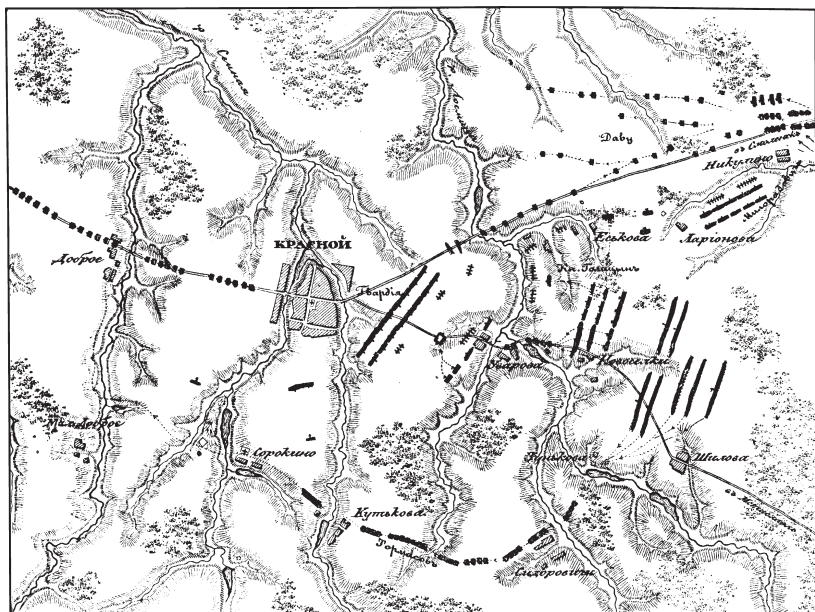
вершено верно предвидел Кутузов, говоря: «Все это развалится и без меня». Теперь, после свершившихся событий, критиковать легко. Но надо быть справедливыми: все-таки перед Кутузовым был величайший полководец, в течение 25 лет постоянно одерживавший победы; в трудную минуту его армия сумела бы проявить высочайшую энергию, преодолеть которую было бы нелегко.

Выступление армии Наполеона из Смоленска эшелонами давало возможность войскам на ночь становиться на квартирах, так как бивакирование зимой сделалось невозможным. 3 (15) ноября, при морозе -18 градусов, Наполеон двигался к Красному, когда у д. Ржавки, на Смоленской дороге, появился авангард Милорадовича; он ограничился только артиллерийским огнем, под которым пропустил в город Наполеона с гвардией, захватив 11 орудий и около 2000 пленных. Кутузов в этот день стоял у Юрова, в 30 верстах от Красного.

Бои под Красным 4—6 (16—18) ноября. В Красном базировались партизаны; один из этих отрядов пришлось выбивать из города дивизией Роге, молодой гвардии. 4 ноября Жюно и Понятовский прошли Красный, но Наполеон, узнав от пленных, что Кутузов находился лишь в расстоянии одного перехода, решил остаться с гвардией (15 тысяч) у Красного, чтобы облегчить отступление войск вице-короля, Даву и Нея. Это смелое решение великого полководца было основано на осторожности действий со стороны Кутузова в предыдущие дни.

4 ноября Кутузов подходил к Новоселкам и Шилову, а Милорадович занял позицию у Мерлина, около Смоленской дороги. В этот день должен был прибыть в Красный эшелон вице-короля; в 4 часа пополудни корпус этот, с огромными толпами безоружных, окруженный казаками, показался у Мерлина; он атаковал позицию Милорадовича, но был отбит. Тогда, пользуясь темнотой, вице-король двинулся вправо и с остатками своего корпуса пробрался в Красный, потеряв в бою 2000 человек и всю артиллерию (17 орудий). Наши потери составили 800 человек.

Сеславин донес, что Наполеон отступил к Лядам (на самом деле там были корпуса Жюно и Понятовского); тогда

План сражения при Красном 5 ноября

Кутузов, уступая настояниям Коновницына и Толя, согласился 5 ноября атаковать французские войска, бывшие у Красного, и отрезать им путь отступления на Оршу. Эта последняя задача была поручена Тормасову (5, 6 и 8-й пехотные корпуса и 1-я кирасирская дивизия), который от Новоселок должен был двинуться через Кутково к Доброму. Милорадович (2-й и 7-й пехотные, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса) должен был стать у Никулиной и Ларионовой и, пропустив неприятеля, атаковать его с тыла; князь Голицын (3-й пехотный корпус и 2-я кирасирская дивизия), прикрывая фланговый марш Тормасова, намерен был атаковать неприятеля с фланга, со стороны д. Уваровой; графу Остерману (4-й пехотный корпус) предписывалось выдвинуться из Кобызева к Корытне (на Смоленской дороге).

Оставив дивизию Клапареда в Красном, утром 5 ноября Наполеон вывел гвардию по Смоленской дороге и в 5 часов

утра атаковал д. Уварову, занятую войсками князя Голицына, чтобы заставить Кутузова притянуть к себе Милорадовича и этим открыть путь Даву, который, выступив в 3 часа утра, к полудню уже подходил к Красному (7500 человек и 15 орудий). Милорадович, пропустив Даву под огнем, начал теснить его к городу. Тогда Наполеон решил продолжать отступление, видя наше обходное движение, угрожавшее захватить путь на Оршу. Пришлось оставить Нея без поддержки.

Как только Кутузов узнал, что перед ним Наполеон и его главные силы, он отдал приказание Тормасову приостановить свое движение к Оршанской дороге, т. е. возвратился к своей основной идее — избегать решительных боевых столкновений с Наполеоном, предоставляя времени докончить свою разрушительную работу над французской армией.

Когда же выяснилось, что Наполеон начал отступать, Тормасову было послано приказание продолжать прерванное движение, но было уже поздно: двигаясь медленно по проселку и глубокому снегу, лишь в сумерки авангард колонны вышел к Доброму, где и отрезал арьергард Даву и обозы. В этот день нами было взято 6000 пленных и 45 орудий; наш урон не превышал 700 человек. Ней выступил из Смоленска в 2 часа утра 5 ноября всего с 6000 солдат и дошел до Корытни; за ним плелись 7000 безоружных; на следующий день он, около 3 часов пополудни, ничего не зная об общей обстановке, подходя к Лосминскому оврагу, неожиданно наткнулся на авангард Милорадовича, для которого появление войск со стороны Смоленска тоже было полной неожиданностью, так как думали, что вся армия Наполеона уже прошла Красный. Войска Милорадовича даже стояли тылом к Лосмине, поэтому начало атаки дивизии Рикара, шедшей в авангарде, даже было удачным, но после того как войска Милорадовича спешно стянулись, все атаки Нея были отбиты. Ночью Ней, отобрав 3000 способных сражаться, двинулся вправо от дороги, по течению ручья, в надежде, если он впадает в Днепр, переправиться через него и кружным путем, по правому берегу, достигнуть Орши. Пройдя Даниловку, он у Сырокоренья перешел через Днепр, едва подернутый тонким слоем

льда, и правым берегом пошел на Оршу. Несколько раз атакованный казаками Платова, шедшего также на Оршу правым берегом Днепра, Ней потерял большую часть своего отряда и 8 (20) ноября пришел в Оршу не более чем с 800 человек. Корпус Ней перестал существовать!

За четыре дня боев под Красным нами было взято 116 орудий (не считая 112, брошенных неприятелем), несколько орлов и жезл маршала Даву; пленных захвачено более 26 тысяч (в том числе семь генералов и 300 офицеров), убито и ранено до 6000; наш урон составил до 2000.

Фельдмаршал князь Кутузов получил за это сражение титул Смоленского, а атаман Платов возведен в графское достоинство.

Березинская операция

- План императора Александра I ♦ Переправа через Березину
- ♦ Уничтожение армии Наполеона ♦ 29-й бюллетень Наполеона
- ♦ Преследование нашими войсками остатков армии Наполеона

План императора Александра I. Еще до вступления Наполеона в Москву Александр I составил план, в котором предусматривалось запретить выход Наполеону из России. План этот был доставлен Кутузову в лагерь у Красной Пахры флигель-адъютантом полковником Чернышевым. Согласно этому плану, наши войска, находящиеся в тылу, по обе стороны пути наступления армии Наполеона, должны были опрокинуть оставленные перед ними заслоны и выйти на сообщения французской армии, преградив, таким образом, возможность отступления ее из России.

Это предполагалось достигнуть следующим образом: генерал Штейнгель с 15-тысячным войском, дислоцированным в Финляндии, по приходу в Ревель должен был двинуться к Риге и содействовать Витгенштейну, стоявшему у Полоцка за р. Дриссой, отеснить Макдональда и Сен-Сира, а потом расположиться в Вильне, в виде резерва Витгенштейна. Витгенштейну предписано овладеть Полоцком, отбросить Сен-Сира и Удино за Днепр и, поручив дальнейшее преследова-

ние их Штейнгелю, двинуться к Докшицам, занять течение Уллы и открыть сообщение с Чичаговым. Одновременно с этим Дунайской армии Чичагова, после соединения с 3-й армией, обойти левый фланг Шварценберга, отбросить его за Буг и, оставив против него заслоном 3-ю армию, направиться к Минску, усилиться корпусом Эртеля, стоявшим у Мозыря, и, собрав до 50 тысяч, занять течение р. Березины, войдя в связь с Витгенштейном. Сосредоточить все силы в тылу неприятеля император Александр предполагал в половине октября, но так как Чернышев, двигаясь по окольным путям к армии, потерял несколько дней, то Кутузов назначил это соединение на 20 октября¹.

Этот план был выполнен во всех деталях. 7 (19) ноября, прибыв в Дубровку, при отступлении от Красного, Наполеон получил донесение о взятии русскими Витебска, поражении Виктора, двинувшегося на поддержку Удино (сменившего раненого под Полоцком Сен-Сира), при Смоленцах (2 ноября), о занятии войсками Чичагова Минска 4 ноября и об отступлении Домбровского к Борисову.

После сражения под Красным, для преследования неприятеля, отступавшего на Оршу, Кутузов выслал отряды Бороzdина, графа Ожаровского и несколько партизанских. Тогда же составлен был новый авангард Ермолова из 12 батальонов пехоты и нескольких казачьих полков, предназначенный действовать совместно с Платовым, который шел на Катань и Оршу, чтобы воспрепятствовать Наполеону двинуться на Сенно для соединения с Виктором.

7 ноября Наполеон прибыл в Оршу; здесь он сделал несколько важных распоряжений: остатки его армии были перереформированы; выдан провиант, назначены пункты сбора безоружных в Орше, Баранах и Коханове; остатками двух понтонных парков усилена запряжка лошадьми артиллерии и сформированы шесть новых батарей для корпусов вице-короля и Даву, потерявших свою артиллерию. Кавалерия

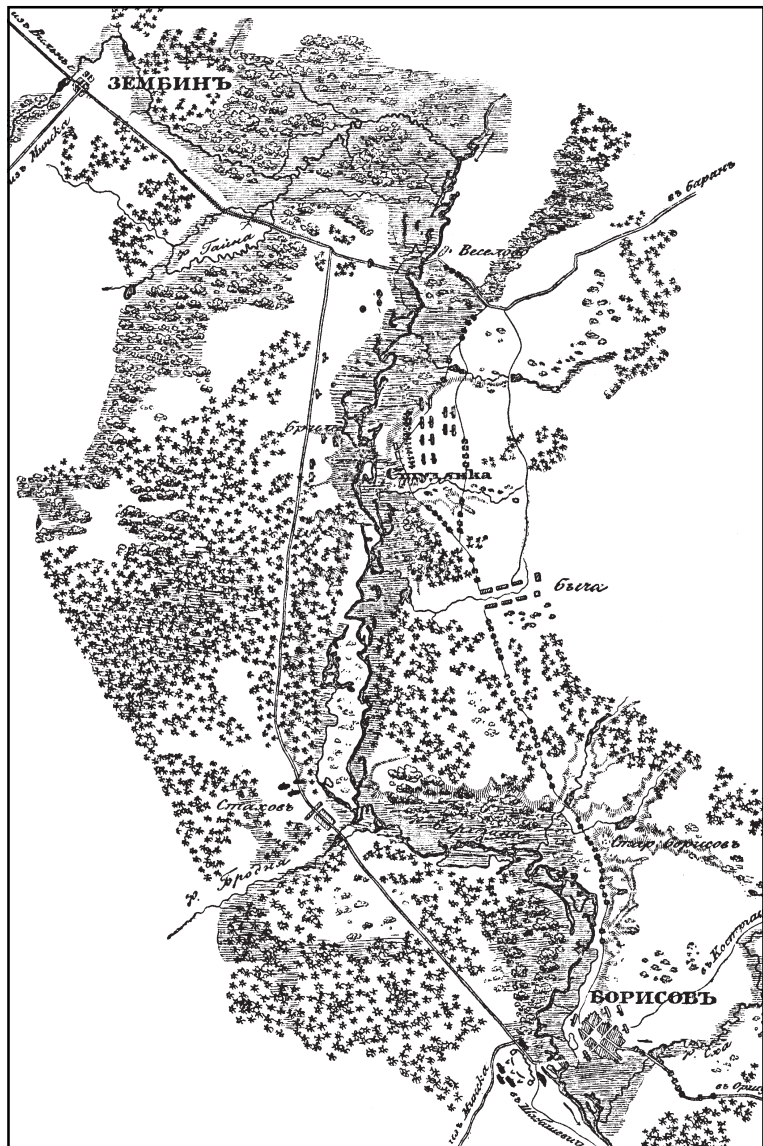
¹ Это масштабное наступление на сообщения армии Наполеона воспроизводит основную идею плана Фуля, не осуществленную в начале войны, но в конце концов приведшую к гибели французской армии.

почти полностью погибла: в корпусе Латур-Мобура было не более 200 коней, а гвардия, служившая конвоем императору, имела всего 1600 всадников. Из небольшого числа генералов и офицеров, сохранивших лошадей, сформирован священный эскадрон для личной охраны императора.

8-го Наполеон был в Баранах, где получил благоприятное известие, что маршалу Нею удалось избежать плена. После переправы через Березину Наполеон предполагал идти на Минск, но для этого необходимо было сохранить в своих руках Борисов. 9 ноября он достиг Коханова. Положение его в это время было следующее: в Толочине — Жюно (200 французов и 500 поляков), гвардия при императоре — 4800 пехотинцев и 1600 кавалеристов в Коханове; Домбровский накануне отступил к Борисову с 4000 солдат; здесь к нему присоединились гарнизоны Минска и Борисова (1500 человек), но на следующий день, 9 ноября, он был выбит авангардом Чичагова и с большими потерями отступил к с. Бобр; при присоединении гарнизона Могилева у него насчитывалось 8000 человек; Виктор с 11 тысячами был в Черее; в общем близ переправы у Наполеона сосредоточилось около 26 тысяч. У русских было: у Кутузова в Ланниках — 50 тысяч, в авангарде у Горян — 15 тысяч, у Витгенштейна возле Чашникова — 30 тысяч, у Чичагова в Борисове — 34 тысячи. Шварценберг с 35-тысячным войском оттеснил Сакена (25 тысяч) к Брест-Литовску и Черикову.

Находясь в Коханове, Наполеон стал склоняться к тому, чтобы переправиться в другом пункте, а если это окажется невозможным, то идти на Лепель¹. Действительно, с потерей Борисовского моста переправа затруднялась, так как продолвшаяся с 2 по 7 ноября оттепель сменилась морозом и по Березине шел лед. Ужасная весть о потере Борисова получена была Наполеоном у Толочина 10 ноября. Тотчас же он отдал приказание Удино, шедшему из Бобра к Борисову, овладеть Борисовским мостом, а если мост окажется уничтоженным, занять переправы ниже или выше Борисова, или на Зембин, или на Березино. Впрочем, изучив карту, он

¹ Бертье — Удино: 10 (22) ноября, полтретьего утра.

Район между Борисовом и Зембином

нашел брод у Веселова, и 11 ноября Удино было приказано навести там мосты и прикрыть их укреплениями; потом Наполеон с гвардией двинулся в Бобр.

Удино соединился с Домбровским и 11-го неожиданно атаковал у Лошницы авангард Палена, нанеся ему чувствительный урон; Чичагов приказал сжечь мост. Удино занял Борисов. Виктор дошел до Докшиц; Витгенштейн, находившейся с ним в соприкосновении, был в Черее. Кутузов достиг Морозова, его авангард переправился через Днепр в Копысе.

Ночью Наполеон узнал, что Борисов занят, мост уничтожен и что бригада кавалерии, посланная генералом Вреде, переправилась через Березину вброд у д. Студянки, а также о том, что Удино избрал этот пункт для наведения моста.

12 ноября, рано утром, Наполеон выслал к Удино генералов Шасслу и Эбле со всеми саперами, понтонерами и материалами для постройки мостов; из гарнизона Могилева, из поляков и остатков корпуса Нея он сформировал отряд, под начальством маршала, чтобы тот удерживал Бобр до прибытия туда Даву и вице-короля, а сам уехал в Лошницу.

Удино был в крайнем затруднении выбрать пункт переправы — у Студянки, Стахова или Ухолоды. Посланный на разведку к Студянке, генерал Обри доносил о крайней трудности построить там мосты. Решение вопроса затянулось до полуночи, в связи с чем Наполеон выразил свое недовольство: «Если вы не переправились сегодня ночью, то крайне необходимо, при настоящих условиях, совершить переправу сегодня днем». На поддержку Удино к Борису были двинуты две дивизии гвардии под начальством Мортье. Крайне недовольный действиями Виктора, Наполеон приказал ему двинуться на Кострицу и атаковать преграждающих путь русских. Вице-король и Даву должны были прибыть к Лошнице и Наче.

13 ноября в 2 часа пополудни Наполеон прибыл в Борисов, где получил донесение, что Виктор движется к Лошнице. Таким образом, путь к Студянке, где намеревался переправиться Наполеон, был открыт Витгенштейну.

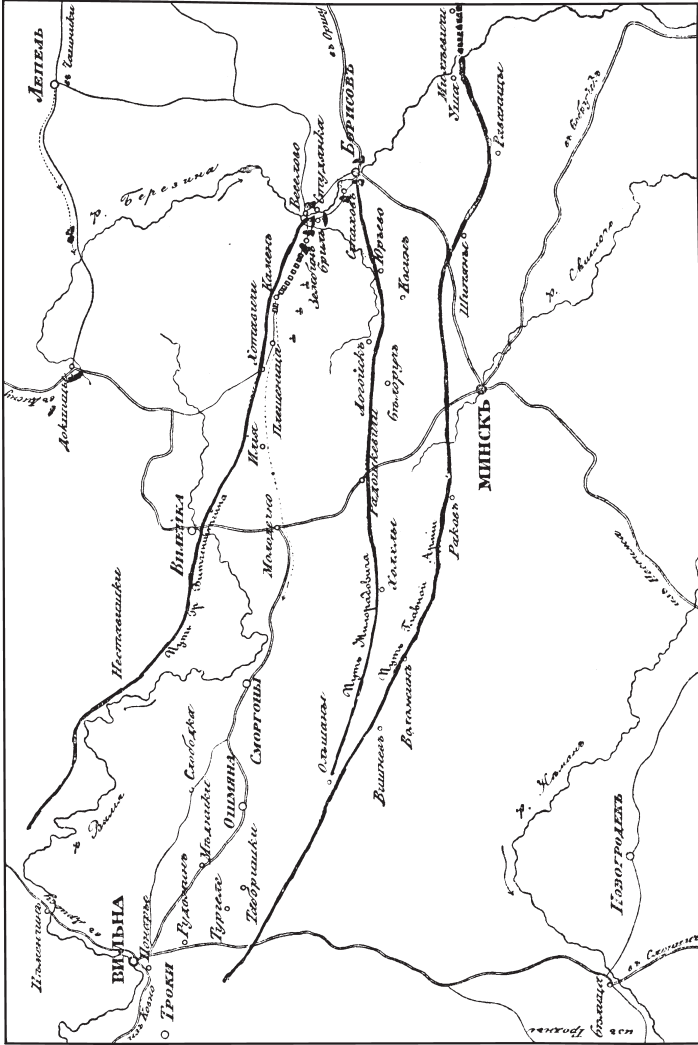
Наполеон, не скрывая своего раздражения, просил Виктора хотя бы удержаться у Ратутичи, чтобы дать армии прой-

ти к Борису. В 5 часов пополудни Шасслу и Эбле прибыли к Студянке; там ничего не было подготовлено; Удино прибыл к вечеру.

Положение сторон в это время было следующим: Наполеон прибыл в Старый Борисов, гвардия была в Борисове, Удино — в Студянке, Ней — между Лошницей и Ниманицей, вице-король — в Наче, Даву — между Начей и Крупками, Виктор — в Ратутичи, русские: Кутузов — еще в Копысе на Днепре, его авангард — в Толочине, Витгенштейн прибыл в Бараны; Чичагов, введенный в заблуждение демонстрациями у Борисова и Ухолоды, предположил, что французы намерены переправиться где-нибудь ниже Борисова, поэтому и потянулся с главными силами к Шебашевичам и Ухе, следя за Борисовом только авангардом Чаплица и оставив у Брили, против места наведения мостов, и у Веселова слабые отряды. Граф Платов теснил неприятеля с тыла, по большой дороге; отряд Ермолова следовал за ним в расстоянии небольшого перехода.

Таким образом, на счастье Наполеона, в пункте, где он готовился к переправе, мы имели только слабый отряд Корнилова в четыре батальона и 12 орудий.

Переправа через Березину. 14 (26) ноября, в 5 часов утра, Наполеон прибыл с гвардией к Студянке, и в 8 часов, под прикрытием 40 орудий и войск Удино, была начата постройка мостов на козлах. По Березине шел лед, но приходилось работать, стоя по грудь в воде. С берега Наполеон, окруженный генералами, и войска с радостью наблюдали на движении русских войск от места переправы к Борису. Мост был построен без единого выстрела. Первый мост, для пехоты и кавалерии, был окончен к часу с половиной пополудни, а второй, более прочный, для артиллерии и обозов, к четырем часам. Первым переправился Удино и отбросил к Стахову бывший здесь наш отряд, затем занял Зембин, открыв таким образом дорогу для дальнейшего отступления. Гвардия и Ней прибыли к Студянке, Виктор — в Борисов, оставив у Лошницы дивизию Партуно, который должен был составить арьергард; Даву тоже прибыл в Лошницу. С нашей

Карта действий от Березины к Вильно

Переход французской армии через Березину

стороны: Чичагов дошел от Стахова до Шебашевич, Витгенштейн — до Кострицы, Кутузов, переправившись через Днепр, дошел до Староселья; его авангард — в Молявке.

Наполеон ночевал в одном из домов Студянки. Всю ночь безостановочно переправлялись обозы по большому мосту, но два раза он ломался, и приходилось на время ремонта приостанавливать переправу. По другому мосту переправлялись войска Нея.

Утром 15-го прибыл в Студянку Виктор для прикрытия мостов; Партуно был направлен в Борисов. В час пополудни переправился через мост Наполеон с гвардией; вице-король и Даву прибыли в течение дня и переправились в ночь с 15 на 16 ноября. Наполеон ночевал в Санивках.

Витгенштейн, выступивший из Кострицы к Старо-Борисову, занял у этого пункта позицию с целью отрезать дивизию Партуно, который, действительно, двинувшись вечером из Борисова, был атакован превосходящими силами, окружен и взят в плен. Чичагов, будучи теперь уведомлен о месте переправы Наполеона, прибыл в Борисов, восстановил мост и установил связь с Витгенштейном; они решили на следующий день атаковать противника по обоим берегам Березины.

16 ноября, с 8 часов утра, Чичагов атакует последовательно Удино и Нея в Стаховском лесу; около 10 часов на противоположном берегу Витгенштейн вступил в бой с Виктором. С большими потерями французы все-таки удержались на позициях на обоих берегах реки, и в течение дня по мостам переправлялись беспорядочные массы безоружных. В 9 часов вечера начал переправляться Виктор, и к часу ночи на правом берегу сосредоточились все войсковые части; на левом берегу оставалось еще несколько тысяч безоружных.

17 ноября, в полдевятого утра, Эбле зажег мосты; через час они уже рухнули. «Тут завершилась судьба великой армии, заставлявшей трепетать Европу; она прекратила свое существование в воинском смысле; ей более не оставалось другого пути спасения, как бегство»¹.

¹ *Де Шамбре*. История Русского похода. Т. III. С. 71.

По данным французских историков, после переправы через Березину у Наполеона оставалось только 9000 солдат, да за армией плелось более 20 тысяч безоружных. В первый день переправы он располагал 36 тысячами, следовательно, его потери на Березине превысили 25 тысяч человек.

Таким образом, план императора Александра осуществился лишь отчасти: вместо того чтобы преградить путь Наполеону двумя армиями — Чичагова и Витгенштейна, на Березине оказался один Чичагов и не с 60 тысячами, а всего с 30-ю. Нельзя винить Чичагова за движение к Шибашевичам, так как предположение о возможности движения Наполеона на Минск, навстречу Шварценбергу и Ренье, имело веские основания, и мы знаем, что Наполеон некоторое время даже придерживался этого плана. Но за потерю времени, когда уже из донесений Чаплица он знал о начавшейся переправе у Студянки, вызванную медленным движением и остановкой у Борисова 15 ноября, и за посылку войск по частям в бою 16 ноября в Стаховском лесу — Чичагов оправдан быть не может. Витгенштейн не пошел к Студянке, куда был путь ему открыт, а двинулся к Борисову, всего вероятнее, из боязни столкнуться с Наполеоном и омрачить свой недавний успех, или из нежелания подчиняться старшему в чине, адмиралу Чичагову. Кутузов был последователен — и на Березине он держался тех же взглядов, что и под Вязьмой, и под Красным. Все-таки, в конце концов, вся тяжесть противодействия Наполеону на Березине легла на армию адмирала Чичагова.

Уничтожение армии Наполеона. Начавшиеся в дни Березинской переправы морозы вскоре достигли 25–30 градусов, что довело бедствия несчастных остатков армии Наполеона до невероятной катастрофы; по всей дороге тысячами лежали обезображенные трупы погибших от холода и голода. От ужасных страданий одни впадали в безумие, другие с неестественным равнодушием выносили неслыханные мучения и приближение гибели. Пленные и пушки уже не считались трофеями в нашей армии.

Наполеон ясно сознавал, что нет средств спасти армию; он решил, что «в таком положении его присутствие в Париже необходимо для Франции, для империи, для самой армии»¹.

23 ноября (5 декабря) вечером он прибыл в Сморгонь и собственноручно написал свой знаменитый 29-й бюллетень, помеченный им 3 декабря (21 ноября). Пригласив к столу всех маршалов, он наговорил им массу любезностей и первый раз в жизни обнимал и целовал их; вице-король, по его просьбе, зачитал злополучный бюллетень; затем Наполеон, сдав командование остатками армии Мюрату, распростился с удрученными своими сподвижниками и в 11 часов ночи, с Коленкурром, Дюроком, Лобау и Лефевром, тайно уехал от армии, обещая очень скоро привести 300-тысячное войско ей на поддержку.

29-й бюллетень Наполеона. В своем знаменитом 29-м бюллетене Наполеон впервые упоминает об отступлении армии, открыто признает некоторые ее неудачи, сожалеет о страданиях, выпавших на долю солдат, хотя и объясняет их главным образом суровостью зимы, и как великий подвиг превозносит переправу через Березину.

Вот некоторые, важные для истории войны, выдержки из бюллетеня:

«До 6 ноября погода была отличная, и движение армии производилось с полным успехом. Холод начался с 7-го числа; с этого момента каждую ночь мы теряли по несколько сотен лошадей, умиравших на биваках. До Смоленска мы потеряли много кавалерийских и артиллерийских лошадей.

...14, 15 и 16-го числа термометр показывал 16 и 18 градусов мороза. Дороги покрылись гололедицей; кавалерийские, артиллерийские и обозные лошади, в особенности лошади из Франции и Германии, гибли каждую ночь не сотнями, а тысячами. В несколько дней пало более тридцати тысяч лошадей; вся наша кавалерия спешена, артиллерия и обозы без запряжек. Пришлось бросить и уничтожить значительную часть наших орудий, запасы патронов и артиллерийских зарядов.

¹ Письмо А. Маре от 29 ноября. Зембинь.

Армия, бывшая в превосходном состоянии 6 ноября, уже 14-го совершенно изменилась, не имея ни кавалерии, ни артиллерии, ни обозов. Без кавалерии мы не могли разведывать и на четверть мили; не имея же артиллерии, мы не могли рискнуть на бой с надеждой дать сильный отпор противнику; приходилось уходить, чтобы не быть втянутым в бой, нежелательный ввиду недостатка боевых припасов; приходилось занимать известное пространство, чтобы не быть обойденным, и без кавалерии, которая могла бы разведывать и служить связью между колоннами. Эти затруднения, в связи с наступившими морозами, делали наше положение тягостным. Люди, от природы не закаленные к перенесению ударов судьбы и несчастий, потеряли энергию и веселое настроение духа и ничего не ждали, кроме неудач и катастроф; одаренные же от природы были веселы и держали себя как всегда, а в преодолении различных затруднений видели новый источник славы.

Неприятель, видя на дорогах следы ужасного положения, в котором находилась французская армия, решил этим воспользоваться. Он окружил все колонны казаками, которые захватывали, подобно арабам в степи, отставшие обозы и повозки. Эта негодная конница, способная только производить шум, но неспособная опрокинуть даже одной роты вольтижеров, при данных обстоятельствах сделалась страшной. Однако неприятель принужден был раскисаться, когда намеревался предпринять что-либо серьезное...»

После хвастливого описания событий последних дней Наполеон всячески превозносит доблестное поведение гвардии, посреди которой он шел на марше, окруженный своим штабом, и заканчивает бюллетень словами: «Его Величество совершенно здоров».

Злобные слова, отнесенные к нашим казакам, должны служить лучшим доказательством важности той роли, которую они сыграли при уничтожении армии Наполеона в Отечественную войну.

Инкогнито и почти безостановочно проскакав через Вильно, Варшаву и Дрезден в Париж, 18 декабря, в половине двенадцатого ночи, Наполеон прибыл в Тюильри.

Многие справедливо обвиняют Наполеона за его бегство, поскольку не были изысканы средства улучшить положение армии или, наконец, установить предел преследованию рус-

ских и попытаться собрать остатки войска. В корпусах Виктора, Даву и гвардии было еще до 12 тысяч способных нести оружие и около 40 тысяч несчастных, бежавших за армией. Если бы им дать небольшой отдых, месяца через два они снова стали бы полноценными солдатами; между Молодечно и Вильном к ним присоединились бы 6000 баварцев Вреде, а в Вильне — 9000 Луазона, затем — Франзески и Кутар с бригадами по 7000—8000 поляков и немцев; кроме того, несколько маршевых батальонов и эскадронов общей численностью около 4000 человек и 6000 литовцев; всего около 33 тысяч, которые, присоединившись к остаткам большой армии, составили бы ядро в 45 тысяч солдат, вполне способных к бою. К ним, через 7—8 дней, могли бы присоединиться 25 тысяч Шварценберга, 15 тысяч Ренье и 15 тысяч Макдональда. В тылу, в Кёнигсберге, находилась дивизия Геделе корпуса Ожро численностью 15 тысяч, столько же было в маршевых частях, и, кроме того, из Италии шел 18-тысячный корпус Гренье. Таким образом, Наполеон мог бы собрать 100-тысячную армию, из них 50 тысяч — в самой Вильне.

Русские имели почти столько же: Кутузов — 50 тысяч, Витгенштейн — 20 тысяч, Чичагов — тоже 20 тысяч, Сакен — около 10 тысяч. Следовательно, силы были почти равны, и если бы Наполеону удалось выиграть сражение под Вильном, то 30—40 тысяч безоружных быстро стали бы в ряды армии; можно было бы остановиться до прибытия подкреплений из Франции в богатой средствами Польше. В Вильне были большие запасы продовольствия, в Ковне — магазины с обмундированием и боевыми припасами. Следовательно, обстановка была далеко не безвыходная, особенно для такого мастера военного дела, как Наполеон; но боязнь потерять трон заставила его отодвинуть интересы армии на второй план и скакать в Тюильри для устройства личных дел.

На следующий день, 24 ноября (6 декабря), все оцепенели от ужаса, узнав об отъезде Наполеона, так как, по-видимому, исчезали последние надежды на лучшее. Известие это, конечно, поразило прежде всего тех, кто еще не потерял способности рассуждать, в массе же войск все чувства словно атрофировались. Люди почти машинально плелись вперед,

желая как-нибудь добраться до Вильна, где ожидали найти продовольствие, кров для долгожданного отдыха и свежие войска, способные приостановить преследование русских. С каждым днем марш становился все труднее и труднее. Мороз достигал 30 градусов. Лошади почти все пали; люди сотнями замерзали на дороге. Солдаты шли скученно, прижимаясь от холода один к другому, безоружные вперемежку с вооруженными, в оцепенелой тишине. Ослабевшие от холода и голода, они сперва теряли зрение, потом слух, затем способность двигаться. На упавших под ноги тем, кто шел сзади, не обращали внимания. Самые сильные сегодня, на завтра делались самыми слабыми, и каждый день забирал новые жертвы, среди которых были и пораженные гангреной из-за неосторожного обогрева у бивачных костров обмороженных членов.

Причиной бедствий солдат, кроме всего прочего, было и то, что, спешно уезжая от армии, Наполеон не сделал распоряжений относительно сосредоточения войск, выдачи довольствия и отступления к Неману при невозможности оставаться в Вильне.

Преследование нашими войсками остатков армии Наполеона. Русские армии при дальнейшем преследовании бегущих войск Наполеона старались отрезать их от фланговых корпусов — Макдональда, Шварценберга и Ренье; поэтому непосредственное преследование остатков большой армии было поручено легким отрядам Ланского и Орлова-Денисова. За ними шла армия Чичагова. Войска Витгенштейна двинулись правее ее, на Вилейку, а главная армия — левее, на Ольшаны.

Между тем на поддержку отступающей французской армии была двинута из Вильна в Ошмяны дивизия Луазона, которая, сделав до Ошмян всего два перехода, насчитывала в рядах своих уже только 3000 человек, а потому не могла оказать сопротивления авангарду армии Чичагова, хотя и усилена была остатками баварского корпуса Вреде (все эти войска вместе составили арьергард под общим начальством Нея). Остатки наполеоновской армии, достигшие Вильна, не превышали 4300 человек.

Отступление французской армии из России

28 ноября (10 декабря) русские войска заняли Вильно, где захватили 40 орудий, более 14 тысяч человек и обширные склады запасов; 29-го прибыли в Вильно и главные силы армии Чичагова.

В Вильне Кутузов решил остановить главные силы и дальнейшее преследование бегущих французов поручить авангардам армий Чичагова и Витгенштейна. Такое решение он основывал на том: 1) что наша армия понесла также значительные потери и требовала восстановления сил и 2) что цель войны — изгнание врага из России — достигнута¹.

Император Александр смотрел на войну и ее цель иначе; он полагал, что мир будет достигнут только при полном ниспровержении власти Наполеона, и, кроме того, считал, что России предназначено быть избавительницей Европы от его ига. Сделав распоряжение о пополнении убыли в наших войсках и об оставлении в Вильне наиболее расстроженных частей, он приказал безостановочно преследовать неприятеля, даже за пределами наших границ.

Между тем Мюрат, не успев даже раздать запасы своим войскам в Вильне, вынужден был бежать к Неману, преследуемый казаками Платова. 1 (13) декабря Мюрат перешел Неман в Ковне, а в городе оставил только около 1000 человек под начальством Нея. 2 декабря доблестный маршал с удивительным упорством держался в укреплениях до тех пор, пока казаки не обошли его, перейдя Неман по льду.

Из 380 тысяч главных сил французской армии (вместе с прибывшими к ней подкреплениями) через полгода войны возвратились обратно за границу с оружием в руках только 1000 (400 солдат старой гвардии и 600 гвардейской кавалерии) с девятью орудиями и около 20 тысяч безоружных.

Достигнув границы, армия Чичагова расположилась по квартирам в окрестностях Прен. Главная армия — между Вилькомиром и Воложином. Витгенштейну, двинутому на Ковну к Гумбинену, приказано отрезать Макдональда, преследуемого Рижским гарнизоном. Для действий против Шварценберга и Ренье, на усиление Сакена, двинут от Мин-

¹ Донесение об этом было послано Кутузовым 25 ноября.

ска к Слониму Дохтуров и авангард Васильчикова направлен к Белостоку.

Наполеон скрывал от фланговых корпусов бедственное положение Главной армии — и только после Березины он сообщил Шварценбергу, что, разбив русских, идет к Вильно, приглашая его сблизиться с ним посредством движения к Верхнему Неману. Только 27 ноября (9 декабря) Мюрат послал из Вильна, от имени Наполеона, Шварценбергу приказание двинуться к Белостоку для прикрытия Варшавского герцогства, а Макдональду — отойти к Тильзиту для защиты Кёнигсберга и Данцига.

10 (22) января Шварценберг, по повелению императора Франца, очистил герцогство Варшавское, а 27 января (8 февраля) наши войска заняли Варшаву.

Во время отступления Макдональда к границе генерал Йорк, командовавший прусскими войсками, 18 (30) декабря, у Пошерауской мельницы, заключил с нами конвенцию, в силу которой прусские войска отделились от войск Макдональда.

В половине декабря ни одного вооруженного врага не оставалось в России.

Кутузов полагал, что после похода 1812 г. Наполеон для России не опасен и что следует поберечь силы французского полководца для отпора англичан, которые стремятся захватить его наследство в ущерб России и других континентальных держав. Все помыслы фельдмаршала клонились только к спасению отечества, а не Европы, как того желали англичане и немецкие патриоты, свыкшиеся с мыслью смотреть на Россию как на удобное средство для достижения и упрочения своих политических целей.

Отдав известные нам распоряжения и не рассчитывая на исполнительность Кутузова, император Александр признал необходимым лично отправиться к армии. 11 (23) декабря он прибыл в Вильно, наградил Кутузова орденом св. Георгия 1-й степени и на следующий день собравшимся во дворец генералам сказал: «Вы спасли не одну Россию; вы спасли Европу». Здесь впервые была высказана публично тайная дума государя. Не внимая ни доводам фельдмаршала Кутузова, ни голосу общественного мнения в России, которое

было против заграничной войны, император Александр не изменил принятого им решения.

25 декабря 1812 г. (6 января 1813 г.), в день Рождества Христова, манифестом было возведено России о благополучном окончании Отечественной войны, а через три дня, 28 декабря 1812 г. (9 января 1813 г.) главные силы выступили из Вильна, направляясь к Меречу на Немане; при них находились император Александр и Кутузов. Начиналась война за освобождение Германии!

Характеристики главных деятелей войны

Император Александр I ♦ Генерал-фельдмаршал М. И. Кутузов

♦ М. Б. Барклай-де-Толли ♦ П. И. Багратион ♦ Д. С. Дохтуров

♦ Н. И. Раевский ♦ П. П. Коновницын ♦ А. П. Ермолов

♦ Д. П. Неверовский ♦ Д. В. Давыдов ♦ А. С. Фигнер ♦ А. Н. Сеславин

Император Александр I (1777—1825). Влияние императора Александра на события Отечественной войны было большим; с истинным величием нес он со своим народом тяжелый крест и приносил личные жертвы. Любя военное дело и желая вместе с войсками переживать все тяготы и лишения военного времени, конечно, далеко не с надеждами на дешевые лавры, он уступает настояниям своих приближенных и уезжает из армии — это великое самопожертвование! Другая его жертва — назначение главнокомандующим М. И. Кутузова, на которого указывало общественное мнение, но к которому государь расположен не был; внутренний голос подсказывал ему, что Кутузов расходится с ним в основных взглядах на цель войны, что и вынудило его, после изгнания Наполеона из России, снова приехать в армию.

Несмотря на тяжкие условия, в которых велась война, несмотря даже на потерю Москвы, император Александр не принимает соблазнительные предложения мира и твердо стоит на решении не заключать его, пока хоть один неприятельский солдат будет в пределах России.

Твердость и верный взгляд императора Александра выразились в проведении им принятого плана обороны — от-

ступая внутрь страны, действиями на тыл армии противника ослабить его и затем уже приступить к уничтожению. И эту мысль он твердо проводит в течение всей войны, постоянно требуя подобных действий вначале от 1-й и 2-й армий, а после соединения их — от Тормасова и Витгенштейна, а в конце она выразилась в грандиозном плане захвата сообщений армии Наполеона всеми оставленными в тылу и на фланге русскими войсками. Хотя вышло не вполне так, как желал государь, но цель его была твердо поставлена и ясно выражена.

В оценке последнего решения императора Александра, считавшего, что для обеспечения прочного мира необходимо уничтожить власть Наполеона, для чего перенести борьбу с ним в Европу и даже в Париж, многие расходятся. Но надо признать, что никто не может доказать, будто бы противники взгляда императора Александра смотрели на исторические события правильнее, чем он. Судьба народов в руках Божьих, и верная разгадка ее поворотов — не удел человечества.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, генерал-фельдмаршал, светлейший князь Смоленский (1745—1813). Кутузов, подобно Суворову, был одним из замечательных русских людей. Имея обширное образование, он обладал красноречием и способностью господствовать над умами. «Его даже Рибас¹ не обманет», — говорил Суворов про своего любимца — Кутузова. Всегда веселый, общительный, он отличался удивительным хладнокровием в самых трудных положениях. Строгий расчет и выдержка были его отличительными чертами. Он умел говорить с солдатом и, подобно Суворову, зная, что парадная мишура и внешний блеск не по сердцу русскому простолюдину, он, будучи уже главнокомандующим, являлся перед войсками на маленькой казачьей лошади, в старом сюртуке без эполет, в фуражке и с нагайкой через плечо.

¹ Хосе де Рибас (Осип Михайлович Дерибас; 1749—1800) — русский адмирал, руководитель строительства порта и г. Одессы.

В 14 лет, окончив курс артиллерийского и инженерного корпуса, он вышел на службу капралом артиллерии, потом был кондуктором в инженерном корпусе и в 16 лет произведен в офицеры. Судьба бросала его из штаба в строй и обратно; он служил и в армии Румянцева, и под начальством Потемкина и Суворова; при штурме Измаила «он командовал левым крылом, но был моей правой рукой», — говорил Суворов про Кутузова; за штурм Измаила он был награжден орденом св. Георгия 3-й степени, а за сражение под Мачином в том же году — орденом св. Георгия 2-й степени. Он неоднократно исполнял дипломатические поручения, был директором Сухопутного шляхетского корпуса, занимал высокие административные посты (военных губернаторов и инспектора войск при императоре Павле), наконец, в 1805 г. был назначен главнокомандующим русской армии, посланной на помощь Австрии. Блестящее начало кампании и победы под Дюрренштейном и Шёнграбеном выказали полководческое дарование Кутузова, но поражение под Аустерлицем вызвало обвинения в том, что он недостаточно энергично возражал против плана Аустерлицкой операции, неблагоприятный исход которой предвидел. С этих пор личность Кутузова была как бы постоянным укором и напоминанием императору Александру о свершившейся катастрофе, и потому он систематически избегал давать Кутузову какие бы то ни было ответственные поручения.

До 1808 г. Кутузов был военным губернатором Киева; в том году его послали на помощь престарелому князю Прозоровскому, воевавшему с турками, но скоро опять вернули и дали должность Виленского военного губернатора. Между тем назревала борьба с Наполеоном, а война с Турцией еще не окончилась. Тогда император Александр вверил Кутузову Дунайскую армию. И свершилось чудо: Кутузов очищает Рушук, взятие которого стоило нам многих неудач и больших жертв, выманивает часть армии визиря на левый берег Дуная, окружает ее, а потом, чтобы окончательно изморить турок в лагере, неожиданно переправляет часть своих сил на правый берег Дуная, уничтожает турецкий отряд, прикрывавший Рушук, занимает крепость снова и начинает

крепостными орудиями громить лагерь визиря на левом берегу. Визирь уехал от армии, бывшей в самом отчаянном положении, без продовольствия и дров. Начались переговоры о мире, затянувшиеся вначале из-за вмешательства Наполеона и Австрии, но 11 июня, накануне перехода Наполеоном нашей границы у Ковна, Бухарестский мир был ратифицирован императором Александром I. Условия мира были крайне для нас благоприятны, но государь был недоволен продолжительностью переговоров и, отозвав Кутузова, назначил командующим Дунайской армией адмирала Чичагова, который прибыл в Бухарест, когда уже главные условия договора были подписаны.

Кутузов, возведенный в графское достоинство, вернувшись в Россию, намеревался поселиться в деревне, но через две недели выехал в Петербург для формирования Петербургского ополчения, начальником которого был избран единогласно. Между тем война 1812 г. началась, и когда стал вопрос о назначении главнокомандующего над всеми армиями, комиссия из высших государственных сановников единогласно высказалась за назначение графа М. И. Голенищева-Кутузова. Император Александр, как известно, не доверял ни высоким военным способностям, ни личным свойствам Кутузова. Вверяя ему судьбу России, государь превозмог в себе предубеждение против него и сделал уступку общественному мнению. Глас народный на этот раз оказался гласом Божьим. Назначение Кутузова, возведенного еще ранее, а именно 29 июля, в княжеское достоинство с титулом светлости, было встречено с восторгом во всей России. Наполеон, узнав о назначении Кутузова, сказал про него, что это «*le vieux genard du Nord*»¹. «Постараюсь доказать великому полководцу, что он прав», — заметил Кутузов, когда ему сделался известен этот отзыв.

Излагая события войны 1812 г., мы уже говорили о мастерском ведении Кутузовым сражения под Бородином, о его твердом решении оставить Москву, принятом на военном совете в Филях, и о неуклонном следовании избранной так-

¹ Старая лисица Севера.

тики обороны — уклонении по возможности от боя и изматывании противника нападениями на тыл партизанами при содействии голода. Подобное решение и подобный образ действий мог провести в жизнь только избранник народа, М. И. Кутузов, на которого народ возлагал свои надежды, считая только одного его способным спасти Россию. Ретроспективно легко судить о свершившемся, но проникнуть в смысл великого исторического действия, находясь в водовороте событий, как это сделал великий старик полководец, — это удел гения и носителя истинного патриотического чувства. «Только признание в нем этого чувства заставило народ такими странными путями его, в немилости находящегося старика, выбрать против воли царя в представители народной войны», — писал Л. Н. Толстой в «Войне и мире».

Свершилось нечто неслыханное, небывалое: великий полководец Наполеон, с армией, втрое сильнее русской, превосходной во всех смыслах, предводительствуемой талантливейшими генералами, с армией, до того выигрывавшей все сражения, должен был бежать, бросая орудия, знамена, казну, обозы и, наконец, своих солдат на произвол судьбы. И все это подготовлено и разработано Кутузовым. Россия следовала мысленно за своим избранником, сперва с надеждами, потом с благодарностью, благословениями, а в декабре приветствовала его как спасителя Отечества! Император Александр пожаловал ему титул князя Смоленского и орден св. Георгия 1-й степени.

Вынужденный подчиниться воле императора, пожелавшего продолжения войны во благо освобождения Европы от ига Наполеона, в конце 1812 г. Кутузов выступил за границу, дошел до Эльбы и скончался в городке Бунцлау 16 апреля 1813 г. Прусский король поставил ему в Бунцлау памятник с надписью: «До сих мест князь Кутузов-Смоленский довел победоносные российские войска; но здесь смерть положила предел славным дням его. Он спас отечество свое и отверз путь к избавлению Европы. Да будет благословенна память героя!» По приказанию государя, Кутузов похоронен в Казанском соборе, а на площади перед собором поставлен ему памятник.

Князь Михаил Богданович Барклай-де-Толли (1761—1818). Военный министр с 1810 г. и командующий 1-й Западной армией в 1812 г., с 17-летнего возраста служил он в войсках и на штабных должностях, участвовал почти во всех войнах славной екатерининской эпохи и против Наполеона в кампаниях 1805, 1806/07 г. За особые заслуги в сражении под Пултуском был награжден орденом св. Георгия 3-й степени. Участвовал в Финляндской войне 1808/09 г., причем 7—9 марта 1809 г. совершил знаменитый переход по льду через Кваркен и завладел на шведском берегу г. Умео. В должности военного министра он сделал многое в области организации войск и укрепления материальной части армии, и ему же обязаны мы разработкой «Учреждения для управления большой действующей армией». Отличный работник, серьезно подходивший к делу, хорошо знавший военное искусство, честный, не бьющий на эффект, но несколько холодноватый в обращении, чем порой отталкивал от себя людей, Барклай-де-Толли был незаменим в командовании армией, особенно в трудных условиях начала войны 1812 г. Его мастерски проведенное отступление к Витебску и Смоленску и действия под Смоленском представляют высокий образец военного искусства, а также личного самообладания и выдержки. Он отлично понимал и проводил в жизнь систему оборонительной войны и только под давлением общественного мнения и настроения в армии, подобно Кутузову, решился дать Наполеону сражение при Царевом Займище. Приезд Кутузова вывел его из тяжелого компромисса между собственным видением ситуации и горькой необходимостью дать сражение, несвоевременность которого была для него очевидна. За доблесть, проявленную в сражении под Бородином, Барклай был награжден орденом св. Георгия 2-й степени. На военном совете в Филях он подал голос за оставление Москвы без боя. Из Тарутинского лагеря он выехал по болезни.

Россия обязана Барклаю-де-Толли, наравне с Кутузовым, своим спасением в 1812 г.: один начал войну, а другой ее кончил; но тактика ведения войны, как в начале ее, так и в конце, оставалась без изменений. Конечно, Барклаю-де-Толли,

человеку с очень замкнутым характером, снискать популярность в солдатской среде было труднее, чем избраннику народа — Кутузову; но великолепный памятник, поставленный ему рядом с Кутузовым перед Казанским собором, есть достойная награда этому доблестному защитнику России в 1812 г.

Князь Петр Иванович Багратион (1765—1812), генерал от инфантерии. Происходил из древнего грузинского рода; в 17 лет поступил на службу; участвовал в осаде и взятии Очакова, а потом в знаменитом походе Суворова в Польшу в 1794 г., где обратил на себя внимание героя-полководца. В 1799 г. в Суворовском походе в Италию командовал авангардом, отличился во многих делах и в сражении при Нови; в Швейцарском походе снова командовал авангардом, а при отступлении — арьергардом.

В кампании 1805 г. он снова командует авангардом армии Кутузова, а при отступлении — арьергардом; обессмертил свое имя доблестью в боях при Шёнграбене и под Аустерлицем; произведен в генерал-лейтенанты с вручением ордена св. Георгия 2-й степени и командорского креста Марии Терезии. Отличился в ходе кампании 1806/07 г., а также в шведской войне 1808/09 г. В должности главнокомандующего армии действовал против турок в 1809 г., за что награжден орденом св. Андрея Первозванного. В 1812 г. в качестве командующего 2-й Западной армией выказал высочайшее военное искусство при отступлении от Волковиска к Смоленску и покрыл себя бессмертной славой за героическую оборону под Бородином левого фланга нашей позиции и флешей у Семеновской, названных «Багратионовыми флешами». Здесь он был тяжело ранен осколком гранаты в бедро, но долго не покидал поля сражения, управляя боем, пока не потерял сознания. От полученной раны 12 сентября скончался и был похоронен в церковной ограде, в с. Симах, Александровского уезда, Владимирской губернии; при открытии монумента на Бородинском поле в 1839 г. прах его, по высочайшему повелению, был перенесен к подножию монумента, где и покоится в настоящее время.

Любимец Суворова, князь Багратион отличался удивительной храбростью, спокойствием и невозмутимостью в самых трудных положениях. Высшие тактические соображения войны ему не вполне были доступны, но это был лев, не отступавший перед опасностью и не знавший страха. Ему претила тактика отступлений, и хотя он подчинился приказу Барклая-де-Толли, но не понимал его способа ведения войны и постоянно обвинял своего товарища-начальника в нерешительности. Кутузов высоко ценил Багратиона как доблестного бойца и был удручен известием о его ранении и смерти в Бородинском сражении. Имя князя Багратиона, озадавленное блеском воинской славы, сохранится вовек.

Дмитрий Сергеевич Дохтуров (1756—1816), генерал от инфантерии. Начал службу пажом при дворе, а в 1781 г. произведен в поручики Лейб-гвардии Семеновского полка; в Финляндии в 1789 и 1790 г. дважды ранен и получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». В войну 1805 г. за сражение при Дюрренштейне получил орден св. Георгия 3-й степени; под Аустерлицем, командуя 1-й колонной на левом крыле, отличился необыкновенной храбростью и распорядительностью, совершив на поле сражения маневр, который удивил даже Наполеона. В войне 1806/07 г. был контужен под Прёйсиш-Эйлау и ранен под Гейльсбергом, но в обоих случаях не оставил поля битвы. Проявил замечательную неустрашимость в сражении под Фридландом. В 1812 г. генерал от инфантерии Дохтуров командовал 6-м корпусом и в самом начале войны произвел, вместе с 3-м кавалерийским корпусом, стремительный переход к Ошмянам, преодолевая в жару по 60 верст в день. Под Смоленском, слабый после перенесенной горячки, Дохтуров с корпусом выдерживает энергичные атаки всей армии Наполеона, в течение дня не сходит с коня, объезжая ряды и воодушевляя своим примером войска. Когда накануне сражения Барклай-де-Толли послал справиться, может ли Дохтуров участвовать в бою, тот приказал ответить: «Если умирать, так уж лучше на поле славы, чем на кровати!» За доблесть, проявленную под Смоленском, император пожаловал Дохтурову 25 тысяч рублей. В трудную минуту Бородин-

Генерал от инфантерии
Д. С. Дохтуров

ского сражения, когда Багратион и его начальник штаба граф Сен-При были ранены, Кутузов посылает Дохтурова восстановить порядок, не давая ему подкреплений, и Дохтуров оправдывает надежды светлейшего князя: все усилия французов оттеснить нас оказались напрасны. «Потеряв множество убитыми, французы в 7 часов вечера начали отступать; это я видел своими глазами. Я полагал Бородинское сражение совершенно выигранным», — пишет Дохтуров. На военном совете в Филях

Дохтуров высказался за сражение под Москвой. Когда обозначилось движение французской армии из Москвы, по старой Калужской дороге, Дохтуров с Ермоловым были посланы, чтобы выяснить обстановку и преградить путь неприятелю. Решающую роль сыграл Дохтуров и в бою под Малоярославцем. «Наполеон хочет пробиться: он не успеет или пройдет по моему трупу», — сказал Дохтуров и сдержал натиск до прихода армии Кутузова. За сражение при Малоярославце Дохтуров награжден орденом св. Георгия 2-й степени.

Скромный, невысокого роста, Дохтуров проявил себя доблестным воином, свято исполнявшим свой долг, необыкновенно добросердечным начальником, исполненным истинного благородства человеком.

Много страдая от полученных ран, он умер в 1816 г., и весть о его смерти была воспринята боевыми соратниками и государем с глубоким сожалением.

Николай Николаевич Раевский (1771—1839), генерал от кавалерии. Двоюродный внук фельдмаршала князя Потем-

кина, Раевский с 15 лет поступил на военную службу, в кавалерию, где сразу выказал большие способности. Под Бендерами был первый его боевой опыт, а в конце турецкой войны он был уже подполковником; в польской войне получил ордена св. Георгия и св. Владимира 4-й степени. Переведенный на Кавказ командиром Нижегородского драгунского полка, он положил начало его славы, окончательно утвердившейся в войнах против Турции и Персии под командованием его сына. В царствование императора Павла Раевский был в отставке, а при Александре I снова принят на службу в чине генерал-майора, но по домашним обстоятельствам снова вышел в отставку. В 1806 г., во время войны с Пруссией, Раевский опять поступил на службу и командовал авангардом армии князя Багратиона, который очень полюбил его. За доблесть, проявленную в войнах в Финляндии и за Дунаем, Раевский произведен в генерал-лейтенанты и награжден боевыми отличиями. В 1812 г. был назначен командиром 7-го корпуса в армию Багратиона. При отступлении к Смоленску энергично вел бой при Салтановке; при Смоленске первым поддержал отступавшего из-под Красного Неверовского; в сражении под Бородином его корпус несколько раз отбивал атаки на центральную батарею, впоследствии названную историками батареей Раевского. Корпус его со славой бился под Малоярославцем и Красным.

Граф Петр Петрович Коновницын (1766—1822), генерал от инфантерии, генерал-адъютант Александра I. Получил домашнее образование. Начал службу с 1785 г. в Лейб-гвардии Семеновском полку. Участвовал в шведской войне 1788—1790 гг., в Польскую войну командовал Ставропольским полком. За битвы под Хельмом и Слонимом получил орден св. Георгия 4-й степени; с 1789 г. — в отставке. В 1806 г. был избран начальником милиции Петербургской губернии, в 1807 г. вступил в командование корпусом войск в Кронштадте, а затем переведен в свиту Его Величества по квартирмейстерской части; в начале же 1808 г. назначен дежурным генералом в финляндскую армию. Храбрый, испол-

Генерал от артиллерии
А. П. Ермолов (с гравюры
А. Г. Ухтомского)

нительный по службе и не-
утомимый работник, Конов-
ницын приобрел всеобщее
уважение и любовь. Нахо-
дясь при штабе Буксгевдена,
участвовал почти во всех
боях, а за особые отличия
при Леме и в морском бою
при Або в качестве команду-
ющего флотилией генерал-
лейтенант Коновницын на-
гражден орденом св. Геор-
гия 3-й степени. В 1812 г. он
командовал 3-й дивизией в
корпусе Тучкова 1-го и сыг-
рал решающую роль в ходе
боев при Островном, под
Смоленском, где был ранен

в правую руку, на Ватутиной горе; в Бородинское сражение,
присланный на поддержку Багратиона, энергично атаковал
французов, а затем занял вторую позицию у д. Семеновской;
за эти действия награжден украшенной алмазами шпагой. За
участие в сражениях при Тарутине, Малоярославце, Вязьме
и Красном Коновницын награжден орденом св. Георгия 2-й
степени.

Алексей Петрович Ермолов (1777—1861), генерал-майор, впоследствии генерал от артиллерии. Происходил из старинного дворянского рода — выходец из Орловской губернии; прекрасно образованный и начитанный офицер, в 1791 г. в чине капитана Нижегородского драгунского полка назначен старшим адъютантом в штаб генерал-поручика Самойлова. За отличие в войне с поляками в 1794 г. получил орден св. Георгия 4-й степени. В 1796 и 1797 г. в составе корпуса Валериана Зубова принимал участие в войне с Персией, но в 1798 г. подвергся опале императора Павла, в чине подполковника уволен со службы и заключен в крепость, затем сослан на жительство в Костромскую губернию; с воцарением

Александра I вновь принят на службу в прежнем чине. За деятельное участие в кампаниях 1805, 1806/07 гг. награжден орденом св. Георгия 3-й степени; в 1808 г. произведен в генерал-майоры и в 1812 г. назначен начальником Главного штаба 1-й армии; особенно отличился в Бородинское сражение, где отбил взятую противником батарею Раевского, проявив этим высший пример частного почина. Ермолов пользовался большим доверием Кутузова и до конца войны находился при полководце, занимая должность начальника Главного штаба 1-й Западной армии.

Ермолов прославил свое имя не только как герой Отечественной войны, но и как главнокомандующий войск на Кавказе.

Дмитрий Петрович Неверовский (1771—1813), генерал-лейтенант. Получив хорошее домашнее образование, Неверовский был определен на службу в Лейб-гвардии Семеновский полк, где за высокий рост и отменное здоровье заслужил от солдат прозвище «Молодец». Как только началась 2-я турецкая война, он перевелся в армию, где участвовал во многих боях; потом неоднократно отличался в Польской войне и в конце ее, за доблесть в сражении при Мацеювицах и при штурме Праги, возведен в чин секунд-майора и награжден Пражским крестом. В 1803 г. назначен командиром 1-го морского полка, а в 1804 г. произведен в генерал-майоры и назначен шефом 3-го морского полка, с которым был двинут в Стральзунд, к берегам Везера. По возвращении в Россию вскоре был назначен шефом Павловского гренадерского полка; но перед Отечественной войной, как один из самых отличных фронтовых офицеров, Неверовский получил приказание сформировать 27-ю пехотную дивизию из рекрутов и частей пехотных и гарнизонных полков. Через два месяца полки были обучены, а в конце июня 1812 г. в Новогрудке примкнули к армии князя Багратиона. Во время наступательных операций наших армий под Смоленском 27-я дивизия Неверовского была оставлена на дороге в Оршу, у Красного. Здесь 2 августа дивизия Неверовского, атакованная 15-тысячной кавалерией Мюрата, постепенно отступая к Смолен-

ску, доблестно отбила все атаки, дав классический пример боя пехоты против конницы. 4 и 5 августа 27-я дивизия в составе корпуса Раевского при обороне Смоленска, на левом крыле, у Рачинского предместья, отбила все атаки Понятовского. Под Бородином, 24 августа, в составе отряда князя Горчакова, 27-я дивизия ведет бой за Шевардинский редут, а 26 августа, вместе со сводной гренадерской дивизией Воронцова, участвует в кровопролитном бою на левом фланге нашей позиции (на Багратионовых флешах), в ходе которого пало около двух третей нижних чинов 27-й дивизии, а сам Неверовский был контужен ядром в грудь и левый бок. За Бородинское сражение Неверовский произведен в генерал-лейтенанты. В Тарутинском лагере 27-я дивизия была доукомплектована, но после участия в бою под Малоярославцем и преследования неприятеля потеряла опять половину своего состава и была оставлена в Вильне для вторичного комплектования ее к весне. Весной 1813 г. Неверовский повел свою дивизию в заграничный поход в составе корпуса Сакена. Здесь, в последний день Лейпцигского сражения, штурмуя предместье, он был смертельно ранен пулей.

Денис Васильевич Давыдов (1784—1839), генерал-лейтенант. Знаменитый русский поэт-партизан, инициатор партизанского движения в 1812 г., получил прекрасное по тому времени образование. Суворов, посетивший его отца, как-то сказал резвому мальчику: «Ты выиграешь три сражения». И действительно, еще ребенком его влекло изучение военного дела и военно-исторических описаний. В 1801 г. он поступил на службу в Кавалергардский полк и в следующем году произведен в офицеры. В 1807 г. князь Багратион взял Давыдова к себе адъютантом. Зимой 1808 г. Давыдов в отряде Кульнева прошел Финляндию до Улеборга, занял с казаками остров Карлье и, возвратясь к авангарду, отступил по льду Ботнического залива. В 1809 г. Давыдов, опять в составе штаба Багратиона, назначенного главнокомандующим Молдавской армии, участвует во взятии Мачина и Гирсова и в бою при Рассевате. В следующем году он снова в авангарде Кульнева, где, по его словам, «кончил курс аванпостной

школы, начатой в Финляндии». С открытием кампании 1812 г., в чине подполковника Ахтырского гусарского полка, Давыдов состоял в авангарде Васильчикова. Когда Кутузов был назначен главнокомандующим, Давыдов явился, с разрешения Багратиона, к светлейшему князю и выпросил в свое командование партизанский отряд. В то время как наша армия после Бородина двинулась на восток — на Москву, Давыдов со своим отрядом (50 гусар и 80 казаков) пошел на запад, в тыл французской армии. Быстрые его успехи вскоре привели к полномасштабному развертыванию партизанского движения. Мы знаем, сколько ударов нанесли партизаны армии Наполеона и какую великую услугу они оказали в деле защиты отечества. Так, Давыдова, вместе с Орловым-Денисовым, Фигнером и Сеславиным, под Ляховом взял в плен двухтысячный отряд Ожеро; под Копысом разбил трехтысячное кавалерийской депо; рассеял неприятеля под Белыничами и, дойдя до Немана, занял Гродно.

Александр Самойлович Фигнер (1787—1813). Известный русский партизан Фигнер воспитывался во 2-м кадетском корпусе и в 1805 г. в чине офицера назначен в войска англо-русской экспедиции в Средиземное море. Попав в Италию, он в совершенстве изучил итальянский язык, что ему пригодилось впоследствии. В 1810 г. он был назначен в Молдавскую армию, где за отличие произведен в поручики, а за инженерные работы предварившие штурм крепости Рушук, получил орден св. Георгия 4-й степени. В начале войны 1812 г. он был штабс-капитаном 3-й легкой роты 11-й артиллерийской бригады. В бою под Смоленском, 7 августа, на позиции за р. Строгань, он огнем своих орудий отбил натиск французов на наше левое крыло. После занятия Наполеоном Москвы Фигнер, с разрешения главнокомандующего, отправился туда же; он имел намерение убить Наполеона, к которому питал особую ненависть, что ему, однако, сделать не удалось; под видом французского офицера Фигнер вел разведку сначала в занятой противником Москве, а затем, по приказанию Кутузова, — в тылу французской армии. Из добровольцев и отставших солдат он создал партизанский

отряд и начал травлю неприятеля, с которым обращался крайне жестоко и пленных живыми не оставлял. При блестящей внешности, Фигнер имел крепкие нервы и жестокое сердце. Раздраженный деятельностью Фигнера, Наполеон даже назначил награду за его голову, но Фигнер, усилившись казаками и кавалеристами, еще назойливее начал досажать врагу: захватывал курьеров, сжигал обозы, а при отступлении французов из Москвы вместе с Сеславиным отбил целый транспорт с драгоценностями, награбленными в столице. За действия в Отечественную войну государь произвел Фигнера в подполковники с переводом в гвардию.

Александр Никитич Сеславин (1780—1858). Знаменитейший русский партизан обладал широким кругозором и отлично разбирался в стратегии военного дела. Он, как и Фигнер, воспитывался во 2-м кадетском корпусе и был отличным офицером гвардейской конной артиллерии: в 1800 г. император Павел наградил подпоручика Сеславина орденом св. Иоанна Иерусалимского. Боевую деятельность он начал в 1805 г., в 1807 г. при Гейльсберге был ранен, награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», затем отличился под Фридландом. Оправившись после ранения, вступил в Молдавскую армию графа Каменского, где ранен вторично в 1810 г. — в руку с раздроблением кости. Перед Отечественной войной он служил адъютантом у Барклая, причем исполнял обязанности по квартирмейстерской части; в разгар войны с передовыми войсками 1-й армии участвовал почти во всех знаменитых сражениях, а за особо выказанную храбрость в Бородинском бою награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

С началом партизанской войны Сеславин получил летучий отряд и проявил себя как талантливый разведчик. Самым выдающимся историческим подвигом Сеславина было обнаружение передвижения армии Наполеона по Боровской дороге, на Калугу. Вот как сам Сеславин говорит об этом: «Я стоял на дереве, когда открыл движение французской армии, которая тянулась у ног моих, где находился сам Наполеон в карете. Несколько человек отделились от опушки

леса и дороги, были захвачены и доставлены светлейшему [Кутузову], в удостоверение в таком важном для России открытии, решающем судьбу отечества, Европы и самого Наполеона. ...Я нашел ген. Дохтурова в Аристове случайно, вовсе не зная о пребывании его там; я мчался к Кутузову в Тарутино». Эти сведения имели последствием быстрый марш корпуса Дохтурова, а за ним и армии Кутузова к Малоярославцу. Бой под Малоярославцем, как справедливо замечает Сегюр, решил судьбу Наполеона и французской армии. Виновник этого успеха, Сеславин, пишет: «Неприятель предупрежден под Малоярославцем, французы истреблены, Россия спасена, Европа освобождена, и мир всеобщий есть следствие сего важного открытия». Под Вязьмой (22 октября), проскакав сквозь французские войска, Сеславин обнаружил начало их отступления, о чем дал знать русскому командованию, а сам повел вперед Перновский полк и ворвался с ним в город. Под Ляховом взял в плен двухтысячную французскую бригаду, возглавляемую генералом Ожеро, за что произведен в полковники. Сеславин постоянно доставлял Кутузову самые верные сведения о движениях французской армии. 16 ноября он захватил Борисов и 3000 пленных и установил связь между Витгенштейном и Чичаговым, за что был назначен флигель-адъютантом. 23 ноября он атаковал Ошмяны, но был отбит французами. Через час в Ошмяны прибыл Наполеон, которого Сеславин чуть было не захватил в плен. 29 ноября, на плечах французской кавалерии, он ворвался в Вильно и здесь в третий раз был ранен — опять в руку, с раздроблением кости.

Причины неудач Наполеона в войне 1812 г.

Причины побед и поражений при столкновении народов определяются законами истории, до сих пор человечеству еще неизвестными.

На страницах всемирной истории запечатлена смена народов и даже целых культур как последствия борьбы, где оказавшиеся в конце концов победителями, по-видимому, не имели права и думать о победе.

Что могло произойти с Русью в ее московский период истории, когда в течение четырех столетий она вела 250 войн, а из 50 сражений, занесенных в летописи, было проиграно 38 и выиграно всего 12? По первому впечатлению готовится ответ: Русь должна была погибнуть. Однако, напротив, Русь объединилась, окрепла и начала большую созидательную работу, позволившую ей стать наравне с народами Запада.

Нельзя оспаривать того положения, что победа зависит от неких превосходств победителя над побежденным: превосходства физического, политического, экономического, умственного, нравственного; это, по крайней мере, важнейшие из превосходств. Но исторические события крайне сложны, а приметы превосходств иногда так незаметны, что делать сравнения и окончательные выводы — задача для историка очень трудная и часто непосильная.

Перед нашим судом предстает величественный исторический факт — война 1812 г., про которую глубокий исследователь и участник свершившихся событий сказал так: «В войне 1812 года все было исполинское, великость предприятия, способы, к его исполнению принятые, и последствия, от него происшедшие»¹.

Если оценивать свершившиеся события в масштабе превосходства, то окажется, что на стороне Наполеона они были все: и физическое превосходство, так как его армия была втрое многочисленнее русской; затем, он был всемогущий повелитель Европы, величайший полководец всех времен.

Мы думаем, что на стороне русских было несомненное нравственное превосходство, но только оно одно, выразившееся в желании всех, от государя до последнего крестьянина, пожертвовать жизнью и всем своим достоянием для спасения отечества.

Наполеон готовился, как он говорил, ко второй Польской войне, а вышла первая Русская война, в которой с полным напряжением сил приняли участие и армия, и народ. В двух

¹ Окунев Н. Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 году. СПб., 1833. С. 257.

же предыдущих войнах с Наполеоном, в кампаниях 1805 и в 1806/07 г., участвовала только часть армии, да и боролась она скорее за чужие, а не за свои интересы; поэтому и настроение армии, и отношение русского народа к этим войнам было далеко не таким, как в 1812 г.

Наполеон этого не ожидал! Ни один из его превосходных планов не удался; русские везде давали неожиданный отпор и уходили так быстро, что вся тыловая часть, все подвозы к армии Наполеона расстроились. Он останавливался в Вильне и дважды под Витебском, чтобы наладить тыл, но ничего не вышло. А между тем города и села запылали, население с имуществом, с лошадьми и скотом уходило в леса; началась страшная голодовка французской армии. Стоять на квартирах под Витебском не удалось: русская армия перешла в наступление. Под Смоленском начинается исконная русская земля; кровопролитным боем напомнили русские об этом Наполеону. Наполеон ринулся вперед, но под Бородином, имея превосходство сил почти в полтора раза, не одержал победы; напротив, отступил с занятых позиций, потеряв в сражении 30 процентов от общей численности своей армии. Русские потеряли почти 50 процентов. «Битва генералов» или «могила французской кавалерии» — вот прозвища этого сражения. Кутузов, думавший начать преследование противника, узнав о громадности потерь, начал отступление и даже отдал Наполеону Москву, приготовив тем самым могилу для французской армии. Пожар Москвы показал французам, на какие жертвы способен русский народ. Вспыхнувшее восстание озлобленного народа и партизанская война сделали пребывание противника в Москве невыносимым. На мир император Александр не идет, пришлось убираться назад.

В чем же причина неудачи такой, по-видимому, превосходно задуманной и подготовленной войны? Причин много, но главная из них — недостаточность средств для ведения войны на таком огромном театре, как Россия. «Океан земли поглотил великую армию Наполеона», — сказал наш историк С. М. Соловьев. По мнению немецкого военного теоретика и историка Клаузевица, Наполеон погиб от «стратегического истощения». В сущности, оба ученых высказали одну

и ту же верную мысль: Наполеону не хватило сил, чтобы обеспечить жизнедеятельность армии при глубине театра войны более тысячи верст.

Вот какова численность (тыс.) его войск в различные периоды войны:

На переправе через Неман, между Ковном и Гродном	363
По достижении Витебска	229
При начале маневра к Смоленску	185
При выступлении из Смоленска	156
На поле сражения под Бородином	140
По прибытии в Москву	95

В этот момент его тыл имел 850 верст в глубину и защитить его от ударов оставленных нами войск на флангах и партизанских отрядов оказалось невозможным.

Справа Чичагову и Тормасову (64 тысячи) противостояли Шварценберг и Ренье (50 тысяч). От Луцка и Острога, где находились наши войска, до Торчина, где расположился Шварценберг, было около 350 верст, а до Москвы — 675. С левого фланга угрожал сообщениям Витгенштейн вначале с 20-тысячным, а когда Наполеон достиг Москвы, то с 40-тысячным войском. У Сен-Сира, стоявшего у Полоцка и Газелева, численность войск с 28 уменьшилась до 17 тысяч. От Борисова, на пути отступления Наполеона, Витгенштейн был в 260 верстах, Наполеон же от Борисова — в 600. Таким образом, Наполеон не мог поспеть от Москвы, чтобы поддержать свои боковые корпуса против русских, имевших возможность прервать сообщения его армии с тылом. А между тем в тылу он оставил половину своей армии; следовательно, для русского театра войны сил его армии было недостаточно; по достижении Москвы для него наступило «стратегическое истощение», и он погиб.

Поставленная им политическая цель не могла быть достигнута с имевшимися у него средствами. Остаться в Смоленске — значило признать себя побежденным; идти на Москву — подвергнуть риску первоначальный замысел.

Были промахи Наполеона и в ведении операций: погоня за двумя армиями в самом начале войны; неприбытие в Гродно для консолидации сил против Багратиона; пренебрежение возможностью разбить русских под Витебском и Смоленском; лобовая атака нашей позиции в сражении под Бородином; слишком рискованное выдвижение авангарда Мюрата к Винкову, перед Тарутином; отказ от для отступления дорогой на Ельню после сражения под Малоярославцем; движение от Смоленска к Орше эшелонами.

Говорят, русские не имели окончательного плана действий; хотя император Александр, по-видимому, был сторонником плана, предложенного генералом Фулем. Несмотря на некоторые изменения, по существу, и государь, и Барклай-де-Толли, и Кутузов держались основной идеи этого плана, что и спасло Россию.

Клаузевиц, участвовавший в войне 1812 г. при штабе Витгенштейна, пишет:

«Высшая мудрость не могла изобрести плана лучше того, который русские исполнили непреднамеренно [?]...

Желая извлечь поучение из истории, мы не должны считать невозможным, чтобы раз совершившееся не могло повториться и в будущем. Всякий, претендующий на право судить о подобных делах, согласится с нами, что никак нельзя признать рядом случайностей ту вереницу грандиозных событий, которые совершились после марша на Москву»¹.

Кроме вышеприведенного, главнейшими факторами наших успехов, поведших к гибели армии Наполеона, были следующие:

- 1) удивительная политическая выдержка со стороны Александра I и военная — со стороны Кутузова;
- 2) высокий патриотизм русского народа, пожертвовавшего громадные средства на ведение войны и формирование ополчений;
- 3) упорная, настойчивая партизанская война, в которой участвовали даже женщины;

¹ Клаузевиц К. Война. Ч. II. С. 351.

4) удивительная доблесть русских войск, самоотверженность и умело проявленный частный почин начальников и, наконец,

5) блестящая деятельность казаков, незаменимых для партизанских действий и неожиданных нападений.

Какую силу воли надо было проявить Александру I, Барклаю-де-Толли и Кутузову, чтобы выдержать прессинг сторонников самых решительных военных действий, среди которых были такие честные и доблестные патриоты, как Багратион, Платов, Беннигсен, а также напор поддерживающей их общественности; и только народная вера в Кутузова еще как-то спасала дело, хотя часто оно висело на волоске.

Изучение войны 1812 г., в которой погибла превосходная армия великого французского полководца, полезно для нас, русских, на случай повторения подобных событий и в будущем, если, по несчастью, нам придется обороняться против превосходящего числом противника. Стратегия, спасшая наших дедов, должна быть сознательным средством борьбы в наших руках.

Война за освобождение Германии в 1813 г.

Н. А. Орлов, генерал-лейтенант

Грандиозный поход 1812 г. окончился для Наполеона полной неудачей: сам великий полководец бросил войска и поспешно уехал в Париж; лишь жалкие остатки его огромной армии, всего несколько тысяч человек, ушли из России, — остальные погибли от холода, голода или на полях сражений. Но сам вождь был жив, а при его страшной энергии и огромной силе воли он мог собрать новые армии и возобновить борьбу.

Теперь стал вопрос: будут русские продолжать наступление за пределами своей границы в целях окончательного ниспровержения Наполеона и освобождения европейских народов?

Император Александр I стоял за то, что меча класть не следует до тех пор, пока Наполеон не будет окончательно ниспровергнут; нельзя полагаться на прочность договоров с ним. «Я или он, — говорил Александр, — он или я, но вместе мы царствовать не можем».

Продолжение войны казалось неизбежным и для Наполеона. Он сознавал, что вся слава, все его значение и вся сила — в постоянных военных успехах; однако не раз у него являлось желание войти в соглашение с Россией. Даже весной 1813 г., в Эрфурте, когда он уже стоял во главе могучей армии, он говорил: «Посылка в русскую главную квартиру разделила бы весь мир пополам». Но Александр, увлеченный космополитическими идеалами, отвергал все его попытки к примирению.

Таким образом, война 1813 г. за освобождение Германии является порождением личной инициативы русского императора. Он двинул русские войска в пределы Пруссии. Средства Наполеона были пока еще громадны. Он повелевал не только Францией, финансовое положение которой было благополучным благодаря контрибуциям, полученным от прежних войн, но и Италией, Голландией, германскими государствами Рейнского союза; впоследствии Данию он привлек на свою сторону обещанием присоединить к ней Норвегию; словом, почти вся Западная Европа раболепно ему повиновалась, и только на Пиренейском полуострове пришлось вести упорную борьбу с народом, ставшим на борьбу за свою независимость.

На стороне России по-прежнему была Англия, и лишь потом постепенно присоединились Пруссия, Швеция и Австрия. Англия желала войны, ибо ссоры континентальных держав всегда служили во благо ее интересам; она помогала денежными субсидиями. Пруссия надеялась в союзе с Россией вернуть себе потерянное в 1806 г.

Русские уже заняли часть прусских владений. Назначение управляющим этими областями известного прусского патриота Штейна, находящегося с 1806 г. на службе в России, вызвало энтузиазм среди населения; но французы пока еще удерживали страну в своих руках, и даже личная переписка могла подвергаться перлюстрации. Например, Гарденберг из Бреславля так сообщал Штейну в Кёнигсберг о ходе переговоров с Россией частным письмом на имя девицы Каролины Гейнзиус из опасения, что письмо может быть перехвачено французами: «Любезная сестра! Спешу известить тебя, что наш добрый отец [король] намерен дяде [Александрю П] переслать по верной оказии брачный контракт [союзный договор]; таким образом, брак нашей любезной Амалии [Пруссии] должен скоро и наверно состояться. Не говори там нашим ничего об этом: отец хочет, чтобы все осталось в тайне, пока дядя всем не распорядится».

16 февраля 1813 г. фельдмаршал Кутузов подписал формальный договор о союзе России с Пруссией, по которому Пруссия, в случае успешной войны, должна была восстановить границы, существовавшие до 1806 г.; Россия обязалась выставить 150 тысяч войск, а Пруссия 80 тысяч.

Подъем духа пруссаков был очень силен, началось формирование народного ополчения, численность которого к марту составила 100 тысяч, а в ходе войны достигла 250 тысяч. Союзным главнокомандующим был назначен Кутузов.

Желала продолжения борьбы с Наполеоном и Австрия, но руководимая, как всегда, своекорыстными интересами, стремилась стать посредницей между борющимися сторонами. Если Наполеон не согласится на уступки, то она примкнет к союзу России с Пруссией, но не для окончательного ниспровержения Наполеона, ибо необходимо поддерживать равновесие между восточным и западным колоссами — Россией и Францией. Низложение Наполеона поведет к усилению политического влияния России, чего Австрия весьма опасалась (славянский вопрос).

Швеция хотя и была в союзе с Россией — на условии присоединения Норвегии, как бы в возмещение за утрату Финляндии в 1809 г., — но фактически участие приняла лишь во время осеннего похода 1813 г.

В Саксонии, где разыгрались главные события войны в 1813 г., царствовал король Фридрих Август, любимый подданными, 45 лет управлявший государством, но человек старый, нерешительный, ханжа, благоговевший перед Наполеоном. Король колебался, к какой стороне пристать, и в решительную минуту составил для управления королевством комитет, а сам, забрав 200 тысяч талеров золотом, 4 миллиона ассигнациями, с двумя кирасирскими полками уехал в Баварию, а потом в Прагу под покровительство Австрии.

Зимний и весенний походы

Вооруженные силы сторон ♦ Сражение при Люцене

♦ Сражение при Бауцене

В конце декабря 1812 г. русские перешли границу (Неман). Тесня перед собой неприятельские отряды и осаждая крепости на Висле, занятые французскими гарнизонами, русские вступили 26 января в Варшаву, а 1 февраля разбили сак-

сонцев Ренье у Калиша. Остатки наполеоновской великой армии, под начальством вице-короля Евгения, отошли 6 февраля за р. Одер, 20 февраля генерал-адъютант Чернышев с передовым отрядом занял Берлин, а 27 февраля сюда вступили главные силы графа Витгенштейна. За Эльбу войска вице-короля отошли к 5 марта.

Немцы с восторгом встречали русских как избавителей. В силезском городе Миличе жители встречали Кутузова с энтузиазмом и кричали: «Vivat der grosse Alte! Vivat unser Grossvater Kutuzoff!» (Виват — великий старец. Виват — наш дедушка Кутузов.) Прусский король пожаловал ему орден Черного Орла, табакерку за 20 тысяч рублей и через Гарденберга обещал пожаловать имение в Пруссии. Фельдмаршал отвечал: «Государь сам не оставит меня и детей».

В Саксонии отличались партизаны Давыдов, Прендель, Орлов. Чрезвычайно быстрые успехи союзников возбуждали столь радужные надежды, что даже высокопоставленные генералы настаивали на немедленном наступлении за Эльбу. Только опытный и прозорливый Кутузов был против. «Быстрое движение наше вперед, — писал он Витгенштейну, — для главного предмета будущей кампании никакой пользы принести не может». Однажды он сказал с раздражением: «Самое легкое дело — идти теперь за Эльбу, но как воротимся? С рылом в крови».

В конце марта союзники перешли Эльбу и заняли всю Саксонию, Дрезден, Лейпциг, Альтенбург. Русские партизаны (Чернышев, Дернаберг и Тетенборн) хозяйничали на Нижней Эльбе. Вице-король расположился за р. Заалой и Нижней Эльбой. К 12 апреля у него было 45 тысяч войск, а сзади, в главной армии Наполеона, в окрестностях Эрфурта, уже собралось более 120 тысяч, причем сосредоточение вновь сформированных войск еще не было закончено.

Против этих сил у союзников (русские и пруссаки Витгенштейна, Блюхера, Милорадовича и главная армия) было всего 92 тысячи. Таким образом, соотношение сил противников изменилось.

16 апреля в Веймаре Наполеон сел на коня и двинул войска к Лейпцигу. «Я буду вести эту кампанию, — сказал он, — как генерал Бонапарт, а не как император».

В тот же день скончался в Бунцлау Кутузов; главнокомандующим назначили графа Витгенштейна.

Вооруженные силы сторон. *Армия Наполеона.* Вернувшись из России в Париж, Наполеон тотчас приступил к созданию новых вооруженных сил. Он потребовал от Франции страшного напряжения. К весеннему походу император собрал армию в 200 тысяч, а к осеннему довел ее до 500 тысяч. Взяты были недобранные конскрипты за прежние годы, произведен набор по сроку 1813 г. и даже вперед — по сроку 1814 г. Многие молодые люди еще не возмужали и были слабосильны; брали даже хромых и кривых на один глаз, если, по мнению военных приемщиков, они все-таки годились для войны. Вездовые для артиллерии назначались извозчики, в кавалерию — жандармы, почталыоны, сыновья лесничих. Когда в Испании дела пошли хорошо, то оттуда взяли 150 кадровых офицеров и унтер-офицеров для батальонов и 50 для эскадронов. Для пополнения армии лошадей купили в Германии.

Взятые конскрипты соединялись в маршевые батальоны, батальоны сводились во временные полки, а эти последние — в маршевые колонны и направлялись к Рейну; по дороге обучались, а главное — воспитывались старыми, израненными унтер-офицерами. На Рейне старый, но весьма деятельный маршал Келлерман (герцог Вальми) обмундировывал и вооружал конскриптов и направлял в армию. Они двигались в большом порядке и по наружному виду производили впечатление совсем готовых регулярных войск. Союзники действительно приняли их за новые, свежие полки.

Если армия Наполеона имела очень крупные недостатки, то все-таки ее одушевление было весьма велико, и в первом же сражении, особенно в присутствии императора, сильное солдатское чувство охватывало даже самых мирных конскриптов.

Самую слабую часть армии составляла конница: она была слаба и количеством, и качеством; этот род войск для своего создания требует средств и времени.

Корпуса были организованы прекрасно, численность их составляла от 20 до 40 тысяч; как правило — 27 тысяч; корпусная кавалерия состояла из 4–8 эскадронов.

В боевых порядках батальоны строились в колонны и со своими стрелковыми цепями двигались свободно и быстро по пересеченной местности, не соображаясь боязливо с соседними батальонами, но чувствуя в себе самостоятельное значение. Чем батальоны были в полках, тем в более крупных частях являлись бригады и далее дивизии. Последние принимали для маневрирования на поле сражения очень густое построение.

Во главе французской армии стоял Наполеон. Ко времени похода 1813 г. он был уже не тот, что прежде. Следствием того, что, с одной стороны, он полководец, а с другой — император, являлось подчас колебание воли, ибо часто положение императора идет вразрез с обязанностями генерала. Сказалось и физическое утомление: «он отяжелел», по выражению Шарраса. Это был уже не прежний молодой человек, полный сил. Хотя ему было только 44 года, но тучность и слабость здоровья все более и более давали о себе знать. Он уже не мог так долго оставаться на коне, как прежде, не мог быть всюду.

Много вредила Наполеону слишком большая вера в себя, в свою счастливую звезду и потеря чувства меры. Прежде он всегда действовал сообразно с обстановкой, теперь явилось желание повелевать и ею; он верил лишь в то, во что желал верить; противником он явно пренебрегал, в очевидное нарушение своих же прежних мнений.

Увеличение численности армий и пространства, на котором они действуют, ставит главнокомандующего в особое положение. Управлять отдельными армиями он может лишь директивами, а не диспозициями на каждый день. А это для успешности действий влечет за собой необходимость, чтобы командующие отдельными армиями были генералами-стратегами. Наполеон жаловался на недостаток таких генералов, говоря, что в этом отношении союзники его превосходят. «Мои генералы могут действовать лишь на больших дорогах и в сфере пушечного огня, — говорил Наполеон. — Где меня нет — делают одни глупости».

Говорят, Наполеон не терпел возле себя особо талантливых генералов, — он им завидовал; но едва ли это справед-

ливо; он стоял так неизмеримо высоко как полководец, что не мог завидовать.

Начальник штаба Наполеона Бертье был хороший ему помощник, но лишь как техник стратегии; он мог хорошо разрабатывать мысли императора, а к самостоятельным соображениям был неспособен. Он собрал очень хороший генеральный штаб, а начальник военно-топографического бюро Баллер д'Альб превосходно организовал топографическую часть в главной квартире; без него и его карт Наполеон не мог обойтись ни одного дня.

Русская армия. Система комплектования — рекрутские наборы, а не господствовавшая до той поры вербовка — очевидно, должна была отразиться на качестве армии; и действительно, состав русской армии был значительно лучше, чем прочих армий. Бессрочная служба уже не существовала — срок службы установлен в 25 лет.

Пехотный полк состоял из двух батальонов, кавалерийский — из шести действующих и одного запасного эскадрона; по штату в эскадроне полагалось 180 коней, но в действительности эскадроны всегда были слабее. Артиллерия делилась на роты: батарейные, легкие и конные. Рота имела 12 орудий.

Две-три пехотные бригады (четыре-шесть полков) составляли пехотную дивизию, две дивизии — пехотный корпус. В состав корпуса входила лишь пехота с артиллерией, конницы не придавалось, вследствие чего корпус был малосамостоятелен. Численность пехотной дивизии — 5—8 тысяч. На корпус придавалась артиллерия в составе одной батарейной и двух легких рот. Кроме того, на всю армию придавалась резервная артиллерия. Кавалерийские полки сводились в дивизии (3000 коней) и далее — в массы из 5—15 тысяч коней.

В течение войны русская армия постоянно увеличивалась в числе, частью укомплектованиями, а частью выздоровевшими после болезни или ранения. В начале 1813 г. численность русской армии составила всего 50 тысяч, в конце мая — 90 тысяч, а к концу июля — 173 тысячи и 648 орудий. Кроме того, под Данцигом находился 30-тысячный корпус при 590 орудиях, в Варшавском герцогстве — так называемая

Польская армия Бенигсена (70 тысяч при 200 орудиях), а в Белостоке — резервная армия Лобанова-Ростовского (50 тысяч). Принимая во внимание убыль в зимнем и весеннем походах, приходим к заключению, что главная масса солдат состояла из рекрутов. За прошлые войны с Францией и Турцией мужское население сильно уменьшилось, и теперь за недостатком молодых рекрутов приходилось брать и более зрелых. Таким образом, русская армия, особенно во второй половине 1813 г., на вид состояла из старых солдат, а в сущности — из новобранцев. Выучка была спешная и поэтому далеко не полная, но дух армии, как всегда, прекрасен.

Обмундирование было весьма удовлетворительным, конечно, с точки зрения того времени. Для пополнения его прислано из Петербурга 54 тысячи мундиров и шинелей, кроме того, в Польше, Силезии и Саксонии приобретено 740 тысяч аршин¹ сукна; в тылу устроены обмундировавшиеся мастерские, но работа в них шла не особенно успешно; много заказано немецким мастерам. Для 3200 офицеров заготовлены сюртуки и шинели без всякого вычета.

В особенности заботились об обуви. В Саксонии закупили сапожный товар на 100 тысяч пар сапог. Много было захвачено обуви у французов, но она оказалась узка для русских солдат.

Конская амуниция, в особенности в артиллерии, превосходна; по крайней мере, значительно лучше, чем у союзников.

Артиллерийское довольствие, благодаря энергии инспектора артиллерии князя Яшвиля, было организовано очень хорошо. Частью воспользовались захваченным оружием и боевыми запасами при преследовании неприятеля, а большей частью — доставкой из Англии как ружей, так и пороха.

Продовольствия при войсках полагалось иметь на 10 дней: на четыре дня в ранцах солдат и на шесть в обозных фурах; и это количество было действительно налицо; полковой обоз вообще был в большом порядке. Продовольствие обязались поставлять пруссаки, а потом и австрийцы, но на самом деле его было так мало, доставлялось оно так неисправно, что из-

¹ 1 аршин — 711,2 мм.

за него между союзниками часто происходили драки. После нескольких месяцев войны страна оказалась сильно истощенной, и если бы не удалось взять запасов из прусских крепостей, то армия могла оказаться в критическом положении. Кроме того, в Польше произвели реквизиции и собранные запасы сплавили по Варте, Висле и Одере. В Польше находился транспорт в 3000 подвод, прибывший из Молдавии еще в 1812 г.; на нем было подвезено к армии 60 тысяч пудов сухарей.

Затруднение встречалось в печении хлеба и в сушке сухарей. Печенье и сушка производились частью самими войсками, частью местными жителями.

На этапах (в расстоянии одного-двух переходов) были устроены продовольственные магазины (три линии). Допускались и реквизиции с уплатой пятой части наличными деньгами, а остальное — квитанциями. К войскам приданы комиссионеры для наблюдения за правильностью сбора запасов. Введен при этом тариф (так называемый «кутузовский»), что еще более упорядочило сбор запасов. Издано правило перевода русских денег на иностранные, и вменено в обязанность принимать русские деньги. Денег войскам давали мало, а стремились довольствоваться исключительно натурой. При каждой дивизии был передвижной лазарет. Когда армии находились еще в Пруссии и Силезии, то больных отправляли в прусские госпитали с платой 70 коп. в сутки за больного. Впоследствии в Саксонии госпитали устроили на счет страны. В государствах Рейнского союза были устроены подобные же госпитали, но за лечение в них выплачивались деньги.

Эвакуация производилась не без затруднений, ибо был недостаток в повозках.

Главнокомандующий, граф Витгенштейн, не отличался особыми достоинствами полководца, да к тому же был стеснен присутствием императора Александра, короля прусского и советников при них. Нередко монархи в бою подвергались явной опасности, чем озабочивали главнокомандующего и других генералов и отвлекали их внимание от наблюдения за ходом боя. Иногда монархи отдавали приказания, противоречившие распоряжениям Витгенштейна, притом помимо него. Положение его было затруднительным еще

и потому, что многие из корпусных командиров были старше его чином (Барклай-де-Толли, Милорадович, Блюхер и др.), а повелевать ими у него не хватало твердости и силы воли. В результате в верхах армии образовалось пагубное многоголовие.

Генеральный штаб (свита императора по квартирмейстерской части) имел блестящих представителей, таких как князь Волконский, Довре, Толь, Дибич. Остальные офицеры тоже были хороши, хотя Генеральный штаб вообще был импровизированным, без большой подготовки: лишь немногие вышли из Московской частной школы колонновожатых Муравьева, а большинство просто случайно набраны из полковых офицеров. Число офицеров невелико: на корпус не более двух, на дивизию — один. Служба главным образом на коне; письменной работой занимались мало. Даже диспозиции составлялись не Генеральным штабом, а в ходе дежурства: собирались офицеры Генерального штаба и ординарцы, и дежурный генерал диктовал им диспозицию; затем она запечатывалась в конверт с надписью «вскрыть в таком-то часу» и передавалась офицеру штаба для доставки соответствующему начальнику.

Толь считал, что хороший офицер Генерального штаба должен быть в состоянии сделать 100 верст на коне и помнить твердо окружающую местность. Вообще, служба их была тяжела, а содержание давалось маленькое; казенной прислуги не полагалось, и они сами должны были даже убирать своих лошадей. За время войны несколько человек умерло от истощения сил.

Прусская армия. После разгрома 1806 г. Пруссия не имела права содержать более 42 тысяч войска. В силу этого введена Krümper Sistem; армия мирного времени сделалась лишь кадром, школой, через которую проводилась масса молодых людей; каждый служил только 6 месяцев. Такие обученные «крюмперы» представляли прекрасный материал для доведения армии до значительной численности в военное время.

Пехотный полк состоял из трех батальонов, ландверный — из четырех; батальон — из четырех рот, рота — из

двух взводов. Перед боем стрелки перестраивались во взвод и рассыпались впереди в стрелковую цепь; таким образом, стрелковый бой велся одной третью всех сил, тогда как у французов не более одной шестой. Кавалерийский полк — четыре эскадрона, по 200 коней.

Высшая единица — бригада — состояла из девяти-десяти батальонов, двух-четырех эскадронов и восьми орудий. Численность бригады — 9000 человек, следовательно, она соответствовала русской дивизии и даже превышала ее. Корпус состоял из нескольких бригад с резервной кавалерией и артиллерией.

Наибольшее затруднение встретилось в пополнении армии офицерами. В ландвере офицерские места занимали чиновники, а в ландштурме — даже помещики и пасторы. В кавалерии офицеры особенно важны, а потому для ландверной кавалерии брали их исключительно из отставных офицеров.

Вооружение кавалерии — пика, сабля и пистолет; в ландверной кавалерии не было огнестрельного оружия вовсе. Первая шеренга пехоты имела только пики, две последние — ружья, да и то не везде. Стоит сказать, что 20 тысяч ружей, купленных в Австрии, оказались без затравок, которые пришлось просверливать целый месяц.

Обмундирование ландвера было плохое, шаровары белые, холщовые, слишком легкие для холодной погоды; многие солдаты шли босиком. Немудрено, что старые генералы с презрением относились к ландверу. Йорк и Наполеон называли их «сволочью». Однако такое отношение несправедливо, ибо дух у них был прекрасный, и они сделали свое дело.

Сражение при Люцене. 19 апреля произошло столкновение части армии Наполеона с передовым русским отрядом у ручья Риппах (близ г. Вейссенфельса). Дело это не имело большого значения. Но здесь погиб один из лучших маршалов — Бессьер, пораженный русским ядром.

Наполеон считал, что союзники занимают Лейпциг и находятся у него со стороны фронта; между тем у Лейпцига был только шеститысячный отряд пруссаков Клейста, а остальные силы сосредоточивались много южнее, на р. Эльстер, у Цвенку и Пегау, и занимали фланговое положение

относительно противника, сильно растянутого вдоль пути движения.

Дибич (генерал-квартирмейстер) предложил атаковать с фланга и разбить отдельно ближайшие французские корпуса. Замысел был хорош, но исполнен вяло и неискусно; несмотря на свою многочисленную конницу, стоявшую всего в 5 верстах от неприятеля, союзники в общем были плохо ориентированы. В самом сражении союзники вводили войска по частям, но в конце сражения участвовало только 73 тысячи солдат.

Как только раздалась канонада, Наполеон сразу понял, что главная опасность угрожает ему с юга. Мгновенно гениальный полководец создает план действий и, так как нельзя было терять время на составление диспозиции, делает свои распоряжения в несколько минут отдельными записками: Нею держаться и прикрыть развертывание армии в боевой порядок; гвардии вернуться в Люцен и стать в резерве за Неем; вице-королю идти на выстрелы у Люцена, пристроиться к левому флангу Нея и принять начальство над левым крылом, Мармону — составить правое крыло, а Бертрану обойти левый фланг союзников с тыла.

К 7 часам вечера у Наполеона сосредоточивается до 100 тысяч войск, перевес переходит на его сторону, положение из критического обращается в блистательное.

Хотя союзники и удержали за собой места, занятые в начале сражения (Грос-Гершен), но из положения наступательного перешли в оборонительное, охваченное с обоих флангов; на другой день должны были отступить и на время отказаться от роли освободителей Германии.

Наполеон потерял до 15 тысяч человек, союзники — немногим меньше, но захватили до 800 пленных и пять орудий.

Витгенштейна упрекали, что он из соперничества с Милорадовичем не привлек его корпус к сражению и тем лишил себя существенной поддержки в 12 тысяч человек. Если это было так, то, значит, и в те времена существовали трения, крайне вредные для дела. Милорадович, посланный к Цейцу (20 верст) для обеспечения левого фланга от обхода,

крайне волновался и говорил: «Первый раз в жизни слышу выстрелы и сам не в деле!»

Зато ему выпала на долю большая работа при командовании арьергардом, когда союзники начали отступление. Они отступили 21 апреля в двух расходящихся направлениях: прусский отряд Бюлова отходил по направлению к Берлину для прикрытия столицы; остальная армия двинулась в Силезию, к г. Бауцену, для прикрытия пути в герцогство Варшавское, дабы держаться ближе к Австрии, с которой продолжались переговоры о вступлении в союз.

Вследствие недостатка кавалерии для преследования Наполеон не мог извлечь большой выгоды из Люценской победы. Позиции Милорадовича приходилось или брать с фронта или обходить пехотой, на что требовалось много времени, вследствие чего главные силы союзников двигались по маршрутам с таким спокойствием, словно в мирное время. За свои заслуги Милорадович 1 мая получил графский титул.

Наполеон, ошибочно полагая, что к Берлину направились значительные силы пруссаков, послал для преследования слабого отряда Бюлова три корпуса (до 60 тысяч) под начальством Нея, а сам со 100 тысячами двинулся к Бауцену. 3 мая Макдональд выяснил, что у Бауцена сосредоточиваются не только русские, но и пруссаки и готовятся к сражению. Тогда Наполеон послал приказание Нею двинуться в тыл позиции у Бауцена. Ней мог прибыть только 11 мая, но Жомини, начальник штаба Нея, прозрел обстановку раньше (отчасти по немецким газетам) и убедил маршала по собственному почину, до получения приказа, свернуть к Бауцену; вследствие этого Ней прибыл двумя днями раньше предположенного, т. е. к 9 мая.

Сражение при Бауцене. Желая уменьшить в глазах Европы значение Люценской неудачи и усилившись до 96 тысяч человек, союзники решили дать сражение на выгодной позиции у Бауцена.

Передовая позиция, для непосредственной обороны переправ, занята 25 тысячами Милорадовича. На главной по-

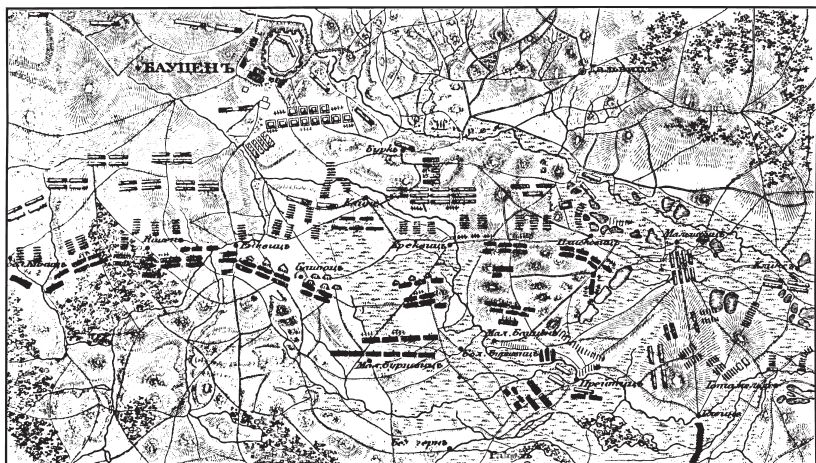
зиции расположились 65 тысяч, упершись левым флангом к крутым лесистым высотам около австрийской границы, а правый — к прудам у д. Плисковиц. Местность, пересеченная ручьем Блезауэрбах, прудами и высотами, затрудняла взаимную поддержку и действия конницы, которой у союзников было вдвое больше (25 тысяч), чем у противника, т. е. позиция не соответствовала составу армии. Креквицкие высоты — тактический ключ позиции, близ правого фланга заняты пруссаками Блюхера; стратегическое значение принадлежало правому флангу.

Из диспозиции Витгенштейна видно, что он предполагал ограничиться лишь отражением покушений неприятеля. Наполеон 8 мая, т. е. до подхода Нея, готовился к дальнейшей решительной атаке: овладел переправами через р. Шпрее и предпринял ряд ложных атак левого фланга союзников, чтобы привлечь к нему их резервы. Все это вполне удалось французскому императору. Двинув 70-тысячные войска, он оттеснил союзников с передовой позиции, а в то же время сильными атаками корпусов Удино и Макдональда против левого фланга заставил русских расходовать для его поддержки общий резерв с самого начала боя. Вечером авангард армии Нея уже подошел к полю сражения.

В таких обстоятельствах многие русские генералы, особенно Барклай, предлагали отступить к Герлицу, продемонстрировать там готовность принять бой и отступить далее; если цель заключалась в том, чтобы выиграть время, то подобным способом она достигалась без огромных потерь, неизбежных при сражении. Напротив, пруссаки, особенно Кнезебек, настаивали на бое — отступление, по их мнению, ослабило бы дух прусского народа. Александр согласился с Кнезебеком; союзники остались на позиции в пассивном положении.

Наполеон 9 мая решил возобновить атаки Удино и Макдональда и, выждав нападение Нея на правое крыло, атаковать ослабленный центр противника.

С 5 часов утра Удино и Макдональд, не знавшие, что их задача — демонстрационная, повели энергичные атаки, отбро-

План сражения при Бауцене 9 мая 1813 г.

силы русских и глубоко проникли в лесистые высоты левого фланга, так что Александр и его приближенные убедились в направлении именно отсюда главного удара врага с целью отрезать союзников от австрийской границы. Тогда главнокомандующий граф Витгенштейн сказал государю: «Ручаюсь головой, что эта атака ложная. Наполеон хочет обойти нас с правого фланга и отгеснить к Богемии». Его не послушали и послали большую часть резервов на левый фланг.

Прибытие подкреплений позволило русским перейти в наступление и потеснить французов. Удино был в отчаянии, что успех, который, как ему казалось, должен был решить судьбу сражения, ускользает, и дважды просил Наполеона о подкреплении. В первый раз Наполеон не дал никакого ответа, а во второй, около 2 часов дня, приказал передать только, что «в 3 часа сражение будет выиграно», а подкреплений, конечно, не послал.

Еще утром генерал-квартирмейстер прусских войск Мюф-флинг доложил Александру о возможности неприятельского обхода с правого фланга. «Сколько войск у Баркляя?» — спросил государь у Витгенштейна. «Пятнадцать тысяч», — отвечал граф. «Достаточно ли их?» — обратился государь

к Мюффлингу, знавшему местность. Получив утвердительный ответ, Александр приказал ему ехать к Барклаю и помочь советом при обороне.

В 6 часов утра в середине расположения Наполеона замечен был густой дым, послуживший Нею сигналом обрушиться с превосходящими силами на 12-тысячный отряд Барклая. Угрожая ему с фронта целым корпусом, он направил две дивизии влево для обхода правого фланга, т. е. для захвата пути отступления союзников, а одну вправо, чтобы отрезать Барклая от Блюхера. Положение Барклая было критическим: на главном пункте, у с. Глейна, у него было не более 7000 человек.

В это время приехал Мюффлинг и объявил волю Александра удерживать французов с 15 тысячами человек. Барклай не сказал ни слова, но когда Ней развернул свои силы, примерно 40 тысяч, русский генерал пригласил Мюффлинга в дом мельника и, плотно затворив дверь, между тем как ядра пронизывали насквозь углые стены жилища, сказал: «Вы полагаете, что у меня 15 тысяч, и государь думает то же. В такую решительную минуту не могу молчать долее. У меня всего 5 тысяч, судите сами, могу ли удерживаться против 40 тысяч? Прошу вас, поезжайте как можно скорее к Блюхеру и просите его, чтобы он помог мне».

Под напором огромных сил неприятеля Барклай, отступая шаг за шагом, дошел к 9 часам до Прейтица, о чем донес Александру, который выразил недовольство слишком поспешным оставлением позиции.

В 11 часу утра Ней получил от Наполеона приказание: «направить все войска на Гохкирхенскую колокольню». Так как через Гохкирхен, лежащий в 12 верстах за Бауценом, проходил главный путь отступления союзников, то цель была ясна — захват этого пути. Ней атаковал Прейтиц, Барклай отступил к Баруту, имея в виду обеспечение пути отступления всей армии; от Блюхера он уже был совершенно отрезан.

Если бы теперь Ней продолжал движение на Гохкирхен, а Наполеон атаковал с фронта, то союзники были бы поставлены в отчаянное положение, но под влиянием колебаний

Ней остановился, а Наполеон, не видя его наступления, придержал центр; потеря времени помогла русским. Уяснив положение дел, Наполеон в первом часу повел атаку с фронта, а Нею послал приказание перейти в наступление. Атаки были успешны, но только Ней вновь сделал ошибку: вместо того чтобы идти прямо на Гохкирхен, он, увидев вправо от себя, на Креквицких высотах, Блюхера, повернул направо, на Клейн-Бауцен, и атаковал пруссаков. Все историки обвиняют Нея за эту ошибку; но если действия его войск имели такое решающее значение, то Наполеону следовало самому находиться при них, — тогда он мог был предупредить или исправить все ошибки.

В такую критическую минуту союзникам надлежало или произвести благоприятный поворот в сражении, или отступить. Для первого не было резервов, так как они были отсланы на левый фланг; оставалось второе. В 3 часа дня Кнезбек предложил монархам «прервать сражение». Отступили в полном порядке сперва войска центра, затем — правый фланг и, наконец, левый. Сильная буря с проливным дождем способствовала отступлению.

Потери союзников — 12 тысяч, неприятеля — 18 тысяч. Многочисленная конница заставляла французскую пехоту постоянно держаться в каре, замедляла преследование и не позволила захватить трофеи; даже почти все раненные были увезены.

Наполеон был крайне раздражен подобным результатом сражения. «Как, — вскричал он, — после такой резни и никакого результата? Нет пленных? Так эти люди решились не оставить мне ни одного гвоздя!» Лично на себя он принял руководство преследованием, которое началось в половине третьего утра 10 мая. Под пушечным огнем, подвергая себя крайней опасности, Наполеон сам водил войска в бой, но арьергард Ермолова постоянно давал отпор. До Рейхенбаха он останавливал противника на четырех позициях; здесь его сменил Милорадович. Под Рейхенбахом лучшему французскому кавалеристу, генералу Брюйеру, оторвало ядром обе ноги. Под Герлицем около Наполеона русское ядро поразило его любимца обер-гофмаршала Дюрока, который сопро-

вождал императора во всех походах, начиная с 1796 г. Преследование закончилось только в 8 часов вечера и не дало никаких выгод, — ничто не могло компенсировать недостатка конницы.

Заметив, что французы наступали без достаточных мер охранения, Блюхер, воспользовавшись рельефом местности близ г. Гайнау, пересеченной речками, рощами и холмами, устроил засаду, на которую напоролась французская дивизия Мезона (у него было всего 50 кавалеристов).

С этих пор французы наступали медленно, с чрезвычайной осторожностью; пруссаки торжествовали.

17 мая генерал Барклай-де-Толли был назначен главнокомандующим вместо Витгенштейна, который давно уже тяготился своей должностью, просил об увольнении и сам указал на Барклая как на своего преемника.

Союзники отошли в Силезию, к крепости Швейдниц.

Положение Наполеона было очень трудным. Он ясно видел, что еще несколько таких побед, как Люцен и Бауцен, и армия его перестанет существовать.

Чтобы иметь время усилиться, Наполеон согласился на 6-недельное перемирие (заключено в Пойшвице 23 мая), которое потом было продлено до 29 июля. Оно было нужно и Наполеону, и союзникам, но кому оказалось более выгодным? И Наполеон, и союзники воспользовались им для увеличения своих сил, но союзники, кроме того, усилились присоединением к коалиции Австрии. В окончательном результате выгода была на стороне союзников.

Между тем 15 июня в Рейхенбахе Россия и Пруссия заключили секретную конвенцию с Австрией о войне против Наполеона, а еще раньше, 2 и 3 июня, был ратифицирован договор с Англией о субсидиях с ее стороны — Пруссии 4 миллиона и России 8 миллионов рублей.

В полночь на 30 июля во французский авангард передали объявление о прекращении перемирия, подписанное Барклаем. Война началась снова, но перевес в силах, хотя и небольшой, был на стороне коалиции.

Осенний поход

Театр войны ♦ Вооруженные силы сторон ♦ Состав главных квартир союзников ♦ Группировка сил ♦ Планы сторон ♦ Сражение под Дрезденом ♦ Сражение при Кульме ♦ Сражение при Кацбахе ♦ 2-е наступление Богемской армии ♦ Приготовления союзников к решающему наступлению ♦ Дюбенская операция

Театром войны служила средняя часть Германии, между Эльбой и Одером и между Балтийским морем и горами, отделяющими Чехию от Саксонии, Лузании и Силезии. К востоку от Одера часть Пруссии и Польша, а также Чехия составляли основание действий союзников, имевшее весьма выгодную охватывающую форму. Страна к западу от Эльбы представляла источник средств существования армии Наполеона. Крепости были заняты его гарнизонами; если это и ослабляло Наполеона, то ослабляло так же, а может быть и еще более, и коалицию; зато в случае падения крепостей страна разом переходила в его руки.

На местности наибольшее значение принадлежало р. Эльбе: она разделяла враждующие стороны; на ней должны были разыгаться первые действия; она могла послужить Наполеону и как исходная линия для наступления, и как оборонительная линия для удержания союзников. Она предоставляла Наполеону выгоду коротких расстояний, ибо была хордой относительно расположения союзников по окружности. Левый фланг линии Эльбы обеспечивался морем, правый искусно усилил Наполеон. В самом деле, на левом берегу была крепость Кенигштейн, а против него, на правом, — укрепленный Лилиенштейн. В Кенигштейне собраны запасы на 100 тысяч человек на 9—10 дней. Около него построено несколько мелких укреплений, запиравших выходы из Богемских гор (Зоннештейн, Пирна, Штольпен).

Основное довольствие правому флангу Эльбы поставлял Дрезден, превращенный Наполеоном в обширный укрепленный лагерь; запасы собраны из расчета на два месяца для 300 тысяч человек. Гарнизон в 30 тысяч, мог держаться в этом лагере при энергичном коменданте 6—8 дней и даже до 15 дней.

Вся Эльба была усилена крепостями. Торгау и Виттенберг — укрепления земляные, временного характера. Магдебург — первоклассная крепость. Гамбург, отошедший к маршалу Даву перед заключением перемирия, сильно укреплен. Открытая и обширная местность между Гамбургом и Магдебургом защищена укрепленным Вербеном с трехтысячным гарнизоном. При устье Эльбы — укрепления Глюкштадта, защищаемые датчанами.

Кёнигштейн имел для Наполеона большое значение, ибо при наступлении Богемской армии союзников из Чехии по той или другой стороне Эльбы Дрезден удерживался бы своим гарнизоном, а Наполеон, перейдя реку у Кёнигштейна, мог с 120 тысячами действовать в тыл. Кроме того, если бы Кёнигштейн не запирали Эльбу, то она могла бы в верхнем течении служить для союзников линией сообщений.

Дрезден с его запасами сокращал линию действий Наполеона на 500 верст, считая от Рейна. Наполеон говорил: «Пусть меня отрежут от Рейна, лишь бы не отрезали от Дрездена».

Таким образом, Эльба являла собой как бы некую крепость, но не сомкнутую, а развернутую на 500 верст по фронту.

Слабая ее сторона заключалась в том, что с переходом Австрии на сторону союзников правый фланг этой оборонительной линии мог быть обойден со стороны Чехии. Наполеон ясно сознавал это, почему и обратил особенное внимание на его усиление. Но генералы находили положение на Эльбе опасным и советовали отойти за р. Заалу и даже за Рейн.

Наполеон успокаивал их и отвечал: «С такими жертвами, какие вы мне предлагаете для продолжения войны, я мог бы заключить мир. Десять проигранных сражений едва ли могли бы поставить меня в то положение, которое вы мне советуете занять в самом начале, при открытии военных действий! Конечно, не следует легкомысленно обнажать своей операционной линии; это я знаю; это правило, рекомендуемое здравым смыслом; это азбука военного искусства; но ввиду великих интересов не следует останавливаться перед жертвами

и не опасаться, подобно Кортесу, жечь свои корабли. Если бы военное искусство заключалось только в том, чтобы ничем не рисковать, то слава сделалась бы достоянием посредственности... Повторяю, моя позиция такого свойства, что хотя бы противник и одержал надо мною десять побед, то много, что он вынудит меня этим отступить к Рейну, между тем как одно выигранное мною сражение приведет меня к столицам неприятеля. Я все рассчитал, остальное предоставлю судьбе».

Вооруженные силы сторон. К союзникам присоединилась австрийская армия. После 1809 г. в Австрии стали проявлять бережливость: держали слабые кадры, а остальных отправляли в отпуска. Солдаты под начальством хороших генералов способны были одерживать победы. Пожизненный срок службы отменен еще с 1802 г. Дух войск неудовлетворителен, чему во многом способствовала система унижительных наказаний нижних чинов. Никто из них не мог рассчитывать стать офицером, — производились в чины только дворяне. Аристократизм господствовал; существовала поговорка: «Человек начинается только с барона». Неблагоприятно отзывался на качествах армии и разнообразный ее национальный состав.

При мобилизации встретила масса затруднений. Сперва треть батальоны полков были расформированы и пошли на укомплектование двух первых. Затем решили вновь сформировать их, и выделены были для них кадры; дело велось вяло. Кавалерия была хороша.

Всего австрийцы выставили 110 тысяч.

К этому же времени Пруссия выставила 170 тысяч при 376 орудиях.

Численность русской армии к концу июля достигла 173 тысяч при 648 орудиях; всего у союзников было 492 тысячи и 1383 орудия. Конницы — 600 эскадронов (77 тысяч коней), казаков 26 тысяч (пятая часть всех сил).

У Наполеона к осеннему походу собралось 440 тысяч и 1200 орудий. Конницы — 424 эскадрона, невысокого качества (шестая часть всех сил).

Состав главных квартир союзников. Говорят, главное командование предложили Александру, но вряд ли это было сделано искренно, да и Австрия, по причине всегдашней зависти, не допустила бы такого. К тому же Александр и не чувствовал в себе способностей полководца. Однако не раз он давал дельные советы, которые всегда ценились, да к тому же были и обязательны к исполнению. Во всяком случае, он являлся единственным связующим звеном действий всех союзных армий. Помощниками его были: князь Волконский — начальник штаба и Толь — генерал-квартирмейстер. Волконский очень ловко и умело улаживал разногласия союзников, что в коалиционной войне особенно важно. Главнокомандующим собственно русских войск был Барклай; его начальником штаба — Сабанеев — личность малозаметная; генерал-квартирмейстером — Дибич.

Общим официальным главнокомандующим назначен австриец — фельдмаршал князь Шварценберг, еще молодой человек, 42 лет, храбрый, аристократ, искусный царедворец, умел при ловком и мягком обращении твердо отстаивать интересы Австрии. Полководец совершенно посредственный; к тому же и положение его было трудное: при армии находились три монарха, в главной квартире всегда обнаруживались противоположные течения, и Шварценберг должен был вечно хитрить. Помощники его: начальник штаба Радецкий — способен, но скромнен; генерал-квартирмейстер — Лангенау, только что перед тем перешедший в австрийскую службу саксонский офицер Генерального штаба, сильно стремившийся обрести влияние; главный его недостаток — односторонность взгляда.

Блюхер — главнокомандующий Силезской армии, весьма энергичный, обладавший глазомером, прекрасный исполнитель намеченного плана, но малообразованный. Он сам сознавал это и никогда не пренебрегал мнением знающих людей. Начальник штаба Гнейзенау и генерал-квартирмейстер Мюффлинг — талантливые и уравновешенные личности. Когда они расходились во мнениях, Блюхер умел отличить, кто был прав. Согласие между всеми тремя было полное: их называли «три головы под одной шапкой». Гнейзенау,

когда было нужно, удерживал порывы пылкого Блюхера, действовал на него охлаждающим образом, а старик Блюхер (ему было за семьдесят) очень любил и ценил Гнейзенау.

В армии союзников были два французских выходца — Моро и Жомини. Моро ненавидел Наполеона, пробыл в изгнании в Америке 12 лет и теперь возвратился, чтобы служить Александру против своего врага. Обладая большим здравым смыслом и отлично понимая стратегию войны (сам неоднократно бывал главнокомандующим), он мог бы быть очень полезен. На русскую службу он не поступил и ездил в свите государя в сером сюртуке, круглой шляпе и сапогах со шпорами.

Жомини, швейцарец по происхождению, был принят на русскую службу генерал-лейтенантом. В числе причин ухода из французской армии — обида на Бертье (обойден в чинах), который постоянно его преследовал в течение многих лет. Помощь Жомини могла быть велика; но он сам не навязывал своего мнения, и его немногие слушали, ибо находили, что он лишь хороший теоретик, а не практик. Однако Жомини неоднократно доказал на практике верность своих стратегических взглядов.

Группировка сил. Необходимость прикрывать направления на Берлин, Силезию и на Чехию с Прагой и далее на Вену, отсюда разделение на три армии и отсутствие талантливого начальника для общего руководства огромной массой заставляли союзников разбрасываться.

Русские и прусские войска (127 тысяч под начальством Барклая) образовали в окрестностях Будина Богемскую армию силой в 237 тысяч при 764 орудиях под непосредственным командованием Шварценберга; тут же находились и монархи.

Силезская армия Блюхера (100 тысяч и 340 орудий), состоявшая из трех русских корпусов и одного прусского, расположилась в Силезии, у Швейдница.

Северная армия наследного шведского принца Бернадота (155 тысяч) прикрывала путь к Берлину у Трейенбрицена, выделив сводный корпус Вальмодена (22 тысячи) на Нижнюю Эльбу.

Наполеон на пространстве в 160 верст — от Дрездена до р. Кацбах (в Силезии) — сосредоточил 343-тысячное войско, из них 90 тысяч, расположенные центрально у Герлица, составляли общий резерв; кроме того, до 100 тысяч стояли по берегам Эльбы и за нею, в местностях, имевших стратегически важное значение.

Планы сторон. Близ Бреславля, в Трахенберге, представители союзных государств 28—30 июня выработали план действий, в основу которого были положены предложения Толя. Северная и Богемская армии должны были наступать за Эльбу и действовать решительно; а Силезская «последует за неприятелем к Эльбе, избегая генерального сражения», т. е. должна, войдя в соприкосновение с Наполеоном, постепенным отступлением затягивать его в глубь страны и тем облегчить Богемской армии удар ему с тыла. По плану Силезская армия потом должна была переправиться через Эльбу между Торгау и Дрезденом, чтобы присоединиться к Северной.

План Наполеона заключался в том, чтобы, опираясь на р. Эльбу и главным образом на Дрезден, действовать по внутренним линиям и бросаться то против той, то против другой армии союзников.

Первая операция имела целью захват Берлина, после чего Наполеон планировал быстро продвинуться до Одера и даже до Вислы, войти в соприкосновение с французскими гарнизонами крепостей и таким энергичным движением сразу поправить все дело и вернуть утраченное. План грандиозен, но по характеру походит на отчаянные замыслы азартного игрока. Пруссаки были наиболее ожесточенным его врагом, и он решил первый удар направить против них. «Гонимый страстью, — пишет Мормон (т. 5, с. 139—140), — он горит нетерпением прежде всего обрушиться на Пруссию. Он хочет, чтобы первые пушечные выстрелы были направлены на Берлин; он желает, чтобы страшная и примерная месть последовала немедленно за открытием неприязненных действий».

Для этого под начальством Удино должно было собраться с Нижней Эльбы 110 тысяч человек, однако из них только

треть французов, на иностранцев же нельзя было особенно полагаться.

Перед группировкой главных сил на Верхней Эльбе ставилась задача обеспечить с фланга и тыла операцию против Берлина. Эту группировку Наполеон организовал весьма искусно. Если бы противник из Богемии пошел по левому берегу Эльбы, то против него в первый же день можно было сосредоточить до 50 тысяч войска, на второй — 70 тысяч, а на четвертый подошел бы общий резерв, всего — 180 тысяч. Если бы союзники двинулись по правому берегу, то в первый же день против них было бы выставлено 130 тысяч войска, во второй — 170 тысяч, т. е. это направление оказывалось еще более обеспеченным, а оно было важнейшим, ибо грозило быть отрезанным от Дрездена.

Растяжка сил от Дрездена до р. Кацбах оказывала следующее влияние: пока общий резерв был в центре, у Герлица, он мог поспевать и на один, и на другой конец растянутого расположения; но как только резерв оттягивался к одному концу, поспеть вовремя к другому он уже не мог; нарушались свойства внутренних линий, вследствие которых они не могут быть слишком длинны; тем более, что и массы войск были велики, а это тоже противоречит свойствам внутренних линий.

Описанное расположение имело в виду случай, когда начин действий ожидается со стороны союзников. Но у Наполеона был и активный план. Главное внимание обращала на себя Силезская армия. Наполеон еще не знал, что 127 тысяч Баркляя пошли на соединение с Богемской армией, и потому считал Силезскую армию самой сильной, а две другие значительно слабейшими. Состав ее — из русских и прусских войск, энергия Блюхера — все это еще более усиливало в глазах Наполеона значение Силезской армии.

Богемская армия, с посредственным Шварценбергом во главе, согласно указаниям из Вены, не предполагала действовать особенно энергично, и Наполеон это знал. Что же касается Бернадота, то он был поставлен в фальшивое положение. С одной стороны, он берег шведские войска, которые впоследствии могли понадобиться для укрепления власти в

Норвегии, с другой — хотел заслужить симпатии французов, так как у него мелькала надежда быть избранным на престол Франции после свержения Наполеона; он открыто говорил, что его династию следует предпочесть выродившимся Бурбонам. Вот почему он не имел в виду наносить решительных ударов французам. И это было известно Наполеону, который характеризовал будущие действия Бернадотта словами: «Этот будет топтаться!»

Покончив с Силезской армией, Наполеон рассчитывал ударить на Богемскую, как вторую по значению. Он думал двинуться ей в тыл через Циттау или через обеспеченную им переправу у Кёнигштейна.

При действиях по внутренним линиям чрезвычайно важно быть хорошо ориентированным, а между тем Наполеон во время осеннего похода был плохо осведомлен о происходящем, главным образом вследствие плохого качества конницы и малого ее числа. Положение великого полководца было весьма трудным: почин действий не ему принадлежал, кроме того, его генералы не оправдали возлагавшихся на них надежд.

Наступление Блюхера началось 3 августа. Неприятельские войска были разбросаны и отступали. 6 августа Блюхер уже достиг Кацбаха, а 8-го подошел к р. Бобер (возле Бунцлау и Левенберга). Он хотел наступать далее, но получил известие о прибытии Наполеона с подкреплениями. Тогда он решил, согласно Трахенбергскому плану, отступить перед превосходящими силами. 9 августа, отбив несколько атак, он начал отступление и отошел за р. Кацбах, к Яуэру.

8 августа Наполеон с 40-тысячным войском стремительно двинулся к Левенбергу. У гостиницы «Белый конь», опершись на высокую скамейку, на которой были разложены две карты, стоял он, то покачивая скамейку, то расстегивая и застегивая свой серый сюртук. Все движения его обнаруживали нетерпение и беспокойство. «Вперед, вперед, мои дети!» — говорил отрывисто император проходившим мимо него полкам. Наполеон думал принудить врага к решительному бою, чтобы поскорее покончить с Блюхером и действовать против других армией (Богемской). Но Блюхер, как мы видели, заранее отступил.

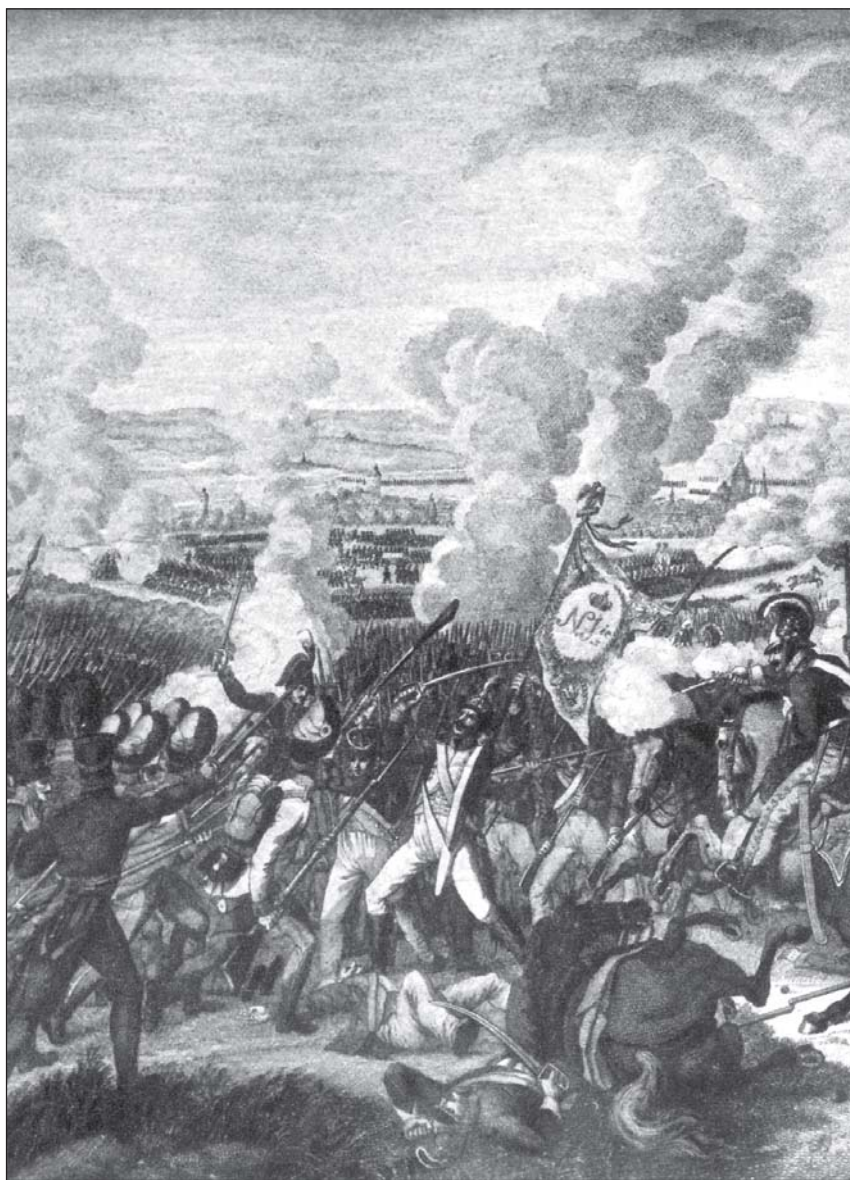
В глубоком раздумье возвратился Наполеон в Левенберг и здесь получил известие о наступлении Богемской армии. Оставив под командой Макдональда 70—80 тысяч солдат против Блюхера, он немедленно повернул с главными силами к Дрездену.

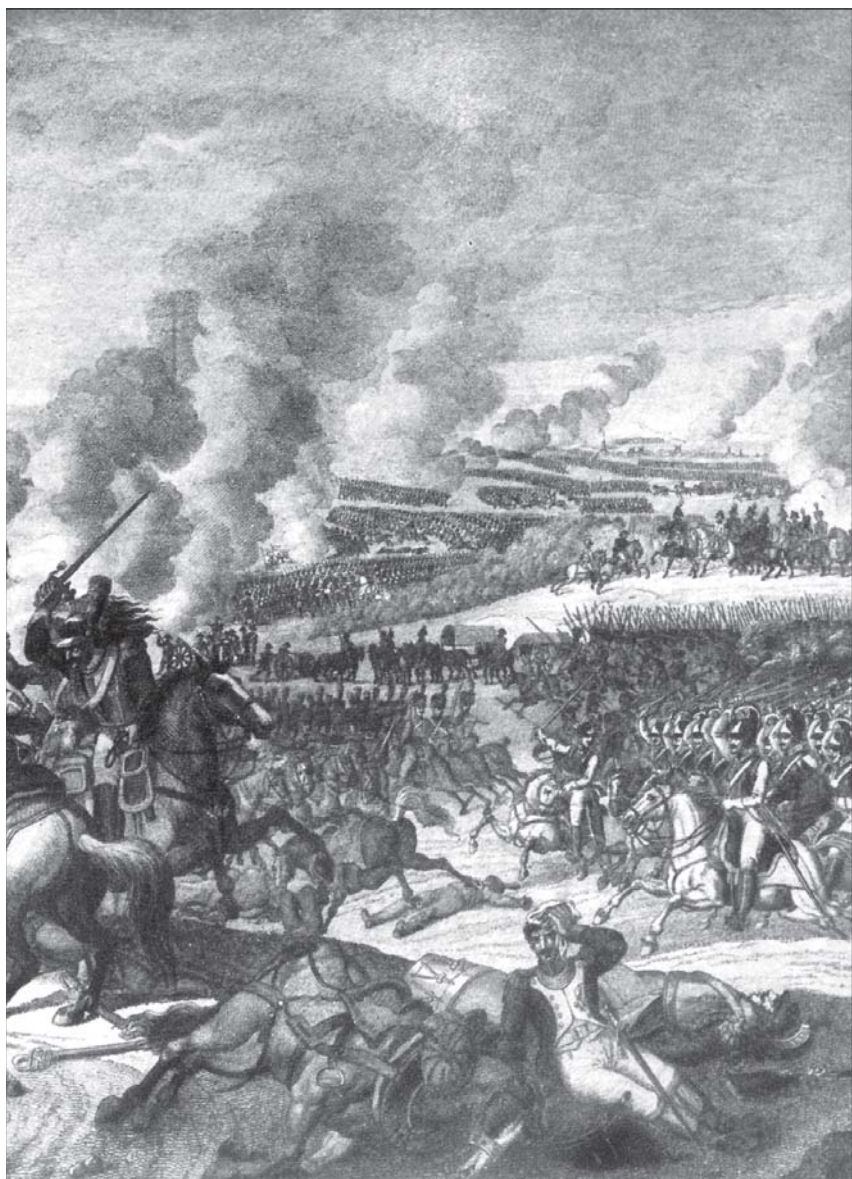
Сражение под Дрезденом 14 и 15 августа. Наступление Богемской армии к Лейпцигу началось только 10 августа, тогда как могло начаться уже 5-го. Всевозможные задержки объясняются полной неподготовленностью к маршу. Шварценберг и его штаб не имели сведений ни о местности, ни о дорогах, ни об укреплениях Дрездена, ни о неприятельских войсках, ни о состоянии своих войск; все делалось наугад, а между тем превосходство в коннице и удобство иметь лазутчиков в стране, враждебной французам, давало полную возможность отдавать себе во всем ясный отчет.

Двинулись через Богемские горы четырьмя колоннами, причем русские войска Витгенштейна составили правую колонну (как бы крупный боковой авангард) и направились из Теплица мимо Кёнигштейна на Дрезден; остальные колонны двигались левее, на Лейпциг.

Первое столкновение с войсками Сен-Сира, оборонявшими Дрезден, произошло в колонне Витгенштейна в тот же день, 10 августа. Оттеснив противника, Витгенштейн остановился в 10 верстах от Дрездена, на Пирнском шоссе.

Благодаря тому, что был захвачен адъютант Сен-Сира с важными бумагами, союзники узнали, что на пути к Лейпцигу никого нет, а Дрезден занят лишь слабыми силами. Кроме того, два вестфальских кавалерийских полка перешли на сторону австрийцев и сообщили некоторые сведения о расположении французских войск. Тогда, по предложению Жомини, решили оставить прежнее направление, двинуться на Дрезден и овладеть им. Переменить направление движения 200-тысячного войска — дело весьма нелегкое, а главная квартира распорядилась этим весьма неискусно. Большая часть сил двинулась в одной колонне через д. Диппольдисвальде и почти по бездорожью поперек отрогов Богемских гор. Началось движение 11 августа, а к 4 часам пополудни 13-го около

Сражение под Лейпцигом

Дрездена сосредоточилось уже 60-тысячное войско. Может быть, его было бы достаточно для немедленного овладения Дрезденом, который в этот день оборонялся лишь 40 тысячами солдат Сен-Сира, да и то не полностью. Однако вместо немедленного штурма собрался целый военный совет у Рекница. Александр колебался, но наконец также высказался вообще против нападения на Дрезден. Шварценберг был за штурм, но, как тонкий придворный, соглашался с мнением государя.

В ночь на 14 августа собралось уже 87 тысяч союзных войск, но время оказалось упущенным — в Дрезден прибыл Наполеон.

Движение Наполеона к Дрездену было чрезвычайно быстрым. 11 августа прошли 42 версты от Левенберга до Герлица; 12-го дошли до Бауцена — 40 верст, 13-го были уже в Штольпене, т. е. преодолели 28 верст. Всего в три дня пройдено 110 верст; дневки не дали и после этих усиленных переходов, так как надлежало немедленно двинуться далее и вступить в бой под Дрезденом. Для сравнения припомним, что союзники при движении к Дрездену прошли 70 верст за пять дней.

Марш Наполеона может служить образцом быстрого передвижения большой массы войск. По дорогам направлена лишь кавалерия и артиллерия, а пехота, для сокращения глубины колонны, шла по сторонам дорог, поперек горных отрогов, преодолевая ручьи и другие препятствия, притом в батальонных колоннах.

Когда прибыли к Штольпену, то оставалось до Дрездена 20 верст, до Пирны — 10 верст, до Кёнигштейна — 15 верст. Куда направляться далее? Ответ на этот вопрос составлял всю стратегию настоящей минуты.

Наполеон давно уже задумал, удерживая Дрезден, направиться через Кенигштейн со 150-тысячным войском в тыл Богемской армии; корпус Вандамма (40 тысяч) уже был двинут в этом направлении. Этот превосходный маневр обещал самые решительные последствия, но он был возможен только при условии, что Дрезден продержится, пока маневр будет закончен. Между тем из Дрездена стали доходить тре-

возные слухи: «Дрезден может быть взят с минуты на минуту». В то же время пришло донесение Удино о поражении его армии под Грос-Беереном. Эта неожиданная неудача несколько поколебала решительность Наполеона.

Ввиду полученных от своего ординарца Гурго тревожных сведений о положении Дрездена Наполеон решил идти прямо на выручку Дрездена, а действия в тылу войск Шварценберга предоставить Вандамму.

Тем временем Шварценберг, посоветовавшись со своим генерал-квартирмейстером Лангенау, ночью же велел написать диспозицию на следующий день, не сообщив об этом даже императору Александру. По этой диспозиции нападение на город предполагалось произвести 14-го, в 4 часа пополудни, пятью колоннами, направленными по радиусам со всех сторон на левом берегу Эльбы.

Диспозиция является отрицательным образцом во всех отношениях. Цели действий назначено не было. Обо всех колоннах говорилось, что они назначаются для демонстрации, и ни одной не указано штурмовать. Выражения «наступает по возможности далее», «может ворваться», «наступают столько, сколько можно будет без напрасной траты людей» — очень странны в диспозиции для штурма.

Начало действий назначено на 4 часа пополудни, тогда как диспозиция писалась ночью, и можно было бы успеть начать штурм утром, чтобы иметь в распоряжении больше светлого времени, теперь же пришлось бы оканчивать дело в ночной темноте. Такое промедление можно было бы объяснить желанием подождать подхода всех сил, но здесь и этого не было.

А между тем промедление позволило Наполеону изготавиться, и уже в 9 часов утра он имел 70-тысячное войско. Хотели брать укрепленный Дрезден штурмом, а не было ни штурмовых лестниц, ни фашин.

Таким образом, все предприятие являлось лишь жалкой полумерой.

Сражение 14 августа. Пруссаки начали бой уже с пяти утра, австрийцы с семи, русские с восьми. Войска овладели кое-где местностью, но на этом все дело и закончилось, ибо

Шварценберг разослал приказания — приостановить наступление до 4 часов дня. О Наполеоне пока ничего не знали, что кажется странным. Ведь движение его в Силезию и обратно происходило местами в расстоянии ружейного выстрела от австрийской границы, но ни лесничие, ни ловчие, ни таможенники — никто не известил Шварценберга о столь важных происшествиях. Наполеон, прибыв в Дрезден, уже сам подослал своего знаменитого шпиона Шнейдера сообщить об этом союзникам, чтобы замедлить их атаку и успеть подтянуть войска.

В 11 часов утра Александр выехал на Рекницкие высоты и с удивлением заметил, что войска строятся для боя. Решил позвать Шварценберга, сообщить ему, что в Дрезден прибыл сам Наполеон и что поэтому атака на город невыгодна. Снова приступили к бесплодным совещаниям. «То место, — рассказывает очевидец, — где стояли монархи со штабом своим, уподоблялось шумному народному собранию. Моро пришел в крайнее раздражение и, бросив шляпу на землю, сказал Шварценбергу: “Э, черт возьми, monsieur, я более не удивляюсь, что в течение 17 лет вы были всегда биты!” Император Александр старался успокоить его и отвел в сторону. “Ваше Величество! Этот человек потеряет все”, — прибавил Моро».

Наконец главнокомандующий согласился с мнением Александра и сам поскакал искать своего начальника штаба и генерал-квартирмейстера, чтобы сделать через них распоряжения об отмене штурма.

Время уходило, а отмены штурма не давалось. Ровно в 4 часа дня раздались роковые три пушечных выстрела — условленный знак для начала атаки; наступление началось. Шварценберг не объяснил причины этого обстоятельства, но можно думать, что ближайшие советники уговорили его не уступать русскому императору и не отменять сделанных распоряжений. Само сражение обратилось из преднамеренного в случайное со всеми его невыгодными сторонами. Войска дрались храбро, но успеха быть не могло, ибо подготовки не было никакой.

Ручей Вейстриц, протекавший в глубоком Плауэнском овраге, берега которого круты и труднодоступны, разрезал

поле сражения на восточную и западную части. Если уж решились дать сражение, то следовало бы, как предлагал Жomini, сосредоточить войска по правую сторону Плауэнского оврага, чем избегалось бы вредное разделение преградой и сохранялся бы лучший путь отступления — Пирнское шоссе.

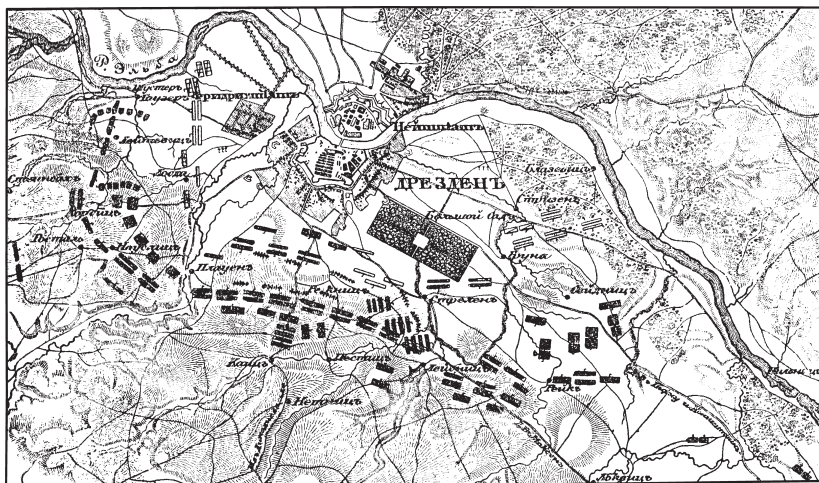
Русские, под начальством Витгенштейна, двинулись вперед на правом фланге, но вскоре были остановлены французами; упорный бой за мызу Гойфгартен остался безуспешным. Пруссаки овладели всем Грос-Гартеном. Австрийцы правее оврага отбросили французов, заняли люнет № 3, но были остановлены стенкой со рвом, приведенной в оборонительное состояние. Левее Плауэнского оврага они были остановлены подобными же стенками и конницей Латур-Мобура.

Теперь Наполеон готовился произвести контратаку. Он объехал всю ограду, осмотрел все поле сражения, потом пропускал мимо себя войска, спешно переходившие через мост на Эльбе, ободрял их несколькими словами и сам указывал им направление. Солдаты снимали ранцы и грязную одежду, надевали парадную форму, получали порцию вина и с музыкой и восторженными восклицаниями проходили мимо императора.

Для управления боем Наполеон поехал к люнету № 3, а саксонскому полковнику фон Гааку приказал взобраться на колокольню Дрезденского собора и через конных ординарцев доносить обо всем, что заметит.

Мортье с двумя дивизиями молодой гвардии и 20 эскадронами гвардейской кавалерии Нансути отбросил Витгенштейна. Пруссаки были выбиты из большей части Грос-Гартена. Австрийцев отбросили на всех пунктах. Союзники возвратились из-под стен Дрездена почти к тем самым местам, с которых пошли на приступ.

Сражение 15 августа. Полагая, что противник отступает, Наполеон назначил для преследования 125 тысяч войска, но союзники, собрав до 160 тысяч, остались на позиции. Впрочем, у них не было определенного плана; конечно, о повторении штурма не следовало и думать, а диспозиции для оборонительного боя не было дано. У Шварценберга уже мель-

План сражения при Дрездене 15 августа 1813 г.

кает мысль об отступлении; по крайней мере, австрийским обозам приказано отступить.

Позиция союзников состояла из слабых фланговых участков на равнинах, примыкавших к Эльбе, и сильного центра на Рекницких высотах; но фланги весьма важны в стратегическом отношении: от правого отходит шоссе на Пирну, а от левого — на Фрайберг, первостепенные пути отступления; от центра — второстепенные. Шварценберг оставляет 30-тысячное войско, на легкодоступных и стратегически важных участках, а 130 тысяч стягивает на сильный и стратегически менее важный центральный участок.

Ночь на биваках для союзников прошла тягостно. Полил крупный холодный дождь, укрытия нет, продовольствия тоже; как следствие отбитого приступа — упадок духа; среди солдат разносились слухи о грядущем отступлении.

Французы укрыты под кровлями дрезденских домов; пища, вино, водка и пиво вдоволь доставляются жителями, устрешенными гневом Наполеона; удача 14 августа сильно подняла дух.

План Наполеона: удерживая центр, атаковать фланги. Позиция союзников растянута; в таком случае, по теории,

надо бить в центр, но план великого полководца соображен с особенностями обстановки: центр труднодоступен, фланги слабы, а стратегически они важнее; между тем центр самого Наполеона усилен укреплениями Дрездена, и потому он не опасается прорыва. Для атаки правого фланга союзников назначается Ней с 20 тысячами, (вчетверо сильнее), а левого — Мюрат с 40 тысячами (вдвое сильнее); в центре — корпуса Мармона и Сен-Сира; за ними в общем резерве — старая гвардия.

Наступило ненастное утро 15 августа. В 8 часов утра Ней начал теснить Рота. К Нею подъезжает Наполеон; ядро падает у самой его лошади. Избегнув счастливо опасности и видя успешное начало дела, император находится в самом лучшем расположении духа и весело ободряет солдат. Однако Рот упорно отстаивает каждую пядь земли. Дождь замочил полки ружей, стрельба невозможна, дерутся на штыках, навалены груды трупов. В 12 часов русские уступили Пирнское шоссе, хотя и захватили довольно много пленных. Блестящее сопротивление 5000 русских против 20 тысяч врага все же кончилось потерей пути, имевшего важное стратегическое значение.

Против левого крыла австрийцев Мюрат продвигался сначала медленно — он ожидал окончания обхода нескольких батальонов, посланных для захвата Фрейбергского шоссе. Потом, как буря, налетает со своей конницей, производит несколько атак и при удачном содействии конной артиллерии наносит полный разгром австрийцам: захвачено 10 тысяч пленных, 26 орудий, 30 зарядных ящиков.

Видя отступление Рота, Моро и Жомини доложили о необходимости вернуть Пирнское шоссе. Александр лично послал приказание Барклаю с войсками Витгенштейна и пруссаками атаковать Нея, увлекшегося преследованием Рота и удалившегося от своего резерва. Если бы Барклай проявил энергию, то действительно была надежда отрезать Нея и отбросить к Эльбе. Но Барклай донес, что опасается спуститься в долину, чтобы не увязла артиллерия, и при неудаче ее нельзя будет поднять на Рекницкие высоты. На это донесение не обратили внимания, так как в это время

был смертельно ранен Моро: ядро оторвало ему правую ногу, пробило насквозь лошадь и раздробило левое колено¹. Пока за суматохой опомнились к двум часам дня, уже на левом фланге произошла катастрофа с австрийцами, и Шварценберг решил отступить. Монархи восстали против этого — много свежих войск еще не было введено в дело, но Шварценберг настоял.

Потеря союзников громадна — до 30 тысяч; Наполеона — 10—15.

Отступление союзников 16 августа в Чехию назначено диспозицией Шварценберга тремя колоннами; 1-я — русско-пруссские войска Барклай через Дона по Пирнскому шоссе; 2-я — австрийцы центра — на Диппольдисвальде; 3-я — австрийцы левого крыла — по Фрейбергскому шоссе.

Однако Барклай, опасаясь, что Вандамм почти владеет Пирнской дорогой, решил свернуть на Максен и Диппольдисвальде; 3-я колонна также свернула на Диппольдисвальде, так как Фрейбергское шоссе уже было занято Мюротом. Таким образом, вместе со 2-й колонной на одном пути сошлись до 200 тысяч солдат; обозы загромождали дорогу, дождь продолжался, беспорядок ужаснейший, ругательства раздавались на всех языках. Наполеон направил войска для преследования четырьмя колоннами, да еще Вандамм должен был пересечь пути движением от Пирны. В случае успеха Наполеон обещал ему маршальский жезл. Гибель союзников казалась неизбежной. Пленные, повозки захватывались французами во множестве.

Сражение при Кульме 17 и 18 августа. 14 августа, во время Дрезденского сражения, против Вандамма (40 тысяч) выдвинули отряд принца Евгения Вюртембергского (13 тысяч). При таком неравенстве сил принц Евгений мог держаться благодаря тому, что Вандамм действовал вяло и посылал войска в бой по частям, но все-таки потеря русских достигла 1500 человек.

¹ Скончался 21 августа. Прах его покоится в Петербурге, в католической церкви на Невском проспекте.

Евгений посылает за подкреплениями. Шварценберг согласен; но Евгения недолюбливает император Александр, а потому Барклай отнесся к делу равнодушно, послал всего 1-ю гвардейскую пехотную дивизию Ермолова, а начальство над отрядом передал графу Остерману-Толстому, хотя Евгений до сих пор действовал хорошо.

15 августа против Вандамма было всего 17,5 тысячи войска, но он все-таки действовал чересчур осторожно. Чтобы придать энергии действиям Вандамма, ему было отправлено 16 августа в 4 часа дня из главной квартиры Наполеона следующее послание: «Его Величеству угодно, чтобы вы, со всеми своими силами, атаковали принца Вюртембергского и через Петерсвальде вступили в Богемию. Император полагает, что ваши войска могут занять сообщения, ведущие к Тешену, Ауссигу и Теплицу, прежде, нежели успеет туда прийти неприятель, разбитый под Дрезденом и отступающий на Аннаберг» (вероятно, описка — Альтенберг). Этот документ очень важен, потому что впоследствии Наполеон сваливал вину на Вандамма и утверждал, будто ему вовсе не предписывалось захватить путь отступления союзников, а лишь поручалось патрулировать проходы через Богемские горы.

В предписании Барклая относительно отступления Остерману предоставлялось либо идти по Пирнскому шоссе на Петерсвальде, а «ежели сочтет себя отрезанным от Петерсвальде расположением неприятеля у Гисгюбеля, либо, что еще вероятнее, у Геллендорфа, то тоже идти на Максен вслед за главными силами». Идя на Максен, приходилось делать фланговым маршем 15 верст почти на виду гвардии Наполеона, имея с тыла Вандамма; на Петерсвальде тоже приходилось идти фланговым маршем 15 верст относительно Вандамма, а с тылу — гвардия, следовательно, опасность одинаковая, но зато, по мнению Евгения, Пирнское шоссе оставалось в наших руках и обеспечивалось движение всей армии; решение стратегически вполне верное. Остерман возражал, что шоссе на Петерсвальде уже занято неприятелем, особенно же подвергнется опасности гвардия. Сначала принц стал говорить, что, мол, ничего не может быть почетнее для гвардии, как жертвовать собой для спасения всех, а затем

просто объявил, что «пойдет со своими войсками на Петерсвальде». Остерман посоветовался с Ермоловым и сказал: «Ну и я решил на Петерсвальде». Из этого видно, что первым столь важное решение принял принц, а между тем вся слава досталась Остерману.

16 августа Преображенский полк на штыках пробился у Гисгубеля, а Семеновский — у Геллендорфа. Потери отряда были велики, но все-таки у Петерсвальде собралось до 16 тысяч войска. Главные силы союзников ночевали в 16–30 верстах к северу от Теплица. Неприятель следовал почти по пятам. Гвардия дошла почти до Пирны, где с Наполеоном сделался припадок рвоты, и его отвезли в Дрезден.

17 августа Вандамм проявляет энергию, не спит ночь, и в 5 часов утра среди тумана кавалерийская дивизия Корбино внезапно атакует Татарский уланский полк. Уланы в смятении бросаются на обозы и аррьергард Шаховского; начинается паника. Евгений, который с 3 часов утра уже был на коне, восстанавливает порядок, кирасиры его величества, под начальством принца Леопольда Саксен-Кобургского, и Татарский полк атакуют Корбино, всему отряду удается отступить к Кульму. Остерман вовсе не предполагал держаться у Кульма, но получил из Теплица записку от короля прусского, который просил спасти армию и Александра, удержав неприятеля на какой-либо позиции впереди Теплица.

Остерман занял позицию за ручьем Страденбах, у д. Пристен (аррьергард у Кульма). Главное стратегическое значение принадлежало левому флангу — с занятием его неприятелем отряд отрезывался от Теплицкого шоссе и от поддержки главных сил армии; задача отряда заключалась в обеспечении выхода армии из гор и ее сосредоточения к Теплицу.

Позиция была слаба, но русские имели успех; он поразителен для тех, кто считает, что у Вандамма было 40-тысячное войско, т. е. чуть ли не тройное превосходство сил. На самом деле первоначально у русских было 15 тысяч, а к концу дня 20. Вандамм притянул к полю сражения только 30 тысяч, а в бою участвовали 19.

После дождливых дней наконец туман рассеялся, солнце появилось во всем блеске, и Вандамм, как на ладони, мог

рассмотреть расположение очевидно слабых сил противника. Не дожидаясь, пока стянутся все войска, французский полководец направляет в атаку головную бригаду и так до конца боя вводит в дело силы свои по частям. Упорство боя было изумительное. Особенно отличился Лейб-гвардии Егерский полк. Семеновцы потеряли 900 человек. Остерману оторвало руку случайным ядром. В критическую минуту даже писаря и нестроевые просили дать им ружья. Около 5 часов дня центр позиции оторван французами, готовыми торжествовать победу; но в эту минуту является первая помощь. В 10-м часу утра прибыл король прусский и разослал своих адъютантов, чтобы направить войска, выходящие из гор, на помощь русским к Кульму.

Император Александр спускался с гор от Альтенбурга и любовался чудной картией расстилавшейся у его ног Теплицкой долины. Было воскресенье, мирные жители возвращались от обедни. Видневшиеся влево дымки были приняты за выходящие из сельских труб, но вдруг донеслись звуки пушечных выстрелов, и скоро стало известно, что горсть русских дерется, спасая всю армию в ее критическом положении. Александр немедленно рассылает приказания колоннам и резервной кавалерии свернуть с дороги и спешить к Кульму, а прусскому корпусу, находившемуся далеко к северу, в 30 верстах, предлагает свернуть с дороги и выйти на Пирнское шоссе, прямо в тыл Вандамму. Жомини послан в горы. Он встретил австрийскую дивизию Колоредо, который отказался идти на выручку без приказания Шварценберга. Жомини возвращается и докладывает русскому императору. Александр едет в Дукс. Шварценберга там нет, но нашли Меттерниха, который, однако, отказался распоряжаться войсками. Жомини разъяснил опасность положения, и Меттерних согласился послать приказание, но Колоредо прибыл только к ночи.

Первыми пришли русские лейб-драгуны и тотчас пошли в атаку; к их флангу примкнули лейб-улань. Неприятель опрокинут, — потерял 500 пленных. Постепенно стали подходить 1-я и 2-я кирасирские, 1-я гренадерская и 2-я гвардейская пехотные дивизии. Прибыли Милорадович, Барклай, Шварценберг, но острое положение уже миновало — в 6 часов

Вандамм решил остановить атаки. Русские потеряли 6000 солдат, но имели большой стратегический успех — прикрыто движение с гор Богемской армии.

18 августа все-таки нужно было еще держаться, ибо дорога с гор запружена обозами, армия не прошла, кризис не миновал. Вандамм ожидал прибытия по Пирнскому шоссе войск Наполеона и потому решился с 30 тысячами атаковать противника. Союзники сосредоточили на позиции у Пристена 40 тысяч и тоже решили наступать. Общее начальство поручено Барклаю. План союзников: русские атакуют с фронта, австрийцы Колоредо обходят левый фланг, для чего должны занять Стризевицкие высоты, а Клейст (35 тысяч) атакует с тыла. С 7 часов утра Вандамм усиленно атакует русских, атаки отбиты; он их продолжает, пока в 10 часов не появляется Колоредо на Стризевицких высотах. Вандамм придвигает свой резерв к левому флангу и тут замечает появление у себя в тылу каких-то колонн, которые он принял за войска Наполеона. Объявив об этом по всей своей линии, он снова энергично атакует русских. Но скоро наступило разочарование: Клейст открыл артиллерийский огонь. Положение Вандамма критическое: он окружен с трех сторон неприятелем, а с четвертой — горы. Другой бы на его месте сдался, но Вандамм приказывает передовой линии идти на Пристен, артиллерии драться до последнего и затем бросить пушки, спасая прислугу и лошадей. Сам же решается пробиться; во главе стала дивизия Корбино, затем пехота — и все это ураганом налетает на Клейста, врывается, пруссаки в ужасе открывают дорогу. Корбино дерется лично врукопашную, ломает свою саблю и пробивается уже с прусской саблей в руке. За ним бросилась пехота, но тут оправившаяся бригада Цитена заслонила дорогу, и французы принуждены бежать врозь по горным тропинкам. В то же время русские пошли с фронта в атаку. Кирасирская и легкая гвардейская кавалерийская дивизии захватили до 80 орудий; бой продолжался отдельными кучками. Вандамм захвачен в плен. В 2 часа — победа полная. Трофеи велики: три орла, два знамени, вся артиллерия Вандамма и 10 тысяч пленных. Убитыми французы потеряли 5000, союзники — 3500.

Александр и король прусский очень довольны результатами боя, тем более что в то же время пришло известие о поражении Удино под Грос-Беереном и Макдональда на Кацбахе. Государи поднимаются по шоссе к пруссакам Клейста и вдруг видят массу брошенных орудий. «Вот и еще новые трофеи», — говорит Александр. Но король прусский, присмотревшись внимательно, со смущением сказал: «Да ведь это мои пушки». Александр приказал лейб-гусарам отвезти прусские пушки назад.

Издали показался Вандамм, ведомый казаками. Он сошел с лошади и поцеловал ее. На другой день пленный генерал был отправлен в Москву.

Император австрийский относился к событиям весьма равнодушно, и, в то время как решалась судьба кампании, он в Теплицком дворце играл трио в наилучшем настроении духа. Когда принц Леопольд, командовавший русской кавалерийской бригадой, попросил его уступить часть помещения для своих офицеров, Франц тотчас же изъявил полную готовность и с невыразимым благодушием сказал: «И прекрасно, мы можем продолжать нашу игру и внизу». Совершенно довольный, император немедленно взялся за смычок в нижнем этаже.

Успеха под Кульмом можно было достичь только благодаря тому, что Наполеон остановил преследование после победы под Дрезденом. Бездеятельность Наполеона в это время приписывают обыкновенно его болезни. Невольно вспоминается выдержка из сочинения английского маршала Веллингтона о походах Наполеона, в которой доказывается, что некоторые важные операции великий стратег проиграл лишь потому, что впадал в особое болезненное состояние, бывавшее у него приступами. В самые важные минуты жизни, когда напряжение его сил достигало крайней степени, у Наполеона развивалось угнетенное состояние духа; способность мыслить совершенно терялась, и наконец он впадал в глубокий сон, продолжавшийся несколько часов. Под Дрезденом Наполеон мог взять в плен обоих императоров и прусского короля, однако он лежал в постели в таком крепком сне, что его не могли разбудить; в подобном состоянии он не

был способен ни к физическому, ни к умственному труду; едва проснувшись, засыпал снова; черты его лица изобличали боль и душевное угнетение (The Medical Press за 28 августа 1896 г.).

Но кроме болезни на Наполеона, вероятно, имели влияние известия о поражениях под Грос-Беереном и Кацбахом: Блюхер и Бернадот могли выйти ему в тыл. Неблагоприятные известия неоднократно заставляли Наполеона изменить план, задуманный превосходно. Действуя по внутренним линиям, Наполеон два раза не доканчивает операции, сначала против Блюхера и потом против Богемской армии.

Материальные выгоды победы союзников огромны, но не менее важны политические и нравственные. Наполеон не прекращал переговоров с Австрией и еще при возвращении из Силезии к Дрездену предлагал Австрии назначить какой-нибудь город в Чехии нейтральным, чтобы вести в нем переговоры. Сперва ему не ответили ничего, но после Дрездена Меттерних согласился назначить Прагу; коалиция готова была распасться. Между тем, чтобы побороть гиганта, нужны были силы всей коалиции. После Кульма Меттерних отказался от переговоров.

Войска Бернадота расположились для прикрытия Берлина в окрестностях д. Грос-Беерен в трех группах.

Удино (70 тысяч, слабее Бернадота), двинувшись от Лукау, в боях 9 и 10 августа захватил линию рек Нутты и Ноты и 11 августа направился против Бернадота. Противников разделяла лесисто-болотистая полоса, дороги представляли дефиле. Союзники решили атаковать неприятеля при выходах его колонн из дефиле.

Удино, неудачно организовав наступательный марш разбросанных своих колонн, в результате был разбит по частям 11 августа у Грос-Беерена и потерял убитыми и ранеными 2000, пленными 2000, 26 орудий и 2000 ружей, которые оченьгодились для ландвера взамен пик. Союзники потеряли до 2000 человек.

После сражения при Грос-Беерене, где русские войска впервые сражались под начальством Бернадота, он всегда оказывал им особое уважение.

В планы Бернадота не входило энергичное преследование: за 11 дней он прошел всего 80 верст.

Сражение имело важное нравственное значение. В армии Удино отношения французов с саксонцами окончательно рушились: французы упрекали саксонцев за потерю сражения, а саксонцы жаловались, что французы выставили их вперед, а сами во множестве бежали. Пленные саксонцы влились в ряды пруссаков. Дух у последних поднялся, больше не трепетали за участь Берлина, вооружения ландверов усилились.

Сражение при Кацбахе 14 августа. Против Блюхера остался Макдональд с 70—80 тысячами солдат и, не разведав обстановки, двинулся вперед, к р. Кацбах, которую хотел перейти 14 августа. Но в этот день у Кацбаха уже оказалась армия Блюхера, который, внезапно обнаружив неприятеля, решился не переходить реку, а принять оборонительный бой на высотах правого берега. Макдональд растянулся верст на 15—20, решил перейти Кацбах у Лигница, Кройча и Гольдберга и охватить неприятеля с обоих флангов.

Лил сильный дождь, ружья плохо стреляли, подготовка велась почти исключительно пушечным огнем, а французы по грязи на крутые высоты не могли втащить достаточно орудий; союзники всегда превосходили артиллерией. У французов не было одновременности вступления в бой: сперва атакует Макдональд в центре, потом Лористон на правый фланг, а Сугам и вовсе опоздал, — не было уравнивания движения колонн. При растянутости расположения центр Макдональда играл особенно важную роль, а между тем здесь у него оказались две дивизии пехоты и конница Себастиани против шести дивизий союзников. Блестящая атака в 5 часов дня русской кавалерии под начальством самого Блюхера и дивизии Васильчикова решила участь боя. 27-я пехотная дивизия Неверовского двигается за гусарами Юрковского, а 10-я дивизия Ливена стоит в резерве, Себастиани опрокинут, увлекает за собой пехоту, и все бегут к бродам через р. Бешеную Нейссе. Горная речка вздулась от дождя, бродов уже нет, мостики снесены; оставался солидный мост у д. Крайны, но и он уже начал покрываться водой. Артиллерия Сакс-

на и Йорка подъехала к краю плато и начала громить столпившиеся войска Макдональда.

Захвачено всего 36 орудий, 110 зарядных ящиков и 1500 пленных. Союзники потеряли до 3000 человек. По словам Жомини, честь исхода Кацбахского сражения бесспорно принадлежит русским.

Блюхер приказал в ту же ночь перейти Кацбах и преследовать неприятеля. Ночью преследование велось только авангардами. На другой день главным силам пришлось идти уже кружными дорогами на постоянные переправы у Гольдберга и Лигница. 17 августа дошли до р. Бобера, и здесь Ланжерон почти уничтожил дивизию Пюто; сам Пюто попал в плен. 20 августа утомленные войска становятся на отдых у р. Квейсс. За шесть дней вследствие дождей прошли всего 60 верст. За всю операцию французы потеряли 18 тысяч пленными (из строя же выбыло до 30 тысяч), 103 орудий, 250 зарядных ящиков и много обозов.

Победа при Грос-Беерене, Кацбахе и Кульме смягчила горечь поражения союзников под Дрезденом и изменила соотношение сил борющихся сторон: сначала у союзников — 492 тысячи, а у Наполеона — 440, теперь и у союзников — 350 тысяч против 220, т. е. полуторное превосходство. Вот к чему привел недостаток энергии у Наполеона довести до конца операцию против Шварценберга после Дрездена.

Наполеон решил снова напасть на Берлин, для чего усилить армию Удино до 70 тысяч и отдать под команду энергичного Нея.

Однако Блюхер, дав дневку 20 августа, возобновил наступление и 23-го оттеснил Макдональда к Бауцену. Пришлось Наполеону, вместо Берлина, спешить сюда с 60-тысячным войском. По дороге он встречает ободранные, беспорядочные толпы, уходящие из армии Макдональда. Он приводит их в порядок, снабжает оружием и возвращает в армию.

Получив донесения, что авангарды атакованы превосходящими силами, и, узнав от пленных о прибытии Наполеона, Блюхер, согласно Трахенбергскому плану, начинает отступать. «Эти скоты кое-чему научились», — сказал Наполеон, раздосадованный, что Блюхер уклонился от удара.

Император хотел подождать два-три дня, чтобы выяснить обстановку, но уже 24-го вечером получил известие о новом наступлении Богемской армии. Дав Макдональду приказание не ввязываться в бой, Наполеон с гвардией и кавалерией Латур-Мобура спешит к Дрездену.

2-е наступление Богемской армии. Шварценберг, будучи уверен, что Наполеон направился на Берлин, двинул только две трети Богемской армии под начальством Барклая по левому берегу Эльбы, чтобы сделать «серьезную демонстрацию к Дрездену». Узнав же, что Наполеон направился против Блюхера, Шварценберг с остальными 60 тысячами начал также наступать по правому берегу.

27 августа Наполеон прибыл под Дрезден, на Пирнское плато. При нем Сен-Сир опрокинул передовые войска Барклая. Вечером, за ужином с Мюратом и Сен-Сиром, император получил известие о поражении Нея под Денневицем. Он выслушал его хладнокровно и поразительно верно определил причины неудачи, но не изъявил своего недовольства, приписав несчастью трудности военного искусства, которое еще никем не было объяснено надлежащим образом. «Если, — прибавил он, — когда-нибудь буду иметь свободное время, то напишу книгу, в которой изложу основания военного дела с такой ясностью, что их поймут все военные люди, и можно будет изучать войну, как изучают науки».

Положение становилось критическим; Наполеон уже предвидел итог кампании. Только он один в эту минуту понимал сложившуюся обстановку и приказал Маре, будто бы лично от себя, отправить в Париж распоряжение об укреплении линии Рейна. Но надежда еще была. Наступает ли Богемская армия решительно? Тогда он может покончить с ней одним ударом; или это лишь демонстрация? Сен-Сир считал предприятие союзников решительным, Наполеон видел скорее демонстрацию. Увы! 28 августа Барклай начинает отступать, а между тем получены сведения о набегах партизан в тылу, о новом наступлении Блюхера и подробности поражения Нея, прояснившие настоящие масштабы несчастья. 31 августа Наполеон возвратился в Дрезден.

Денневиц, 25 августа. Для сближения с Наполеоном Нею предстояло совершить фланговый марш от Виттенберга к Баруту. Без связи, с плохой конницей, разбросав колонны, Ней к тому же стал ломить вперед. Выйдя из роли командующего армией, он увлекается частностями. Впереди корпуса Бертра на он лично делает разведку и чуть не попадает в плен казакам; сам строит корпус в боевой порядок против пруссаков Тауэнцина. В это время Бюлов выходит на фланг армии Нея. Два корпуса: саксонцы Ренье и французы Удино — грозят раздавить Бюлова, положение которого делается критическим.

Так как Тауэнцин отбросил Бертрана, то Ней приказывает Удино перейти на правый фланг к нему на поддержку, т. е. общее дело приносит в жертву частному. Ренье умоляет Удино остаться, доказывает всю важность левого фланга; еще одно усилие — и Бюлова можно разбить; он просит оставить хотя одну дивизию, но Удино (надо принять во внимание его положение разбитого при Грос-Беерене полководца и жесткость отношений Нея) точно исполняет приказ Нея; в результате ослабил левый фланг, а на правый фланг не поспел: отступившие войска Бертрана увлекли и его к отступлению.

Тем временем к Бюлову подошли на помощь русские войска (четыре кавалерийских, пять казачьих полков, два егерских батальона и три конноартиллерийские роты). Саксонцы опрокинуты. Около 6 часов вечера сражение окончено: путь на Берлин защищен, а путь на Виттенберг для Нея отрезан, — и он отступает к Торгау. Преследование велось энергично, но лишь на поле сражения. Утомление войск и влияние Бернадота остановили его. Однако партизаны и легкие отряды, брошенные на сообщения Нея, захватывают много пленных, орудий и пр. У г. Даме взяли в плен целиком полк, чуть не захватили самих Нея и Удино. Потери французов — 18 тысяч человек, четыре знамени, 60 орудий и 400 зарядных ящиков. Потери союзников — 9000 человек. По свидетельству Жомини, храбрость русских войск много содействовала выигрышу сражения. Бернадот стал относиться к русским с почтительным уважением.

Упадок духа в войсках Нея страшный; саксонцы раздражены и готовы к возмущению: Ней на них свалил всю неуда-

чу, а между тем Ренье дрался прекрасно. Пленные саксонцы опять переходят на службу к союзникам. Ней просит Наполеона сложить с него командование и хочет драться простым гренадером.

Бернадоту из политических соображений дали орден св. Георгия 1-й степени.

Приготовления союзников к решающему наступлению.

Фигнер в тылу Макдональда захватил чиновника главной квартиры и узнал от него, что Наполеон уехал в Дрезден. Тогда Блюхер 27 августа вновь переходит в наступление. Макдональд отходит к Штольпену, всего в одном переходе от Дрездена. Блюхер становится против него.

Теперь Наполеон сузил зону действий и сосредоточил войска для активной обороны среднего течения Эльбы. Он решил выждать, пока какая-либо из армий союзников начнет отдельное наступление и подставится под удар.

1 сентября Богемская армия произвела новое наступление. Наполеон сделал попытку отрезать ей путь на Теплиц, но она успела опять отступить.

До сих пор союзники лишь досаждали Наполеону, но теперь, при значительном перевесе их сил, следовало перейти к решительному наступлению. Таков был смысл поданной высшему командованию записки Жомини. После разных совещаний остановились на следующем плане. Польскую армию Бенигсена притянуть под прикрытием Блюхера на усиление Богемской армии, которая тогда начнет решительно наступать к Лейпцигу. Блюхер соединится с Бернадотом, они перейдут Эльбу и направятся к Лейпцигу с севера на сообщения Наполеона. Для исполнения этого плана следовало дожидаться подхода Бенигсена.

Произошел перерыв, который был для Наполеона невыгоден, потому что в это время союзники усилились на 57 тысяч войска Бенигсена, а французов подошло всего 16 тысяч. Во время перерыва широко развились партизанские действия отрядами от всех трех армий. От Богемской армии пруссак Тилеман и казаки Платова производили опустошения в тылу Наполеона. Особенно успешно действовал генерал-адъютант

Чернышев от Северной армии. Он основал свой успех на сочувствии жителей искусственно составленного Вестфальского королевства. 18 сентября ему удастся после искусного маневрирования и ряда стычек с войсками короля Иеронима захватить его столицу — Кассель. Чернышев взял 20 орудий и 79 тысяч талеров, из которых 15 тысяч роздал войскам. Потеря составила 70 человек.

Королевский дворец остался в неприкосновенности; из него взяли только бронзовую чернильницу Иеронима, которая ныне хранится в Эрмитаже. Тотчас Чернышев обнародовал воззвание к гражданам, объявив королевство несуществующим.

Знаменитый партизан Силезской армии Фигнер действовал беззаветно и плодотворно. Отряд его состоял из представителей разнообразных наций, был экипирован в самые фантастические костюмы и походил скорее на шайку разбойников. Нашлись среди них изменники, которые его предали. Славный воин был окружен французами, прижат к Эльбе и потонул.

Дюбенская операция. 14 сентября Бенигсен присоединился к Богемской армии. В то же время Наполеон убрал войска с правого берега Эльбы, так что фланговый марш Блюхера на север для соединения с Бернадотом совершился благополучно под прикрытием Эльбы.

В ночь на 21 сентября русские понтонеры навели через Эльбу два моста у д. Эльстер, близ Вартенбурга. Утром Блюхер переправился и отбросил корпус Бертрана.

Бернадот переправился через Эльбу 22 и 23 сентября; теперь за Эльбой оказалось 140 тысяч союзников, а против них у Нея всего 34 тысячи. На помощь к нему Наполеон послал 50 тысяч.

23 сентября Наполеон получил известия о бое при Вартенбурге, бегстве Иеронима из Касселя и наступлении Шварценберга. Кассель, конечно, не важен, но с севера наступают 140 тысяч неприятеля, а с юга — 200 тысяч, обход с обоих флангов; положение становится критическим.

Надо действовать по внутренним линиям, броситься на более опасную группу, каковой представлялась северная,

потому что она была уже всего в 1–2 переходах от Лейпцига, т. е. гораздо ближе Богемской армии, да и характер пылкого Блюхера был известен Наполеону, равно как и медлительность Шварценберга. Но ему неизвестно, вся ли армия Блюхера перешла у Вартенбурга. Вследствие отсутствия точных данных он еще колеблется и в приготовлениях теряет 23 и 24 сентября.

Зато потом Наполеон проявляет кипучую деятельность; резервы преодолели 80 верст в два дня; 26-го у Вурцена сосредоточено 130-тысячное войско. Чего не сделает Наполеон с такими силами?! Не задерживаясь, он двигается 27-го к Дюбену, где надеется застигнуть Блюхера.

Но Блюхер исчез — удар оказался нанесенным по воздуху. Он перешел к западу, за р. Мульдуй, а затем и за р. Заале, к Галле, чтобы таким кружным путем искать соединения с Богемской армией; Бернадот 29 и 30 сентября вынужден был также перейти за р. Заале, чтобы не подвергнуться отдельному поражению. Блюхер потянул его за собой как бы на буксире.

Прибытием в Дюбен Наполеон опоздал всего на один день — неприятель исчез. Для разведки Наполеон 29 сентября высылает четыре корпуса веерообразно, но все-таки по направлению к Эльбе. До разъяснения обстановки он вынужден оставаться в Дюбене до 30 сентября, что при действиях по внутренним линиям недопустимо; однако без разведки Наполеон ничего узнать не мог.

Лишь в ночь на 30 сентября он узнает, что Блюхер за Мульдуй, Бернадот еще на Эльбе, а Богемская армия наступает весьма медленно. Тогда он решает развить успех против северной группы, но в 10 часов утра получает донесение Мюрата (командовавшего войсками близ Дрездена), что Богемская армия приблизилась, а он отступает на Лейпциг. Ясно, что теперь южная группа становится более опасной, и Наполеон решает спешно сосредоточиться у Лейпцига, разделиться с Богемской армией, а потом опять обратиться на север.

Однако корпуса его успели уже далеко продвинуться к Эльбе. Снова создается критическое положение, для выхода

из которого требуется крайнее напряжение войск, — и все-таки сосредоточение к Лейпцигу нельзя кончить ранее пяти дней, т. е. 4 октября, а в это время союзники стягивают свое смертоносное кольцо. В конце концов, вместо прежнего стратегического окружения, когда можно бить по частям, является окружение тактическое, при котором находящийся внутри теряет свои выгоды.

Если бы союзники также напрягали свои силы, как Наполеон, то могли бы раньше подойти к Лейпцигу и бить по частям подходившие его корпуса.

Сражение под Лейпцигом

Сосредоточение сил обеих сторон ♦ Планы действий

♦ Бои у Вахау, Мекерна и Линденау

♦ Штурм Лейпцига

14 сентября Бенигсен пришел к Теплицу, и Богемская армия могла двинуться в Саксонию. На самом деле с выступлением запоздали. Однажды на ночлеге государь стоял у окна и, наблюдая, как проливной дождь гасил бивачные огни, сказал: «Сколько трудностей должна армия перенести в эту ночь! Как же мне не любить военных и не предпочитать их тем господчикам, которых я вижу иногда из окон Зимнего дворца, как они, отоспавшись на мягкой постели, часу в одиннадцатом идут по бульвару к своим должностям! Можно ли сравнить службу их с военной!» На переход Богемских гор потрачено восемь дней, пройдено всего 60 верст, а главная квартира — всего в 40 верстах. Все расстояние от Комотау до Лейпцига (110 верст) пройдено за 18 дней, а Наполеон когда-то (из Силезии к Дрездену) прошел 110 верст за три дня. Хотя Шварценберг имел сравнительно с Мюратом тройной перевес в силах, но, по мере выхода с гор на открытые равнины Саксонии, становился все острее, считал свое положение опасным, всюду ему грезился Наполеон; Шварценберг выбирает круглые пути, и только Александр, по докладу Толя, направляет его на прямой путь к Лейпцигу.

1 октября передовые корпуса подошли сюда. Если бы Шварценберг проявил решительность, то мог бы разбить отдельно Мюрата, но австрийский полководец решает предпринять лишь усиленную разведку — излюбленный способ австрийцев замаскировать бездеятельность.

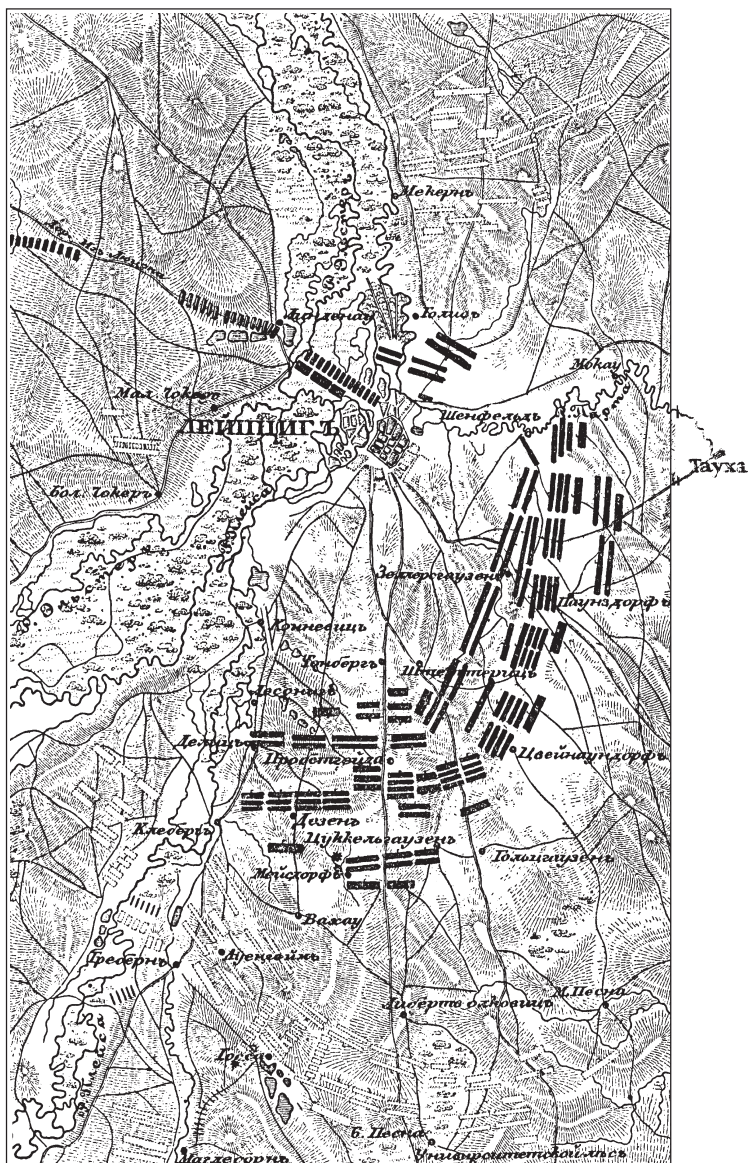
Даже эту разведку отложили на 2 октября — бой у Либертовольковица, на линии которого занял позицию Мюрат. В этом бою замечательно проявила себя кавалерия: у Палена было 6 тысяч и казаки, у Мюрата — 7 тысяч. Пален распоряжался хладнокровно и обдуманно, выждал сосредоточения всей конницы. Мюрат же не задался определенной целью, единства в действиях не было, а вышел ряд отдельных стычек. Эффектно экипированный, он лично бросался в атаку, причем его чуть не зарубили — все это для главного кавалерийского начальника подвиги бесполезные, а потому и вредные. Угрожаемый обходом австрийского корпуса и ввиду удачной атаки Палена, Мюрат отступает. Союзники же, убедившись, что перед ними только один Мюрат, закончили дело.

Накануне сражения 4 октября Богемская армия стояла к югу от Лейпцига; Силезская прибыла из Галле в Шкейдиц (переправа в 10 верстах к северо-западу от Лейпцига); Бернадот, чувствуя близость развязки, двигался очень медленно, преодолел лишь 18 верст и остановился в 40 верстах; Польская армия Бенигсена тянулась в тылу Богемской и находилась еще в 60 верстах.

Равнина кругом Лейпцига разделялась на четыре участка реками Эльстером, Плейсой и Партой, впадающей в Плейсу к северу от города.

Погода была неблагоприятная: в ночь на 3 октября разразилась страшная буря с громом и молнией, погасившая bivачные огни; 4 октября днем шел дождь.

3 октября с холма у д. Госсы союзники заметили на противоположной стороне Наполеона со свитой; ожидали атаку, но это был просто смотр. Войска встретили императора восторженными криками. Некоторым полкам вновь прибывшего корпуса Ожро раздавались орлы с обычной церемонией — признак, что бой предстоит серьезный; полки должны оправдать полученную награду.

План сражений при Лейпциге 4—6 октября 1813 г.

Желая расправиться с Богемской армией до прибытия других частей, Наполеон все подходившие с севера войска переводит на южную позицию, тянувшуюся от Конневица через Марк-Клеберг, Вахау, Либертвольквиц до Гольцгаузена. Всего пять пехотных и четыре кавалерийских корпуса, до 120 тысяч, а за вычетом 8 тысяч Понятовского, назначенного для обороны переправ от Конневица до Марк-Клеберга, — 112 тысяч.

Для обеспечения дефиле у Линденау — единственного пути отступления — направлен Бертран (20 тысяч). К северу от Лейпцига командовал Ней (45 тысяч), но к нему не успел подойти корпус Ренье, так что в действительности у него было только 30 тысяч. Итак, у Наполеона всего было 185 тысяч войска, но без Ренье и некоторых других частей — до 160 тысяч и 700 орудий.

План Наполеона: перевести на южную позицию от Нея корпуса Мармона и Сугама, оставить только заслон и атаковать Богемскую армию в ее правый фланг, чтобы отбросить на Плейсу.

План союзников: Шварценберг хотел перевести все войска на левый берег Плейсы, в болотистый мешок между Плейсой и Эльстером, и атаковать правый фланг французов (крепкую позицию Понятовского на крутом правом берегу Плейсы); другие части атакуют с запада Линденау, а часть — с севера — совместно с Силезской армией. Таким образом, войска раздроблялись на части, требовалось много времени на сложные передвижения, не говоря уже о совершенно несообразном движении массы войск в болотистый мешок. Восстали против плана Жомини и Толь. Раздраженный возражениями Шварценберга, Александр резко сказал: «Итак, господин фельдмаршал, вы, оставаясь при своих убеждениях, можете распоряжаться австрийскими войсками как вам угодно; но что касается до русских войск великого князя [Константина Павловича] и Баркляя, они перейдут на правую сторону Плейсы, где им следует быть, но не на какой другой тракт».

По диспозиции Шварценберга 30 тысяч австрийцев (Мерфельд) двинуты все-таки между Эльстером и Плейсой; 20 тысяч австрийцев (Гиулай) — на Линденау; остальные силы

(48 тысяч — русские, австрийцы и пруссаки), под начальством Барклая, — на правом берегу Плейсы.

Вместе с 60 тысячами Блюхера образовалось 193 тысячи, т. е. на 33 тысячи больше, чем у Наполеона. Но как распределены? Против 60 тысяч Блюхера — у Наполеона только 45, да и то он хочет оттуда взять часть их на юг; у Линденау — поровну; в мешке между Плейсой и Эльстером — 30 тысяч австрийцев, а их удерживают 8 тысяч Понятовского. На главном же участке у Наполеона 112 тысяч, а у союзников только 84, т. е. при общем превосходстве в силах они здесь оказались на 25 тысяч слабее.

3 октября вечером к югу от Лейпцига взвились три белые ракеты; скоро с севера им отвечали три красные ракеты. Это Шварценберг и Блюхер давали сигнал 4 октября атаковать врага совокупно.

Бой у Вахау. 4 октября в 9 часов утра Наполеон приехал на высоту Гальгенберг, между Либертвольквицем и Вахау, т. е. на самый важный пункт поля сражения. В десятом часу все три монарха прибыли на высоту Вахберг (всего в 3 верстах от ставки Наполеона), около Госсы, но здесь не было Шварценберга, оставшегося на второстепенном участке между Плейсой и Эльстером, у д. Гаучасов

В 7 часов начал наступление левый фланг Барклая под начальством Клейста (русские и пруссаки). В 8 часов Клейст занял Марк-Клеберг, слабо занятый Понятовским; но в 10 часов прибыл Ожро. Клейст должен был отступить. Для преследования его бросается польская кавалерия, но кирасиры Левашова (Малороссийский и Новгородский полки) отбрасывают поляков.

В центре принц Евгений Вюртембергский (русские и пруссаки) двинулся от Госсы, опрокинул передовые войска Виктора и занял Вахау. Русское ядро перебило ногу любимцу Наполеона Латур-Мобуру. Когда Наполеону сказали об этом, он, по словам Шапталя, ограничился хладнокровным вопросом: «Кто его замещает?»

Наполеон, ценя важное значение Вахау, сосредоточил против него стопушечную батарею, а по сторонам ее двинул значительные силы.

Принц Евгений, со своей стороны, усиливает 24-орудийную батарею полковника Дитерихса до 52 орудий, но преимущество — на стороне французской артиллерии: подбито 19 русских и пять прусских орудий. Евгений потерял половину своих войск, лошадь под ним убита. Обессиленный, осыпaeмый снарядами, он отступил к Госсе.

На правом фланге Горчаков (русские и пруссаки), совместно с Кленау, должен был атаковать Либертовльквиц; но Кленау запоздал. В 9 часов Горчаков двинулся один. Ввиду подхода к Гольцгаузену Макдональда он ограничился канонадой, а по отступлении Евгения, опасаясь за открытый левый свой фланг, отступил к Университетскому лесу.

Кленау (австрийцы, пруссаки и казаки Платова) двигается медленно. Имея против себя слабые силы французов, легко занимает высоту Кольмберг и врывается против Либертовльквица. В 11 часов прибывает Макдональд. Атака головной его дивизии отбита артиллерией с Кольмберга. Наполеон, видя замешательство, подъехал к 22-му полку и сказал: «Неужели это 22-й полк стоит напрасно под картечью?» Этих слов оказалось достаточно, чтобы полк перешел в энергичное наступление. Австрийцы в конце концов оттеснены. Отступление их отчасти облегчено атакой казаков в левый фланг французов.

Итак, войска Баркляя, растянутые на 8 верст, повсюду отброшены прибывшими к неприятелю подкреплениями.

Мерфельд по левому берегу Плейсы последовательно неудачно атаковал Конневиц и Леснинг, а затем пошел на Делиц, намереваясь выйти во фланг позиции французов.

В 11 часов дня Александр приказывает придвинуть русские резервы и послать к Шварценбергу за резервами австрийскими. Шварценберг, убежденный Жомини, приказал наконец принцу Гессен-Гомбургскому идти на поддержку Клейста; приходилось пройти 8 верст по болотистому пути.

Наполеон решил теперь прорвать центр союзников, для чего Мюрат построил между Вахау и Либертовльквицем 80 эскадронов (по разным источникам, от 8 до 12 тысяч коней); на одно построение этой массы ушло два часа. В это время шла артиллерийская подготовка: Друо усилил 60 орудиями стопушечную батарею.

Около 3 часов батарея Друо замолкла, и Мюрат двинулся вперед. Две передние линии поддерживались третьей — гвардейской кавалерией. Вся масса устремилась сперва к Госсе, а потом повернула вправо, к прудам. По стройности и энергии, с которой она велась при огромной массе всадников, ее нужно считать образцовой. Мюрат, во главе кирасирской бригады, бросился на артиллерию принца Вюртембергского, прислуга изрублена, до 30 орудий захвачено; 2-й батальон Кременчугского полка уничтожен и центр 2-го пехотного корпуса (главным образом пострадала 4-я дивизия) прорван. Но 3-я пехотная дивизия и прусская бригада Клюкса построили каре и готовились встретить грозную атаку. Минута была критическая, тем более что прибывшая на выручку легкая гвардейская кавалерийская дивизия Шевича, не успев развернуться, была атакована и опрокинута Мюратом, а сам Шевич убит ядром.

Кавалерия Мюрата находилась всего в 80 шагах от высоты Вахберг и отделялась от нее лишь болотистой лощинкой. Опасность угрожала монархам и прибывшему к ним Шварценбергу. Надо было выиграть хоть немного времени, пока подойдут резервы. Тут совершают свой беспримерный подвиг лейб-казаки, составлявшие конвой государя.

Против фронта кавалерии выдвинулись две конноартиллерийские роты, а генерал-адъютант граф Орлов-Денисов приказывает командующему Лейб-казачьим полком полковнику Ефремову атаковать несущуюся мимо Госсы конницу Мюрата. Помимо несоизмерности сил, такой атаке препятствовала гать через лощину, пройдя которую нужно было развернуться. Пройдя гать во главе первого эскадрона и развернув его, Орлов-Денисов не дожидается развертывания остальных эскадронов и лихо атакует Мюрата во фланг.

Энергичный удар этой горсти озадачил неприятельскую кавалерию; она приостановилась на минуту, чтобы смять отчаянных смельчаков, но в это время прибывают остальные эскадроны, выезжают на позицию 10-я и 23-я конноартиллерийские роты, отступавшая дивизия Шевича оправляется и переходит в контратаку; от Палена (из колонны принца Вюртембергского) прискакала прусская кавалерия; правый

фланг Мюрата атакован кирасирами Дуки. Все это остановило французскую конницу, тем более что двухверстная скачка давала себя чувствовать. Как раз в это время открывает огонь 100-пушечная батарея Сухозанета. Критическая минута для союзников миновала: к ним уже подходили резервы. Мюрат отошел за д. Госсу и Ауэнгайн, около которых завязали упорный бой гренадеры Раевского, поддержанные гвардейскими полками¹.

Было 4 часа пополудни. Поддержанный принцем Гессен-Гомбургским, Клейст снова захватывает Марк-Клеберг. В то же время после долгих и отчаянных усилий Мерфельду удается с одним батальоном перейти на правый берег Плейсы у Делица. Вследствие близорукости Мерфельд принял неприятельский батальон за свой и подошел близко без выстрела. Неприятель выстрелил залпом, перешел в контратаку, опрокинул австрийцев, даже сам перешел на левый берег Плейсы для преследования. Мерфельд попал в плен.

Узнав о взятии Макдональдом Кольмберга и о прорыве Мюрата, Наполеон не сомневался более в победе, приказал звонить в Лейпциге в колокола и послал извещение королю саксонскому. Забыл великий полководец, как в 1800 г. сам же вырвал победу при Маренго из рук австрийского генерала Меласа, когда тот так же уже послал поздравительное донесение в Вену. И под Лейпцигом полной победы не было одержано. Если бы с севера от Нея прибыли корпуса Сугама и Мармона, то разгром Богемской армии совершился бы несомненно. Но они не приходили.

¹ Отметим подвиг лейб-гвардейца Финляндского полка, 3-й грендерской роты, Леонтия Коренного. Собрав около себя храбрых егерей, Коренной прикрывал от многочисленного неприятеля раненых офицеров, которых пересаживали через каменную ограду. Кругом Коренного пали все ранеными или убитыми, но он один продолжал отбиваться прикладом и не хотел сдаваться. Тогда французы уложили его многочисленными ударами штыков. В полку оплакивали Коренного. К удивлению всех, через несколько дней Коренной явился в полк, покрытый 18 ранами, — деликатные французы из уважения к храбрости русского героя старались нанести их легко. Коренной представлен был Наполеону, который в приказе поставил его в пример своим войскам и отпустил из плена.

Наполеон собирает последние резервы; все готово к возобновлению прорыва центра, но как раз приходит известие о занятии Мерфельдом Делицкой переправы и о взятии Клейстом Марк-Клеберга. Резервы пришлось израсходовать туда, но все-таки отбить Марк-Клеберг не удалось. Канонада продолжалась до 6 часов вечера; бой тянулся уже десять часов; в результате атаки союзников отбиты, но и контратака Наполеона не удалась. Потери — по 20 тысяч с каждой стороны.

Бой у Мекерна. С 8 часов утра по северную сторону Лейпцига Блюхер начал наступление, которым и удержал два корпуса Мармона и Сугама от движения на юг. Главный удар он направил на правый фланг позиции неприятеля, что и было правильно, так как ему принадлежало стратегическое значение — отрезывался путь на Лейпциг и на юг на соединение с Наполеоном.

В 2 часа передовые части французов оттеснены и начата атака Мекерна на левом их фланге. Русская конница атаковала польскую, захватила семь орудий и 500 пленных; Домбровский с поляками отступил после упорной обороны.

Однако Мармон выкатил на высоту у Мекерна 50 орудий («огнедышащая гора») и отбивал все атаки пруссаков. Пришлось русский корпус Сакена послать сюда из резерва, вместо движения в направлении главного удара. Русские артиллерийские роты Беллинсгаузена и Башмакова открыли удачный огонь. Французы отступили на позицию у р. Парты, бросив 30 пушек. Трофеи союзников: один орел, три знамени, 53 орудия, 2000 пленных. Кроме того, неприятель потерял 6000 убитыми. Урон союзников 8—9 тысяч. Такая большая потеря объясняется лобовым характером атаки Мекерна; но это вызывалось целью — оттянуть на себя возможно больше неприятеля. И действительно, Ней не послал два корпуса, а только Сугама, но потом и его вернул, хотя Сугам вернулся, когда бой кончился; таким образом Сугам лишь прогуливался между двумя полями сражений.

Бой у Линденау. Гиулай, по обычаю австрийцев, двигался очень медленно и упустил время раздавить французов, всего четыре батальона; а потом подошел корпус Бертрана, и атака Гиулая, веденная без всякого плана, отбита; важное дефиле удержано французами. Потери с каждой стороны 2—3 тысячи.

Действия 5 октября. Общая потеря за 4 октября составляла до 30 тысяч с каждой стороны. 5-го к союзникам должны были подойти Бенигсен — 40 тысяч, и Бернадот — 70 тысяч, всего 110 тысяч. К Наполеону: опоздавший корпус Ренье — 15 тысяч, из которых 10 тысяч саксонцев не надежны. В общем, за вычетом потерь, у Наполеона — 170 тысяч, у союзников — 280. Наполеон ясно видел необходимость отступления, но: 1) тогда он как бы признал поражение 4 октября, хотя бой был нерешительный; 2) покидая Лейпциг и Саксонию, Наполеон как генерал лишь переменил позицию, но как император он ставил под удар свое положение в Европе и терял авторитет перед государствами Рейнского союза, протектором которого был; 3) он отпустил из плена Мерфельда, послав его с предложением о переговорах; ответа не было, но остановка в действиях на 5 октября казалась благоприятным признаком.

Потребовалась тяжелая внутренняя работа, пока великий человек выработал решение отступить за Заалу; но чтобы оно не произвело неблагоприятного впечатления на войска, он решил отступить открыто, среди бела дня.

Блюхер не знал, что бой отложен на 6-е, и начал наступление. Ней отбил его атаки. Только 2-я гусарская дивизия Васильчикова потрепала поляков Домбровского.

Сражение 6 октября. На одной квадратной миле участвовало чуть не до полумиллиона человек, большей частью из европейских государств, почему сражение и названо было «битвой народов».

Войска Наполеона занимали дугу (15 верст) у Лейпцига: правый фланг, Мюрат, Конневиц—Пробстгейде; центр, Макдональд, до Штетерица; левый фланг, Ней, от Штетерица через Шенфельд до северной части Лейпцига. Общий резерв, гвардия за Штетерицем. Там же, на высоте Тонберг, Наполеон.

При первом же натиске союзников утром 6 октября передовые войска неприятеля отошли на упомянутую позицию, что и было предначертано Наполеоном, а затем последовала упорная оборона.

Видя, что атака Конневица очень трудна, Шварценберг, вместо поддержки ее из резерва, приказывает Гиулаю от

Линденау двинуть кружным путем одну бригаду. Таким образом, для преграждения пути отступления неприятелю остались 13 тысяч войск, которые, конечно, ничего не могли сделать, а бригада опоздала к Конневицу, который так и не был взят. Странное распоряжение Шварценберга объясняется политическими соображениями Австрии, которая хотела оставить Наполеону «золотой мост».

В 2 часа дня пруссаки Клейста и остатки русского корпуса принца Евгения атаковали Пробстгейде, составлявший ключ позиции неприятеля. Высота с гласисообразными скалами и многими каменными постройками, приведенными в оборонительное состояние, была превосходно занята войсками: только четыре роты обороняли ее непосредственно, но по флангам находились сильные батареи, а сзади два корпуса, Виктора и Лористона, составляли активный резерв, останавливавший попытки союзников овладеть деревней. Наполеон настолько ценил важность Пробстгейде, что сам направился сюда с гвардией и оттеснил атакующих: принц Евгений отошел на 800 шагов, а Клейст — на 2000 шагов.

Бенигсен ожидал до 2 часов, чтобы выровняться с Бернадотом, подошедшим только к этому времени к д. Тауха. Бой шел с переменным успехом, когда около д. Цвейнаундорф саксонцы и 800 вюртембергских кавалеристов перешли на сторону союзников. При общей численности последних в 282 тысячи присоединение каких-нибудь 14 тысяч не могло повлиять на исход боя, но это было важно в нравственном отношении. Бернадот при всем желании не мог уклониться теперь от боя, но по его требованию был усилен русским корпусом Ланжерона из армии Блюхера до 85 тысяч. Бернадот направил главный удар на д. Шенвельд и после упорного боя овладел ею с потерей 4000 человек.

Блюхер, имевший тогда только 25 тысяч, действовал демонстративно.

Гиулай бездействовал, ибо получил от Шварценберга инструкцию: «наблюдать за неприятелем, и если он будет теснить, то отступить к Пегау». Через несколько лет Шварценберг так объяснил свое поведение: «Не следует доводить до крайности неприятеля, сохранившего еще достаточные

силы». Благодаря этому Бертран прошел до Вейссенфельса, а теснина у Линденау осталась в руках Наполеона.

Ничтожные для союзников результаты битвы 6 октября объясняются отсутствием единства и одновременности в их действиях; кроме того, из 282 тысяч приняли участие в сражении не более 180, а 100 тысяч остались в виде нетронутых резервов. По словам Шварценберга, он сохранял их для боя на следующий день. Невольно вспоминаются слова Наполеона: «Генералы, оставляющие резервы на следующий за сражением день, обыкновенно бывают биты».

По окончании битвы 6 октября Александр предложил немедленно переправить за Эльстер для преследования все резервы и кавалерию. Но Шварценберг воспротивился по обычным двум отговоркам, не имеющим значения: 1) утомление войск, 2) пополнение продовольствия не ранее следующего утра. Пришлось уступить и преследовать лишь корпусами Йорка и Гиулая. Йорк с севера вынужден был идти кружным путем на переправу у Шкейдица и опоздал выйти на путь отступления Наполеона. Гиулай мог немедленно пересечь этот путь, но Шварценберг приказал ему отойти назад к Пегау, соединиться там с австрийскими войсками и только тогда преследовать французов. Не проще ли было послать войска от Пегау вперед к Гиулаю! Мало того, ему послано дополнительное приказание: «остерегаться поражения, и как только будет открыт путь отступления Наполеону, то преследовать одной кавалерией».

Штурм Лейпцига 7 октября. Теперь Наполеону нельзя было терять ни одной минуты для отступления. Прежде всего он отправил на Вейссенфельс обозы и парки, пополнив предварительно войсковые запасы, пустые же зарядные ящики частью бросили, а частью сожгли. За обозами — остатки пяти кавалерийских корпусов, Виктор, Ней, Ожро и гвардия. Остальные войска отступили к предместьям города и получили приказание держаться 24 часа, до вечера 7-го.

Обычно задние войска (резервы) отходят на позицию (предместья Лейпцига) и обороняют ее, пока передовые части боевого порядка, расстроенные и ослабленные боем, не пройдут за нее и не устроятся под прикрытием свежих войск. Наполеон поступает иначе: менее ослабленные проходят

первыми и отступают безостановочно, а передние корпуса, на которые легла вся тяжесть предшествующих боев, должны прикрывать отступление.

Объясняется это политической причиной. Корпуса, отступавшие безостановочно, состояли из французов и могли послужить кадрами для будущих формирований. Остальные — большей частью иностранцы; все равно с отступлением в пределы Франции он лишался их содействия. Таким образом, кажущаяся неправильность относительно тактики является целесообразной мерой дальновидного политика.

Под мост в Лейпциге была подведена лодка с тремя бочонками пороха для взрыва. Но, позаботившись об уничтожении единственного моста, не подумали об устройстве нескольких добавочных мостов, что, конечно, ускорило бы переправу через Эльстер огромной армии Наполеона. Однако заблаговременное устройство мостов могло обнаружить план отступления, что Наполеон тщательно скрывал до последней минуты.

Утром 7 октября, когда начал рассеиваться туман, союзники увидели, что неприятель оставил свои позиции и отходит к городу. Представлялись две задачи: 1) преследовать главную массу французов и 2) захватить Лейпциг. Разумеется, первая была важнейшей: перейдя у Шкейдица или Пегау через Эльстер и быстро двинувшись на Линденауское шоссе, союзники захватили бы большую часть армии Наполеона, а Лейпциг достался бы им и позже. Между тем союзники обратили главное внимание на овладение Лейпцигом, — до сих пор все их силы и стремления были направлены к городу, он служил им путеводной звездой.

Все устремились на штурм Лейпцига; войска сами врывались в предместья, на улицах штыками и прикладами повергали тех французов, которые пытались сопротивляться. В величайшем смятении неприятель бросился к мосту. Русские опережали их и, несмотря на свою малочисленность, принуждали к сдаче целые батальоны.

Важное дело взрыва моста Наполеон поручил начальнику инженеров Дюлолуа, а тот своему начальнику штаба, полковнику Монфору, который временно отлучился, оставив у моста саперного унтер-офицера. На вопрос последнего, ког-

да следует зажечь провод, ему ответили: «При первом появлении противника». После того как несколько русских стрелков заняли близлежащие дома и оттуда посыпались пули, последовал взрыв моста. Между тем тысяч двадцать еще не перешли мост и взяты в плен. Макдональд успел переплыть Эльстер и присоединиться к Наполеону. Понятовский утонул. Лористон и Ренье попали в плен. Город взят.

За все Лейпцигское сражение Наполеон потерял 60 тысяч, а считая бежавших и оставшихся в госпиталях — 90 тысяч; на р. Заале к Вейссенфельсу прибыло только 100 тысяч. Союзники потеряли до 50 тысяч солдат, а трофеями были 325 орудий, 130 тысяч ружей, 900 зарядных ящиков и множество обоза.

Страшный удар нанесен Наполеону, но сам он с кадрами для будущих формирований все-таки ускользнул от окончательного поражения. Здесь Шварценберг мог покончить борьбу при условии полного развития энергии при преследовании; замедление же последнего повело к новой борьбе в 1814 г.

Преследование велось крайне вяло; даже 8 октября союзники еще не выступали из окрестностей Лейпцига.

Гиулай и Йорк захватили 20 орудий и 1200 пленных. Такой скромный результат объясняется, между прочим, преследованием исключительно с тыла, а не параллельным.

Но и при таком слабом преследовании французы во всем терпели нужду и были изнурены. Мародеры огромными тучами окружали армию, бродя по сторонам дороги. К Эрфурту пришло уже только 80 тысяч. Здесь Наполеон сделал вид, что готовится принять бой. Союзники остановились, Наполеон выиграл два дня.

Можно было бы воспользоваться его затруднениями при переходе через Тюрингервальд; но Наполеон прошел его за два дня, а союзники за четыре.

23 октября Наполеон переходит Рейн у Майнца с 60 тысячами солдат, из которых только 40 способны носить оружие. 26 октября он уезжает в Париж, чтобы еще раз потребовать от страны нового напряжения.

Союзники прибыли к Рейну в начале ноября и стали накопец на рубеж французской земли, чтобы вторгнуться в нее в 1814 г. и ниспровергнуть Наполеона.

Низложение Наполеона в 1814 г.

Н. А. Орлов, генерал-лейтенант

Обстановка в начале войны 1814 г.

Политическая обстановка ♦ Силы и планы сторон

В конце 1813 г. Наполеон с остатками своих войск (не более 70 тысяч) ушел за Рейн и немедленно, напрягая весь свой гений, принялся за подготовку к продолжению борьбы с коалицией; теперь ему приходилось не завоевывать области у своих врагов, а защищать границы Франции, которые он присягал при короновании сохранить в целости. Средства его сильно уменьшились. Он лишился содействия многих подвластных ему государств. Истощенная Франция желала мира во что бы то ни стало; народ с неохотой и даже сопротивлением давал конскриптов на пополнение армии прежнего своего кумира; в материальных средствах ощущался крайний недостаток.

Союзники остановились на Рейне на два месяца и, может быть, не только вследствие утомления и расстройтва войск (противник был еще более утомлен и расстроен), а просто большинству Рейн казался рубежом, с достижением которого все должно было кончиться.

Австрия стремилась не к низложению Наполеона, а только к ослаблению его могущества, что, по мнению Меттерниха, уже и было достигнуто в значительной степени. Германия была освобождена, и король прусский полагал, что не следовало подвергать достигнутые успехи случайностям войны. Правда, Блюхер говорил про Наполеона: «Der Kerl muß

herunter» («Молодчик должен пасть»), — но он не имел сильного влияния на политику. Англия, достигнув уже своих целей, не хотела тратиться далее и увеличивать свой государственный долг, а потому представитель ее, лорд Каслри, 3 февраля 1814 г. сделал императору Александру весьма настоятельное предложение о мире. Александр, возвыся голос, отвечал: «Милорд! Это будет не мир, а перемирие, которое вам позволит разоружиться лишь на минуту. Я не могу каждый раз поспевать вам на помощь, будучи с моими войсками за 400 лье. Я не заключу мира, пока Наполеон будет оставаться на престоле!»

Лишь один Александр настаивал на борьбе до конца, а потому переговоры о мире, которые потом велись во все время войны в Шатильоне с Коленкурром, не могли привести ни к чему: Наполеону постепенно ставились все более и более тяжелые условия. Александр оправдывал это словами: «Условия, о которых неофициально было говорено во Франкфурте, уже не те, каких мы теперь [когда союзники достигли р. Марны] желаем; во Фрейбурге думали мы о других условиях, нежели в Базеле, а в Лангре об иных, чем при переходе через Рейн». Такая настойчивость вызвала в конце концов падение Наполеона и упрочила за Александром славу миротворца Европы. Другой вопрос: действительно ли соответствовал интересам России уход Наполеона с политической арены Европы? Последнее десятилетие царствования Александра может служить красноречивым ответом на этот вопрос.

Так или иначе, волна народов, прокатившаяся в 1812 г. с запада на восток, до Москвы, отхлынула обратно и, повинувшись законам истории, достигла в 1814 г. Парижа.

Когда союзники с востока готовились переходить Рейн, то Наполеону, кроме того, угрожал Веллингтон, продвинувшийся из Испании к южным границам Франции; австрийцы под начальством Бельгарда стояли на Минчио и готовились занять Ломбардию; армия шведского наследного принца Бернадота и так называемая Польская армия Бенигсена действовали на Нижней Эльбе и в Голландии. Словом, Францию окружали враги с севера, востока и юга по огромной дуге

Генерал от кавалерии граф Л. Л. Бенигсен
(с портрета Джорджа Доу)

в 1000 верст, а у Наполеона было всего 160 тысяч войска, да и то отчасти в периоде формирования. Главная масса была растянута почти кордоном на 500 верст вдоль Рейна. Конечно, такая паутина не могла удержать напор союзников; но Наполеон и не рассчитывал на серьезную оборону Рейна, — он хотел построить из войск только демонстративную завесу, чтобы скрыть трудное положение Франции и сколько-нибудь задержать неприятеля, что ему отчасти и удалось.

На правом фланге стоял у Лиона формировавшийся корпус Ожро, всего в 1600 человек, но потом усиленный из Ис-

пании 10 тысячами отличных солдат. На левом фланге, для защиты Голландии, находилось 14 тысяч. В Испании под начальством Сульта и Сюше — 80 тысяч, и в Италии армия вице-короля Евгения — 30 тысяч. На всем театре войны было не более 300 тысяч.

Главная цель Наполеона заключалась в выигрыше времени до весны, до марта, посредством дипломатических переговоров, чтобы сформировать на Рейне, главном театре военных действий, армию в 300 тысяч, затем не только удержать оборонительную линию Рейна, но и перейти в решительное наступление и одним ударом сразу вернуть все потерянное раньше.

Подкрепления из набравшихся конскриптов подходили к армии Наполеона последовательно, т. е. было нарушено главное основание стратегии — сразу выставлять все силы для борьбы, но иначе поступить было и нельзя, так как союзники начали кампанию не весной, а 20 декабря 1813 г. (1 января 1814 г.) и захватили французов врасплох, в период формирования вооруженных сил.

Силы союзников, как и в 1813 г., разделялись на три армии: Главная (бывшая Богемская) Шварценберга — 198 тысяч и 690 орудий (из них 61 тысяча и 210 орудий русские); Силезская Блюхера — 96 тысяч и 448 орудий (из них 56 тысяч и 232 орудия русские) и Северная Бернадота — 180 тысяч и 442 орудия (из них 36 тысяч и 132 орудия русские). Силы огромные, но из них много осталось в тылу, для блокады крепостей, откомандированных для второстепенных назначений и т. п., так что в начале войны двинулись против Наполеона непосредственно всего тысяч 200.

Если присоединить Польскую армию Бенигсена (35 тысяч) в Голландии и на Эльбе — резервную армию Лобанова-Ростовского (60 тысяч), Веллингтона в Испании (120 тысяч), Бельгарда (80 тысяч) в Италии и др., то составитя до 900 тысяч войск и более 2000 орудий.

В организации русских войск следует отметить, что в это время некоторые полки были в однобатальонном составе; дивизии состояли всего из 4—2 тысяч человек и даже менее.

Пополнения прибывали постоянно, несмотря на большое расстояние от русской границы; манифестом от 21 августа 1813 г. объявлен рекрутский набор.

Продовольствие войск основано было главным образом на реквизициях; иногда, преимущественно в отдельных отрядах, производились фуражировки. В русских войсках полагалось мяса полфунта и хлеба 2 фунта на человека; на лошадь овса 2 $\frac{1}{3}$ гарнца¹ и сена 10 фунтов. В общем войска терпели большой недостаток в продовольствии, несмотря на безупречную деятельность генерал-интенданта Канкрин. Жители нередко терпели от беспорядков и насилий.

Обмундирование и обувь также большей частью добывались реквизициями.

Госпитали содержались за счет страны и устраивались широко. Местное население относилось к больным сочувственно; многие пользовались минеральными водами на многочисленных курортах.

Обеспечение артиллерийского снаряжения русских войск встречало значительные затруднения вследствие не только отдаленности русских границ, но и того, что русские войска, распределенные по всем армиям, находились под начальством иностранцев, не считавших себя обязанными заботиться о русских. Иногда пользовались боевыми припасами, захваченными у неприятеля.

Общим главнокомандующим был австрийский фельдмаршал князь Шварценберг, а Барклай-де-Толли носил звание главнокомандующего русской армии, но непосредственно командовал только войсками русско-прусского резерва в Главной армии; влияние на остальные войска, бывшие в других армиях, ограничивалось общим надзором за их устройством и хозяйственной частью.

Император Александр I следил за ходом военных и дипломатических действий, согласовывал противоположные стремления союзников и направлял все к одной цели — низложению Наполеона. Отсутствие единства мысли и воли у союзников составляло главный недостаток их в борьбе с Наполеоном.

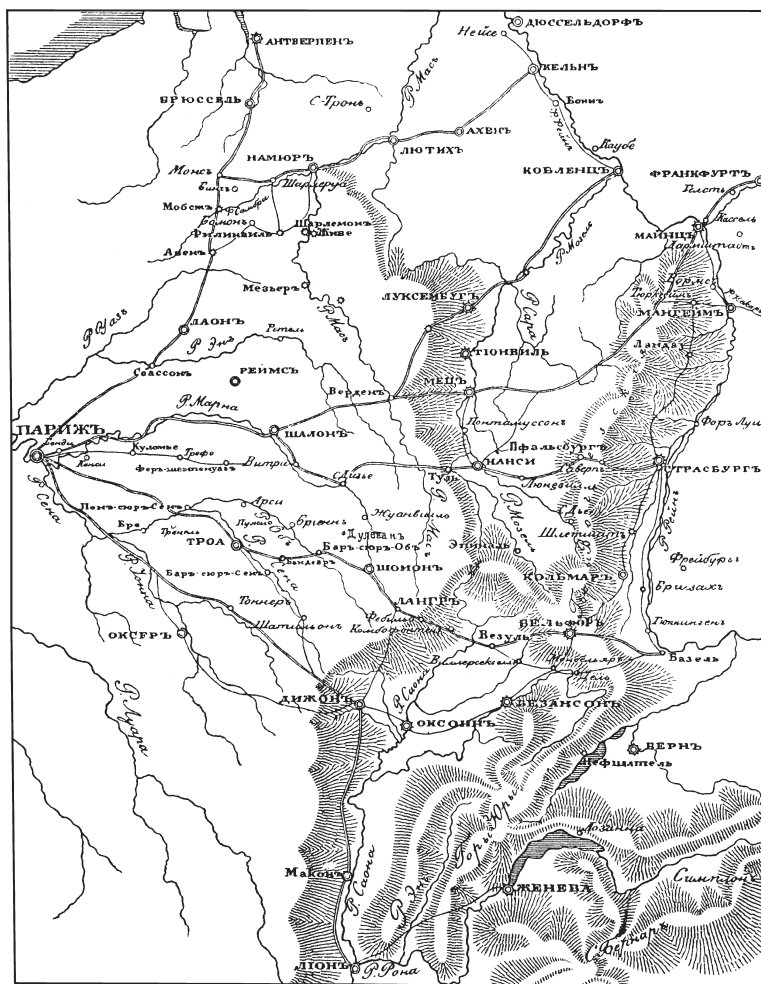
¹ Гарнец — единица вместимости, в 1 гарнце — 3,280 литра.

При государе состояли: Аракчеев, ведавший административной частью русских войск; начальник Главного штаба Волконский, передававший повеления Александра, касавшиеся военных действий; статс-секретарь Нессельроде, заведовавший дипломатической частью, и генерал-квартирмейстер Толь, находившийся при Шварценберге; на его обязанности лежало доносить Волконскому обо всем происходящем, передавать приказания Шварценберга летучим русским отрядам, а иногда и русским корпусам, входившим в состав Главной армии.

Сущность окончательно принятого плана союзников заключалась в следующем: Главная армия движется влево, к Базелю, для обхода ряда местных преград, стоящих на прямом пути к Парижу (горы Вогезы, Арденны, Аргонский лес, реки Саар, Мозель и Маас), и множества крепостей (тройной пояс на восточной границе Франции, более 100), и со стороны Швейцарии направляется на Везуль к Лангрскому плато в долины рек Сены и Марны. Так как это движение было кругное, то для отвлечения внимания неприятеля и для задержания его Силезская армия следует с фронта на Мец и Нанси на одной высоте с Главной¹.

Конечно, можно было двинуться на Париж и прямо, не обращая внимания ни на крепости, ни на местные преграды, которые Наполеон по недостатку войск все равно не мог серьезно оборонять, но австрийский генерал-квартирмейстер Лангенау, главный составитель плана, придававший слишком абсолютное значение рельефу местности, смотрел на упомянутые препятствия иначе, а между тем следовало именно скорее напасть на врага, чтобы помешать сформированию его армии. На Силезскую армию предполагалось, по проекту

¹ Император Александр I относительно плана, выработанного еще 29 октября 1813 г. во Франкфурте, писал между прочим Бернадоту: «...Таким образом станут в линию все четыре армии — Главная, Итальянская, Блюхера и Веллингтона. Находясь в самых плодотворных областях Франции, они образуют собой дугу круга и, продвигаясь вперед, сократят дугу и приблизятся к центру круга, то есть к Парижу или к главной квартире Наполеона».

Карта, иллюстрирующая план действий союзных войск во Франции

Лангенау, возложить только наблюдение за крепостью Майнц и оборону Германии, на случай наступления Наполеона, т. е. роль чисто пассивную. Еще хуже было то, что Лангенау ставил целью всего наступления лишь занятие Лангр-

ского плато, «откуда, господствуя над доступами в Бургундию и Шампань, можно будет предписать мир неприятелю на требуемых условиях».

Хотя план Лангенау и был принят, но с существенными поправками: 1) Силезской армии предоставлялась активная роль — наступать в Шампань на одной высоте с Главной; 2) занятие Лангрского плато Главной армией вовсе не полагалось конечной целью, а таковой ставилось разбитие неприятельской армии и занятие Парижа — столицы Франции.

Вторжение союзников во Францию и наступление Наполеона

Движение против Блюхера ♦ Бой под Бриенном ♦ Ларотьер

Союзные войска начали предварительные передвижения еще в конце 1813 г., а 20 декабря (1 января) стали переходить Рейн. Дальнейшее движение войск было медленным и сложным. Так, Главная армия состояла из восьми колонн и растянулась по фронту на 350 верст (от Страсбурга до Женевы); крайне слабый противник не мог воспользоваться подобной организацией марша, которая и осталась безнаказанной. Лангрское плато было занято, и к 13 января союзники стояли в долинах рек Марны и Оба, но в числе всего 115 тысяч, остальные по разным причинам остались в тылу. Почти месяц понадобился Главной армии, чтобы пройти 170 верст (от Базеля до Лангра); дневной переход в среднем — 10 верст. Конечно, даже такое медленное наступление помешало Наполеону закончить формирование армии, но при эффекте внезапности результаты были бы совершенно иными.

Повсюду сопротивление французов оказалось ничтожным — они постепенно отступали, оставляя гарнизоны в крепостях.

Выяснив направление главной массы союзников, Наполеон сосредоточивал свои силы против Лангрского плато в долинах рек Марны, Оба и Сены. Центр находился в окрестностях Витри на Марне, левое крыло от Шалона к северо-

востоку, а правое у Арсис-сюр-Об и Труа на Сене. Всего было 71 тысяча войск и 200 орудий.

Союзники имели передовые корпуса у Бар-сюр-Об (Гиулай), Дулевана (Сакен), Жуанвиля (Блюхер); растяжка по фронту достигала до 280 верст, а в глубину — 60. Главная квартира Шварценберга находилась в Шалоне, союзных монархов — в Лангре. Суровая погода заставляла располагаться по квартирам, и только передовые части стояли на биваках. В первоначальных столкновениях с Наполеоном могли принять участие только 52 тысячи войск, ближайшие к ним подкрепления оказались удаленными на расстояние не менее двух переходов.

Движение против Блюхера. Правительницей государства Наполеон оставил свою супругу, Марию Луизу, дав ей в качестве советника архиканцлера Камбасереса. Военное начальство в Париже поручил брату своему, королю Иосифу, который должен был принять на себя регентство в случае отъезда императрицы. 13 января император выехал из Парижа, оставив там жену и сына, которых ему не суждено было более увидеть; 14 утром прибыл в Шалон при громких восклицаниях не изверившегося еще народа: «Виват — императору».

Немедленно Наполеон сосредоточил в Витри 41 тысячу солдат, остальные войска, расположенные вблизи, прекрасно обеспечивали тыл и фланги его наступления. 14-го же он двинулся на Сен-Дизье.

В это время Блюхер с войсками Сакена и Олсуфьева наступал от Жуанвиля к Бриенну, выдвинув авангард Ланского к Сен-Дизье.

Утром 15 января Наполеон опрокинул Ланского и 16-го двинулся через Монтъерандер к Бриенну, в тыл Блюхеру. Шел дождь; на проселочных дорогах, служивших единственно для возки леса, орудия увязали в грязи; их вытаскивали с помощью жителей и обывательских лошадей. 17-го около двух часов дня французы появились в окрестностях Бриенна. Сколько воспоминаний и дум пронеслось в уме великого полководца, прошедшего тут свою юность, в Бриеннской во-

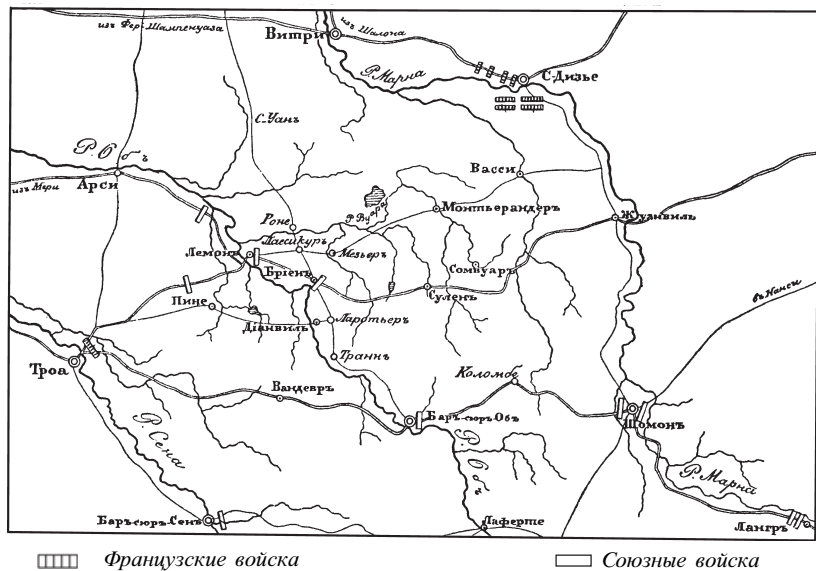
енной школе, и прекрасно знавшего окружающую местность до последней тропинки!

Блюхер ожидал неприятеля от Шалона, Витри, Арсиса, вообще спереди, но никак не рассчитывал быть атакованным с тыла, от Монтъерандер. Однако захваченный казаками полковник французского Генерального штаба Бернар разъяснил обстановку. Тогда Блюхер послал приказание Сакену (20 тысяч), прошедшему 10 верст вперед от Бриенна, возвратиться, сам город занял войсками Олсуфьева (5 тысяч), а навстречу французам выслал Палена и конницу Щербатова (всего 3500 коней), чтобы они обеспечили фланговый марш Сакена. Пален и Щербатов принадлежали к составу Главной армии, но находились поблизости, а потому Блюхер привлек их к бою. Он предполагал выждать у Бриенна присоединения Сакена, затем отступить на сильную позицию у Транна и далее к Бар-сюр-Об на соединение с ближайшими войсками Главной армии.

Распоряжения Блюхера несколько запоздали, так как враг находился уже близко, но отважный полководец не особенно опасался вступить в бой с превосходящими силами противника, потому что если бы даже и попал в критическое положение, то Главная армия вынуждена была бы прийти к нему на выручку и, таким образом, выйти из своего пассивного положения, т. е. Блюхеру удалось бы увлечь ее к более деятельному наступлению.

Бой под Бриенном 17 января. В 2 часа дня завязался кавалерийский бой, причем русская конница подалась назад. Около 4 часов подошел Сакен. Стало темнеть. Наполеон зажег город артиллерийским огнем и повел на него общую атаку. Ней ворвался в город, а французские драгуны едва не захватили в плен Сакена. Артиллерия генерал-майора Никитина открыла огонь в левый фланг неприятеля и заставила его отступить с большим уроном. Пален собрал на правом фланге позиции всю кавалерию (до 6 тысяч), опрокинул пехоту Виктора на глазах Наполеона, подвергавшегося лично величайшей опасности, и захватил пять орудий.

В 10 часов вечера бой возобновился и продолжался до полуночи. Наконец, французы были выбиты окончательно

Расположение воюющих армий

из города, но удержались в соседнем дворце. Потери каждой стороны — до 3 тысяч.

В 3 часа утра 18 января Блюхер начал отступление к позиции у Транна, что и подало Наполеону повод изобразить нерешительный бой под Бриенном как блистательную победу, в которой он сильно нуждался в самом начале кампании для нравственного впечатления. Однако успех его был условный, так как цели своей — отрезать Блюхера и разбить его отдельно — не достиг.

Этот первый бой во Франции против Наполеона велся исключительно русскими войсками.

Шварценберг очень обеспокоился боем под Бриенном и начал принимать серьезные меры к обеспечению флангов от обходов, но прибывший Александр настоял на том, чтобы 20-го атаковать Наполеона, для чего сосредоточить возможно больше сил. Действительно, для атаки предназначено 130 тысяч, но австрийский корпус Коллоредо пришел уже по окончании сражения при Ларотьере, да и резервы под

начальством великого князя Константина Павловича простояли даром всего в 10 верстах от позиции противника; оставалось 90 тысяч, из них участвовало только 72 тысячи. И все-таки превосходство в силах было очень большое, потому что у Наполеона официально считалось до 40 тысяч, а с прибывшими подкреплениями — 50. Вследствие этого Наполеон в первую линию поставил 19 тысяч, заняв лишь селения, опорные пункты, со значительными незанятыми промежутками. Для обеспечения этих промежутков во второй линии стояло 8000 кавалерии. Резерв 10 тысяч Нея — у Бриенна, за серединой позиции (являлась опасность и от прорыва центра). Атака для Наполеона была неожиданной, так как он уже готовился к движению на Труа для соединения с Мортье.

План атаки заключался в прорыве центра у Ларотьера. Общее командование было предоставлено, по желанию монархов, Блюхеру, как уже знакомому с обстановкой, хотя присутствовали Шварценберг и Барклай.

Погода была пасмурная; дул холодный ветер; густой снег существенно ухудшал видимость.

Бой начался в полдень; что поздно вообще, а для короткого зимнего дня в особенности. На левом крыле союзников австрийцы Гиулая к пяти часам дня отбросили французов к Дианвиллю, но до ночи не могли овладеть ни мостом, ни селением.

В центре наступление Сакена и Олсуфьева было затруднено топкой местностью; позже подмерзло.

Пользуясь этим, пехота двинулась на Ларотьер с барабанным боем и музыкой. Конница и гренадеры поддерживают атаку. В половине четвертого Васильчиков опрокинул французскую кавалерию, прорвал неприятельскую линию правее Ларотьера и захватил 24 пушки. Лишь в 7 часов вечера удалось овладеть Ларотьером, причем захвачено еще три пушки и взята в плен большая часть дивизии Дюгема.

На правом крыле наследный принц Вюртембергский атаковал Ла-Жибри, но неуспешно. По личному приказанию Александра пришла в подкрепление русская 1-я гренадерская дивизия, овладевшая деревней около 4 часов.

В 8 часов вечера неприятель стал беспорядочно отступать; только Жерар еще удерживал Дианвиль. Преследование велось слабо, т. е. плодами победы не воспользовались. Французы потеряли 6000 солдат и 63 орудия, союзники 4600, из них 3000 русских.

Хотя Наполеон и пытался изобразить сражение при Ларотьере как ничтожную арьергардную стычку, однако слух о поражении распространился и подействовал дурно. Главное же — союзники стояли всего в шести переходах от Парижа, путь к которому теперь оказался открытым.

Первое наступление союзников к Парижу

Движение Блюхера в долину Марны ♦ Действия Наполеона по внутренним операционным линиям (Шампобер, Монмираль, Шато-Тьерри) ♦ Действия Наполеона против Главной армии
♦ Отступление Шварценберга

Движение Блюхера в долину Марны. 21 января военный совет в Бриеннском дворце в составе монархов и полководцев решил — для облегчения снабжения продовольствием армий Блюхера и Шварценберга, только что соединившихся с такими трудностями, двинуть их к Парижу по двум направлениям: Главная армия — на Труа по долине Сены, а Блюхер с корпусами Сакена и Олсуфьева должен «приблизиться к Марне для поддержания действий корпуса Йорка на Шалон»; по соединении с Йорком, а также с корпусами Клейста и Капцевича, всего 60 тысяч, идти долиной Марны через Мо.

Расстояние между Марной и Сеной 50—60 верст. Для связи сначала назначен корпус Витгенштейна, потом казачий отряд Сеславина (бывший Щербатова), но затем и он отозван на левый фланг Главной армии, — для связи не осталось ничего.

Блюхер поставил себе две задачи: первая — собрать свои корпуса и двинуться к Парижу; вторая — помешать Макдональду, находившемуся у Шалона, соединиться у Труа с Наполеоном. Одновременное преследование двух целей при-

вело к разбросу сил, нарушению единства действий и к поражению армии Блюхера по частям.

21 января он выступил от Бриенна, а 24-го направился к Шалону.

Йорк под Шалоном появился на правом берегу Марны утром 23 января. Вечером началось бомбардирование укрепленного города, обороняемого 10—12 тысячами войска Макдональда. В то же время пехота ворвалась в предместье Сен-Меми.

Макдональд прислал парламентариев. Таким образом, по прихоти судьбы, Йорку пришлось вести переговоры с бывшим своим начальником, ибо в 1812 г. пруссаки Йорка входили в состав корпуса Макдональда во время похода в Россию. 24 января Макдональд, имея в виду приказание Наполеона идти к нему на присоединение, сдал город и, захватив с собой огромный транспорт, пошел по левому берегу Марны к Эперне.

25 января Йорк также перешел на левый берег Марны и соединился с Блюхером.

Йорк теснил Макдональда с тыла по северной дороге на Эперне и Шато-Тьери, а с остальными корпусами Блюхер задумал пойти по южной дороге на Этож, Шампобер, Вошан, Монмираль, чтобы определить противника в Лаферте-су-Жуар, где обе дороги сходятся. Блюхер для скорости выдвинул вперед свои корпуса порознь и эшелонировал их на 60—70 верст от Лаферте-су-Жуар до Вертю, однако Макдональд успел ускользнуть и еще 28 января достигнуть Лаферте-су-Жуар, а затем отошел к Мо.

29 января войска Блюхера занимали следующее расположение: Сакен (16 тысяч) — Лаферте-су-Жуар, передовые его войска дошли до Мо; Йорк (18 тысяч) — Шато-Тьери; Олсуфьев (4 тысячи) — Шампобер; Клейст (8 тысяч), Капцевич (6 тысяч) и главная квартира Блюхера — около Вертю (с. Бержер).

Действия Наполеона по внутренним операционным линиям. После сражения при Ларотьере Наполеон 22 января решил к Труа, где соединился с Мортье (всего 43 тысячи).

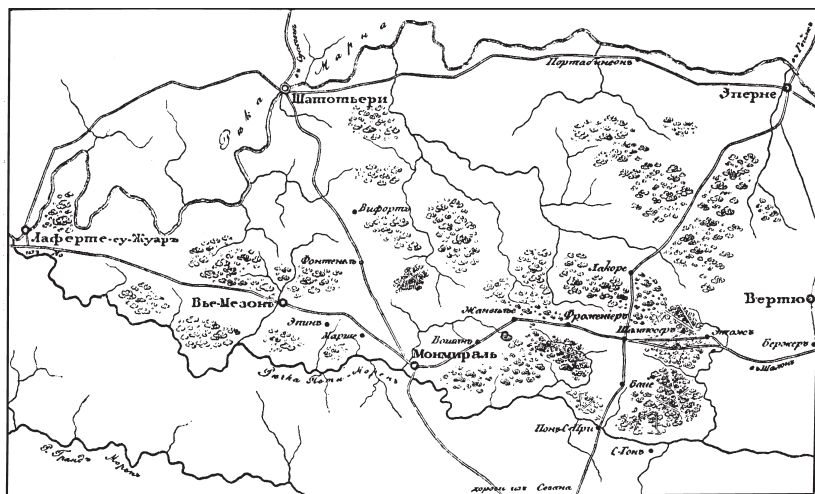
В ночь на 24 января Наполеон получил донесение Макдональда о движении Блюхера в долину Марны. Представлялся случай разбить его отдельно. Наполеон был уверен в непредприимчивости Шварценберга; опаснейшим врагом являлся отважный Блюхер, — на него-то и надлежало напасть прежде всего. Не теряя ни минуты (действия по внутренним линиям требуют быстроты), Наполеон с 35 тысячами войска двинулся 25 января через Ножан и Сезанн, оставив в Труа арьергард.

На основании решения военного совета, состоявшегося 21 января, Шварценберг должен был наступать, но, несмотря на тройное превосходство своих сил, он действовал крайне вяло и даже потерял соприкосновение с неприятелем. Под давлением Александра он решился атаковать Труа. Начались длинные приготовления; 25 января произведена рекогносцировка, написана длинная диспозиция, на трех страницах, для атаки 26 января, приказано войскам запастись штурмовыми лестницами и фашинами, а врага уже не было. Донесение об этом прислал Сеславин, — ему не поверили; но дезертиры подтвердили.

Шампобер, 29 января. От Ножана через Сезанн до Монмираля — 50 верст по болотистой проселочной дороге; особенно труден, почти недоступен для артиллерии и обоза участок в 10 верст за Сезанном. Тем не менее Наполеон выбрал именно эту дорогу в целях внезапности появления.

27 января авангард, под начальством Мармона, пытался пройти Сен-Гондские болота, но не смог и вернулся к Сезанну. Рассерженный Наполеон приказал Мармону взять обывателей с их лошадьми и все-таки идти. С рассветом 29 января Мармон выступил. Люди и лошади вязли в грязи, теряли обувь, колеса уходили в жижу по ступицу; французы, изнемогавшие от усталости, но ободренные присутствием императора, разделявшего с ними трудности этого необычайного перехода, наконец, вышли к позиции Олсуфьева впереди Шампобера и в 9 часов пошли в атаку.

На совещании все генералы высказались за немедленное отступление к Этожу и далее на соединение с Блюхером. Олсуфьев внутренне соглашался и все-таки остался для боя

План сражений при Шампобере, Монмирале и Вошане
с 29 января по 3 февраля 1814 г.

на плато впереди Шампобера. Дело в том, что он неоднократно уведомлял Блюхера о трудности своего положения, усугубляемой тем, что против него выступает сам Наполеон; но прусский полководец отвечал: «Ваши опасения напрасны; Наполеона здесь быть не может; в отряде, действующем против вас, не более 2000 человек, предводимых каким-нибудь смелым партизаном, а потому строго подтверждаю удерживать Шампобер как место, связующее армию мою в Вертоф с корпусом Сакена в Монмирале».

В 3 часа дня геройскую горсть русских обошли с обоих флангов; масса неприятельской кавалерии проникла на шоссе и отрезала путь как на восток, так и на запад; а у Олсуфьева было всего 16 конных вестовых. Сделали попытку пробиться на штыках, но бо́льшая часть солдат с девятью орудиями взята в плен. Не более трети отряда лесами пробралось к Блюхеру.

Наполеон был упоен победой. Блюхер мог бы взять в клещи 30 тысяч французов, не будь во главе их Наполеона. Пред-

вкушая дальнейшие успехи, Наполеон говорил за ужином пленному генералу Полторацкому: «Сегодня я разбил вас, завтра уничтожу Сакена, в четверг разобью авангард Витгенштейна, в пятницу нанесу такой удар Блюхеру, от которого он не опомнится, а потом надеюсь на Висле предписать мир императору Александру».

Теперь сильнейшими и опаснейшими для Наполеона были Сакен и Йорк. Оставив Мармона с 56 тысячами в Этоже в виде заслона против Блюхера и послав приказание Макдональду (18 тысяч с подкреплениями) вернуться и решительно наступать, Наполеон 30 января в 5 часов утра выступил к Монмиралю, которого достиг в 10 часов утра, когда там показался авангард войск Сакена.

Ночью Сакен получил приказание идти от Лаферте-сужуар к Монмиралю и, вместе с Йорком, проложить себе путь к Вертю, где Блюхер решил сосредоточить свои силы. Сакен пошел еще ночью и сделал 30-верстный форсированный марш, но французы его опередили с занятием Монмираля.

Йорк считал более безопасным соединиться с Сакеном на правом берегу, собрал свой корпус у Вифора и приглашал Сакена идти вместе к Шато-Тьери. Но Сакен уже ввязался в бой и, настаивая на буквальном исполнении приказа главного командующего, приглашал Йорка прибыть для участия в бою. Йорк подошел к Фонтенелю лишь в 4 часа дня, когда уже нельзя было поправить дела. Сакен был разбит, Йорк прикрыл его отступление к Вифору, куда русские прибыли только к рассвету 31-го, бросив на пути несколько орудий и повозок.

Шато-Тьери, 31 января. Ночью получили словесное приказание Блюхера отойти за Марну и следовать к Реймсу. Так как 31 января у Шато-Тьери союзникам пришлось переправлять много артиллерии и обозов, то войска временно задержались на левом берегу.

Оставив 2-тысячное войско у Монмираля для охранения дороги на Сезанн, Наполеон с 18 тысячами направился в 9 часов утра к Шато-Тьери, где и разыгралось упорное сражение, закончившееся лишь к вечеру, да и то союзникам при-

шлось бросить много обоза, который не успели переправить через Марну. Потеря союзников — 2800 человек и 9 орудий, французов — 400.

Наполеон только 1 февраля восстановил мост у Шато-Тьери, разрушенный союзниками, и 2 февраля послал для преследования Мортье с 6 тысячами, а сам поспешил на помощь Мармону.

Вошан и Этож, 2 февраля. Как только к Блюхеру прибыли два кавалерийских полка (1 февраля), главнокомандующий с 15-тысячным войском напал на Мармона у Этожа. Мармон отступил к Монмиралю, а Блюхер остановился у Шампобера.

Наполеон выступил от Шато-Тьери в ночь на 2 февраля и утром соединился с Мармоном у Монмираля, — всего 23 тысячи, из них 8000 конницы, а у Блюхера только 1400.

В 10 часов утра французы атаковали авангард Цитена перед Вошаном. Пехота изрублена: остатки пяти батальонов потом свели в один из 500 человек.

Сзади позиции Блюхера верст на десять, вплоть до Этожского леса, простиралась открытая равнина; отступление по ней ввиду превосходства кавалерии грозило гибелью, но было неизбежным. За Шампобером французская кавалерия преградила путь; пехота союзников пошла на штурм при содействии усиленного огня артиллерии. Французы вынуждены сойти с дороги, союзники достигли леса; только два прусских батальона были окружены и изрублены.

Ночью на арьергард Блюхера (8-я пехотная дивизия Урусова) Мармон произвел внезапное нападение, захватил самого Урусова и 600 человек.

Потери союзников — 6000, французов — 600 человек.

В ночь на 3 февраля Блюхер выступил к Шалону и соединился с Йорком и Сакеном. Военные действия в долине Марны с 29 января по 2 февраля стоили Блюхеру 15—16 тысяч человек и 40—50 орудий, не считая потерянных обозов и общего расстройств войск.

Действия Наполеона против Блюхера в долине Марны принадлежат к самым блестящим образцам военного искусства. За пять дней — четыре победы. Они подняли дух армии, на-

рода и самого императора. 31 января он издал воззвание о всеобщей мобилизации, и война с этой минуты действительно начала принимать оттенок народной. Упоенный успехом, последствия его Наполеон преувеличивал: армия Блюхера действительно была очень ослаблена, но не уничтожена и, благодаря прибывшим подкреплениям, вскоре была готова к новому наступлению.

Если бы Наполеон мог преследовать Блюхера еще хотя бы один день, 3 февраля, от Этожа до Шалона, то Силезская армия перестала бы существовать. Но пришлось спешно выступить против другого своего противника — Главной армии союзников, — таковы свойства действий по внутренним линиям, которые не дают много времени для преследования.

Главная армия в окрестностях Труа то стояла на кантонир-квартирах, то производила незначительные передвижения отдельными корпусами и отрядами. Достаточно указать, что, преследуя разбитого под Ларотьером неприятеля, она за десять дней прошла только 100 верст. Объясняется подобная практика Шварценберга тайным повелением австрийского правительства не переходить Сены.

30 января Александр I получил известие о неудачах Блюхера и потребовал от Шварценберга немедленного движения вперед для угрозы тылу Наполеона. Главнокомандующий не осмелился не согласиться с настоятельным требованием государя, но постарался свести все к полумерам.

31 января к переправам на Сене пошли только три корпуса: Витгенштейна — к Ножану; Вреде — к Бре, наследного принца Вюртембергского — к Монтро; два австрийских корпуса (Бианки и Гиулай) направились к Фонтенбло.

Французы (Виктор и Удино) слабо оборонялись и, с разрешения короля Иосифа и военного совета, отступили за р. Иер (в двух переходах от Парижа) для защиты столицы, население которой было напугано как наступлением Главной армии союзников, так и появлением русских партизан Платова и Сеславина, действовавших между Сеной и Луарой.

Атаман М. И. Платов (с гравюры Карделли)

Платов с 3000 казаков и ротой донской артиллерии взял город Немур¹ и захватил в плен 600 человек с 4 орудиями. Потом двинулся в Фонтенбло, где имел предписание освободить содержащегося там Папу; но, по приказанию Наполеона, Папу увезли оттуда за два дня до вступления казаков.

¹ Около Немура встретили поляка Костюшко, он попросил несколько человек — для защиты своего дома от мародеров.

Сеславин действовал около Орлеана.

Лишь 4 февраля Витгенштейн прошел за Провен, Вреде стоял у Донмари с авангардом Гардегга у Нанжиса, вюртембергцы — у Монтро.

Вся Главная армия оказалась разбросанной по фронту на 100 верст, от Фонтенбло до Мери (на Сене).

Действия Наполеона против Главной армии. Известие об отступлении Виктора и Удино вынудило Наполеона послать им на усиление Макдональда, а 3 февраля сам император, направив для обеспечения своего тыла Мортье (6 тысяч) к Виллер-Котере, Мармона (8 тысяч) к Шалону против Блюхера и Груши (5 тысяч) для связи между ними к Лаферте-су-Жуар, поспешно выступил из Монмираля с 28-тысячным войском (12 тысяч пехоты и 16 тысяч кавалерии). Пехоту везли на подводах, кавалерия шла день и ночь с небольшими привалами; за полторы суток преодолели 90 верст. 4-го вечером Наполеон соединился с маршалами за р. Иер, на позиции у Гонь; более 60 тысяч солдат под его начальством стояли перед фронтом союзников и обеспечивали защиту Парижа.

5 февраля Наполеон раздавил авангард корпуса Витгенштейна под начальством Палена.

Теперь Наполеону представлялся случай бить по частям разбросанную армию противника; но он предпринимает труднообъяснимое наступление по трем расходящимся направлениям с разброской на 40 верст: Удино против Витгенштейна — к Ножану; Макдональд — на Бре против Вреде; Виктор — на Монтро, против вюртембергцев.

6 февраля Наполеон обрушился на вюртембергцев, задержавшихся из-за переправы у Монтро. Понеся урон в 5000 человек, вюртембергцы еле пробились к Бре. Французы потеряли до 2500 человек.

Отступление Шварценберга последовало с разрешения Александра, хотя его силы вдвое превосходили противника. Мало того, он просил, чтобы и Блюхер примкнул к нему. 9 февраля Шварценберг (100 тысяч) расположился впереди Труа, а Блюхер с 53-тысячным вновь укомплектованным войском подошел к Мери в ответ на приглашение австрийского

главнокомандующего участвовать в совокупной атаке, намеренной на 10 февраля.

Действительно, соотношение сил союзников (150 тысяч) и Наполеона (60 тысяч, вдобавок еще разбросанных) обещало полный успех. Каково же было удивление и раздражение «старого рубаки», когда был отдан приказ к отступлению обеих армий. Оказалось, что Шварценберг получил известие о быстром наступлении Ожро от Лиона вверх по долине р. Саоны, и потому полагал, что в случае неблагоприятного исхода генерального сражения союзников могли отрезать от Рейна. По сведениям, у Ожро было 27 тысяч (в действительности 12 тысяч старых солдат), но не приняли или не хотели принять в расчет, что Лион находился в 250 верстах от сообщений с Рейном, а Ожро отличался медлительностью своих действий. На замечание, что «отступление к Лангру могло повести к отступлению за Рейн», один из австрийских генералов отвечал: «Тем лучше! Мы спустимся вниз по течению реки и приступим к формальной осаде Майнца».

Пылкий Блюхер не мог согласиться с распоряжениями союзного главнокомандующего и представил соответствующую реляцию монархам, вследствие чего получил разрешение действовать самостоятельно, а Главная армия все-таки начала отступление в ночь на 12 февраля к Бар-сюр-Сен и Бар-сюр-Об. Наполеон 12 февраля занял Труа.

Не видя возможности вовлечь Шварценберга в генеральное сражение, Наполеон направил для преследования его 40-тысячное войско под начальством Удино и Макдональда, на Бар-сюр-Об и Бар-сюр-Сен. Но, опасаясь, что Наполеон опять выступит против Блюхера, прусский король уговорил Шварценберга перейти хотя бы в частное наступление. Это и привело к столкновению 15 февраля у Бар-сюр-Об.

Действия союзников и здесь отличаются вялостью и нецелесообразностью. Бой преимущественно велся фронтальный и отличался упорством; в нем принимали горячее участие король прусский с кронпринцем и 16-летним принцем Вильгельмом (впоследствии император германский) и неоднократно бросали русские полки в атаку. Сам Витгентшейн ходил в атаку с Псковским кирасирским полком, чтобы остановить перешед-

ших в наступление французов, но был отброшен и ранен, хотя оставался до конца боя на поле сражения¹.

Храбрость русской пехоты и огонь русской артиллерии остановили французов. Отбив атаки, русские перешли в общее наступление; баварцам и австрийцам Вреде приказано тоже принять более деятельное участие. Тогда Удино приказал своим войскам сниматься с позиции и с потерей 3000 человек успел уйти за реку, не потеряв ни знамен, ни пушек. Урон союзников — до 1900 человек. Цель боя — отрезать Удино — достигнута не была, но все-таки победа одержана.

Результат первого наступления союзников к Парижу довольно печальный: союзники оказались на тех же местах, что и месяц тому назад, при первых столкновениях с Наполеоном.

Второе наступление союзников к Парижу

**План действий союзников ♦ Действия Наполеона против армии Блюхера
♦ Сражения под Краоном и при Лаоне ♦ Действия Наполеона против
Главной армии ♦ Сражение при Арсис-сюр-Об**

План действий союзников. Поспешное отступление Главной армии по опустошенной стране, в холодную погоду, при недостатке продовольствия, как неизбежное следствие, привело к упадку духа солдат; появилось много отставших, предававшихся мародерству. Дальнейшее отступление могло вконец деморализовать армию.

13 февраля в Бар-сюр-Об был собран военный совет, на котором прения приняли весьма оживленный характер. Еще раньше Блюхер просил разрешения Александра произвести наступление к Парижу долиной Марны, получил разреше-

¹ Раненый Витгенштейн впоследствии испросил разрешения государя на отъезд из армии, ссылаясь на расстроенное здоровье; но главная причина отъезда заключалась в столкновениях с Шварценбергом, который жаловался не раз государю на Витгенштейна, стремившегося вперед (как Блюхер) и таким образом противодействовавшего планам австрийцев. Александр не поддержал Витгенштейна. Вреде, не принимавший решительного участия в сражении, произведен в фельдмаршалы, Витгенштейн не получил ничего.

ние и даже начал приводить свой план в исполнение; и все-таки большая часть присутствовавших полагала, что целесообразней отступить обеим армиям. Государь противился такому предложению и наконец, совершенно возмущенный, сказал: «В случае отступления я отделюсь от Главной армии со всеми находящимися здесь русскими войсками, гвардией, гренадерами и корпусом графа Витгенштейна, соединюсь с Блюхером и пойду на Париж. Надеюсь, — присовокупил он, обращаясь к прусскому королю, — что Ваше Величество, как верный союзник, явивший мне многие опыты дружбы своей, не откажетесь идти со мною». Король отвечал, что он не расстанется с государем и давно уже предоставил свои войска в распоряжение Его Величества. «Для чего же меня одного оставлять?» — сказал император Франц.

Тогда выработали следующий план действий: Силезской армии действовать самостоятельно и идти на Париж. На усиление ее назначились русский корпус Винценгероде и прусский Бюлова; обеспечение тыла и прикрытие на случай отступления возлагалось на Северную армию, прибывшую к Люттиху после военных действий против Дании. Главной армии, в случае дальнейшего наступления Наполеона, отойти к Лангру и, усилившись подкреплениями, либо принять сражение, либо перейти к наступлению. В случае движения Наполеона против Блюхера Главная армия немедленно должна возобновить наступательные действия¹. Сформировать особую Южную армию (40—50 тысяч) под начальством принца Гессен-Гомбургского, которому поручено идти на Макон и, оттеснив Ожро, обеспечить сообщения Главной армии.

Действия Наполеона против армии Блюхера. Еще в ночь на 12 февраля Блюхер (50 тысяч) выступил из Мери. Вин-

¹ Таким образом обе армии должны были поменяться ролями: Силезская обращалась в главную, а Главная делалась вспомогательной; на нее возлагалась теперь роль, которая в 1813 г. предназначалась Силезской армии, т. е. наступать против удаляющегося Наполеона и отступать от приближающегося.

ценгероде находился в Реймсе, Бюлов — в Лаоне. Осторожность требовала сначала двинуться на соединение с ними; но Блюхер, желая возможно скорее отвлечь Наполеона от Главной армии, сначала двинулся на Мо, чтобы отрезать от Парижа или разбить отдельно маршалов Мармона, Мортье и Груши, оставленных Наполеоном в долине Марны, и потом угрожать Парижу. Маршалы (20 тысяч) успели соединиться в Мо и взорвать мост на Марне. Попытка атаковать Мо корпусом Сакена не удалась, а выжидать здесь присоединения Винценгероде и Бюлова становилось опасным, так как Наполеон уже шел в долину Марны и мог разбить по частям. Поэтому Блюхер 19 февраля пошел им навстречу в Уши (Ульши-ле-Шато); туда же приказал идти Винценгероде и Бюлову.

Узнав о движении Блюхера, Наполеон решил снова воспользоваться случаем действовать по внутренним линиям. Сдав начальство над войсками против Главной армии Макдональду, он с 32 тысячами 15 февраля погнался за Блюхером, рассчитывая припереть его к Марне и разбить. 19 февраля Наполеон переправился у Лаферте-су-Жуар и направился на Шато-Тъери, Фим и Бери-о-Бак (на р. Эн). В то же время приказал Мармону перейти в наступление и энергично теснить Блюхера.

Гул канонады Сакена при Мо слышался в Париже, так как расстояние между ними — менее 40 верст. Напуганные парижане спешили выслать Мармону в подкрепление 7300 человек.

Теперь положение Блюхера стало весьма опасным; уходить ему можно только на север, потому что на западе р. Уаз, на которой у Блюхера не было переправ, на востоке путь замыкал Наполеон. На севере протекала р. Эн с переправами у Бери-о-Бак, до которого трудно поспеть раньше французов, да еще и сама переправа потребует времени; противник вынудит к бою. Другая переправа — по каменному мосту к крепости Суассон, занятой французским гарнизоном — 1600 поляков. Штурмовать Суассон, — но если он продержится сутки, тогда Мармон все-таки достигнет и втянет в бой.

Между тем Винценгероде склонил Бюлова идти к Суассону, и 18 февраля обложил его с юга (с левого берега Эна), а Бюлов с севера (с правого берега). На предложение о сдаче

комендант, бригадный генерал Моро, вначале объявил, что будет стрелять в парламентариев, если они явятся вторично, а затем согласился капитулировать.

Союзники тотчас вступили в город, а гарнизон с оружием, шестью пушками и обозом выступил по Компьенской дороге, сопровождаемый одобрительными возгласами русских. Вдали раздалась канонада: это действовал арьергард войск Блюхера у Нельи. Моро понял свою ошибку, но было уже поздно¹.

20 февраля Блюхер закончил переправу и, соединившись с Винценгероде и Бюловым, усилился до 110 тысяч. Новые корпуса были полностью укомплектованы, люди выглядели здоровыми, сильными, имели добротную экипировку и обильные запасы продовольствия. Резко отличались от них изнуренные оборванцы Блюхера с пустыми провиантскими фурами, но зато какой высокой цены воинами они были!

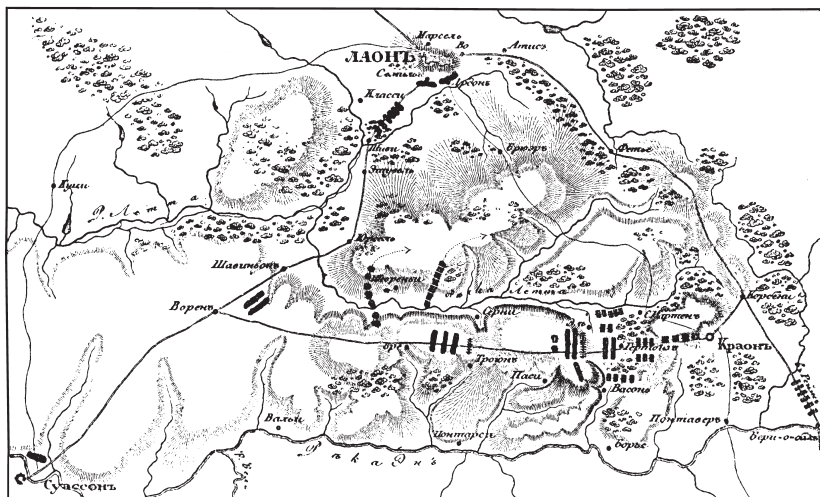
Блюхер ускользнул; мало того, он сделался чуть не вдвое сильнее своего гениального противника. Но Наполеон не хочет считать, сколько перед ним врагов, — лишь бы до них добраться и вынудить к бою. Он решается идти от Бери-о-Бак на Лаон, чтобы отрезать Блюхера от Бельгии, куда теперь отходила линия сообщения Силезской армии, бросившей свои сообщения с Рейном.

Блюхер успел отойти от Суассона раньше и занял позицию у Краона с явным намерением принять сражение.

Сражение под Краоном 23 февраля. Позиция обладала большими выгодами. Скаты круты и образуют значительные выступы к северу и югу, разделенные оврагами; ширина плато меняется от 200—300 шагов (у фермы Гертбиз) до 2 верст (между Эль и Вассон). Вдоль плато тянется дорога.

Согласно плану Блюхера, для удержания Наполеона с фронта назначался Воронцов (18 тысяч) — на позиции позади фермы Гертбиз между Эль и Вассон. Для поддержки Воронцова выделены конница Васильчикова (2700) и казаки Карпова (1500), а в 7 верстах позади — корпус Сакена (9000). Ланжерон стоял в резерве.

¹ Он был предан суду.

План сражения при Краоне 23 февраля 1814 г.

Кавалерия Винценгероде (10 тысяч и 60 конных орудий), корпуса Йорка и Клейста должны были еще с вечера 22 февраля переправиться через Летту у Шевриньи, окольными дорогами выйти на север к Фетье, на столбовую дорогу, и ударить в тыл французам, когда они будут атаковать Воронцова.

Блюхер ослабил себя отделением 13 тысяч войск для занятия Суассона и послал Бюлова в Лаон; если первое еще имело значение, то второе вовсе не было нужно.

Краон был занят накануне передовым отрядом генерал-майора Красовского с 13-м и 14-м егерскими полками. Около 4 часов пополудни 22 февраля французы начали его атаковать. Около двух дивизий старались сбить его с фронта и отрезать с левого фланга. Воронцов приказал отступить. Красовский отходил в порядке, удерживая на каждом шагу неприятеля. Особенно отличился 13-й полк, более 10 раз ходивший в штыки и потерявший 16 офицеров и 400 нижних чинов.

К утру 23 февраля Наполеон уже занимал Краон и окрестности, но здесь была только часть его войск; Мортье пока

шел к переправе у Бери-о-Бак, а Мармон был еще дальше к Суассону; в общем расстояние до 40 верст. Тем не менее император рано утром 23 февраля начал атаку.

Расположение Воронцова было следующим: между Эль и Вассон — пехота в три линии батальонных колонн на тесных интервалах по недостатку места; на правом фланге — гусары и казаки Бенкендорфа; перед центром — 36 орудий, перед флангами по 12; остальные 36 — в резерве.

Очень сильная с фронта, позиция не имела закрытий, а потому войска сильно страдали от огня. Атаковать приходилось с флангов, но и тут были затруднения из-за крутизны скатов. Свойства местности затрудняли атакующему вводить артиллерию и конницу в значительных массах.

На левом фланге Ней около 10 часов утра повел атаку на Эль и на плато возле него. Эль фланкировало подступы к плато, а потому надо было прежде овладеть этим селением; но плато своей артиллерией фланкировало подступы к Эль; следовательно, пришлось вести обе атаки разом. Атаки кончились неудачей, маршал Виктор тяжело ранен. Французы оставались открыто под артиллерийским огнем: прикрыть лесом опасались, чтобы конскрипты не разбежались.

Наполеон подкрепил кавалерией Груши. Опять неудача. Груши ранен. Французы приостанавливают атаку до подхода подкреплений. Но Воронцов приказывает Ширванскому полку и батальону 19-го егерского полка перейти в наступление. Атака удалась, неприятель отброшен и почти полностью уничтожен, но и ширванцы потеряли половину людей.

На правом фланге атаки кавалерии также не удались; русская конница с артиллерией даже не допустили врага развернуться на плато.

В 3 часа подошли части корпуса Мортье. Общая атака французов завершилась удачей: Эль в их руках, прорвались в центре у Гертбиза, Нансути поднялся на плато на правом фланге.

В 9 часов утра Блюхер узнал, что Винценгероде вследствие трудностей пути еще не перешел Летты. Поручив начальство Сакену, Блюхер поскакал к Винценгероде и в 2 часа дня выяснил, что нельзя уже рассчитывать на выход Винцен-

героде в тот же день в тыл Наполеону. Блюхер решил прекратить сражение и отвести все войска к Лаону.

Два раза получал Воронцов от Сакена приказание отступить и оба раза не исполнял. Наконец Сакен передал: «без потери времени отступить, ибо по причине перемены в диспозиции вся армия идет к Лаону».

При тяжких условиях пришлось отступить Воронцову. Обход угрожал с обоих флангов, тем более опасный, что плато далее расширяется и становится совершенно открытым. Сакен прислал Васильчикова.

Отправив назад все подбитые орудия (22) и раненых, Воронцов перестроил пехоту в батальонные каре и приказал отступить медленно через линию, артиллерия — через орудие. Отбивая непрерывные атаки, останавливаясь иногда для отпора, дошли до Серни. Отсюда конница Васильчикова (дивизии Ланского и Ушакова) начала содействовать отступлению. Некоторые полки по восемь раз ходили в атаку. Отличные кавалерийские генералы Ланской и Ушаков смертельно ранены.

Впереди того места, откуда отходит дорога к северу, на Шевриньи и Лаон, Никитин поставил 36 легких орудий, а за ними в 60 шагах 28 батарейных. Когда поравнялись отступавшие полки, Никитин крикнул: «Вправо и влево! Артиллерия сейчас открывает огонь». Место быстро очистили, и орудия загрохотали: первая линия стреляла ядрами и картечью, а вторая — ядрами и гранатами. Минут двадцать продолжалось избиение густых колонн французов, столпившихся на тесном пространстве. Наконец, около 5 часов дня, изнемогавший неприятель прекратил преследование. Русские не оставили ни одного орудия, ни единого ящика, лишь человек 100 раненых; потеря — 5000 человек. Урон французов — до 8000.

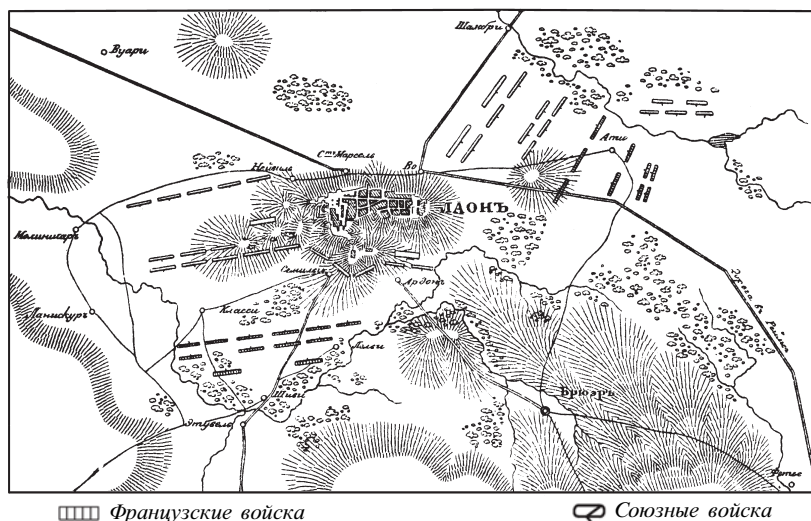
Почему Блюхер, имея 100-тысячное войско, выставил в бой только 20 тысяч русских?

Уже ясно было, что война близится к концу; при общем дележе тот союзник окажется в выигрыше, кто будет к этой минуте сильнее, а потому прусские генералы стремились не столько к победе, сколько к сбережению войск.

Сражение при Лаоне 25 и 26 февраля. Целую ночь на 24 февраля и весь день тянулись союзники к Лаону. Двигаться по пересеченной и болотистой местности было тяжело, столпотворение на дороге ужасное. Удар сколько-нибудь значительных сил мог иметь последствием огромные потери. Но изнуренные маршами и боем французы не трогались с места до 10 часов утра 24-го. Хотя преследование было поручено Нею, но ему не удалось ничего сделать.

Наполеон по Суассонской дороге повел к Лаону 32-тысячное войско, а корпус Мармона (12 тысяч), только что переправившийся у Бери-о-Бак, направил прямо через Фетье. Обе колонны были разобщены болотистой местностью и казаками, которые перехватывали всех посланных; связи не было. Колонны соединились только в Лаоне, занятом союзниками. Таким образом, Наполеон нарушил одно из главных своих правил: «не назначать для сосредоточения сил такого пункта, на котором нас может опередить противник».

Первый день боя, 25 февраля. Сильную позицию у Лаона Блюхер занял более чем 100-тысячным войском, потому

План сражения при Лаоне 25 и 26 февраля 1814 г.

что гарнизон Суассона (13 тысяч) также был сюда притянут. В туманное утро 25 февраля император развернул свои 32 тысячи между Лельи и Класси и начал атаку против правого крыла и центра Блюхера (корпусов Винценгероде и Бюлова). Предместье Семильи и селение Ардон не раз переходили из рук в руки. К ночи у французов осталось только Класси.

В 5 часов дня подошел к селению Ати Мармон. Ночью пруссаки его внезапно и успешно атаковали и преследовали до Фетье.

Теперь Блюхер задумал, прогнав Мармона, двинуть два прусских и два русских корпуса в тыл Наполеону и повторить маневр, осуществить который при Краоне не удалось.

Второй день боя, 26 февраля. Утром 26 февраля союзники сделали неудачную попытку атаковать своим правым крылом. Французы отбили атаку и сами перешли в наступление, потеснив Винценгероде и Блюхера. Наполеон вел атаки, невзирая на потери, чтобы отвлечь союзников от преследования Мармона. Начальник штаба Блюхера, руководивший сражением из-за болезни главнокомандующего¹, вернул к Лаону все корпуса, преследовавшие Мармона, что разрушило первоначально задуманный план покончить с Наполеоном.

В ночь на 27 февраля Наполеон безнаказанно отошел к Суассону, а Мармон — к Фиму. Потери французов при Лаоне — 9000; союзников — 2000.

Император дал отдых войскам и занялся обустройством армии и пополнением ее подходившими подкреплениями.

Рискованный поход Наполеона против Блюхера стоил французам 18 тысяч и привел к полууспеху под Краоном и поражению при Лаоне. Можно сказать, что Наполеон еще счастливо отделался из-за слабой активности пруссаков Силезской армии и бездействию Шварценберга, не воспользовавшегося 20-дневным отсутствием Наполеона и открытым путем на Париж.

¹ Блюхер так ослабел, что весь остальной поход до Парижа ехал в карете и не мог сесть на лошадь.

Действия Наполеона против Главной армии. Имея тройное превосходство перед Макдональдом, Шварценберг двигался немного вперед только тогда, когда получал настойчивое повеление от Александра. Вообще же старался уклоняться от свиданий с ним и ограничиваться письменными докладами.

К 6 марта армия продвинулась немного за Сену и растянулась чуть не на сто верст от Санса (на Ионне) через Провен, Вильнокс, Мери, Арсис до Бриенна. Так как Главная армия стояла ближе к Парижу, чем Силезская, то Наполеон после трехдневного отдыха в Реймсе пошел на Шварценберга. Против Блюхера он оставил Мортье в Суассоне и Мармона (8 тысяч) в Бери-о-Бак, сам же предполагал к 16,5 тысячам присоединить 11 тысяч подкреплений, соединиться с Макдональдом, усилиться таким образом до 60 тысяч и выйти к Арсис и Планси — в правый фланг Главной армии союзников. 6 марта он уже был в 20 верстах от Арсис. Разбросанной Главной армии грозила участь быть разбитой по частям.

6 марта в 6 часов вечера Александр приехал из Труа в Арсис, к Шварценбергу, лежавшему в постели из-за разыгравшейся подагры. «Что у вас делается? — с недовольством сказал государь Толю. — Мы всю армию потерять можем». — «Величайшее счастье, что Ваше Величество приехали, — ответил Толь. — Вы исправите наши ошибки». Сделаны были распоряжения о сосредоточении войск к Арсис, и Наполеон вышел не во фланг или в тыл союзникам, а на их фронт.

Так как Вреде занимал авангардом Фримона Арсис, где р. Об разделяется на пять рукавов и переправа по узкой плотине была бы затруднительна, то 7 марта Наполеон устроил переправу у Планси и 8-го по обоим берегам Оба пошел к Арсису, предписав Удино и Макдональду идти туда же от Провена. Кавалерия Себастиана в 10 часов утра заставила авангард Фримона отступить и заняла Арсис.

Сражение при Арсис-сюр-Об 8 и 9 марта. *Первый день сражения, 8 марта.* Местность к югу от Арсис прорезывается болотистым ручьем Барбюс, переправа через него — только по мостам. Между Барбюс и Об, упирая правый

фланг в р. Об, стал Вреде, имея на левом фланге казаков Кайсарова; гвардия и резервы — у Пужи. Корпуса наследного принца Вюртембергского, Раевского и Гиулая должны были от Труа прибыть на левый берег Барбюса. До прибытия их Вреде приказано было не вдаваться в решительный бой. Наполеон также ожидал Удино и дивизию Фриана. У него в эту минуту было не более 8 тысяч войска, а у союзников уже 30.

Около 2 часов дня Кайсаров, заметив, что французская артиллерия стоит с малым прикрытием, произвел блестящую атаку, захватил три пушки и опрокинул кавалерийскую дивизию Кольбера, которая смяла дивизию Эксельманса и увлекла ее в общем бегстве.

Пользуясь успехом атаки Кайсарова, Вреде атаковал одной бригадой селение Гранд-Торси, чтобы затем двинуться на город, захватить мост и разрезать французскую армию. До 5 часов пополудни шел ожесточенный бой за это селение, и только тогда Вреде поддержал бригаду; но в это время прибыл сюда Наполеон, и его магическое влияние на войска помогло к вечеру выбить австрийцев и баварцев и окончательно удержать Торси.

Три корпуса наследного принца Вюртембергского подошли только к вечеру, и лишь тогда Шварценберг ввел в дело общий резерв, но наступила темнота, и бой замер около десяти вечера.

Итак, сначала восемь, а потом 14 тысяч французов остановили наступление 60 тысяч союзников; здесь сказались искусство Наполеона и ошибки его противников.

Когда кончился бой у Торси, Себастиани, усилившись 2 тысячами кавалерии Лефевра-Денуэта, решил отплатить за утреннее поражение, опрокинул Кайсарова, захватил батарею у Вреде и привел в расстройство его левый фланг. Его выручили Таврический гренадерский полк и русская 3-я кирасирская дивизия; батарея была отбита назад.

Второй день сражения, 9 марта. Ночное нападение Себастиани истощило наступательный порыв Шварценберга. 9 марта он еще более сосредоточил свои силы (до 100 тысяч), но все не решался — атаковать ли неприятеля, выжи-

дать ли его нападения либо отступить. Свои передвижения производил он крайне медленно, что внушило Наполеону мысль об отступлении союзников и идею атаковать их.

Но когда войска его поднялись на высоты, то увидели огромную Главную армию, стоящую в полном сборе на позиции. Броситься в атаку было бы безумием, и Наполеон стал уходить немедленно, назначив в аррьергард Удино.

Отступление французов и слабость сил их ясно были видны с высот. Казалось бы, Шварценбергу следовало раздавить врага, не теряя ни минуты; но он созвал корпусных командиров для «краткого» совещания, продолжавшегося более двух часов¹. «Трудно понять, — говорит историк Кох, — каким образом союзники, видя затруднительное положение французов, не уничтожили их аррьергарда».

Поведение Наполеона отличается отчаянной дерзостью; он ринулся в бой на огромного по числу противника, даже не подождав Макдональда. Урон его до 8000 человек и семь орудий, союзников — до 3000.

Итак, союзники при втором наступлении к Парижу не продвинулись вперед; все топтались на тех же местах; но война силой обстоятельств приближалась к концу. Действия Наполеона по внутренним линиям не привели к успехам, подкрепления истощались, дела на второстепенных театрах военных действий принимали неблагоприятный оборот.

Третье наступление союзников к Парижу

Бой у Фер-Шампенуаза ♦ Разгром дивизий Пакто и Аме

♦ Сражение под Парижем

Из Испании Веллингтон вторгся в Южную Францию, 28 февраля занял Бордо и оттеснил Сульта за Гаронну.

На юго-востоке Франции Ожро хотя действительно усилился до 27 тысяч, но потерпел неудачи при наступлении к Женеве, и, в конце концов, Южная армия союзников принца Гессен-Гомбургского (австрийцы) заняла 9 марта Лион.

¹ Александр, мучимый сильнейшей лихорадкой, находился в Пужи.

В Италии вице-король с 40 тысячами молодецки держался на Минчио против более чем вдвое превосходящих сил противника (австрийцы и Мюрат, изменивший Наполеону).

В Нидерландах Мезон с небольшими силами удерживался против 70 тысяч союзников, а старый Карно классически образцово оборонял Антверпен.

Силезская армия, оправившись после Лаонского сражения, выступила 6 марта на соединение с Главной армией: корпус Бюлова — к Суассону для его осады, Йорк и Клейст — к Шато-Тьери, сам Блюхер с тремя русскими корпусами (Ланжерона, Сакена и Винценгероде) — к Шалону, куда прибыл 11 марта; конница под начальством Винценгероде 12 марта прибыла в Витри.

Главная армия после сражения при Арсис недоумевала, почему Наполеон отходит на Витри. Казачий офицер доносил: «Неприятели отступают не к Парижу, а к Москве». Решили соединиться с Блюхером и 12 марта подошли к Витри.

Мармон и Мортье, оттесненные Силезской армией, получил в ночь на 9 марта приказание Наполеона идти на соединение с ним к Витри; 11 марта дошли до Этожа и Берже-ра, а 12-го продвинулись по направлению к Витри до р. Суд. У Этожа расположились дивизии Пакто и Аме (под общим начальством Пакто), высланные из Парижа на подкрепление. Мармон знал, что путь для соединения с Наполеоном уже отрезан.

Наполеон же предполагал идти за союзниками, когда они двинутся за ним. Оставалось: 1) идти к Парижу для непосредственной его защиты, чему препятствовали политические причины — появление под Парижем обнаружило бы его бессилие; 2) направиться с 50 тысячами через Витри, Сен-Дизье, Жуанвиль на сообщения Шварценберга, присоединить 10—12 тысяч из гарнизонов крепостей и возбудить народное сопротивление в тылу союзников. Зная чувствительность их к обеспечению сообщений, он рассчитывал, что союзники пойдут за ним, т. е. он оттянет их от Парижа, выиграет время, в течение которого обстоятельства могут принять благоприятный оборот. Так он и поступил: 10 марта пере-

шел через Марну у Флинькура, близ Витри, 11-го пришел в Сен-Дизье, 13-го — в Бар-сюр-Об.

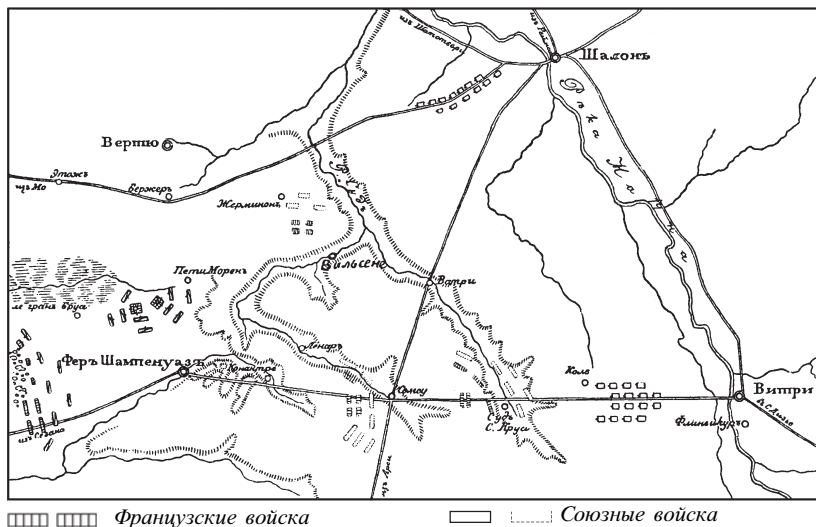
Действительно союзники предполагали идти за Наполеоном, но 12 марта в штаб Главной армии доставили перехваченное казаками Блюхера письмо Наполеона в Париж к императрице, в котором он раскрывает весь свой план. Копия этого письма и была прислана Шварценбергу, а подлинник Блюхер отослал Марии Луизе с припиской, что он и на будущее время обязуется доставлять ей письма супруга, отрезанного от Парижа.

Тогда Александр решил повернуть обе армии (170 тысяч) на Париж, а Винценгероде с кавалерией отправить к Сен-Дизье, чтобы отвлечь на себя внимание Наполеона и скрыть движение союзников. Для обеспечения марша к Парижу, скрытия его и разведок была выслана обширная завеса из казачьих отрядов: Чернышева, Сеславина, Кайсарова, Тетенборна. При расчете марша по карте было ясно, что, овладев Парижем, союзники будут иметь достаточно времени для свержения Наполеона и для встречи его, если он подойдет к Парижу.

Бой у Фер-Шампенуаза 13 марта. Так как Главная армия 13 марта пошла на Фер-Шампенуаз, то она неизбежно должна была столкнуться с Мармоном и Мортье (17 тысяч, из них 4350 кавалерии); а конница Блюхера — с дивизиями Пакто (6000), шедшими на Витри. Однако союзники не знали о близком соседстве французов. Бой оказался случайным для обеих сторон.

13 марта в 8 часов утра шедшая в голове Главной армии конница Палена и вюртембергская потеснила передовые посты Мармона от Коль на его позицию у Суд-Сен-Круа и обошла ее с обоих флангов. Мармон отошел (не без потерь) к Сомксу и пригласил туда же Мортье. Здесь удерживались часа два, но когда союзная конница усилилась до 8 тысяч, то французы отошли на позицию впереди Ленар с потерей пяти орудий. Шварценберг и Барклай, услышав канонаду, послали имевшуюся конницу на поддержку.

Пехота отходила в шахматном порядке и надеялась в порядке достигнуть Фер-Шампенуаза; но вдруг поднялся силь-

План сражения при Фер-Шампенуазе 13 марта 1814 г.

ный восточный ветер, ослепил французов пылью, а потом пошел проливной дождь с градом. Пехота с замокшими ружьями отбивалась штыками. Русские гвардейские уланы и драгуны атаковали правый фланг. Кавалергарды и кирасиры Его Величества смяли сначала прибывшую из Испании испытанную конницу, а потом изрубили два каре. Буря усилилась; от дождя и дыма нельзя было ничего различать в нескольких шагах. Два раза маршалы въезжали в каре, чтобы не быть увлеченными расстроенной конницей.

Дальнейшее отступление к Фер-Шампенуазу продолжалось со все увеличивающимся беспорядком, а с появлением отряда Сеславина — и в паническом страхе.

Преследование продолжалось до 9 часов вечера; французы здесь потеряли 33 орудия и 60 зарядных ящиков.

Разгром дивизий Пакто и Аме. 13-го обе дивизии (Пакто и Аме) шли на Витри для соединения с маршалами. У д. Вильсене неожиданно столкнулись с кавалерией Корфа (корпуса Ланжерона). Пакто стал в порядке отступать к Фер-Шампе-

нуазу, бросил бывший при нем транспорт, а лошадей припряг к орудиям.

Когда Корф был подкреплён конницей Васильчикова и частью кавалерии, посланной лично государем, то Пакто увидел, что отрезан от Фер-Шампенуазы, и повернул к Петит-Морен, чтобы уйти в Сен-Гондские болота. Кавалергарды с четырьмя орудиями гвардейской конной артиллерии преградили путь. Пакто, раненный в руку картечью, отказывался сдаться. Кавалергарды, лейб-уланы и северские драгуны первыми ворвались в каре. Пакто сложил оружие.

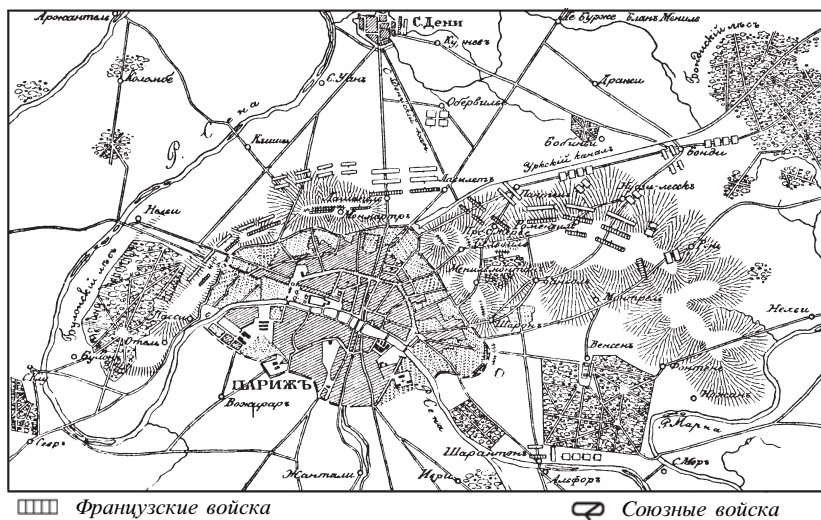
Французы потеряли в сражении всего 11 тысяч человек, 75 орудий, 250 зарядных ящиков, множество обозов; союзники — до 2 тысяч.

Со стороны союзников участвовало 16 тысяч кавалерии (из них 12 тысяч русских) и 94 орудия. Сражение было чисто кавалерийское, причём за время наполеоновских войн впервые такое массовое. Союзная пехота не успела сделать ни одного выстрела. Бой при Фер-Шампенуазе называют «преддверием покорения Парижа и падения Наполеона».

Сражение под Парижем 18 марта. Мармон кружной дорогой через Провен, обходя отряды Силезской армии, подошёл к Парижу с южной стороны.

Союзники прошли через Мо, отбросили высланный против них из Парижа отряд Компана (7 тысяч) и 17 марта подошли к столице с северной и восточной стороны. Главные квартиры монархов и Шварценберга поместились в Бонди. Для защиты тыла выставили к Мо от Силезской армии корпус Сакена и от Главной — у Коломье корпус Вреде.

Защитников Парижа было 45 тысяч; набрали все, что можно: и национальную стражу, и даже воспитанников военно-учебных заведений. Союзников — до 100 тысяч. Общая атака назначена была на 5 часов утра 18 марта. Приходилось спешить. Дело в том, что ещё накануне русские заняли высоты с селениями Пантен и Роменвиль — позицию, весьма важную для обороны Парижа; перейдя в наступление, французы могли вновь овладеть высотами. Кроме того, прибытие Наполеона в Париж, хотя бы и без

План сражения под Парижем 18 марта 1814 г.

войск, несомненно придало бы обороне характер в высшей степени упорный.

Между тем Блюхер (правое крыло), по оплошности заблудившегося ночью офицера, получил диспозицию лишь утром и начал атаку на Монмартр около полудня, наследный принц Вюртембергский (левое крыло) атаковал Венсенский парк полтретьего дня, а Гиулай (поддерживал принца) поспел только к 4 часам. Вся тяжесть боя легла на центр (Евгений Вюртембергский и Раевский), т. е. на 16 тысяч русских, которые должны были атаковать в лоб 20-тысячное войско с 90 орудиями на сильной позиции к востоку от Уркского канала (Бельвильские высоты).

Бой принца Евгения и Раевского впереди Роменвиля был весьма упорен; только с прибытием подкрепления от Барклая они могли отбросить французов. Левее их Чугуевские уланы внезапно бросились на 28-орудийную батарею с фланга и захватили пушки и прислугу — воспитанников Политехнической школы. Астраханские и павловские кирасиры два раза удачно атаковали стрелков, прогнали их до Бельвильских батарей и взяли в плен генерала.

Около часу дня успешное движение русских остановлено Барклаем на два часа, до прибытия к Венсену наследного принца Вюртембергского.

У селения Пантен русская дивизия Гельфрейха едва держалась; ее подкрепили прусской гвардейской бригадой, которая и бросилась в атаку по ложине, хотя принц Евгений предлагал подождать, пока он возьмет Бельвильские высоты, командные над ложниной. Пруссаки потеряли половину людей и были отбиты. Только часа через полтора им удалось немного продвинуться вперед.

Пруссаки Йорка и Клейста, действовавшие к западу от Уркского канала, более четырех часов безуспешно атаквали Лавилет; французы даже переходили в наступление. Воронцов, стоявший в резерве у Обервилье, послал к Лавилету генерал-майора Красовского с полками 13-м и 14-м егерскими, Тульским и Навагинским пехотными и первым Бугским казачьим. Егеря в парадной форме (приготовились к смотру Блюхера) и спешенные бугские охотники, имея в резерве Тульский и Навагинский полки, пошли с музыкой и барабанным боем, ударили в штыки, без выстрела овладели батареей, ворвались в Лавилет и проследовали до Сен-Мартенских ворот, где получили в 4 часа дня приказание остановиться.

На левом фланге наследный принц Вюртембергский имел успех и около 3 часов подошел к Парижу. Тогда Барклай приказал в центре возобновить атаку. В скором времени Бельвильские высоты были взяты.

В пятом часу все французские войска уже были введены в бой; все позиции, кроме Монмартра, защищаемого Мортье, были потеряны; императрица-правительница, а за нею король Иосиф уехали в Блуа, предоставив маршалам переговоры о сдаче Парижа. Положение маршалов было отчаянное. Александр согласился на прекращение военных действий с условием, чтобы французские войска тотчас удалились за городскую ограду, а потом из Парижа. В 5 часов огонь прекратился по всей линии, кроме Силезской армии, до которой еще не дошло известие о перемирии. Там Ланжерон произвел кровопролитный штурм

Монмартра, подобного которому он, по его словам, не видел со времен Измаила.

Наступила тишина. Народ тысячами валил к городским воротам, прося позволения взглянуть на русский лагерь, «что женщинам было разрешено».

Союзники потеряли 8400 человек (из них 6000 русских) и взяли 126 орудий и 1000 пленных; урон французов — до 4000.

Конечно, взятие Парижа — событие знаменательное, но с точки зрения военного искусства сражение было лишено единства действий и предварительной подготовки путем охвата, т. е. действием правого и левого крыльев; все свелось к лобовому удару на самую сильную часть позиции.

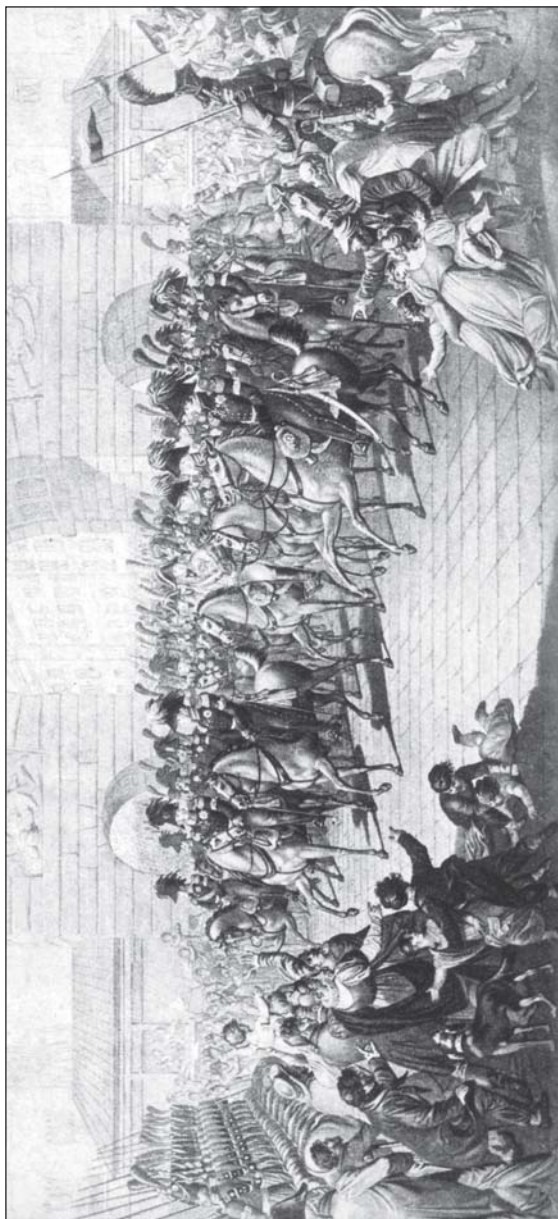
Низложение Наполеона

Вступление союзников в Париж ♦ Отречение Наполеона

Вступление союзников в Париж. В чудный весенний день 19 марта союзники вступили в Париж. Герои-солдаты в истрепанной одежде, в изорванных сапогах, мало годились для парада. Войска Раевского в мундирах, снятых с убитых неприятелей, более походили на французов; у Евгения Вюртембергского едва набрали 1000 прилично одетых и обутих.

Австрийцы давно интриговали, чтобы им первыми вступить в Париж. Однако порядок был такой: сначала прусская гвардейская кавалерия, русская легкая гвардейская кавалерийская дивизия, австрийская гренадерская бригада, затем русские войска и пр. Александр, указывая на ехавшего рядом Шварценберга, сказал Ермолову по-русски: «Вот, Алексей Петрович! По милости этого толстяка не раз у меня ворочалась под голову подушка».

Народ теснился на улицах и радостно встречал Александра. «Мы уже давно ждали прибытия Вашего Величества», — сказал один француз. «Я бы ранее к вам поспел, но меня задержала храбрость ваших войск», — отвечал Александр, зная, что слова его разнесутся по всему Парижу и Франции.

Победное вступление союзных войск в Париж в 1814 г.

21 марта сенат объявил Наполеона и всех членов его семейства низложенными, учредил временное правительство и подал голос за возведение на престол Людовика XVIII.

16 мая заключен Парижский мир, по которому Франция ограничена ее пределами на 1792 г.

Отречение Наполеона. 13 марта Винценгероде достиг Сен-Дизье. 14 марта Наполеон произвел усиленную разведку, разбил и отбросил Винценгероде к Бар-ле-Дюк с потерей 1300 человек, пяти орудий и части обоза. От пленных узнали истину. «Это прекрасный шахматный ход! Я никогда бы не поверил, что генерал коалиции способен сделать такое», — сказал Наполеон. Так как прямыми путями достигнуть Парижа было нельзя, то император двинулся через Труа к Фонтенбло. 18 марта в Труа он дал диспозицию, чтобы войска подошли к Парижу 21-го (150 верст), а сам на почтовых доехал в полночь до станции Кур-де-Франс, в 20 верстах от столицы, спеша оказать ей содействие личным присутствием. Здесь встретил войска, отступившие из Парижа, и узнал ужасные известия. Наполеон сел на дороге и погрузился в глубокую думу, окруженный сподвижниками, безмолвно ожидавшими его приказаний. Он послал Коленкура в Париж для переговоров, полагая выиграть время, а сам вернулся в Фонтенбло. Число войск его, вместе с отступившими из Парижа, достигало 36 тысяч, а союзники собрали к югу от столицы 180 тысяч. Маршалы вовсе не желали идти на Париж, о чем и заявили императору, намекнув на необходимость отречения.

25 марта император подписал отречение за себя и своих наследников, после чего Наполеона оставили почти все его сподвижники. В ночь на 31 марта он открыл свою дорожную шкатулку, вынул оттуда яд, приготовленный еще в 1812 г., и принял. Яд не подействовал.

8 апреля в полдень вся гвардия построилась перед дворцом в Фонтенбло. Великий полководец спустился с лестницы и обратился с горячей прощальной речью к своим старым солдатам. «Прощайте, мои дети! — сказал он в заключение. — Я хотел бы прижать вас всех к моему сердцу, так дайте же мне обнять ваше знамя!» И, подойдя быстрыми

шагами к генералу Пети, державшему знамя старой гвардии, Наполеон обнял его, поцеловал, при громких возгласах и рыданиях своих товарищей, и, сев в экипаж, отправился с генералом Бертраном по Лионской дороге. 16 апреля Наполеон вступил на борт английского фрегата «Undaunted» («Неустрашимый»).

Значение для русской армии Заграничных походов

Велико было значение для русской армии Заграничных походов. Война — лучший учитель, а русская армия с 1805 г., в течение десятка лет, непрерывно воевала с турками, персами, шведами и многонациональной французской армией. Особенно важны походы 1813 и 1814 г., когда русские воевали не только против искусного неприятеля, но и бок о бок с европейскими союзниками, у которых могли кое-что позаимствовать. Постепенно русская армия приобрела огромный опыт. В первых походах против Наполеона первенство в искусстве и опытности принадлежало французам, но с 1812 г. оно решительно перешло на сторону русских.

Пехота усовершенствовалась в стрельбе, в действиях рассыпным строем и в пользовании особенностями рельефа местности. Русские стрелки всегда превосходили меткостью иностранных.

Новобранцы, поступавшие из резервов в полки действующих армий, находили там опытных, заслуженных офицеров и нижних чинов, под руководством которых чрезвычайно быстро и со свойственной русским сметливостью приобретали навык к войне.

Кавалерия имела обширную практику, что и продемонстрировала при Фер-Шампенуазе. Русская кавалерия и особенно казаки всегда следовали в голове союзных армий; в большинстве случаев разведывательные и партизанские действия были превосходны. Всеми было понято огромное значение конницы, и в начале царствования Николая I, когда общая численность армии в мирное время не превышала 500—600 тысяч, в ее составе было не менее 30 кавалерийских дивизий, не считая казаков.

Артиллерия русская овладела искусством и стрельбы, и маневрирования; в 1814 г. она считалась лучшей из всех европейских артиллерий.

Инженерным войскам после заграничных походов отведено было видное место, потому что наглядно выяснилась великая ценность их во многих случаях. При осадах крепостей, в полевых сражениях, при переправах русские саперы и понтонеры действовали отлично. Приносимая ими польза натолкнула на мысль о сформировании коннопионеров, дабы они содействовали коннице во всех необходимых случаях.

Генерал-квартирмейстерская часть (Генеральный штаб) должна была не только состязаться с мастерами своего дела наполеоновской армии, но и у себя постоянно сноситься со штабами иностранных союзных армий. Практика двойная. Необходимость иметь хорошо подготовленных офицеров Генерального штаба, доказанная в Заграничных походах, вынудила отказаться от прежнего случайного укомплектования генерал-квартирмейстерской части и привела к созданию Военной Академии по проекту Жомини, этого замечательного ученого, которого в ряды русской армии привел тоже заграничный поход.

Создались многочисленные ценные кадры генералов, офицеров и унтер-офицеров, получивших военный опыт на войне, а не на плац-параде.

Ознакомившись с искусством французов (отчасти и союзников) в создании вооруженных сил в минуту надобности и вынужденные сами прибегать к быстрым и многочисленным формированиям, русские усвоили себе правильный, чисто военный взгляд на устройство войск: ничего лишнего, только то, что требуется для войны.

Однако порочные нововведения в системе войскового образования и боевого воспитания, установленные после окончания Наполеоновских войн, имели вредное влияние на развитие предприимчивости и способности к самостоятельным действиям у начальников, унижительное же обращение с нижними чинами и тяжесть службы, вытекавшая из педантичных требований начальников, вроде Шварца, поселили неудовольствие в войсках (бунт Семеновского полка).

Между тем возвратившиеся из походов солдаты принесли с собой новые понятия о человеческом достоинстве, явилось представление о долге гражданина и его правах. Участник походов в Германию и Францию пишет так: «Сколько новых мыслей заимствовано нами в походе! Более 300 тысяч русских прошло Германию во всех направлениях, и они были в соприкосновении со всеми сословиями... Многие изучали со вниманием то, что немецкая земля представляет любопытного по части земледелия, промышленности, гражданского устройства, частной и общественной жизни, и вникали в причины векового ее благосостояния». Короче, стала ясной неудовлетворительность в России многих учреждений и гражданских отношений. Отсюда явились, под влиянием виденного за границей, мечты о лучшем устройстве; возникли тайные общества, именно в военной среде, притом революционного направления. Все это разразилось событием 14 декабря 1825 г. Однако это вовсе не означало, что армия расшатана и потеряла свои военные достоинства. Никакие западные идеи, никакие тайные общества не помешали русским войскам проявить свои доблести в турецкую и персидскую войны и при усмирении польского мятежа в 1831 г.

Финляндские войны

П. А. Ниве, полковник

Борьба Петра Великого за укрепление безопасности северных границ

Операция по захвату Выборга в 1710 г. ♦ Кампания 1712 г. ♦ Сражение при р. Пелкиной 6 октября 1713 г. ♦ Бой при д. Лаппола 19 февраля 1714 г. ♦ Разгром шведской эскадры у Гангута в июле 1714 г. ♦ Границы России и Финляндии по условиям Ништадтского мира

Финляндские войны имели для России вполне определенное военно-географическое значение.

Положение Финляндии, нависшей с севера над операционными морскими путями, издревле, еще со времен существования пути «из варяг в греки», связывающими русский Восток с европейским Западом, привлекало к себе внимание Древней Руси наряду с историческим стремлением наших предков утвердиться на берегах балтийских. Наши летописи и шведские хроники засвидетельствовали целый ряд походов русского воинства в Финляндию еще со времен новгородцев, которые долгое время владели всей ее восточной частью. При Иване III воеводы наши ходили из Архангельского края в северную Финляндию, «на десять рек», причем часть сил шла сухопутным, а часть «морем-окияном да через Мурманский нос». Южная Финляндия до Або (шведское название финского г. Турку) постоянно была театром враждебных столкновений, а стены Выборга обильно политы русской кровью.

Но особо важное значение приобрела для нас Финляндия со времени основания Петербурга.

Пробив «окно в Европу», Петр Великий был, естественно, озабочен тем, чтобы иметь к этому окну прочные ставни. После Полтавской битвы он так оценивает ее значение: «Ныне уже совершенный камень в основание Петербурга положен с помощью Божией». Действительно, с уничтожением под Полтавой почти всей живой силы противника, у Петра руки оказывались развязаны, и он пользуется этим немедленно в следующем же году, чтобы упрочить положение на балтийских берегах. В 1710 г. в Ливонии были взяты: Рига, Ревель, Пернов и Аренсбург¹; в Финляндии же мы овладели Кегсгольмом² и Выборгом, с приобретением которого, по выражению Петра, создалась «крепкая подушка Петербургу».

Операция 1710 г. по захвату Выборга поражает смелостью замысла и энергией исполнения. Для главного, решительного удара заранее намечается более слабая, обращенная к морю, часть крепости; чтобы обеспечить успех этого удара, а также отрезать сухопутные сообщения крепости с внутренней Финляндией и бывшими там шведскими войсками, послан 12 марта вперед 13-тысячный осадный корпус графа Апраксина из Кронштадта по льду. Как только начало вскрываться море, сам царь, во главе сильной флотилии, пробиваясь с огромными трудностями через плавучие льды, двинулся на поддержку Апраксина, войска которого уже начали терпеть лишения из-за недостатка продовольствия.

Предупредив шедший на выручку крепости шведский флот адмирала Ватранга и проникнув в Выборгский залив при помощи уловки (переодевание экипажа в шведские мундиры и выкидывание шведских флагов), эскадра Петра Великого успела усилить осадный корпус подкреплениями, артиллерией и всем необходимым, после чего благополучно проскользнула обратно в Кронштадт чуть ли не под носом шведского адмирала. Для предупреждения возможности прорыва шведского флота на помощь крепости тыл осад-

¹ Официальное название г. Кингисеппа до 1917 г. (до 1952 г. — Курессааре).

² Ныне г. Приозерск.

ного корпуса и проходы на рейде были защищены настолько сильными батареями, что Ватранг ограничил свою роль наблюдением за нашим флотом у Кронштадта. Сам царь остался под Выборгом и сделал целый ряд распоряжений по подготовке штурма.

Но до штурма дело не дошло, так как гарнизон шведский, проведав о нем, сдался, и 14 июня 1710 г. Петр, во главе преображенцев, торжественно вступил в Выборг, изборожденный бомбами так, что «ни на едину сажень не было целого места».

«И тако, чрез взятие сего города, Санкт-Петербургу, конечно, безопасение получено», — писал сам царь адмиралу Крюксу и многим другим лицам.

Решив, что Выборг «гораздо крепить надлежит», и возобновив союзный договор с Данией, результатом которого явилась разработка плана совместных действий союзников в двух направлениях, со стороны Дании в Шонию (южная часть Швеции) и от Петербурга через Выборг на Або и далее к Стокгольму, Петр Великий прервал свои приготовления к выполнению этого плана из-за продолжающейся войны с Турцией. Во время Прутского похода 1711 г. наши союзники бездействовали и терпели одни неудачи. Закончив этот поход, царь приступил к действиям против Швеции на северном фронте.

Намеченный на 1712 г. план состоял в следующем: а) сдерживать воинственные поползновения Турции посредством особой армии, оставляемой в Малороссии; б) нанести сильный удар шведам в Померании силами союзной армии (туда послан русский вспомогательный корпус); в) совершить по отношению к Финляндии диверсию, дабы облегчить нанесение главного удара.

Общая численность главной померанской армии достигла 85 тысяч (в том числе 10 тысяч саксонцев и 27 тысяч датчан); наблюдательной армии на Украине (графа Б. П. Шереметева) — 79 тысяч; Ингерманландского корпуса графа Апраксина — 56 тысяч.

Намереваясь начать действия в Финляндии с целью отвлечь внимание противника от главного удара и разделить

его силы, Петр Великий нисколько не упускал из виду значения Финляндии, как базы шведов для операций против Петербурга, равно как и того, что завоевание Финляндии откроет кратчайший путь к Стокгольму. Вместе с тем Петр Великий рассчитывал, что «ежели Бог допустит летом до Абова, то шведская шея мягче гнуться станет».

Но местные условия в Финляндии были таковы, что на быстрые успехи там было трудно рассчитывать. Крайне пересеченная, избороденная причудливой сетью внутренних вод поверхность, обилие лесов и болот, бездорожье, скудость продовольственных, фуражных и перевозочных средств, враждебно настроенное население и потому неуверенность в своем тыле — все это создавало для наступательных операций в Финляндии чрезвычайные трудности. Но их можно было отчасти избежать, действуя исключительно вдоль побережья и опираясь на свои морские силы, которые, в силу местных особенностей (окаймляющий побережье пояс шхер), следовало обязательно разделить на мелкосидящий шхерный (частью гребной) и корабельный флоты.

Действия Петра Великого в Финляндии тем поучительны, что ему, как гениальному полководцу, удалось гармонически и стройно провести здесь совместную операцию сухопутных и морских сил, чего в последующие войны со шведами на том же театре с таким успехом сделать никому уже не удавалось.

Операция вдоль морского берега давала крупную выгоду благодаря постоянному содействию галерного флота, фланговые удары которого вынуждали бы противника последовательно оставлять все свои крепкие с фронта позиции. С овладением прибрежной полосой мы приобретали наиболее богатую часть края; сообщения же с тылом могли быть обеспечены водными путями по шхерным фарватерам. Но для этого необходимо было иметь и достаточно сильный корабельный флот, чтобы прикрывать свои сообщения со стороны моря. В этом была наша слабая сторона, так как наш корабельный флот по сравнению со шведским был весьма слаб.

Что касается «диверсии» 1712 г., ни одна из поставленных частных задач, в сущности, достигнута не была. Привлечь в Финляндию значительные шведские силы не удалось, и противник

удерживал все время Апраксина войсками, равносильными его корпусу; ни один из прибрежных пунктов между Выборгом и Гельсингфорсом не был захвачен. Но действия 1712 г. принесли нам все же большую практическую пользу: они указали на важное значение галерного флота, как плавучей обходной колонны, с помощью которой можно обезвреживать крепкие с фронта финляндские позиции; прояснили необходимость, с одной стороны, начать поход немедленно после вскрытия воды ото льда, а с другой — для устранения продовольственных затруднений, закладывать в шхерах, по мере продвижения вперед, промежуточные базы.

Словом, кампания 1712 г. в Финляндии сыграла роль усиленной разведки театра военных действий, данными которой царь воспользовался с замечательным искусством в следующем же году.

Убедившись вскоре, что «на померанские дела мало надежды», так что даже «напрасно сюда ехал» (так писал сам Петр Апраксину), царь решает в 1713 г. приступить к самостоятельным, независимым от союзников, действиям в Финляндии, дабы, как выражался он, избежать «многобожия».

При этом целью будущей кампании в Финляндии Петр ставил уже «как возможно сильные действия, с помощью Божьей, показать» и притом «идти не для разорения, а чтобы овладеть» Финляндией.

Первоначально намечался зимний поход, но новый разрыв с Турцией заставил отказаться от этого намерения. Вторжение в Финляндию переносится на весну, «при самом взломании льда», причем план намечается следующий: галерная эскадра с пехотным корпусом и запасами продовольствия перебрасывается к Гельсингфорсу, овладевает им и, укрепившись, устраивает здесь продовольственную базу и поджидает подхода по сухопутью из Выборга конницы, обозов и артиллерии. Затем делается попытка с моря захватить Або и утвердиться в нем; по силе захвата этих двух важных прибрежных пунктов предполагалось пока не углубляться внутрь страны, а неприятеля удерживать «в крепких пассах».

Таким образом, впервые со времен походов Олега на Царьград русские отваживались на обширную высадку. Десант-

ный 17-тысячный отряд был подразделен на «авангардию», под начальством самого царя, «кордебаталию» графа Апраксина и «арьергардию» князя М. М. Голицына. Установлены были формы построения галерного флота для похода и для боя и точный порядок высадки десанта. Суда были расписаны по полкам с неизменным поддержанием прочной связи воинских частей со своими судами.

26 апреля, тотчас после вскрытия Невы, галерный флот вышел из Петербурга в Кронштадт, откуда через пять дней тронулся прямо к Гельсингфорсу. 10 мая наш флот развернулся на гельсингфорском рейде и начал обстреливать город, после чего на другой день его удалось захватить. При этом выяснилось, что главные силы шведов, под начальством Либекера, от 10 до 15 тысяч, сосредоточены у Борго, т. е. восточнее Гельсингфорса, наперерез пути, по которому должны были прибыть наши конница и обозы. Ввиду этого решено было двинуться морем из Гельсингфорса к Борго, попытаться разбить Либекера и тем развязать себе руки в деле устройства опорного пункта на побережье.

Переход этот выполнен был весьма искусно, но план атаки шведов 13-го числа осуществить не удалось: поднявшийся ветер на целый день задержал высадку, пользуясь чем шведы уклонились от боя и отступили в глубь страны. Однако путь для конницы и обозов был освобожден.

Вторичную атаку Гельсингфорса произвели в начале июля, после того как устроили близ Форсбю опорный пункт и выполнили ряд разведок. Город был нами атакован одновременно с суши и с моря и снова взят, причем шведские войска отступили к северу.

После занятия Гельсингфорса укреплены были, по указанию царя, те самые острова, на которых впоследствии шведы воздвигли Свеаборг и стратегическое значение которых было, таким образом, впервые оценено именно нашим великим полководцем. Согласно данным разведки, главные силы противника находились в направлении Тавастгуса. Петр Великий решил немедленно этим воспользоваться, захватить Або набегом с моря и отрезать Либекеру ближайшее сообщение со Стокгольмом. Но на этот раз, из-за кружного пути шхер-

ной эскадры, связь между ней и сухопутными войсками прервалась, так что Або удержать нам не удалось. Эскадра же Боциса была задержана близ Ганге шведами и не могла прорваться. Поэтому от Або нам пришлось отойти обратно.

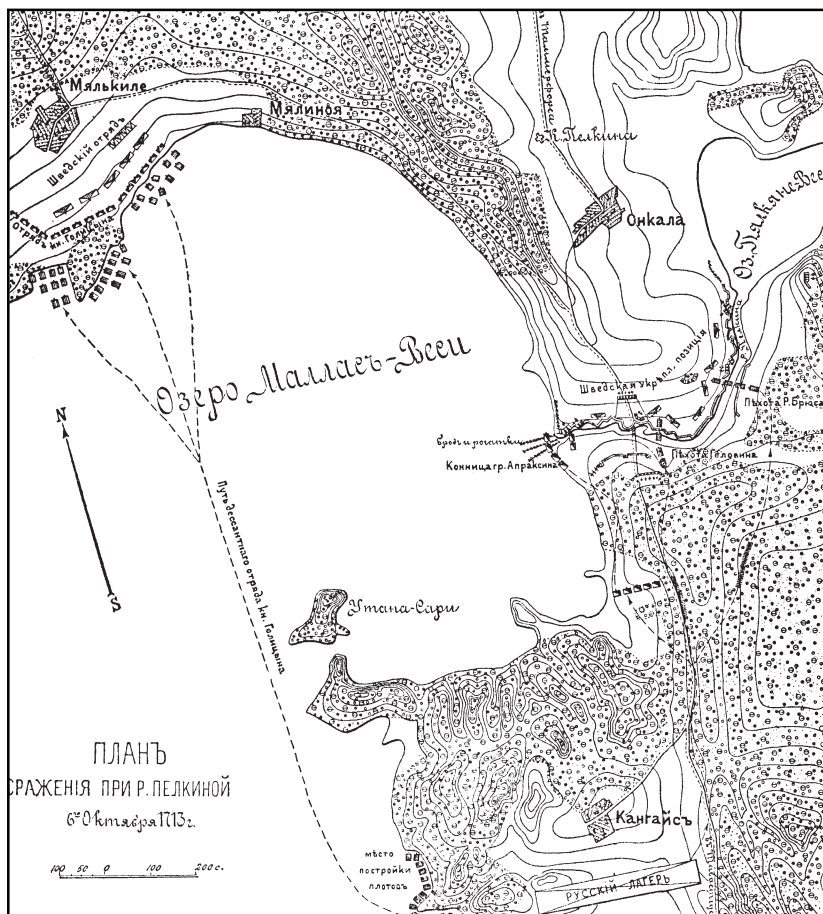
Чтобы завоевать себе выгодное исходное положение в кампании следующего года, Петр, несмотря на приближение осени, решил теперь же оттиснуть Либекера в глубь страны, а, если удастся, то и разбить его. Этим обеспечивалась к будущей кампании свобода действий в отношении Або, который был нам необходим, как исходный пункт дальнейших операций Швеции.

20 сентября 14—16 тысяч наших войск, под начальством Апраксина, двинулись кратчайшим путем к Тавастгусу, который оказался шведами очищен. Новый их начальник, сменивший Либекера, генерал Армфельт, «отошел за два великих озера, между которыми течет речка Пелкина». Позиция эта обладала всеми свойствами труднодоступной финляндской теснины: фронт прикрывался широким протоком на протяжении полутора верст, а фланги обеспечивались двумя большими озерами. Для обхода этой позиции нужно было совершить марш протяженностью не менее 120 верст.

Убедившись, что фронт позиции шведов сильно укреплен, Апраксин и его ближайший сподвижник, князь М. М. Голицын, ввиду невозможности атаки с фронта «ради зело крепкой ситуации» и продолжительности обхода «великих и долгопротяжных озер», разработали следующий в высшей степени своеобразный план боя: главный удар направить в тыл правого фланга шведов, на путь их отступления, перебросив войска на плотках через озеро Маллас-Веси; эту фланговую атаку поддержать атакой с фронта, обеспечив себя здесь, на случай неудачи, «контрралинею и батареею».

Три дня наши войска настойчиво укрепляли линию фронта; в то же время за изгибом озера скрытно строились плоты для десантного отряда, а также плоты для фронтальной атаки через протоку.

В войска, предназначенные для главного удара, под командованием известного своей решительностью и храбростью князя М. М. Голицына, были отобраны лучшие солдаты,

План сражения при р. Пелкиной 6 октября 1713 г.

по 600 человек от 10 полков, всего 6 тысяч. Остальные чины этих 10 полков, еще два полка и вся конница, всего около 8 тысяч, должны были наступать с фронта тремя колоннами; к левой из них, через брод у устья протоки, направлена была вся конница князя Волконского; средней колонной командовал Головин, правой — Брюс. Оба они должны были на

плотах переправиться через протоку и прорвать неприятельский центр.

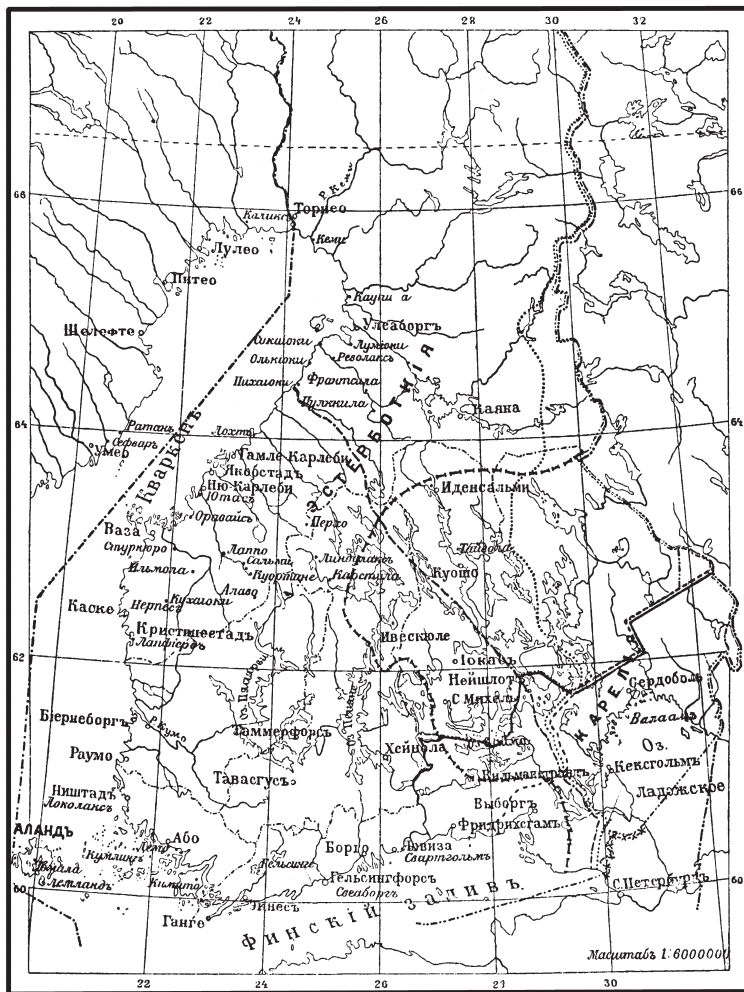
К вечеру 5 октября подготовка атаки была закончена. После полуночи стали рассказывать в полной тишине на плоты десант, который на рассвете, под покровом тумана, двинулся через озеро Маллас-Веси тремя последовательными эшелонами («по шквардам»).

Шведы в пункте высадки имели только три полка конницы, которые, конечно, не могли оказать серьезного сопротивления и отошли к пехоте. Но подошли наши следующие шкварды и, поддержав своих огнем с плотов, высадились левее (западнее), зашли плечом и начали обстреливать шведов продольно. На фронте наше наступление тоже было успешным; конница Волконского, почти вплавь, через глубокий брод, перешла протоку, а колонны пехоты начали переправу. Положение шведов было трудным ввиду отвлечения их внимания в тыл и необходимости отправки туда подкреплений; и все же они два раза отражали нашу фронтальную атаку, но в конце концов «пришли в конфузию» и обратились «в бегство по лесам, как зайцы»... У нас выбыло из строя 673 человека, а у шведов насчитывалось до 600 убитыми и 14 офицеров и 210 нижних чинов были взяты в плен. Среди наших трофеев было восемь орудий, восемь знамен и много разного оружия.

Значительные потери с обеих сторон, несмотря на кратковременность боя, свидетельствуют об упорстве последнего.

Организация боя может быть признана классическим образцом в условиях финляндской местности. «Птенцы гнезда Петрова», Апраксин и Голицын, проявляют самостоятельность, смелость, энергию и предусмотрительность. Удар намечается в самую чувствительную точку расположения неприятеля — его тыл; вместо дальнего, кружного обхода, который легко мог быть обнаружен, вследствие чего противник мог ускользнуть, применяется обход ближний, причем для выполнения его воспользовались импровизированной гребной флотилией.

Проще говоря, Апраксин и Голицын в Пелкинском бою открыли способ обезвреживания сильных с фронта финляндских позиций, — способ, к сожалению, отчасти забытый в последующие финляндские войны.

Карта Финляндии с указанием границ России и Швеции согласно договору

9 октября, т. е. спустя три дня после боя, Апраксин, по приказанию царя, сдал армию Голицыну и выехал в Петербург. Голицын неотступно преследовал шведов до Таммер-

форса, а затем, продвинувшись по течению р. Кумо, стал на зимние квартиры в окрестностях Бьернеборга. Но о местонахождении шведов, отошедших в направлении к Кристине-стаду и Вазе, было известно благодаря постоянной разведке.

Петр Великий результатом Пелкинского боя не удовлетворился. По его приказанию Голицын должен был возобновить зимние действия в Финляндии, либо выгнав шведские войска «с берегу через море», либо загнав их от Вазы к Торнео. После этого надлежало занять Аландские острова и перенести нашу базу из Гельсингфорса в Або.

Кроме того, так как из пределов Финляндии (Саволакса) продолжались шведские вылазки, необходимо было утвердиться в южной части этого района, заняв Нейшлот и Сен-Михель. Эта операция планировалась как самостоятельная, независимо от Голицына.

7 февраля 1714 г. Голицын начал наступление к Вазе, имея в авангарде казаков и драгун. Цель, которой он задавался, кратко и определенно выражена им в письме Апраксину от 27 января: «Ежели неприятель будет отдаляться... буду за ним следовать и около Вазы велю разбить».

Марш был чрезвычайно трудным. Глубокие снега, сплошные леса и болота, почти полное отсутствие жилья и жителей, биваки под открытым небом... И однако средняя скорость похода была не менее 25 верст в сутки.

У Армфельта было до 8 тысяч регулярных войск и 6 тысяч ополчения. У Голицына было тоже 8 с лишним тысяч, но только отобранных из полков наиболее надежных и выносливых солдат. Наоборот, именно качественная сторона у шведов и хромала; их войска состояли на целую треть из наскоро собранных, плохо обученных и вооруженных, недисциплинированных солдат и без надежного офицерского состава.

На военном совете в Стур-Чуро Армфельт, допустив споры и разногласия, в конце концов не согласился с мнением большинства, находившего, что следует отойти к северу и пополниться новыми финскими ополчениями, и объявил о своем решении принять бой у Лаппола (Наппо). Общее неудовольствие всех офицеров и, следовательно, разложение войск было результатом такого решения.

Позиция шведов, по обе стороны долины реки Стур-Чюро (в зимнее время замерзшей и не являвшейся препятствием) преграждала прямой путь на Вазу. Местность перед фронтом ее, суживаясь впереди клином, позволяла обстреливать противника перекрестно, причем развертывание Голицына стеснялось долиной реки Стур-Чюро. Лесные пространства, при тогдашней тактике, вполне защищали фланги шведов.

Армафельт построился в две линии, имея конницу на флангах, укрепив в центре позиции холм окопами и заняв его 500 пехотинцами при двух орудиях.

18 февраля Голицын выступил от Ильмолы по дороге к Вазе, выслав вперед конницу, которая и дала сведения о расположении противника. Личная разведка Голицына позволила выяснить силу позиции неприятеля; но тем не менее, невзирая на численное его превосходство, приняли решение не атаковать что и было закреплено обычной в те времена «консилией».

Убедившись в трудности фронтальной атаки, Голицын решил обойти противника справа и атаковать его в левый фланг и тыл. Для этого назначена была вся пехота, в которой сформировали особые команды лыжников, и три полка драгун; прочая конница (казаки и четыре полка драгун) оставлена прикрывать путь отступления и обозы.

Такой смелый обход всеми силами выполнен был двумя колоннами, направленными про болотистым прогалинам между скал, замерзшим зимою. Движение было так подогнано, чтобы развернуть боевой порядок по обе стороны деревни Лаппола. Понятно, что движение при таких условиях не могло быть быстрым, так что шведы, предупрежденные об обходе, успели переменить фронт под прямым углом. Они стали вдоль течения реки Стур-Чюро, имея деревню Лаппола перед своим центром. При таком положении в тылу у Армафельта были лесистые скалы, без всяких дорог, путь отступления шел от левого фланга параллельно фронту, а над правым флангом висела наша конница.

Единственным исходом из такого положения было отступление на наши войска в момент выстраивания боевого порядка, но Армафельт выполнил это крайне неудачно,

ограничившись почти что одним вялым артиллерийским огнем. «Учинить в линиях помешание» ему не удалось, и Голицын развернулся, причем боевой его порядок заслуживает внимания своеобразными отступлениями от обычного шаблона.

Пехота Голицына поставлена была в две линии, но в первой было шесть развернутых батальонов, а во второй только три. Вся артиллерия сосредоточена была на флангах в двух местах, тогда как шведская была разбросана по всему фронту. Конницу расположили не по флангам, а сзади пехоты, тоже в двух линиях, колоннами в шахматном порядке.

Такое расположение конницы объясняется теснотой места, снегами и стремлением дать боевому порядку особую устойчивость на случай неудачи. Массирование артиллерии, необычное в то время, к тому же на флангах, можно объяснить стремлением создать противовес возможному охвату флангов со стороны более длинной неприятельской линии.

Шведы отчаянно нас атаковали, охватили наши фланги и после обстреливания артиллерией перешли к огню «из мелкого ружья»; наша пехота, проявила колоссальную выдержку и открыла огонь только тогда, когда противник перешел к штыковому удару. Сперва на нашем левом фланге он имел успех, но был отражен при поддержке батальонов 2-й линии; то же примерно произошло и на нашем правом фланге. Тогда Голицын перешел в общее наступление; пехота наша смяла шведский левый фланг, спешенные драгуны охватили его с тылу, то же проделано было на правом фланге, и получился двойной охват в тиски; противник не выдержал этого, бросился отступать, чем тотчас же воспользовались казаки и драгуны, бывшие на пути нашего отступления. Шведам осталось только броситься к югу, целиной по лесам, где произошло их беспощадное истребление: на поле сражения осталось 5133 трупа, взято восемь орудий, 20 знамен, 535 пленных. Сам Голицын потерял 1468 человек убитыми и ранеными, т. е. более одной шестой части всего отряда.

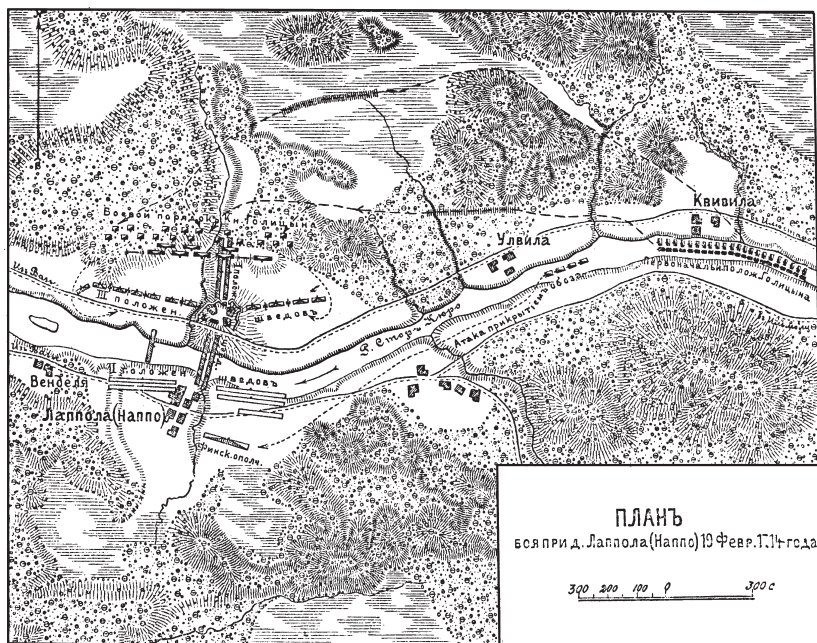
Бой был весьма скоротечен и длился всего 2 часа 10 минут, из которых около часа ушло на стрельбу. В упрек Голицыну можно поставить только вялость вне поля сражения,

что, вероятно, объясняется глубокими снегами. Поэтому Армфельт успел отвести жалкие остатки своих войск на север, к Якобштадту, вместо того чтобы быть припертым к Ботническому заливу, как желал того Петр.

Заняв Вазу, Голицын оставался здесь до первых чисел марта, после чего выступил в обратный поход. В военных действиях наступил перерыв, вызванный весьма ранним в этом году таянием снегов.

Петр Великий письменно благодарил Голицына за Лаппольское дело, пожаловал его следующим чином «за мужество и достоинство», поручив «поклон отдать всем вышним и нижним офицерам и благодарить за храброе дело».

Распутица помешала Голицыну овладеть и Аландскими островами; дело ограничилось лишь обстоятельными разведками последних.

План боя при д. Лаппола (Наппо) 19 февраля 1714 г.

После боя при Наппо войска генерала Армфельта почти перестали существовать, так что намеченное нами наступление через Або к Стокгольму могло совершаться беспрепятственно. Единственной помехой был Саволакс, укрываясь в котором остатки шведов и народные банды могли тревожить наш тыл. Отсюда значение опорного пункта в пределах Саволакса, для каковой цели наиболее подходящим являлся Нейшлот.

Дальнейшей задачей в кампании 1714 г. становилось водворение в «Синусе-Ботникусе», т. е. в Ботнический залив; но все затруднение было в том, что шведам легко было, обладая более сильным корабельным флотом, преградить доступ в этот залив нашим галерам, заняв Гангут или Юнгфрунзунд (проход у южной оконечности о-ва Чимито). Мы располагали только линейными кораблями и, следовательно, нуждались в поддержке датчан. Царем послан был в Копенгаген с этой целью генерал-адъютант Ягужинский. Датский флот к 1 мая должен был прибыть в Ревель на соединение с нашим флотом, после чего они должны двинуться по фарватеру к Стокгольму или Карлскроне, галерный же флот одновременно пойдет по шхерному фарватеру. В то же время датчане должны были произвести десант в Шонии.

Только в половине апреля достигнут был с датчанами «концерт», т. е. соглашение, по которому король датский согласился дать свой корабельный флот, но при условии выплаты нами субсидии в 350 тысяч ефимков. Так как денег этих мы дать не могли, а без них датчане не были в состоянии вооружиться, то пришлось на 1714 г. составить план действий, независимый от датчан и заключающийся в следующем.

Главная операция ведется галерным флотом вдоль побережья Финляндии, корабельный флот прикрывает эту операцию слева и, при подходящих случаях атакует шведский флот; сухопутные силы прикрывают его справа. Если бы датский флот прибыл в Ревель, то, усилив наш корабельный флот, он только облегчил бы нам выполнение задуманного.

Взятие Нейшлота входило также в общий план кампании на 1714 г. Начальником осадного отряда (1686 человек с 30

орудиями) был назначен Выборгский комендант полковник Шувалов.

По условиям расположения Нейшлотской крепости (на озерном островке) атакующему необходимо было содействие речной флотилии.

В ночь на 19 июня Шувалов подошел с флотилией речных судов к Нейшлоту и обложил крепость. Главную атаку он повел на западный фронт крепости, причем устроены были батареи, и, уже когда начата была подготовка штурма пробитием бреша, комендант сам 28 июля начал переговоры и сдал крепость.

Навигация в 1714 году открылась весьма поздно. Только 20 мая флоты смогли выступить, причем галерным начальствовал Апраксин, а корабельным — сам царь. Корабельный флот сосредоточился в Ревеле, галерный же прибыл на Гельсингфорсский рейд. Было известно, что неприятельский флот «стоит всегда близ Гангута», под начальством адмиралов Ватранга и Лилия и шаяубенахта Таубе; сила его — 16 кораблей (60—70-пушечных), восемь галер и несколько более мелких судов; численность судовых команд составляет до 4 тысяч. К Армфельту из Стокгольма по сухопутью послали около трех полков подкреплений.

Полуостров Ганге, вблизи которого разыгрались последние события, выдвигается в море на 38 верст и заканчивается мысом Гангеудд (в просторечии Гангут). Два залива, вдаваясь в глубь северной части полуострова, образуют узкий перешеек (около 1200 сажен), соединяющий его с материком. На южном берегу полуострова, близ деревни Твериминнэ, шхеры образуют обширный ковш, обычно служивший позицией шведскому флоту и преграждавший доступ галерному флоту по ту сторону полуострова. Кроме того, флот занимал здесь центральное положение по отношению к Ревелю, Гельсингфорсу, Дагерорту или Аланду, т. е. к главным морским путям.

Получив от Апраксина донесения о положении противника, Петр, по соглашению «с консилией» судовых капитанов, решил идти со своей корабельной эскадрой на соединение с Апраксиным, чтобы попытаться разбить Ватранга всеми нашими морскими силами.

20 июля царь прибыл к галерному флоту, уже бывшему за шхерами близ Твериминнэ. Чтобы выбить шведов с их позиции, гений Петра немедленно изобрел способ, который, конечно, никогда не пришел бы в голову способному, но все же обыкновенному человеку — Апраксину. Царь предложил обойти шведов, перетавив часть более легких судов волоком через перешеек на северный берег полуострова. Этот древнерусский способ передвижения судов был 23 и 24 июля лично намечен царем, и тотчас же стали устраивать приспособления для переволоки: особый бревенчатый помост, по которому суда передвигались на специально приспособленных санях.

Масштаб работы Петра не остановил: трудность была в том, чтобы скрыть ее от шведов. Деревню Твериминнэ заняли, всех жителей переписали; полуостров и Гангутский мыс были заняты войсками, но все-таки 25-го числа Ватранг уже был осведомлен о том, что делается у русских. Нерешитель-

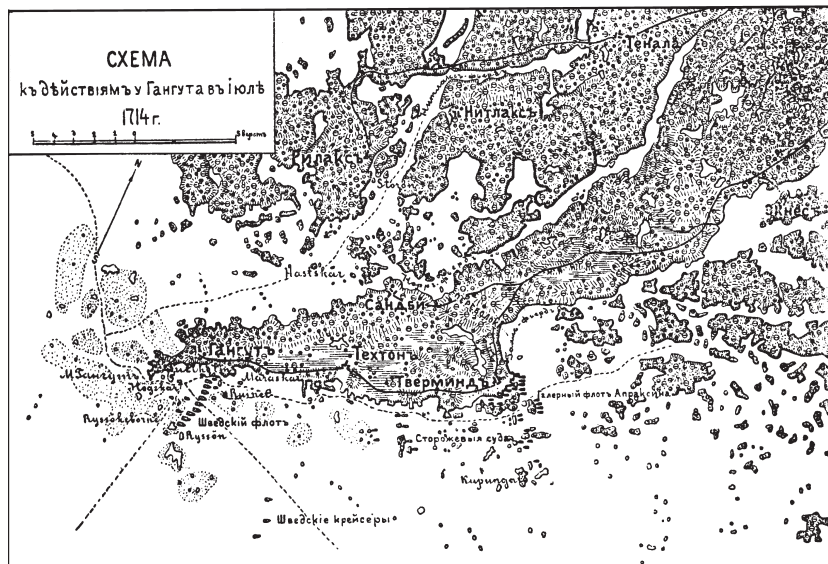

Схема к действиям у Гангута в июле 1714 г.

ный по характеру, он принялся за демонстрационные операции на обоих выходах переволоки частью сил, оставив корабли на прежней позиции. Таким образом, силы шведов оказались раздроблены. 25 июля, к вечеру, Петр лично убедился, что часть эскадры шведов (12 кораблей Лилия) идет на юго-восток, к широкому выходу из ковша. На другое утро оказалось, что Лилия, выйдя из шхер, стремится обойти Тверминнэ и нашу позицию.

Выведа все суда из «узких мест», чтобы приобрести свободу маневрирования, Петр изготавился принять нападение; но в это время ветер вдруг упал, и разделенные шведские суда были осуждены на неподвижность; гребные же их суда адмирала Эреншельда ушли на северную сторону полуострова преградить нам выход с «переволоки».

Петр Великий принял смелое решение прорваться между двумя эскадрами противника — Ватранга и Лилия; 20 лучших гребных судов двинулись в качестве передового отряда. Шведам по причине безветрия оставалось только буксировать корабли шлюпками, но это быстро не могло сделаться, а ядра их до нас не долетали.

Авангард наш, а за ним и еще 15 скампавей (мелких гребных судов) благополучно прошли в открытое море и обогнули гангутский мыс: прибегать к «переволоке» не понадобилось. Спеша нанести отдельное поражение галерам Эреншельда, Петр двинул на него авангард капитана Змаевича; но Эреншельд уклонился от боя и по ошибке, попав не в тот проход, к ночи оказался заблокированным нашим передовым отрядом.

Ночью Ватранг, пользуясь слабым ветром, попробовал соединить свои силы, причем оба его отряда пошли друг другу навстречу, вследствие чего галерный фарватер оказался обнаженным.

Пользуясь этим, а также снова наступившим на рассвете штилем, Апраксин, по согласовании с Петром (оставшимся западнее полуострова), вывел и главные силы галерного флота. Оставалось воспользоваться положением Эреншельда и уничтожить его отряд.

Эреншельд расположил свои суда по вогнутой линии, поставив в центре фрегат, по бокам его — по три галеры, а во

второй линии — три шхерных бота. Все эти суда имели сильную артиллерию (116 орудий), а численность экипажа доходила почти до 1000 человек.

С нашей стороны участвовало в бою только 35 скампавей с 3245 человек экипажа, но всего с 24 небольшими пушками; прочие суда остались в резерве и на случай возможного, при малейшем ветре, появления с тыла остальных сил шведов.

Гангутский морской бой русской пехоте, составлявшей боевую силу гребных судов, приходилось вести в крайне трудных условиях, в узком пространстве, где нельзя было даже развернуть всех назначенных для атаки сил, под сосредоточенным огнем шведской артиллерии, когда идущим на abordаж высокобортных фрегата и галер грозила смерть и от штыка, и от огня, и от воды.

Бой длился около трех часов и отличался крайним упорством. При создавшихся условиях возможно было только фронтальное столкновение, ни о каких маневрах и речи быть не могло. Два раза атаковали мы противника и дважды жестоким огнем ядер и картечи были отбиты. Наконец, в третий раз, охватив фланги противника, наши храбрецы сцепились с ним и начали абординировать его суда. Настал самый трудный момент; скампавей в темноте залива сблизилась вплотную и мешали друг другу своими веслами; скопление пехоты, пытавшейся перелезть на борт к неприятелю, на одной стороне своих судов иногда грозило их опрокинуть. Малейший неверный шаг стоил жизни солдату, а спереди, чуть ли не в упор, били шведские пушки и ружья. «Абордирование так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым из пушек разорваны».

Шведы дрались тоже на совесть, отстаивая свою древнюю морскую славу викингов. Но доблесть их стала иссякать понемногу, и галеры, одна за другой, начали спускать свои флаги. Последним сдался фрегат, а пытавшийся скрыться на лодке адмирал Эрншильд был пленен.

Потери были очень большими: у нас до 500 человек, т. е. около одной шестой всех сил, участвовавших в бою; у шведов 352 убитых, или третья часть, прочие взяты в плен.

29 июля, на другой день после боя, Петр писал Меншикову: «Объявляем Вам, каким образом Всемогущий Бог Россию прославить изволил, ибо, ко многодарованным победам на земле, ныне и на море венчати благоволил... И тако сею, николи у нас бывшею, викторию Вас поздравляем».

Следует отметить, однако, что победа эта одержана без всякого участия корабельного флота. Что же касается гребных судов, то здесь можно было заручиться дружным взаимодействием моряков и образцовой уже к тому времени пехоты. Смелый прорыв мимо Гангута — заслуга моряков; но сама победа 27 июля одержана преимущественно пехотой; пехотный же генерал Вейде¹ стоял и во главе боевой части флота. Поэтому Гангутский бой с одинаковым правом должен быть вписан в боевое прошлое как флота, так и армии.

Царь опасался, что Ватранг бросится «для реванша» к Ревелю атаковать наши корабли; но оказалось, что он отошел в Аландсгаф, для прикрытия Стокгольма.

Распорядившись укрепить Гангут, Петр двинулся на Або, который и был занят 3 августа. Шведы уклонялись повсюду от боя, и мы 12 августа беспрепятственно заняли Аландские острова, после чего сделано было до конца кампании еще несколько разведочных поисков в Ботническом заливе и к берегам Швеции.

Хотя в конечном счете за 1714 г. не удалось осуществить все намеченное, — шведский флот был поражен только частично, а в пределы Швеции вторжения не было, — зато Финляндия была «отлучена» окончательно; политический же результат, особенно после победы на море, был тот, что союзники стали заискивать расположения Петра.

В последующие годы Северной войны Финляндия служила только базой. В 1715 г. наконец заключена была конвенция с Данией и предполагалась совместная высадка на южный берег Швеции; но план этот не был осуществлен, и год этот прошел в одних «поисках», да внутри Финляндии взят был (А. И. Румянцевым, отцом Задунайского) замок Каяна. В 1716 г.

¹ Ему дана наивысшая за этот бой награда — орден св. Андрея Первозванного.

наш флот напрасно прождал датчан, которые своим корабельным флотом должны были прикрыть нашу высадку в Швеции; военные действия ограничились обоюдной каперской войной. Точно так же не было серьезных действий и в 1717 г. В 1718 г. завязались, после смерти Карла XII, переговоры о мире; Англия прислала свой флот на помощь Швеции; это не позволяло нам сделать серьезной и продолжительной высадки на скандинавский берег, но для разорения страны и угрозы столице высаживались неоднократно. В 1720 г. Голицыну с галерами удалось одержать над 14 большими шведскими судами решительную победу у острова Гренгам (близ Аланда), причем четыре неприятельских фрегата были взяты в плен.

В следующем году прерванные переговоры возобновились в Ништадте, но разорение нами шведских берегов продолжалось. Наконец, 30 августа, был подписан Ништадтский мирный договор, закончивший 22-летнюю ожесточенную борьбу.

Не давая здесь общую оценку этого акта, укажем лишь на его значение для Финляндии. По Ништадтскому миру к России отошла только часть бывшей Новгородской Карелии с крепостью Выборгом. Этим приобретена была «крепкая подушка» Петербургу на суше, но морские пути на западе от него продолжали оставаться незащищенными. Шведский флот, укрываясь в портах северного побережья Финляндии и в Ботническом заливе, мог всегда угрожать с фланга всем нашим предприятиям. Недаром впоследствии Петр помышлял о создании укрепленной, вынесенной вперед морской базы в Роогервике, чтобы иметь возможность оттуда самому грозить в тыл всякому шведскому наступлению в восточном направлении. Но эта гениальная мысль великого императора так и осталась неосуществленной.

Чтобы упрочить великое дело, сделанное Петром, стоившее ему 21 года напряженной борьбы, потери не менее 1700 тысяч бойцов, из них 120 тысяч убитыми и ранеными и 500 тысяч выбывшими из строя по болезни, необходимы были новые усилия, новые жертвы; необходимо полное и притом прочное обладание всей Финляндией. Это уже явилось задачей последующих поколений.

Война 1741—1743 гг.

Русско-шведские отношения в годы правления Екатерины I и Анны Иоанновны ♦ Политические последствия падения Нейшлота и капитуляции Тавастгуса ♦ Условия Абоского мирного трактата

В целях обеспечения прочного мира, между Россией и Швецией еще при Петре заключен был в 1724 г. союзный трактат на 12 лет. Но уже при преемнице Петра, Екатерине I, русско-шведские отношения стали охлаждаться, и когда истек срок договора, то хотя он и был возобновлен, но шведы уже начали подумывать о том, как бы воспользоваться первым же благоприятным случаем, чтобы отнять у России хотя бы часть завоеваний Петра. Таким вожделениям отчасти способствовало внутреннее состояние России.

Королевская власть в Швеции после Северной войны была чрезвычайно унижена. Короли сделались игрушкой в руках политических партий, которые, будучи лишены почвы в собственной стране, искали поддержки извне. Россия старалась, насколько возможно, поддерживать раздор шведских партий, так как упадок королевской власти был нам здесь, как и в Польше, выгоден. Обычно мы поддерживали — и субсидировали — демократическую партию «шапок»; партия же «шляп», враждебная России, питалась французским золотом.

Императрица Анна Иоанновна всячески уклонялась от разрыва со Швецией и даже принимала на себя уплату части государственных шведских долгов в обмен за простое соблюдение шведами нейтралитета. Но в 1740 г. произошли два события, крайне благоприятные для замыслов шведской воинствующей партии: скончались русская императрица и австрийский император Карл VI. Разгорелась война за австрийское наследство, а в России престол Петра Великого занял младенец Иоанн Антонович. Неустойчивость русского правительства и отвлечение внимания всех прочих держав Европы в сторону Австрии создавали для шведов крайне благоприятные обстоятельства.

В феврале 1741 г. шведский главнокомандующий в Финляндии Будденброк получил приказание двинуть войска к русской

границе, а в июле того же года в Стокгольме последовало объявление войны России.

Один из предводителей господствующей партии «шляп», граф Левенгаупт, был назначен главнокомандующим, а Будденброк — его помощником.

В России к войне были совершенно не готовы, что и придавало шведам смелость. Большая часть наших войск не возвратилась еще к местам прописки после войны с Турцией. Поэтому с большими затруднениями в начале июля наши войска стали стягиваться к Выборгу, причем первоначально предполагалось ограничиться обороной нашей границы. Но главнокомандующий Ласси, по прибытии на место и осведомившись о положении дел, счел за лучшее действовать наступательно, вторгшись в пределы неприятеля.

Ласси, по происхождению ирландец, принадлежал к числу наиболее выдающихся сподвижников Петра. В молодости он был на французской службе, а с 1700 г. поступил в русскую армию, отличился в Северной войне, был тяжело ранен под Полтавой, первым вступил в Ригу при ее взятии, был с Петром на Пруте, а затем со вспомогательным корпусом был послан в Померанию и Голштинию. При императрице Анне Иоанновне Ласси достиг звания фельдмаршала, отличившись в Польской войне и особенно в Турецкой, где заслужил графский титул.

Узнав, что шведы пока сосредоточились в двух группах — одна (Будденброка) близ Фридрихсгама, а другая (Врангеля) направлялась к Вильманстранду, — Ласси решил разбить их по частям. Пользуясь тем, что между отрядами шведов расстояние было до 80 верст, Ласси выступил с 9-тысячным отрядом, без обоза, и направился прямо к Вильманстранду. 22 августа и Врангель, и Ласси подошли к Вильманстранду почти одновременно, но все же шведы несколько раньше, и соединились с гарнизоном крепости. Зная от местных жителей о превосходстве сил Ласси, Врангель просил поддержки Будденброка, обращая его внимание на возможность выйти в тыл русским.

Но Ласси, после кратковременного отдыха, в тот же день, в 2 часа пополудни, атаковал Вильманстранд. Сперва жесто-

кий огонь шведской артиллерии заставил было наши войска несколько замяться, но вскоре, ободренные Ласси и поддержанные из резерва, они оправились и обратили в бегство сперва левое, а затем правое крыло шведов, в состав которого входили финские полки, укрывшиеся за валами крепости. Город был взят в седьмом часу вечера. Комендант крепости, видя невозможность сопротивляться, выкинул белый флаг, но, вследствие его нераспорядительности, стрельба из крепости возобновилась, в ходе которой убиты были один наш генерал и несколько офицеров. Возмущенные этим, наши солдаты ожесточились и, ворвавшись в крепость, беспощадно перекололи оставшихся защитников, а город подвергли разграблению и сожжению.

Почти все уцелевшие после этой бойни шведы попали в плен; взято было несколько знамен, много орудий. Но потери нашего отряда были также значительны, что и послужило для Ласси предлогом отойти к Выборгу. Заваленный тысячами трупов, Вильманstrand остался в течение двух недель никем не занятым, так как и Будденброк, узнав о поражении и пленении Врангеля, возвратился назад, ничего не предприняв против русских.

Причина такого странного поведения Ласси, надо полагать, иная; не такой это был человек, чтобы потери могли остановить его в исполнении раз намеченного плана, тем более что и силы Будденброка (5 тысяч) были слабее его собственных. Надо думать, что Ласси стало что-либо известно о готовящейся в близком будущем перемене царствования. А шведское правительство официально поддерживало кандидатуру цесаревны Елизаветы Петровны и в манифесте о войне в числе поводов выставляло ее устранение от русского престола.

Отступление Ласси, который вплоть до самой зимы ничего не предпринимал, позволило шведам выиграть время для сосредоточения сил. Левенгаупт намерен был действовать наступательно и вторгнуться в русские пределы; заготавливались даже особые прокламации к русскому населению, но пока дело ограничивалось фуражировками и незначительными набегами.

Между тем в ночь с 25 на 26 ноября на престоле воцарилась дочь Петра Великого. Шведы рассчитывали, что даже без войны ею будут сделаны им некоторые территориальные уступки, в обмен за нравственную поддержку. Первоначально новая императрица действительно заключила перемирие до марта 1742 г., а затем начались даже переговоры о мире, правда не приведшие ни к каким результатам.

Тем временем бездействовавшие шведские войска несли страшную убыль от болезней. Чтобы пополнить ряды, насильно вооружали финских крестьян; кроме того, страна беспощадно разорялась и отягчалась поборами, так что в народе царило глухое недовольство. Ласси предлагал овладеть Фридрихсгамом еще зимой, направив часть сил берегом от Выборга, а другую от Нарвы поперек залива по льду. Этот смелый план был вполне уже подготовлен, но сильная оттепель разрушила все предположения. Тем временем к Выборгу стягивались значительные силы; рассчитывали собрать армию в 70 тысяч человек; в Кронштадте готовился корабельный флот и гребной флот в 70 галер, на который было назначено до 15 тысяч пехоты; морские силы должны были выступить, как только вскроется лед.

Ранней весной с обеих сторон возобновились набеги, которые, однако, кроме взаимного разорения пограничных местностей, никакого результата не приносили.

К концу мая у Ласси под Выборгом сосредоточилось только до 30—35 тысяч войска. Левенгаупт, получивший около 15 тысяч подкреплений, имел несколько меньше. В ожидании наступления русских, шведы, имея главные силы у Фридрихсгама, усердно укрепляли дефиле у Мендлакса, которое считалось неприступным. На высоких вершинах с крутыми, обрывистыми скатами, были расположены батареи, стрелявшие через головы своей пехоты, занимавшей сильные окопы и засеки, и оборонявшие берег речки, прикрывавшей позицию с фронта. Речка эта была запружена севернее позиции и вытекала из обширных непроходимых трясин, а с юга примыкало море, на котором находилось до 20 вооруженных галер и две плавучие батареи.

Укрепившись таким образом, шведы рассчитывали надолго задержать здесь русских. Но стоило распространиться из-

вестию о прорыве плотины и, следовательно, о возможности обхода по болотам, как начальник шведского отряда, занимавшего менакское дефиле, отступил, не дождавшись разрешения главнокомандующего. Пробравшийся по лесным дорогам русский отряд Левашова, который должен был облегчить фронтальную атаку дефиле обходом в тыл, нашел позицию оставленной, и, таким образом, пресловутый Менакс был занят нами без единого выстрела.

На следующий день Ласси подступил к самому Фридрихсгаму, но выяснилось неожиданно, что и Фридрихсгам оставлен неприятелем без боя и даже зажжен им.

Шведы отступили к реке Кюмени, перешли ее и прикрылись этой преградой. Но не было полной уверенности в том, что русские не обойдут и этой позиции. На военном совете у шведов большинство признало более выгодным продолжать отступление. Левенгаупт колебался привести такое решение в исполнение, тем паче что оно шло совершенно вразрез с распоряжениями из Стокгольма, откуда требовали, наоборот, движения вперед. Но, когда пришло известие, что войска, выделенные для обороны переправы у Аньялы, при появлении казаков отступили, Левенгаупт все-таки решился отходить к Абборфорсу, где простоял почти неделю, никем не тревожимый.

В свою очередь Ласси получил из Петербурга приказание не двигаться дальше Кюмени в эту кампанию и, укрепившись вокруг Фридрихсгама, ожидать зимы. Приказание это застало Ласси уже за главным рукавом Кюмени и потому он счел возможным продолжать преследование противника. Это совершенно правильное решение Ласси привело к весьма важным последствиям и дало такие результаты, о которых императрица Елизавета не могла и мечтать.

Движение Ласси в дельте реки Кюмени несколько замедлялось необходимостью восстанавливать на каждом рукаве разрушаемые противником мосты. Перейдя 11 июля последний рукав Кюмени, Ласси безотлагательно двинулся к Абборфорсу. Следуя урокам Петра Великого, все свое наступление по береговой дороге Ласси вел совместно с галерным и корабельным флотами, причем первый шел шхерным фар-

ватером, а второй прикрывал его со стороны моря. Совместное наступление этих флотов, угрожающее правому флангу шведов, гребная флотилия которых была слаба, а корабельный флот задержался у Гангута, являлось, собственно говоря, главной причиной оставления шведами последовательно всех упомянутых позиций, крепость которых с фронта сводилась к нулю, при условии возможности обхода морем.

От Абборфорса шведы отошли к Борго, далее — к Гельсингмальму, где была также весьма сильная позиция, и, наконец, к Гельсингфорсу, на западной окраине которого и расположились.

Тем временем направленный еще прежде Ласси особый отряд 7 августа овладел крепостью Нейшлот, а 21 августа занят был без боя и Тавастгус, этот важный узел путей центральной части края. Русские конные отряды проникали отсюда уже до самого Або. В то же время переправившийся у Аньяла конный отряд бригадира Краснощекова продолжал продвигаться, уступом впереди по отношению к главным силам Ласси, грозя обходом слева войскам Левенгаупта, подобно тому как галерный флот обходил их справа.

На другой день после прибытия шведов к Гельсингфорсу наши казаки и гусары появились уже у Эсбо, т. е. на пути отступления шведов к Або. Правда, последние организовали себе подвоз из Або морем, но этот подвоз мог действовать только до тех пор, пока не прибудет русский флот и уже во всяком случае — до морозов.

Левенгаупт намерен был принять бой под Гельсингфорсом, но Ласси готовил ему нечто совершенно непредвиденное. Узнав от бывших сподвижников Петра, что в Финляндскую войну была проложена особая дорога в обход Гельсингфорса, через лес, выведившая на Абоский тракт, Ласси приказал разыскать ее; затем она была очищена от мелкоколесья и порослей кустарника за одну только ночь, а на следующее утро захвачена нашими войсками, к которым присоединились и прочие силы Ласси. Пользуясь запозданием шведского флота и тем, что в то время Свеаборга еще не было, Ласси спешно притянул и флот свой, опираясь на который мог безопасно бросить свои сухопутные сообщения.

Шведская армия оказалась запертой и с суши, и с моря. Шведский флот, ослабленный сильным распространением болезней среди матросов, считая себя не в силах противиться более многочисленному русскому флоту, укрылся в Карлскроне. Левенгаупт, узнав о падении Нейшлота и сдаче Тавастгуса, вступил с Ласси в переговоры. Русский фельдмаршал предлагал ему отплыть со всей армией в Швецию. Шведская главная квартира запросила соответствующего решения короля. Но вместо ответа из Стокгольма последовало предписание: Левенгаупту и Будденброку немедленно явиться для представления государственным чинам отчета в своих действиях. Результатом этого отчета был смертный приговор: оба кончили свою жизнь под секирой палача. За отсутствием начальников в шведской армии воцарился полный развал, и 24 августа была подписана капитуляция, по условиям которой шведам разрешалось вернуться в отечество, а финнам — либо следовать за ними, либо сдать оружие и разойтись по домам, предварительно присягнув на верность русской императрице. Огромное большинство финнов избрало последнее решение. Всего сдалось до 17 тысяч человек, из которых около четверти были больны. Финнов насчитывалось до 3500. У Ласси было немного более, тысяч до 18.

После капитуляции Левенгаупта вся Финляндия была нами завоевана, вплоть до Улеоборга. Население присягнуло на верность государыне и ее наследнику; главное управление краем было сосредоточено в Гельсингфорсе, сперва в ведении сменившего Ласси генерала Александра Румянцева (отец знаменитого фельдмаршала), а затем была учреждена особая должность генерал-губернатора с вручением полномочий генерал-лейтенанту фон Кампенгаузену.

В течение всей зимы 1742/43 г. делались обширные приготовления к походу в Швецию. Корабельный флот приводили в порядок в Кронштадте; для усиления гребного флота во всех финляндских портах строили новые галеры; войска сосредоточились на западном побережье Финляндии. Вместе с тем в Або начались мирные переговоры, которые, однако, затягивались. Русская императрица ставила твердо одно условие: признание наследником шведского престола Голш-

тинского герцога Адольфа Фридриха, в обмен на которое соглашалась ограничить свои территориальные притязания. Чтобы повлиять на ход переговоров, шведы весной напали на Аланд и с севера в Улеборгскую губернию, но были отогнаны нашим галерным флотом. В свою очередь Ласси с сильной гребной флотилией направился из Кронштадта к берегам Швеции. К сожалению, бездействовал наш корабельный флот, но Ласси планировал высадку в Швеции на 29 июня, день именин Петра Великого. Угроза эта подействовала; шведские уполномоченные пошли на уступки, мы несколько сократили размер присоединяемой части Финляндии, назначив границу по реке Кюмени.

В войну 1741—1743 гг. обращает на себя наибольшее внимание стремление действовать в соответствии с задумками Петра относительно совместного наступления вдоль побережья сухопутных сил, галерного и корабельного флотов. Пользуясь тем, что у шведов, как и при Петре, галерный флот был слабее нашего, а главным их могуществом на море является флот корабельный, мы, почти без боевых столкновений, заставили неприятеля последовательно оставить ряд сильных позиций и, в конце концов, привели к капитуляции. Удалось это, конечно, благодаря бездеятельности и плохому руководству шведскими вооруженными силами, пассивность которых и полное отсутствие согласованности между операциями сухопутных и морских сил, понятно, играли нам на руку.

Война 1788—1790 гг.

Милитаристские устремления Густава III ♦ Вступление русских войск в Финляндию ♦ Гибель русской эскадры в Роченсальмском проливе ♦ Итоги войны

После Абоского мира политическое положение Швеции все более и более клонилось к упадку вследствие умаления королевской власти и бессовестной продажности партий.

Так продолжалось до вступления на престол короля Густава III. Произведенный им, при помощи войск, государствен-

ный переворот 1772 г., по мнению французского историка Альберта Сореля, «спас независимость Швеции». Был восстановлен порядок управления, действовавший при Густаве Адольфе; сейму предоставлялось право ведения финансовой областью. Укрепление королевской власти, конечно, было невыгодно для России, которая всегда старалась поддерживать в Швеции борьбу партий во благо собственной внешней безопасности.

В Финляндии, несмотря на то что Густав III всеми мерами старался расположить ее в свою пользу, продолжало развиваться стремление отделиться от Швеции. Для успеха этих планов необходима была помощь извне, и эту помощь рассчитывали получить от России. Изменнические проекты подобного рода, возникшие еще в царствование Елизаветы Петровны, не прекращали появляться и при императрице Екатерине. После переворота 1772 г. возросло противодействие лиц, недовольных усилением королевской власти; во главе их скоро выделился Спренгтпортен.

Чтобы умирить внутренних врагов, Швеции необходимы были успехи внешние, возможные только за счет России. К тому же отношения между Густавом III и Екатериной Великой были натянутыми. Императрица, однако, воздерживалась от активных действий против Швеции, не поддаваясь внушениям Потемкина воспользоваться малейшим случаем для захвата Финляндии. Екатерина отлично знала, что наше наступление развязывало руки Густаву, давая ему право, без согласия сейма, мобилизовать все средства страны.

Спренгтпортен, поступивший на русскую службу, старался внушить императрице мысль, что достаточно небольшой поддержки войсками, чтобы финны отделились от Швеции и искали покровительства России. Но в то время внимание Екатерины было устремлено на юг, где разгоралась война с Турцией. Политическое положение сделалось благоприятным для Густава III. Он обеспечил себе субсидии от Англии и даже от Турции, старался отвратить от нас нашего постоянного союзника — Данию, а с Финляндией всячески заигрывал, осыпая ее милостями, и в то же время принимал там деятельные военные меры.

Вообще, со времен войны 1741—1743 гг. шведы солидно потратились на то, чтобы укрепить свою восточную границу. Воздвигнуты были крепости Свеаборг (близ Гельсингфорса) и Сварггольм (в устьях реки Кюмени), из коих первая считалась неприступным оплотом Швеции; прочие пограничные укрепления усилены. Для противовеса русскому гребному флоту создан был так называемый «армейский» флот, специально предназначенный для действий в шхерах.

В 1788 г. войскам пограничных с Россией областей Финляндии было приказано готовиться к выступлению. Но Густаву нужно было, чтобы начала военные действия Россия, дабы иметь право сказать сейму, что он ведет войну оборонительную. Такого повода мы ему, однако, не давали. Войск в русской Финляндии было не более 13 тысяч; лучшая часть флота находилась в Средиземном море. Тогда Густав III задумал провокацию: передел финских солдат в нашу форму и заставил напасть на свои же посты на границе Саволакса. Этот грубый фарс понадобился, чтобы заявить о своих правах по самозащите.

Ввиду малочисленности наших сухопутных сил на шведской границе и невозможности их усилить совет при императрице решил центр тяжести борьбы перенести на море, к берегам Швеции; в свою очередь, датчане должны были наступать во стороны Норвегии. Что же касается населения Финляндии и даже отчасти самой Швеции, то его предполагалось особыми манифестами привлечь на свою сторону, что послужило бы во вред королю Густаву.

Вице-президент военной комиссии граф Мусин-Пушкин 23 июля был поставлен во главе сухопутных войск русской Финляндии, численность которых была увеличена до 19,5 тысячи. При этой армии находился и великий князь Павел Петрович.

Граница наша со Швецией в северной своей части была почти беззащитной, и оттуда нетрудно было, опираясь на почти неприступную внутреннюю Финляндию (Саволакс), обойти с тыла наши войска и грозить Петербургу. Вместе с тем, сочтя хвастливые угрозы шведского короля, приглашавшего своих дам «танцевать в Ораниенбауме», достаточно

серьезными, императрица сочла нужным переехать из Царского Села в Петербург, «для ободрения жителей», и, в случае надобности, намеревалась лично стать во главе гвардии и выступить к Осиновой роще (ныне ст. Левашово).

1 июля шведские войска в значительных силах перешли реку Кюмень и двинулись к Фридрихсгаму, под начальством самого короля.

Наши передовые части медленно отступали, так как первоначально было предложено на сухопутье держаться обороны. Но Спренгтпортен предложил перейти в наступление со стороны Олонецкой губернии, во фланг неприятелю, подступившему к Нейшлоту. Он рассчитывал привлечь на свою сторону карельское население и просил дать ему небольшие силы, но побольше денег...

Шведский флот, под начальством принца Карла Зюдерманландского, брата короля, встретился с эскадрой адмирала Грейга близ Кальбо-Грунда. У принца Карла было 15 линейных кораблей, восемь фрегатов и восемь мелких судов со 1200 орудиями; у Грейга — 17 линейных кораблей, восемь фрегатов и несколько мелких судов, всего 1400 пушек. 5 июля произошел ожесточенный бой, с огромными потерями для обеих сторон, но наша эскадра все же удержалась, а шведы отошли, хотя один наш корабль, «Владислав», отбившийся от своих, попал в плен.

Шведский флот укрылся в Свеаборге; наш ушел для ремонта в Кронштадт, но уже через две недели вышел в море, снова столкнулся со шведами между Свеаборгом и Ревелем, причем последние потеряли корабль «Густав Адольф», и, в конце концов, заблокировал шведский флот в свеаборгском порту. Кампания на море окончилась в нашу пользу, и на этот раз мы видим активное и притом — успешное выступление именно корабельного флота, до сих пор игравшего малую роль.

Главные шведские силы медленно подступали к Фридрихсгаму, занятому нашим гарнизоном, в то время как галерный их флот, двигаясь морем, прервал связь Фридрихсгама с Выборгом. Казалось, успех начинал благоприятствовать шведскому оружию, но неожиданно произошли совершенно своеобразные события.

В шведских войсках, собранных под Фридрихсгамом, началось брожение, подстрекаемое офицерами. Стали толковать о незаконности предпринятой войны, как не получившей одобрения сейма. В конце концов финские полки потребовали обратного ухода к шведской границе. Густав III сперва пытался успокоить бунтовщиков, но вскоре пал духом и 26 июля отошел к Хегфорсу, под прикрытие своего галерного флота.

Тем временем в отрядах финских войск, стоявших на Кюмени, близ местечка Аньяла, офицеры, собравшись между собой, заключили «конфедерацию», которая, лично от себя, обратилась к императрице Екатерине сначала только с предложением прекратить войну и начать мирные переговоры; но постепенно конфедераты, завязавшие с Петербургом непосредственные сношения через Спренгтпортена, раскрыли свои карты и обнаружили стремление отделить Финляндию от Швеции и отдаться под покровительство России.

Положение Густава III было незавидным. Он засел всего с 8-тысячным ненадежным войском (ибо финны покинули его) в рукавах Кюмени, где у него было еще до 30 судов галерного флота. Корабельный шведский флот был заперт в Свеаборге Грейгом, а другая наша эскадра, под командованием фон Дезина, делала набеги на южные берега Швеции. Наконец получены были известия о наступлении датчан на норвежской границе, и Густав поспешил уехать в Стокгольм, сдав командование Карлу Зюдерманландскому.

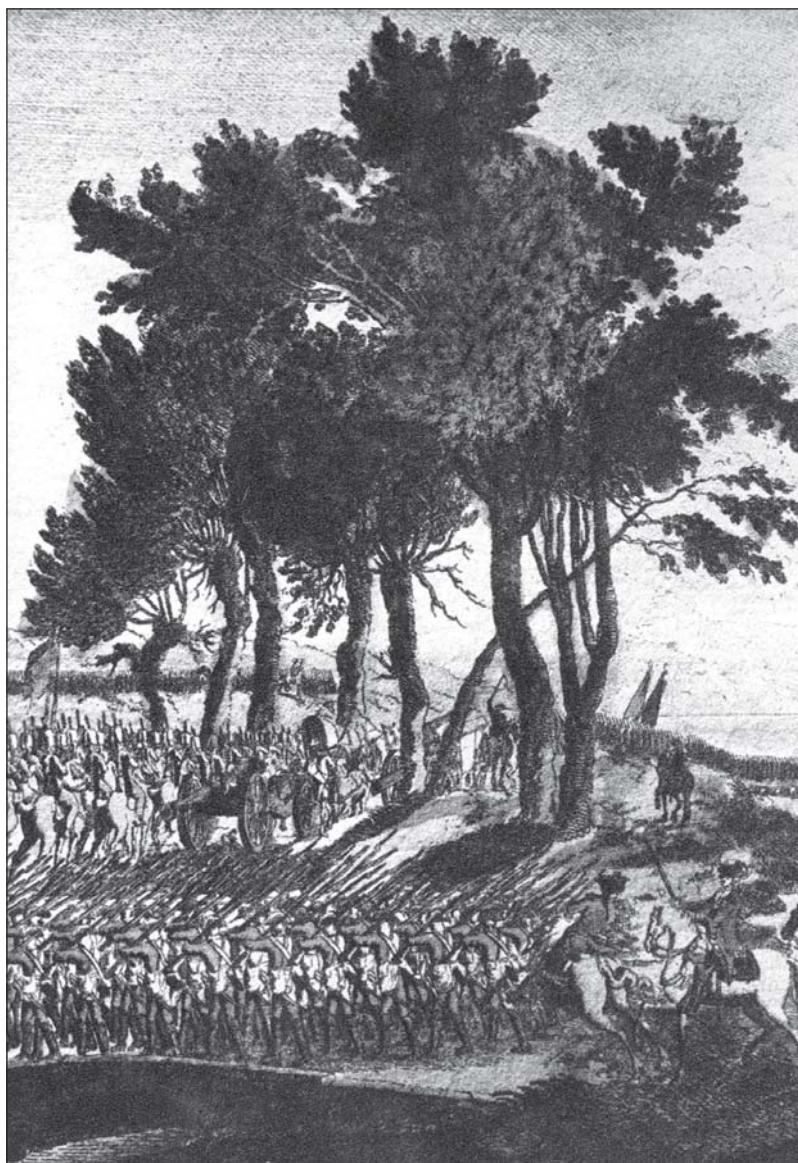
Тем временем на все предложения финнов и шведов с нашей стороны следовал один неизменный ответ: ни о каких переговорах не может быть и речи, пока шведские войска не отойдут с русской территории. Предложение об образовании самостоятельного Финляндского герцогства, под протекторатом России, у великой монархини сочувствия не встретило. Продолжая поддерживать в Финляндии смуту, вредную для Густава и ослабляющую боеспособность его войск, Екатерина в то же время побуждала Мусина-Пушкина к решительным действиям, что не соответствовало мнению Спренгтпортена, убеждавшего не вводить русские войска в шведскую Финляндию, дабы «не раздражать» финнов...

В сентябре к Мусину-Пушкину прибыла из Кронштадта гребная флотилия, после чего шведская армия покинула наши пределы: она вышла из дельты р. Кюмени и отошла к Ловизе.

Шведское правительство энергично приступило к розыску и аресту главных зачинщиков (из которых некоторых подвергли или заочно приговорили к смертной казни); финские же полки были расформированы и заменены на границе шведскими. В то же время престиж Густава был восстановлен успешными действиями против датчан. Кроме того, сам король созвал в 1789 г. сейм, который и предоставил ему право вступать в войну и заключать мир безо всяких ограничений.

Но необходимость продолжать военные действия против Норвегии не позволяла направить в Финляндию значительные подкрепления. К весне 1789 г. шведские сухопутные силы сосредоточились на Кюмени и в Саволаксе. В конце мая было начато нашими войсками под командованием Михельсона наступление к Сен-Михелю, сперва удачное, но при Поррасальми шведы одержали верх, причем был ранен Спренгтпортен, сражавшийся в русских рядах. Тем не менее часть Саволакса с Сен-Михелем осталась в наших руках, чем обеспечивался фланг и тыл наших операций на линии реки Кюмени.

Здесь Густав, при поддержке гребного флота, перешел Кюмень в двух пунктах, но Мусин-Пушкин, действуя пассивно, отвел часть сил из Саолакса, для давления шведам во фланге, в силу чего неприятельские войска снова овладели Сен-Михелем. Однако неудача шведского генерала Каулбарса, разбитого у Кайпиайса генералом Денисовым, повлияла на Густава настолько, что он снова отошел в дельту Кюмени, выжидая здесь подкреплений. Кроме того, мы одержали еще более существенные победы на море. Несмотря на неприбытие главной шхерной эскадры принца Нассау-Зигена, бывший на месте отряд нашего гребного флота одержал верх над шведами при Поркаллауде и захватил Гангутскую позицию, чем значительно затруднил сообщения Финляндии со Швецией. Корабельный флот, под командованием адмирала Чичагова, одержал победу при Эланде (близ острова Борнгольма), загнав шведов в Карлскрону.

Вступление русских войск в Финляндию 31 мая 1780 г.

Бездействие шхерной флотилии Нассау-Зигена (собиравшейся у Выборга) позволило шведам прочно укрепиться у Хегфорса со стороны моря и стать полными хозяевами в шхерах у Кюменьского устья. Наконец 4 августа столкнулись передовые части обоих галерных флотов, а 12 августа при Роченсальме, или Свенксунде, верстах в 25 от Фридрихсгама, Нассау-Зиген, вместе с отрядом кораблей из эскадры Крюйса, атаковал шведскую флотилию и почти совершенно истребил ее, так что победу эту сравнивали с Чесменской. Затем произведена была нами у Бробю высадка в тылу противника, что повело к немедленному отступлению Густава. К сожалению, Мусин-Пушкин, по обыкновению пассивный, не перешел в наступление и не преследовал неприятеля, дав ему отойти совершенно безнаказанно.

Императрица рядом рескриптов выражала свое недовольство главнокомандующему, предписывая ему «пользоваться» робостью короля шведского и «искать неприятеля в собственной его земле». К сожалению, лучшие наши предводители находились в войсках, действовавших против Турции, вследствие чего пришлось мириться на северном театре с апатичным главнокомандующим, подготовившим нам далеко не выгодный для России Верельский мир. В результате и в 1789 г. ничего существенного достигнуто не было ни той ни другой стороной: обе они остались в прежнем положении.

К кампании 1799 г. императрица заменила Мусина-Пушкина графом Салтыковым. Корабельным флотом командовал Чичагов, галерным — Нассау-Зиген. Но эти три начальника друг от друга были независимы и получали повеления непосредственно от императрицы. Объединяющей полководческой воли, какой была в свое время воля Петра, не было. Салтыков резко восставал против этой системы разделения начальствования, и в своих письмах к Безбородко называл ее «разнобоярщиною», а флот — «союзным войском».

Положение сухопутной армии было незавидным; в ней числилось не более 23 тысяч солдат; сверх того — не менее 12 тысяч больных; силы армии ослаблялись выделением из нее наряда для обороны берегов по направлению к Петербургу.

Все подкрепления шли на усиление гребного флота, которому, особенно после Свенкзундской победы Нассау, придавалось теперь большое значение.

В свою очередь Густав III проявил лихорадочную деятельность. Кроме вооружения крепостей и усиления армии, он особенно озаботился увеличением своих сил на море. К 1790 г. шведы имели шхерный флот, вооруженный не менее 3000 орудий. Густав намеревался выйти в море с таким расчетом, чтобы предупредить соединение русских. В начале марта был атакован и разорен Балтийский порт; затем, 19 апреля, шведская эскадра из 28 судов появилась перед Ревелем, грозя зимовавшей здесь эскадре Чичагова, которая была более чем вдвое слабее (11 судов); помощи от бывшей в Кронштадте эскадры Крюйса нельзя было ожидать; к тому же море было покрыто плавающими льдинами.

Несмотря на тяжелое положение, Чичагов смело вышел из порта и, под прикрытием огня береговых наших батарей, завязал со шведами бой в Ревельском заливе, который окончился отходом шведского флота с большими повреждениями. За эту блистательную победу Чичагов награжден был орденом св. Андрея Первозванного и 1388 крепостными.

После ремонта близ Наргена шведский флот пошел к Кронштадту, стремясь предупредить соединение Крюйса с Чичаговым. 23 мая между Сескаром и Кронштадтом завязался бой, продолжавшийся и 24-го, причем Крюйс умышленно маневрировал, не ввязываясь в решительное столкновение, дабы выждать подхода эскадры Чичагова. Приближение последнего заставило шведские корабли искать укрытия в Выборгском заливе, где, как видим ниже, уже стояла гребная флотилия самого короля.

Первоначально Густав III вел эту кампанию на сухопуте, где сперва шведы имели успех в отдельных стычках передовых частей как в Саволаксе, так и на Кюмени; но уже 21 апреля шведы всюду были нами отогнаны за реку. Тогда Густав сделал ставку на гребной флот, дабы оттеснить нашу более слабую шхерную флотилию, а затем направить удар в обход Выборга, на Березовые острова (Бьёркё), рассчитывая, что к нему присоединится парусный флот, а сухопут-

ные силы, форсировав Кюмень и оттеснив русских, обложат Выборг с запада и, быть может, обойдут его еще из Саволакса с восточной стороны. У шведского короля складывался широкий план взаимодействия сухопутных и морских сил. Направление же главного удара на Бьёркё, в обход Выборга, являлось серьезной угрозой Петербургу.

Сперва король попытался овладеть с моря Фридрихсгамом, но, не преуспев в этом, пошел к Выборгу, пользуясь тем, что наша главная гребная эскадра Нассау-Зигена еще изготовлялась в Кронштадте. Делая то там, то сям попытки высадиться, король вызывал в Петербурге опасения за разрыв сношений Салтыкова. Но все эти попытки были отбиты, а на острове Урансаари, близ Выборга, Буксгевден (будущий наш главнокомандующий в 1808 г.) нанес шведам серьезное поражение, взяв в числе трофеев четыре знамени.

Присоединение к королю корабельного флота не улучшило, а скорее ухудшило его положение, ибо следом за шведской эскадрой подошли соединенные русские, которые и заперли шведов в Выборгском заливе. О том, чтобы реализовать замыслы относительно Бьерке, не могло быть теперь и речи.

На шведской эскадре стал ощутим недостаток пищи, что повлекло за собой глухое недовольство и дезертирство. Густав, стараясь ободрить свои команды, заявлял, что он «блокирует Выборг».

Единственным выходом с выборгского рейда для шведов мог быть Березовый пролив, но оттуда с часу на час могла показаться эскадра Нассау-Зигена. Кроме того, на материке были наши сильные батареи.

19 и 20 июня шведы выказали попытку прорваться в направлении к Фридрихсгаму, чтобы отвлечь наше внимание от Березового пролива, но туда уже подходил Нассау-Зиген. Шведам пришлось принять бой в тесном пространстве Выборгского залива, где их атаковал принц Нассау уже под вечер и, несмотря на позднее время, пользуясь светлыми июньскими ночами, вел бой до самого утра, обратив в бегство неприятельские галеры. Тем временем шведские корабли двинулись в западном направлении; их встретила

часть нашего флота, под начальством адмирала Повалишина, которая отразила их жестоким огнем. Тогда они сделали попытку пройти шхерным фарватером, но тут наткнулись на адмирала Ханькова, который загнал большую часть кораблей на мель, где они и сдались. Принц Нассау, подошедший к месту столкновения корабельных флотов, застал уже преследование Чичаговым прорвавшихся неприятельских судов, некоторые из которых были захвачены под самым Свеаборгом.

Сам Густав спасся на небольшой шлюпке и едва не попал в плен.

В Выборгском заливе шведы понесли жестокое поражение: они потеряли девять линейных кораблей и множество мелких судов; убитых и раненых было до 3000, а в плен взято до 5000 человек. Уцелевшие корабли шведов были заблокированы в Свеаборге нашим флотом, как и в 1788 г.; гребная флотилия укрылась в Роченсальме. Положение Густава III было критическим: флот обессилен; войско пало духом; оппозиция подняла голову.

«Надлежит всемерно стараться пользоваться плодами сей победы, — писала Екатерина принцу Нассау 27 июня, — и, распространяя военные действия, не дать отнюдь неприятелю ни времени, ни способов к его отдохновению и ободрению». Принцу рекомендовалось «нанести решительные и крайние удары гребному шведскому флоту», а затем «протерти» действия к Свеаборгу, при содействии армии, наступающей к Гельсингфорсу.

Принц Нассау тотчас же обложил шведский гребной флот между островами в Роченсальме. У шведов было всего 28 больших судов и 155 канонерок; Нассау располагал 105 канонерками и 50 большими судами. 28 июня, в день восшествия на престол императрицы Екатерины, принц решил напасть на противника, закрыв все входы в Роченсальмский пролив, и истребить его. Сильный ветер расстроил с самого начала нашу эскадру; постепенно ветер обратился в шторм. Будучи не в состоянии держаться на веслах, суда бросили якоря, с которых срывались; многие затонули, многие выброшены были на острова; люди спа-

сались на шлюпках, множество потонуло. А противник осыпал их ядрами из глубины бухты, где ветер был менее силен.

Таким образом, в борьбе с непогодой вся флотилия Нассау потерпела страшное бедствие и погибла. Сам предводитель едва спасся. Урон был громадный: потеряно 54 судна, из них пять фрегатов; потеря людьми — до 10 тысяч, из них 6000, подобранных на островах и с обломков судов, попало в плен...

Известие о Роченсальмском погроме в Петербурге было получено 1 июля, как раз день служения благодарственного молебна по случаю Выборгской победы. Впечатление было ужасное. «Ничто мое сердце не сокрушило, как сие», — писала Екатерина Потемкину...

Предполагалось, однако, снова повторить ту же попытку, при содействии корабельного флота и сухопутной армии. Но 3 августа неожиданно был заключен мир со Швецией. Мир этот был заключен в Вереле (ныне Вяръяль в Финляндии), и границы были оставлены неизменными, как до войны.

Война 1788—1790 гг. изобилует действиями на море, причем, в противоположность предшествующим и последующей финляндским войнам, в ней особенно активную роль играет корабельный флот. Он довольно согласованно действует и с другим видом морских сил — шхерной флотилией. Но при отсутствии должной связи с сухопутными операциями, кроме взаимного истребления морских сил, никакого реального результата не получалось. Каждый раз кампания оканчивается ничем, все надо начинать сначала; а кроме того, начавшаяся политическая интрига сбивает нас с толку, и мы упускаем целый ряд благоприятных положений.

Таким образом, блестящие удары на море Грейга, Чичагова и самого Нассау, кроме славы, не дают никаких особенно существенных результатов, не будучи скоординированными с действиями на суше. Они оказались уравновешены Роченсальмским несчастьем, а почти трехлетняя война не принесла никаких выгод.

Война 1808—1809 гг.

Капитуляция крепостей Свеаборг и Свартгольм ♦ Операции под командованием графа Каменского ♦ Окончательное покорение Финляндии ♦ Манифест Александра I об окончании войны

После Верельского мира 17 лет царили между Россией и Швецией мирные отношения. Но император Александр, несмотря на то что он и шведский король Густав IV Адольф, женаты были на родных сестрах, не чувствовал к нему личного расположения и потому, как только политические обстоятельства сложились для нас благоприятно, не преминул доверить дело Петра Великого.

А после Тильзитского мира в этом отношении создалось исключительное положение: союз с Наполеоном надо было использовать для довершения какой-либо из наших исторических задач. Император Александр сперва стремился на юг; но Наполеон желал отвлечь его от Турции и сам указал ему на Швецию, как на «географического врага». Такое значение войны со Швецией прекрасно сознавалось и в России.

Решение начать войну со Швецией окончательно созрело у императора Александра к концу 1807 г. Предлогом должно было послужить неисполнение шведским королем континентальной системы и другие мелкие обстоятельства. В свою очередь шведский король, предвидя разрыв, еще гораздо раньше нас деятельно готовился к войне, но шведы не рассчитывали, что мы начнем кампанию зимой.

Нашим союзником, кроме Франции, являлась еще Дания, всегда примыкавшая к войне против Швеции; шведы же были в союзе с Англией, с которой Россия уже с 1807 г. находилась в разрыве.

Ввиду невозможности подкрепить местные финляндские войска из Швеции, если русские вторгнутся еще зимой, решено было заранее оставить крепости Свеаборг и Свартгольм на произвол судьбы, снабдив их достаточно сильными гарнизонами, а остальным же войскам отходить в глубь Финляндии, а весной, усилившись подкреплениями, перейти в наступление.

У нас определенного плана действий не было. Мы задавались только целью «занять как можно больше пространства

земли», т. е. совершить нечто вроде оккупации, причем рассчитывали и на «образ мыслей жителей». Последние соображения исходили от того же Спренгтпортена и его пособников, бывших аньяльцев, укравшихся от справедливого возмездия в России.

Главкомандующим всех сил, назначенных действовать против Финляндии, стал граф Буксгевден, один из сподвижников Суворова. Его 24-тысячный корпус, снабженный всем необходимым для зимнего похода, к началу февраля 1808 г. развернулся по линии реки Кюмени двумя дивизиями (в трех колоннах) и одной дивизией в Саволаксе, на путях, ведущих туда от крепости Нейшлот.

Шведы имели пока в Финляндии только разбросанных 19 тысяч, из них свыше 7 тысяч — гарнизоны крепостей.

На рассвете 9 февраля, в сильную метель и стужу, мы перешли Кюмень и, после ряда успешных стычек со шведскими передовыми частями, заняли 13 февраля Борго. А 18 февраля Орлов-Денисов с лейб-казаками, драгунами и егерями с налета захватил Гельсингфорс, взяв 124 пленных, 19 орудий, массу снарядов, холодного оружия, шанцевого инструмента, пороха и провианта.

В Саволаксе дивизия Тучкова 1-го захватила Сен-Михель и продолжала наступать к Куопио.

Заместитель финляндского кавалерийского командующего графа Клингспора (еще не прибывшего из Швеции), генерал Клеркер, спешно стянул свои разбросанные слабые силы к Тавастгусу; Саволакская же бригада Кронстедта отошла к Куопио.

Клеркер намерен был принять бой и поджидал подхода русских, которые, обложив частью сил Свеаборг со стороны суши, с остальным войском быстро шли на Тавастгус. Но прибывший Клингспор, не попытавшись разбить по частям раздельно наступавшие наши колонны, приказал безостановочно идти на крайний север Финляндии.

Отступление это казалось бегством; мы увлеклись преследованием и, пренебрегая противником, захотели одновременно достигнуть нескольких целей. Часть сил была выделена для занятия Або, потом заслана даже по льду на Аланд; другая оставлена в Южной Финляндии для обложения кре-

постей и занятия прибрежных пунктов, наконец, третья (самая слабая, менее одной четверти всех сил) преследовала отступающих шведов, причем Тучкову 1-му надлежало перейти с большей частью своих войск поперек Финляндии и отрезать Клингспору путь отступления...

20 марта изданы были высочайший манифест и декларация к иностранным державам о завоевании Финляндии. «Страну сию, оружием нашим таким образом покоренную, мы присоединяем отныне навсегда к Российской империи, и вследствие того повелели мы принять от обывателей ее присягу на верное престолу нашему подданство», — гласил этот манифест. Император Александр уже списывался с Наполеоном относительно совместной высадки русских и франко-датских войск в Швецию.

В это время, словно удар грома, грянуло известие о неудаче русских на севере. Правда, неудача эта была не особенно существенная; сперва авангард Кульнева, до тех пор удачно сбивавший арьергарды шведов вдоль береговой дороги, натолкнулся 5 апреля у д. Сиикайоки почти на все силы шведов и после упорного боя, обороняясь, по свидетельству шведских историков, «с великою храбростью», должен был отойти назад. Затем небольшой, полторатысячный отряд Булатова, шедший из Куопио на поддержку, у Револакса, на расстоянии одного перехода до расположения Кульнева, подвергся внезапному нападению шведов, был окружен втрое превосходящими силами, принужден был пробиваться штыками и попал в плен с частью (около трети) своего отряда.

Этот успех шведов, явившийся следствием беспечности Булатова, не принявшего должных мер разведки и охранения, был чрезвычайно раздут. Но он приободрил, и как раз вовремя, упавший было дух их войска и повлиял существенно на настроение жителей: началась народная война.

Ближайшим последствием Револакского боя было поражение у Пулькилла отряда Обухова: обширный продовольственный и артиллерийский транспорт, под прикрытием трех рот, был неожиданно атакован бригадой Сандельса, выделенной Клингспором на Куопио, дабы утвердиться снова сердце Саволакса.

Тем временем в южной Финляндии мы одержали хотя и бескровную, но весьма важную победу: обе крепости, и Свартгольм, и Свеаборг, последовательно капитулировали.

Свеаборг был заложен в 1747 г., по проекту Эренсверда, который был и его строителем. Но дело не было доведено до конца. Строитель предполагал сверж укрепления с моря тех самых «Волчьих шхер», которые намечены были для этой цели еще Петром Великим, окружить и город Гельсингфорс фортификационными сооружениями; но за недостатком денежных средств этого не выполнили, и Свеаборг оставался почти беззащитным со стороны суши, особенно в зимнее время.

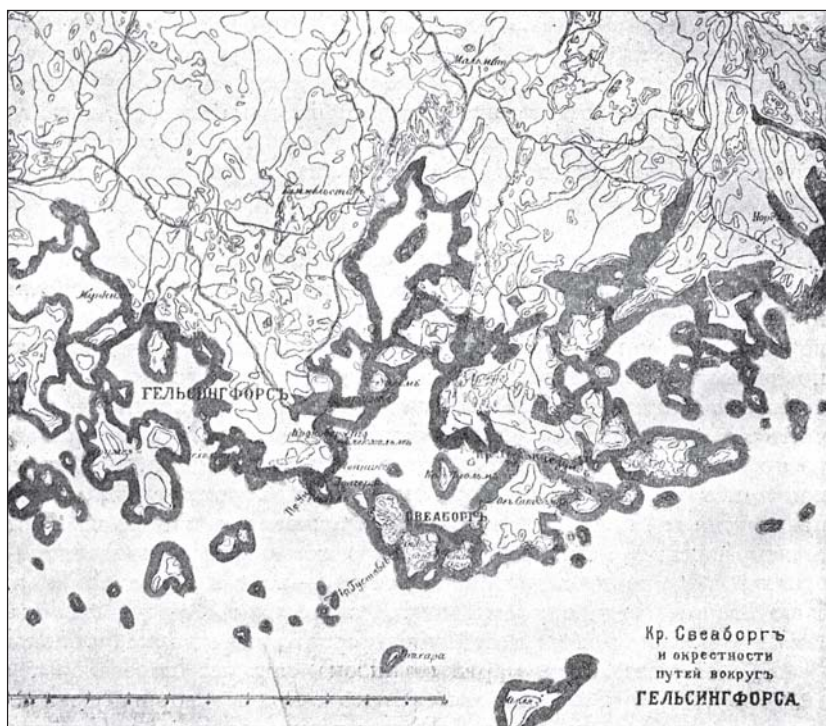
О зимнем штурме Свеаборга у нас подумывали еще при Екатерине; проект был разработан адмиралом Грейгом, но из-за смерти его не был осуществлен. В 1808 г. вследствие недостатка сил — ибо финляндский корпус Буксгевдена к началу второго месяца кампании уже был разбросан по всей Финляндии — приходилось довольствоваться блокадой и бомбардированием.

Вот тут-то и воспользовались способами воздействия на гарнизон, имевшими целью понизить в нем силу сопротивления и поселить разлад. В крепости оказались агенты Спренгтпортена, сторонники самостоятельной Финляндии; туда искусно доставлялись преувеличенные сведения о наших успехах; силы блокадного корпуса нашего, в действительности меньшие, чем гарнизон (у нас 6500 человек, в гарнизоне свыше 7000 тысяч), так ловко распределялись, что казались вдвое-втрое большими. Наконец, по-видимому, употреблен был и «золотой порошок», для «ослабления пружины военной» (выражение Аракчеева их письма к Буксгевдену), если не для подкупа самого коменданта Кронстедта, что ныне документально опровергнуто, то для привлечения на свою сторону ряда лиц (не исключая женщин), могущих оказать нужное давление на слабохарактерного начальника обороны.

В результате 21 марта гарнизон завязал переговоры, а 24 марта на острове Лоннан заключена была начальником штаба Буксгевдена, генералом Сухтеленем, конвенция, сущность которой заключалась в том, что крепость должна быть сда-

на, если до 22 апреля не прибудет подкрепление с моря, в обеспечение чего часть укрепленных островов теперь же переходит к России. Подкрепление это, конечно, не прибыло, и условие было в точности выполнено. Шведская часть гарнизона в качестве военнопленных отправлена была в Россию, финнов же распустили по домам, думая этим расположить их к себе. Но просчитались, ибо как раз бывшие свеаборгские офицеры и солдаты явились отличным подспорьем при организации народных банд: они сыграли для них роль кадров.

Что касается Свартгольма, то он капитулировал еще 6 марта, по-видимому, тоже не без содействия «золотого пороха»...

Крепость Свеаборг и окрестности путей вокруг Гельсингфорса

В Швеции весть о капитуляции Свеаборга произвела потрясающее впечатление; в Петербурге ее отпраздновали торжественным парадом у памятника Петра Великого. Значение Свеаборг имел большое: мы приобрели готовую морскую базу, да еще освобождали около четверти своих военных сил.

Все эти успехи, еще до получения вести о переходе шведов в наступление на севере, рисовались в Петербурге в виде настолько радужной картины, что еще 19 марта, т. е. вслед за занятием Або, Аракчеев запрашивал Буксгевдена, по высочайшему повелению, не может ли он направить по льду в Швецию 10—12-тысячный экспедиционный корпус. Ненадежное состояние льда и несоответствие сил финляндского корпуса с обширностью его задач удержали от такого рискованного шага; но все же Аланд был занят небольшим отрядом Вуича, а в Прибалтийском крае готовилась другая подобная же экспедиция для захвата о-ва Готланд, что и выполнено было в конце апреля...

Общее число наших войск в Финляндии не превышало 23 тысяч человек, разбросанных на 300 верст по фронту и на 500 верст в глубину. И вот тут-то противник частично переходит в наступление, для чего избирает наиболее удаленные от центра наши отряды. После упомянутых выше неудач Сандельс захватывает Куопио и утверждает здесь, вынудив нас отойти на юг; Вуича, посланного со своим отрядом на Аланд, внезапно окружает и захватывает в плен восставшее население; Бодиско на Готланде также был захвачен шведской эскадрой.

Такое положение дел в Петербурге ставилось в вину главнокомандующему; там не сочли должным всесторонне оценить условия, которые вынуждали его с наступлением навигации одновременно: 1) патрулировать все побережье края во избежание высадки десанта, 2) удерживать население в повиновении, 3) прикрывать сообщения с Петербургом и 4) сохранить достаточно сил для оказания противодействия графу Клингспору. Главнокомандующий в целом ряде реляций подробно обрисовывал эту тяжелую обстановку и настойчиво ходатайствовал подкрепить его сразу достаточны-

ми силами, а не небольшими отрядами. Народная война охватила почти весь край; наши транспорты атакывали, курьеров перехватывали, и стычки с вооруженными бандами крестьян принимали характер настоящих сражений. Стоило только нашим войскам удалиться — и восстание возгоралось с новой силой, сопровождаясь зверскими жестокостями. В одном месте найдено было 11 трупов русских солдат, закопанных выше пояса в землю, с отрубленными головами.

Грядущее открытие навигации грозило еще более затруднить наше положение после временного перерыва в военных действиях, вызванного весенним половодьем. С началом навигации восстанавливалась связь Финляндии со Швецией морем и последняя имела возможность выполнить намеченный план действий: рядом высадок на Ботническом побережье грозить тылу наших войск, теснимых с фронта Клингспором и перехватываемых в тыл с другого фланга партизанскими набегами изнутри края. Естественным плацдармом для подготовки высадок являлся отобранный от нас Аландский архипелаг; ожидалась поддержка со стороны английского флота, с 14-тысячным десантом, что, исходя из состояния сил Швеции и необходимости действовать одновременно на три фронта, являлось желанным подкреплением.

Действительно, датчане угрожали из Норвегии; кроме того, в самой Дании собирались войска датчан и французов с целью переброски в южную часть Швеции. Но, имея возможность выставить более 60 тысяч полевых войск, Швеция могла сосредоточить достаточно сил в Финляндии. А так как король Густав IV Адольф желал непременно наступать в Норвегию, вместо того чтобы попросту занять на границе горные проходы, для чего нужно было немного сил, а в Южной Швеции количество войска не было уменьшено, после того как с приходом английской эскадры десант союзников сделался уже невозможен, то для посылки подкреплений на главный театр сил уже не хватало.

Действительно, из-за несогласий между союзниками, а также вследствие выхода из состава корпуса маршала Бернадота испанских войск франко-датчане настолько промед-

лили со своей высадкой, что английская эскадра, в соединении со шведскими судами, обеспечила полную защиту Швеции от удара с юга. Зато с английскими войсками дело не сложилось. Густав IV Адольф непременно желал послать английский десант в Финляндию, да еще в окрестности Выборга, для пресечения сообщений графа Буксгевдена с Петербургом. Начальник английского отряда генерал Мур нашел такой план «превосходным только в том случае, если имеется в виду доставить русским несколько тысяч английских пленных». Поэтому Мур тайно скрылся из Стокгольма и, с разрешения своего правительства, увез свой десант в Испанию (где англичане воевали с Наполеоном), а Швеции оставлена была только эскадра адмирала Сомареца.

Это событие роковым образом отразилось на последующем периоде войны (до второй половины июля), который по справедливости может быть назван «периодом шведских поползновений». Дело организации десантов король Густав Адольф взял в свои руки, лично переселившись на Аланд; но, отнюдь не желая сокращать численность своих войск на норвежской границе и в южной Швеции, он вместо серьезных отрядов посылал лишь небольшие группы в виде кадров для «верных финнов», которые, понятно, были отражаемы, особенно при пассивности графа Клингспора, который возлагал все упования на действия флангов (с моря и из Саволакса), сам уклоняясь от решительного движения вперед. Серьезных подкреплений из Швеции ему добавлено не было, и все упования, в конце концов, возложены были на народные ополчения.

Что касается графа Буксгевдена, то, добившись некоторого усиления своих войск (до 34 тысяч), он распорядился им следующим образом. Прежде всего, чтобы обезопасить себя справа (т. е. со стороны внутренней Финляндии), он сосредоточил у Сен-Михеля свежий 7-тысячный отряд Барк-лая-де-Толли, который и направил к Куопио, против хозяйничавшего там Сандельса.

Войска вдоль Ботнического залива (прежний отряд Тучкова) были вверены Раевскому. Последний должен был постепенно втягивать за собой графа Клингспора, в тыл кото-

рому намеревался двинуть часть своих сил Барклай по утверждению своем в Куопио. В обоих этих отрядах в совокупности было не более 14 тысяч человек (т. е. значительно меньше половины сил); остальные обороняли побережье и удерживали южную и юго-западную Финляндию в нашей власти. Кроме того, значительные силы удерживались в Эстландии и в Выборгской губернии, для обеспечения столицы; но эти силы не были подчинены графу Буксгевдену и активного значения не имели.

Раевский скрытно отступил от Гамла-Карлебю главными своими силами к Лаппо, важному узлу путей на Вазу, Куопио, Таммерфорс и вдоль побережья; авангард (около полутора тысяч генерал-майора Янковича) был оставлен у Нью-Карлебю. Этот авангард подвергся 11 июня нападению шведов (по почину частных начальников) и после горячего боя благополучно отошел. Задуманный шведами план отрезать этот авангард от главных сил и окружить его не удался. Главнокомандующий Клингспор не использовал этой удачи; а между тем, по общему плану, он должен был войти в связь с десантом, который, по распоряжению короля, высаживался около Вазы. Десантов этих было одновременно послано два: один, более сильный (4000 человек с шестью орудиями), генерал-майора барона фон Фегезака, высадился благополучно 8 июня близ Лемо, в 22 верстах южнее Або, но по пути был встречен быстро стянувшимися по почину отдельных начальников русскими, которые отогнали его обратно на суда.

Другой отряд, полковника Бергенстрале (не более 1000 человек), должен был переправиться к Вазе, овладеть городом и «произвести диверсию в тыл противника», на которого, по расчетам короля, Клингспор должен был наступать с фронта. Бергенстрале высадился благополучно, но в Вазе нарвался на превосходящие силы, и почти весь его отряд был истреблен. Во время уличного боя жители Вазы стреляли по русским войскам из окон, что, естественно, озлобило солдат, и город был разорен.

Тем временем Барклай-де-Толли постепенно продвигался внутрь Саволакса, выполняя первую половину поставлен-

ной ему задачи. Если зимой сравнительно легко было преодолевать донельзя пересеченную местность внутренней Финляндии, то теперь дело обстояло иначе, особенно перед лицом такого талантливого противника, как Сандельс. Последний, пользуясь господством на внутренних водах края для быстрого и притом неуловимого для нас передвижения сил, неотступно нападал на фланги и тыл наступающей колонне. Мелкие партии, как рой пчел, охватывали Барклая и настолько задерживали его, что он только 8 июня занял Куопио. Этим временем Сандельс воспользовался, чтобы утвердиться на Тайвольской позиции (севернее Куопио), с фронта и флангов прикрытой озерами и, следовательно, Барклаю недоступной, а для активных предприятий Сандельса являвшейся превосходной опорой.

Во исполнение общего плана Буксгевдена, Барклай-де-Толли, после занятия Куопио, оставил в нем часть сил, а сам двинулся на запад, чтобы выйти во фланг и тыл графу Клингспору. Сандельс немедленно этим воспользовался и произвел ряд нападений на Куопио и на коммуникационную линию Барклая, заставив последнего вернуться к Куопио. Будучи не в состоянии оберечься от нападений Сандельса без плавучих средств, Барклай-де-Толли вытребовал себе особую флотилию канонерок, специально заготовленную на Сайменском озере. Эта флотилия, с большими затруднениями отразив несколько нападений, прибыла в Куопио к 5 июля. С этого момента и с нашей стороны развивается активность, и Сандельса беспокоят в его твердыне. Заменявший заболевшего Барклая Тучков приступил к заготовке солидных плавсредств с целью решительно напасть на Сандельса и выбить его из насиженного гнезда. Помочь этому ударом в тыл должна была колонна генерала Алексева, задержанная в Карелии борьбой с мятежом.

На западном театре медлительность Клингспора способствовала тому, что Раевский отошел через Лаппо к Сальми, притянул к себе от Вазы Демидова и поджидал результатов движения Барклая. Когда же последнее не состоялось, то положение Раевского, охваченного со всех сторон партизанами, оказалось весьма трудным. Но этим не пользовался

шведский главнокомандующий, к тому же подвергавший неудачам свои отдельные боковые отряды. Так, у Линтулакса 26 июня майор фон Фиандт (действовавший в районе между главными шведскими силами и Куопио) был разбит полковником Властовым, высланным от войск Баркляя для связи с Раевским. Пользуясь этим успехом, Буксгевден усилил Властова подкреплениями под начальством Янковича, и у Перхо 28 июня Фиандт потерпел второе поражение.

В то же время сам Раевский перешел в наступление на Лаппо, и здесь наконец произошло его столкновение с главными силами шведов, которыми командовал, вместо Клингспора, начальник его штаба Адлеркрейц. Тринадцатичасовой бой у Лаппо кончился тем, что Раевскому пришлось снова отходить на юг, и он в полном порядке отошел к Алаво. Клингспор продвинулся за ним до Сальми и здесь в бездействии простоял целых пять недель, предоставляя за себя работать партизанам. Последние действовали неотступно и смело и не раз полностью перерывали связь Раевского с его тылом.

11 июля Раевский ввиду трудности своего положения созвал в Алаво военный совет, который решил отходить на восток, на соединение к Баркляю, так как пути на юг были перехвачены.

На самом побережье Ботнического залива небольшой отряд Орлова-Денисова, боровшийся решительно с мятежом, отошел к Бьернеборгу.

В общем, на левом фланге и в центре нашего стратегического фронта мы были отодвинуты назад; правый фланг (у Куопио и в Карелии) был приостановлен. Из 26 тысяч наличных сил только половина (13 тысяч) выполняла чисто боевые задачи; другая, в сущности, прикрывала сообщения.

Граф Буксгевден продолжал настойчиво ходатайствовать о таком усилении своих войск, которое позволило бы ему решительно разбить графа Клингспора, а затем надлежащими силами произвести переход в Швецию. В Петербурге же пришли к заключению, что в настоящую кампанию дальнейших положительных результатов достигнуть невозможно, а потому следует перейти к обороне. Опасаясь такого, по его мнению, пагубного исхода, Буксгевден попробовал собрать

все наличные силы, передав их под командование графа Каменского, и на этот корпус возложил решительные действия, стремясь вырвать у противника победу.

Параллельно изложенному ходу событий на суше, развивались действия и на море. Граф Буксгевден, сам, как мы видели, командовавший в 1788—1790 гг. отрядом гребной флотилии, с начала весны настаивал на необходимости дать ему надлежащей силы флот, без чего невозможно организовать даже надежной обороны берегов. Захваченную в Свеаборге от шведов флотилию вооружали и укомплектовывали под надзором морского министра; но корабельный флот Буксгевдену адмирал Чичагов дать не соглашался, с трудом мирясь с высылкой ему из Кронштадта галерных подкреплений. По мере подхода последних к Свеаборгу отдельные галерные эскадры спешно продвигались мимо Гангута к Або, пока шведы не успели им в этом помешать и не подошли англичане. Это передвижение привело к ряду столкновений нашей гребной флотилии со шведской, которая, заняв проходы на фарватере по пути к Або, пыталась их задержать.

Столкновение с первым эшелоном нашей гребной флотилии произошло близ Або и кончилось отходом его обратно в Або после отражения атаки противника (бой у Ганго и Хирвисало). Последующие эшелоны, чтобы миновать Юнгфрузунд (узкий проход на юго-западной оконечности о-ва Кимито), направились по так называемому «каналу Кимито» между этим большим островом и материком. Здесь еще при Петре Великом пролив завалили камнями, чтобы не позволить противнику пользоваться обходным путем. Пришлось теперь, наоборот, освободить и даже углубить пролив, слишком мелкий для большей части наших судов. Тем временем шведы заняли проходы, ведущие к Або из северного (Релакского) пролива, отделяющего остров Кимито от материка. Гребные флотилии заняли фарватер, а на прилегающих островах устроены были батареи и засели стрелки. Чтобы пробиться, в помощь эшелонам нашей флотилии, по распоряжению Буксгевдена, назначены были войска и артиллерия, которые заняли оба берега пролива и

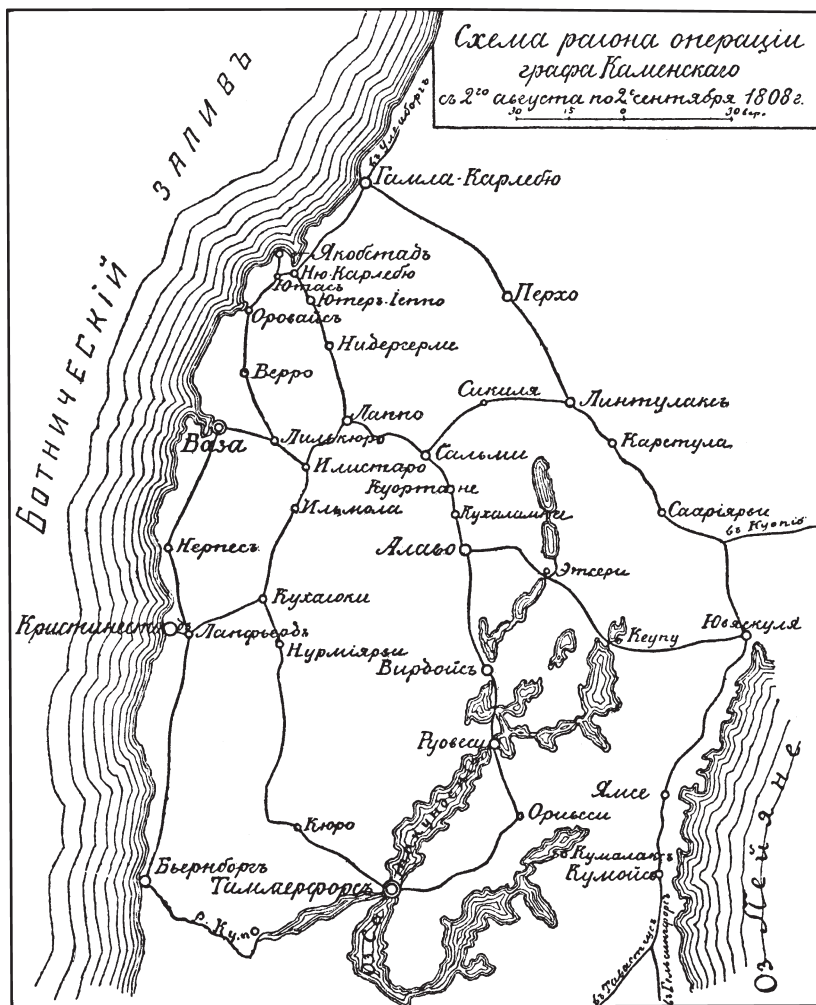

Схема района операции графа Каменского с 2 августа по 2 сентября 1808 г.

острова, стараясь охватить позиции шведов с флангов и поддержать прорыв судов с берега анфиладным и перекрестным огнем.

9 июля шведы попытались атаковать нас, но были отбиты; а в ночь на 20 июля, после прибытия следующего эшелона канонерок, наш прорыв удался при содействии артиллерии и пехоты, которые, перебираясь с острова на остров, захватывали мешавшие нам батареи и заставляли их замолчать (бои у Тавастеншера и Сандо).

В результате к концу июля наша гребная флотилия сосредоточилась у Або и шведы потеряли свободу действий в Абоских шхерах и на Ботнических берегах.

Что касается корабельного флота, то он находился под начальством адмирала Ханькова, Буксгевдену подчинен не был и вышел из Кронштадта только 14 июля! Состав эскадры: девять кораблей, шесть фрегатов, четыре корвета и несколько мелких судов. Обстоятельства благоприятствовали. Английская эскадра Сомареца снова ушла к берегам Германии, конвоируя свои транспорты с войсками и оставив только несколько судов в помощь шведам.

Корабельному нашему флоту главной задачей ставилось разбить шведский флот до соединения его с английским. Кроме того, Буксгевден рассчитывал, что флот наш перервет морское сообщение через Ботнический залив и, таким образом, затруднит положение шведских войск в Финляндии и обезопасит нас от новых высадок.

При таких условиях необходимы были, конечно, энергия и быстрота в действиях. Между тем Ханьков только 13 августа повел свой флот навстречу неприятельскому, находившемуся вблизи Юнгфрузунда. Получив донесение, что шведы снимаются с якоря, он пошел в юго-восточном направлении, рассчитывая (как доносил впоследствии) выманить противника за собой.

В результате при ночном движении эскадра расстроилась; один корабль, «Всеволод», остался и подвергся атаке двух английских судов; сам же Ханьков укрылся в Балтийском порту. «Всеволод» дрался, как лев, сцепившись на бордаж с англичанами, и в конце концов взорвался.

Англичане закупорили Ханькова (отданного впоследствии под суд по высочайшему повелению) в Балтийском порту, и на эту кампанию мы были совершенно лишены содействия

Граф Николай Михайлович Каменский

корабельного флота. Граф Буксгевден в своих донесениях Аракчееву указывал на невыгоды этого обстоятельства, главной из которых являлась необеспеченность подвоза морем, организованного нами в широких масштабах ввиду плохих финских дорог и невозможности добыть достаточное число подвод в крае.

Если, таким образом, действия нашего флота и не оправдали в значительной мере ожиданий, то, наоборот, на сухопутье графу Каменскому удалось быстро и решительно склонить весы в нашу пользу.

Младший сын фельдмаршала М. Ф. Каменского, граф Николай Михайлович уже в 1799 г., 23 лет от роду, имел чин генерал-майора, а за подвиг при Чертовом мосту в Италии, где он возглавил переправу, получил орден св. Анны I степени. Участвовал в кампании 1805 и 1807 г., командовал под Прёйсиш-Эйлау бригадой и отличился в бою под Гельсбергом.

Буксгевден, вверив командование отряда Раевского Каменскому и доведя подкреплениями его силы до 10 тысяч человек, предоставил ему, зная его самостоятельный характер, полную свободу действий, с одной только инструкцией — победить.

Для содействия Каменскому: 1) из Куопио выделены четыре батальона с двумя эскадронами полковника Сабанеева; 2) севернее Таммерфорса образован особый отряд генерал-майора Ушакова (четыре батальона, одна сотня и пять орудий) с целью угрожать сообщениям графа Клингспора с побережьем; 3) Орлову-Денисову приказано перейти в наступление в направлении на Вазу; 4) генерал-майору Миллеру поручено, заняв Тавастгус и Таммерфорс, охранять тыл графа Каменского, в частности от партизан. В отношении последних приняты строгие меры: отпущенных под честное слово пленных, пойманных с оружием в руках, велено расстреливать или вешать близ церквей, обнародовав имя преступника и полк, где он служил. Крестьян же велено нещадно наказывать телесно и, выбрив половину головы, отпускать с предупреждением, что при вторичной поимке будут повешены. Необходимость таких мер всего лучше доказывается тем, что сам Каменский отправляясь к месту назначения, едва не был захвачен партизанами.

Одобрив решение совета в Алаво, Каменский отошел еще на 100 верст южнее Ювяскюля и остановился на высоте Таммерфорса, уперев фланги своего расположения в непроходимые водные преграды. Клингспор бездействовал и дал

Каменскому две недели на приведение своих сил в полный порядок и на организацию их снабжения.

1 августа двинут был авангард Каменского (под начальством Властова) по пути Ювяскюля — Гамлакарлебю; следом за ним пошли и главные силы. План заключался в том, чтобы обойти Клингспора слева, грозя даже ему в тыл, в то время как внимание его с фронта должно быть отвлечено отрядами Сабанеева и Эриксона, соединившимися и двинутыми на Алаво. 5 августа у Алаво эти отряды потерпели неудачу и принуждены были отступать на юг, обнажая сообщения Каменского; тогда последний смело отбросил первоначальный план и свернул со всеми силами на Алаво; пройдя за пять дней 170 верст, он снова занял Алаво, на прежнем же пути оставил только Властова для пресечения связи между Клингспором и Сандельсом и для давления на фланг Клингспора. 9 августа Властов у Карстула настиг отряд Фиандта и разбил его наголову; часть своих сил Властов выделил затем, для содействия Каменскому, а с остальными продолжал теснить Фиандта далее, на север. Этот успех не только смягчил горечь неудачи у Алаво, но произвел на нерешительного Клингспора такое впечатление, что он тотчас же отбросил всякие попечения о наступлении, а перешел к пассивной обороне, донеся королю об опасном положении армии и ходатайствуя о заблаговременном принятии мер по перевозке ее морем из Вазы в Швецию.

Каменский, не теряя ни минуты, приказал своему авангарду, под начальством Кульнева, теснить неприятельские передовые части, что и было им выполнено — вплоть до Куортане, а сам с эшелонами следовал за ним. Один батальон с небольшой частью конницы, генерала Козачковского, двинут западным берегом большого Куортанского озера.

Шведы, отступая перед Кульневым, уничтожали все мосты; за болотистой речкой, между деревнями Куортане и Руона, была их передовая укрепленная позиция, которую Каменский и атаковал 20 августа всеми силами. Сражение при Куортане было упорным и кровопролитным; оно интересно применением ближнего обхода, через каменистый лес, причем обходящая часть, под начальством Раевского, выдерживала

ла и отбила решительную контратаку шведов, отброшенных на первоначальную позицию при содействии бокового огня войск, оставшихся на линии фронта, и атаки конницы во внутренний фланг. Бой завершился в темноте и настолько обессилил шведов и поколебал их дух, что они ночью сами отошли на свою главную, Сальминскую, позицию, где и были атакованы на следующий день при содействии подошедших с флангов войск: справа — выделенных Властовым и слева — Козачковского; последний своим решительным ударом в тыл произвел потрясающее впечатление, ибо появление его совпало с общей нашей атакой на фронте и левом шведском фланге.

После этих решительных боев Клингспору пришлось оставить мысль о переправе морем в Швецию и отходить на береговой тракт к Оровайсу, собрав остатки своих войск и бросая по дороге раненых.

В то же время стоявший южнее Вазы, для ее прикрытия, отряд фон Дебельна удачно отеснил Орлова-Денисова; пользуясь этим, Клингспор благополучно выбрался на береговую дорогу, выделив против Властова, для прикрытия себя слева, особый отряд Гриппенберга.

Притянув к себе отряд Ушакова, Каменский занял Вазу отрядом Раевского, на случай возможных с моря высадок для неожиданного удара в тыл; с остальными же войсками свернул 1 сентября на север. У Оровайса, где Клингспор занял крепкую позицию, упираясь правым флангом в море, а левым — в утесы, произошло 2 сентября последнее в эту кампанию решительное боевое столкновение. Сперва наш авангард Кульнева был умышленно вовлечен передовыми частями на укрепленную позицию и едва не опрокинут контратакой с востока и огнем канонерок с запада. Но Каменский в тылу уже собирал подоспевшие батальоны и, лично ударив с ними на центр неприятельской позиции, прорвал его и завершил 17-часовой бой нанесением полного поражения противнику.

Влияние этих успехов сказалось и на восточной части театра войны. Сандельс отступил к Иденсальми раньше, чем принужден был к тому совокупными действиями Тучкова и князя Долгорукого, который, пройдя с отрядом через Каре-

лию 260 верст за один месяц и 11 дней, наконец выбрался из горнила мятежа.

Отступление остатков Клингспора после Оровайса могло завершиться сравнительно благополучно благодаря частному успеху Дебельна у Ютаса над Козачковским (двинутым перехватить береговую дорогу), а также слабости отряда Властова, который хотя и захватил Гамла-Карлебю, но не мог удержаться здесь под напором превосходящих сил противника.

Неудачи шведов усугубились крушением новых десантных попыток короля, которые произведены были без всякой связи с действиями «севернофинской армии» (таково было громкое название войск графа Клингспора) и потому успеха иметь не могли. 3 сентября близ Або, у Локколакса, высадилось около 3000 человек под командованием генерала Лантингсгаузена, которые были быстро обнаружены и сбиты на суда князем Багратионом. Раздраженный Густав Адольф выбросил на берег почти все свои силы (более 5000) 16 сентября, т. е. тогда, когда до него дошли вести о проигрыше Оровайса. И здесь князь Багратион, дав шведам высадиться и углубиться в страну, обрушился на них с фронта и обоих флангов и нанес жестокое поражение у Гельсинге, вынудив и самого короля весьма поспешно скрыться на своей яхте «Амадис».

Тем временем граф Клингспор искал перемирия. Буксгевден дал на него согласие в Лохтео 17 сентября, но Комитет министров (управлявший государством за нахождением императора Александра в Эрфурте) приказал его «немедленно разрушить». Войскам Тучкова, соединившимся с Долгоруким, приказано было решительно наступать к Улеоборгу и отрезать доступ в Швецию остаткам «севернофинской армии», во главе которой стоял Клеркер, сменивший уехавшего в Стокгольм Клингспора.

15 октября при Вирте Сандельс произвел на нас внезапное ночное нападение, в ходе которого был убит князь Долгорукий, но это не избавило Сандельса от необходимости продолжать отступление. Каменский, несмотря на то что его войска питались чуть ли не одним откапываемым на полях мерзлым картофелем, неотступно теснил шведов по берего-

вой дороге, обходя каждую их позицию в верхнем течении уже начинавших замерзать рек. Наконец, у реки Сиикайоки шведы опять вступили в переговоры, а в Олькиоки подписана была конвенция при условии освобождения всей Финляндии, т. е. ухода противника за Улеоборг.

Граф Каменский, уволенный в отпуск для поправления здоровья, прощаясь с войсками, сказал: «Мы завоевали Финляндию: сохраните ее».

Заключение этой конвенции вызвало взрыв недовольства, давно уже назревавшего в императоре Александре против Буксгевдена, и тот был отстранен от должности.

Финляндия была наконец покорена; но война не закончилась. Нужно было принудить Швецию к такому миру, который позволил бы России удержать отвоеванные территории, без чего «полное граду Петрову безопасие» не могло быть достигнуто. Целью дальнейших операций ставилось немедленное вторжение в саму Швецию, что облегчалось наступлением зимы. Зимой шведы лишались поддержки английского флота, и мы могли воспользоваться для вторжения естественным ледяным покровом. Первоначальный план (составленный Каменским) предусматривал наступление в Швецию тремя корпусами: одним — через Торнео вокруг Ботнического залива, другим — через Кваркен от Вазы к Умео и третьим — через Аланд. Каменский придавал наибольшее значение среднему корпусу, предлагая усилить его и предпринять решительный удар на Стокгольм с севера. В действительности самым сильным стал Абоский корпус (Багратиона), который должен был идти через Аланд (20 тысяч); численность двух остальных корпусов составляла по 10 тысяч.

Подготовительный период существенно затянулся, а уже наступал февраль. Новый главнокомандующий Кнорринг добился разрешения сократить численность экспедиционных корпусов; все это плодило переписку, а драгоценное время бежало. В конце концов император Александр командировал в Финляндию Аракчеева, который менее чем за две недели устранил затруднения и организовал дело, но оно, вместо решительного вторжения, свелось как бы к патрулированию шведского берега и потому цели не достигло.

Несмотря на тяжелое экономическое состояние государства, Густав IV Адольф упрямо намерен был продолжать войну. Но не было ни денег, ни войск. Население относилось враждебно к королю; в армии (на норвежской границе) вспыхнул бунт.

Смелый план нашего наступления вполне оправдывался внутренним состоянием Швеции; но при огромном расстоянии между колоннами трудно было согласовать их действия, и, кроме того, у наших начальников недоставало решимости довести дело до конца.

Колонна князя Багратиона (17 тысяч) сосредоточилась около Або; затем пятью колоннами перешли по льду на остров Кумлинге. Оборона Большого Аланда была возложена на генерала фон Дебельна, принявшего все нужные фортификационные меры; но силы его (около 6000 человек) были слабы, так как нельзя принимать в расчет вооруженных жителей (до 7000). Наступая частью своих сил южнее главного острова, Багратион вынудил Дебельна бросить свои позиции и отходить на материк. При отступлении шведы бросили повозки, оружие и целыми батальонами сдавались нашим казакам.

Бунтующие шведские войска от норвежской границы пошли на Стокгольм, чтобы низложить короля. Последнего уговаривали уступить и завязать мирные переговоры с Россией; когда же тот наотрез отказался, собственные советники и генералы обезоружили его и взяли под стражу. Позднее (в мае) созванный сейм объявил Густава IV Адольфа и его потомство низложенными, а корона вручена была герцогу Карлу Зюдерманландскому.

Изветие о случившемся дошло до генерала Дебельна почти одновременно с донесением о наступлении русских, которые находились в пяти-шести переходах от Аланда. Чтобы отвратить неминуемую опасность от столицы, которая при царящей в стране сумятице легко могла быть захвачена, Дебельн послал парламентаря. Багратион расценил это как уловку и приказал ускорить наступление; но при его колонне были Аракчеев и главнокомандующий Кнорринг, которые приостановили движение через Аландсгаф и вступили в переговоры. Только Кульнев,

шедший впереди всех и четверо суток не сходявший со льда, пересек пролив и захватил Грисслехамн (100 верст от Стокгольма), что вызвало большой переполох в столице; но для успеха переговоров его оттянули обратно на Аланд.

Распоряжение это коснулось не только Кульнева, но и двух других колонн.

У Баркляя-де-Толли в Вазе вместо намеченных 10 тысяч собралось всего до 5000, из них для экспедиции через Кваркен назначено было 3500 человек с восьмью орудиями; остальным поручалось обеспечение тыла. Кваркенский пролив имеет в ширину 100 верст, но прибрежные шхеры суживают ледяное поле до 60 верст: ночевка на льду была все-таки неизбежной. Опасность перехода заключалась прежде всего в непрочности льда: вследствие постоянных юго-западных ветров лед в Кваркене взламывается несколько раз за зиму, а образовавшиеся трещины и полыньи не видны под снегом. Кроме того, вместо ровной ледяной поверхности здесь под ногами нечто вроде груды кусков колотого сахара, с острыми, режущими краями.

Из данных предварительной разведки Барклай знал, что у противника войск в Умео немного. Разделив свои силы, он к 6 марта сосредоточил их на островах близ Вазы; полусотня пехотинцев Киселева, посаженных в сани, послана была вперед захватить близлежащие шведские острова и выяснить силы и расположение противника на берегу. Войска колонны снабдили 10-дневным запасом сухарей и 7-дневным фуража. Обозы составляли только патронные ящики на полозьях и сани для отвоза раненых.

8 марта, в 5 часов утра, начался незабвенный в истории переход. Погода, к счастью, благоприятствовала: мороз не превышал 15 градусов. Движение по изборожденной поверхности льда было весьма медленным; приходилось делать частые короткие перерывы; несмотря на это, люди падали от изнурения. Особенно страдали лошади, рассекавшие ноги о края льдин: артиллерию пришлось даже оставить на полпути под прикрытием.

К 6 часам вечера, после 12-часового марша, удалось пройти более 40 верст и занять пустынные островки. Ко-

лонна Баркляя, отдохнув только до полуночи, ранним утром уже достигла устья реки Умео. Последние переход шли по колено в снегу, и, как доносил Барклай, «понесенные в сем переходе труды единственно русскому преодолеть только можно».

Захваченный в Умео врасплох шведский отряд (около 1000 человек) вошел в переговоры и обязался сдать Умео и всю Вестро-Ботнию до реки Эре, со всеми запасами продовольствия. 10 марта Барклай торжественно вступил в Умео, но уже 12-го пришло приказание Кнорринга отойти обратно в Вазу, что и исполнено 15 марта, причем возвращено шведам все у них захваченное.

Понесенные войсками Баркляя тяжкие труды не пропали даром: они отразились на событиях, свершившихся на севере. Шведские войска были разбросаны там на широких квартирах между Торнео и Питео. К концу февраля граф Шувалов стянул к Кеми около 4000 человек. Как только прекращено было перемирие, шведы начали стягиваться медленно к Калликсе, в 70 верстах от Торнео, где стоял их небольшой авангард. Последний спешно отступил перед Шуваловым, бросив более 200 больных, часть оружия и продовольствие. Усиленными переходами (от 30 до 50 верст) наступал двумя колоннами Швалов, причем левая (генерал-майора Алексева) шла прямо по льду, обходя правый фланг неприятеля. Мороз был 30 градусов: у солдат коченели руки — они не могли стрелять. В 18 верстах, не доходя Калликса, шведский арьергард был настигнут, и Шувалов предложил капитулировать. Предложение было отвергнуто, и мы продолжали атаку; но весть о занятии Умео заставила Гриппенберга сложить оружие.

У Калликса сдалось до 7000 шведов, из них 1600 больных; орудий взято 22, знамен 12. Это единственный серьезный успех зимней кампании. Шведы на мир не пошли, как только мы сдержали обещание, и отошли назад в Финляндию. Не воспользовавшись исключительно благоприятной обстановкой внутренней смуты в государстве для захвата столицы, мы вынуждены были продолжать войну и нести новые жертвы, чтобы добиться мира на необходимых для нас условиях.

Весенняя кампания 1809 г. начата была наступлением графа Шувалова; 26 апреля он уже достиг Питео, а 2 мая был в 10 верстах от Шелефтё, где находился шведский продовольственный магазин под прикрытием отряда около 1000 человек. Шувалов держался прежнего плана: одной колонной наступал с фронта берегом, а Алексеева послал по державшемуся еще у берегов льду в обход. Это изумительно смелое движение Алексеева по слабой ледяной поверхности решило дело: шведы капитулировали, окруженные с двух сторон. Это было 3 мая, а 5-го, через два дня, залив очистился совершенно.

Новый шведский главнокомандующий граф Вреде, узнав об исходе столкновения у Шелефтё, послал на север Дебельна, которому поручил, не вовлекаясь в бой с противником, выиграть время, чтобы отойти от северной части Вестро-Ботнии и вывезти оттуда все продовольствие. Несмотря на трудность этой задачи, Дебельн справился с ней, пустив в ход ту же уловку, к которой прибегнул только что, на Аланде: он предложил Шувалову, ввиду несомненной близости мира и назначения уже даты переговоров, заключить до 20 мая перемирие. Шувалов поддался и приостановил наступление. Между тем, пока наш главнокомандующий готовил письменный ответ на предложение Дебельна, в Умео втайне и спешно шла погрузка шведских кораблей, которые и вывезли 17 мая на 300 тысяч рискдалеров имущества.

Шувалов был замещен Алексеевым, который, получив приказание энергично наступать, продвинулся к южной границе Вестро-Ботнии и прочно занял побережье.

У нас возникли трудности с продовольствием: местных средств не имелось, а все запасы были увезены фон Дебельном; подвоз морем был рискован — в Ботническом заливе господствовали шведы, — а сухопутьем через Торнео — длителен и дорогостоящ.

В двадцатых числах июня небольшая шведская эскадра (из трех судов) появилась в Ботническом заливе и сильно нас обеспокоила. Несмотря на все настояния главнокомандующего (Кнорринга сменил в этой должности Барклай-де-Толли), постройка морских плавсредств шла чрезвычайно

медленно; единственное крупное судно, присланное в Вазу, было разбито в бою шведами в Кваркене. В результате неприятель окончательно пресек нам морские сообщения с Вестро-Ботнией; в тылу у Алексеева начались народные волнения. Трудность положения побудила Алексеева ходатайствовать о дозволении отойти на север, ближе к своим магазинам, в чем ему было категорически отказано.

Тем временем шведы, желая хоть частным успехом воздействовать на ход предстоящих мирных переговоров, двинули вперед 3-тысячный отряд Сандельса в целях внезапного нападения на русские войска близ Умео. Но Сандельс, перейдя р. Эре, остановился и здесь сам был атакован Алексеевым, который узнал от местных жителей о замыслах шведов.

25 июня у Гернефорса мы внезапно атаковали Сандельса и заставили в беспорядке отступить, с потерей обозов и даже собственного багажа. Шведы опять запросили перемирия; мы ставили непременным условием свободное пользование морем к северу от линии Умео—Ваза для подвоза продовольствия. После получения согласия перемирие было подписано графом Каменским, поставленным во главе Вестро-Ботнийского корпуса.

Для достижения более выгодных результатов необходимо было иметь в Ботническом заливе достаточно сильный флот. Но в данное время, даже при условии готовности наших морских сил, это было невозможно, так как в Финском заливе водворилась сильная английская эскадра.

Положение Каменского было трудным: нехватка продовольствия стала крайне ощутимой. А между тем переговоры в Фридрихсгаме осложнились, и шведы не приняли наших условий перемирия, ибо у них возник новый замысел добиться менее тяжелого исхода войны.

Составлен был план совместного нападения с двух сторон на графа Каменского. Эскадре барона Пуке надлежало принять 8-тысячный десант графа Вахтмейстера и, высадившись у Ратана (в двух переходах севернее Умео), атаковать Каменского в тыл, в то время как Вреде, примерно с такими же силами, будет напирать на него с фронта.

Но не таков был Каменский, чтобы пассивно ждать нападений. Он еще прежде решил, если понадобится, «искать продовольствия у самого неприятеля»; когда же окончательно выяснилось, что на наших условиях перемирия ждать нечего, Каменский открыл наступление, распорядившись следующим образом: войска, охранявшие побережье от Шелефте до Умео, он стянул близ Ратана, прикрывая свой тыл на случай высадок; с остальными же войсками решил переправиться через реку Эре и теснить неприятеля, рассчитывая пополнить в новых местах продовольствие и оказать своим наступлением влияние на скорейшее заключение мира.

Из Умео Каменский выступил двумя колоннами, состоящими из двух эшелонов каждая, и беспрепятственно совершил первый переход, но тут из Ратана пришло донесение о появлении там неприятельского флота «более нежели из 100 судов» и начале высадки. Оказавшись между двух огней, Каменский должен был решить, кому из противников отдать предпочтение. Он выбрал десант, как противника сильнейшего и опаснейшего (захват единственного пути отступления). Искусно распределив свои силы, Каменский тотчас же повернул последний эшелон Сабанеева на поддержку Фролова, головному эшелону левой колонны Эриксона приказал демонстративно атаковать переправы на реке Эре, привлекая внимание Вреде, а всем остальным войскам как можно быстрее идти за отрядом Сабанеева, который становился авангардом.

Все эти операции происходили 5 августа; в этот же день шведы оттеснили Фролова и перехватили сообщения Каменского. Но шведы промедлили целый день 6-го, благодаря чему Каменский, форсируя свой марш, провел через Умео все эшелоны, несмотря на попытку неприятеля войти с канонерками в реку и помешать переправе.

В течение всего дня 6-го Эриксон делал попытки перейти реку Эре, обманывая Вреде, а ночью отступил вслед за прочими к Умео.

7 августа Каменский, не теряя времени, с наличными войсками (всего около 5000) атаковал Вахмейстера у Севара; остальным же, приняв на себя Эриксона, велел задерживать Вреде у Умео. Ввиду слухов о приближении русских, Вахмейстер

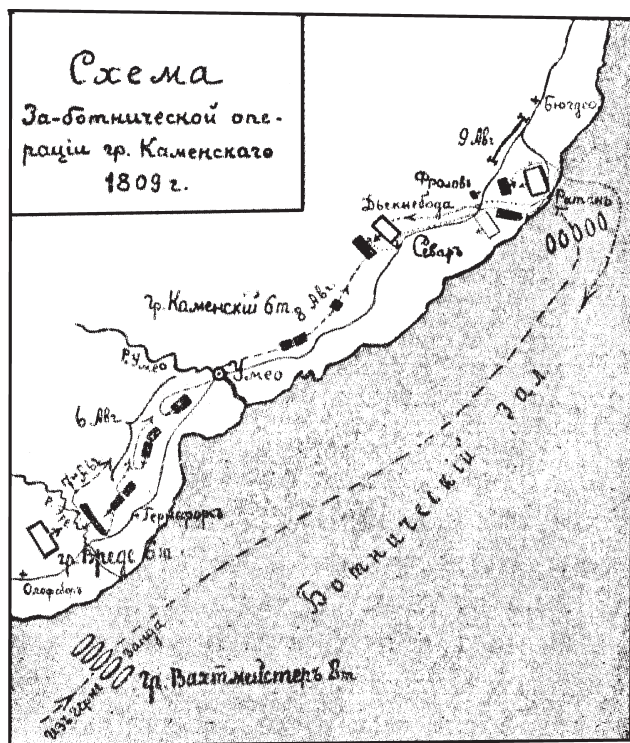

Схема операции графа Каменского 1809 г.
на берегу Ботнического залива

разбросал свои силы, стараясь прикрыть все пути, по которым можно было обойти его позицию. Каменский же повел почти все свои войска по главной дороге, для атаки с фронта, послав только два батальона бродом вдоль берега моря в обход слева.

Завязавшийся упорный бой на главной береговой дороге, верстах в трех впереди Севара, привлек резервы Вахтмейстера и вызвал целый ряд кровопролитнейших атак с обеих сторон. Это дало возможность нашей обходной колонне завершить свое движение и грозить неприятельскому тылу; но она нарвалась на крепкую позицию, преградившую ей доступ, где шведские егеря и лейб-гвардейцы королевы отражали все атаки.

Каменский поддержал обходную колонну полком и сам атаковал опять на фронте, рассчитывая этим облегчить ее положение. Но здесь ротный командир, штабс-капитан Шрейдер, охранявший у брода через реку Севар правый фланг Каменского, донес о том, что перед ним никого нет, и просил разрешения наступать вразрез между обеими группами противника. Тотчас же Каменский ухватился за эту идею и отдал в распоряжение Шрейдера последние свои пять рот с приказанием двинуться через реку и выйти в тыл войскам, задержавшим Ансельма, тремя ротами, а другим трем — на север. Внезапное появление этих рот из-за кустарников там, где у шведов не было ни одного дозора, произвело потрясающее действие. Левое их крыло пришло в полное расстройство, а затем поспешно отступил и сам Вахтмейстер. Ложное известие об обходе Каменского берегом к самому Ратану привело Вахтмейстера в смятение и заставило поспешить к побережью, чтобы не быть отрезанным от своих судов. Таким образом, он освободил береговую дорогу, которую Каменский и поспешил занять.

Выяснив, что все силы шведов отошли к Ратану, Каменский тотчас же двинулся на них и атаковал на тесном пространстве вокруг Ратанской гавани, в охват обоих флангов. Ввиду необходимости идти по лесным тропам, Каменский, во избежание задержки движения, оставил всю артиллерию на главной береговой дороге, а пошел только с двумя пушками. Прижав противника к морю, Каменский не ожидал нанести ему существенного вреда, так как шведы могли воспользоваться поддержкой своих судов. Но дух неприятеля был так ослаблен, что решено было заключить перемирие с условием свободной посадки на суда в обмен на полную для нас свободу судоходства в северной части Ботнического залива.

В этих двух боях неприятель потерял до 2000 человек, из них до 500 пленными; мы потеряли около 1500 человек, причем в основном — в бою под Севаром.

В день Ратанского боя Вреде уже наступал к Умео; на том берегу реки виден был русский редут и грозно торчали дула четырех орудий. В действительности слабый арьергард под-

полковника Карпенкова не имея артиллерии, поставил четыре крашенных бревна, которые довольно долго удерживали шведских стрелков от нападения; а тем временем вернулся Эриксон и обстрелял Вреде настоящей артиллерией; к утру же 10-го сюда подошли еще семь батальонов, высланных Каменским. Вреде, получив известие об участии Вахтмейстера, приостановил переправу и отступил.

Блестящий успех Каменского не избавил его, однако, от необходимости временно отойти к Питео для пополнения запасов из прибывшего с моря из Улеборга транспорта.

Когда Каменский совершенно изготовился к новому наступлению, наконец получено было известие о заключении 5 сентября 1809 г. Фридрихсгамского мира, по которому последние «шесть губерний» Финляндии отошли «в собственность и державное обладание Империи Российской».

Император Александр, объявляя манифест от 1 октября об окончании войны, воздал должное доблести русского воинства, кровью которого добыта была каждая пядь «сурового» финляндского края:

«От самых отдаленнейших времен до дней наших, от славных побед благочестивого предка нашего св. великого князя Александра Невского до настоящего мира редко проходило двадесять лет сряду, и никогда почти не протекало полвека, чтобы война не возникла...

По следам древних побед, в странах, где Петр Великий приучал россов к воинской славе, доброе наше воинство, мужественно подвизаясь, преоборая все препятствия, по глыбам льда проникая в места непроходимые, от пределов, к столице нашей близких, простерло славу российского оружия до самых отдаленнейших стран Севера: покорив Финляндию, завладело всеми ее пределами, одержало знаменитые острова Аландские и, объяв Ботнический залив, перейдя западную Ботнию, на отдаленных пределах ее утвердило свое обладание...

Сей твердою надеждою, постановлением Империи нашей непреложных и безопасных границ, измеряем мы наипаче выгоды сего мира. Новые владения наши, с одной стороны, огражденные Свеаборгом и другими крепостями, обеспечен-

ные весьма важным для морской силы положением Аландских островов, с другой — окруженные от соседей большими реками Торнео и Муонио, всегда будут составлять твердую и незаблемую ограду Империи нашей...

Обладая всеми портами и пристанями в Финляндском заливе, на Аландских островах и во всей восточной части Ботнического залива до самого Торнео, в стране плодоносной, изобилующей лесами и всякими произведениями земли... [с] народом трудолюбивым и к мореходной промышленности издревле приобвыкшим, торговля наша воспримет новое расширение, купеческое мореплавание получит новую деятельность, а с тем вместе и воинское наше морское ополчение приобретает новые силы...»

Вот каковы были упования...

Война 1808—1809 гг. не утратила своей поучительности, несмотря на многие ошибки. Мы не видим в ней стройного взаимодействия сухопутных и морских сил; но она дает образцы действий на своеобразной местности Финляндии при самой разнообразной обстановке.

Русско-турецкая война 1806—1812 гг.

*П. М. Андрианов, подполковник
Генерального штаба*

Обстановка перед войной

Силы враждующих сторон ♦ Театр войны ♦ Предпосылки к развертыванию боевых действий со стороны России и Турции

В блестящий век царствования Екатерины II Россия впервые поколебала могущество Турецкой империи.

В начале XIX в. Россия, в составе коалиции европейских государств, увлечена была борьбой с Наполеоном. Как дальновидный и искусный политик, Наполеон стремился ослабить Россию, в которой видел самого опасного для себя противника, и прилагал все усилия, чтобы нарушить ее мирные отношения с Турцией. Блестящая аустерлицкая победа возвысила престиж Наполеона и поколебала политическое значение его врагов. Считая Россию ослабленной борьбой с Наполеоном, Турция в 1806 г. резко изменяет курс своей политики. Мечтая о возвращении Крыма и черноморских земель, Турция спешно готовится к новой войне с Россией, не скрывая уже своих явно враждебных замыслов. Император Александр I, увлеченный борьбой с Наполеоном, понимал всю несвоевременность для России новой войны с Турцией. Однако после безрезультатных попыток заставить Турцию исполнять свои обязательства, вытекавшие из ранее заключенных мирных договоров, Александр I должен был нарушить мир. Осенью 1806 г., спасая на Висле Пруссию от окончательного разгрома ее Наполеоном, Россия

одновременно вынуждена была для защиты своих нарушенных интересов втянуться в долгую и упорную борьбу на южном фронте.

Силы враждующих сторон. Для борьбы с Турцией Россия могла выставить лишь незначительную часть своей регулярной армии. Главная масса русских войск сосредоточена была в западном крае и в Восточной Пруссии. В октябре 1806 г. двинута была в Бессарабию 35-тысячная армия под начальством генерала от кавалерии Михельсона. Эта небольшая числом русская армия отличалась прекрасными боевыми качествами. В рядах войск можно было насчитать много ветеранов — участников суворовских походов. Прежние войны с турками послужили прекрасной боевой школой для русских войск. Выработаны были рациональные приемы ведения борьбы против своеобразного врага. Реформы императора Павла не искоренили в войсках тех настоящих боевых приемов ведения войны и боя, которые усваивались солдатами не при разводах и парадах, а в тяжелых походах и в кровавых боях Румянцева и Суворова.

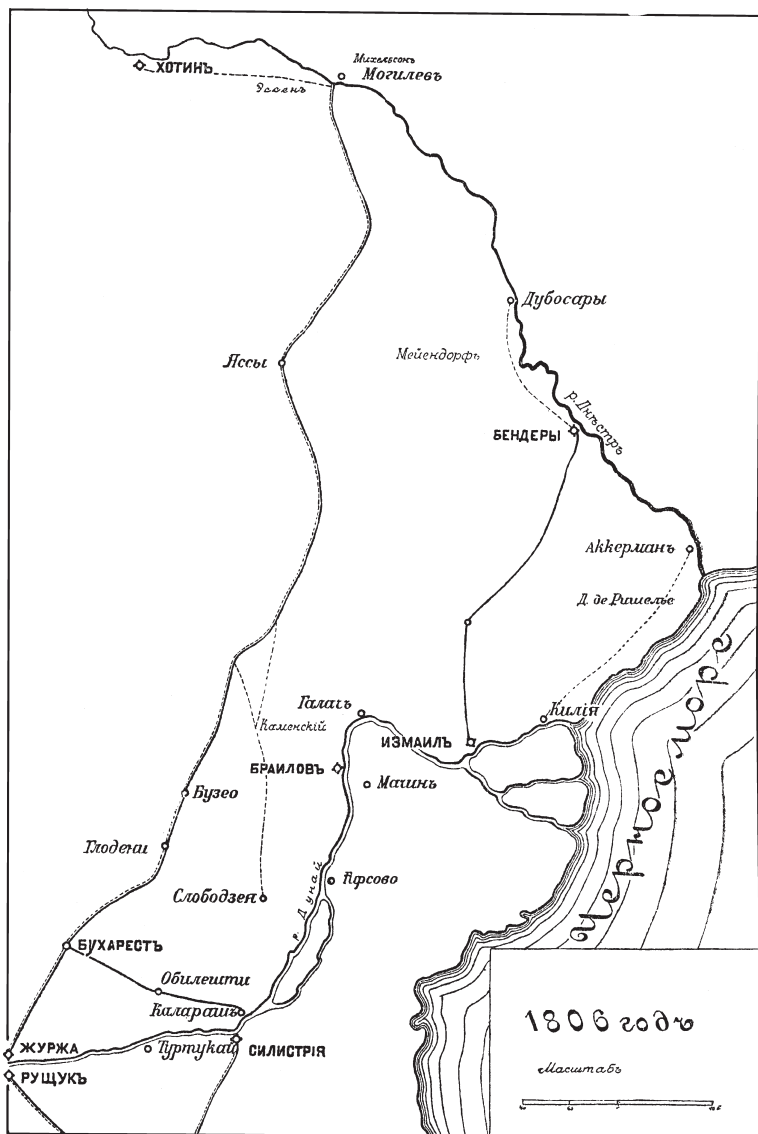
Турция, как и во времена предыдущих войн с Россией, не имела постоянной регулярной армии. Многочисленный корпус янычар продолжал играть первенствующую роль, как вооруженная сила страны. Политическое влияние янычар в это время было весьма велико. Неограниченные повелители правоверных — турецкие падишахи — должны были во всех делах своих по управлению страной и даже во внешней политике считаться с настроением янычар. При возрастающем политическом влиянии янычары утрачивали те исключительные боевые качества, которые в свое время создали им славу непобедимых, сделали их грозой христианских народов Южной Европы. Недостаточность выучки, отсутствие единства в действиях и пассивность отмечены были в предыдущих войнах, когда янычарам пришлось столкнуться с новым грозным врагом на северном фронте. Все же и при указанных недостатках корпус янычар был ядром, основой турецкой армии. Вокруг корпуса янычар в минуту бедствий по призыву султана собиралась армия, состоявшая из необученных ополченцев, лихих наездников, полу-

диких кочевников, являвшихся по зову своего повелителя из отдаленных мест азиатских стран. Эта толпа была превосходным военным материалом, но без необходимой выучки, без дисциплины, слишком впечатлительной ко всем боевым неудачам и малопригодной для крупных наступательных операций. Кроме центральной армии, поступавшей в ведение великого визиря, правители областей и коменданты крепостей имели в своем распоряжении войска, почти совершенно независимые от центральной власти. Подготовка, снаряжение и вооружение этих провинциальных войск полностью зависела от талантов их начальников. Войска эти были чрезвычайно разношерстны, не имели никакой спайки между собой и действовали исключительно для защиты районных интересов.

Как общую черту, свойственную всем турецким войскам, нужно отметить их исключительную способность к обороне как в полевых окопах, так и за крепостными стенами, где они всегда проявляют упорное сопротивление. В короткий срок войска возводили мастерские инженерные укрепления, создавали искусственные преграды перед фронтом и т. п.

Численностью своей турецкая армия во все периоды войны значительно превосходила русскую, что не могло возместить недостаток выучки и отсутствие должного единства в управлении и действиях.

Театр войны. Театром военных действий являлись Бессарабия, составлявшая турецкую провинцию, Молдавия и Валахия, так называемые Придунайские княжества, признававшие верховную власть падишаха, и придунайская Болгария. Обширный театр военных действий ограничивался на востоке рекой Днестром и побережьем Черного моря, на севере — землями венгерской короны, на западе — рекой Моравой и на юге — Балканским хребтом. Местность всюду носит степной, равнинный характер. Лишь на севере Валахии вздымаются отроги Трансильванских гор, а к югу от Дуная недалеко начинаются предгорья Балкан. Единственными преградами для наступающей с северо-востока русской армии служили крупные реки: Днестр, Прут, Дунай. При движении к югу от Дуная вырастал на пути

Театр военных действий в 1806 г.

суровый Балканский хребет. Грунтовые дороги в дождливое время года покрывались толстым слоем невылазной грязи. Села и города встречались на пути редко. Плодородные поля обеспечивали хорошие урожаи, и войска могли рассчитывать на обильные продовольственные средства. Антигигиенические условия жизни в населенных пунктах, а вместе с тем обилие плодов земных часто вызывали повальные эпидемии дизентерии, тифа.

Владея краем и проживая среди покоренных народов, турки возвели множество крепостей. Линия Днестра прикрывалась на флангах крепостями Хотином и Бендерами. Дунай протекал между рядом крепостей: на левом его берегу расположились Турно, Журжево, Браилов, Измаил и Килия; на правом — Видин, Никополь, Рахово, Руцук, Туртукай, Силистрия, Гирсово, Тулча, Мачин, Исакча. Ключом западных Балкан служила сильная крепость Шумла, а западное черноморское побережье усилено было крепостями Кюстенджи и Варна.

Симпатии населения почти на всем театре войны были на стороне русской армии, одно появление которой поддерживало в местных жителях радостную надежду на лучшее будущее, когда при помощи России спадут тяжкие цепи рабства.

Планы сторон. Начиная войну лишь в силу необходимости, под давлением вызывающего поведения Турции, Россия намечала ближайшим объектом действий для своей армии Дунайские княжества. Захват княжеств приближал Россию к Дунаю, который император Александр считал естественной границей Российской империи в юго-западном углу.

Турция, рассчитывая на содействие Наполеона, надеялась возвратить черноморское побережье и восстановить границы своих владений в тех пределах, какие она занимала до екатерининских войн. Таким образом, обе стороны готовились действовать наступательно. При таких планах особенно важное значение представляло для той и другой стороны обладание линией реки Дуная. У этого великого рубежа, главным образом, и разыгрались кровавые события грядущей войны.

Первый период войны: с 1806 по 1808 г.

Сражение у Обилешти ♦ Эрфуртская союзная конвенция

Когда неизбежность нового столкновения с Турцией стала очевидной, русская армия генерала Михельсона ранней осенью 1806 г. стала постепенно стягиваться к Днестру на участке Могилев—Ямполь. Отсюда шел главный операционный путь нашей армии в столицу Валахии — Бухарест. Еще до официального объявления войны главная квартира армии получила повеление государя перейти турецкую границу и занять Придунайские княжества.

9 ноября 1806 г. русские войска пятью отдельными колоннами вступили в пределы турецких земель. Вслед за этим капитулировала крепость Хотин. Главные силы русской армии переправились через Днестр у Могилева и двинулись через Яссы к Бухаресту. После упорного сопротивления турки были выбиты из города и в беспорядке бежали за Дунай. Наступая к Бухаресту, Милорадович выделил из Ясс особый конный отряд князя Долгорукого, который и занял без сопротивления Галац.

За главными силами переправилась через Днестр колонна генерала Каменского 1-го, направленная к крепости Силистрии, но остановилась на реке Яломице, у Слободзеи, и отсюда установила наблюдение за Дунаем на участке Туртукай — Галац.

Четвертая колонна генерала Мейендорфа переправилась через Днестр у Дубоссар. Эта колонна должна была прикрыть операции главных сил со стороны левого фланга против турецкой крепости Бендеры. 23-го Мейендорф был уже под валами Бендер. Турецкий паша, едва лишь узнал о прибытии русских, вступил в переговоры о свободном выходе к Измаилу. Покончив с Бендерами, Мейендорф подступил 16 декабря к Измаилу.

Турки, располагая в Измаиле 18-тысячным гарнизоном, произвели вылазку, но потерпели неудачу. Однако наступившая стужа и недостаток припасов заставили Мейендорфа отойти в местечко Фальчи на Пруте. Здесь к нему в конце декабря присоединилась пятая колонна Дюка де-Ришелье,

которая предварительно овладела двумя турецкими крепостями: Аккерманом и Килией.

Таким образом, почти не встречая сопротивления, русская армия овладела территорией Бессарабии и Придунайских княжеств, в то время как многочисленные турецкие силы сидели в крепостях, ожидая султанского фирмана с объявлением войны. Это объявление последовало лишь 18 декабря, когда русские войска успели уже безнаказанно овладеть оборонительными линиями Днестра и Прута и приблизиться к третьей линии — Дунаю.

Кампания 1807 г. началась в зимний период. Обе стороны почти одновременно перешли в наступление.

Турки собрали войска у крепостей Журжево и Силистрия для нанесения удара главным силам русских, к югу от Бухареста. Чтобы облегчить эту задачу, решено было произвести демонстративные действия в тыл русским. Особый 7-тысячный отряд, выделенный из состава Измаильского гарнизона под начальством Пеглеван-Оглу, столкнулся у деревни Куйбей с авангардом генерала Воинова от отряда Мейендорфа. После нерешительного боя 13 февраля обе стороны разошлись.

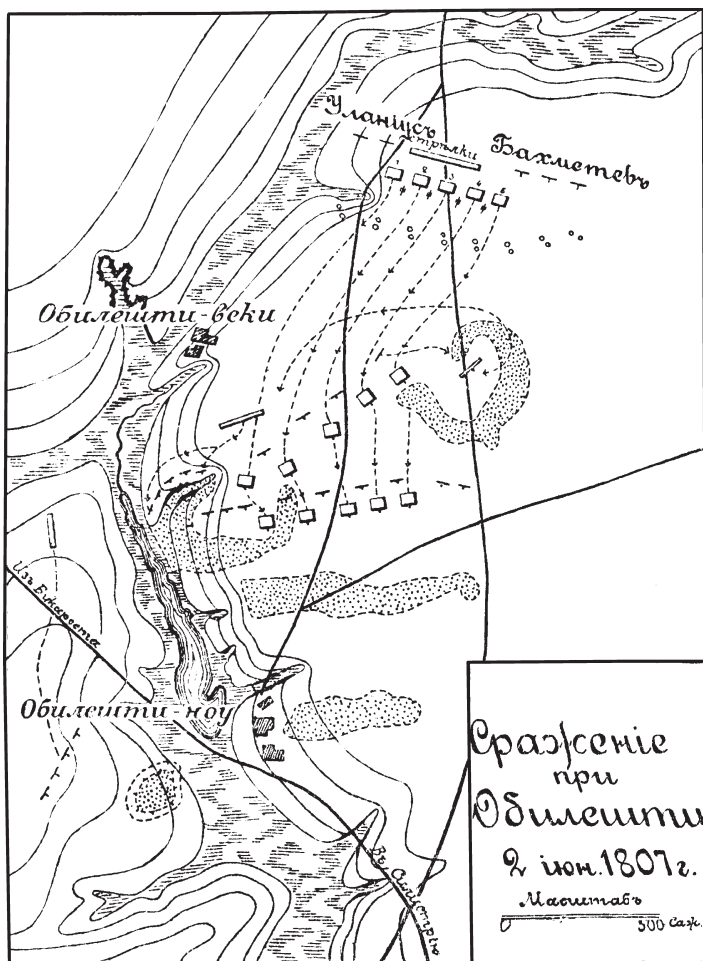
Первой целью нашего главнокомандующего было овладение Измаилом. Для этого предназначался ближайший к крепости отряд Мейендорфа. Для обеспечения операции решено было одновременно двинуть отряд Милорадовича к Журжево и отряд Каменского 1-го к Браилову.

В первых числах марта, двигаясь в распутицу, Мейендорф подошел к Измаилу. Обложив крепость с запада, севера и востока и примкнув флангами к Дунаю, Мейендорф выслал особые наблюдательные отряды в направлении на Браилов, Бендеры и Аккерман. Энергичный комендант Измаила Пеглеван-Оглу 6 марта произвел вылазку. Понеся большие потери, турки обратились в бегство. Русский отряд под Измаилом ограничился только блокадой крепости, так как осадную артиллерию должна была доставить наша флотилия, вошедшая уже в Сулинское гирло Дуная. Здесь суда наши не могли миновать сильной Сулинской крепости, обстреливавшей десятками орудий узкое гирло реки. Операции под Измаилом затянулись.

Отряд Милорадовича (15 батальонов, шесть эскадронов и два казачьих полка), подойдя 14 марта к Журжево, на следующий день атаковал передовую укрепленную позицию турок. После упорного боя турки отступили к крепости, но 6-го сильный 18-тысячный турецкий отряд в свою очередь атаковал Милорадовича. Генерал Михельсон, находившийся при этом отряде, двинул войско в контратаку. Искусно маневрируя, русские войска, обойдя фланг турок, угрожали пути отступления в крепость: наша артиллерия картечным огнем обстреляла густую толпу врага. С большими потерями турки бежали под защиту крепостных орудий.

Когда происходили эти первые боевые схватки, армия великого визиря (25 тысяч пехоты, 15 тысяч конницы и 80 орудий) находилась далеко за Дунаем. Вести о наступлении русских войск заставили визиря поторопиться. В апреле его армия сосредоточилась в Силистрии и теперь решено было развить наступательные действия. Внимание турок обращено было на группу войск Милорадовича, прикрывавшую с юга Бухарест. План турок заключался в одновременном ударе на Милорадовича со стороны Силистрии — армией великого визиря и со стороны Журжева — войсками рушукского паши. Последние должны были прервать связь между отрядом Милорадовича и восточными группами русских войск. Задуманное турками наступление, однако, надолго было отложено вследствие дворцового переворота, посадившего на трон Мустафа. Лишь в исходе мая 16-тысячный турецкий отряд, под начальством Али-паши, переправился через Дунай у Калараша и двинулся на Обилешти, надеясь здесь обрушиться на русских.

Сражение у Обилешти. Намерения турок, благодаря услужливости местного населения, заблаговременно стали известны Милорадовичу. Оставив часть сил для прикрытия Бухареста, он решил с 7-тысячным отрядом двинуться сперва против сильнейшего Али-паши, а затем, покончив с одним из врагов, обрушиться на отряд, наступающий из Журжева. 31 мая русские двумя колоннами выступили из Бухареста к Обилешти. Движение колонн прикрывалось на флангах особыми конными отрядами.

Сражение при Обилешти 2 июня 1807 г.

Али-паша, достигнув Обилешти, расположил свой отряд на позиции к северу от местечка. Левый фланг позиции был прикрыт болотистой долиной ручья, правый открыт. По обыкновению, турки укрепили лагерь несколькими линиями траншей. Получив от казаков сведения о расположении турок,

Милорадович, после ночного марша, на рассвете 2 июня приблизился к турецкому лагерю. В трех верстах от позиции турок наши войска перестроились из походных колонн в боевой порядок. Пехота стала в две линии: в первой линии для отражения возможных атак турецкой конницы — пять каре; во второй линии — развернутые роты егерей как резерв первой линии. В интервалах между пехотными каре расположилась артиллерия. Гусары и казаки стали на флангах, равняясь на вторую линию пехоты. В таком порядке наши войска стали медленно приближаться к турецкой позиции.

Предупреждая нашу атаку, Али-паша бросил вперед свою конницу. Лихие турецкие наездники густой массой устремились на фронт и левый фланг русского отряда. Густая картечь и дружные залпы пехоты отразили эту атаку. Несколько раз турки повторяли удар, но безуспешно. Наш боевой порядок подошел вплотную к турецким окопам и после короткой перестрелки стремительно бросился в штыки. После отчаянного сопротивления, меняя несколько позиций, турки, наконец, обратились в бегство. Гусары и казаки долго преследовали бегущих.

В этом бою турки потеряли свыше 3000 человек, наши же потери не превысили 300. Полное поражение отряда Али-паши произвело сильное впечатление на турок. Великий визирь, переправившийся было через Дунай у Калараша, поторопился уйти опять на правый берег.

Покончив с одним врагом, Милорадович, не теряя времени, бросается против другого, спешит к Бухаресту, которому с юга угрожали войска рушукского паши (из Журжева), и проходит 100 верст за четыре дня с боем у Обилешти и преследованием Али-паши. Получив известие о поражении Али-паши, журжевский паша поспешно отступил.

Таким образом, к началу лета 1807 г. Придунайские княжества находились во власти русских, и лишь Дунай с его многочисленными крепостями представлял серьезную преграду на дальнейшем пути нашей армии. Главнокомандующий готов был приступить к форсированию этой преграды, но тут поступило распоряжение Александра I воздержаться от наступательных действий против турок.

Тильзитский мир, установивший новый курс нашей политики, предусматривал также отношения России к Турции. Согласно параграфу 22 договора, Придунайские княжества обращались в нейтральную полосу между Россией и Турцией. Наши войска должны были отойти из княжеств, а турки — уйти за Дунай (на правый берег). В заключенном 12 августа перемирии в местечке Слободзеи обе стороны оговаривали следующие условия: 1) военные действия на суше и на море прекращаются до 3 апреля 1808 г.; 2) обе стороны отводят войска из Молдавии и Валахии; 3) в Браилове и Измаиле остаются турецкие гарнизоны.

Во время переговоров уполномоченных скончался главнокомандующий генерал Михельсон. Его заместитель, генерал Мейендорф, утвердил договор и, не дождавшись одобрения государя, вывел русские войска из Придунайских княжеств и Бессарабии. Это решение генерала Мейендорфа вызвало недовольство государя. Новым главнокомандующим был назначен князь Прозоровский. Ему даны были полномочия на подписание мира, но на более выгодных для России условиях.

Итак, первый период войны, с 1806 по 1807 г., был ознаменован успехом русского оружия. Быстрый захват Бессарабии с ее окрестностями (Хотин, Бендеры, Аккерман) и Придунайских княжеств сразу отдавал во власть России огромную территорию и придвигал нашу армию к оборонительной линии Дуная. Попытка турок вернуть княжества и вытеснить наши войска успехов не имела. Победы Михельсона и Милорадовича создали благоприятную обстановку для дальнейших наступательных действий.

Лето 1807 г. было вполне благоприятным для продолжения решительной борьбы с турками за обладание Дунаем, и заключение перемирия вредно отразилось на стратегическом положении русской армии.

Эрфуртская союзная конвенция. На основании Тильзитского договора посредничество между враждующими сторонами принял на себя Наполеон. Переговоры были перенесены в Париж. Дело затянулось. Наполеон признал Дунай пограничной линией между Россией и Турцией. Бессарабия,

Молдавия и Валахия должны были отойти к России. Такой результат Эрфуртской конвенции, конечно, был чрезвычайно выгоден России, но турецкое правительство не было склонно без борьбы отдавать своему опасному врагу огромную часть турецких земель. Чтобы утвердить свои права, Россия вынуждена была вступить в новую борьбу с Турцией. Эта борьба, начавшись при благоприятной политической обстановке в 1809 г., когда на нашей стороне был Наполеон, блестяще завершилась в 1812 г., накануне вторжения в Россию «великой» армии.

Второй период войны: с 1809 по 1812 г.

Последствия отказа Турции принять условия Эрфуртской конвенции
◆ Осада Силистрии ◆ Результаты кампании 1809 г. ◆ Боевые успехи графа Каменского в качестве главнокомандующего: взятие Силистрии, падение крепости Рушук ◆ Назначение Кутузова главнокомандующим
◆ Ратификация Бухарестского мира ◆ Итоги войны

10 марта 1809 г. Порте был послан ультиматум с предложением принять условия Эрфуртской конвенции. Отказ Турции послужил сигналом к возобновлению военных действий, прерванных летом 1807 г. Предписывая князю Прозоровскому начать военные действия против турок, император Александр писал: «Положение дел заставляет меня нанести Порте сильный и сокрушительный удар, дабы, покончив с нею, я мог располагать армией, вам вверенной, смотря по обстоятельствам...» Государь, несмотря на союз с Францией, очевидно, уже в 1809 г. предвидел возможность новых осложнений в Европе и, естественно, желал поскорее покончить дело с турками. Однако престарелый главнокомандующий не способен был к энергичной и решительной деятельности, которая столь уместна при борьбе с таким эмоциональным и энергичным врагом, как турки.

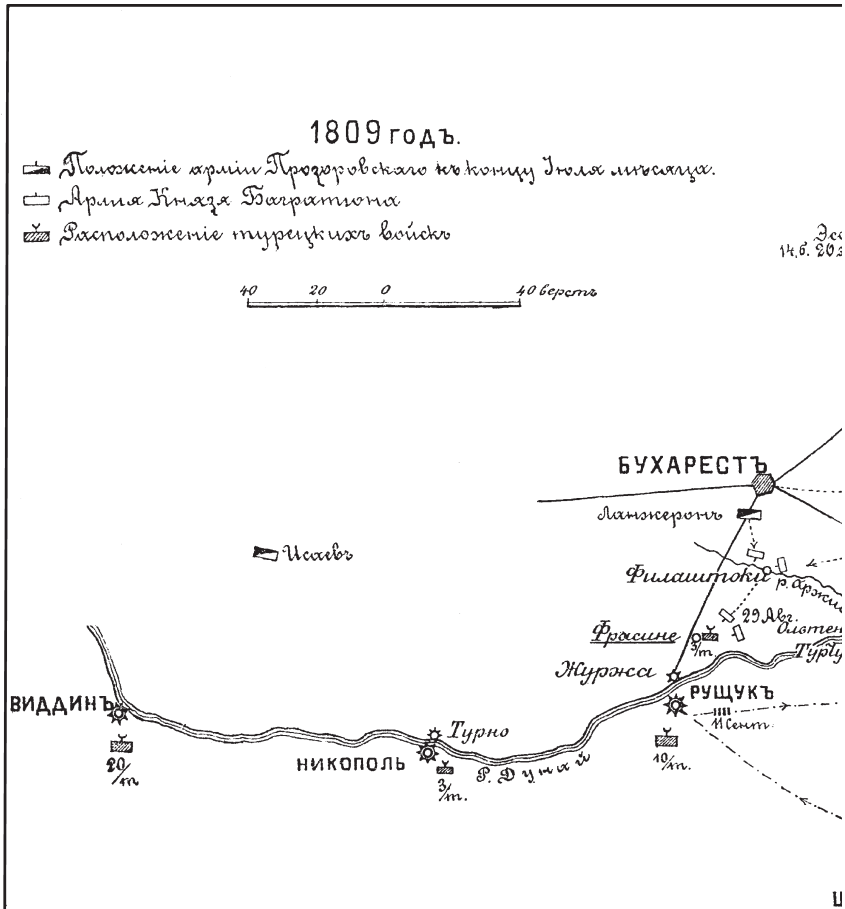
К весне 1809 г. в рядах русской армии насчитывалось до 80 тысяч бойцов. Как только подсохли дороги, армия наша вступила в пределы княжеств и развернулась на фронте Крайова—Бендеры.

Турки по-прежнему имели сильные гарнизоны в придунайских крепостях, полевая же 80-тысячная армия под начальством великого визиря собиралась на Балканах, в окрестностях Шумлы.

План нашего главнокомандующего заключался в следующем: сначала овладеть сильными крепостями на левом берегу Дуная, а затем перенести операции на правый берег, в пределы придунайской Болгарии. Объектом действий для русских войск одновременно намечались крепости Измаил, Браилов и Журжево; способ овладения — штурм открытой силой. Для атаки Журжева предназначался корпус Милорадовича (22 батальона, 15 эскадронов, 12 сотен). 22 марта корпус выступил из Бухареста, и на рассвете 24-го наши войска пошли на приступ, но гарнизон оказал мужественное сопротивление. С потерей 700 человек Милорадович отошел к Бухаресту.

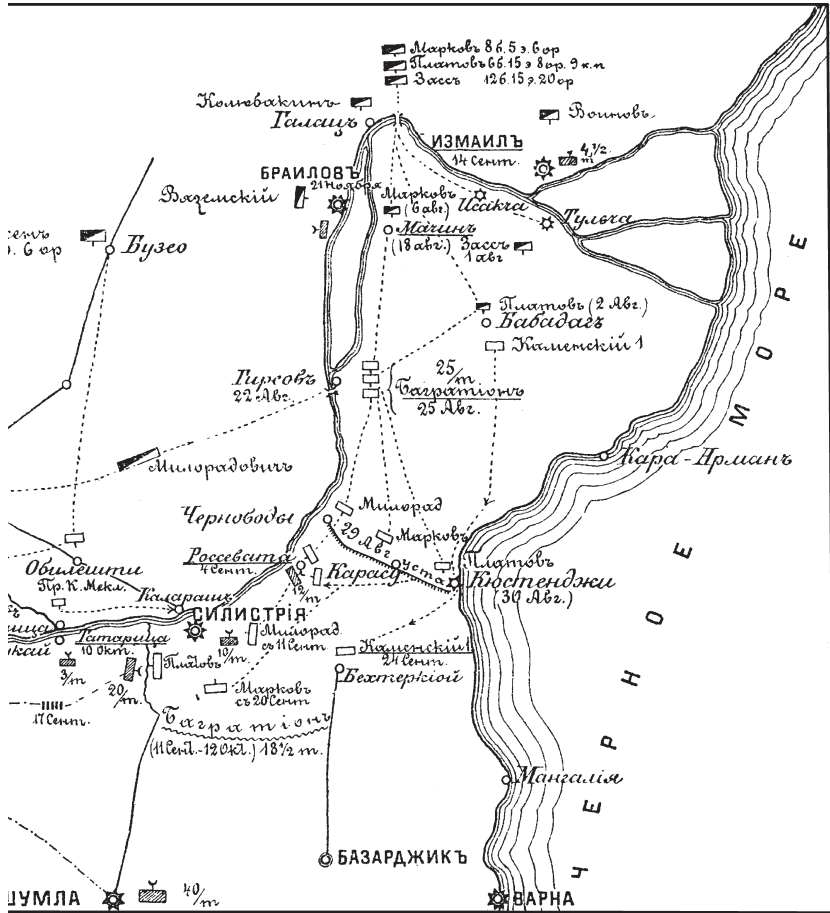
8 апреля к Браилову подошел корпус Кутузова. Одновременно на Дунае появилась наша речная флотилия. Крепость была обложена со всех сторон. Для штурма крепости корпус Кутузова разделен был на три колонны. Штурм предполагался внезапный для врага, ночной. В 11 часов ночи 19 апреля войска двинулись к валам. Левая колонна, вырвавшись вперед, спустилась в ров; здесь приостановилась и открыла огонь. По тревоге турки спешно заняли свои места и дружными залпами при свете горящих факелов и осмоленных бочек встретили штурмующих. Бой длился до рассвета. Наши колонны упорно шли на валы, но враг сбивал шеренгу за шеренгой. Рвы бруствера устланы были трупами штурмующих. Только по приказанию Прозоровского наши колонны отступили. При этом кровопролитном штурме мы понесли потери 2200 убитыми и 2350 ранеными. Неудачный штурм вызвал упадок духа в войсках. Особенно неудачи под Журжевом и Браиловом повлияли на настроение и без того уже больного главнокомандующего.

Император Александр предписывал отказаться от малоуспешной осады крепостей, двинуться за Дунай, перейти через Балканы и под стенами Константинополя принудить врага к заключению выгодного для нас мира. Но князь Про-

зоровский не столько думал о движении к Балканам, сколько озирался назад, беспокоясь за свой тыл. Он опасался, что Австрия, с которой мы, как союзники Наполеона, должны были воевать, ударит в тыл нашей Дунайской армии.

После первых неудачных боевых столкновений наша армия почти три месяца, до конца июля, не предпринимала решительных действий. В конце июля приступили к подготовке к переправе через Дунай у Галаца. Для прикрытия опе-

Кампания 1809 г.

раций с тыла в Бузео расположен был корпус Эссена. В последних числах июля войска, назначенные для переправы, стягивались к Галацу. В первую очередь переправился авангард под начальством генерала Засса в составе 12 батальонов, 15 эскадронов, 12 сотен и 20 орудий.

31 июля авангард овладел без боя крепостью Исакей, а на следующий день Тульчей. Вслед за авангардом переправился корпус Платова, расположившийся к югу от Галаца,

на Бабадагских высотах. В следующую очередь переправился корпус Маркова и продвинулся к Мачину.

Из Бухареста к Галацу подходил корпус Милорадовича. Во время этих передвижений скончался престарелый главнокомандующий князь Прозоровский. В командование армией вступил князь Багратион, любимый ученик и сподвижник Суворова. Новый главнокомандующий, развивая начавшуюся операцию, наметил ближайшим объектом действий для главных сил Дунайской армии крепость Силистрию. При походе к Силистрии нужно было овладеть Мачином и Гирсовом. Оставшиеся же на левом берегу Дуная войска предназначались для овладения Браиловом и Измаилом. Отряд генерала Маркова после трехдневной бомбардировки овладел 18 августа Мачином. Четыре дня спустя корпус Платова принудил к сдаче гарнизон Гирсова.

В конце августа у Гирсова были сосредоточены войска Милорадовича, Платова и Маркова, всего около 25 тысяч. С этими силами 26 августа Багратион двинулся к Силистрии. Действия этой группы войск против Силистрии должны были прикрывать на правом берегу Дуная (левый фланг и тыл) корпус Каменского 1-го (заменил генерала Засса), на левом берегу — корпус Ланжерона, действовавший против крепости Журжево.

Переправа русских войск через Дунай разрушила планы турок, которые готовились в свою очередь перейти через Дунай 60-тысячной армией у Калараша и, захватив Валахию, действовать в тыл русским войскам, отрезав их от Бессарабии. Теперь же угроза со стороны русских Силистрии заставляла отказаться от этого плана, так как силистрийский гарнизон уже не мог участвовать в задуманном наступлении.

В конце августа и в начале сентября в нескольких пунктах на театре военных действий произошли столкновения, благоприятные для русского оружия. У селения Фрасине, близ Журжева, корпус Ланжерона, после упорного четырехдневного боя разбил и отбросил авангард армии великого визиря к Журжеву. Этот авангард открывал наступление всей армии визиря к Бухаресту. 4 октября Багратион с главными силами атаковал укрепленную турецкую позицию

под Россеватой, близ Силистрии, и разбил турок, прежде чем на выручку россеватского отряда успели прибыть сильные подкрепления из Рущука. Россеватское поражение турок повлияло угнетающим образом на настроение измаильского гарнизона, и 14 сентября, после усиленной бомбардировки, крепость сдалась. Наши войска, осаждавшие Измаил, теперь назначены были наблюдать за приморской полосой Добруджи, чтобы предупредить возможную вылазку здесь турецких сил.

В середине сентября началась осада Силистрии. Крепость была обложена с суши и по Дунаю. Для последней цели назначили нашу речную флотилию, прервавшую сообщение Силистрии с Рущуком. Осаждающие войска имели в своем распоряжении, кроме полевой артиллерии, только семь осадных орудий. Едва лишь окончилось обложение крепости, как стало известно, что из Рущука на выручку Силистрии идет великий визирь со своей армией. 17 сентября авангард этой армии уже находился в Туртукае. Князю Багратиону приходилось разрешить трудную задачу: с 20-тысячной армией нужно было осаждать сильную крепость с 12-тысячным гарнизоном и выделить заслон против 30-тысячной армии визиря. Для встречи приближающейся армии визиря была выделена из состава осадных войск конница под начальством Платова. Особый отряд принца Мекленбургского из корпуса Ланжерона стал на левом берегу Дуная, у Ольтеницы, угрожая левому флангу приближающейся к Силистрии армии визиря. Турки беспечно подходили к крепости и 24 сентября нарвались на засаду, устроенную Платовым у д. Татарницы. Авангард армии визиря бежал, но шум битвы долетел до слуха силистрийского гарнизона. Обрадованный появлением в тылу у осажденных своих войск, гарнизон произвел дерзкую вылазку. Последняя была отбита, но свидетельствовала о бодром настроении силистрийского гарнизона.

Подтянув к Силистрии ближайшие отряды с обоих берегов Дуная, Багратион продолжал осаду, усилив лишь заслон против армии визиря девятью батальонами пехоты. Визирь, невзирая на благоприятную обстановку и превосходство в силах, не решался атаковать русских. Здесь резко сказыва-

лась неспособность к наступлению турецкой армии. Расположившись на высотах у д. Татарлица, визирь устроил укрепленную позицию, предоставляя русским почин действий. Тогда энергичный и сильный князь Багратион, помня заветы своего великого наставника, решил, невзирая на численный перевес врага, атаковать его. В самый разгар боя к туркам прибыл на помощь корпус албанцев, но и он не мог сломить стойкого натиска русской пехоты. Силистрийский гарнизон пытался оказать помощь своим и произвел вылазку, но за ним зорко наблюдали осаждающие наши войска и своевременно защитили тыл сражавшегося нашего отряда.

Почти десять часов длился упорный бой у д. Татарлица. Турки сбиты были с передовой укрепленной позиции, но укрепились за валами главной и не решались выйти в поле. Для атаки же главной, сильно укрепленной позиции Багратион не обладал достаточными силами. Бой с армией визиря 10 октября, таким образом, не имел решающего характера.

На следующий день к визирю стали прибывать новые подкрепления. Силы его росли, и положение наших осаждающих войск, имевших в тылу у себя многочисленную неприятельскую армию, становилось весьма опасным.

Полили дожди, наступило ненастье. Развившаяся эпидемия тифа косила ряды войск. Скучные средства для осады подходили к концу, не было никакой надежды на то, что в зимний период удастся овладеть Силистрией. При таких обстоятельствах Багратион предпочел прекратить осаду и отвести войска от Силистрии к Гирсову. Одновременно были приняты меры к более тесному обложению Браилова. 21 ноября эта крепость пала.

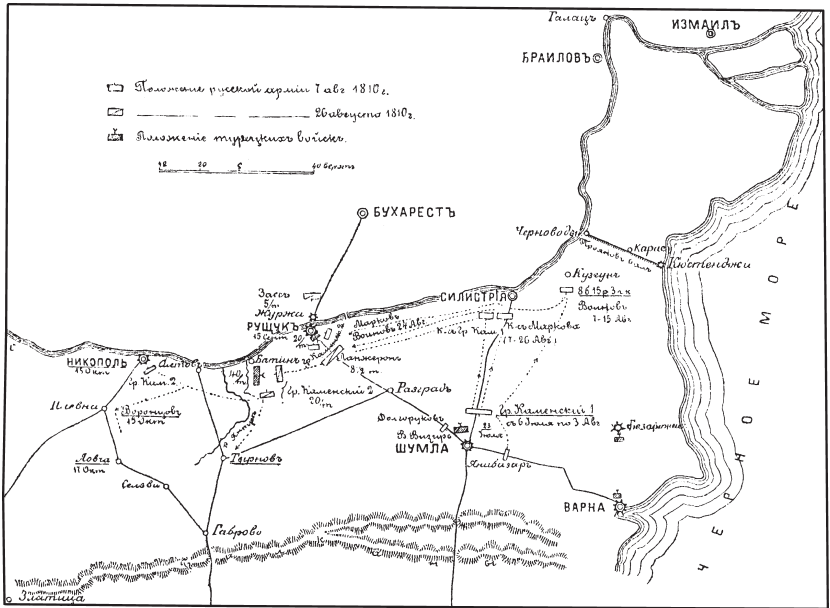
Результаты кампании 1809 г. выразились в овладении нашей армией течением реки Дуная от Гирсова до устья. Но ввиду неблагоприятных санитарных условий войска на зимние квартиры отведены были в глубь Молдавии и Валахии. Последняя мера, вызванная крайней необходимостью, произвела неблагоприятное впечатление в Петербурге. Здесь торопились окончить войну с Турцией ввиду новых грозных симптомов общеевропейской борьбы. В Петербурге считали необходимым самый решительный способ действий: уг-

розу столице Турции. Император Александр I решает еще раз произвести смену главнокомандующего, чтобы достигнуть быстрых результатов. В период только что закончившейся войны со Швецией выдвинулся блестящими военными дарованиями молодой генерал граф Каменский 2-й. Острый, проныцательный ум, решительный характер, умение верно оценить обстановку и, наконец, личное обаяние — вот те отличительные черты, коими отмечен был молодой генерал. Боевая удача быстро провела его по иерархической лестнице, и по окончании войны в Финляндии, 32 лет от роду, он достиг уже чина генерала от инфантерии. Государь полагал, что граф Каменский может осуществить тот план борьбы с турками, который сразу бы поставил наши войска в опасную близость к вражеской столице и позволил бы в короткий срок завершить затянувшуюся войну.

Ко времени прибытия на театр войны нового главнокомандующего состав наших сил был доведен до 140 батальонов пехоты, 110 эскадронов, 108 сотен и 140 орудий разного калибра. На Дунае крейсировала флотилия из 140 судов. Располагая столь внушительными силами, граф Каменский наметил следующий план действий: 50-тысячная армия, переправившись у Гирсова, наступает на Шумлу; 10-тысячный корпус генерала Засса осаждает Рушук; 10-тысячный корпус Ланжерона осаждает Силистрию; в Валахии остается 10-тысячный отряд графа Цукато. Этот план, активный по существу, грешил тем, что выделял много сил из состава армии для второстепенных целей (осада крепостей, охрана тыла).

В зимний период армия великого визиря расплылась, и турки, не имея полевой армии, располагали лишь гарнизоны и местными войсками в дунайских крепостях.

Военные действия на правом берегу могли начаться лишь после убыли воды в Дунае. В мае бóльшая часть русской армии (до 60 тысяч). Сосредоточилась к Карасу́. Отсюда войска двинулись по двум направлениям: часть сил (корпуса Ланжерона и Раевского) — к Силистрии для осады крепости, часть сил (корпус Каменского 1-го, брата главнокомандующего, и корпус Маркова) — к Базарджику. 23 мая Силистрия вновь была обложена русскими войсками. На

Кампания 1810 г.

левом берегу против крепости располагалась осадная артиллерия под начальством генерала Штетера. По дорогам на Карасу, Базарджик и Разград выставлены были наблюдательные отряды.

При движении войск к Силистрии главнокомандующий получил известие, что корпус генерала Засса переправился в ночь с 18 на 19 мая через Дунай и внезапным нападением овладел крепостью Туртукай. Группа наших войск, направившаяся к Базарджику, при подходе к городу 21 мая рассеяла турецкую конницу, а на следующий день штурмовала сильно укрепленную турецкую позицию. К вечеру Базарджик пылал; всюду горой навалены были трупы. Турки потеряли в бою 3000 убитыми и свыше 2000 во главе с воинственным Пеглеваном-пашой сложили оружие. Много знамен, 170 орудий, огромные запасы пороха и продовольствия достались победителям. Крупный успех под Базарджиком благотворно

повлиял на настроение нашей армии. Первая удача нового главнокомандующего воспринималась как залог успеха, как предзнаменование хорошего конца.

Осада Силистрии на этот раз шла успешно. Одна за другой вырастали на обоих берегах Дуная батареи. День и ночь громили десятки орудий крепостные валы и засыпали металлом внутреннюю площадь крепости. С юга уже 26 мая Силистрия была опоясана пятью редутами. От них осаждающие быстро пошли подступами к крепостным веркам; 29 мая две брешь-батареи, насыпанные в 40 сажнях от стены, громили ограду. Артиллерия левого берега засыпала крепость 11 пятипудовыми мортирами. 30 мая Силистрия сдалась. Это был второй крупный успех молодого главнокомандующего. После падения Силистрии армия немедленно потянулась к Шумле. Впервые со времен седой старины великая русская рать подходила к Балканам. 3 июня авангард нашей армии остановился у д. Юрьенлей, в двух переходах от Шумлы. Особый отряд, направленный к Разграду, 1 июня овладел этим пунктом. Для прикрытия операции против Шумлы с востока был выдвинут к Ени-Базару корпус Маркова.

Шумла лежит в котловине и опоясана с запада и северо-запада гребнем высот; на севере и востоке отходят линии холмов с более мягкими очертаниями. Доступ с севера преграждается двумя речками. В крепости к началу июня собралась 40-тысячная армия. Боевые припасы и продовольствие имелись в изобилии.

Первоначально граф Каменский, упоенный достигнутыми уже результатами кампании, надеясь, что турки подавлены испытанными неудачами, принял решение штурмовать Шумлу, невзирая на силу укреплений и на численное превосходство врага. При штурме русские войска встретили большие затруднения, хотя и заняли высоты на Разградской дороге. Сражение показало главнокомандующему, что силы гарнизона чрезвычайно велики. Он отказывается от намерения овладеть крепостью открытой силой и решает блокировать ее. Однако блокада Шумлы не была полной. За недостатком сил русская армия облегла лишь юго-восточный фронт крепости и, таким образом, позволила туркам сооб-

щаться с внешним миром. По прибытии из Силистрии осадных орудий приступили к бомбардировке. Одну батарею на восемь орудий насыпали в полуверсте от южного фронта Шумлы. Эта батарея могла причинить большой вред крепости и, чтобы уничтожить ее, визирь произвел несколько вылазок с большими силами. Все атаки на батарею были отбиты, однако главнокомандующий, не успевший установить на ней орудий, приказал срыть ее и отвел линию блокады на 2 версты от крепости.

Гарнизон Шумлы между тем испытывал недостаток в продовольствии, развились болезни; визирь помышлял уже о сдаче крепости, но в эти тяжелые дни в крепость прибыл огромный транспорт верблюдов с продовольствием. Получены были также вести, что 15-тысячный турецкий отряд высадился в Варне и угрожает тылу осаждающих. При таких обстоятельствах граф Каменский, продолжая наблюдать за Шумлой, решил сперва овладеть Рушуком, под которым безуспешно действовал корпус Засса. При недостатке сил и осадных средств одновременные операции под стенами двух сильных крепостей были невозможны. Оставив на укрепленной позиции под Шумлой 18-тысячный корпус Каменского 1-го, главнокомандующий 6 июня, во главе 10-тысячного отряда, двинулся к Рушуку. Сильные наши отряды находились у Козлуджи (8 тысяч — Воинова) и в Разград (6 тысяч — Ланжерона).

В середине июня Рушук был обложен корпусом Засса. Пять редутов опоясали крепость и служили исходной линией для осаждающих. В насыпанных батареях были установлены осадные орудия. Методическая бомбардировка продолжалась около трех недель. Два бастиона на восточном фронте крепости были уже очищены турками. Тогда генерал Засс, считая подготовку законченной, решил штурмовать крепость. Штурм был назначен на 6 июля. Однако силы генерала Засса были совсем недостаточны для решения такой задачи. 20-тысячный гарнизон Рушука мужественно встретил натиск, и штурм был отбит.

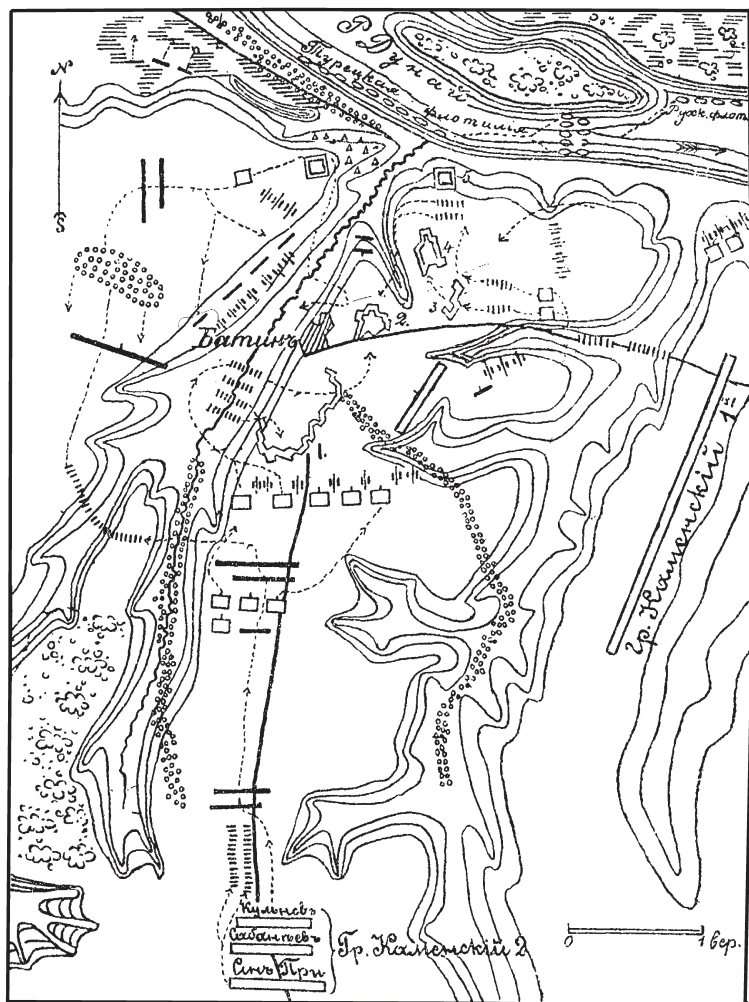
9 июля к Рушуку прибыл главнокомандующий. С прибытием новых подкреплений у осаждающих стало 18 тысяч пе-

хоты, 4500 конницы. Осадная артиллерия также была усилена. По Дунаю у Рушук крейсировала наша флотилия. Считая подготовку к штурму недостаточной, граф Каменский приказал бомбардировать Рушук. С 11 июля наша артиллерия громила крепость. Результаты подготовки казались существенными: много крепостных сооружений было разрушено, однако гарнизон, равный по числу осаждающей армии, не был деморализован и сохранил полную боеспособность. Штурм был назначен на 18 июля, но весь день 17-го лил дождь, почва размякла. Тогда отложили штурм на 22 июля.

Для атаки наши войска были разделены почти равномерно на шесть колонн. Атака должна была последовать одновременно по трем направлениям: с востока, юга и запада. Между атаками с юга и запада (демонстративными) и атакой двух колонн генерала Засса (главный удар) намечен был 15-минутный интервал.

На рассвете 22 июля все колонны заняли исходное положение для штурма в 200 шагах от крепостного вала. По сигналу колонны тихо двинулись вперед. Приготовления к штурму не были скрыты от турок. Гарнизон был в полной готовности к бою. Многочисленная турецкая пехота разместилась в потайных галереях за эскарпом, со свободным выходом в ров. Часть турецкой пехоты стала за главным валом. Наши штурмующие колонны, не встречая препятствий, спустились в ров, и передние шеренги стали взбираться уже на вал. В это время турки после залпов в упор бросились из галерей в ров и схватились врукопашную; на вал также выскочила турецкая пехота и стала сбрасывать наших солдат, уже поднявшихся наверх. Внезапная контратака врага имела успех. Ров быстро заполнился трупами наших солдат. Задние ряды наших колонн залегли у контрэскарпа и не могли по трупам своих подвинуться вперед. Много начальников было перебито. Штурмующие колонны смешались. Порыв был потерян. Тогда главнокомандующий приказал отступить. Этот неудачный штурм дорого обошелся русской армии. Мы потеряли около 3000 убитыми и до 5000 ранеными.

Одновременно с этой неудачей получены были известия о готовящейся вырубке Рушук турецкой армией, собираю-

Боевые действия графа Каменского в кампании 1810 г.

щейся в 40 верстах выше по Дунаю, у с. Батин. Оставшимся под Шумлой войскам, которые за короткий срок успели дважды отбить атаки великого визиря, было приказано идти к

Рущуку, оставив небольшие отряды для прикрытия Силистрии и Троянова вала.

15 августа корпус Каменского 1-го прибыл к Рущуку, и теперь главнокомандующий решил, продолжая осаду крепости, обрушиться на турецкие силы, собирающиеся у Батина. Рекогносцировка выявила, что турецкая армия, силой до 50 тысяч, занимает укрепленную позицию на правом берегу Батинского ручья, упираясь левым флангом в Дунай. Притянув к Рущуку ближайшие отряды, граф Каменский выделяет 20 тысяч для атаки батинской позиции. 24 августа он подошел к батинскому укрепленному лагерю.

План нашего главнокомандующего состоял в следующем: фронтальной атакой частью своих сил привлечь внимание турок к их фронту, после чего главный удар нанести в правый фланг противника и припереть турок к обрывистому берегу Дуная. Назначены две группы: правая (колонны Уварова и Иловайского) под начальством Каменского 1-го — для атаки на фронт; левая (колонны Волкова, Кульнева и Сабанеева) под непосредственным начальством главнокомандующего — для удара в правый фланг турок. Накануне боя правая группа расположилась в двух с половиной верстах к востоку от с. Батин, а левая — в четырех верстах к югу. Для прикрытия правой группы от действий турецкой дунайской флотилии к месту боя подплыла наша флотилия, и на берегу установлена была 4-орудийная батарея.

Связь между группами наших войск поддерживала наша многочисленная конница. Она же составила густую завесу впереди фронта наших войск. Энергично веденная графом Каменским разведка выявила, что в батинском укрепленном лагере сосредоточены отборные турецкие войска, что новые подкрепления на днях ожидаются из Разграда. Нельзя было при таких обстоятельствах терять время, и главнокомандующий решил немедленно атаковать врага.

Утром 26 августа под прикрытием конницы началось наступление наших войск. Правая группа (Каменский 1-й) нацелена была на выдающееся укрепление турок № 3, фланкировавшее своим огнем подступы к соседним турецким укреплениям. Огонь 18 орудий подготовил атаку. Пехота и

конница колонны Иловайского одновременно бросились на укрепление и овладели им. При этом, как и в бою под Рымником, два казачьих полка, опередив свою пехоту, ворвались в неприятельское укрепление. Врезавшись клином в самый центр врага, войска правой группы, распространяясь в обе стороны, быстро овладели соседними укреплениями № 4 и 5. Таким образом, к 10 часам утра весь левый фланг турецкой позиции был уже в наших руках.

В это время левое крыло нашей армии вело упорный бой на правом фланге турок. Для облегчения атаки в тыл неприятеля была направлена конница под командой Кульнева. Переправившись через Батинский ручей, Кульнев разбил турецкую конницу и овладел при содействии прибывших к нему двух полков пехоты большим береговым укреплением, служившим как бы редутом для всей турецкой позиции.

После этого одновременно с войсками Каменского 1-го пехота Кульнева ворвалась в с. Батин. Здесь боем руководил граф де-Бальмен. Получив в подкрепление два мушкетерских полка, он по приказанию главнокомандующего овладевает укреплением № 1; оставалось еще укрепление № 2, против которого граф Каменский двинул 10 батальонов пехоты, за ней следовал один гусарский полк. Со всех сторон поля сражения к последнему убежищу турок подходили наши войска. Кольцо сжалось. Однако наступившие сумерки не позволили произвести новую атаку. Так и заночевали наши войска на поле битвы.

После тревожной ночи утром 27 августа защитники последнего турецкого укрепления сдались в плен. Сорокатысячная армия турок была почти полностью уничтожена, лишь около 6 тысяч успели спастись в Шумлу, остальные силы врага были частью уничтожены, частью рассеяны.

После блестящей Батинской победы положение нашей армии значительно улучшилось. Можно было спокойно продолжать осаду Рущука. Стойкость рущукского гарнизона была подломлена роковым известием о поражении отборной турецкой армии под Батином. Вслед за тем пришли известия о падении Систова и Тырнова. Теперь русские войска стояли у подножия Балкан, и великий визирь не мог выйти

из Шумлы на выручку Рушуку; его внимание приковано было к балканским перевалам. А между тем бомбардировка Рушука продолжалась изо дня в день. Бастионы были разрушены, гарнизон уже испытывал лишения. 15 сентября на разрушенных рушукских бастионах взвился русский флаг. Вслед за Рушуком настал черед Журжева.

Чтобы окончательно овладеть Средним Дунаем, граф Каменский двинулся на запад, к Никополю, и после короткой осады принудил гарнизон к сдаче 15 октября. Выдвинутый к югу от Дуная отряд князя Воронцова овладел Плевной, Ловчей и Сельви. С наступлением поздней осени военные операции должны были прекратиться.

Год 1810 стал наиболее благоприятным для русского оружия. Наша армия утвердилась на Среднем и Нижнем Дунае, овладев всеми крепостями — от Никополя до устья. Передовыми частями армия приблизилась к Балканам, и лишь эта единственная преграда оставалась на ее пути. Настроение турок было подавленное. Падение первоклассных крепостей произвело удручающее впечатление в Константинополе. Победы русской армии в полевых боях (Базарджик, Батин) подорвали у турок доверие к своим силам.

Молодому русскому главнокомандующему предстояло теперь разрешить задачу крупного исторического значения. Перед его армией возвышалась громада Балкан, а там, за этим суровым хребтом — заветный Царьград. Движение вперед, продолжение кампании может привести к чрезвычайно важным последствиям. Но как бы ни соблазнительны были перспективы дальнейшего похода, главнокомандующий не считал возможным осуществить его. Слишком слабы были для этого силы Дунайской армии, слишком недостаточны были ее средства. Главнокомандующий не считал возможным даже оставить армию на зиму в придунайской Болгарии и, оставив гарнизоны в важнейших придунайских правобережных крепостях, Силистрии, Рушуке и Никополе, отвел войска на зимние квартиры в Молдавию и Валахию.

Таким образом, окончательный результат кампании 1810 г. заключался в том, что мы прочно утвердились на Дунае, и линия Дуная от Никополя до устья могла служить нам базой

для новой кампании. Русская армия как бы осуществила предначертания Эрфуртской конвенции: естественная граница Российской империи в юго-западном углу достигла берегов Дуная. Наша кампания могла иметь целью лишь удержать то, что было нами уже достигнуто.

Между тем перерыв в военных действиях совпал с периодом новых политических осложнений для России: назревала борьба с Наполеоном. Уже зимой 1810/11 г. император Александр предписал главнокомандующему отвести часть Дунайской армии за Днестр. На театре войны предложено было оставить лишь четыре дивизии. Главнокомандующий склонен был даже при ослаблении армии действовать активно. Его новый план заключался в том, чтобы скрыть на правом берегу укрепления Силистрии и Никополя; сосредоточить 50-тысячную армию к Рушуку и отсюда наступать к Балканам.

Во время зимнего затишья обе стороны пытались возобновить переговоры о мире, но соглашения достигнуто не было; Наполеон тайно ободрял Турцию. Опираясь на эту сильную поддержку, турки, несмотря на крайне неудачный год войны, не шли на уступки, предлагая мир при условии проведения границы по Днестру; однако Александр I настаивал, чтобы Дунай отделял Россию и Турцию.

Государь согласился с мнением главнокомандующего, что следует опять вести наступательную кампанию, но не позволил скрыть укрепления Силистрии и Никополя. В них были оставлены слабые гарнизоны. Главные силы армии еще зимой, в январе, стали подходить к Рушуку.

Ближайшим объектом действий намечалась Ловча, как ключ к горным проходам через Балканы. Для захвата Ловчи в конце января из Рушука выступил отряд графа Сен-При. 31 января Ловча была взята. Все в армии нашей было готово для продолжения наступательных действий. Как раз в разгар подготовки к наступлению тяжкий недуг приковал к постели молодого, талантливого и энергичного главнокомандующего. Тяжелобольного графа Каменского повезли на родину. Болезнь его усиливалась. Промучившись несколько месяцев, он скончался в Одессе, в мае 1811 г. В его лице наша родина

потеряла выдающегося военного деятеля, талантливого предводителя, обладающего творческим даром, способностями организатора; и вообще он был обаятельным человеком.

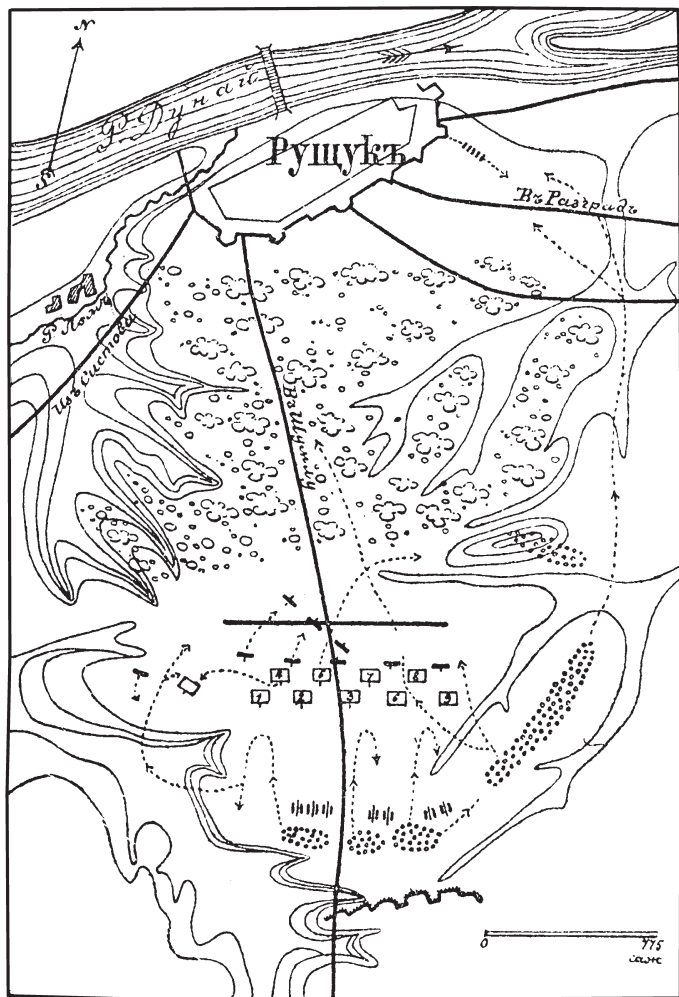
После отъезда графа Каменского в командование вступил генерал Голенищев-Кутузов. Император Александр, несмотря на личную неприязнь к Кутузову, утвердил его в звании главнокомандующего армии, так как считал Кутузова вполне способным управлять армией при столь серьезных обстоятельствах.

Вступив в командование армией, в рядах которой теперь было всего 45 тысяч, Кутузов решил, что с такими сравнительно слабыми силами нельзя владеть течением Дуная на протяжении почти тысячи верст. Развивая план своего предшественника, он решил собрать армию и открыть наступательные действия в направлении от Среднего Дуная на юг к Балканам. Он оставляет укрепления Силистрии и Никополя, приведя их в негодное состояние, собирает главные силы на участке между Бухарестом и Рущуком (18 тысяч), а для прикрытия флангов армии оставляет на западе, в Малой Валахии, 7-тысячный отряд Засса, а на востоке, по Нижнему Дунаю, — отряды Волкова и Тучкова (11 тысяч).

Во время этих новых передвижений русских войск великий визирь, осведомленный об уходе за Днестр части Дунайской армии, решает действовать наступательно. Он планирует собрать свои силы к Разграду и отсюда двинуться на Рушук, вновь овладеть этим ключом Среднего Дуная и уже после этого переправиться на левый берег и вытеснить русскую армию из Валахии и Молдавии.

В середине июня обнаружилось наступление 60-тысячной армии визиря к югу от Рушука. Турки приостановились на реке Лом, в двух переходах от Рушука. Как только Кутузов раскрыл движение турецкой армии, он быстро переправил свои главные силы через Дунай и 19 июня заслонил Рушук, расположившись на позиции к югу от крепости. Визирь, осведомленный о слабости русской армии, решил немедленно атаковать Кутузова.

Позиция русской армии находилась в 4—5 верстах к югу от крепости, по обе стороны Разградской дороги. Фронт по-

Боевой порядок русской армии под Русчуком в 1811 г.

зиции обозначался гребнем высот, отлого опускавшихся на левый фланг и круто ниспадавших в овраг, окаймлявший наш правый фланг. Пятнадцатитысячная русская армия расположилась так: девять пехотных каре стали в шахматном поряд-

ке: пять — в первой и четыре — во второй линии; артиллерия — в интервалах.

Многочисленная конница (до 40 эскадронов и 13 сотен) составила третью линию боевого порядка. В Рушуке для обороны крепости оставлено было всего шесть батальонов.

Утром 22 июня турки подошли к нашей позиции. Вперед вылетела турецкая конница и понеслась на левый фланг и центр обороняющихся. Залпы картечи остановили эту атаку. Отхлынув назад, турецкая конница вновь стала группироваться против правого фланга русских. Выдвинув вперед 37-й Егерский полк, Кутузов приказал егерям рассыпаться и занять окраину оврага. Турецкая конница понеслась во фланг и тыл егерям. Тогда из третьей линии на выручку егерям вынеслись казаки и Лифляндский драгунский полк; под их ударом турецкая конница обратилась в бегство. Артиллерия и пехота визиря своим огнем поддержали конницу, но дело ее было проиграно.

Едва лишь восстановлен был у нас порядок, расстроенный первой атакой вражеской конницы, как перед фронтом наших войск выросла конная масса — это из резерва визирь выдвинул 10 тысяч полудиких анатолийцев. С гиком и воем эти лихие наездники понеслись на левый фланг нашего боевого порядка. Мгновенно фланговые каре были окружены и, сплотившись, отбивались от страшных ударов кривых сабель. Явившиеся на выручку кинбурнские драгуны и белорусские гусары были смяты. Прорвавшись сквозь линии наших войск, анатолийцы помчались к крепости, надеясь врасплох захватить ее. Но расчет их не оправдался; гарнизон был в полной готовности. Дружными залпами встретил он всадников; а в это время в тыл анатолийцам в их левый фланг врезалась вся наша конница, собранная Кутузовым. Сюда же бежали егеря, чтобы своим огнем поддержать конницу. Грозная масса анатолийцев быстро была рассеяна и помчалась на юг, густо устилая поле трупами людей и лошадей. Разгром конницы так сильно подействовал на турецкую армию, что визирь уже не пытался повторить атаку. Турки поспешно отошли к д. Писанцы и укрепились за окопами. В бою они потеряли свыше 5000 человек.

Визирь с часу на час ожидал атаки, но Кутузов, несмотря на советы своих подчиненных, не считал возможным перейти в наступление. Он отлично понимал, что со слабыми силами трудно справиться с турками, засевшими в окопах. К тому же он не видел теперь цели в выступлении. Даже в случае успеха перед его армией, слабой числом и не снабженной средствами осады, выросли бы вскоре укрепления Шумлы, а с ними вряд ли могла покончить малочисленная армия. В уме нашего прозорливого вождя уже созрел иной план действий. Не предвидя решительных результатов ни в случае наступления к Балканам, ни при активной обороне Дуная, он предпочитал завлечь турок на левый берег Дуная, где можно было поставить вражескую армию в безвыходное положение. Кутузов приказал скрыть укрепления Рушука и 22 июня перешел через Дунай в Журжево.

В этом отступлении турки увидели слабость русских и поторопились в свою очередь перенести действия на левый берег Дуная. Искусным маневром Кутузов заставил своего противника подчиниться своей воле.

Для обороны Валахии русская армия приняла следующую группировку: в Крайове — корпус Засса (12 батальонов, 10 эскадронов, четыре сотни), главные силы — у Ольтеницы и небольшие наблюдательные отряды у всех значительных пунктов по Среднему Дунаю и в местах, удобных для переправы.

Задумав перенести операции на левый берег, турки усилили армию визиря до 70 тысяч и собрали в Софии еще вспомогательный 20-тысячный корпус, под начальством Измаил-Бея. Этот корпус в середине июля сосредоточился к Видину и пытался здесь переправиться через Дунай, но генерал Засс зорко наблюдал за побережьем и не допускал турок провести переправу. На помощь Измаил-Бею предполагал двинуться великий визирь, но, получив сведения, что к Кутузову из России идут подкрепления, он решил переправиться у Рушука и разбить Кутузова до подхода подкреплений.

В ночь с 28 на 29 августа турки произвели удачную переправу через Дунай выше и ниже Рушука. С каждым днем визирь усиливал свои позиции на левом берегу, но не ре-

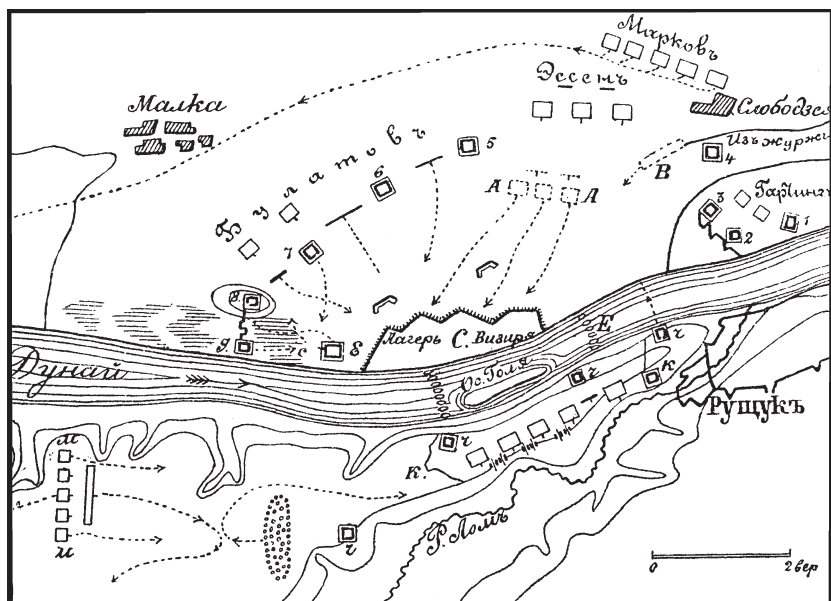

Схема расположения русской и турецкой армий на берегах Дуная
в кампании 1811 г.

шался атаковать главные силы русской армии, ожидая помощи от Измаил-Бея, все еще находившегося в Видине. Визирь испытывал недостаток в фураже и послал конницу на фуражировку, но она была настигнута нашей кавалерией и, понеся большие потери, бежала в свой укрепленный лагерь.

В ночь с 6 на 7 сентября у Калараша, наконец, переправился корпус Измаил-Бея. Генерал Засс тотчас же заслонил ему путь на восток.

В ночь на 12 сентября Кутузов приступил к устройству укрепленной линии перед армией визиря, и за несколько дней русские возвели девять редутов, связанных траншеями. Фланги этой линии упирались в берег Дуная; турки были охвачены полукольцом. Русская армия заняла укрепленную линию и зорко наблюдала за врагом. 11 сентября к Кутузову действительно прибыли в подкрепление 9-я и 15-я пехотные дивизии, и теперь главнокомандующий решил перейти в наступление.

Корпус Маркова должен был переправиться через Дунай, разбить турецкий отряд, раскинувший лагерь под Рушуком, и, расположив артиллерию на командующем правом берегу Дуная, громить армию визиря. Ночью 29 сентября Марков двинулся скрытно к Петрашанам. Пробираясь целиной по урочищам, Марков 2 октября на рассвете внезапно атаковал турок. Отряд их был разбит и рассеян. Поставив свои войска фронтом к Рушуку, Марков возвел батареи против места стоянки армии визиря и прервал ее сообщения.

Расчеты Кутузова сбылись. Турецкая армия оказалась в тяжком положении; она была лишена запасов и вскоре стала терпеть сильную нужду. Визирь рассчитывал на помощь Измаил-Бея, но его надежды не оправдались. По обоим берегам Дуная, ниже Видина, стояли отряды генерала Засса и Репнинского, преграждая путь Измаил-Бею. После нескольких попыток пробиться на восток, Измаил-Бей отказался от намерения выручить армию визиря. Узнав об этом, генерал Засс отрядил восемь рот с двумя орудиями и двумя эскадронами, под начальством графа Воронцова, поручив ему овладеть складами, запасы которых служили довольствием отряда Измаил-Бея. Граф Воронцов блестяще выполнил задачу, уничтожив турецкий отряд в 500 человек, охранявший склады. Потеря запасов удручающе подействовала на Измаил-Бея. 13 ноября он покинул берега Дуная и отошел в Софию.

Между тем армия великого визиря продолжала испытывать страшные лишения. От болезней, развившихся в тесном лагере, ежедневно гибли сотни людей. Испытание было не по силам, и 25 ноября великий визирь, потерявший уже две трети состава своей армии, сдал Кутузову ее остатки, в числе 12 тысяч человек.

После этого между враждующими сторонами заключено было перемирие, и уполномоченные снова приступили к обсуждению условий мира. Кампания плачевно завершилась для турок, но они и теперь проявляли явную несговорчивость. Учитывая затруднительное положение, в каком находилась Россия накануне грандиозной борьбы с Францией, турки решительно отказались признать не только Дунай, но даже и Серет пограничной рекой между Россией и Турцией.

Видя, что переговоры не могут дать положительных результатов, Кутузов начал кампанию 1812 г. Еще в зимний период четыре отряда переправились через Дунай по льду у Измаила, Галаца, Силистрии и Систова. Этим как бы намечался активный характер начинающейся кампании. Наша решительность продолжать войну повлияла на турок, они теперь склонны были идти на уступки. Порта имела также основания усомниться в искренности Наполеона, которому было уже не до них. Их страна была истощена многолетней неудачной войной; финансы пришли в расстройство, население выражало недовольство. Даже воинственная партия всемогущих янычар перестала упорствовать и настаивать на продолжении борьбы. Россия также не могла настаивать на полном удовлетворении ее территориальных притязаний. Война в общем итоге велась нами удачно, но все же мы не достигли таких крупных стратегических результатов, какие ставили бы противника в безвыходное положение и позволяли бы нам безапелляционно диктовать побежденному врагу свою волю. Нам теперь нужен был мир во что бы то ни стало, и поэтому главнокомандующий склонен был идти на уступки.

После долгих переговоров 8 мая 1812 г. уполномоченные обеих сторон подписали предварительный мирный договор. Турция уступала нам Бесарабию. Река Прут до впадения в Дунай и Дунай от Прута до устья обозначали отныне нашу границу. Крепости Измаил и Килия были срыты.

Этот договор, заключенный в Бухаресте, был ратифицирован 11 июня 1812 г. Александром I в Вильне, в тот день, когда «великая» армия Наполеона, собранная на нашей западной границе, переступила через нее.

Император Александр, понимая всю своевременность заключения мира с Турцией, назвал его «богодарованным».

Наша Дунайская армия, в командовании которой, вместо отозванного Кутузова, вступил генерал-адмирал Чичагов, направилась на север, чтобы принять участие в великой борьбе, и, как известно, ее прибытие на западный театр войны принесло большую пользу нашей родине.

Заключение

Русско-турецкая война 1806—1812 гг. является естественным продолжением вековой борьбы между крестом и полумесяцем, возникшей из-за стремления России достигнуть на юге своих природных границ и утвердиться на берегах Черного моря. Эта война является одним из промежуточных этапов вековой борьбы, начавшейся в конце XVII в. и завершившейся лишь в конце XIX. Россия принуждена была в 1806 г. начать борьбу с Турцией при неблагоприятной обстановке, когда все внимание нашей родины сосредоточено было на западном фронте, где русской армии впервые пришлось столкнуться с Наполеоном. Для борьбы с Турцией Россия уделяет лишь часть своих сил, и это обстоятельство отражается на характере действий русской армии. Наша армия хотя и имеет против себя энергичного противника, но не может развить крупных операций, так как для этого ей не хватает ни сил, ни средств.

Наши главнокомандующие строят свои планы на овладении многочисленными крепостями театра войны и лишь в крайности обращаются против живой силы врага — его полевой армии. Такие стратегические приемы приводят к затягиванию войны. Успех хотя и достигается, но крайне медленно и не производит на врага нужного впечатления. Стремление овладеть крепостями не только на операционных путях армии, но и на всем обширном театре войны одинаково свойственно всем главнокомандующим, причем постоянно наблюдается вредное дробление сил, так как одновременно осаждается несколько крепостей.

Очень вредно на ходе войны отражаются частые перерывы в военных действиях. Почти ежегодно, после удачной кампании, после овладения большим районом театра войны, наша армия покидает все приобретенное дорогой ценой и возвращается на зимние квартиры в Молдавию и Валахию. При возобновлении же военных действий опять приходится завоевывать то, что было добровольно нами покинуто.

При всех столкновениях с турками в поле, даже в тех случаях, когда противник имел большой численный пере-

вес, успех был на нашей стороне. Здесь сказывалось тактическое превосходство русской армии. Турки сильны лишь при пассивной обороне, за окопами и укреплениями, наши же войска искусно маневрируют в поле. Боевые порядки свидетельствуют об окончательном отказе нашей армии от форм линейной тактики и об усвоении глубокой. Частое применение каре обусловливается наличием у противника многочисленной конницы. Рассыпной строй получает все большее применение. Нельзя не отметить также дружного взаимодействия различных родов войск. Артиллерия сопутствует пехоте и подготавливает ей успех; конница является в опасную минуту на выручку пехоте. Частные начальники как на театре войны, так и на поле сражения проявляют разумный почин, обнаруживая военный глазомер, понимание обстановки.

Последние боевые вспышки на Дунае произошли накануне вторжения Наполеона на Россию. Дунайская армия была сокращена, но, несмотря на это, Кутузов блестящими приемами ставил многочисленную армию визиря в безвыходное положение и в самую тяжелую для России минуту заключил выгодный для нас мир.

Война 1806—1812 гг. с Турцией принесла для нас благие результаты. Цветущая Бессарабия слилась неразрывно с великой нашей родиной. Границей России в юго-западном углу стал Прут, тот Прут, на берегах которого за век перед этой войной впервые появилась русская армия, и стоящий во главе ее Петр Великий указал грядущим поколениям победоносный путь к Дунаю и Балканам.

Состояние русской армии к концу царствования Александра I

*В. П. Никольский,
полковник Генерального штаба*

Влияние Заграничных походов

Рост политического самосознания в русской армии ♦ Устройство школ и ланкастерских училищ для солдат

Отечественная война и последовавшие за ней заграничные походы чрезвычайно подняли военный статус, сделав его самым почетным и популярным в России. Известный декабрист, видный участник этих походов, М. А. Фонвизин в своих «Записках» отмечает: «Две неудачные войны с Наполеоном и третья, угрожавшая в 1812 г. независимости России, заставила молодых русских патриотов исключительно посвятить себя военному званию на защиту отечества. Дворянство, патриотически сочувствуя упадку нашей военной славы в войнах с Францией 1805 и 1807 гг. и предвидя скорый разрыв с нею, спешило вступать в ряды войска, готовая встретить Наполеона. Все порядочные и образованные молодые люди (дворяне), презирая гражданскую службу, шли в одну военную; молодые тайные и действительные статские советники с радостью переходили в армию подполковниками и майорами перед 1812 г. Чрезвычайные события этого года, славное изгнание из России до того непобедимаго императора французов и истребление его несметных полчищ, последовавшие затем кампании 1813 и 1814 гг. и взятие Парижа, в которых наша армия принимала деятельное (и славное) участие, все это необыкновенно возвысило дух наших войск и особенно молодых офицеров.

В продолжение двухлетней тревожной боевой жизни, среди беспрестанных опасностей, они привыкли к сильным ощущениям, которые для смелых делаются почти потребностью.

В таком настроении духа, с чувством своего достоинства и возвышенной любви к отечеству, большая часть офицеров гвардии и Генерального штаба возвратилась в 1815 г. в Петербург».

В таком же настроении возвратились и многие офицеры, вошедшие в состав 1-й и 2-й армий, штабы которых были расположены в Могилеве и Тульчине. Многие офицеры гвардии, бывшие в заграничных походах, в это время командовали уже в армиях полками и бригадами (М. А. Фонвизин, князь С. Г. Волконский, М. Ф. Орлов). Все они в походах по Германии и Франции ознакомились с европейской цивилизацией, которая произвела на них сильнейшее впечатление. Впечатления эти глубоко запали в души офицеров, ибо, приобретя во время продолжительных и трудных войн 1812—1814 гг. большую опытность в ратном искусстве, они вполне сознавали, что не только не уступали своим западноевропейским коллегам, но и превосходили их (например, наша артиллерия в 1814 г. считалась лучшей из всех европейских; русские стрелки превосходили иностранных). Не могли не сознавать они и того, что только русские и явились, собственно, сокрушителями мощи Наполеона.

Возвратясь домой, они нашли по-прежнему большие неурядицы в жизни своего народа. Долгое отсутствие императора, напрягшего все свои силы в борьбе с Наполеоном, невольно при этом обращавшего меньше внимания на внутренние дела, и страшные потрясения, выпавшие на долю России в 1812 г., еще более расстроили внутреннее состояние нашей родины, несовершенство которой резко заявляло о себе существующей крепостной зависимостью крестьян.

Офицерский состав армии, за время пребывания за границей, привык интересоваться политической стороной жизни и эту привычку перенес и к себе на родину. Понятно, что здесь почва оказалась еще более восприимчивой и благодатной.

Недаром же император в беседе с прусским епископом Эйлертом, во время посещения Берлина в 1818 г., сказал:

«Поход русских через Германию в Париж принесет пользу всей России. Таким образом и для нас настанет новая историческая эпоха, и мне еще предстоит много дела¹. Из этого видно, что и император признавал большое политическое значение пребывания наших войск в Германии. Многие из наших офицеров в походе познакомились с германскими офицерами, членами прусского тайного союза (Tugendbund), который так благотворно содействовал освобождению и возвышению Пруссии. В открытых беседах с ними наши молодые офицеры незаметно усвоили их свободный образ мыслей и стремлений.

«Не только офицеры, но и нижние чины гвардии набрались заморского духа», — свидетельствует Н. И. Греч в своих записках. В 1816 г. он присутствовал на обеде, данном одной масонской ложей (во Франции) гвардейским фельдфебелям и унтер-офицерам. Они держали себя с чувством собственного достоинства, некоторые вставляли в свою речь французские фразы.

Что и на солдат, побывавших за границей, пребывание там имело сильное развивающее влияние, видно из беседы министра внутренних дел В. П. Кочубея с известным писателем В. И. Карзиным 27 октября 1820 г. Карзин сказал министру: «Солдаты, возвратившиеся из-за границы, а наипаче служившие в корпусе, во Франции находившемся, возвратились с мыслями совсем новыми и распространяли оные при переходе своем или на местах, где квартируют... Люди начали больше рассуждать. Судят, что трудно служить, что большие взыскания, что они мало получают жалованья, что наказывают их строго и проч.». На дальнейший вопрос Кочубея Карзин прибавил: «Между солдатами есть люди весьма умные, знающие грамоте. Много есть солдат из бойких семинаристов, за дурное поведение в военную службу отданных. Есть <...> и из дворовых весьма острые и сведущие люди, есть управители, стряпчие и прочие из господских людей, которые за дурное поведение или за злоупотребление отданы в рекруты. Они, так как и все, читают журналы и газеты.

¹ Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. IV. С. 115.

Справьтесь, сколько ныне расходуется экземпляров «Инвалида» и других журналов в сравнении прошедшего времени...»

Этот интересный разговор служит подтверждением того, что и в рядах нижних чинов армии было тогда немало развитых людей, правда не с особенно высоким нравственным уровнем.

В русском корпусе, временно оставленном во Франции под командой князя М. С. Воронцова после 1814 г., по-видимому, было введено гуманное обращение, и обратили серьезное внимание на обучение нижних чинов грамоте. Кроме обыкновенных школ, были устроены четыре ланкастерских училища, или школы взаимного обучения. В июне 1818 г. великий князь Михаил Павлович осматривал такую школу в Мобёже, в которой училось 300 солдат, и остался ею очень доволен, узнав, что многие солдаты за три месяца выучивались очень хорошо читать и писать. В первое время Александр I интересовался этими школами и поддерживал идею их учреждения; в 1817 г. по высочайшему повелению учрежден в Петербурге даже особый комитет для введения взаимного обучения в школах солдатских детей, была сформирована школа для гвардейских полков, но уже в 20-х годах мысль о распространении в войсках подобных школ была совершенно оставлена, потому что на эти школы стали смотреть, как на средство распространения вольнодумства и мятежа¹.

Несомненно, что возвратившиеся из походов солдаты принесли с собой новые понятия о человеческом достоинстве и у них впервые явилось представление о долге гражданина и его правах. Но, однако, такое развитие личного состава войсковых частей может быть отмечено лишь в гвардии и незначительном числе армейских частей, в остальной части армии развитие как офицеров, так и нижних чинов, а особенно отношения между собой были совсем иными. Необходимо иметь в виду, что в армии оставалось еще немало бывших «гатчинцев» и их ярых последователей, продолжав-

¹ 100-летие Военного министерства. Ч. X. С. 109.

ших исповедовать павловский катехизис муштры; им понятны были лишь жестокие приемы обучения и странно было обходиться без телесных наказаний. Правда, с восшествием на престол Александра I эти офицеры притихли и временно предали забвению свои приемы воспитания, но все же отношение их слишком резко отличалось от отношений передового офицерства, несмотря на то что многие из этих гатчинских отпрысков побывали за границей. По-видимому, таких офицеров было немало, что видно хотя бы из особого циркуляра 1810 г., в котором военный министр Барклай-де-Толли, обратив внимание на увеличение в войсках болезненности и смертности, указал генералам на закоренелое обыкновение «всю науку, дисциплину и воинский порядок основывать на телесном и жестоком наказании; были даже примеры, что офицеры обращались с солдатами бесчеловечно». И таких «бравых капитанов»¹, к сожалению, в армии было немало.

Влияние Аракчеева на ужесточение армейской дисциплины и муштры

Усиление роли Аракчеева при Александре I ♦ Отзывы современников о реформах, проводимых Аракчеевым в области военного дела

После заграничных походов в характере Александра I произошли резкие перемены: с первых дней своего царствования императору пришлось тратить немало сил на различные административные реформы в России. С 1805 г. начинается напряженная борьба с Наполеоном; в 1812 г. государь своей непримиримой борьбой с Наполеоном показал удивительную твердость характера; заграничные походы отняли у Александра I массу сил на улаживание всевозможных трений между союзниками; в этом отношении особенно тяжел был поход 1814 г., когда Австрия открыто уже мирволила Наполеону, а благополучный для коалиции исход кампании был всецело обязан Александру. Скромный и всегда ровный,

¹ Так называли этих офицеров в «Военном журнале».

любивший свои войска, с ними сроднившийся, император в это время находился на вершине своей славы и был несомненно первым человеком в Европе. Захваченный всецело сначала идеей ниспровержения европейского тирана Наполеона, а затем ловко увлеченный Меттернихом мыслью искоренить в Европе революционные идеи, Александр I надолго увлекается ролью европейского арбитра, навсегда отвлекаясь от своих прежних светлых идеалов в деле перестройки собственного государства. Бремя внутреннего правления становилось при этих условиях для него все тяжелее и невыносимее. Явилась необходимость часть этого бремени переложить на доверенного и ближайшего своего помощника. Естественно, что таким помощником должен был стать наследник цесаревич, но великий князь Константин Павлович уже в самом начале царствования заявлял о твердом намерении никогда не принимать трона, а после 1815 г. он так увлекся обустройством своей Польской армии, что с крайней неохотой покидал любимую Варшаву.

Вопрос о назначении великого князя Николая Павловича наследником престола разрешился лишь в 20-х годах; ему необходимо было, кроме того, закончить военное образование; а великий князь Михаил Павлович был еще слишком молод. Пришлось императору возлагать бремя правления на простого смертного. Таким избранником оказался граф Алексей Андреевич Аракчеев, ставший к концу царствования Александра I неограниченным, бесконтрольным правителем всего государства, единственным докладчиком по всем делам правления, человеком столь значительным, что с ним приходилось считаться даже великому князю Константину Павловичу.

Несомненно, что своим выдающимся положением в государстве Аракчеев всецело обязан Павлу I, к которому он поступил на службу в гатчинские войска 4 сентября 1792 г.¹

¹ А. А. Аракчеев родился 23 сентября 1769 г., умер 21 апреля 1834 г.; происходил из старинного, но бедного дворянского рода, выходцев из Новгородской губернии (отец его был поручиком Лейб-гвардии Преображенского полка).

будучи принят цесаревичем довольно-таки сухо. На первом же разводе проявил себя так, словно бы век служил в Гатчине, и своим усердием, знанием дела и точной исполнительностью скоро вызвал благоволение великого князя, назначившего его с пожалованием чина капитана командиром своей артиллерийской роты. Аракчеев всецело отдался своим новым обязанностям и в короткое время привел гатчинскую артиллерию в образцовый порядок. Ни с кем не сближаясь, ни перед кем не заискивая, отнюдь не выказывая своего собственного характера, он одним лишь строгим отношением к службе, ревностностью и быстротой выполнения повелений цесаревича достиг высоких отличий и назначений, быстро следовавших друг за другом¹.

В день вступления на престол Павла I Аракчеев был вызван в Петербург. «Смотри, Алексей Андреевич, служи мне верно, как и прежде. — Такими словами встретил его император и тут же, соединяя его руки с рукой великого князя Александра Павловича, добавил: — Будьте друзьями!»² Действительно, Аракчеев немало помогал великому князю в этот тяжелый период. Александру Павловичу уже в ранней молодости пришлось пройти тяжелую жизненную школу, потребовавшую от него высшего напряжения сил и осторожной изворотливости, когда судьба поставила его между двух враждебных лагерей, между Петербургом и Гатчиной.

Годы детства его протекали в родовом поместье (20 душ) в Бежецком уезде. От матери он усвоил кодекс ее педантичных требований, основанных главным образом на стремлении к постоянному труду, строгому порядку, необыкновенной аккуратности и бережливости. Эти черты навсегда остались в его характере.

20 июля 1785 г. Аракчеев поступил в Шляхетский артиллерийский и инженерный кадетский корпус, который и окончил блестяще 27 сентября 1787 г., после чего был оставлен при корпусе репетитором и преподавателем математики и артиллерии. (Русский биографический словарь. 1900. Т. II.)

¹ С 5 августа 1793 г. — майор артиллерии; с 1796 г. — гатчинский губернатор (второе лицо в Гатчине после цесаревича); с 28 июня 1796 г. — подполковник артиллерии и полковник войск наследника.

² Русский биографический словарь. 1900. Т. II.

Граф А. А. Аракчеев (с картины Джорджа Доу)

Необходимость непрерывно лавировать и приспосабливаться, постоянно чувствовать себя словно на острие ножа, изощрила присущую ему от природы гибкость души. Способность носить непроницаемую маску на своем прекрасном лице стала для него сознательным орудием самосохранения,

но с воцарением Павла I на великого князя был возложен целый ряд новых военных должностей, заставлявших являться ежедневно к вспыльчивому переменчивому императору. Вот тут-то Аракчеев, по-прежнему пользовавшийся полным доверием Павла I и прекрасно изучивший к тому времени характер императора¹, немало помогал молодому великому князю как советами, так и умелым сглаживанием острых углов во взаимоотношениях императора с сыном; этого великий князь никогда не забывал.

Являясь в это время грозой войск, Аракчеев стоял на страже точного, слепого выполнения указаний государя и соблюдения законности, оставаясь неумолимым и строгим. Саблуков в своих записках оставил нам описание внешности Аракчеева: «По наружности Аракчеев похож на большую обезьяну в мундире. Он был высок ростом, худощав и жилист; в его складе не было ничего стройного; так как он был очень сутуловат и имел длинную, тонкую шею, на которой можно было бы изучать анатомию жил, мышц и т. п. Сверх того, он как-то судорожно морщил подбородок. У него были большие мясистые уши, толстая безобразная голова, всегда наклоненная в сторону; цвет лица его был нечист, щеки впалые, нос широкий и угловатый, ноздри вздутые, рот большой, лоб нависший. Чтобы дорисовать его портрет — у него были впалые серые глаза, и все выражение его лица представляло странную смесь ума и злости».

А. Кизеветтер², ссылаясь на свидетельства Толя и Михайловского-Данилевского, рассказывал, что на разводах в Гатчине в присутствии цесаревича Аракчеев с ревностным ув-

¹ Милости императора продолжали сыпаться на него; 7 ноября он назначен Петербургским городским комендантом и «штабом» (штаб-офицером по хозяйственной части) Лейб-гвардии Преображенского полка; 8-го произведен в генерал-майоры; 13-го ему пожалована Аннинская лента; 12 декабря получил богатую Грузинскую вотчину в Новгородской губернии (единственный ценный дар, принятый им в течение всей службы); 5 апреля 1797 г. ему пожалованы титул барона и Александровская лента; с 10 августа он командующий Лейб-гвардии Преображенским полком.

² *Кизеветтер А. Аракчеев*//Русская мысль. 1910. №11.

лечением собственноручно вырывал у солдат усы, а близко знавший Аракчеева Мартос сообщает, что в день воцарения Павла I Аракчеев на разводе откусил у одного солдата ухо.

Нельзя сказать, чтобы эта красноречивая характеристика могла привлечь особые симпатии к первому лицу в военном ведомстве в царствование Павла I, а между тем значение его продолжало расти. После короткой немилости императора¹, он был 11 августа снова принят на службу, а 4 января 1799 г. назначен командиром лейб-гвардейского артиллерийского батальона и инспектором всей артиллерии. За это время он подтянул дисциплину и материальную часть, обращая особое внимание на довольствие людей и опрятность помещений (его любимая поговорка — «чистые казармы — здоровые казармы»).

К этому времени наша артиллерия находилась в упадке, но энергичные меры барона Аракчеева постепенно подняли русскую артиллерию на уровень западноевропейской. 5 мая ему был пожалован графский титул, причем к поднесенному для утверждения графскому гербу государь собственноручно прибавил надпись: «Без лести предан».

Великий князь Александр Павлович видел плоды этой неутомимой деятельности, осознавал роль Аракчеева в создании атмосферы дружелюбия в отношениях со своим грозным отцом и понимал, что у графа хорошо устроена голова и золотые руки, а главное, его поражала непредвзятость, беспристрастность Аракчеева в служебных делах; правда, он вряд ли отдавал себе отчет в том, что Аракчеевым руководили не стремления к государственной пользе, а лишь корыстное (в широком смысле этого слова) желание хитрого царедворца укрепить личное положение. При всей своей способности вникать в суть дела и схватывать самую его сердцевину, Аракчев, следуя господствовавшему тогда направлению, все чаще и чаще сосредоточивался на показной стороне, на второстепенных, иногда до смешного ничтожных мелочах, но на таких именно, на которые обращал внимание и сам Павел I. Мало-

¹ 18 февраля 1798 г. барон был уволен без прошения в чистую отставку с производством в генерал-лейтенанты.

помалу эта черта характера, в совокупности с жестокостью и формализмом, стала главенствующей и не могла укрыться даже от глаз признательного Александра Павловича.

1 октября граф был вторично отставлен от службы «за ложное донесение»¹. Узнав на плацу, во время развода, о замене Аракчеева Амбразанцевым, великий князь Александр Павлович сказал Тучкову: «Слава Богу, могли бы опять напасть на такого мерзавца, как Аракчеев», — и в то же время написал Аракчееву утешительное письмо, в котором встречаются такие строки: «Я надеюсь, друг мой, что мне нужды нет при сем несчастном случае возобновить уверение о моей непрестанной дружбе; ты имел довольно опытов об оной, и я уверен, что ты об ней не сомневаешься. Поверь, что она никогда не переменится»². Видимо, великий князь был уверен в скором возвращении Аракчеева.

Граф Аракчеев вернулся в Петербург 27 апреля 1803 г. Новый император назначил его на прежнюю должность инспектора всей артиллерии и командира лейб-гвардейского артиллерийского батальона. Продолжая работать усердно над усовершенствованием нашей артиллерии, он добился блестящей работы нашей артиллерии в важнейших боях кампании 1806/07 г. Александр I это прекрасно понимал и чрезвычайно был ему за то признателен. Во время Аустерлицкого сражения граф находился в свите императора. Когда Александр I вздумал было поручить Аракчееву командование одной из колонн, то он пришел в неопишное волнение и отклонил поручение, ссылаясь на слабость нервов³.

27 июля 1807 г. Аракчеева возвели в чин генерала от артиллерии, а 12 декабря назначили, при сохранении носимых им званий, еще состоящим при государе императоре по ар-

¹ В то время как в карауле при арсенале находился артиллерийский батальон его брата, Андрея, там случилась кража золотых кистей и галуна со старинной артиллерийской колесницы. Граф донес, что караул содержался от полка генерала Вильде; государь исключил его из службы, но в это время Кутайсов раскрыл всю правду.

² *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Т. I. С. 186.

³ Там же. Т. II. С. 138—139.

тиллерийской части; наконец, 13 января 1808 г. граф Аракчеев поставлен во главе Военного министерства и, кроме того, назначен генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии; затем ему были поручены военно-походная канцелярия государя и фельдъегерский корпус. Из перечисления всех этих должностей видно, что Аракчеев при Александре I занимал в военном ведомстве более высокое положение, чем во времена своего фавора у Павла I, но влияние его все более и более усиливалось; теперь он себя чувствовал более прочно, во-первых, благодаря мягкому характеру императора и особой, чисто дружеской признательности за помощь на прежней службе, во-вторых, отсутствие более способных и ловких царедворцев (князь Волконский в то время был в продолжительной заграничной командировке) исключало конкуренцию, и, в-третьих, Александр I видел его плодотворную службу на пользу нашей артиллерии.

В чем же секрет такого необычайного возвышения графа?

Молодой император был крайне ревнив при каких бы то ни было поползновениях к умалению своей власти, мелочен и, в довершение, подозрителен. Главный объект его попечений составляла армия. Страсть к смотрам и учениям от Павла I перешла к нему по наследству. Все, что касалось армии, до самого малейшего назначения, должно было исходить от императора, чтобы армия знала только его одного. Это была святая святых, касаться чего никто не смел, ничье вмешательство не терпелось в этой области, где все решалось по приказу и при непосредственном участии императора¹. Зная Аракчеева как хорошего работника и знатока военного дела, хотя и не обладающего широким кругозором и способностями, но зато владеющего большим опытом, император ценил в нем прежде всего полную безгласность и слепое исполнение предначертаний свыше, в чем Александр неоднократно убеждался еще в царствование своего отца. Не замешанный в царубийстве, Аракчеев к тому же не служил живым укором и не тревожил никогда не заживающей в душе Александра раны. Император был уве-

¹ Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 года. С. 9.

рен, что антипатия, всегда внушаемая Аракчеевым, будет способствовать его ореолу.

Облеченный полным доверием государя¹, Аракчеев в бытность военным министром немало упорядочил дела этого ведомства. Деятельность его коснулась почти всех отделов военного управления, но нельзя сказать, что он придавал одинаковое значение всем отраслям, что он имел известный план упорядочения и приведения в стройное целое работу всех органов министерства. Не обладая достаточно глубоким пониманием военного дела, будучи воспитан Павлом I в духе показной, мелочной военной службы, новый министр обратил внимание на то, что ему было самому более доступно: строевая часть, своевременное снабжение войск всем необходимым и их обустройство да еще военные госпитали составляли «главное занятие» военного министра, по определению графа Аракчеева².

Почему же он был поставлен у такого важного дела? Ответ на этот вопрос можно найти в одном из высочайших указов 1808 г.: «Опыты прошедших военных действий уверили меня в том справедливом мнении, что строгая дисциплина есть душа военной службы, что малейшее послабление начальника есть первое начало расстройств в целом и что части оно, расслабляясь мало-помалу от сего начала, влекут напоследок за собой последствия, которых ни власть, ни благоразумие несильны уже вдруг пресечь. Сии-то причины были поводом худого послушания младших перед старшими, соперничеств между старшими³, и, напоследок, возрождению мародеров, которые наносили столь важный вред всей армии...»⁴ Александр I, помня, с каким рвением Аракчеев следил за дисциплиной при Павле I, естественно,

¹ Еще в конце 1807 г. было повелено военной коллегии: «Объявляемые генералом от артиллерии графом Аракчеевым высочайшие повеления считать Именными Нашими указами» (100-летие Военного министерства. Т. IV. Ч. I. С. 198).

² 100-летие Военного министерства. Т. IV. Ч. I. С. 199.

³ Здесь, очевидно, подразумевалось столкновение между Буксгевденом и Бенигсеном в ходе кампании 1806/07 г.

⁴ 100-летие Военного министерства. Т. IV. Ч. I. С. 199.

должен был остановить свой выбор на нем, раз считал необходимым подтянуть в армии дисциплину, расшатанную неудачными кампаниями 1805, 1806/07 гг.

Однако общегосударственные реформы, начатые Александром I при восшествии на престол, требовали коренных преобразований и всей военной системы, к которым и надлежало приступить немедленно; наконец, для императора было ясным, что скоро предстоит серьезная борьба с Наполеоном, надо было безотлагательно приступить к подготовке к ней; Александр I вполне сознавал, что выполнить все эти требования и вообще вести армию вперед Аракчеев не в состоянии. Ввиду этого граф Аракчеев должен был уступить пост военного министра другому лицу, которое соединяло бы в себе необходимые военно-административные способности и знание войскового быта мирного времени с боевым опытом, с пониманием войны и всего того, что требовалось для доведения боевой подготовки армии до той степени, которая необходима для борьбы с Наполеоном.

В январе 1810 г. военным министром был назначен генерал от инфантерии М. Б. Барклай-де-Толли, а граф Аракчеев остался при государе с сохранением остальных должностей. В мае 1812 г. он сопровождает Александра I в Вильно и находится с ним при армии вплоть до Полоцка. После возвращения в Петербург граф Аракчеев, в качестве члена состоявшего при императоре особого комитета, был занят организацией окружных ополчений, в первых числах августа заседал в другом комитете, руководимом графом Н. И. Салтыковым, избравшего М. И. Кутузова верховным вождем над всеми нашими войсками, боровшимися с Наполеоном, и в том же месяце сопровождал государя в Або на встречу с наследным принцем Швеции. В его ведении находился военный комитет Его Величества, а одно уже это в достаточной мере свидетельствовало о его значении. «И с оного числа [17 июня], — пишет Аракчеев в своих автобиографических заметках, — вся французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручные повеления государя императора»¹.

¹Русский биографический словарь. 1900. Т. II.

Можно считать, что фактическим распорядителем военного ведомства и в это время, ввиду нахождения Баркляя-де-Толли во главе 1-й Западной армии, был Аракчеев, однако распорядителем он являлся безответственным, так как за беспорядки в делах снабжения армий довольствием суду был предан временно управляющий Военным министерством генерал-лейтенант князь А.П. Горчаков.

В Париже, 31 марта 1814 г., государь собственноручно написал было уже приказ о производстве Аракчеева в генерал-фельдмаршалы, но граф упросил отменить приказ и 30 августа лишь принял царский портрет для ношения на шее. Он сопровождал государя и при вторичном заграничном путешествии, в 1815 г.

И вот, когда весь запас твердой воли Александра I оказался исчерпанным в борьбе с Наполеоном, когда все свое время Александр стал тратить на разрешение политических дел Европы, император в последнее десятилетие своего царствования уже не мог быть Александром прежних лет; он видел, что и в самой России, и в его любимых войсках то новое, что порождено прогрессивными устремлениями, не обустроено, а старое расшаталось; надо бы все заново перестроить, но ни времени, ни сил на это у него уже не было. Теперь он искал себе в помощники не смелых реформаторов, а исправных, точных делопроизводителей. Вот при каких условиях бремя государственных забот постепенно перешло в «жесткие руки верного друга», доверие к которому теперь уже стало неограниченным. Как говаривал граф Ростопчин: «Граф Аракчеев есть душа всех дел»¹. С этого времени от усмотрения всесильного графа зависело разрешение того или иного государственного дела; значение министров свелось к малому; единственным непосредственным докладчиком государю стал Аракчеев, как член комитета министров; дело дошло до того, что Аракчеев делал пометки и писал заключения на журналах комитета министров, представляемых Его Величеству, и это вошло в обычай. По

¹ Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. IV. С. 4 и 321.

словам Н. К. Шильдера¹, «тусклая фигура Аракчеева успела уже окончательно заслонить Россию от взоров Александра». Характерным подтверждением этого служит эпизод, рассказанный бароном В. И. Штейнгелем² (декабристом). Генерал А. П. Тормасов, бывший в 1815 г. главнокомандующим в Москве, составил план восстановления пострадавшей от пожаров столицы и представил его лично государю в Зимнем дворце, прибыв для этого из Москвы. На другой день план был уже у Аракчеева. Вытребовав к себе адъютанта Тормасова, барона В. И. Штейнгеля, Аракчеев ему сказал: «Здравствуйте, господин барон; вы с Александром Петровичем приехали сюда с проектами. Государь мне их передал, чтобы я их рассмотрел вместе с ним. Так доложи ты своему Александру Петровичу — как ему угодно: я ли к нему приеду, или он ко мне пожалует?» Понятное дело, что генерал Тормасов пожаловал к нему с докладом, а в итоге через несколько дней проект и план получили высочайшее одобрение.

Не касаясь военных поселений, о которых речь пойдет позже, следует признать, что в этот период деятельность графа была всеобъемлющей. По свидетельству историка Н. К. Шильдера, в последние годы царствования Александра у государственного кормила дремали старики министры (Татищев, Лобанов, Ланской, Шишков); они казались скорее призраками министров, чем настоящими министрами. Бодрствовал лишь ненавистный всем Аракчеев; однако неограниченным распорядителем войск по-прежнему являлся Александр I, предоставлявший Аракчееву лишь черновую работу. Наступила эпоха в царствовании Александра I, которая называется «аракчевщиной», подобно тому как в XVIII столетии время правления Анны Иоанновны было прозвано «бионовщиной».

Естественно, что и от Аракчеева не могла укрыться эволюция в мировоззрении офицеров гвардии и многих нижних чинов после возвращения из заграничных походов. Естественно также, что Аракчеев, воспитанный Павлом I, менее всего

¹ Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. IV. С. 217.

² Общественные движения в России в 1-ю половину XIX в. 1905. С. 392—395.

был расположен к поощрению этого. Во избежание дисциплинарных нарушений и для пресечения свободолобивых вейаний среди офицеров и солдат Аракчеев решает расширить объем фронтовых занятий, в частности и за счет сокращения свободного от воинской службы времени. Нетрудно было ему эту мысль внушить и государю.

Достаточно было начальствующим лицам узнать о том, какое значение придают фронтовым занятиям император и Аракчеев, чтобы они приобрели широкий размах. Воспряли духом офицеры, воспитанные на муштре Павла; скоро увлечение перешло всякие границы; забыли, для чего эти занятия были созданы, а считали, что они должны служить венцом всего обучения войск; сам император, а за ним и остальные высшие начальники обыкновенно на смотре обращали внимание лишь на строевую подготовку.

Интересно проследить переписку между великим князем Константином Павловичем, командовавшим в это время Польской армией в Варшаве, и генералом Сипягиным, начальником штаба гвардейского корпуса.

«На приказ, отданный у вас в корпусе 30 января, — пишет великий князь, — что государь император изволил заметить, что гвардейские полки наряжают для караула 1-го отделения из других батальонов офицеров, и подтверждается, что все офицеры должны равно знать службу, скажу вам, что нечего дивиться тому, что полковые командиры выбирают и одних и тех же посылают офицеров в 1-е отделение на разделку, ибо ныне завелась такая во фронте танцевальная наука, что и толку не дашь; так поневоле пошлешь тех же самых офицеров, точно как на балах обыкновенно увидишь: прыгают французский кадрили всегда одни и те же лица — пары четыре или восемь, а другие не пускаются. Я более двадцати лет служу и могу правду сказать, даже во время покойного государя был из первых офицеров во фронте, а ныне так перемудрили, что и не найдешься».

На письмо Н.М. Сипягина относительно того, что комитету, высочайше учрежденному для составления военного устава, поручено уравнивать как стойку учрежденного при

гвардии учебного батальона, так и шаг, ружейные приемы и экипировку и что после царского смотра солдаты батальона вернутся в свои полки и послужат там во всем образцом, Константин Павлович писал: «Дивлюсь не надивлюсь, что за новый учебный батальон у вас; по-моему, кажется, из рук вон мелочь; хорошо сделать учебный батальон для таких полков, которые в отдаленности, и собрать с оных людей для единообразия, но из таких войск, которые под носом и всегда на глазах, это удивительно; разве в гвардейских полках не умеют уже учить? — а мне кажется, в оных лучше нового учебного батальона выучат: да я таких теперь мыслей о гвардии, что ее столько учат и даже за десять дней приготавливают приказами, как проходить колонами, что вели гвардии стать на руки ногами вверх, а головою вниз и маршировать, так промаршируют; и немудрено: как не научиться всему — есть у вас в числе главнокомандующих *танцмейстеры*, *фехтмейстеры*, пожалуй, и *Франкони* завелся, а нам здесь, сидя в дыре, остается только у вас перенимать и как-нибудь, чтобы догонять...»¹

Трудно дойти дальше в мелочах, если высочайше утвержденный комитет по составлению уставов, куда входят высшие начальствующие лица, должен исполнять обязанности взводного командира.

Однако, не только в гвардии, но и в других частях русской армии обучение и боевая подготовка носила тот же характер.

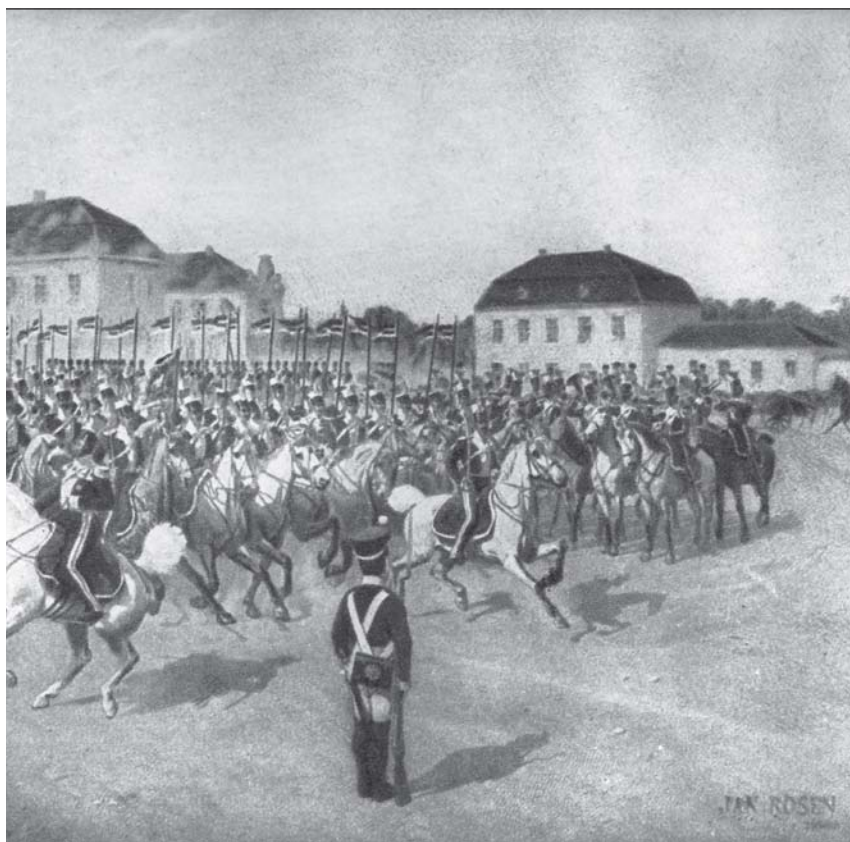
Великий князь Константин Павлович в своей Польской армии добился еще лучших результатов в линейном учении, чем в гвардии. Об этом свидетельствует выдержка из письма цесаревича о двух разводах в Варшаве в 1816 г.: «Литовский батальон дал развод и учился на два батальона. Учение сие происходило столь совершенно во всех отношениях, что удивило всех зрителей, а захождение плечом целыми батальонами, марширование рядами и полуоборотом целым фронтом столь было совершенно, и таковая соблюдалась осанка, что я с сердечным удовольствием отдал им в полной мере спра-

¹ Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. IV. С. 16—17.

Смотр польской кавалерии великим князем Константином Павловичем

ведливость в том, что сего превзойти невозможно... После сего на другой опять день был развод финляндского батальона и учение на два батальона, и должно признаться, что не токмо ни в чем не уступил Литовским, но совершенно чудо, необычайная тишина, осанка, верность и точность беспримерны, маршировка целым фронтом и рядами удивительна, а в перемене фронта взводы держали ногу и шли параллельно столь славно, что должно уподоблять движущим стенам, и вообще должно сказать, что не маршируют, но плывут, и,

в Варшаве на Саксонской площади в 1824 г. (с картины Яна Розена)

словом, чересчур хорошо, и, право, славные ребята и истинные чада российской лейб-гвардии»¹.

По тону этого восхищенного письма цесаревича, большого знатока и ревностного служаки в павловские времена, можно судить о той степени совершенства, которая была достигнута в линейном учении Лейб-гвардии Финляндского полка. Спрашивается, сколько же времени, усилий и муштры надо

¹ Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. IV. С. 22.

было потратить для того, чтобы добиться от нижних чинов такого автоматизма и получить от строя целого батальона подобие *плывущей* стены? Невольно кажется, что вновь воскресли времена Фридриха Великого и что славный 1812 г., когда наши войска показали столько умения в боевых действиях, еще не приходил.

К сожалению, и главнокомандующий 1-й армии, фельдмаршал Барклай-де-Толли, после 1815 г., подчиняясь требованиям Аракчеева, стал, по свидетельству генерала Паскевича, «требовать красоту фронта, доходящую до акробатства, преследовал старых солдат и офицеров, которые к сему способны не были, забыв, что они еще недавно оказывали чудеса храбрости, спасали и возвеличивали Россию... Армия не выиграла от того, что, потеряв офицеров, осталась с одними экзерцирмейстерами... У нас экзерцирмейстерство приняла в свои руки бездарность, а как она в большинстве, то из нее стали выходить сильные в государстве, и после того никакая война не в состоянии придать ума в обучении войск. Что сказать нам, генералам дивизии, *когда фельдмаршал свою высокую фигуру нагинаяет до земли, чтобы ровнять носки гренадер?* (Курсив мой. — В. Н.) И какую потом глупость нельзя ожидать от армейского майора? Фридрих II этого не делал. Но кто же знал и помышлял, что Фридрих делал? А Барклай-де-Толли был у всех тут на глазах. В год времени войну забыли, как будто ее никогда и не было, и военные качества заменились экзерцирмейстерской ловкостью»¹. Эти заметки героя Смоленска чрезвычайно характерны. Герой 1812 г. и Шведской войны, бывший военный министр, человек образованный, слепо исполняет муштровочные требования Аракчеева, и как еще исполняет? Так исполнял во времена Павла его требования лишь один Аракчеев. Было ли время при таких серьезных занятиях еще изучать деяния Фридриха и других великих полководцев? Конечно, нет.

Не лучше обстояло дело и во 2-й армии. Государь и Аракчеев смотрели на нового главнокомандующего этой армии (после Бенигсена), графа Витгенштейна, как на человека сла-

¹ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I. С. 103.

бого и слишком доброго. В 1818 г. в армию был командирован из Петербурга будущий ее начальник штаба, молодой и ловкий генерал-майор Киселев, с поручением приготовить армию к высочайшему смотру. Полагая, что армия, расквартированная вдали от Петербурга, недостаточно усвоила новую муштру, к которой главнокомандующий относился довольно-таки скептически, решили командировать опытного человека, который сумел бы отдрессировать и вымуштровать армию. Надо думать, эта командировка была делом рук князя П. М. Волконского, который особенно ревниво следил за тем, чтобы государь не был расстраиваем дурной подготовкой войск, любимых им больше всего. А что Александр I в это время придавал большое значение парадом и понимал в этом толк, можно видеть хотя бы из случая, происшедшего в Варшаве 23 сентября 1816 г. Во время большого парада всех войск, дислоцированных в Варшаве и ее окрестностях, когда отлично выдрессированная пехота проходила батальонными колоннами, государь с приятной улыбкой сказал цесаревичу: «Это точно так, как польские графленые в клеточках рапорты»¹. Из этого можно вывести, насколько мысли Александра I к этому времени сроднились с шаблонами, что еще более сближало его с Аракчеевым. Стремление все сглаживать и равнять к этому времени у императора переходило уже в манию.

В январе 1818 г. Киселев прибыл в Тульчин, прихватив с собой из Петербурга великого знатока муштры полковника Адамова, двух унтер-офицеров и одного музыканта. Насколько важную роль в армии играл Адамов, видно хотя бы из ответа генерала Закревского, которого Киселев, после смерти Адамова в 1821 г., просил прислать на замену кого-то, до тонкости знающего все правила и порядки, принятые в гвардии и приветствуемые императором: «На место Адамова профессора не знаю, а лучше снесись с полковыми командирами гвардейскими, к которым имеешь доверенность»².

¹ Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. I. С. 61.

² Епанчин Н. Е. Тактическая подготовка русской армии перед походом 1828—1829 гг. С. 19.

Но едва ли не самой яркой характеристикой способов тогдашнего обучения войск будут нижеследующие строки генерала Киселева из его переписки с Закревским. Вопрос о войне с Турцией, ввиду восстания Греции, не разъяснившийся в 1821 г., оставался нерешенным и в начале следующего года, и во 2-й армии не знали, к чему же готовиться — к войне или к давно ожидаемому смотру государя. «От вас из Петербурга мы ничего не имеем, — писал генерал Киселев, тогда уже начальник штаба армии, Закревскому 12 января 1822 г., — и не знаем, к чему готовиться; война и учебный шаг — две статьи, совершенно разные, а к весне и то и другое будет нужно; тебе, вероятно, дела известны, вразуми нас и направь на путь истинный». В конце февраля он повторял тот же вопрос: «Неужели у вас ничего не известно? *Не поверишь, как трудно готовиться к войне и к мирным занятиям*». (Курсив мой. — В. Н.) Итак, даже самые выдающиеся деятели в армии, люди чрезвычайно даровитые, мирились с тем, что войска в мирное время готовят не к войне, а к плац-парадам. Из этого видно, насколько смотровые требования того времени были серьезны, если к ним надо готовиться заблаговременно, настойчиво и упорно. Следует признать гибельной систему Аракчеева, не являющегося ответственным за армию, но влияющего на нее сильнее любого военного министра, благодаря личным отношениям с императором. Забыты были наиболее полезные уроки войн с Наполеоном, и на сей раз безвозвратно. Нижние чины были большей частью безграмотны; об их образовании перестали думать — некогда было. Срок службы по-прежнему был 25-летним (для однодворцев, жителей Малороссии, Новороссии и Слободской Украины — 15-летним); штрафники служили бессрочно. В 1818 г. срок службы для нижних чинов гвардии был уменьшен до 22 лет.

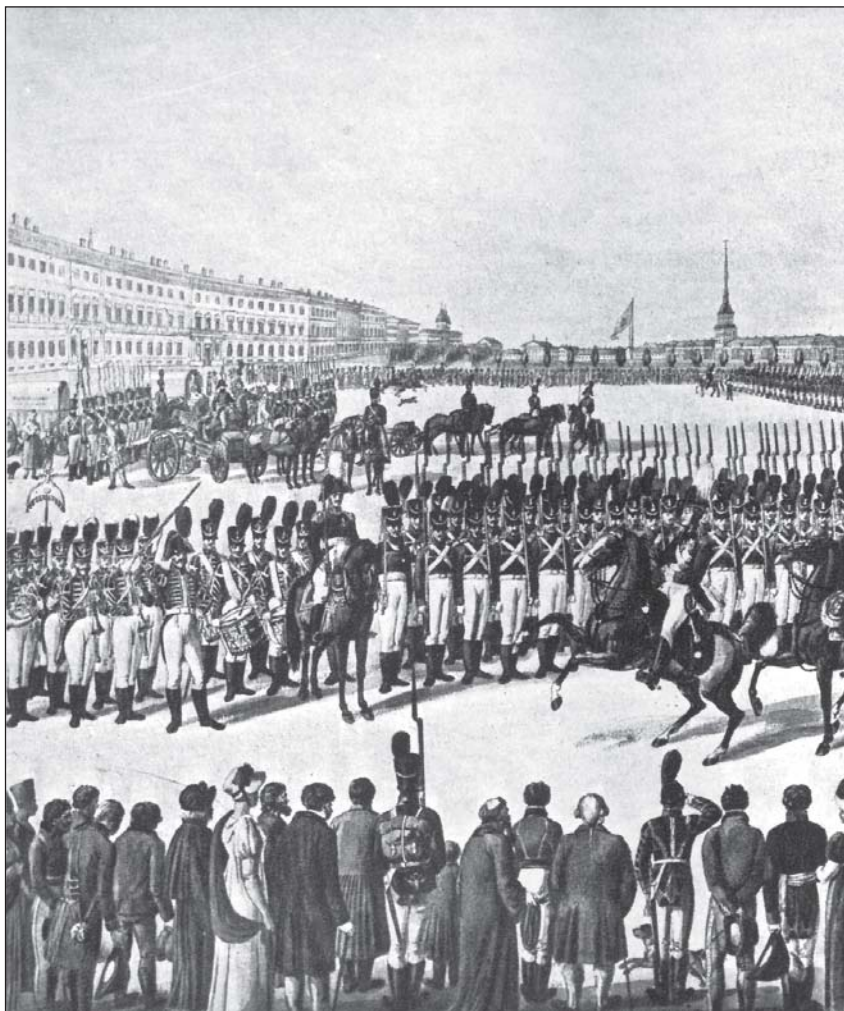
Не то мы видим в Кавказской армии, руководимой талантливым Ермоловым; в ней боевая жизнь была ключом, о муштровке и линейных учениях не приходилось и думать — не было времени; мало времени тратили в кавказских войсках и на смотры; петербургского парадера, попавшего в эту армию, прежде всего поражал непарадный вид войск, и подчас презрительное слово «оборванцы» срывалось у него с уст,

когда он делился своими впечатлениями после возвращения в Петербург. Зато слава русская гремела не только по Кавказу, но и по всей Персии и Малой Азии.

Таким образом, необходимо прийти к выводу, что к концу царствования, под влиянием Аракчеева, у Александра I расцвела любовь к военной муштре, зачатки которой были так прочно заложены Павлом I. Забыли, что в мирное время следует учить только тому, что придется делать на войне; считали, что вся цель военного дела заключается в педантичном парадировании: в изучении правил вытягивания носков, равнения шеренг и выделывания ружейных приемов. Главнокомандующий 2-й армии, граф Витгенштейн, с честью командовавший отдельным корпусом в 1812 г. и армией в 1813 г., перед высочайшим смотром беспокоится почти исключительно о мелочах. Так, в своем письме к Киселеву, датированном осенью 1823 г., он просит: «Обратить внимание, чтобы этишкеты и прочие вещи были выбелены как можно лучше, ибо государь очень много смотрит на это». В одном из приказов по армии после смотра главнокомандующего было указано, что «пantalоны в пехоте недостаточно выбелены»¹. Дело дошло до того, что самым вредным для солдат считали войну. Император Александр² в беседе с графом Каподистрия прямо сказал: «Довольно было войн на Дунае, они деморализуют армии». (Курсив мой. — В. Н.) Недаром же один из сознающих вред такого обучения, генерал Сабанеев, командир 6-го пехотного корпуса (бывший на Березине начальником штаба у Чичагова и в кампании 1814 г. — начальником штаба армии Барклая), писал Киселеву: «Учебный шаг, хорошая стойка, быстрый взор, скобка против рта, параллельность шеренг, неподвижность плеч и все тому подобные, ничтожные для истинной цели предметы столько всех заняли и озаботили, что нет минуты заняться полезнейшим. Один учебный шаг и переправка амуниции задушили всех — от начальника до нижнего чина.

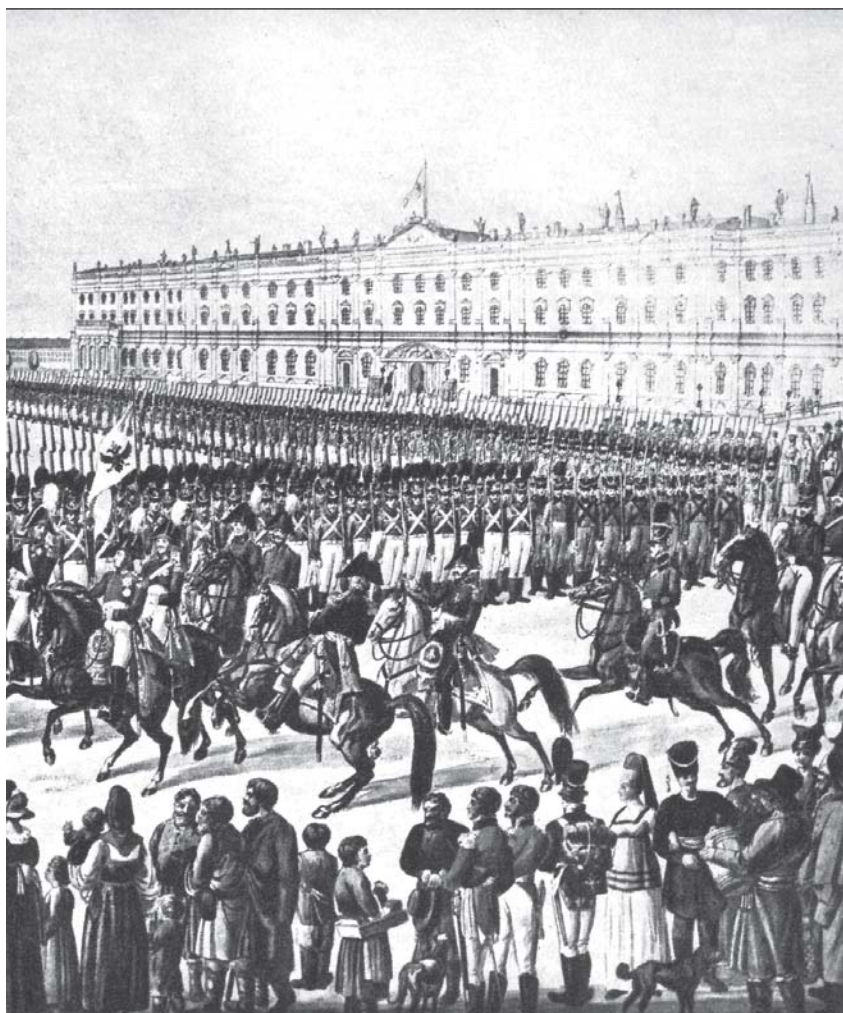
¹ Епанчин Н. Е. Тактическая подготовка русской армии... С. 24.

² Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. IV. С. 8.

Смотр войск императором Александром I

Какое мученье несчастному солдату, и все для того только, чтобы подготовить его к смотру! Вот где тиранство! Вот в чем достоинство Шварца, Клейнмихеля, Желтухина и им подобных! Вот к чему устремлены все способности, все забо-

перед Зимним дворцом в Санкт-Петербурге

ты начальников! Каких достоинств ищут ныне в полковом командире? Достоинство фронтového механика, будь он хоть настоящее дерево... Что же ожидать должно? Нельзя без сердечного сокрушения видеть ужасное уныние измученных

ученьем и переделкой аммуниции солдат. Нигде не слышно другого звука, кроме ружейных приемов и командных слов, нигде другого разговора, кроме краг, ремней и вообще солдатского туалета и учебного шага. Бывало, везде песня, везде весело. Теперь нигде их не услышишь. Везде *цыц-гаузы* и целая армия учебных команд. Чему учат? Учебному шагу! Не совестно ли старика, ноги которого исходили десять тысяч верст, тело которого покрыто ранами, учить наравне с рекрутом, который, конечно, в короткое время делается его учителем»¹.

Кто же был причиной таких страшных реформ? Да все тот же Аракчеев, имевший в то время неограниченное доверие Александра I. Невольно вспоминаются при этом слова того же Сабанеева из его письма от 13 ноября 1819 г. к Киселеву: «Не грустно ли видеть каждому благомыслящему человеку, какое влияние *сей гнилой столб* имеет на дела государственные?»

Князь П. М. Волконский

Командирование Волконского в 1807 г. во Францию ♦ Роль Волконского как начальника штаба при российском императоре во время Заграничных походов ♦ Усовершенствование Волконским квартирмейстерской части ♦ Трения между Аракчеевым и Волконским и их последствия

В начале 1810 г. главным помощником императора в деле преобразования военной системы, вместе с М. Б. Барклай-де-Толли, является князь Петр Михайлович Волконский, приближенный Александра со дня его воцарения². Кампании 1805, 1806/07 г. особенно ярко подчеркнули неустройство у нас штабной (квартирмейстерской) службы. После Тильзит-

¹ Епанчин Н. Е. Тактическая подготовка русской армии... С. 17.

² Князь П. М. Волконский родился в 1776 г. В 1793 г. произведен в прапорщики Лейб-гвардии Семеновского полка; в 1796 г., будучи полковым адъютантом, произведен в поручики. Ревностной службой обратил на себя внимание Павла I и в его царствование прошел все чины, до полковника гвардии включительно. За усердие был замечен шефом полка,

ской встречи, во время которой князь Волконский находился в свите императора, Александр I, придя к заключению о необходимости реорганизации всех наших штабных учреждений, сразу же командировал во Францию пользовавшегося большим его доверием князя Волконского, которому поставил целью соответственно изучение всех французских военных учреждений, чьи достоинства были оценены путем дорого стоившего нам боевого опыта.

Князь Волконский, пробыв во Франции около трех лет, добросовестно изучил французскую военную систему. Организация управления армией на высшем командном уровне была особенно тщательным предметом его изучения. Вернувшись, Волконский представил государю подробный отчет. Александр I остался вполне доволен собранными князем сведениями и назначил его в 1810 г. управляющим квартирмейстерской частью, одновременно с назначением Барклай-де-Толли военным министром. Император для крупных реформ в армии искал людей с широким кругозором и нашел таких.

Волконский горячо принялся за реформирование штабных учреждений. Трудно было за два года подготовить необходимые кадры офицеров квартирмейстерской службы; многое еще оставалось недоделанным, но боевой опыт 1812 г. подтвердил целесообразность начатых реформ Волконского.

Незадолго до этой войны, одновременно с «учреждением Военного министерства» 27 января 1812 г., было объявлено «учреждение для управления большой действующей армией», которое «от самого первоначального плана оному до последней отделки каждой его части составлялось, обрабатывалось и исправлялось под непосредственным руководством и по замечаниям» самого

великим князем Александром Павловичем. В день коронации Александра I произведен в генерал-майоры и назначен генерал-адъютантом (25 лет от роду). Вскоре после того был назначен товарищем начальника военно-походной канцелярии Его Величества. В 1805 г. был дежурным генералом сначала при Буксгевдене, а затем и Кутузове. За отличие в сражении при Аустерлице получил орден св. Георгия 3-й степени. В дальнейшем состоял уже при особе императора.

государя, лично направлявшего деятельность специально для этого случая составленной комиссии, в которой заседали Бакрлай-де-Толли, в качестве председателя, и Волконский, в качестве члена¹.

Это учреждение устанавливало единую власть главнокомандующего армий, действующих на одном театре войны, давало стройную систему штабов и управлений для передачи распоряжений главнокомандующего и последующих начальников, а также предусматривала образование вспомогательных органов высшего военного управления и командования. Квартирмейстерская наша часть оказалась на высоте положения и во время войны 1812 г. выдвинула целый ряд деятельных и способных начальников (Ермолов, Дибич, Толь, Гардинг, Довре и др.), а в 1813 г. даже заняла фактически первое место в ряду генеральных штабов союзных армий, невзирая на видимое преобладание иноземного высшего командования (Шварценберг, Блюхер).

В конце 1812 г., с прибытием императора в армию, была образована главная квартира и начальником главного штаба Его Величества стал Волконский. На его долю выпало немало работы, особенно во время заграничных походов; кроме стратегических и тактических способностей приходилось проявлять и дипломатические. Умелым подбором помощников и неутомимой работой князь Волконский блистательно оправдал свое назначение; к тому же долгая служба при дворе чрезвычайно способствовала приобретению умения улаживать всякие трения, что так пригодилось в 1814 г., когда коалицию раздирали разногласия, устраняемые исключительно благодаря настойчивости Александра I и дипломатичности самого Волконского и членов его штаба (Толь, Дибич). Естественно, что по окончании войн Александр I пожелал сохранить ту организацию, которая способствовала успеху в борьбе с Наполеоном.

В именном указе Сенату от 12 декабря 1815 г. было объявлено, что для управления всем военным ведомством учреж-

¹ 100-летие Военного министерства. Т. IV. Ч. I. С. 411.

дается Главный штаб при Его Императорском Величестве в составе: а) начальника Главного штаба, б) военного министра, в) инспектора артиллерии и г) инспектора инженерного корпуса. Указом, в частности, предписывалось следующее: «Все дела военного управления разделяются на два рода: к первому принадлежит, так сказать, часть фронтальная, т. е. счисление людей в армии, предметы, в приказ входящие, и т. п.; а ко второму — без изъятия все то, где есть оборот денежных сумм, словом, часть экономическая. Дела первого рода производятся у начальника штаба, второго же рода у военного министра». Последний подчиняется начальнику главного штаба, который являлся единственным докладчиком государю о делах военного ведомства; он же ставил в известность военного министра о распоряжениях, отдаваемых государем по части экономической.

На должность начальника Главного штаба Его Императорского Величества был назначен, конечно, генерал-адъютант князь П.М. Волконский. Кроме чувства тесной дружбы, Александр I питал к нему особое уважение, как к своему боевому сподвижнику и большому знатоку военного дела; а главное, Волконский был человеком мягким, даже слабохарактерным, и не затмевал собой личности Александра I.

Военным министром был назначен генерал-адъютант Ковновичин, герой 1812 г., человек ловкий, но способный и очень деятельный, однако характера своего резко не показывавший.

Князь Волконский усовершенствовал квартирмейстерскую часть и поставил ее очень высоко; она обладала прекрасной организацией, имела просвещенных и талантливых руководителей. Князю Волконскому наша армия и Генеральный штаб обязаны тем, что в рядах этого штаба (тогда называвшегося квартирмейстерской частью) выдвинулись такие деятели, как Дибич и Толь. Ему же главным образом обязана армия созданием военной литературы и особенно картографической части.

12 декабря 1816 г. было увеличено жалованье офицерам, от прапорщика до полковника включительно, и велено сверх

жалованья выдавать еще и столовые деньги полковым командирам, бригадным генералам, дивизионным и корпусным начальникам, начальникам штабов армий. Заслуга в этом принадлежит непосредственному помощнику князя Волконского, дежурному генералу Главного штаба генералу Закревскому.

Но кроме своей служебной деятельности Волконский имел очень большой вес и благодаря особенной близости к государю, так как князь, можно сказать, безотлучно находился при Александре I, одновременно исполняя обязанности и министра двора. Ежедневно утром, в половине девятого, он являлся к государю при окончании туалета; никто, кроме князя, в это время не имел права входить к императору, который обыкновенно отдавал Волконскому распоряжения относительно двора и обеденного стола. Лишь только государь заканчивал свой туалет, к нему опять призывался Волконский с докладом по военной части; после него являлся граф Аракчеев, делавший доклад о состоянии дел в империи («коей он был настоящий наместник», — замечает современник)¹, причем нередко Аракчеев обсуждал то, о чем только что докладывал князь Волконский. Они проводили в кабинете часа полтора. После них на полчаса принимали дипломатов, затем звали главнокомандующего или генерал-губернатора столицы, коменданта, ординарцев.

Данилевский-Михайловский отметил, что в 1819 г. только Волконский и Аракчеев имели ежедневный доступ к императору и пользовались его доверенностью; кроме них, никто при дворе ничего не значил². В путешествиях по России государь всегда ездил в одной коляске с Волконским, но, если его сопровождал и Аракчеев, то, подъезжая к какому-нибудь большому городу, Александр брал к себе в коляску Аракчеева, этим как бы подчеркивая его первостепенное значение. И это Волконский сносил терпеливо.

¹ Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. IV. С. 68.

² Там же. С. 466.

Вообще Александр I обращался с Волконским гораздо резче, чем с Аракчеевым, отношения к которому в последние годы носили характер удивительной предупредительности; Волконскому же государь часто выговаривал по малозначащему поводу. Князь Волконский был предан императору беззаветно; больше всего думая о покое Александра I, он принимал к этому все меры, нисколько не заботясь о себе и не имея из-за этого личной жизни. Благодаря своей близости к государю он получал от высших начальников донесения, где сообщалось обыкновенно то, что было желательно довести до сведения государя, но сделать официальным путем нельзя. Волконский обыкновенно брал на себя такую миссию, а мнение или даже резолюцию государя отсылал писавшему.

Постоянно сопровождая императора во всех его поездках, от присутствовал на всех военных смотрах, а потому был отлично ознакомлен с состоянием войск. Однако благодаря осторожному и мягкому характеру, а главное, исключительной преданности Александру I он не считая возможным предлагать свои советы императору, чем умалял свое значение до типичного придворного; впрочем, вряд ли Александр I терпел бы так близко около себя человека, могущего иметь на него сильное влияние, а тем более проводившего через него свои идеи.

Прекрасно воспитанный, доброжелательный, умный и развитый, склонный к прогрессу, умевший найти и выдвинуть способных помощников, Волконский вызывал особые симпатии императора; однако такого значения, как Аракчеев, он отнюдь не имел, ибо был осторожен до робости.

Граф Аракчеев давно уже взирал с завистью и недовольством на исключительную близость Волконского к государю и прилагал все усилия к тому, чтобы оттереть его. При возрастающем с годами разочаровании государя в людях сделать это было не особенно трудно, даже в отношении Волконского, и в 1823 г., ввиду возникших недоразумений по поводу сокращения военной сметы (Волконский признал возможным сократить смету лишь на 800 тысяч руб., считая остальные расходы необходимыми, а граф

Аракчеев сократил эти расходы на 18 млн. рублей), из-за сделанного по этому поводу Александром I обидного замечания, Волконский просил письмом государя уволить его и до излечения болезни пребывать за границей. Заграничный отпуск ему предоставили быстро, а на его должность назначили генерал-адъютанта Дибича, которому Александр I при первом же свидании дал такое наставление относительно будущих отношений с графом Аракчеевым: «Ты найдешь в нем человека необразованного, но единственного по усердию и трудолюбию ко мне; старайся с ним ладить и дружно жить: ты будешь иметь с ним часто дело, и оказывай ему возможную доверенность и уважение»¹. Дибич усвоил это отлично и всегда оказывал Аракчееву подчеркнутое уважение.

Князь Волконский возвратился из-за границы в Петербург в начале 1824 г. Александр I пожаловал ему орден св. Андрея Первозванного при милостивом рескрипте, но не предложил прежнюю должность, поскольку этого не желал Аракчеев. Ему предложили стать главнокомандующим 2-й армии, но Волконский предпочел остаться адъютантом государя и исполнять высочайшие поручения, преимущественно придворные (например, сопровождать императрицу Елизавету Алексеевну в Таганрог)².

Естественно, что князь Волконский в своей переписке называл Аракчеева не иначе как «проклятый змей», «злодей», и выражал убеждение, что изверг сей губит Россию, погубит и государя.

Если такой осторожный человек, как князь Волконский, выражался столь резко об Аракчееве, то можно судить о том, с какой ненавистью относились к графу в армии, делами которой ему поручено было ведать. К этому времени во главе войск в большинстве случаев стояли лица, угодные или приятные графу.

¹ Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. IV. С. 274.

² В царствование Николая I он был назначен министром императорского двора и произведен в генерал-фельдмаршалы.

Уставные требования к обучению войск

Пехотные и артиллерийские уставы ♦ Причины и последствия ускоренной подготовки офицерских кадров

Вскоре после наполеоновских войн вышли новые уставы: пехотный устав в 1816 г., а кавалерийский — в 1818 г. (издан в Варшаве, по месту нахождения августейшего генерал-инспектора кавалерии). Годы выхода уставов свидетельствуют о том, что к ним в значительной мере руки приложил Аракчеев. И действительно, уставы были переполнены множеством мелочных подробностей; в них не было почти ничего, относящегося к самой боевой подготовке. В «Воинском уставе о пехотной службе» нет ни одной строки о том, как производится атака; нет об этом ни единого слова в «Правилах полкового учения для пехоты» (изд. 1818 г.) и в «Воинском уставе о линейном учении» (1820 г.).

В «Воинском уставе о кавалерийской строевой службе» есть коротенькая глава «Об атаке»; в ней предписывается во время атаки «слишком горячих лошадей придерживать», «в карьер более 80 шагов никогда не атаковать», галопом проходить тоже шагов 80 и несколько раз подчеркивается, что главное при атаке — это равнение. Впрочем, в примечании указана важность обучения конницы атаке; в этом уставе процесс обучения рассмотрен гораздо шире, чем в пехотном, что объясняется личностью генерал-инспектора кавалерии, под редакцией которого этот устав и вышел. Великий князь Константин Павлович, участник последних суворовских походов, не мог забыть о главной сути суворовского учения — атаке; к тому же великий князь мог и не считаться с мнением Аракчеева, в отличие от генералов.

Однако в этом же уставе встречаются такие указания, как «не делать атаки на пехоту, готовую встретить конницу», «считать невозможной атаку на пехотную колонну»¹, т. е. уделяется весьма серьезное внимание удобствам действия кавалерии, ее безопасности, но на войне обстановка всем

¹ Епанчин Н. Е. Тактическая подготовка русской армии. С. 9—12.

повелевает и прежде всего должна быть выполнена поставленная цель, каких бы это ни стоило жертв.

С течением времени наружные требования окончательно затемняют внутреннюю суть устава. Так, в «Воинском уставе о кавалерийской строевой службе» (изд. 1823 г.) есть такие указания: «атакующий фронт должен идти на неприятеля сколь можно осанисто и стараться быть совершенно сомкнутым в рядах, ибо от сего наиболее зависит успех в атаке»¹.

Тратя много усилий на линейные ученья подготовку к ним, войска не имели времени заниматься стрельбой, хотя в уставе об этом говорится достаточно весомо («нет нужды доказывать, сколь важно и необходимо, чтобы солдаты обучены были целно стрелять. Опыты научают, что и самые успехи в военных действиях много от совершенства в искусстве сем зависят»). В уставе указано: «ежегодно в учебное время всех унтер-офицеров и солдат в полку обучать стрелять в цель, употребляя для сего единственно большую часть пороха, для ученья назначенного».

К сожалению, в уставе не было приведено точного распределения самих упражнений стрельбы, вследствие чего некоторые начальники считали достаточным для обучения стрельбе выпускать в год по пять пуль, а оставшийся порох использовать хотя бы для фейерверка в торжественные дни.

Наконец, имелись «Правила рассыпного строя, или Наставления о рассыпном действии пехоты» (изд. 1818 г.), где даны весьма целесообразные сведения относительно значения огня в бою. В 1-м параграфе указано, что этот строй весьма соответствует вооружению пехоты, ибо сила ее преимущественно заключается в огне, однако же не в множестве, а в меткости выстрелов; рассеянное положение пехоты дает больше удобств стрелять метко; в рассыпном строю открывается то еще преимущество, что неровности рельефа местности почти всегда представляют защиту от пули врага.

В этих правилах еще раз подтверждена важность меткой стрельбы: «Многие полагают еще и ныне, что пуля вредит

¹ Епанчин Н. Е. Тактическая подготовка русской армии. С. 9—12.

неприятелю только случайно. Мнение сие действительно оправдывается, однако ж только в тех случаях, где неучи действуют ружьем; когда же ружье в руках настоящего стрелка, мастера ремесла своего, то и успех стрельбы не будет зависеть от случайности».

Сущность рассыпного строя в наставлении изложена очень четко: «При таком способе сражаться действие каждого стрелка представится в виде частной или личной драки: ибо подробности действия, например, выгоднейших средств к нанесению вреда сопернику своему, избрание места к закрытию и защиты своей и проч. зависят совершенно от собственной воли и понятий стрелка». Странно читать среди других чисто формалистских уставов такой призыв к частному почину!

Во 2-й армии первый смотр стрельбы, по настоянию молодого начальника штаба генерала Киселева, был произведен в 1819 г.; этот смотр показал, что стрелковое дело в армии находится в жалком состоянии; причину следует искать в том, что начальники не придавали ей значения, так как на основательные занятия ею времени не было, а главное, высшие начальники на смотрах ею обыкновенно не интересовались, посвящая все свое внимание линейному учению. Кроме того, в войсках было очень много неисправных ружей.

В общем, вся цель обучения нижних чинов может быть выражена следующими строками: «обучив каждого солдата правильно стоять, владеть и действовать ружьем, маршировать и делать обороты и вообще все движения, весьма легко будет довести до совершенства в обучении роты, от коих зависит совершенство батальона и полка; для сего полковому и батальонным командирам как возможно прилежнее смотреть за ротными командирами, дабы при обучении солдат поодиночке каждому ясно, с терпением и без наказаний толковали все принадлежащие правила, показывая, что и как им исполнять; строгость при ученье употреблять только для нерадивых, но и тут поступать с умеренностью и осторожностью. Попечительный и искусный начальник может поселить в подчиненных своих охоту к службе и повиновение;

стараться также доводить солдат, чтобы почитали за стыд и самолейшее наказание»¹.

К сожалению, эти благие указания воинских уставов, в составлении которых принимали участие видные деятели минувших войн, скоро были забыты; влияние Аракчеева напроць смело идейную сторону обучения, а смотровые требования высшего начальства заставили полковых, батальонных и ротных командиров думать исключительно о муштре, при которой «строгость при ученье» приходилось проявлять не только к нерадивым, но и ко всем; понятно, что немногие ротные командиры при этом умели «поступать с умеренностью и осторожностью».

По словам известного партизана Д. В. Давыдова², «относительно равнения шеренг и выделявания темпов, наша армия бесспорно превосходит все прочие. Но, Боже мой, какво большинство генералов и офицеров, в коих убито стремление к образованию, вследствие чего они ненавидят всякую науку! Эти бездарные невежды, истые любители изящной ремешковой службы, полагают в премудрости своей, что война, ослабляя приобретенные войском в мирное время фронтовые сведения, вредна лишь для него. Как будто войско обучается не для войны, но исключительно для мирных экзерциций на Марсовом поле. Прослужив не одну кампанию и сознавая по опыту пользу строевого образования солдат, я никогда не позволю себе безусловно отвергать полезную сторону военных уставов; из этого, однако, не следует, чтобы я признавал пользу системы, основанной лишь на обременении и притуплении способностей изложением неимоверного количества мелочей, не поясняющих, но крайне затемняющих дело... Налагать оковы на даровитые личности и тем затруднять им возможность выдвинуться из среды невежественной посредственности — это верх бессмыслия. Таким образом можно достигнуть лишь следующего: бездарные невежды, отличающиеся самым узким пониманием, окончательно изгоняют отовсюду способных людей, которые,

¹ Епанчин Н. Е. Тактическая подготовка русской армии. С. 50.

² Там же. С. 6.

убитые бессмысленными требованиями, не будут иметь возможности развиваться для самостоятельного действия и безусловно подчинятся большинству...»

Борьба с Наполеоном потребовала немало войск, а в связи с этим пришлось значительно усилить и офицерский состав. Правда, в 1812 г. при формировании ополчения было принято много чиновников, отставных или даже дворян на должность офицеров; многие из них в 1813 г. перешли в регулярные полки, а затем и совсем остались в армии на действительной службе, но все же убыль офицеров была велика. Военное ведомство было сильно озабочено увеличением офицерского контингента, стремясь количеством до некоторой степени уравновесить недостаточные знания выпускаемых офицеров. В наиболее тяжелую годину военно-учебные заведения производили выпуски даже дважды за год. Дворянский полк, например, в 1812 г. выпустил 1139 офицеров¹.

Изменившиеся после 1815 г. условия службы, в связи со взглядом Аракчеева на военное дело, заставили уйти многих офицеров, причем, как замечает князь Паскевич, многие «наши георгиевские кресты пошли в отставку и очутились винными приставами». Приходилось опять производить усиленные выпуски. Так, в 1823 г., по высочайшему повелению, были произведены в офицеры до окончания курса 122 воспитанника 1-го и 2-го кадетских корпусов, питомцев Дворянского полка, военно-сиротского дома и Царскосельского лицея². Но такими экстренными выпусками нельзя было, конечно, радикально компенсировать недостаток офицерского состава.

Популярность военной службы среди дворянства уменьшается; вторжение Наполеона в Россию разорило немало помещиков, прожить же на одном казенном жалованье было трудно: после 1812 г. цены во всей России сильно поднялись. Это и вызвало прибавку содержания офицерским чинам, объявленную в день рождения государя, 12 декабря 1816 г.

Поскольку в период с 1801 по 1825 г. из всех военно-учебных заведений было выпущено только 16 тысяч офице-

¹ 100-летие Военного министерства. Т. X. С. 96.

² Там же. С. 117.

ров, военное ведомство пришло к необходимости учредить особые элементарные школы для подпрапорщиков; с 1822 по 1825 г. такие школы организовали в Могилеве, при штабе 1-й армии; юнкерскую школу — при штабе 2-й армии, в местечке Тульчине, и корпусные школы — при Гренадерском корпусе и при корпусах 1-й армии. Учреждением всех этих школ имелось в виду подготовить молодых людей к офицерскому званию, дав им знания, необходимые для строевого офицера, образовав их нравственно и внушив им правила военной дисциплины; однако уровень знаний, почерпнутых будущими офицерами в этих школах, был невысок, а нравственные устои — непрочны, так как пребывание воспитанников в школах было непродолжительным, да и состав учителей подбирался случайный.

Даже в военно-учебных заведениях учебное дело было поставлено невысоко; польза от учителей-иностранцев невелика, а своих учителей было мало; программы поражали многопредметностью, учебники или отсутствовали, или устарели¹. Служебное и материальное обеспечение учителей до 1819 г. было незавидное. По словам одного из современников², учителя нижних классов были «люди добрые и знающие», но некоторые из них настолько бедны, что «дозволяли кадетам пополнять пустые учительские карманы кусками хлеба, мяса, каши и масла в бумажках». В военно-сиротском доме учителю русского языка за 18 недельных часов полагалось жалованье 300 рублей в год!

Лишь когда во главе военно-учебных заведений стал гуманный граф Петр Петрович Коновницын (1819—1822), обратили наконец серьезное внимание на улучшение материальных условий, на лучшее размещение воспитанников, а главное, на их нравственное воспитание. К сожалению, граф Коновницын недолго пробыл на своем посту, и его влияние скоро было сивелировано. Нравы огрубели, уровень воспитания снизился, так как требования Аракчеева были диаметрально противоположны воззрениям графа Коновницына.

¹ 100-летие Военного министерства. Т. X. С. 128.

² Записки Вохина//Русская старина. 1891. № III.

Достаточно указать, что стоявший почти 20 лет во главе 1-го кадетского корпуса (1801—1820) генерал Клиндер, чрезвычайно ценимый главным начальником военно-учебных заведений великим князем Константином Павловичем педагог, говаривал: «Русских надо менее учить, а более бить!»¹. И действительно, за исключением коновницынского периода, в военно-учебных заведениях процветали телесные наказания, суровое и грубое обращение как между воспитанниками, так и воспитателей с ними. Понятно, что при выходе в офицеры они переносили такое же обращение и на своих солдат, особенно если видели поощрение со стороны своего ротного, батальонного, а зачастую даже и полкового командира.

Генерал Киселев после вступления в должность начальника штаба 2-й армии писал Закревскому 13 июля 1819 г.: «Касательно до назначения будущих полковых командиров, то я здесь отличных действительно не знаю, батальонами ладят, но полк — дело другое»². В это время уже резко бросался в глаза недостаток образования и воспитания среди начальников, начиная от самых младших. Во время службы с офицерами не занимались; стремились лишь превратить и офицеров, и солдат в машины, способные к однообразному и одновременному исполнению команд.

Долгое время анализом кампаний 1812—1814 гг. как бы перестали интересоваться. Описания и планы важнейших сражений, правда, были составлены генералом Толем, но они были распространены в самом ограниченном кругу специалистов. Интересно отметить, что в царствование Александра I появилось лишь два описания войны 1812 г.: одно — Д. Ахшарумова, а другое — Бутурлина, да и то на французском языке. Работы эти были в общем малоизвестны среди офицерства. Некоторые исследователи этой эпохи отмечают, что Александр I испытывал неприятное чувство при напоминании ему о событиях Отечественной войны, а особенно о Бородинском сражении, слава которого приписывалась Куту-

¹ 100-летие Военного министерства. Т. X. С. 131.

² *Епанчин Н. Е.* Тактическая подготовка русской армии. С. 46—47.

зову, что невольно умаляло в армии личность Александра. Случалось, что памятная дата этого сражения решительно ничем не отмечалась даже тогда, когда император этот день проводил в Москве.

Такое отношение Александра I вызывало подражание и у других, вследствие чего память о геройских событиях этой войны начала сглаживаться в нашей армии: о них не напоминали ни дни празднования, ни исследования хода кампаний, ни, наконец, те традиции и приемы обучения, жизненность которых подтверждали славные бои этой эпохи; наоборот, все, казалось, напоминало времена Павла. Как вполне справедливо писал генерал Паскевич в своих заметках: «В год времени забыли войну, как будто никогда и не было, и военные качества заменились экзерцирмейстерской ловкостью».

К тому же офицерство отличалось жестоким отношением к нижним чинам. «В течение службы моей я видел таких командиров, которые дрались потому только, что их самих драли», — писал Сабанеев Киселеву. В докладной записке о телесных наказаниях, составленной тем же Сабанеевым, между прочим сказано: «В полку от ефрейтора до командира все бьют и убивают людей, и как сказал некто: в русской службе убийца тот, кто сразу умертвит, но кто в два, три года забил человека, тот не в ответе»¹.

Грубое с офицерами и жестокое с нижними чинами обращение после 1820 г. стало входить в норму. Главнокомандующий 2-й армии граф Витгенштейн в своем приказе от 7 июля 1822 г. пишет: «Я заметил, что в некоторых полках 14-й дивизии господя полковые командиры весьма грубо обходятся со своими офицерами, забывая должное уважение к званию благородного человека, позволяют себе употребление выражений, не свойственных с обращением, которое всякий офицер имеет право от своего начальника ожидать. Строгость и грубость, взыскание и обида суть совсем различные вещи, и сколь первая необходима, столь вторая для службы вредна... Насчет же обращения с нижними чинами должен я заме-

¹ Епанчин Н. Е. Тактическая подготовка русской армии. С. 46—47.

тить, что за учение не должно их телесно наказывать, а особенно таким жестоким манером, каким оно часто делается...»

Но Витгенштейн отличался благородством, а много ли других высших начальников признавало нужным замечать нездоровую обстановку в армии. По крайней мере в их рядах нет Аракчеева, воскресившего с успехом в военных поселениях павловские времена.

Возникновение тайных обществ

Союз благоденствия ♦ Северное и Южное тайные общества

♦ **Подавление вспышки недовольства в Лейб-гвардии Семеновском полку**

♦ **Беспорядки в войсках в период междуцарствия**

♦ **Мятеж в Черниговском полку**

Как уже было указано, великие события Отечественной войны оставили в душе офицеров и солдат глубокие, возвышающие человека впечатления, а в период заграничного пребывания русских войск многие офицеры ознакомились с прогрессивными политическими идеями и теориями относительно государственного обустройства.

Пример прусского тайного союза (Tugendbund), казалось, ярко подтверждал, что могут сделать его члены для расцвета своего отечества. Александр I с самого начала своего царствования относился благосклонно к либеральным устремлениям своих подчиненных, настоял во Франции на введении конституции, а вскоре по окончании войн с Наполеоном дал Польше, так яростно воевавшей против нас, самое либеральное управление. Русское общество в целом и офицерством в частности были восхищены этим, тем более, что при открытии первого польского сейма 15 марта 1818 г. государь в своей речи указал, что, вводя в Польше управление на основании правил законно свободных учреждений, он получает вместе с тем средство явить отечеству то, что с давних лет ему приготовляет, и чем оно воспользуется, когда достигнет надлежащей политической зрелости.

Со времени введения Аракчеевым в обучение войск муштры, а в особенности после учреждения военных поселений

среди офицерства, преимущественно в гвардии, появилось недовольство не только своим положением, но и положением России. Заграничные походы познакомили офицеров с политической прессой, развитой в то время в Западной Европе. По возвращении многие офицеры, особенно гвардейские и из Генерального штаба, стали зачитываться иностранными газетами и журналами, в которых часто драматически представлялась борьба за конституционный строй в западноевропейских государствах. Изучая смелые политические теории и системы, многие офицеры мечтали приложить их и в своем отечестве. Это-то и служило главной темой бесед офицерских кружков, образовавшихся в изобилии после 1815 г. Кроме того, знакомились со статутами тайных политических обществ, размножившихся во Франции и Германии. Возникновению таких кружков среди нашего офицерства способствовала некоторая замкнутость петербургской жизни, замечаемая после 1815 г.; происходило ли это от перемены характера императора или же по причине экономического спада, но офицерство стало значительно меньше кутить.

В конце 1816 г. несколько молодых офицеров из гвардии и Генерального штаба образовали тайное общество. Сначала это общество ограничилось вербовкой новых членов и ознакомлением с конституционной западной теорией. Пропаганда велась довольно свободно, так как полиция, даже столичная, не отличалась большой наблюдательностью, да, кроме того, всем было известно либеральное отношение Александра I к культивированию таких идей; к тому же деятельность общества не затрагивала пока существующего порядка, а носила чисто образовательный характер.

В конце 1817 г. один из членов русского тайного союза, князь Илья Долгоруков, во время поездки в Германию вошел в сношение с прусским Tugendbund²ом и получил его статут. В Москве, на собрании членов в 1818 г., этот статут, приуроченный к нашим условиям, был принят как статут русского политического союза, принявшего название Союза благоденствия.

Не прибегая ни к каким насильственным мерам, союз предполагал действовать на русское общество нравственными и

общеобразовательными средствами, по возможности искоренять невежество и злоупотребления убеждением и благими примерами, давать благое направление воспитанию юношества, принимать меры к уничтожению крепостной зависимости крестьян и ревностно содействовать правительству в его благих намерениях. Но сокровенной задачей союза являлось введение в России конституционного управления; большая часть членов оставалась сторонниками монархии, но были приверженцы и республиканского правления¹. Провести эти идеи в жизнь можно было лишь при коренной ломке существующего порядка, и таким образом Союз благоденствия превратился в чисто политический. Воодушевляемые самыми чистыми устремлениями, они, очевидно, упускали из виду пагубные последствия, связанные всегда с вмешательством войск в государственные дела своего отечества, да и наконец, они пренебрегали своим служебным долгом, запрещавшим им вступать в тайные союзы. После Московского съезда число членов союза сильно возросло: к нему присоединялась уже не только молодежь, но и люди более зрелого возраста: несколько генералов (М. Орлов, С. Г. Волконский), многие командиры полков (Пестель, Фонвизин, Булатов) и штаб-офицеры, особенно из 2-й армии, а также помещики и чиновники. В период с 1818 по 1823 г. союз значительно разросся, одновременно учреждены были и другие политические общества, например военное, члены которого узнавали друг друга по надписи, вырезанной на клинках шпаг или сабель: «За правду!» Были образованы даже две масонские ложи, которые в большинстве своем состояли из членов Союза благоденствия.

Деятельность членов союза не распространялась на солдат; агитация среди нижних чинов не велась, но офицеры — члены союза вывели из употребления телесные наказания, процветавшие при аракчеевском режиме, и своим человеческим отношением установили самую тесную связь с нижними чинами, обыкновенно горячо любимыми этих начальников.

¹ *Фонвизин М. А.* Обзорение проявлений политической жизни в России. С. 187.

Попытка некоторых историков связать вспышку в Лейб-гвардии Семеновском полку в 1820 г. с деятельностью Союза благоденствия не имеет никаких серьезных оснований, так как возмущение было вызвано крайне резкой переменой полкового режима. В это время сам Александр I проникся уже в достаточной степени реакционными устремлениями. Имея достаточно полные секретные сведения о широком распространении среди офицерства идей Союза благоденствия и не видя пользы в слишком гуманном обращении с нижними чинами, в чем некоторые начальники усматривали даже ослабление дисциплины, Александр I, под влиянием Аракчеева и Волконского, решил произвести полномасштабную замену командных кадров. Так, командирами гвардейских полков были назначены: Преображенского — полковник Пирх, Измайловского — Мартынов, Московского — Фридерикс, Гренадерского — Стюрлер и Семеновского — полковник Шварц.

Особенно тяжело пришлось Лейб-гвардии Семеновскому полку; как известно, полк этот пользовался всегда особым расположением своего августейшего шефа — императора; предыдущий командир, генерал Потемкин, отличался мягкостью и деликатным обращением как с офицерами, так и с нижними чинами, о которых он по-отечески заботился: были заведены кровати для нижних чинов, и почти каждый имел собственный самовар. Такие же добрые отношения установились и у офицеров с солдатами. Семеновцы жили богаче других, может быть, еще и потому, что многие из них были отличными башмачниками, султанщиками и, выполняя частные заказы, зарабатывали довольно большие деньги. Офицеры полка вскоре после возвращения из заграничных походов образовали артель и положили начало офицерской библиотеке; в этой артели некоторые столовались, что способствовало более тесному сближению офицеров, усиленному совместным чтением и ознакомлением с политической литературой.

Наоборот, новый командир, полковник Шварц, был человеком малообразованным. Назначили его командиром полка 11 апреля 1820 г., по всей вероятности, по указанию Арак-

чеева (Шварц с 1809 по 1815 г. служил в Гренадерском графа Аракчеева полку и заслужил его благоволение), который, относясь крайне неодобрительно к потемкинскому режиму в Семеновском полку, будто бы говаривал так: «Надо выбить дурь из голов этих молодчиков».

В приказе по полку от 1 мая Шварц выразил неодобрение прежним порядкам и круто изменил их; отныне и солдаты перестали видеть от своего полкового командира приветливое обращение. С офицерами полка он поддерживал сугубо официальные отношения: приказания и распоряжения отдавал преимущественно через фельдфебелей, которых для этого собирал к себе по несколько раз в день. Случалось, что через фельдфебелей он передавал ротным командирам и свои замечания. Уменьшив влияние ротных командиров, он подорвал их авторитет.

Кроме усиленных общих и одиночных фронтовых учений, Шварц еще ввел личные смотры нижних чинов; для этого он приказывал присылать к нему с десятков нижних чинов рот и осматривал их выправку и обмундирование; замеченных в малейшей неисправности требовал к себе на вторичный смотр; к таким смотрам обыкновенно готовились еще с вечера; вернувшись со смотра, тотчас шли на ротные ученья; нижние чины были заняты целый день. Часто Шварц заставлял по три часа сряду маршировать весь батальон или какой-нибудь взвод, не угодивший ему.

Мундт, назначенный ординарцем к великому князю Михаилу Павловичу, рассказывал, что перед этим в качестве своего рода испытания он должен был в продолжение двух недель подносить Шварцу полный стакан воды, поставленный на кивер, не разлив ни капли¹.

В воскресные дни в тех ротах, которые назначались в церковный наряд, Шварц проводил часа два предварительное учение, отчего эти роты обыкновенно поспевали лишь к концу обедни. От частых стирок зимние панталоны истерались, и солдаты вынуждены были покупать новые, конечно за свой счет. Весьма естественно, что бригадный командир, великий

¹ Былое. 1907. № 1. С. 14.

князь Михаил Павлович, зачастую поражался вялым видом семеновцев.

Шварц значительно усилил и наказания. Так, с 1 мая по 3 октября было 44 телесных наказания (от 100 до 500 розог), что Семеновского полка являлось уже чрезвычайным. Вопреки закону Шварц подвергал телесному наказанию и георгиевских кавалеров; во время учений часто дрался, плевал в лицо. Понятно, что такое обращение настроило против него весь полк. Попытки солдат пожаловаться на притеснения полкового командира не привели к благоприятным результатам. Враждебно настроенные офицеры, по-видимому, не стеснялись громогласно выражать свое недовольство и при солдатах порицать действия своего командира. Конечно, если бы отношения между командиром и офицерами были нормальные, те должны были предупредить о нарастании озлобления у солдат.

Наконец, после учения 16 октября, когда Шварц наказал по обыкновению одного из нижних чинов 2-й фузilierной роты, гвардейцы решили подать жалобу на притеснения полкового командира. Собравшись самовольно в 11 часу ночи в коридоре, они вызвали своего ротного командира и просили его ходатайствовать об отмене внеочередных смотров, особенно по праздникам. Ротный командир отправился доложить о случившемся батальонному и полковому командирам. Полковник Шварц приказал наблюдать за порядком и утром ожидать приказаний, а сам донес о случившемся своему бригадному командиру, великому князю Михаилу Павловичу, и через начальника штаба Гвардейского корпуса, Бенкендорфа, корпусному командиру князю Васильчикову. Последний, будучи нездоров, послал Бенкендорфа произвести расследование. Уже во время этого расследования видно было, насколько солдаты 1-го батальона неспокойны. Бенкендорф потребовал выдать зачинщиков. Как всегда бывает при массовых беспорядках, волнение стало расти, зачинщиков не выдали. Начальство решило наказать солдат за сопротивление, и в итоге, сочтя их виновными в своеволии ислушании, командир корпуса приказал арестовать всю роту, посадить ее в Петропавловскую крепость и отдать под суд. Вече-

ром 17-го солдат отвели в крепость под конвоем двух рот Лейб-гвардии Павловского полка.

На другой день от Семеновского полка должны были назначить городской караул. Когда в 1-м батальоне узнали о судьбе 1-й роты, то вспыхнуло негодование; уговоры ротных и батальонного командиров были безуспешны; люди заявляли, что в караул пойдут не иначе, как со своей головой, т. е. с 1-й ротой, так как без нее «не к чему пристраиваться». Из казарм волнение перекинулось на полковой двор.

Полковник Шварц не решился явиться к волнующимся и ночь провел даже вне полка. Ночью приезжал уговаривать полк военный генерал-губернатор граф Милорадович, но, несмотря на свою популярность, безуспешно; так же неудачно окончилась и попытка бывшего командира генерала Потемкина. Тогда князь Васильчиков объявил, что в 6 часов утра сам произведет смотр полка, и приказал занять казармы семеновцев Лейб-гвардии Егерским полком, а генералу Орлову с конногвардейцами приблизиться к площади.

Прибывший утром князь Васильчиков объявил, что велел арестованную 1-ю роту предать суду, без разрешения государя теперь освободить ее уже не может и, так как и остальные роты послушались приказа начальства, то он приказывает и им немедленно идти под арест в крепость. «Где голова, там и хвост», — сказали солдаты и спокойно, не заходя в казармы, отправились толпой в крепость. Офицеры были при них и шли впереди.

По прибытии нижние чины были размещены по казематам, а офицеры возвратились на свои квартиры. Затем, 19 октября, 2-й батальон отправили на судах в крепость Свеаборг, 3-й сухим путем в Кексгольм, а 1-й, как наиболее виновный, оставили в крепости.

Семеновская история взволновала почти всю гвардию. Некоторые командиры заявили, что не могут быть вполне уверены в своих полках. Однако благодаря тому, что вспышка была спонтанной и не сопровождалась внешней агитацией, ее легко потушили. Петербургское общество было чрезвычайно взбудоражено этим происшествием; все симпатии были на стороне семеновцев. Полиция объясняла это тем,

что в городе было немало родственников и хороших знакомых семеновских офицеров.

Государь в это время был на конгрессе в Троппау. Получив это горестное известие, Александр I приписал волнения влиянию извне, так сказать агитационному; никто из высших начальников не попытался разъяснить правду. 2 ноября государь подписал приказ, решающий судьбу полка. Всех нижних чинов велено было распределить по разным полкам армии. Штаб- и обер-офицеры были признаны непричастными к неповиновению, наоборот, отмечалось, что они усердно старались восстановить порядок, но им это не удалось из-за неумения обходиться с солдатами и заставлять себе повиноваться, а потому их приказано было перевести в армейские полки. Шварца предавали военному суду за несостоятельность держать полк в должном повиновении¹.

Для немедленного пополнения Семеновского полка назначалось по одному батальону любимых Аракчеевым гренадерских имени императора австрийского, короля прусского и наследного принца полков корпуса военных поселений.

Семеновская история заставила государя обратить серьезное внимание на положение солдат. В январе 1821 г. князь Волконский сообщил князю Васильчикову царское желание, чтобы генералы, начиная с него самого, никого не предупреждая, посещали казармы в различные часы дня и наблюдали, что делают солдаты, чем их кормят, нет ли у них в чем недостатка, и, часто разговаривая с ними вне службы, выслушивали бы их жалобы и старались исполнять их просьбы, дабы тем заслужить их привязанность и уважение.

Нижние чины Семеновского полка были распределены в 1, 2, 3, 4, 5, 13, 15 и 23-ю пехотные дивизии по 200 человек, а в 8-ю пехотную дивизию (в Лубны) — около 400 человек. Большинство офицеров попало во 2-ю армию.

¹ Шварц был приговорен особым судом к лишению жизни. Государь, принимая во внимание предыдущую его доблестную службу, повелел его отставить от службы и вперед никуда не принимать. По ходатайству Аракчеева, он был зачислен в корпус военных поселений, но никакой части в командование не получил и в 1826 г. вновь был отчислен со службы.

Положение офицеров и нижних чинов Семеновского полка, переведенных в армию, было тяжелым. Офицерам запрещено было выходить в отставку, им не разрешались даже временные отпуска, их отстранили от командных должностей, и вообще на них смотрели как на штрафников. Рассылка офицеров и нижних чинов чуть не по всей армии, а в особенности излишняя суровость к ним повлекли за собой самые неблагоприятные последствия. По словам Вигеля, «рассеянные по армии недовольные офицеры встречали других недовольных и вместе с ними, распространяя мнения свои, приготовили другие восстания, которые через 5 лет унять было труднее».

Солдаты, конечно, явились наиболее податливым элементом для тайных обществ, так как, ненавидя правительство, возбуждали такие же чувства у своих товарищей; по своему же уровню развития бывшие гвардейцы резко выделялись и, конечно, легко приобретали влияние над остальными солдатами. Было бы целесообразнее Семеновский полк в полном составе отправить на Кавказ, где он мог бы сослужить на боевом поприще большую службу.

После вспышки недовольства в Семеновском полку правительство усилило надзор тайной полицией; это стало известно Союзу благоденствия и заставило его принять соответствующие меры предосторожности. В начале 1822 г. в Москве собрались депутаты из Петербурга, Тульчина и Киевской губернии, которые и постановили упразднить союз; упразднение было фиктивным, но этим главные деятели союза хотели, с одной стороны, ввести в заблуждение правительство, а с другой — избавиться от некоторых членов, которые внушали недоверие.

Между тем союз продолжал работать и развиваться; несомненно, что вспышка в Семеновском полку выдвинула среди членов союза вопрос уже о революционной деятельности в войсках. К этому времени союз состоял как бы из двух отделений: Северного, в Петербурге, и Южного, в Тульчине. Во главе Северного стояли поручик князь Оболенский, двое статских — Пущин и Рылеев, два брата Бестужевых, штабс-капитан Каховский. Ядром Южного общества являлись полковник Пестель, командир Вятского пехотного

полка, подполковник Черниговского полка С.М. Муравьев-Апостол, переведенный в армию из Лейб-гвардии Семеновского полка, полковник князь Трубецкой, генерал-майор князь С. Г. Волконский и другие.

Южное отделение отличалось более крайним направлением. Пестель составил проект конституции России под названием «Русская Правда».

По-видимому, среди членов союза теперь стала крепнуть мысль воспользоваться содействием войск для достижения своих революционных целей; правда, некоторые умеренные члены указывали на опасность вмешательства войск, но другие настаивали на возможности при борьбе со старым режимом прибегнуть к самым крайним мерам.

Вопросы на заседаниях союза обсуждались настолько открыто, что об этом знали в обществе, знали и многие начальствующие лица. Известна по этому поводу поданная Александру I князем Васильчиковым еще в середине 1812 г. странная записка Бенкендорфа о тайных обществах в армии. Император по ней не предпринял ничего.

Несомненно, что члены союза — некоторые офицеры во 2-й армии — беседовали о революционной деятельности и с нижними чинами; по крайней мере, именно этим можно объяснить беспорядки в Черниговском пехотному полку, но беседы эти были единичными.

Во всяком случае, предводители союза, решив прибегнуть к революционной помощи войск, долго не могли выработать определенного плана, в чем же именно должна выразиться эта помощь и когда к ней целесообразно прибегнуть; в этом отношении Южное отделение оказалось впереди Северного, настроение южан было значительно радикальнее, но и они не имели готового плана действий.

В самом конце царствования Александра I нашлись среди военнотружущих лица, которые, считая, что революционные задачи союза нарушают долг присяги, донесли об этом высшему начальству; таким оказался юнкер Бугского уланского полка Шервуд; о деятельности Пестеля поступил донос от капитана его полка Майбороды; имелись также донесения о тайных обществах чиновника Бошняка.

Все эти сведения, ввиду особой важности и необходимости сохранения дела в полной тайне, сообщались только императору, относившемуся к ним спокойно, начальнику Главного штаба, генерал-адъютанту Дибичу, и графу Аракчеву. Предполагалось захватить всех руководителей Южного отделения, для чего уже, по приказанию Александра I, был командирован Лейб-гвардии Казачьего полка полковник Николаев, но тяжкая болезнь императора и затем кончина его в далеком Таганроге, а главное, самовольное устранение от всех дел графа Аракчеева, слишком потрясенного смертью Настасьи Минкиной, остановило это важное мероприятие в самом ответственном периоде и дало возможность разыгаться крупным беспорядкам в войсках в Петербурге и в Василькове, штабе 2-го батальона Черниговского полка, которым командовал подполковник С. И. Муравьев-Апостол. Эти беспорядки вспыхнули спонтанно, лишь вследствие междуцарствия, после кончины Александра I, продолжавшегося 17 дней и возникшего по причине того, что лишь немногие доверенные Александра I знали, что в Государственном совете и в Московском Успенском соборе хранились запечатанные бумаги, которыми Александр изменял закон о престолонаследии в пользу великого князя Николая Павловича.

Великий князь Николай Павлович сам и по его приказанию вся армия присягнули Константину немедленно после получения известия о смерти Александра I. Во избежание беспорядков следовало бы акт, изменяющий основные постановления об императорской фамилии Павла I, по которым престол после кончины Александра I должен был перейти к старшему брату Константину, объявить заранее всенародно.

Столь продолжительное междуцарствие дало мысль наиболее горячим головам в Северном отделении союза попытаться если не вырвать власть у нового государя, то хотя бы ограничить ее. Наиболее действенным способом было увлечь на революционный путь солдат, однако войска к этому были совершенно не подготовлены. Решено было сбить их ложными слухами о том, что Константина устраняют с престола насильственно, а не добровольно; слухи эти распрост-

раняли среди нижних чинов наиболее любимые ими офицеры (Михаил и Александр Бестужевы в Лейб-гвардии Московском полку, поручики А. Н. Сутгоф, Н. Попов и подпоручик Кожевников — в Лейб-гвардии Гренадерском полку); отсутствие цесаревича Константина Павловича, находившегося в эти тревожные дни в Варшаве, несмотря на просьбу Николая I о возвращении, окончательно сбивало солдат и увеличивало достоверность распускаемых слухов.

Наскоро выработанный в Северном отделении союза план действий был основан на упорстве солдат остаться верными Константину, когда будет приказано присягнуть Николаю I. Рассчитывали на основании непроверенных сведений, что новую присягу не дадут полки: Измайловский, Егерский, лейб-гренадеры, Московский, Финляндский, Гвардейский экипаж и часть гвардейской конной артиллерии. Как только собраны будут полки для новой присяги, а солдаты окажут сопротивление и не захотят дать ее, то офицеры-революционеры выведут их с полковых дворов и соберут на Петровской площади, что заставит Сенат немедленно издать манифест об изменении формы правления в России.

В действительности в день новой присяги, 14 декабря 1825 г., удалось увлечь лишь по два батальона (да и то не полностью) Московского и Гренадерского полка и часть Гвардейского экипажа; вот эти-то части, подкрепленные довольно большой толпой черни, собрались у памятника Петра I с криками: «Ура! Константин!» На стороне бунтующих было не более 3000 солдат. После продолжительных переговоров, не приведших к благоприятным результатам, но повлекшим за собой напрасные жертвы — были смертельно ранены граф Милорадович и полковник Стюрлер, — Николай I, сосредоточив к этой же площади остальные войска, присягнувшие ему, рассеял бунтовщиков картечью, и бунт был прекращен к вечеру того же дня.

Беспорядки во 2-й армии выразились лишь возмущением в Черниговском полку вследствие ареста 25 декабря 1825 г. подполковника С. И. Муравьева-Апостола. Обожавшие Муравьева офицеры полка отбили его, тяжело ранив при этом своего командира полковника Гебеля; затем освобожденный Муравьев со своими единомышленниками-офицерами двинул-

ся с двумя ротами к полковому штабу, присоединив попутно еще четыре роты. Муравьев-Апостол издал воззвание, в котором говорилось: «Российское воинство грядет восстановить правление народное, основанное на святом законе».

Весть о мятеже в Черниговском полку распространилась очень быстро и смутила соседние войска. Командир корпуса генерал Рот выехал в ночь с 30 на 31 декабря в местечко Белая Церковь, приказав сосредоточиться девяти эскадронам 3-й гусарской дивизии, 5-й конноартиллерийской роте и 17-му Егерскому полку. Видя, что пехотой будет трудно настичь мятежников, он 3 января окружил Муравьева конницей с трех сторон и после нескольких артиллерийских выстрелов заставил всех мятежников сдаться.

Других вспышек в армии не было. Трудно, судя по этим фактам, считать, что в армии в это время обнаружались серьезные попытки вмешаться в политическую жизнь своего отечества. Армия наша, как всегда, и в этот тяжелый момент оставалась верной своей присяге и долгу, и в политику, несмотря на усилия членов тайного союза, не была втянута. Несмотря на малопонятную для масс замену на престоле Константина Николаем, несмотря на революционную агитацию своих ближайших и любимых начальников, войска оставались стойкими и твердыми в деле охранения спокойствия своей родины. Да и нельзя считать, что политический Союз благоденствия имел уж такое большое число членов среди офицерства и нижних чинов.

Из дела о восстании 14 декабря 1825 г. видно, что в составе Сводного полка, сформированного из бунтовавших солдат гвардии и выступившего 27 февраля 1826 г. на Кавказскую линию, всего находилось: два штаб-офицера, 31 обер-офицер, 70 унтер-офицеров, 28 музыкантов, 1107 строевых и 49 нестроевых, всего 1287 человек¹, а из реестра коменданта Петропавловской крепости генерал-адъютанта Сукина следует, что офицеров, посаженных в крепость по делу Союза благоденствия, было меньше 100.

¹ *Василич Г.* Междуцарствие и восстание 1825 г. Кн. IV. 1908. С. 63 (Приложение).

Военные поселения

Цели и задачи создания военных поселений ♦ Отзывы современников о состоянии дел в поселениях ♦ Холерные бунты ♦ Ликвидация Николаем I военных поселений

Имя Аракчеева стало особенно ненавистным из-за создания военных поселений. М. А. Фонвизин в своих «Записках» отмечает, что «ничто столько не возбуждало негодования общественного мнения против Александра, не одних либералов, а целой России, как насильственное учреждение военных поселений».

Идея этого учреждения не принадлежала графу Аракчееву; по свидетельству историка Н. К. Шильдера, мысль о целесообразности военных поселений в России пришла государю после прочтения статьи генерала Сервана: «*Sur les forces frontières des états*». Статья была переведена князем Волконским на русский язык (для Аракчеева, который не знал французского), причем были оставлены против текста белые поля для собственноручных пометок государя. Александр I, видя, как страдает казна из-за постоянного увеличения наших вооруженных сил, вызванного первыми войнами с Наполеоном, решил уменьшить расходы по содержанию войск путем передачи части армии, именно пехоты и кавалерии, на содержание крестьян. Поселенные среди них войска должны были помогать им в свободное от занятий время, работать в поле и дома и в свою очередь приучать крестьян к военной жизни, дисциплине и строевым порядкам. Итак, в основу военных поселений легла мысль облегчить России содержание ее многочисленных войск и в то же время ввести военную подготовку мужского населения (наподобие *Krümper-System* в Пруссии), с тем чтобы в случае войны можно было рекрутов ставить прямо в действующие войска, не тратя времени и сил на предварительное и первоначальное обучение. В положении о военных поселениях, изданном в 1825 г., прямо указана цель их создания: «постепенное уменьшение, а затем и *совершенная отмена рекрутских наборов*». Несомненно, идея заманчивая, но исполнимая лишь отчасти, да и то если поселенные войска не будут из-

лишне заняты мелочами строевой службы и действительно помогут крестьянину в его полевых работах. Здесь особенно ярко проявилась отличительная черта Александра I — его умозрительный способ мышления; хорошо было бы как крестьян, так и солдат превратить в механические фигуры и переставлять одних на место других. Отсюда понятно, почему Александр I ни за что не хотел отказаться от своей задумки, несмотря на довольно грозные предостережения полной неудачи и явное несочувствие, высказанное вначале всеми ближайшими его сотрудниками.

Несомненно, что результат осуществления этой идеи всецело зависел от лица, стоящего во главе дела; здесь требовался человек с государственным умом, чрезвычайно широким кругозором, большим опытом в военном деле, знанием внутренней жизни государства и притом безусловно доброжелательный. Скажем так, если бы во главе него поставили М.И. Голенищева-Кутузова, то можно было бы вполне рассчитывать на более благоприятный исход, но, однако, не на полный успех, так как из-за сложности взаимных отношений и разнородности обязанности солдат и крестьян невозможно было иметь хорошего военного крестьянина и выдающегося поселенного солдата. Конечно, если принять во внимание примитивность тогдашней военной техники, простоту обращения с огнестрельным оружием, а главное, возможность чрезвычайно упрощения подготовки и обучения нижних чинов при 25-летней службе, то идея военных поселений имела под собой некоторую почву.

Кого же ставит во главе этого дела император? Графа Аракчеева! Трудно было подыскать более неудачного руководителя, и притом с совершенно неограниченными и бесконтрольными властными полномочиями. Недостаточно образованный в широком государственном смысле, воскресивший начала павловской муштры и парадомании, жестокий, злобный с подчиненными, не терпящий никаких возражений, а главное, не допускающий никаких изменений принятых им планов, Аракчеев представлял собой всемогущего самодура, с которым всякий талантливый и образованный человек избегал не только служить, но даже и встречаться.

Спрашивается, почему Александр I, имея перед собой выдающихся государственных деятелей, для этого крупного дела избрал Аракчеева?

Несомненно, кроме полного доверия к нему и уверенности в точном исполнении своих предписаний, император восхищался Аракчевым как рачительным хозяином собственного имения, где тот к тому же завел чисто военный порядок. Действительно, гладкие, как паркет, дороги, отличные переправы через реки, благоустроенное село, примыкающее к графской усадьбе, производили удивительное впечатление: избы, выкрашенные в розовый цвет, стоят в ряд, на одинаковом расстоянии друг от друга; все постройки возведены по единому плану; все крестьяне одинаково и чисто одеты, стоят и отвечают по-военному. Из бельведера графского дворца видны двадцать две деревни, принадлежащие графу; в подзорную трубу даже можно рассмотреть, что делают крестьяне в каждой из них. По словам графа, его крестьяне достигли большого материального благосостояния, и вотчина его приносит прекрасный доход.

В письме к сестре, великой княгине Екатерине Павловне, от 7 июня 1810 г.¹ император не скрывает свой восторг перед прекрасным обустройством аракчеевского имения: «Когда я пишу Вам, это все равно, что я пишу и Георгу², а потому покажите ему эти строки. Я его убедительно прошу, когда он будет проезжать здесь, поехать в сопровождении генерала Аракчеева на дрожках через все деревни, через которые он меня возил, и обратить внимание: 1) на порядок, который царит повсюду; 2) на чистоту; 3) на устройство дорог и посадку деревьев; 4) на особую симметрию и изящество, которые соблюдены повсюду. Улицы здешних деревень обладают *именно той особой чистотой*, которую я так желаю для городов: лучшим доказательством

¹ Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. 1910. С. 32.

² Супруг великой княгини — принц Георгий Ольденбургский, Тверской, Ярославский и Новгородский генерал-губернатор и главноуправляющий путей сообщения.

того, что мое требование выполнимо, служит то, что оно соблюдено даже здесь, в деревне. Улицы Новгорода, Валдая, Вышнего Волочка, Торжка и Крестцов должны были бы содержаться в таком же виде! И какая чувствительная разница! Я повторяю: здешние деревни служат доказательством того, что это возможно...»

К концу 1809 г. у императора окончательно созрела мысль о военных поселениях. Аракчеев, говорят, сначала не одобрял этой идеи и даже противился ее осуществлению, но затем, желая угодить государю и сообразив, что это может послужить к еще большему упрочению его положения, явился самым горячим ее сторонником. Император повелел Аракчееву приступить к поселению запасного батальона Елецкого пехотного полка в Климовичском повете (позднее переименован в Могилевскую губернию), Бабылецком старостве, жителей которого переселили в Новороссийский край.

Отечественная война и заграничные походы приостановили на несколько лет развитие поселений. Вернувшись из-за границы в 1815 г. с надломленными душевными силами, Александр I с громадной энергией, однако, взялся за военные поселения, как бы считая их своим и Аракчеева личным делом.

Забыта была основная цель — облегчить государству содержание военных сил: Аракчееву был открыт неограниченный кредит, и миллионы широкой волной потекли к нему без всякого контроля, для того только, чтобы менее чем через 20 лет о них не осталось почти никакого воспоминания.

Император, осторожный в решении большинства серьезных государственных дел, не считал необходимым вынести вопрос о военных поселениях на предварительное обсуждение ни в Государственном совете, ни в Комитете министров. Не было составлено регламента, или положения, о военных поселениях, что давало Аракчееву полную свободу действий. Для поселения пехоты была избрана в этот раз Новгородская губерния; сделано это было исключительно для удобства Аракчеева; живя в Грузии, он, как неограниченный повелитель, находился в центре своих главных владений — военных поселений.

5 августа 1815 г. последовал указ на имя новгородского губернатора о размещении 2-го батальона Гренадерского имени графа Аракчеева полка в Высоцкой волости Новгородской губернии, на р. Волхове, по соседству с с. Грузино. Наблюдение за порядком в Высоцкой волости, ранее возлагаемое на земскую полицию, передавалось в ведение батальонного коменданта. 29 августа батальон уже выступил из Петербурга, а через пять дней был на месте и приступил к размещению. При поселении этого и последующих гренадерских батальонов приняли во внимание опыт квартирования Елецкого полка.

Жители волостей, назначенных для укомплектования данного полка, были оставляемы на месте и навсегда зачислялись в военные поселяне с подчинением военному начальству. Дети мужского пола зачислялись в кантонисты, а затем служили для пополнения поселенных войск. Соединение всех поселений одного полка (три волости) назывались округом такого-то полка. Итак, в каждый округ входили поселения одного полка, который делился на три батальона, а эти последние дробились на роты, капральства и взводы.

Вслед за аракчеевским полком последовали и другие гренадерские полки, во главе с полком императора австрийского, короля прусского и наследного принца; все эти полки селились по соседству с Аракчеевской вотчиной, вдоль р. Волхова. Здесь, в Новгородском и Старорусском уездах, вскоре было размещено 14 полков. В самом округе каждая рота жила отдельно: она имела свою ротную площадь, главным образом для занятий, гауптвахту, общее гумно и риги; офицеры жили тут же, в особых домиках. Все хозяйственные работы производились под надзором и по распоряжениям офицеров, являющихся как бы еще и помощниками. Центром поселения каждого полка являлся его штаб, где находилась квартира полкового командира, больницы, большой манеж, магазины и т. п.; обыкновенно это был прекрасно обустроенный целый городок. Страсть Аракчеева к строительству здесь была удовлетворена вполне.

Поселяемые войска получили от Аракчеева подробные инструкции, регламентирующие условия жизни и службы в

поселениях; начальникам было предписано «стараться добрым поведением всех вообще чинов не только предупредить всякие жалобы и неудовольствия своих хозяев, но приобрести их любовь и доверенность». Крестьянам поселений были дарованы многие льготы и выгоды, в числе их: списание многих казенных недоимок, облегчение и даже отмена некоторых денежных и натуральных повинностей, бесплатное пользование медикаментами, учреждение школ для детей, назначение специалистов по разным отраслям хозяйства для поднятия его культуры.

В отношении отбывания военной службы им были дарованы тоже немаловажные выгоды, а именно: они освобождались от общих рекрутских наборов, какая бы в них ни была острая нужда. По выслуге указанных лет каждый военный поселенец, продолжая жить в родном селе, освобождался от несения воинской повинности в каком бы то ни было виде. Содержание детей и подготовку их к военной службе правительство принимало на свое попечение, продовольствие и обмундирование было казенным.

Получается, в сущности говоря, заманчивая картина. Но тем не менее крестьяне в военные поселения шли крайне неохотно, ибо по своей натуре не могли мириться с режимом, созданным Аракчеевым.

Вслед за пехотными военными поселениями приступили к устройству таких же поселений и для кавалерии, для этого были избраны губернии Херсонская (Херсонский, Елизаветградский, Александрийский и Ольвиопольский уезды), Екатеринославская (Верхнеднепровский уезд) и Слободско-Украинская (Волчанский, Змиевский, Купянский, Старобельский и Изюмский уезды). Аракчеев и в этих поселениях являлся главным и полномочным начальником, но, живя постоянно вдали от них и не считая для себя удобным входить во все подробности их жизни по недостаточности знания кавалерийской службы, Аракчеев во главе этих поселений поставил генерал-лейтенанта графа Витта, штаб которого находился в г. Елизаветграде. На долю Аракчеева выпала огромная работа по водворению войск на места и разграничению деятельности их и крестьян; эта работа усложнялась

еще тем, что Аракчеев, не доверяя никому, входил во все сам; надо принять во внимание, что в то же время Аракчеев не упускал и важнейших государственных дел, по-прежнему поступавших на его рассмотрение.

Благодаря громадной энергии, проявленной как императором, так и Аракчеевым в деле создания военных поселений, они быстро и широко развивались.

3 февраля 1821 г. им было присвоено наименование отдельного корпуса военных поселений, а главным начальником корпуса назначен, конечно, граф Аракчеев; штаб его находился в Новгороде; начальником штаба был генерал Клейнмихель, человек чрезвычайно ловкий и умный. Состав штаба был разнообразным: туда входили инженеры, аудиторы, даже офицеры квартирмейстерской службы (Брадке был оберквартирмейстером корпуса военных поселений).

Что же представлял собой этот вид поселенного войска и в то же время вооруженного народа?

По словам Н.К. Шильдера, отдельный корпус военных поселений, составлявший как бы особое военное государство под управлением графа Аракчеева, в конце 1825 г. состоял из 90 батальонов Новгородского поселения, 36 батальонов и 249 эскадронов Слободско-Украинского, Екатеринославского и Херсонского поселений, что включало в себя уже целую треть русской армии¹.

¹ В положении о военных поселениях, изданном в 1825 г., указано, что «все поселение каждого полкового округа делится на две главные части: на неподвижную и подвижную.

Неподвижную часть населения составляют все те лица, кои не участвуют в военных походах и остаются всегда на местах поселения.

Подвижную часть населения составляют все те лица, кои участвуют в военных походах.

К неподвижной части принадлежат: 1) хозяева, 2) кантонисты, 3) инвалиды, 4) все старожилы свыше 45 лет, 5) семейства лиц, выступающих в поход.

Люди, подвижную часть полка составляющие, когда находятся на местах, распределяются в хозяйствах с их семействами, участвуют в сельских их работах и пользуются произведением общих их трудов. Хозяева в каждом полку соединяются в один батальон, в несколько рот или эскад-

Главным занятием поселенных войск по-прежнему оставались фронт и линейные учения; воскресили в этом отношении павловские времена, которые оставили глубокий след в душе Аракчеева; кроме того, пронырливый Аракчеев, видя увлечение Александра I разводами, приналег и в поселенных войсках на эту часть; надо было воочию доказать императору, что поселенные войска ничуть не уступают действующим во фронтных занятиях, а по хозяйству, размещению и по дешевизне содержания — так и значительно превосходят их. Многочасовая маршруировка в целях достижения должных выправки и стойки, а затем и линейные учения занимали целый день поселенного солдата; занятия производились не только со строгостью, но даже с жестокостью; зачастую на них присутствовал сам граф и, ежели замечал нерадение, назначал наказание шпицрутенами, а кроме того, и сами начальники, боясь подпасть под гнев Аракчеева или желая угодить ему, не жалели солдат. В этом отношении особенно отличался командир гренадерского имени графа Аракчеева полка, полковник фон Фрикен, пользовавшийся особенной любовью своего шефа и за свирепое мордобойство прозванный в поселениях Федором Кулаковым.

По окончании занятий или же в специально назначенные дни (попеременно) гнали солдат на строительные работы: сооружать штабы, дома для жилья, проводить дороги. Вырубку лесов, расчистку полей, проведение дорог, выделку кирпича и тому подобные работы возлагали на армейские кадровые батальоны. По словам А. К. Гриббе, эти батальоны — несчастные жертвы тогдашнего времени — числом до 50—60, приходили на поселения в апреле, а уходили на зимние квартиры в более или менее отдаленных уездах Новгородской и смежных с нею губерний — в сентябре; но иногда те батальоны, которые не успели выполнить определенных им рабочих уроков, оставляли в наказание и на октябрь.

ронов, и сия часть полка, при движении прочих в поход, оставаясь на своих местах, неподвижную приготавливает на службу людей, кои к ней поступят в благовременный замене той убыли, какая в подвижной части во время похода последовать может».

Наконец, совершенно измученный этими работами, солдат должен был еще и учить своего крестьянина, или его сына-кантониста. Если к этому добавить время на чистку и приведение в порядок своей амуниции, а еще на караульную службу при штабе, то картина его занятости довольно ясная. Не лучше жилось и крестьянину. Измученному полевой работой военному поселянину вменялись в обязанность фронтовые занятия и маршировка; возвратясь с занятий домой, он не находил и тут успокоения: его заставляли мыть и чистить свою избу и мести улицу. Он должен был ставить в известность начальство чуть ли не о каждом яйце, которое принесет его курица. Женщины не смели родить дома: чувствуя приближение родов, они должны были являться в штаб¹.

«Заботливость» графа простиралась до того, что он издал «Краткие правила для матерей-крестьянок Грузинской вотчины», касающиеся ухода за новорожденными.

Улучшение нравственности сельского населения также весьма заботило Аракчеева, свидетельством чего явились его «Правила о свадьбах»².

В огромном имении Аракчеева постоянно росло число женихов и невест; о них обыкновенно докладывал графу бурмистр. По приказу графа в дом к нему являлись парни и девицы целой толпой и становились парами — жених с выбранной им невестой: Иван — с Матреной, а Сидор — с Пелагеей. Когда все таким образом распределятся, граф приказывает перейти Пелагее к Ивану, а Матрену отдать Сидору и так прикажет повенчать их³. Отсюда в семействах шли раздоры, ссоры и процветал разврат. В довершение всего крестьянин никогда не оставался наедине со своей семьей — во дворе или избе всегда находились поселенные солдаты, что создавало немалый соблазн для женщин.

То, что творил Аракчеев в своей вотчине, стал проделывать он и во всех военных поселениях, считая режим, созданный им в Грузии, идеальным.

¹ Записки Вигиля. М., 1892. Т. V. С. 59.

² Старые годы. 1908. Июль—сентябрь. С. 440.

³ Русская старина, 1884. Март. С. 482. (Записки Отто.)

Если принять во внимание громадную работу по организации военных поселений, проведенную в сравнительно короткий срок, то невольно поражаешься трудолюбием и энергичностью Аракчеева.

Однако из воспоминаний сотрудников Аракчеева отчетливо видно, в чем состоял секрет той быстроты, с какой Аракчеев осуществлял желания государя. Секрет этот довольно прост. Аракчеев вовсе не считал нужным изыскивать для выполнения той или другой работы наиболее подготовленных людей. Он твердо верил во всемогущество субординации и проповедовал правило, что на службе никто и никогда не может отговариваться незнанием и неумением. Достаточно приказать и взыскать — и любое дело будет сделано.

Беспристрастный и сдержанный в своих суждениях, Бракке в своих «Записках» говорит прямо: «В занятиях по военным поселениям — много шуму, много мучений, беготни и суеты, а действительной пользы — никакой». В устройстве самих поселений, по отзыву того же автора, «на поверхности был блеск, а внутри уныние и бедствие». На каждом шагу встречались свидетельства бестолковых, непроизводительных затрат и отсутствия заботливости о действительной пользе дела. Слепая вера руководителей во всемогущество приказа постоянно опровергалась действительностью, но они упрямо не желали признавать справедливость жизненных уроков.

Сам выбор местностей для устройства поселений, по словам Бракке, был «роковым». В Новгородской губернии места под поселения были почти сплошь заняты старым, трухлявым лесом с обширными и глубокими болотами. Построили великолепные здания для штабов, провели всюду шоссе, поставили щегольские домики для солдат, но луга и пастбища оказались расположенными далеко за полями, и скот приходил на пастьбу совершенно изнуренным.

Выписали дорогой заграничный скот, когда луга еще не были нарезаны, и начался падеж скотины от голода и непригодности для корма болотных трав. И ко всем таким тяжелым промахам присоединялись тягостность педантичного формализма и бесцельная жестокость в приемах управления. Такова оборотная сторона показной «деловитости» аракчеевского

управления военными поселениями. Об этом свидетельствуют воспоминания Мартоса, Маевского и Европеуса.

А вот что пишет генерал Маевский, одним из видных помощников Аракчеева: «Все, что составляет наружность, пленяет глаз до восхищения; все, что составляет внутренность, говорит о беспорядке. Чистота и опрятность есть первая добродетель в этом поселении. Но представьте огромный дом с мезонином, в котором мерзнут люди и пища; представьте сжатое помещение, смешение полов без разделения; представьте, что корова содержится как ружье, а корм в поле получается за 12 верст; представьте, что капитальные леса сожжены, а на строения покупаются новые из Порхова с тягостной доставкой, что для сохранения одного деревца употребляют сажень дров для обставки его клеткою, и тогда получите вы понятие о сей государственной экономии».

При объездах военных поселений Александром I все сияло довольством и благосостоянием. Входя в обеденное время в разные дома, государь у каждого поселенца находил на столе жареного поросенка и гуся. Очевидцы рассказывают, однако, что эти гусь с поросенком быстро были переносимы по задворкам из дома в дом, по мере того, как государь переходил от одного поселенца к другому. Разумеется, прибавляет к этому рассказу очевидец, ни пустых щей, ни избитых спин государю не показывали¹.

От всех этих несказанных благодеяний народ приходил в «страх» и «онемелость». Подобное признание прорывается даже у самого Аракчеева в его донесениях государю.

Немудрено, что при таких условиях зачастую среди крестьян вспыхивали беспорядки; так, в самом начале возникли беспорядки в Высоцкой волости. Аракчеев не придавал им серьезного значения и обычно доносил государю, что бунтуют буяны, шалуны и люди дурного поведения.

Затем, когда Аракчеев одел детей военных поселенцев, в возрасте от 6 до 18 лет, в военные мундиры, пошли бабьи бунты. Все эти беспорядки вначале ликвидировались довольно быстро и легко, так как в районах поселения войск было в

¹ Воспоминания А. К. Гриббе//Русская старина. 1875. Январь.

избытке, они с населением далеко еще не сжились, и Аракчев распоряжался ими неограниченно и решительно. Мало-помалу Аракчев принял вводить признаваемые им необходимыми реформы: крестьяне стали ходить на полевые работы в мундирах; начали брить бороды. Правда, они все еще пытались избавиться от аракчевских благодеяний и посылали депутации к государю, но Александр I, принимая ласково депутацию, прежде всего давал им наставление повиноваться начальству. Ни к чему не привели ходатайства перед императрицей-матерью, перед цесаревичем Константином Павловичем и великим князем Николаем Павловичем.

По словам Мартоса, крестьяне говорили: «Прибавь нам подать, требуй из каждого дома по сыну на службу, отбери у нас все и выведи нас в степь: мы охотнее согласимся, у нас есть руки, мы и там примемся работать и там будем жить счастливо, но не тронь нашей одежды, обычаев отцов наших, не делай всех нас солдатами... Между тем, — продолжает Мартос, — всех жителей одели в солдатские мундиры, дали им летние и зимние панталоны, серые шинели, фуражки, расписали по ротам; во всяком селении взяли гумно, начали их в нем приучать ворочаться налево и направо, ходить в ногу, топтать каблуками, выпрямливаться, носить тесак; даже до такой степени заботились, что в тех гумнах не поленились выстроить печки, дабы поселяне и в зимние дни навещали манеж, маршировали в нем и слушали команду горластого капрала, для их столь особенного счастья».

После всех этих неудачных попыток крестьянам ничего другого не оставалось, как покориться своей печальной участи. 25 марта 1818 г. граф Аракчев доносил государю, что в военных поселениях все обстоит благополучно, смиренно и спокойно. Но на деле было не так: поселенец никогда не мог смириться с ограничением жизненной свободы и стеснением прав собственности; глухое чувство ненависти к тем, кто поставил его в эти условия, стало в нем таиться. Кто же был виновником? Поселенцы постоянно видели перед собой офицера: он жил среди них, вел фронтовые занятия; он был как бы и их помещиком. Против него и сосредоточилась вся их ненависть; к тому же среди офицеров военных поселений

немало оказалось сторонников муштры; старшие поселенные начальники очень недолго любили всех, кто не разделял их взглядов на военную службу, от таких всячески избавлялись, а на их место выдвигали наиболее ретивых унтер-офицеров. Кровавые события, разразившиеся в июле 1831 г. на берегах Волхова и известные под названием холерных бунтов, явились как бы искупительной жертвой громаднейшей государственной ошибки, допущенной в 1815 г. учреждением военных поселений.

Пользуясь тем, что из каждого поселенного полка два батальона ушли в поход против восставших поляков, придравшись к тому, что лекари и начальники якобы подсыпают в колодцы отраву, крестьяне-поселенцы бесчеловечно замучили нескольких офицеров. Этим военные поселения сами себе подписали приговор, и вскоре император Николай I вынужден был приступить к ликвидации детища Александра I.

Однако нельзя не признать, что Аракчеев заботился об улучшении материального обеспечения военных поселений: были заведены общественные хлебные магазины, положено основание конским заводам; учреждены для детей особые школы кантонистов; построены лесопильные и другие заводы и, наконец, образован специальный фонд военных поселений, достигший в 1826 г. 32 млн рублей. Впрочем, не слышно было, чтобы в бытность свою главным начальником отдельного корпуса военных поселений он раздавал пособия из этого фонда; он готовил себе памятник для потомства, но заслужил лишь народную молву, что «писать о нем надобно не чернилами, а кровью».

Русско-турецкая война 1828—1829 гг.

*П. М. Андрианов,
подполковник Генерального штаба*

Обстановка перед войной

Аккерманская конвенция и Лондонский трактат ♦ Силы и средства
противоборствующих сторон ♦ Театр военных действий на Балканском
полуострове ♦ Планы враждующих сторон

Аккерманская конвенция и Лондонский трактат. Война России с Турцией, длившаяся с 1806 по 1812 г., закончилась выгодным для нас Бухарестским миром. Но, подписав мирный договор, Турция не была склонна выполнить взятые на себя обязательства. Уже в период 1812—1815 гг. турки нарушили Бухарестский договор. Положение христиан в империи падишаха не улучшилось; особенно жестоко обращались турки с греками, пытавшимися силой оружия улучшить свое положение. Восстание греков в 1821 г. было подавлено ужасными мерами. Избиение греков в Константинополе, казнь патриарха в день св. Пасхи и прочие жестокости вызвали негодование во всей Европе. Торговым интересам России на Черном море наносился постоянный умышленный ущерб. Император Александр I, как творец и вдохновитель Священного союза, не решался на энергичное вмешательство во внутренние дела Турции. Усматривая в волнениях Пелопоннеса признаки революции, государь воздерживался от открытой поддержки греков.

С воцарением Николая I политический курс России резко изменился. Россия потребовала в 1826 г. точного исполнения Бухарестского договора. Турки забились тревогой. Внут-

реннее состояние империи падишаха в эту пору было чрезвычайно тревожным. Бунты янычар вносили полную анархию в управление страной. Правительство султана теряло под собой почву. Грозный и решительный тон русского ультиматума заставил турок смириться. В сентябре 1826 г. в Аккермане собрались дипломаты обоих государств. Статьи Бухарестского трактата о свободах русской торговли на Черном море были подтверждены. Россия была признана покровительницей Молдавии, Валахии и Сербии; но по острому греческому вопросу соглашения достигнуто не было.

Это побудило Россию в следующем, 1827 г., заключить особый договор (Лондонский трактат) с Англией и Францией, регулирующий греческие дела. Договор не был признан Турцией. Между тем брожение в Греции продолжалось и вызвало снова жестокие меры со стороны турок. Греческая кровь лилась рекой. Тогда договорившиеся державы отправили в Средиземное море свои флотилии. После ряда демонстраций союзный русско-французско-английский флот 8 октября 1827 г. при Наварине уничтожил турецкую эскадру. Такой внушительный акт не разрешил все же греческого вопроса. Султан Махмуд II опасался вызвать излишней уступчивостью христианам недовольство среди своих фанатичных подданных. Неожиданным ответом на Наваринский разгром был манифест султана, в котором говорилось, что притязания России никогда не будут удовлетворены, что Аккерманская конвенция заключена только для выигрыша времени, что священная война мусульман с неверной Россией неизбежна.

Россия еще раз попыталась склонить Турцию пойти на уступки, но, видя бесплодность всех дипломатических акций, наконец решила силой оружия подтвердить свои права. 14 апреля 1828 г. Николай I объявил войну Турции. Началась новая борьба креста с полумесяцем. Снова к берегам Дуная с севера потянулись доблестные полки русской армии, и на этот раз натиск войск увлек их за Дунай, за снежные вершины Балкан, почти к самому Царьграду. Начавшаяся война в истории России явилась как бы новым этапом в вековой борьбе нашей родины с Турцией, и этот этап должен был закрепить за Россией новые земельные приращения.

Силы и средства противоборствующих сторон. Война 1828 г. явилась первым крупным боевым испытанием для России после бурной эпохи Наполеоновских войн. После победоносного шествия от Москвы до Парижа русская армия мирно зажила в шумных столицах, в крупных центрах и по глухим углам на далеких окраинах обширной нашей родины. Мирная жизнь внесла новые веяния в ряды русской армии. Боевой опыт мало-помалу уступает место различным уставным ухищрениям. Опасная рутина проникает всюду; мертвая форма получает преобладающее значение. Кипучая эпоха Наполеоновских войн не позволяла развиваться в рядах нашей армии тем ложным началам воспитания и обучения войск, которые должны были стараниями гатчинцев вытеснить все то, что привито было русской армии в блестящую эпоху Румянцева и Суворова. Теперь, с наступлением продолжительного мирного периода, эти заглушенные войной начала стали быстро распространяться в рядах русской армии. Сложные уставы, непригодные для войны, заменили боевой опыт. Маршировка и эволюция сомкнутого строя составляли венец обучения. Выдвинутый войнами рассыпной строй стали считать опасным для дисциплины: поле заменили плацем и манежем, обучение стрельбе находилось в полном пренебрежении. Не лучше, чем в пехоте, обстояло дело в кавалерии. Тонкости манежной езды составляли идеал обучения. Полевой езде, разведке, сторожевой службе внимания не уделялось. Конница не шла в своем обучении дальше усвоения эволюций сомкнутого строя; лошади совсем не были втянуты в работу.

Артиллерия в увлечении показными, внешними формами не отставала от прочих родов войск. Не ограничиваясь требованиями стройности при движении и маневрировании, артиллерийские начальники стремились достигнуть, чтобы во время боевой стрельбы прислуга при орудиях работала с ловкостью жонглера, с соблюдением такта. Мелочность уставных требований отражалась на личном составе. Инициативе не было места в рядах армии. Все было строго регламентировано до мельчайших подробностей, и проявление собственного почина вызывало суровое возмездие. Стрем-

ление подогнать все под некую норму привело к тому, что придуманы были так называемые нормальные боевые порядки. Предполагалось, что при встрече с противником отряд всегда может быть построен по одному из усвоенных шаблонов, независимо от бесконечно видоизменяющейся обстановки. Нормальных боевых порядков было пять для пехоты с артиллерией и четыре для конницы с конной артиллерией.

Не стало и той близости между офицером и солдатом, какая установлена была в русской армии великим творцом ее и упрочена его талантливыми последователями, Румянцевым и Суворовым. Лишь годы войны, совместная боевая страда вновь сблизили солдата с его начальником, офицером.

Ложная система воспитания и обучения, принося огромный вред русской армии, не могла к началу войны 1828 г. предать забвению тот боевой опыт, каким обладала армия в предыдущую эпоху. И среди командного состава, и среди солдат еще много было ветеранов, исходивших Европу, участвовавших в великой борьбе с Наполеоном. Эти лица, как бы составляя ядро армии, поддерживали в ней бодрый дух и ревниво оберегали былую славу своих частей.

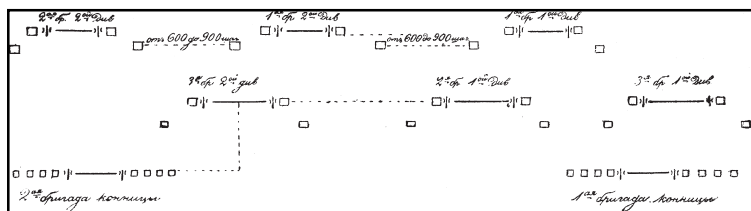
Русский солдат не мог быть окончательно исковеркан муштровкой Аракчеева. Его блестящие боевые качества остались незабываемыми. Исследователь войны 1828—1829 гг., знаменитый Мольтке, характеризуя нашего воина в эту эпоху, говорит: «Что касается русского солдата, то он является столь же стойким в перенесении трудов, усилий, лишений и страданий, как и неустрашимым среди опасности».

Численность вооруженных сил России в первую четверть XIX в. значительно увеличилась. Полная мобилизация могла дать для обороны страны свыше миллиона обученных бойцов. Но для предстоящей войны на южном фронте с Турцией решено было мобилизовать лишь одну 2-ю армию, в составе трех корпусов, численностью до 95 тысяч. Такая экономия в силах явилась результатом общего напряженного политического настроения Европы. Россия опасалась вмешательства Австрии. Нужно признать, что силы, предназначенные нами для войны с Турцией, были недостаточны. Это

вредно отразилось на ведении войны, когда очень часто наблюдалось несоответствие сил поставленным целям.

Вторая армия, предназначенная для борьбы с Турцией на Балканском театре, состояла первоначально из корпусов 6-го (16-й и 17-й пехотных дивизий с артиллерией) и 7-го (18, 19 и 20-й пехотных дивизий с артиллерией). При 7-м корпусе — 3-я драгунская дивизия с артиллерией. В состав армии входили также девять казачьих полков. Армия была расположена на обширном пространстве в губерниях Киевской, Подольской и в Новороссийском крае. Штаб армии находился в Тульчине. Полки, очень часто раздробленные побатальонно и поротно, стояли в глухих городах и местечках Юго-Западного края. Разброс армии вредно отражался как на боевой подготовке, так и на благосостоянии войсковых частей. И здесь, в глуши, далеко от столицы, вблизи вражеской границы, внимание руководства армией поглощено было исключительно фронтовой частью. Старых солдат, отбывших многие походы, исходивших своими победными стопами всю Европу, наравне с рекрутами обучали учебному шагу. Даже накануне войны с Турцией 2-я армия не могла избавиться от плац-парадной показухи. Так, например, в 1828 г. штаб 2-й армии получил из Петербурга записку генерала Желтухина об изобретенном им новом учебном шаге с приказанием к исполнению.

Однако накануне войны, в 1827 г., все же ведется в некоторой степени настоящая боевая подготовка во 2-й армии. Энергичный начальник штаба армии, генерал-адъютант Киселев, обратил внимание на необходимость заняться маневрами, построениями линейных боевых порядков против многочисленной неприятельской кавалерии, сторожевой и разведывательной службой. Обращено было внимание на стрельбу в цель. Перед войной генерал Киселев составил записку «О боевом порядке против турок». Вспоминая прежние наши войны с турками, Киселев указывал, что построение пехоты в каре из нескольких полков делало боевой порядок очень неуклюжим. Киселев раздробил каре на батальоны. Предложенный им боевой порядок для корпуса представлялся в следующем виде:

Примечание. Пехотные дивизии состояли из шести полков 2-батальонного состава, сведенных в три бригады; при каждой бригаде — одна артиллерийская рота.

Этот новый боевой порядок отличался большей гибкостью, чем каре Миниха и даже Румянцева, но он все же был менее целесообразен, чем боевой порядок Суворова в период турецких войн при Екатерине.

Главкомандующий 2-й армии, генерал от кавалерии генерал-адъютант граф Петр Христианович Витгенштейн, герой войн эпохи Наполеона, пользовался большой популярностью в России, особенно в Петербурге. Витгенштейн был очень доверчив и недостаточно самостоятелен в своих решениях. Он нуждался в энергичном помощнике и разумных советниках. Таким помощником явился даровитый и энергичный начальник штаба генерал-адъютант Павел Дмитриевич Киселев. Этот работоспособный генерал обладал выдающимися дарованиями, самостоятельностью и твердостью воли. В армии пользовался большой популярностью. Его отличительной чертой была заботливость о людях, о быте солдата. На военное дело у Киселева, ввиду его молодости, не было достаточно практического взгляда, что между прочим и выразилось в изобретении «боевых порядков против турок».

В предвидении войны штаб 2-й армии приступил к сбору сведений о противнике; появились особая топографическая записка и кроки исследованных путей. Сбор сведений как о будущем театре военных действий, так и вообще о неприятельской стране и ее вооруженных силах был произведен не вполне обстоятельно. Добытые данные, будучи обработаны

штабом 2-й армии, послужили материалом во время войны для решения стратегических и военно-административных вопросов.

Подготовка 2-й армии к походу началась еще с апреля 1826 г., когда последовало высочайшее повеление о готовности к походу всех войск 2-й армии и Бугской уланской дивизии. Приняты были меры по снабжению армии оружием, боевыми припасами, шанцевым инструментом, перевозочными средствами и предметами интендантского снабжения. Вооружение пехоты и артиллерии оставалось в прежнем виде, как в эпоху Наполеоновских войн. Сложный вопрос организации обозов разрешен был неудовлетворительно, но все же по проекту генерала Киселева успели заготовить повозки специального типа, очень легкой конструкции.

Особую заботливость штаб армии проявил к обустройству медицинской части. Настояли на присылке медицинского персонала сверх штата, заготовили медикаменты и госпитальную утварь. Но все же армия с первых дней кампании оказалась в весьма плачевных санитарных условиях. Для локализации вспыхнувших эпидемий необходимы были такие санитарные средства, о которых в ту эпоху нельзя было помышлять. Удалось также обеспечить армию картами и крок театра военных действий.

Наши крепости по Дунаю — Килия, Измаил, а также Севастополь и Хотин — приведены были в оборонительное состояние: верки исправлены, склады пополнены боевыми припасами, но в малом количестве.

Состояние Турции накануне войны с Россией было очень тяжелым: страна только что пережила внутренний кризис. Усилиями султана Махмуда был уничтожен летом 1826 г. корпус янычар, составлявший в течение 400 лет главное ядро вооруженной силы Турции. Уничтожение этого войска сопровождалось страшными, кровопролитными событиями. Янычары сошли с исторической арены при зареве пожаров, обогранные потоками крови. Вместо янычар султан решил завести регулярную армию по западноевропейскому образцу. Сперва численность ее определялась в 48 тысяч. Султан лично руководил формированием и обучением нового войс-

ка. Комплектование новых частей производилось с большим трудом. Идея обязательной воинской повинности в мирное время чужда была населению. Приходилось силой гнать людей из деревень в полки, причем иногда рекрутов заковывали в кандалы. Инструкторами новой армии были исключительно иностранцы. К началу войны с Россией удалось сформировать 80-тысячную постоянную армию — низам. Пехотный полк состоял из трех батальонов по 500 человек; каждому полку придавалось 10 полковых орудий, составлявших особую артиллерийскую роту. Вооружение пехоты состояло из ружей со штыком и кривой сабли. Новые уставы, вводившие сомкнутый строй, не были усвоены к началу войны, и пехота вела атаку густыми толпами, как ополченцы в предыдущих войнах.

Регулярная кавалерия состояла из 6-эскадронных полков, по 150 всадников в эскадроне. Вооружение — широкие палаши, ружья и пистолеты. Лошади малорослы, но выносливы. Комплектуемая из людей, привыкших с детства сидеть на коне, регулярная конница сохранила свойства, отличавшие прежнюю, нерегулярную: исключительную выносливость, стремительность при атаке и способность к одиночному бою на коне.

Полевая артиллерия состояла из 84 пеших и восьми конных рот. Перед войной артиллерия сделала значительные успехи в области подготовки, но все же обладала крупными недостатками. Орудия были разнообразных калибров (3-, 6-, 12- и 24-фунтовые), запряжка неуклюжая, часто вместо лошадей запрягали волов. К маневрированию эта артиллерия совершенно не была подготовлена. Был при армии небольшое число инженерных войск. Кроме регулярной армии в войне приняли участие и регулярные ополчения, преимущественно конница, силой до 100 тысяч, а также до 100 тысяч сипаев или вассальных всадников.

Войсковым частям придавался обоз весьма многочисленный и совершенно неорганизованный. Обыкновенно за отрядами следовали тысячи с запасами, слуги начальствующих лиц, маркитанты, ремесленники, артисты, скоморохи; гнались стада убойного скота. Шествие замыкали тысячи бро-

дядчих собак, предназначенных для охраны лагеря. В крайнем случае султан прибегал еще к созову правоверных под священное знамя Магомета. Тогда приходили полудикие племена из Азии и Египта, чтобы вести религиозную войну, которая должна была продолжаться до Страшного суда.

Турецкая армия к началу войны не была сосредоточена в каких-либо определенных, стратегически важных районах. Первый отпор русским могли дать только гарнизоны придунайских крепостей. Остальные войска подходили к театру военных действий в течение последующих периодов войны. Главнокомандующим всех турецких сил на придунайском театре назначен был Гуссейн-Ага-паша — истребитель корпуса янычар.

Финансы Турции перед войной были в весьма плачевном состоянии, и это, конечно, чрезвычайно затрудняло подготовку к войне с грозным северным противником.

Перед войной турки озаботились сбором сведений о нашей армии. В район расположения 2-й армии посылались турецкие агенты. Так как на Дунае жило много выходцев и беглецов из России, то туркам легко было подобрать подходящую личность для шпионства. Добывали также сведения турки и от австрийских властей.

Театр военных действий на Балканском полуострове.

При каждом новом столкновении России с Турцией расширялся район театра войны. Русская армия все глубже и глубже проникала в империю падишаха, стремясь достигнуть заветного Царьграда, как конечного объекта своих действий. На этот раз театром войны послужили: княжество Валахия, Добруджа, северо-восточная часть придунайской Болгарии и Румелия. Ближайшим районом операций для русской армии являлась Валахия. Эта страна, омываемая с юга Дунаем, представляет равнину, пересеченную многочисленными притоками Дуная, протекающими в крутых балках. На севере Валахия всхолмлена. Лесов мало. Почва очень плодородна. Климат здоровый, только на Нижнем Дунае свирепствовала лихорадка. Территория довольно густонаселенная. Единовременные нам валахи были дружелюбно к нам настроены и видели в русских защитников от свирепых турок, часто разо-

рванных страну и угнетавших жителей. Населенные пункты часты, но незначительны. Санитарное состояние их было неудовлетворительным. Войска могли рассчитывать на обильные запасы продовольствия и фуража. Пути сообщения — исключительно грунтовые дороги, труднопроходимые в дождливое время года.

Между Нижним Дунаем, Черным морем и Трояновым валом раскинулась Добруджа. Песчаная унылая равнина, лишенная растительности. Климат очень нездоровый. Населенные пункты редки и бедны. Условия расквартирования и снабжения продовольствием войска самые неблагоприятные. Татарское население Добруджи недружелюбно встречало русские войска. Маловодность этой провинции очень затрудняла ведение в ней военных операций.

Придунайская Болгария, примыкающая к Добрудже, сохраняет все невыгодные свойства последней. Район, ограниченный Туртукаем—Гирсовом—Базарджиком—Праводами—Шумлой—Разградом, носит название Дели-Орманского леса. Эта всхолмленная равнина представляет предгорье Балкан: она покрыта густыми лесами, бездорожна. Несмотря на плодородие почвы, вследствие малонаселенности, войска не могли рассчитывать здесь на местные средства пропитания. Население этого участка, мусульмане, были враждебно настроены против русских. С севера Болгария омывается Дунаем, игравшим, как и в предшествующие войны, роль весьма серьезной преграды, которую в первую же очередь должна была форсировать русская армия. Дунай многоводен; его быстрое течение затрудняет устройство переправ. Средняя ширина Нижнего Дуная около версты; глубина 70 футов. Низкий левый берег затопляем; правый — горист, почти всюду представляет удобные позиции для пассивной обороны.

Владея издавна Дунаем и прекрасно оценивая его стратегическое значение, турки создали здесь множество крепостей, усиливавших значение реки, как важной преграды. Из таких крепостей во время войны 1828—1829 гг. играли важную роль: на правом берегу — Видин, Рахово, Никополь, Систово, Туртукай, Рушук, Силистрия, Гирсово, Мачин, Исакча и Тулча; на левом берегу — Калафат, Журжа и Браи-

лов. Перед войной крепости, особенно в восточном районе, отремонтировали, снабдили запасами и гарнизонами. Во главе гарнизонов поставлены ответственные коменданты, с весьма широкими полномочиями, почти независимые от начальников полевых войск.

В 100 верстах к югу от Дуная тянется Балканский хребет. Восточная часть его, ближняя к морю, называется Малыми Балканами. Средний, самый высокий хребет, достигает 2500 футов высотой. Малые Балканы густо поросли лесом. Переход через горы возможен лишь по существовавшим перевальным путям; из них имели значение следующие: 1) Осман—Базар—Сливно, 2) Шумла—Доброль, 3) Праводы—Айдос, 4) Варна—Бургас. Все эти пути являлись типичными горными дефилами. Естественные оборонительные свойства Малых Балкан усиливались еще двумя крепостями: крепость-лагерь Шумла являлась центральным пунктом, ключом малых Балкан; Варна была оплотом Турции на западном побережье Черного моря и прикрывала береговые пути через горы. За Балканами к морю примыкала богатая и плодородная Восточная Румелия. Здесь можно было рассчитывать на большие запасы продовольствия. Преобладающее население: на севере — болгары, на юге — турки. Важнейший пункт — Адрианополь. На побережье порты Бургас и Сизополь. Пути — грунтовые.

Планы враждующих сторон. Война 1828 г. началась при благоприятных для России стратегических условиях. Уничтожение союзным русско-французско-английским флотом турецкого флота при Наварине создавало полное господство России на Черном море. Удобство морских сообщений обуславливало выбор операционной линии по западному побережью Черного моря. План войны с Турцией был разработан начальником главного штаба Дибичем. Конечным объектом действий для русской армии намечен был Константинополь. Чтобы избежать политических осложнений в Европе, предполагалось по возможности избегать занятия территорий Придунайских княжеств, а также Сербии и Болгарии, так как появление в этих землях русской армии послужило бы сигналом к восстанию против турок, а это могло угрожать целостности Турции, ревниво оберегаемой европейскими державами, главным об-

разом, Австрией и Англией. Поэтому, базируясь на Бессарабию, наша 2-я армия должна была переправиться через Дунай и, форсируя Малые Балканы, направиться к Варне, заслонившись против Шумлы. После овладения Варной — двинуться к Константинополю. В подробностях план этот, предложенный к исполнению главнокомандующему графу Витгенштейну, состоял в следующем: 2-я армия, перейдя через Прут, направляет 7-й корпус для овладения Браиловом, 6-м корпусом занимает Валахию и наблюдает за Дунаем от Видина до Рущука. 3-й корпус, переправившись через Дунай у Исакчи, овладевает Добруджой и ее крепостями, после чего 3-й и 7-й корпуса с прибывшими подкреплениями наступают через Малые Балканы к Шумле и Варне. Снабжение армии рассчитано было на подвоз морем. С этой целью зафрахтовано было до 180 коммерческих судов. Предполагалось выгружать запасы сначала в портах Нижнего Дуная, а впоследствии в Варне, Сизополе и Бургасе. Для прикрытия этих морских сообщений Россия располагала на Черном море военным флотом из 16 линейных кораблей, шести фрегатов и семи корветов с 1680 орудиями, кроме того, в Архипелаге мы имели эскадру адмирала Гейдена.

Одновременно с операциями на главном театре имелось в виду развить наступательные действия на Кавказе, для чего должна была вторгнуться в пределы турецких владений кавказская армия графа Паскевича. Особый десантный отряд (около 8 тысяч) под начальством адмирала князя Меншикова предназначался для высадки на восточном берегу Черного моря и овладения сильной турецкой крепостью Анапой.

План России в общем можно признать вполне целесообразным и соотнесенным с условиями стратегическими и политическими. Крупным его недостатком является несоответствие сил с поставленной целью: 95-тысячная армия должна была преодолеть множество естественных преград, овладеть рядом крепостей, удержать в своих руках обширный край с беспокойным населением, обеспечить свои коммуникации от возможного удара в тыл и правый фланг нового врага (Австрия) и при всем этом решить мировую историческую задачу — овладеть столицей Турции.

Турки при тяжком внутреннем состоянии их страны, при недостаточной армии, при крайних финансовых затруднениях не могли мечтать о наступательных действиях. Опасаясь возможного десанта под стенами Константинополя, они главную массу вооруженных сил держали первоначально к югу от Балкан. План турок заключался в последовательной обороне двух линий: 1-й — Дуная с многочисленными крепостями, 2-й — Балкан, с крепостями Шумлой и Варной. Предположено было, что армия, отступая под натиском русских к юга, будет обращать за собой всю страну в пустыню.

Группировка турецких сил накануне войны была такова: в Константинополе — 37 тысяч, в Адрианополе — 30 тысяч. В Шумле и Варне — по 10 тысяч, в крепостях Добруджи — 30 тысяч и в остальных областях Европейской Турции — до 35 тысяч.

Кампания 1828 г.

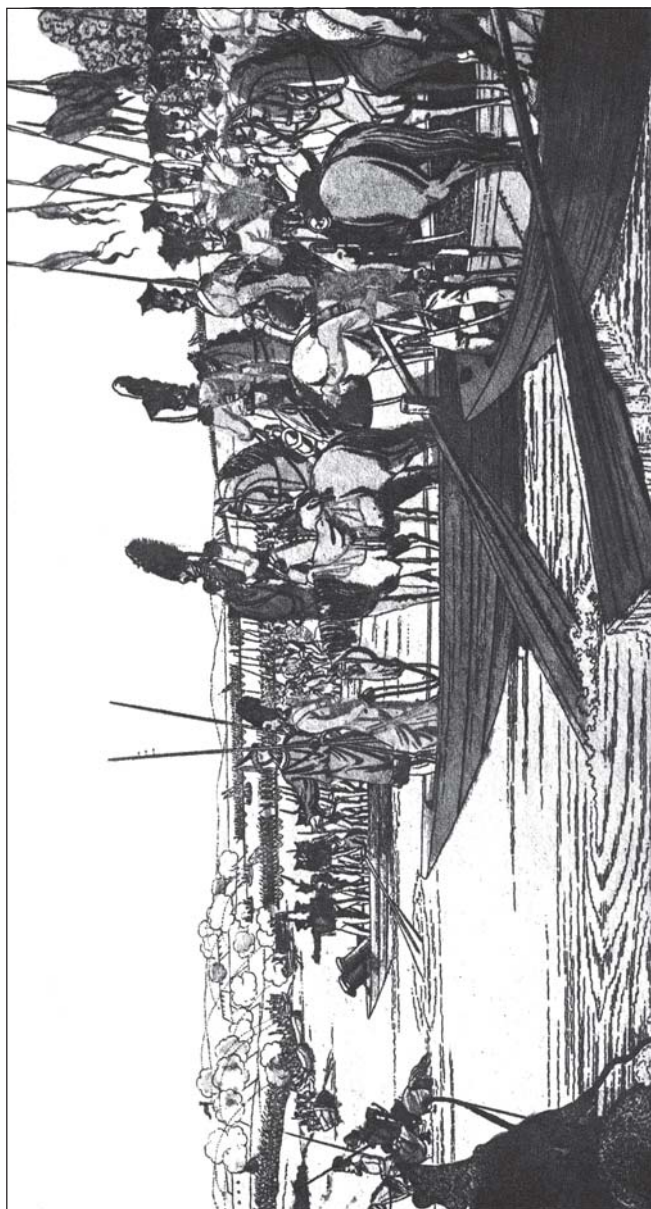
Начало военных действий ♦ Наступление к Балканам ♦ Блокада Шумлы
♦ Осада Варны ♦ Сражение при Курт-Тепе ♦ Продолжение осады
Варны ♦ Военные действия на Дунае ♦ Блокада Силистрии
♦ Итоги кампании

Начало военных действий. Тотчас же по объявлении войны 6-й и 7-й корпуса перешли границу и без сопротивления заняли Валахию и Молдавию; 7-й корпус подступил к важнейшей крепости Нижнего Дуная — Браилову: 6-й же корпус временно приостановился в Валахии. Предназначенный для занятия Добруджи 3-й корпус генерала Рудзевича сосредоточился к деревне Сатуново, где намечена была переправа через Дунай. Подготовка к переправе, вследствие неблагоприятных местных условий, отняла около двух недель.

25 мая к месту переправы прибывает наша Дунайская флотилия с материалом для наводки мостов и десантными частями. На следующий день, на рассвете, причалили к нашему берегу 40 запорожских дубов¹ с сечевиками², жившими

¹ Дуб — лодка долбленая.

² Здесь: бывшие члены Сечевой Рады, верховного органа в Запорожской Сечи.

Переправа русских войск через Дунай в 1828 г. (со старинной гравюры)

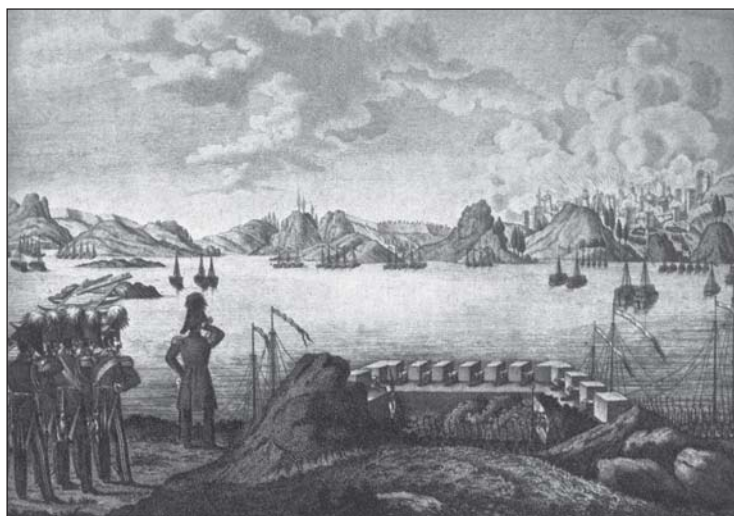
в Добрудже, а теперь пожелавшими оказать помощь русской армии и тем заслужить право на возвращение на родину. Запорожцев привел кошевой атаман Гладкий.

Утром 27 мая к деревне Сатуново прибыл император Николай Павлович. Тотчас же началась переправа. Наши батареи и суда окутались дымом. 17-й и 18-й Егерские полки во главе с генералом Курносовым сели на легкие лодки запорожцев. Опытные запорожцы, отлично знавшие местность, быстро переплыли Дунай и высадили егерей скрытно от турок в кустарнике на правом фланге турецкой позиции. Пройдя около версты по пояс в воде, егеря внезапно обрушились на турок. Завязался бой. Пока внимание турок было всецело поглощено егерями, появившимися так неожиданно на правом фланге турецкой позиции, успел переправиться через Дунай наш 2-й эшелон — 2-я бригада 9-й пехотной дивизии. Присутствие монарха одушевляло войска; все стремились заслужить царское спасибо. Турки не выдержали стремительной атаки с фронта и с фланга и бежали, бросив артиллерию и лагерь. Так, с ничтожными потерями в 112 человек, 3-й корпус перешел через Дунай. На следующий день приступили к наводке моста. 30 мая весь 3-й корпус со всеми своими обозами был на правом берегу Дуная. В тот же день сдалась крепость Исакча. Запорожцы за оказанную важную услугу были награждены; Гладкий получил полковничий чин.

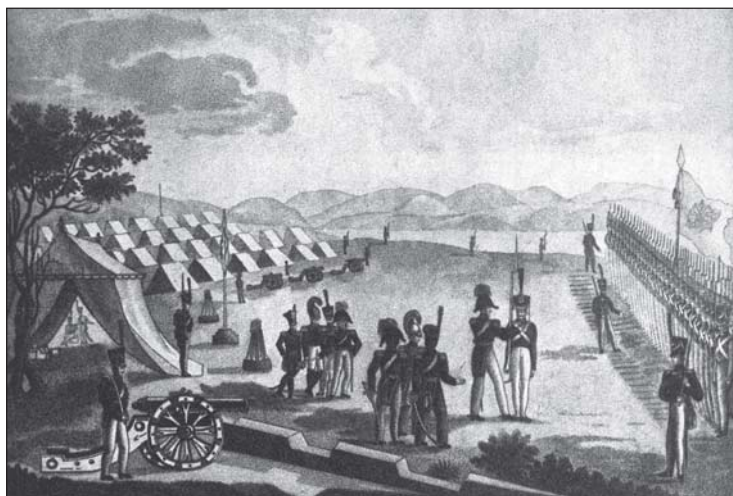
Переправившись через Дунай, 3-й корпус двинулся к Карасу. Попутно выделялись отряды для осады крепостей Добруджи, оставленных в тылу (Мачин, Тулча, Гирсово, Кюстенджи). Когда были выделены отряды под крепости, то в главных силах оставалось не более 15 тысяч. Конечно, нельзя было помышлять со столь незначительными силами двинуться в глубь страны. Пришлось корпусу остановиться возле сильной крепости Браилов. Император Николай Павлович, присутствуя при действующей армии, убедился в недостаточности сил ее и послал повеление 2-му пехотному корпусу выступить в поход. Еще раньше, с началом войны, двинута была к Дунаю гвардия. Все эти подкрепления не могли прибыть раньше августа, только 4-й резервный конный корпус ожидался в конце июня. Таким образом, пришлось

Государь император наблюдает за переправой российской армии через Дунай

Переправа российских войск через Дунай в присутствии императора 27 мая 1828 г. и взятие крепости Исакчи

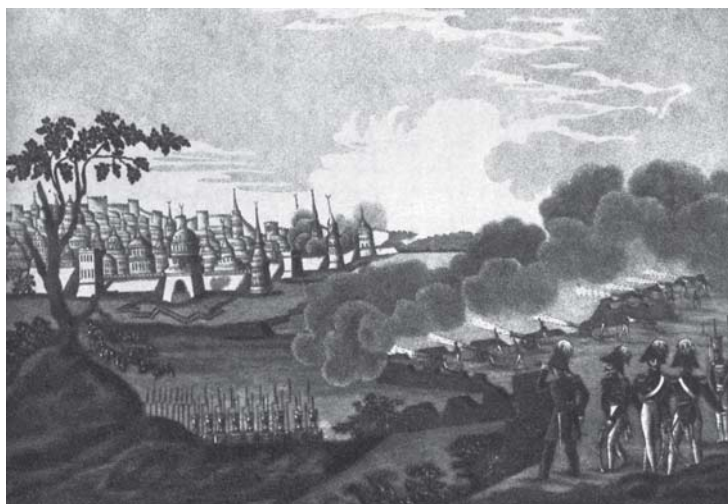

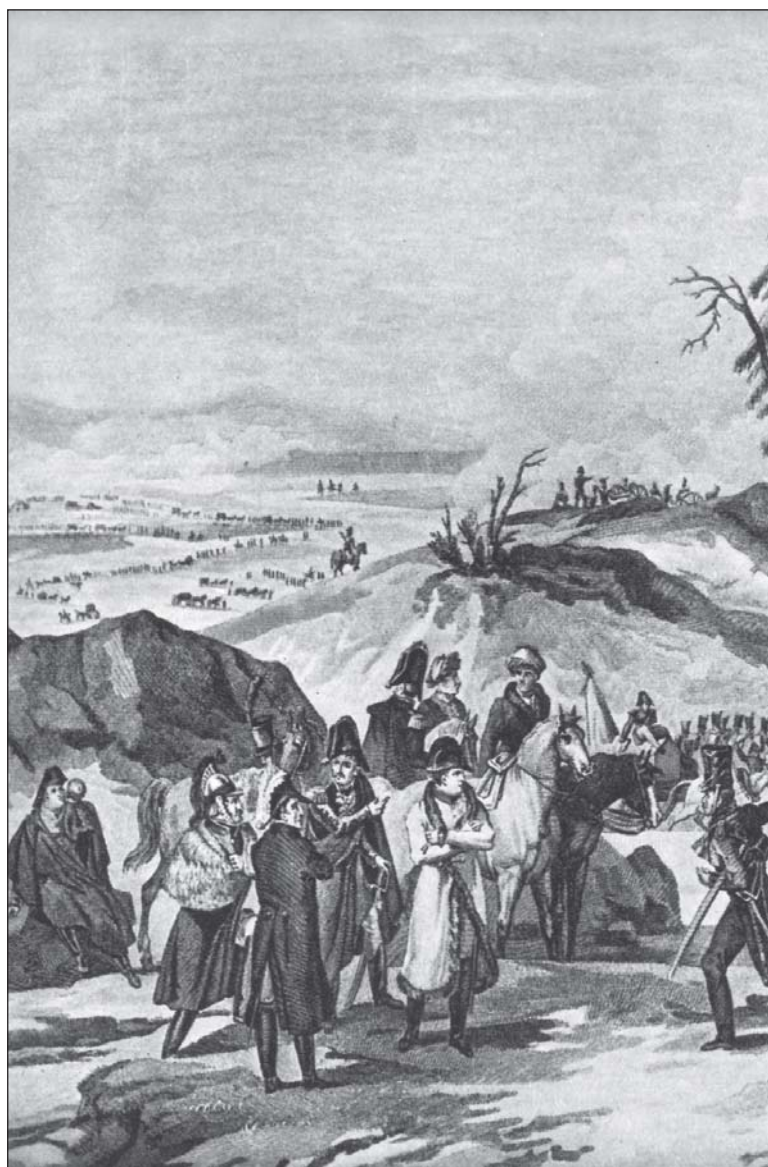
Государь император награждает отличившихся солдат близ берега Дуная

Взятие крепости Исакчи 27 мая 1828 г.

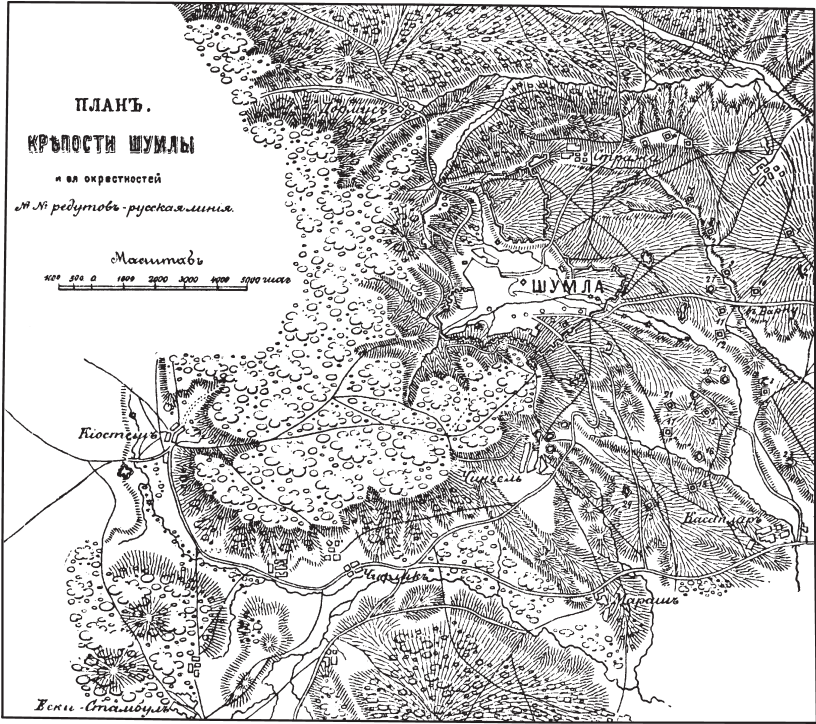

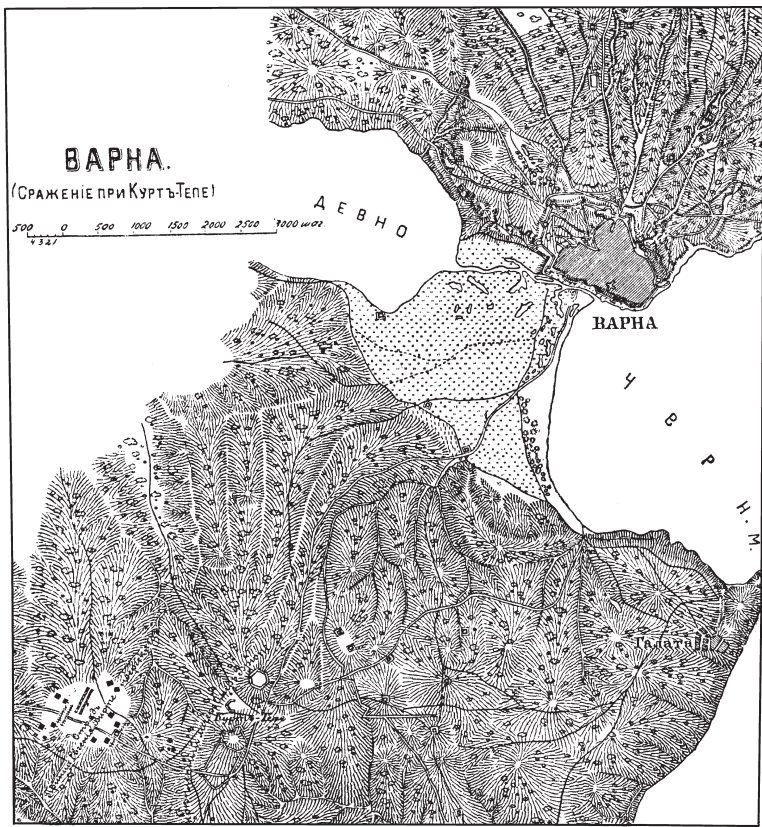

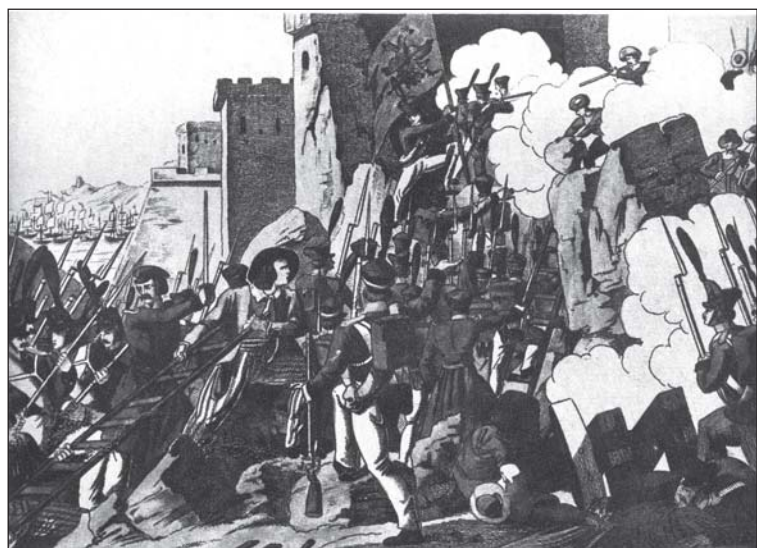

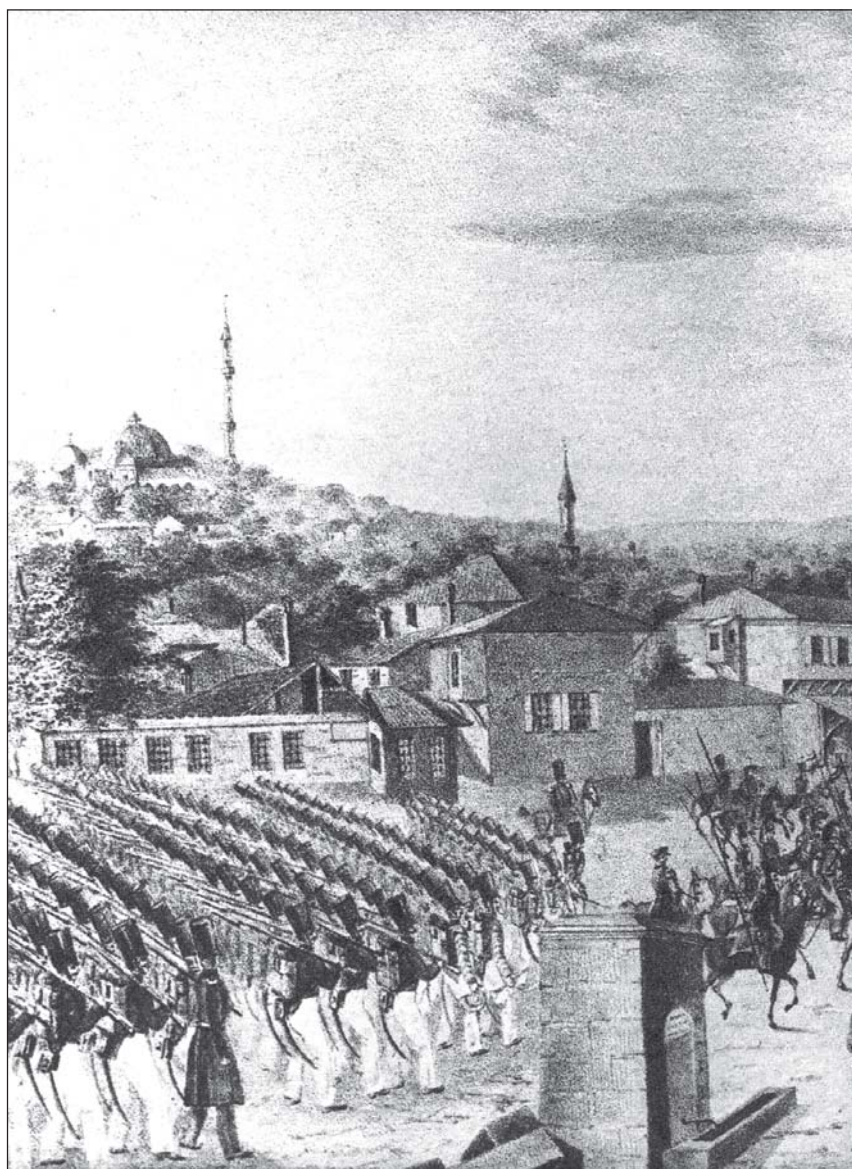

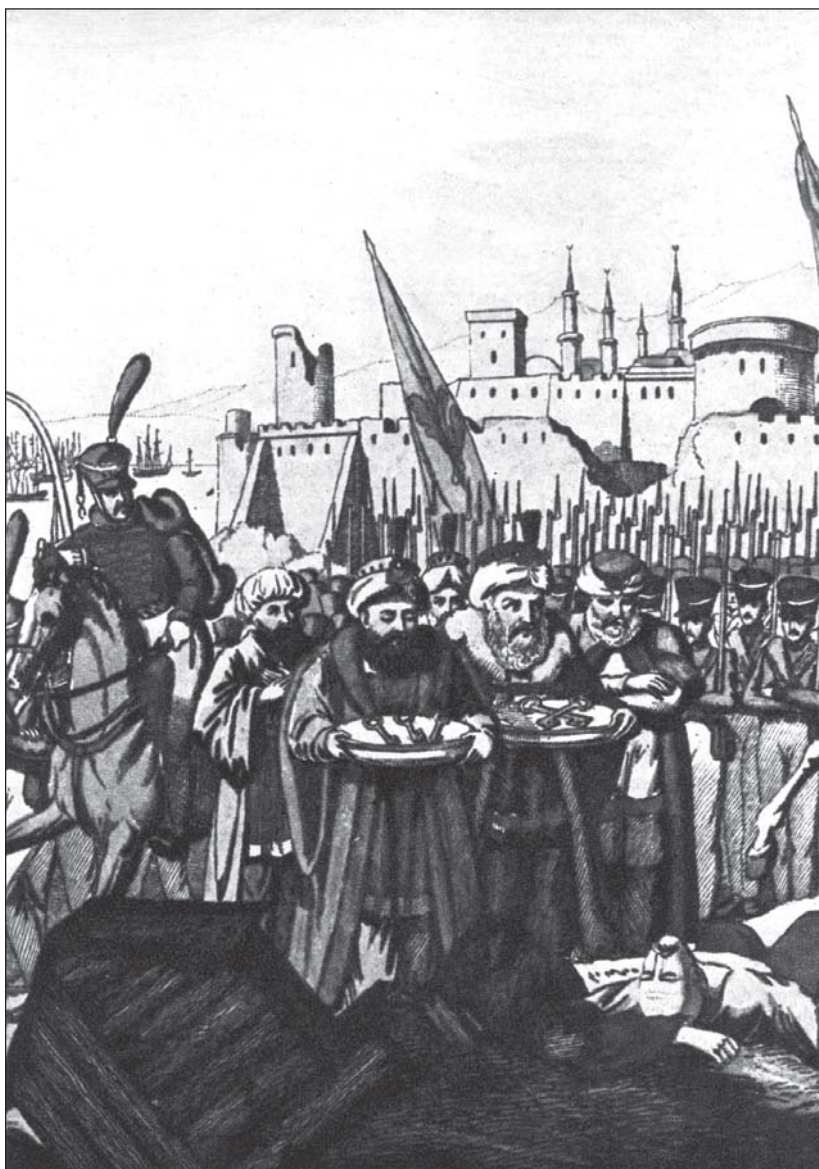

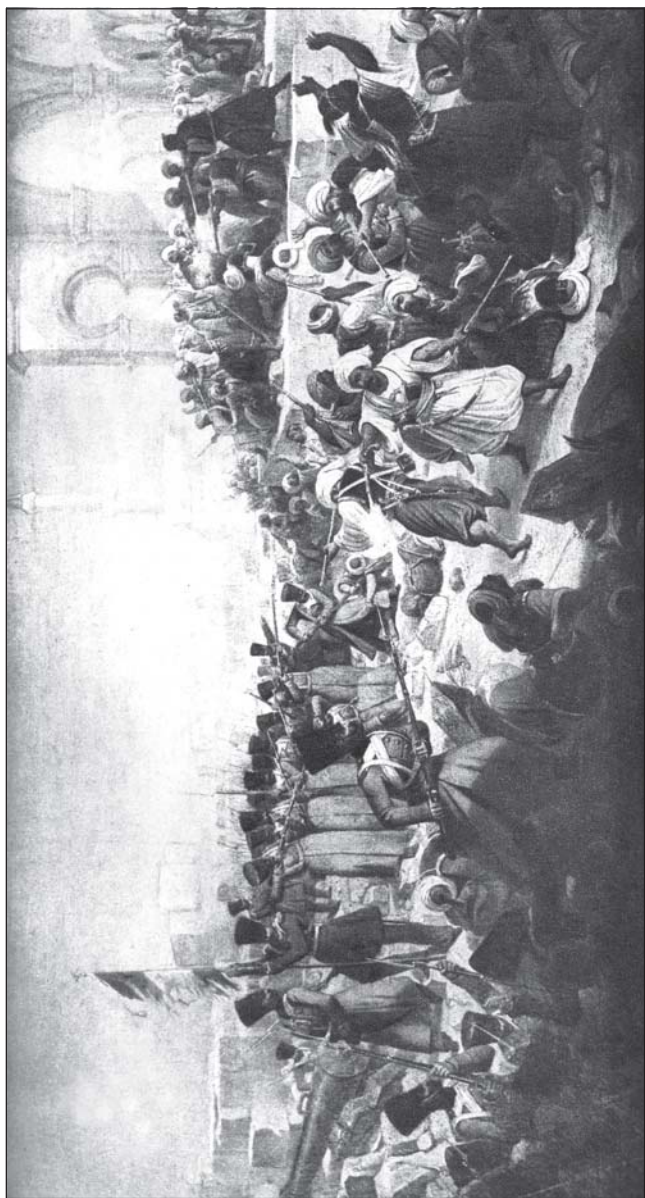

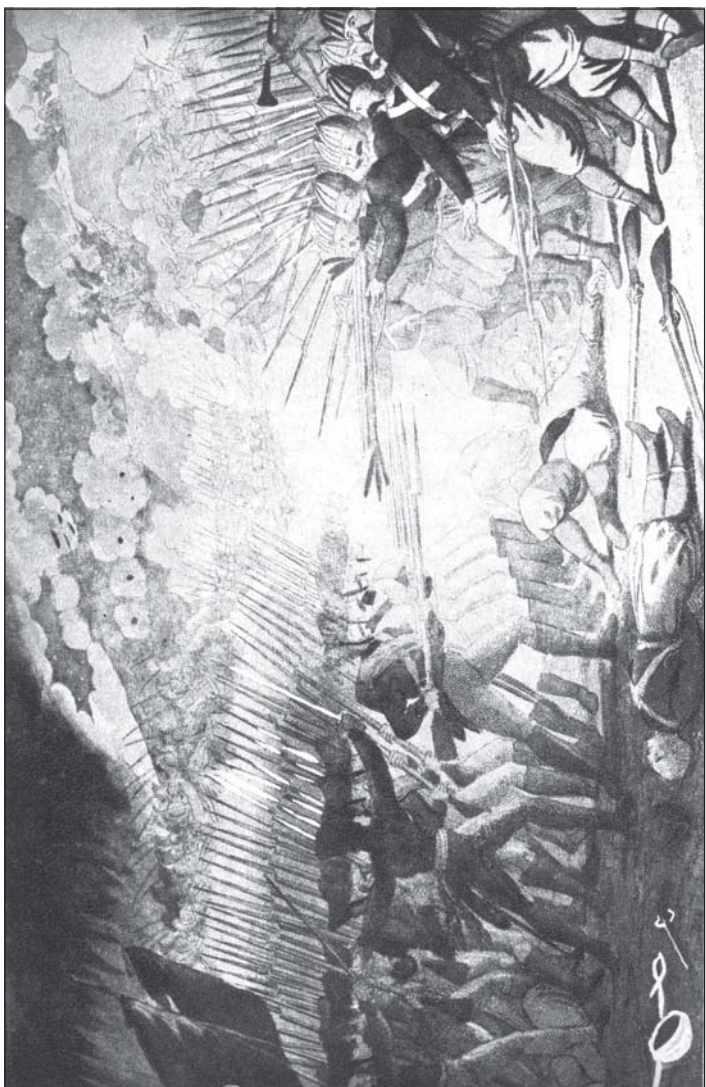

五

■

3
2
1

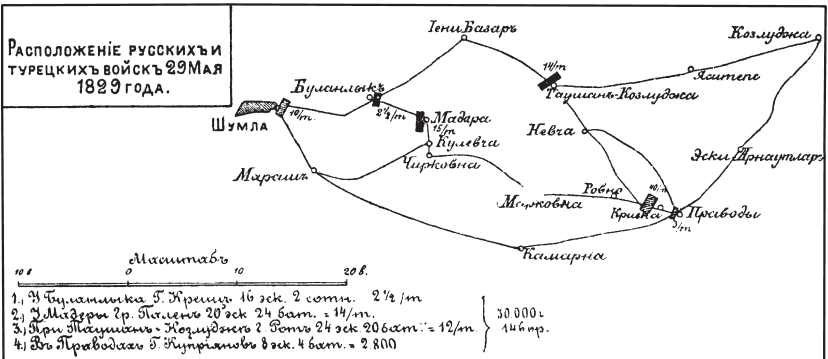

РАСПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ И
ТУРЕЦКИХ ВОЙСКЪ 29 МАЯ
1829 ГОДА.

- 1) 24 Булганокъ 5 Жреци 16 эск. 2 сотн. 2 1/2 /м
 - 2) 2 Мадара 2 р. Писмени 20 эск. 24 бат. 14 /м.
 - 3) 24 Кюлева 2 Боты 24 эск. 20 бат. 12 /м
 - 4) 24 Приводы 5 Куприяновы 8 эск. 4 бат. = 2 800
- } 30 000 л.
146 пр.

Покорение Кавказа Персидские и кавказские войны

*М. И. Шишкевич,
генерал-майор Генерального штаба*

Первоначальные сношения России с Кавказом. Персидский поход Петра I. Отношения к Кавказу и Персии после Петра I

Сношения России с Кавказом возникают почти одновременно с образованием Русского государства. В X в. варягоруссы водворились на полуострове Тамани. Мстислав Удалой, князь тмутараканский, вел войны против косогов¹. Знаменитая грузинская царица Тамара в первом браке была за князем Георгием, сыном Андрея Боголюбского.

Только с уничтожением татарского ига Московское государство входит в постоянное соприкосновение с Кавказом и русские выходцы начинают селиться на границе с кавказскими народами. В первой половине XVI в. из таких поселенцев на северных предгорьях восточной части Кавказского хребта образовалось гребенское казачье войско.

В 1555 г. гребенские казаки вместе с кабардинскими князьями выслали в Москву депутацию с просьбою о покровительстве. Царь Иоанн Грозный принял их ласково и пожаловал казаков вольною рекою Терекон с его притоками; велел им службу служить да беречь свою кабардинскую вотчину. Вступление царя в 1561 г. в брак дочерью кабардинского

¹ Косоги — народ, упоминаемый в летописях, вероятно, черкесы. —
Прим. ред.

князя Темрюка, Марию, еще более сблизило Россию с тамошними народами. По просьбе тестя и других кабардинских князей, на Терек были высланы воеводы с «огненным боем» и многими «ратными людьми», которые построили на левом берегу реки крепкий город, названный Терком.

Позднее, в 1590 г., царь Федор Иоаннович по просьбе кахетинского царя Александра послал войско с воеводой князем Григорием Заскиным против «государя шевкалов» (шамхала тарковского), которое, как гласит летопись, «много завоевало в землях шевкальских, многих побило, многих полонило и ранило самого государя шевкалов». С 1594 г. к титулу Московского царя прибавилось новое наименование: «государь иверские земли карталинских и грузинских царей».

Желание фактически поддерживать грузинских царей при Федоре Иоанновиче выразилось в посылке 5-тысячного отряда воеводы Андрея Хворостина и окончилось полной неудачей.

Через десять лет, именно в 1604 г., в царствование Бориса Годунова, поход против шамхала повторился. На этот раз к Таркам подступила 10-тысячная рать под начальством воевод Бутурлина и Плещеева. Однако, благодаря вероломству горцев, эта рать была истреблена почти поголовно.

Несмотря на неудачи силою оружия проложить путь к искавшим подданства России народам картвельского племени, послы кахетинских, карталинских и имеретинских царей беспрепятственно являлись в Москву к царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу с просьбами защиты и покровительства. Но Россия, занятая в это время борьбою с ближайшими соседями и внутренним устройством государства, не могла оказать действительной помощи Грузии.

Со вступлением на престол императора Петра I влияние России на дела Кавказского края становится более определенным и почти непрерывным. Петр Великий обратил внимание на Каспийское море как на непосредственный торговый путь в Индию, но, чтобы воспользоваться, им необходимо было овладеть западным берегом этого моря или, по крайней мере, так утвердиться на Кавказе, чтобы иметь сильное влияние на персидские провинции, прилегавшие к Каспийскому морю. Для начала астраханскому воеводе Мусину-

Пушкину в 1700 г. было приказано завести торговые сношения с шамхалом, и с этих пор развитие активной торговли со Средней Азией стало излюбленной мечтой царя, но борьба со шведами отвлекла его внимание от этой задачи. Полтавская победа развязала наконец руки Петру, и в 1711 г. он приказал укрепить Терки и дать городу более правильное устройство, образовав около крепости русское поселение. В 1712 г. потомки гребенских казаков, бежавших за Сунжу, были помилованы государем и переселены на левый берег Терека, чем и было положено начало терской линии.

Посланный в 1716 г для заключения торгового договора сержант Волынский¹, подробно ознакомившись с Персией, убедил Петра занять богатые прикаспийские провинции, так как ими могли овладеть афганцы, угрожавшие тогда целостности персидского государства. Эта мысль была принята тем более охотно, что как раз в это время шамхал тарковский Адиль-Гирей прислал посольство от себя и от всех горских народов Дагестана с просьбой принять их в подданство России. Для осуществления намеченной программы была послана экспедиция для изучения южного берега Каспийского моря, а назначенному в 1720 г. астраханским губернатором Волынскому было поручено тайно готовиться к персидскому походу.

К началу 1722 г. все приготовления были закончены. Пехота и артиллерия на собранных в Астрахани транспортах были отправлены морем, а конница пошла сухим путем через Моздокские степи. Во главе войск стал сам император и после двухдневного плавания он прибыл с флотилией в Аграханский залив. Здесь он осмотрел город Терки и, оставшись недовольным его расположением в сырой нездоровой местности, приказал войскам высаживаться на берег несколько далее в песчаных буграх, ближе к устью р. Койсу.

27 июля войска были свезены на берег, но в ожидании конницы, задержанной удачным нападением горцев у аула Эндери, оставались несколько дней.

¹ Артемий Петрович, впоследствии кабинет-министр при Анне Иоанновне, казненный по проискам Бирона.

После занятия Эндери конница беспрепятственно соединилась с главными силами, и весь отряд двинулся вперед. Как только русские войска перешли Сулак, шамхал тарковский, а за ним и другие горские владельцы прислали послов с изъявлением покорности. Петр не особенно верил их искренности, но тем не менее обнадежил всех своим покровительством и двинулся далее. 12 августа русские приблизились к Таркам с распущенными знаменами, барабанным боем и музыкой. Сам Петр в парадном платье на коне ехал перед гвардией, а за ним в карете, запряженной цугом, следовала императрица. За 5 верст от города государь был встречен шамхалом Адиль-Гиреем, который, сойдя с лошади, приветствовал императора с счастливым приездом, а потом поцеловал землю около кареты императрицы. В Тарках Петр пробыл несколько дней. 15 августа, в день Успения Богородицы, государь вместе с императрицей выслушал обедню в походной церкви Преображенского полка и по ее окончании положил на землю несколько камней, предложив сделать то же самое всем присутствующим. В несколько минут был набросан высокий каменный курган. На месте этого кургана теперь стоит город Петровск.

На следующий день войскам был объявлен поход. Были получены тревожные известия, что против русских двигаются значительные скопища горцев под предводительством уцмья каракайтагского. После шамхала тогдашний уцмий Ахметхан был одним из сильнейших владельцев Дагестана. Он без труда собрал до 16 тысяч горцев и хотел воспрепятствовать движению русских, но был разбит, его столица Утемишь (ныне незначительный аул Отемишь вблизи Дешлагара) была разорена и сожжена. Горцы, по выражению Петра, «бились зело удивительно: в обществе они не держались, но персонально бились десперантно, так что, покинув ружья, резались кинжалами и саблями». Пленных Петр приказал повесить в отмщение за смерть есаула и трех казаков, которые были зарезаны по приказанию уцмья, когда они доставили ему от государя письмо самого миролюбивого содержания.

23 августа император совершил свой торжественный въезд в Дербент, который отворил перед ним ворота без боя. Хан

Приезд Петра Великого в Дербент. 23 августа 1722 г.

со своим народом и духовенством вышел навстречу с хлебом-солью, и один из знатнейших беков поднес государю городские ключи на серебряном блюде, покрытом богатою персидской парчой.

Страшная буря, разбившая на море нашу флотилию с провиантом, расстроила планы Петра относительно дальнейшего похода. Государь приказал оставить в Дербенте сильный гарнизон, сам же с остальными войсками двинулся в обратный путь и близ Сулака, на небольшом его притоке, заложил крепость Св. Креста, куда и перевел почти весь гарнизон из крепости Терки, оставив в последней лишь ретраншмент и 150 человек.

Во время пребывания императора в крепости Св. Креста было получено известие о беспорядках в Дагестане.

Чтобы погасить мятеж в самом начале, Петр приказал послать тогда же новую экспедицию в горы. Атаман Краснощек, отправившийся туда с донцами и калмыками, решительно истребил все, что еще только оставалось от прежнего погрома, и тем успокоил население Дагестана.

После отъезда Петра военные действия продолжались под руководством генерал-майора Матюшкина. Для утверждения в новых владениях, с Дону была взята 1 тысяча семейств, из них половина поселена по р. Аграхани и образовала аграханское казачье войско, другая же половина пошла на усиление гребенских казаков.

Планируя дальнейшее покорение прибрежных персидских владений, Петр назначил особый отряд из двух батальонов пехоты под начальством полковника Шипова. В ноябре 1722 г. Шипов с небольшой флотилией вошел в Энзелийский залив и, спустив десант у Перибазара, занял Рящ¹, главный город Гилянской провинции.

Когда положение наше в Ряще было упрочено, Матюшкин предпринял покорение бакинского ханства. С этой целью 20 июня 1723 г. он с 4 полками отплыл на судах из Аграханского залива и 6 июля был уже в Бакинском заливе. 21 июля 4 батальона под начальством полковников Астафьева

¹ Ныне Решт.

и Безобразова были высажены на берег и двинулись к крепости. Десантный отряд расположился вокруг крепости и обметался рогатками. Подошедшие к городу семь судов, вооруженных 18-фунтовыми орудиями, открыли бомбардирование по городу и заставили замолчать бакинские пушки. Четыре дня длилась блокада, а на пятый неприятель вывесил белый флаг и сдал крепость.

Вслед за падением Баку нам покорились кубинское и ширванское ханства, а также персидские области Мазандеран и Астрабад. Но подчинение это было чисто внешнее, спокойствие в занятых областях поддерживалось лишь присутствием сильного отряда, в различных же местах обнаруживалось враждебное настроение к русским войскам. Гилянский отряд, которым в 1724 г. командовал генерал-майор Левашов, постоянно подвергался нападениям.

Все эти частные успехи не давали, однако, ощутимых результатов в отношении упрочения нашего положения в занятой стране.

Кончина Петра Великого, последовавшая в 1725 г., во многом изменила осуществление его первоначальных планов. Екатерина I хотя и отправила войска на усиление персидского корпуса, но далеко не в тех размерах, как это требовалось по обстановке. Положение русских в занятых областях становилось тяжелым. Шамхал, принявший подданство, теперь с ущемлением каракайтагским и ханом казикумыкским бросились разорять сулакскую линию.

Для наказания шамхала Матюшкин послал последовательно две экспедиции в горы. Тяжелые климатические условия подорвали здоровье генерала Матюшкина, и по его просьбе он был отозван, а на его место назначен генерал-аншеф князь Долгорукий.

По прибытии на Кавказ, князь верхом проехал из крепости Св. Креста в Дербент, Баку и Гилян. Объезд этот убедил князя в необходимости наступательных действий, а появление его в таких местах, где раньше не бывали наши главнокомандующие, произвело такое впечатление на местных жителей, что многие из владельцев изъявили покорность. Пользуясь этим, Долгорукий без особого труда присоеди-

нил к русским владениям Кергеруцкую область, Астару, Ленкорань и Кизил-Агач и таким образом поддержал достоинство русской власти. Но, к сожалению, в начале 1728 г. он, будучи произведен в фельдмаршалы, был отозван ко двору. В Гиляне остался командовать Левашов, а в Дагестан был назначен генерал-лейтенант Румянцев, отец знаменитого героя Ларги и Кагула.

Отъезд Долгорукого и строгие приказания Петербурга — воздерживаться от наступательных действий — настолько ободрили персиян, что они сами перешли в наступление. Под предводительством Аббаса-Кули-хана, впоследствии известного шаха Надира¹, персы решили напасть на Левашова с двух сторон: с стороны Кескера и от Лагиджана. Но Левашов со своим маленьким отрядом стал на центральной позиции между этими пунктами и последовательно разбил сначала Кули-хана, затем визиря Карчи-баши и, наконец, Салдан-хана, самовластно распоряжавшегося большей частью персидского государства, занявшего Мазандеран и приславшего Левашову требование очистить Гилян.

С восшествием на престол Анны Иоанновны с Кавказа был отозван Румянцев, а общее начальство над всеми войсками поручено Левашову. Императрица, видимо, уже тяготилась персидской войной и заключила с Персией договор, по которому Персии были возвращены все завоеванные у нее города и области, за исключением Дагестана. В этот период действия русских в Дагестане были в общем мало решительны, а 10 марта 1735 г. был объявлен Ганжинский договор, по которому Россия возвращала Персии все города и земли, завоеванные у нее Петром Великим. Русская граница опять отодвинулась на Терек. Крепость Св. Креста была уничтожена, а вместо нее на Тереке заложена новая крепость Кизляр. Сюда же были переведены с Сулака тер-

¹ Надир — персидский шах (1688—1747), будучи талантливым полководцем, совершил несколько победоносных походов на турок; достиг высших государственных должностей; в 1736 г. провозглашен шахом; расширил персидские владения до Евфрата, Инда и Каспийского моря; убит за деспотический характер правления. — *Прим. ред.*

цы и аграханцы, образовав кизлярское и терско-семейное войско.

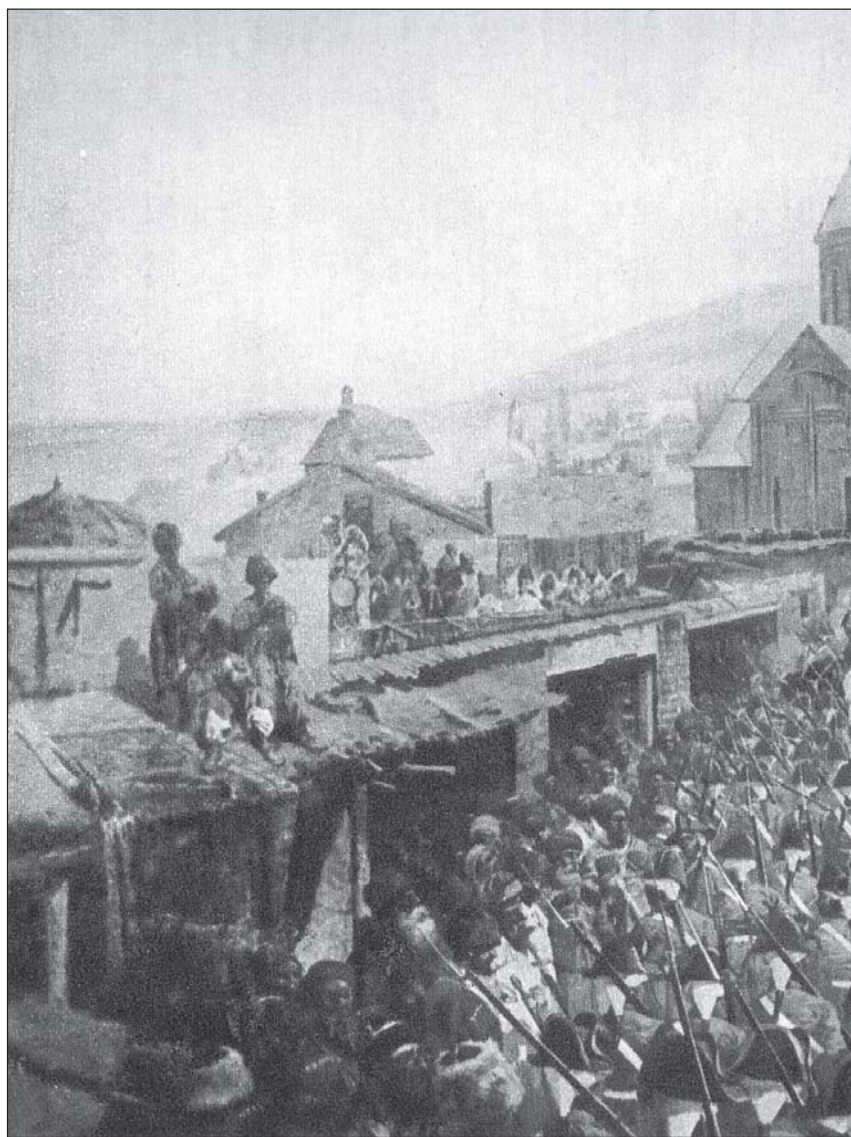
По заключении Ганжинского договора и до вступления на престол императрицы Екатерины II все действия наши на Кавказе ограничивались лишь защитой терской линии.

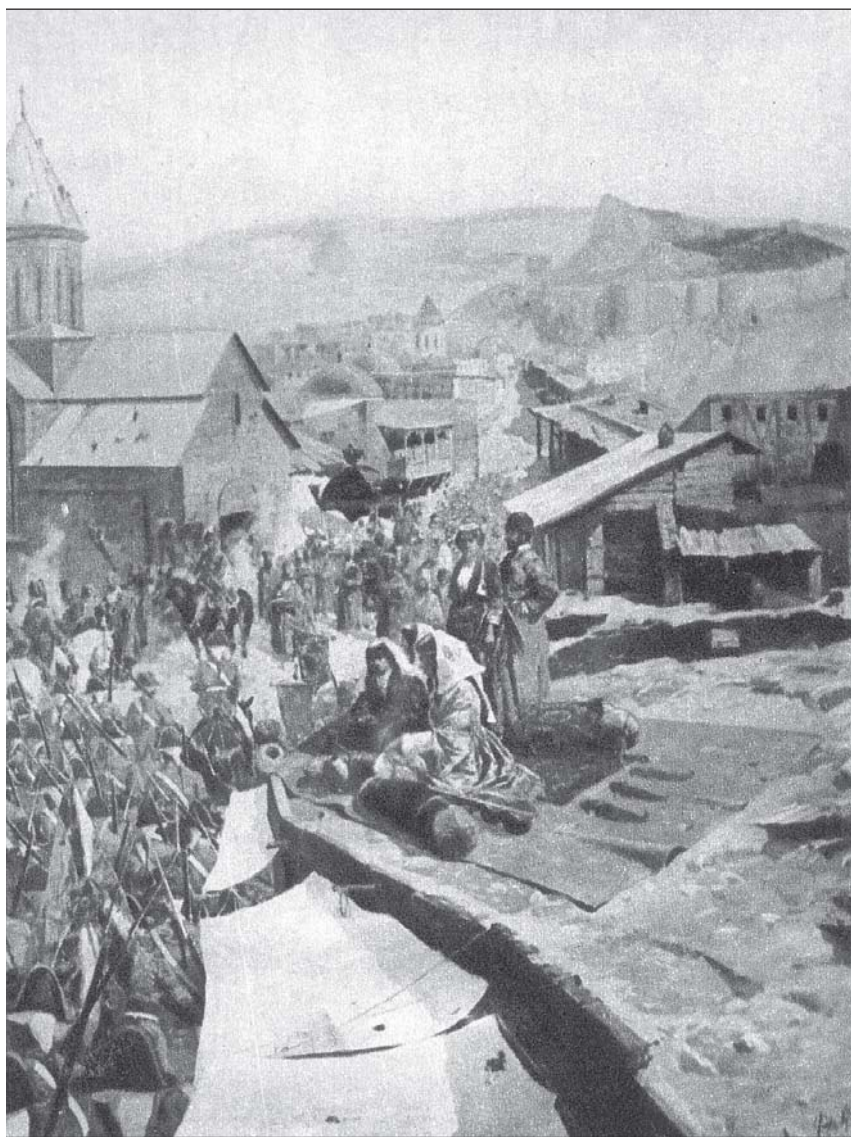
Екатерина II с самого начала своего царствования начинает серьезно заниматься кавказскими делами и в дальнейшем включает Кавказ в общий план военных действий против турок с целью отвлечь их силы от европейского театра войны. Для этого в 1769 г. в Моздок был отправлен отдельный отряд под начальством генерал-майора Медема, который должен был действовать против кабардинцев и закубанских черкесов. Другой отряд, под начальством генерал-майора графа Тотлебена, был направлен в Имеретию. С назначением же светлейшего князя Потемкина новороссийским губернатором, в район владения которого входила и кавказская линия, забота о Кавказе выдвигается на первый план и туда назначаются два выдающихся генерала: Якоби и Суворов, первый — астраханским губернатором и командиром кавказского корпуса, второй — командиром кубанского корпуса.

Быстрыми и энергичными действиями Суворов подчинил ногайских татар, населявших правый берег Кубани, и навел страх на закубанцев. Якоби же покорил кабардинцев. Достигнув относительного спокойствия на Северном Кавказе, Потемкин вошел в сношения с Грузией, где в это время во главе правления стоял знаменитый царь Ираклий II.

Покровительство Грузии и волнения на Северном Кавказе

Постоянное тревожное состояние, в котором находилась Грузия, окруженная со всех сторон враждебными ей соседями, и внутреннее неустройство страны заставили царя Ираклия II искать сильной помощи в лице ближайшей и единоверной ему России. В конце 1772 г. Ираклий обратился к императрице Екатерине II с просьбой принять Грузию под верховную власть русской державы.

Вступление русских войск с графом Тотлебенем в г. Тифлис при грузинском царе Ираклии II в 1788 г.

Соглашаясь на принятие Грузии под свое покровительство, Екатерина II предполагала основать по ту сторону Кавказских гор единое христианское государство, которое зависело бы исключительно от России. Исполнителем своего предначертания императрица избрала князя Потемкина, дав ему широкие полномочия на ведение дел с Персией и Грузией.

Князь Потемкин поручил командование войсками, расположенными на новой моздокской линии, своему двоюродному брату, генерал-поручику Павлу Сергеевичу Потемкину, снабдив его подробнейшими инструкциями. В помощь ему был назначен подполковник Тамара, который в мае 1783 г. отправился в Тифлис с проектом договора. Представителем же русского правительства при грузинском дворе был назначен полковник Бурнашев.

24 июля 1783 г. был подписан договор, коим грузинский царь отказывался от сношений с Персией и вассальной от нее зависимости и обязался за себя и своих преемников не признавать над собой иной державной власти, кроме власти русских императоров.

Для защиты страны от ее соседей было постановлено содержать в Грузии русские войска.

23 января 1784 г. царь Ираклий в торжественной обстановке принял присягу, после которой последовал обмен договоров.

Спустя несколько дней после этого события князь Потемкин известил всех азербайджанских ханов и других соседних владетелей, что Грузия признала над собою верховное покровительство русской императрицы. Это извещение в связи со слухами об исправлении дороги в Грузию и движением по ней войск сильно взбудоражило все местное население, окружавшее Грузию. Недоброжелательство и опасения, вызванные подчинением Грузии, усиливались еще вследствие совершившихся почти одновременно других двух событий, а именно: присоединения к России Крыма и окончательного утверждения ее на берегах Кубани. Началась борьба с Россией всех соседей, за исключением лишь шамхала тарковского и цуцмия каракайтагского, которые были действительно нам преданы и искали покровительства.

Переход Грузии под покровительство России не мог остаться без влияния на судьбы других народов картвельского племени.

Имеретинский царь Соломон, притесняемый турками, неоднократно умолял императрицу Екатерину II оказать ему покровительство и защиту, но зависимость Имеретии от Порты по Кчук-Кайнарджийскому договору лишала нас возможности немедленно исполнить желание царя Соломона. Вслед за подписанием договора с Грузией в Кутаиси был послан полковник Тамара для начала переговоров. Однако внезапная смерть Соломона отдала эти переговоры на долгое время. Соломон не имел детей, и поэтому претендентами на имеретинский престол явились его два ближайших родственника: один — двоюродный брат Давид Георгиевич и другой — племянник Давид Арчиллович. Борьба партий за каждого из претендентов готова была породить междоусобие, которое принимало еще более опасный оборот вследствие вмешательства в дела Имеретии мингрельского владетеля князя Дадиана, желавшего приобрести полную самостоятельность и прибегнувшего к содействию турок. В конце 1784 г. и Имеретия признала покровительство России. В этом же году на Восточном Кавказе принял русское подданство Муртаз-Али шамхал тарковский со своим народом.

В Азербайджане, после усиления Хойского хана, Ираклий потерял свое прежнее влияние. Ганжа почти отложила от него. Эриванский хан не платил дани и не признавал над собой власти царя грузинского. Давнишний союзник Ираклия, Ибрагим-хан Шушинский, владелец Карабага, также стал уклоняться от союза, соседние с Грузией лезгины грабили и опустошали страну; турки не только подстрекали соседей, но и сами участвовали в набегах на Грузию. Своих войск в Грузии было мало.

Положение Грузии, окруженной враждебными соседями, было очень тяжелое. Царь Ираклий просил прислать еще русских войск. Но Потемкин не имел возможности прислать подкрепления, так как в это время на северном склоне Кавказа возникли волнения, поднятые пророком Мансуром. Войска были заняты усмирением этого волнения, и вскоре

пришлось даже вывести оба егерских батальона из Тифлиса на Северный Кавказ.

В начале 1785 г. в Чечне среди горцев появился пророк, который называл себя Мансуром. Настоящее имя его было Учурман. Он родился в селении Алтыкабак, Алдинского общества Малой Чечни, и принадлежал к самым бедным жителям аула. Детство свое он провел пастухом. Двадцати лет он выступил с проповедью, которая первоначально в основе своей имела лишь возвращение к истинному учению Корана, и это привлекало к пророку сравнительно мало приверженцев. Зная наклонности своих единоплеменников к грабежу и хищничеству, Мансур стал тогда проповедовать о необходимости войны против неверных, придавая ей значение богоугодного дела. Когда эта слава упрочилась, Мансур объявил себя первоначально шейхом, а потом имамом, будто бы возведенным в одном из писаний Магомета.

Потемкин, бывший в это время в Петербурге, приказал генерал-поручику Леонтьеву, временно командовавшему войсками моздокской линии, сосредоточить часть войск на Сунже под начальством генерал-майора Шемякина и усилить одним батальоном гарнизон Владикавказа.

Число сторонников Мансура возрастало с каждым днем. Он стал проповедовать газават, или священную войну, и его учение, потеряв религиозный характер, обращалось в политическое движение против неверных, то есть русских и тех горцев, которые еще не присоединились к Мансуру.

Сознавая необходимость подавить волнения чеченцев в самом его начале, Потемкин отправил в Чечню отряд под начальством полковника Пиери, но 6 июля в 10 часов утра отряд Пиери был окружен в лесу жителями Алдинского и соседних аулов и после упорной обороны почти весь истреблен. Поражение отряда полковника Пиери имело для нас весьма неблагоприятные последствия.

Первый успех Мансура над русскими войсками горцы приписали его чудодейственной силе, и значение пророка возвысилось не только в Чечне, но и у соседних народов. Только осетины и ингуши отказались быть последователями Мансура.

Напав на Каргинский редут, Мансур затем осадил Григориополис. Однако осада Григориополиса была неудачна для горцев, они потеряли много убитыми и ранеными, наши же потери были ничтожны. Но этот успех наш мало повлиял на положение дел на Северном Кавказе, с каждым днем все более и более усиливалось волнение в Кабарде. Кабардинцы вместе с закубанскими черкесами вторгались в наши пределы, грабили и уводили в плен жителей.

Во второй половине августа, пользуясь обмелением реки Терека, Мансур сделал попытку овладеть Кизляром. 9 августа около 11 часов утра скопище Мансура, достигавшее до 10 тысяч человек, стало переходить Терек верстах в 15 ниже Кизляра. После переправы скопище подошло к урочищу Буйвалы и расположилось в садах, окружавших город. Но вместо приступа хищники устремились на грабеж. Весь день 20 августа неприятель опустошал сады, жег находившиеся там строения и только ночью попытался напасть на ретраншмент, возведенный вокруг форштадта.

Засев во рву, горцы до пяти раз выходили на штурм, но были отбиты. Видя неудачу, Мансур отступил к урочищу Буйвалы, захватив с собою и все тела убитых.

21 августа горцы напали на стоявший вне укрепления Томский полк, который огнем и штыками отбил атаки горцев, а когда Томский полк укрылся за ретраншмент, по горцам был открыт огонь из всех орудий крепости, и они отступили.

Утром 22 августа неприятель отступил от Кизляра. Эта неудача сильно подействовала на приверженцев Мансура. Даже соплеменные ему чеченцы отказались от него, и он принужден был отправиться к кумыкам. Но кавказское начальство того времени не сумело воспользоваться этим охлаждением, и Мансур снова вскоре усилился. Найдя себе приют в селении Эндери, он не терял еще надежды на лучшее будущее и вербовал себе новую толпу хищников. Осенью нападения возобновились. Князь Даль с шайкой около 700 человек разбойничал в окрестностях Владикавказа. 2 октября кабардинцы и закубанцы одновременно напали на редут Невинный, а 11 октября партия кабардинцев в 400 человек напала на селение Нино, откуда успела угнать 500 лошадей

и 800 баранов. Другая такая же партия человек в 500, пробравшись на линию выше Константиногорска, разграбила несколько селений.

По возвращении из Петербурга в Георгиевск, Потемкин решил стянуть войска к главнейшим пунктам. Но вместо того чтобы действовать решительно, делал попытки склонить горцев увещаниями и потерял время. Пошатнувшиеся дела Мансура вновь стали поправляться. Собрав с разных мест до 6 тысяч человек, Мансур 22 октября переправился через Сунжу и потянулся вверх по Тереку, стремясь соединиться с кабардинцами.

Считая такое движение Мансура весьма удобным для нанесения ему окончательного поражения, Потемкин приказал полковнику Нагелю отправиться в Моздок, принять там командование над войсками и действовать наступательно.

Между тем Мансур, простояв несколько дней у станицы Червленной, двинулись далее, но на пути совершенно неожиданно встретился с отрядом Нагеля, направлявшимся из Моздока в Малую Кабарду. С рассветом 30 октября горцы атаковали с разных сторон отряд Нагеля, но были им дважды разбиты наголову.

Полагая, что поражение, нанесенное Мансуру, образумит чеченцев, кумыков и других горцев, Потемкин обратился к ним с воззванием о покорности и требуя выдачи Мансура.

Число приверженцев Мансура быстро стало уменьшаться. Переправа отряда Потемкина через реку Малку и его продвижение в Кабарду окончательно сломило дальнейшее сопротивление горцев и, когда наши войска 13 ноября появились на реке Баксане, кабардинцы отправили в лагерь своих депутатов, прося прощения и помилования.

С подчинением Кабарды, однако, еще не было достигнуто полного спокойствия. Жители левого фланга хотя и отказались от пророка, но подчинения русскому правительству не признали. Мансур остался жив и, убедившись в охлаждении к нему чеченцев, оставил родной аул Алды и переселился в аул Шалинский к брату своей жены, где, окруженный небольшим числом своих приверженцев, подготавливал новое восстание.

Волнение, поднятое Мансуром, замедлило осуществление одного весьма важного, в деле утверждения русской власти на Кавказе, мероприятия, а именно учреждения Кавказского наместничества. Признавая полезным и единственным средством к обузданию горцев введение среди них понятия о гражданской жизни, Екатерина II поручила Потемкину строить города поблизости подгорных народов, принявших подданство России. С целью колонизации новых городов и поселений императрица приказала селить там отставных солдат. Таким образом были построены и заселены с 1784 г. крепость Владикавказ и от нее по пути к Моздоку редуты: Потемкинский — на реке Тереке, близ бывшего аула Татартуба; Комбелийский — на реке Кабарде и Григориопольский — у Малой Кабарды. Далее на правом берегу Кубани были построены укрепления: Преградный Стан и при устье реки Урупа — Прочный Окоп.

18 января 1786 г. было открыто Кавказское наместничество.

Между тем в конце 1785 г. в Дагестанской Чечне и среди кумыков появились посланцы с письмами от находившегося в то время в Константинополе дженгутайского владельца Ахмет-хана, уверявшего горцев, что Турция даст им денег, если они последуют советам пророка и восстанут против России. Оставленный было всеми Мансур вновь собрал вокруг себя значительное число приверженцев. Повсеместное брожение было настолько сильно, что снова начались нападения на нашу линию.

Присланный от суджукского паша эфендий снабдил Мансура деньгами и подарками и взял с него присягу, что он ничего не предпримет иначе как с повеления Порты. Вслед за тем явился посланник от Анапского паша и пригласил Мансура в Анапу, где было собрано до 10 тысяч турецких войск.

Князь Потемкин предписал наместнику Кавказской области принять решительные меры и обратить особое внимание на правый фланг. П.С. Потемкин, осмотрев берега реки Кубани, приказал немедленно приступить к устройству ряда укреплений, которые могли хотя бы отчасти обеспечить жителей от вторжения хищников. Результатом этого явился

ряд редутов и укреплений. Войска же были разделены на два корпуса: Кубанский егерский, командиром которого был назначен генерал-аншеф Текелли, и Кавказский, который оставался под начальством самого Потемкина. Для обеспечения линии, кроме того, было образовано 5 особых отрядов. Но всех этих войск было недостаточно для охраны такой большой линии. Поэтому в дополнение к регулярным войскам было решено образовать девять сотен земского войска из осетин, ингушей и кабардинцев.

К этому времени казикумыкский, аварский и дербентский ханы приняли подданство России.

9 сентября 1787 г. императрица Екатерина издала манифест о разрыве с Турцией и о начале военных действий. Но еще ранее, именно 21 августа, турки напали на два наши бота, находившиеся в Очаковском лимане, и отправили отряд из Суджука к закубанцам для поддержания их при вторжении в пределы России. Получив это известие, Потемкин решился предупредить закубанцев, и 20 сентября с отрядом около 8 тысяч человек и 35 орудиями переправился через Кубань у Прочного Окопа. Генералу Елагину было приказано прикрывать наступление этого отряда у Овечьего Брода. Целью действия было уничтожение скопища Мансура, которое в числе также около 8 тысяч расположилось между реками Урупом и Лабою. Высланный вперед отряд Ребиндера, того же 20 сентября, наткнулся на передовой отряд Мансура, расположенный в вагенбурге¹, из 600 арб. Заметив приближение русских, горцы громко прочли молитву, сочиненную Мансуром, и, видимо, решили сопротивляться до последней крайности. Тем не менее вагенбург был взят, и горцы потеряли до 400 человек убитыми.

На другой день Мансур главными силами своего скопища напал на отряд Ребиндера, но был отбит после весьма упорного боя. Самая жаркая схватка горцев была с Ростовским карабинерным полком. При первых выстрелах Потемкин отправил для поддержания Ребиндера князя Ратиева, но

¹ Вагенбург — укрепление, устроенное из сдвинутых телег и фур военного обоза. — *Прим. ред.*

последний прибыл, когда столкновение уже окончилось. Мансур отступил и остановился верстах в десяти. На помощь к нему прибыли новые партии горцев, и 22 сентября он снова появился около нашего отряда. На этот раз горцев атаковал князь Ратиев и рассеял их окончательно.

25 сентября Потемкин приказал всем отрядам возвращаться к берегам Кубани. Это отступление ободрило закубанцев, и они снова стали собираться вокруг Мансура. В это время Потемкин был отозван в Петербург и на его место был назначен генерал-аншеф Текелли, ко времени вступления которого в командование всеми отрядами, расположенными между Азовским и Каспийским морями, Кубанский корпус стоял по Кубани и часть по берегам Азовского моря. Кавказский корпус был расположен в Ставрополе, Прочном Окопе, Григориополисе, Сенгилеевской станице и по черкасской дороге. Кроме сухопутных войск генералу Текелли была подчинена и Каспийская флотилия, состоявшая из трех фрегатов, одного бомбардирского корабля, трех палубных ботов и двух транспортных судов.

Между прочим, сдавая наместничество Текелли, Потемкин не передал своему преемнику ни денег, ни дел, не оставил переводчика и не сообщил никаких сведений о крае и народах, его населяющих. Несмотря на крайне неблагоприятные условия, князь Потемкин предписал Текелли произвести сильную экспедицию за Кубань. С этой целью Текелли сформировал два отряда: один под своим начальством, другой под начальством атамана Иловайского. В состав этого последнего вошло войско Донское, два полка пехоты, два полка драгун и три батальона егерей.

Поручив Иловайскому переправиться 13 октября 1787 г. через Кубань у Тешимбека, сам Текелли с отрядом в 1750 человек 14 октября перешел Кубань у Аджи-Кале. Текелли намеревался очистить левый берег Кубани от устья Лабы до самого Снегового хребта, истребляя повсюду хищников.

Запасшись месячным сухарным продовольствием, Текелли двинулся вверх по рекам Большому и Малому Зеленчука и в течение трех дней не встречал неприятеля, который с появлением наших войск оставил свои селения. По прибли-

жении отряда к Черным горам между Кубанью и Большим Зеленчуком, где находятся наиболее суровые ущелья, последние оказались заняты абазинцами. Текелли отправил полковника Ребиндера с одной колонной к верховьям реки Малого Зеленчука и Марухи, а генерала князя Ратиева — с другою — на реку Аксаут. Скопившиеся здесь горцы были разбиты и принуждены бежать к Снеговым горам.

Узнав, что Мансур собирает значительные толпы горцев в верховьях рек Большого Зеленчука и Кефиры, Текелли тотчас же двинулся туда с авангардом Ребиндера. Неприятель не выдержал натиска авангарда и отступил к реке Урупу. Русские войска преследовали отступавших по пятам и, настигнув их на реке Урупе, нанесли скопищу Мансура окончательное поражение. Мансур бежал в Суджук-Кале.

2 ноября Текелли возвратился на зимние квартиры, а 5-го прибыл на линию и отряд атамана Иловайского. Пройдя по обоим берегам реки Лабы, разгоняя повсюду неприятеля и уничтожая селения, Иловайский захватил значительное количество пленных, скота и имущества.

22 апреля 1788 г. князь Потемкин предписал генералу Текелли как можно скорее выступить и начать военные действия против Суджук-Кале, или Анапы, но экспедиция эта, однако, состоялась только в сентябре месяце. Приказав генерал-поручику Талызину с Кубанским корпусом выдвинуться и расположиться лагерем в 17 верстах выше урочища Заны, Текелли 19 сентября, переправившись ниже Усть-Лабинской крепости через Кубань, двинулся к Суджук-Кале. 25 сентября при непрерывных мелких стычках с горцами Текелли прибыл на реку Убинь, 26-го отправил к Суджук-Кале два отряда, а третий, под начальством подполковника Мансурова, — к верховьям реки Убина. Мансуров был атакован превосходящими силами противника, но, с помощью подоспевших соседних отрядов полковника Гротенгельма и бригадира Савельева, разбил противника.

После этого боя Текелли уже не встречал сопротивления и, присоединив к себе корпус Талызина, 13 октября подошел к Анапе, где находился Мансур во главе значительного гарнизона. Не имея никаких средств для ведения правильной

осады, Текелли не мог обложить Анапу. Штурмовать же ее открытой силой он не решился, убедясь в значительности гарнизона, и после нескольких стычек с неприятелем возвратился на линию.

Императрица осталась недовольна действиями Текелли и вместо него главнокомандующим был назначен граф Салтыков, который только 19 июля прибыл на линию и, не ознакомившись еще с положением дел, был отозван для командования войсками, назначенными действовать против шведов.

Между тем в конце мая 1789 г. были получены сведения, что турки высадились на берегу Черного моря и заняли пяти-тысячными отрядами Анапу и Суджук-Кале. Опасаясь, чтобы они не заняли Тамань, откуда могли войти в связь с крымскими татарами, князь Потемкин приказал Кубанскому корпусу занять Тамань, а часть Кавказского корпуса придвинуть к Кубани и обеспечить границу от вторжения закубанцев.

С отъездом графа Салтыкова во главе Кавказской линии оставался старший из генералов — генерал-поручик Бибииков. В конце 1789 г. пришло известие, что Мансур получил от турецкого султана новый фирман, которым султан призывал горцев к действиям против России. Желая парализовать действие фирмана и воспрепятствовать горцам вторгаться на линию, Бибииков несмотря на суровое зимнее время решил послать экспедицию за Кубань. Но, решившись на трудный зимний поход, Бибииков не обеспечил отряд ни достаточным продовольствием, ни палатками. Он надеялся найти значительные запасы хлеба у местных жителей и располагать войска по селениям.

Отряд Бибиикова (14 батальонов, 6 эскадронов драгун и 7 казачьих полков), численностью всего в 7600 чел., переправился 10 февраля 1790 г. через Кубань по льду и направился к реке Лабе и далее в горы. Отряду приходилось ежедневно бороться с многочисленным неприятелем, все теснее и теснее окружавшим русских, преодолевать всевозможные препятствия и терпеть лишения. Испытывая невероятные затруднения и лишения, 15 марта отряд подошел к двум ущельям, выходящим на Анапскую равнину. Двинувшись по левому ущелью, Бибииков был встречен турецким отрядом около 2 тысяч человек

под начальством Мустафы-паши, который под натиском наших войск должен был отступить. 24 марта Бибииков произвел рекогносцировку Анапы, в которой насчитывалось до 40 тысяч жителей и гарнизона. Начальник анапского гарнизона Батал-паша, заметив приближение русских, произвел вылазку двумя отрядами, кончившуюся для турок неудачей. При этом один из отрядов под начальством Мустафы-паши был отбит от крепости и отступил на Суджук-Кале.

Пользуясь успехом, Бибииков собрался штурмовать крепость, но 25 и 26 марта поднялась такая жестокая буря со снегом, что в одну ночь пало 150 лошадей, и все начальники, как доносил Бибииков, кроме него, такую получили простуду и ослабли, что ни к какому действию уже приступить не могли. В таком положении не оставалось ничего более, как отступить. 27 марта Бибииков двинулся обратно. Отступление отряда сопровождалось еще большими затруднениями и лишениями, чем движение вперед. Разлившиеся горные потоки настолько затрудняли движение, что с 27 марта по 11 апреля войска прошли всего 12 верст, то есть двигаясь, в среднем, по 8 верст в день. Люди питались травой, кореньями и кониной.

Известие о лишениях, испытываемых отрядом Бибиикова, дошло до князя Потемкина. Он приказал командиру Кубанского корпуса, барону Розену, отыскать Бибиикова, вернуть его отряд в наши границы и принять под свое начальство. Розен тотчас же отправил из донской крепости к Кубани значительный запас провианта и для разыскания отряда послал 600 драгун по правому берегу Кубани.

4 мая отряд Бибиикова в самом жалком виде прибыл в Григориополис. Люди шли без мундиров, почти голые. Розен доносил, что увидел «сих непоколебимых в твердости офицеров и солдат в такой жалости, которая выше всякого описания». Утомленные голодом офицеры и солдаты «изнурены сверх человеческого терпения стужей и ненастьем, от которых ничего для укрепления себя не имели; босы, без рубах и без всякой нижней, а в беднейшей верхней одежде, которая вся сгнила и изодрана. Больные, едва имея дыхание, опухли, да и те, кои считаются здоровыми, немного

от них рознятся и в самых слабейших силах; полки и артиллерия потеряли лошадей, а вообще весь корпус крайне расстроен».

Потери отряда состояли из 233 убитых, 618 умерших от болезней, 121 пленных, 23 утонувших и 111 бежавших.

Императрица Екатерина приказала отдать Бибикова под суд, а нижним чинам, перенесшим огромные лишения, пожаловала серебряные медали с надписью: «За усердие».

По прибытии бибиковского отряда в Прочный Окоп Розен принял меры к приведению его в порядок. Вместе с этим, находя оборону правого фланга Кавказской линии ослабленной, он сформировал из Кубанского корпуса два отряда, из которых один поставил на Карасу-Еи, а другой — у Темишбека. Сам же с остальными войсками расположился у ейского укрепления и вызвал с Дона несколько казачьих полков. В таком положении находилась оборона линии, когда в апреле 1790 г. командовать казачьими войсками был назначен генерал-поручик граф Де Бальмен.

Между тем Батал-паша, полагая, что оборона линии значительно ослаблена неудачным походом Бибикова, решил перейти в наступление, рассчитывая, что с его появлением на линии поднимется все магометанское население Кавказа. Войдя в переговоры с ахалцыхским пашою, аварским ханом и дженгутайскими владельцами, Батал-паша собрал 8 тысяч пехоты, 10 тысяч турецкой конницы, до 15 тысяч горцев и 30 орудий и с этими силами двинулся в Кабарду.

К началу этого движения граф Де Бальмен прибыл на линию. О намерении Батал-паши двинуться в Кабарду кавказскому начальству было известно еще с июля 1790 г., поэтому князь Потемкин предписал Де Бальмену атаковать турок, не ожидая их вторжения. Тяжкая болезнь лишила графа Де Бальмена возможности лично командовать войсками. Он сформировал лишь три наступательных отряда под начальством генерал-майоров Германа и Булгакова и бригадира Матцена; барону Розену и войсковому атаману Иловайскому было приказано пойти за Кубань.

Во время этих приготовлений 28 сентября Батал-паша переправился на правый берег Кубани и двинулся в Кабарду.

Он надеялся разбить русских и занять Георгиевскую крепость, где ожидал присоединения к нему всех кабардинцев.

Генерал Герман со своим отрядом, силою около 3 тысяч человек, находился в это время на реке Куме при Песчаном броде и оказался ближе всех к наступавшим туркам. Послав извещение Булгакову об оказании ему помощи, Герман двинулся навстречу Батал-паше, желая преградить туркам путь в Кабарду. Присоединив к себе на пути небольшой отряд бригадира Беервица, 29 сентября Герман подошел к лагерю Батал-паши, расположившемуся на реке Тахтамыше у горы с тем же названием. Разделив свой отряд на пять колонн, Герман утром 30 сентября смело пошел на многочисленного неприятеля.

Лишь только авангард отряда показался в виду неприятеля, горцы атаковали шедших впереди фланкеров и казаков. Атака эта была отбита, и авангард занял высоту над рекой Тахтамышем. Матцен со среднею колонною и Беервиц с егерями также заняли высоты. Турки, предводимые Аджи-Мустафа-пашою, подошли к высотам почти одновременно с нашими войсками, и между ними завязалась борьба именно за обладание высотами. Попытки черкесов атаковать нас с флангов и тыла были неудачны. Полковник Буткевич с кавалерийской бригадой отбросил черкесов. И вслед за тем Герман перешел в наступление по всей линии.

Он приказал правой колонне егерей Беервица атаковать левый фланг турок, а полковнику Чемоданову с мушкетерами — правый. Беервиц встретил сильное сопротивление со стороны неприятеля, но врубившийся с драгунами полковник Муханов расстроил турок. Сбитые со своей позиции, турки бросили пушки и поспешно отступили. Преследовавшие неприятеля наши войска ворвались в лагерь и захватили в плен самого Батал-пашу. Кроме 30 орудий было захвачено много снарядов и прочих припасов. Турки понесли огромные потери, и значительное число их потонуло при переправе через Кубань. Поход Розена заставил закубанцев подчиниться России.

1 октября 1790 г. скончался граф Де Бальмен, и наместником Кавказа был назначен генерал-аншеф Иван Василье-

вич Гудович. Отправляя Гудовича на Кавказ, князь Потемкин предписал ему продолжать кампанию против Анапы, чтобы уничтожить этот очаг, из которого исходили постоянные волнения закубанцев.

В конце января 1791 г. Гудович прибыл на линию и стал готовиться к походу. Приготовления шли довольно медленно, а между тем турки снова делали все усилия, чтобы восстановить магометанское население края против России. При таких условиях скорейшее овладение Анапой являлось делом необходимым.

Сосредоточив 4 мая 1791 г. у Темишбека 11 батальонов пехоты, 1900 егерей, 24 эскадрона и 20 орудий, всего около 10 тысяч человек, Гудович 9 мая двинулся к Талызинской переправе через Кубань, где к нему 24 мая присоединился генерал-майор Загряжский с отрядом из 4 батальонов, 20 эскадронов драгун, двух донских казачьих полков и 16 орудий.

Снабдив войска 40-дневным продовольствием, Гудович перешел Кубань и двинулся к Анапе. В одном переходе от нее у д. Адалы 8 июня к нему присоединился высланный из Крыма через Тамань отряд генерал-майора Шица, состоявший из 800 егерей, 10 эскадронов, 300 донских казаков и 14 орудий. При отряде было 90 штурмовых лестниц. На следующий день, продолжая движение, наши войска наткнулись в 4 верстах от Анапы на несколько тысяч человек, пытавшихся воспрепятствовать переправе наших войск через горную речку. Авангардом бригадира Поликарпова черкесы были рассеяны, и главные силы беспрепятственно остановились в виду Анапы.

Анапа издавна была центом, из которого распространялась среди горцев религиозная пропаганда турок. В 1784 г. она была обращена в крепость, состоявшую из 7 бастионов, соединенных куртинами; ров, упиравшийся своими концами в море, имел каменные одежды. Протяжение рва было около 700 сажен, за крепостным валом был устроен палисад. Гарнизон крепости состоял из 10 тысяч турок и 15 тысяч разных горских народов. В крепости было 83 пушки и 19 мортир. Со стороны моря кроме скалистых берегов крепость обеспечивалась еще большим числом мелких вооруженных судов. Начальником гарнизона был трехбунчужный Мустафа-

паша. В Анапе же находился и шейх Мансур, который своими пророчествами возбуждал население к упорному сопротивлению.

12 июня Гудович приказал заложить три батареи на 32 орудия, причем одна из них находилась всего в 250 сажен от крепостного вала. Несмотря на частые вылазки неприятеля и огонь из крепостных орудий, затруднявшие работы, к 10 июня батареи были окончены и по крепости открыт огонь, который вызвал пожар в разных частях города, продолжавшийся до рассвета 20 июня. Утром 20 июня Гудович отправил Мустафе-паше письмо, в котором предлагал ему сдать крепость, обещая свободный выход гарнизону и жителям. Подстрекаемые Мансуром турки в ответ на это письмо открыли огонь по нашим войскам.

Не имея осадной артиллерии, Гудович решил овладеть Анапой штурмом. Произведя рекогносцировку, он обнаружил, что правая половина крепостного вала и рва имела меньший профиль, вследствие чего и было решено вести главную атаку на эту часть крепости.

С наступлением ночи 21 июня лагерь был снят и войска разведены по местам, с которых должны были начать атаку. Войска были разделены на пять колонн, начиная с левого фланга: 1-я и 2-я под начальством генерала Булгакова, 3-я и 4-я под начальством генерала Депрерадовича и 5-я генерала Шица. Общий резерв был под начальством бригадира Поликарпова.

В полночь Гудович приказал открыть огонь со всех батарей, и под его прикрытием атакующие колонны стали приближаться к крепости. В час ночи стрельба батарей была прекращена. За полчаса до рассвета снова был открыт обстрел города и войска двинулись на штурм. Неприятель заметил их только тогда, когда первые две колонны наткнулись у крепостного рва на один из пикетов. Турки бросили в ров несколько светящихся ядер и открыли почти в упор картечный огонь. Несмотря на это, наши войска спустились в ров и стали приставлять лестницы.

Четвертая колонна, предводительствуемая полковником Самариным, первой взойшла на неприятельский вал и, невзирая на отчаянное сопротивление, утвердилась на нем.

Вторая колонна полковника Муханова овладела бастионом, но первая колонна полковника Чемоданова встретила большие препятствия и была выведена из затруднительного положения только подоспевшим резервом. Турки были вытеснены из кавальера, и русские открыли огонь по городу.

Еще большие затруднения встретила пятая колонна. Ей предстояло спуститься вниз по берегу и, водою обогнув оконечность вала, атаковать крепость со стороны моря. Вместо того чтобы подойти скрытым, генерал Шиц отправил на лодках 50 егерей, с тем чтобы отвлечь внимание неприятеля с морской стороны. Егеря слишком рано открыли огонь и тем привлекли внимание турок. Колонна Шица была встречена столь сильным огнем, что не смогла дойти до контр-эскарпа и стала отступать. Вызвав резерв, Шиц сам стал во главе колонны и повел ее вперед. Поддержанный из резерва Гудовичем, выславшим на помощь всю кавалерию под командою бригаиры Поликарпова, Шиц овладел крепостным валом.

Турки в течение 5 часов защищались отчаянно, и успех штурма был сомнителен, пока Гудович не ввел в дело остатки резерва, которые склонили победу на нашу сторону, и в 8 часов утра 22 июня Анапа сдалась. Трофеями были 96 орудий, 130 знамен, значительные боевые и продовольственные припасы. Неприятель потерял убитыми и ранеными до 8 тысяч человек, до 14 тысяч жителей сдались пленными и в их числе Мустафа-паша и шейх Мансур. Наши потери были 930 убитыми и 1995 ранеными.

Мансур был отправлен в Петербург. Жители же Анапы выселены в Крым. Крепостные сооружения Анапы были уничтожены, и город почти весь сожжен.

С падением Анапы находившиеся в Суджук-Кале турки сожгли почти все дома, взорвали пороховые погреба и, оставив несколько пушек, бежали из крепости. Гудович отправил туда небольшой отряд, который без всякого боя занял Суджук.

10 июля войска выступили из Анапы и 16 сентября возвратились на линию.

Все горские племена, жившие по пути следования нашего отряда, спешили выразить покорность и готовность всту-

пить в подданство России. Гудович приводил их к присяге и брал аманатов, но князь Потемкин не одобрил этого распоряжения и приказал объявить им, что императрица освобождает их от подданства, повелевая признавать их народами вольными и ни от кого не зависимыми. Эта политика великодушия князя Потемкина не могла быть понята горцами и привела, как увидим впоследствии, к долгой и упорной борьбе за утверждение русской власти на Северном Кавказе.

29 декабря 1791 г. был заключен с турками в Яссах мир, по которому Анапа была возвращена Турции, но в договор был включен пункт, по которому Порты обязывалась подтвердить, что ахалцыхский паша и все пограничные начальники «ни тайно, ни явно» не оскорбляли и не беспокоили земли и жителей, владеемых царем карталинским. Кроме того, турецкое правительство обязалось употребить «всю власть и способы к обузданию народов, на левом берегу р. Кубани обитающих, дабы они на пределы Всероссийской Империи набегов не чинили». Этим пунктом договора мы косвенно признавали власть турок над закубанцами, вместо того чтобы сделать их своими подданными.

Персидский поход графа Зубова

Во время десятилетней борьбы на Северном Кавказе Грузия была предоставлена самой себе и в 1775 г. подверглась страшному разгрому со стороны нового правителя Персии, жестокого Ага-Магомет-хана.

Снисходя к просьбе Ираклия и соглашаясь с мнением Гудовича о необходимости наказать персов, императрица решила послать экспедицию в Персию, сформировав особый отряд в составе: Кавказского гренадерского полка, двух мушкетерских полков, одного егерского корпуса, 30 эскадронов драгун, 3 тысяч человек из лучших легких войск, 33 орудий и 20 понтонов. Для замещения этих войск Кавказской линии были назначены войска с Дона, из Крыма и внутренних губерний, а с линии в Астрахань — 2 мушкетерских батальона (для десанта).

Начальником экспедиционного отряда назначался генерал-поручик граф В.А. Зубов, которому, кроме того, были подчинены Каспийская флотилия, отряд М.Г. Савельева и войска, находившиеся в Грузии под начальством полковника Сырохнева. Выступление в поход предполагалось произвести самую раннюю весной, до наступления сильной жары.

По составленному плану военные действия предполагалось открыть с двух сторон: берегом Каспийского моря и со стороны Грузии.

Зубов прибыл в Кизляр 25 марта 1796 г. Назначенные в составе Каспийского корпуса войска сходились весьма медленно, и к началу апреля только часть их была сосредоточена у Кизляра. Кавказский же корпус еще не собрался. Граф Зубов решил не ожидать окончательного сбора всех частей и 10 апреля принял начальство над собравшимся отрядом, численность которого доходила до 12 300 штыков и сабель.

Перед выступлением в поход отряд этот, состоявший из 8 батальонов, 28 эскадронов, 7 казачьих команд и 21 орудия полевой артиллерии, был разделен графом Зубовым на 4 бригады — две пехотные (1-я генерала Булгакова, 2-я — Римского-Корсакова) и две кавалерийские (1-я генерала барона Бенигсена, 2-я — бригадира графа Апраксина). Все иррегулярные войска, составляя резерв, были подчинены генерал-майору Платову.

Генерал-майор князь Цицианов был оставлен в Кизляре до окончательного формирования корпуса. Сосредоточив под своим начальством все запоздавшие части войск, Цицианов должен был следовать на соединение с Каспийским корпусом.

10 апреля Каспийский корпус переправился через реку Терек и, совершив один переход, остановился из-за недостатка запасов и запоздания формирования подвижного магазина.

Ближайшей целью являлось овладение Дербентом. 18 апреля отряд двинулся далее по направлению к Дербенту, имея за собой сверх полкового обоза 1414 фур с боевыми припасами и продовольствием.

Отряд генерал-майора Савельева, находившийся у Кубы, также должен был наступать во владение Шейх-Али-хана дербентского. Савельев первый подошел к Дербенту и из устроенных батарей открыл огонь.

Отряд графа Зубова первое время продвигался довольно быстро; 21 апреля войска Каспийского корпуса были уже в Тарках, где за 3 версты от города были встречены шамхалом с сыновьями.

23 апреля отряд достиг реки Озени, где и расположился лагерем. Здесь граф Зубов получил известие, что отряду Савельева грозит опасность нападения с тыла со стороны табасаранских и каракайтагских ущелий вследствие того, что хамбутаи казыкумский обещал дербентскому хану помощь. Это обстоятельство заставило графа Зубова поторопиться соединиться с отрядом Савельева, для чего от реки Урусай-Булак отправил в обход Дербента с южной стороны бригаду Булгакова, присоединив к ней две роты гренадер Владимирского полка, два драгунских полка, всех хоперских и семейных казаков, 6 орудий полевой артиллерии и обеспечив их провиантом на 20 дней.

2 мая Каспийский корпус подошел к Дербенту. Войска расположились по высотам, окружающим город. Дербентская крепость разделялась на три части: первая, или верхняя, почти примыкавшая к горам, состояла из весьма укрепленного природою и искусством замка Нарын-Кале, вторая часть собственно и называлась Дербентом, состоя из города, обнесенного стеною, и, наконец, третья часть, ближайшая к морю, называлась Дубари и отделялась от жилого города поперечною стеною; эта часть служила местом, где жители держали свой скот. Стены города имели до 7 сажен вышины и, начинаясь в основании с 2 сажен толщины, вверху оканчивались зубцами. Из стен выступало до 80 башен и из них 10 больших. Кроме того, впереди замка Нарын-Кале с западной стороны была устроена особая башня. Крепостные стены были вооружены пушками и несколькими фальконетами. В больших башнях помещалось до 100 человек, в средних — до 50 и в малых — от 15 до 20. В интервалах между башнями на крепостной стене расставлялась частая цепь, и затем все остальные защитники располагались в городе близ стен.

Осмотрев город и произведя рекогносцировку окружающей его местности, граф Зубов увидел, что прежде все-

го необходимо овладеть передовой башней, которая препятствовала укреплению батарей. Он приказал тотчас же открыть огонь из нескольких орудий по разным частям города и направить выстрелы одной 12-фунтовой пушки исключительно против башни. Выпущенные четыре ядра не произвели никакого действия на ее стены, и потому огонь был прекращен. Зубов, видя невозможность разрушения башни огнем артиллерии, решился овладеть ею штурмом. С этой целью в ночь на 3 мая он приказал батальону и двум гренадерским ротам Воронежского полка овладеть башней. Штурм этот не удался: окружив башню, воронежцы увидели, что она четырехъярусная и весьма крепкой кладки, — отсутствие штурмовых лестниц не позволяло подняться на стены, а частый огонь противника заставил воронежцев отступить.

В этот же день графом Зубовым было приказано заложить батарею на 4 орудия для действия против башен, расположенных по северную сторону замка Нарын-Кале. Не имея об отряде Булгакова известий, Зубов послал ему приказание спешить и, подходя к Дербенту, занять старое укрепление вблизи него, войдя в связь с главными силами. Булгакову пришлось сделать более 80 верст пути и в том числе 20 по весьма трудной горной дороге. Ночью 2 мая отряд вступил в долину Девечумагатан, где начинались владения дербентского хана.

Оставив обозы на перевале, войска не имели при себе палаток. Вследствие проливного дождя, лившего весь день, вся долина в несколько часов покрылась водою, и люди были вынуждены всю ночь простоять в воде, не смыкая глаз. Только ясное и теплое утро 3 мая дало возможность солдатам обогреться и обсушиться. В 11 часов утра отряд двинулся дальше и в час пополудни подошел к Дербенту.

Оттеснив неприятеля, Булгаков протянул цепь: с одной стороны — до берега моря, а с другой — до соединения с цепью главных сил. Таким образом Дербент был обложен со всех сторон и ни жителям не было возможности выбраться из города, ни союзникам Шейх-Али-хана оказать ему помощь.

Сражение русских с персами (с картины Рубо, Тифлисский музей)

В ночь с 6 на 7 мая была построена вторая брешь-батарея, вооруженная тремя 12-фунтовыми орудиями, но, произведя около восьмидесяти выстрелов по передовой башне, убедились, что снаряды не приносят ей никакого вреда. Каменистый грунт исключал возможность вести подкоп, и единственным средством к овладению башней оставался вторичный штурм ее.

В состав штурмующей колонны под начальством Булгакова были назначены те же две гренадерские роты Воронежского полка и третий батальон Кавказского егерского корпуса. Утром 7 мая Зубов лично объехал штурмующий отряд и объявил, что «башню надо взять непременно, что штурм произойдет на глазах всех жителей Дербента и неудача может повлечь за собой торжество персиян, которые издревле привыкли трепетать перед русским именем». Став на высоком кургане, откуда он мог видеть подробности боя, граф Зубов приказал начать наступление.

Вдохновленные присутствием любимого начальника, гренандеры, не обращая внимания на огонь неприятеля, с криком «ура» бросились к башне. И через несколько минут поручик Чекрышев с гренандерами был уже на башне. Здесь завязалась горячая схватка. Переколов штыками защитников верхнего этажа, гренандеры быстро разобрали половицы и вместе с досками и балками обрушились в нижний этаж на головы неприятеля, которого немедленно истребили.

Пока гренандеры бились в башне, батальон егерей атаковал прикрытие, стоявшее у наружной ограды, и загнал его в крепость. Около полудня башня была взята, несмотря на отчаянную храбрость защитников. Падение этой башни позволило русским войскам спуститься с высот и заложить в тот же день траншеи на весьма близком расстоянии от городских стен. Подступы решено было вести против замка Нарын-Кале как командующего над всем городом.

К рассвету 8 мая в ближайшем от стен расстоянии были построены две брешь-батареи. Двухдневное жестокое бомбардирование и брешь, сделанная в одной из башен, поко-

лебали упорный дух защитников Дербента. Крепостные ворота отворились, и оттуда хлынула толпа во главе со старшинами и представителями различных народностей, защищавших Дербент. Подойдя к нашим войскам, толпа встала на колени и от нее отделился седой 120-летний старец, который поднес графу Зубову на блюде серебряные ключи от города. Это был тот самый старец, который за 74 года перед этим поднес те же ключи и на том же самом месте императору Петру I.

Вслед за тем и Шейх-Али-хан в сопровождении своих чиновников, с повешенною саблею на шее, приехал в русский лагерь. Не приняв хана, Зубов приказал поместить его в большом шатре.

После занятия Дербента, Каспийский корпус оставался на месте в течение двух недель для устройства дел покоренного ханства, снабжения войск продовольствием и обеспечения флангов и тыла для дальнейшего движения.

Управление дербентским ханством Зубов поручил сестре бывшего хана Периджи-Ханум. Шейх-Али-хану было приказано следовать с русским отрядом. Зубов не решился выслать в Россию бывшего правителя Дербента, и это имело весьма вредные последствия на ход дальнейших событий.

Неналаженность подвоза необходимых запасов из Астрахани заставила приостановить экспедицию. Для обеспечения тыла необходимо было занять Дербент сильным отрядом и создать там промежуточную базу. При дальнейшем движении в Персию требовалось также оставить сильный гарнизон в Баку.

Все эти мероприятия сильно уменьшали численность экспедиционного отряда. Первоначальный план действия одновременным движением по берегу Каспийского моря и со стороны Ганжи не мог осуществиться, так как Кавказский корпус, назначенный для действия со стороны Грузии, едва-едва только собирался у Кизляра, причем возможность его продовольствия местными средствами была весьма сомнительна. Ввиду этого Зубов просил об усилении его новыми войсками.

24 мая по прибытии чугуевского полка с Платовым и донского полка Орлова отряд выступил в Баку. В Дербенте был оставлен Савельев с 3 батальонами, 200 казаками и 4 орудиями.

Движение совершалось в общем беспрепятственно. 15 июня передовой отряд Рахманова занял Баку, а отряд Булгакова — Кубу. Оставив гарнизон в Кубе и Баку, 19 июня Зубов направился в Шемаху. На первом же переходе из отряда бежал Шейх-Али-хан. И, поселившись в селении Хырыз, он стал возбуждать кубинцев против русских, подстрекая их оказать сопротивление, а когда узнал о попытках русских изловить его, то отправился к лезгинам.

С удалением дербентского хана в кубинском и дербентском ханствах наступило относительное спокойствие.

В течение этого времени принял подданство и хан шекинский. Конечно, подданство это так же, как и подданство шемахинского хана, было вынужденное.

Бежавший в Дагестан Шейх-Али возбудил казикумухцев и других горцев.

Получив сведения, что в Казикумухе собирается значительное ополчение, Зубов отправил отряд Булгакова к верховьям Самура.

29 и 30 сентября партия горцев напала на наш транспорт с хлебом и скотом. Получив сведения, что горцы собираются напасть и на его отряд, Булгаков отправил на розыски неприятеля капитана Семенова со 100 егерями. Неприятель был встречен по дороге, ведущей к селению Алпаны. Соединившийся с отрядом подполковника Бакунина (3 роты, 1 с. казак., 2 орудия), этот отряд 1 октября напоролся в ущелье, при подходе к селению, на 15 тысяч горцев и понес страшные потери. Высланный Булгаковым на выручку углеицкий полк рассеял штыками увлекшихся горцев и освободил остатки отряда. Движения отрядов Булгакова к Самуру и Савельева из Дербента к Ханжал-Кале успокоили горцев.

Эти события задержали экспедиционный корпус в Шемахе почти на шесть недель.

В начале октября прибыли войска, отправленные с линии на усиление Каспийского корпуса. 21 октября Зубов направил к Ганже отряд Римского-Корсакова, который на пути

должен был присоединить к себе отряд Сырохнева, находившийся в Тифлисе. Одновременно с движением отряда Римского-Корсакова выступил и Каспийский корпус по направлению к Старой Шемахе, а 21 ноября прибыл к урочищу Джеват, лежавшему при слиянии рек Куры и Аракса, где расположился лагерем.

На этом месте, для утверждения нашего владычества на берегу Каспийского моря и устройства безопасного постоянного сообщения с Грузией, Зубов предполагал построить крепость и при ней основать город с названием Екатериносерб. Кроме этого, предполагено было построить крепости в Тарках и Гуссейн-Булаке, а также усилить укрепления Баку. Но предположениям этим не суждено было осуществиться, так как 6 ноября 1796 г. скончалась императрица Екатерина, и на другой день председатель государственной Военной коллегии граф Салтыков отправил к Зубову курьера с уведомлением о восшествии на престол императора Павла I и с приказанием приостановить военные действия впредь до особого повеления.

Император Павел, как известно, не разделял политических планов своей великой матери. Война с Персией не входила в планы императора, и потому в начале декабря 1796 г. все полковые командиры получили именные высочайшие указы о немедленном возвращении с полками на линию. 6 декабря 1796 г. Зубов собрал к себе всех начальников и, объявив им высочайшую волю, сложил с себя звание главнокомандующего.

В командование войсками Каспийского корпуса и Кавказской линии снова вступил генерал-аншеф Гудович.

Между тем выступивший 21 октября отряд Римского-Корсакова, вследствие распутицы и трудности доставки провианта, только 13 декабря достиг крепости Ганжи и в тот же день занял ее. Из-за начавшейся зимы отряд остался в окрестностях Ганжи и только весной вернулся на линию. Таким образом, персидский поход графа Зубова, начатый блистательным успехом, окончился возвращением Персии всех завоеванных областей. Несчастливая Грузия опять была предоставлена ее собственной участи, и только смерть сурового

повелителя Персии Ага-Магомет-хана избавила ее от нового страшного нашествия.

Гудович получил от императора Павла рескрипт, который обрекал его на оборонительный образ действий и возлагал только одну заботу о защите наших границ от набегов хищников.

Между тем в 1798 г. скончался царь Ираклий, и на грузинский престол вступил старший сын его, Георгий, под именем Георгия XII. Разоренная Ага-Магомет-ханом и терзаемая внутренними раздорами внутри членов царского дома, Грузия не могла продолжать самостоятельной жизни. Георгий отлично это сознавал и тотчас же по вступлении на престол стал хлопотать о принятии Грузии в подданство России. Павел I изъявил на это согласие, и в 1799 г., оставляя престол за царем Грузии, ее правителем назначил статского советника Коваленского, а командующим войсками на Кавказской линии и в присоединенной Грузии генерал-лейтенанта Кнорринга. Для обороны Тифлиса от нападения хищников и поддержания русской власти в Грузии был отправлен 17-й егерский (ныне Лейб-Эриванский его величества) полк и мушкетерский Кабардинский генерал-майора Гулякова под начальством генерал-майора Лазарева. 26 ноября 1799 г. оба эти полка торжественно вступили в Тифлис. Манифест о присоединении Грузии был подписан императором в Петербурге 18 декабря 1800 г., а 28 декабря в Тифлисе скончался последний царь Грузии Георгий XII.

По воле императора Павла I грузинским царством стал управлять сын Георгия, Давид, который с первых же шагов начал нарушать условия, заключенные его отцом с Россией, и мало-помалу присвоил себе почти царскую власть в Грузии. Вступивший на российский престол 11 марта 1801 г. император Александр I манифестом 18 сентября того же года упразднил грузинский престол, и Грузия вошла в состав Российской Империи как отдельная область. Но это обстоятельство сильно встревожило членов грузинского царского дома, они начали интриговать и волновать народ, желая снова вернуться к власти. Почти повсеместно стали возникать беспорядки, и это заставило Александра I обратить особое внимание на Грузию. 8 сентября 1802 г. Кнорринг был отозван, а на его место был назначен князь Цицианов.

Время Цицианова

Состояние Грузии и вообще всего Закавказья в начале царствования Александра I вызывало необходимость поставить во главе тамошнего управления человека не только с административными способностями, но и знакомого с местными условиями и бытом туземного населения. Таким лицом явился князь Павел Дмитриевич Цицианов. Принадлежа к одной из наиболее известных грузинских фамилий, князь Цицианов был, кроме того, родственником последнего царя Грузии.

Князь Павел Дмитриевич родился в Москве 8 сентября 1754 г. Начал службу в Лейб-гвардии Преображенском полку и 1 января 1772 г. произведен в прапорщики в тот же полк. 12 февраля 1786 г. с производством в полковники назначен командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка, с которым и был в первом огне в армии графа Румянцева в 1788 г.

После взятия крепости Бендеры он был отправлен в Польшу, где сформировал Гренадерский полк (ныне Гренадерский Фридриха-Вильгельма III) и с ним пришел в Гродно в 1793 г. В сентябре этого года был произведен в генералы. Участвуя в подавлении польского восстания под начальством Суворова, Цицианов выказал блестящие военные дарования. В 1796 г., по выбору самой императрицы, он принял участие в персидском походе.

На месте познакомившись с бытом азиатских народов и их характером, Цицианов возвратился в Россию подготовленным для предстоявшей ему новой деятельности. Сильные черты характера, энергия и преданность долгу князя были известны императору Александру I, и он признал его наиболее способным уничтожить беспорядки в Грузии.

Беспрестанные вмешательства членов грузинского царского дома во внутренние дела страны и интриги, клонившие к восстановлению прежнего правления, заставили императора принять меры к вызову в Россию всех членов царского дома, после чего предполагалось привести в систему и ясность крайне запутанные дела Грузии, а затем кротким, справедливым, но притом и весьма твердым поведением нового

правителя рассчитывали приобрести доверие не только Грузии, но и соседних владетелей.

После трагической смерти сурового повелителя Персии Ага-Магомет-хана на престол вступил его племянник Фет-Али-хан, известный более под именем Баба-хана. Под его правлением в Персии затихли междоусобия, но это спокойствие не было прочным, так как многие из ханов готовы были избавиться от персидской зависимости. Цицианову было поручено поддерживать дружбу с лицами, нам преданными, и вновь войти в сношение с теми ханами, которые будут склоняться на сторону России. Отношения же с Персией были миролюбивы.

Турция, внешне оставаясь спокойной и поддерживая миролюбивые отношения с Россией, тайно интриговала среди магометанского населения Кавказа, восстанавливая его против нас. Особенно беспокойным соседом был паша ахалцхский. Обращая весьма мало внимания на власть султана, он держал у себя лезгин и вторгался в русские пределы.

Наиболее значительные ханы и владетели, с которыми Цицианову приходилось иметь дело, были: Шейх-Али-хан дербентский и кубинский — высокомерный, надменный, предприимчивый, властолюбивый и интриган; Мустафа-хан ширванский (шемахинский) — храбрый, хитрый, славлюбивый, предприимчивый и искусный в военном деле; Сурхай-хан казыкумыкский — весьма храбрый, твердый и осторожный, непримиримый враг христиан, имевший большой вес в Дагестане. Прочие же, как аварский хан и кадий табасаранский, были молоды и никакого влияния на ход событий на Кавказе в это время иметь не могли. Гуссейн-хан бакинский был человек слабый и трусливый, Мир-Мустафа талышинский — весьма слабый и ничтожный.

На Северном Кавказе народы к западу от верхнего течения Терека делились на кабардинцев, осетин и черкесов. Первые две народности перешли в подданство России еще в XVI в., что же касается черкесов, которые в официальной переписке назывались закубанцами, то они находились под покровительством Турции. Чеченцы и лезгины считали себя вольными и независимыми.

Незначительность боевых средств заставляла тогдашних главнокомандующих поддерживать горцев в постоянной вражде между собою, не допуская их объединения, могущее стать для нас опасным.

4 декабря 1802 г. Цицианов прибыл в Георгиевск. И вскоре после своего прибытия, с целью ограничить хищничество кабардинцев в наших пределах, решил построить укрепление около углекислого источника Нарзана, где ныне находится Кисловодск и где сосредоточивались все арбяные дороги к реке Кубани.

Новый главнокомандующий, зная склонность азиатских владык к хитрости и вероломству и страх лишь перед силою, решил действовать иначе, чем его предшественники. Вместо ласки и уступок он проявил твердость и энергию, так как находил, что главная политика в Азии — сила, а лучшая добродетель — храбрость. Во время переговоров были установлены некоторые общие правила для безопасности нашей торговли вдоль Каспийского побережья. Многим из горских владетелей от русского правительства выдавались денежные субсидии. Эти субсидии, собственно, были необходимы для трех владетелей, а именно: кадия табасаранского, шамхала тарковского и уцмия каракайтагского, владения которых, простираясь от Кизляра до Дербента, составляли непрерывную бережную часть Каспийского моря. Далее эта полоса принадлежала ханам дербентскому и бакинскому, на которых надлежало обратить особое внимание.

Бакинская область в прежние времена принадлежала дербентскому хану. Шейх-Али-хан хлопотал о том, чтобы вернуть ее и присоединить к своим владениям. Бакинское ханство недолго оставалось самостоятельным и независимым, оно скоро стало подданным ширванских ханов. Видя стесненное положение Гуссейн-хана бакинского и желая присоединить бакинский порт к владениям России без военных действий, Цицианов старался убедить хана о постановке двух батальонов русских войск в Баку и через присланного ханом уполномоченного Ала-Верды-бека заключил условие на подданство России.

Донося об этом условии, Цицианов признавал необходимым тогда же занять нашими войсками Дербент и Баку, ссылаясь на то, что другого столь удобного случая не будет. Мысль о занятии Дербента и Баку обратила на себя внимание Александра I и подверглась всестороннему обсуждению, но Зубов, от которого было затребовано мнение, высказал, что занятие вообще всех прибрежных городов Каспийского моря он считает преждевременным. Кроме того, занятие Баку, Дербента и других городов могло подорвать к нам доверие горских владетелей, что противоречило предначертанной государем политике. Ввиду этого император не согласился на занятие Дербента нашими войсками. Тем не менее, когда в Петербурге было получено известие о переговорах, начатых Цициановым с бакинским ханом, было сделано распоряжение об отправлении в Грузию двух полков с Кавказской линии, дабы иметь возможность в случае надобности опереться на силу. Но переговоры с бакинским ханом были прерваны из-за вмешательства Мустафы-хана ширванского, бороться с которым было трудно.

1 февраля 1803 г. Цицианов прибыл в Тифлис. Он начал с того, что удалил Коваленского от должности правителя Грузии, а на его место назначил генерал-майора Тучкова. Затем принял меры к удалению членов царского грузинского дома (их было до 90 человек обоего пола); пришлось прибегнуть к силе. При приведении этой меры в исполнение одною из цариц, а именно царицею Марией, был убит генерал Лазарев¹.

В первой половине 1803 г. в Грузии оставались лишь царевичи Александр, Юлон и Теймураз, которые не переставали подстрекать народ и искать посторонней помощи. По подговору царевича Александра, лезгины, и без того бывшие беспокойными соседями, одновременно небольшими партиями в разных местах вторглись в Грузию. Расположенные на границах наши войска не могли уследить за каждой мелкой толпой преимущественно конного неприятеля.

¹ За это царица Мария была заключена в монастырь в г. Воронеже.

Фельдмаршал Иван Федорович Паскевич, граф Эриванский,
князь Варшавский

В течение зимы 1803 г. ходили слухи о готовящемся нападении лезгин в значительных силах. Желая предупредить это вторжение, Цицианов поручил генералу Гулякову передвинуть отряд к броду Урдо на Алазани и избрать места для постройки редутов, которые могли бы затруднить лезгинам вторжение в Грузию. Этой мерой предполагалось прервать прямой путь в Ахалцых и заставить лезгин делать объезды на Карабаг. При успехе Гуляков должен был следовать далее и потребовать, чтобы лезгины выдали царевича Александра, согласившись ввести в Джары и Белооканы русские гарнизоны.

2 марта Гуляков двинулся в Джарскую область с отрядом, состоявшим из 3 батальонов с 8 орудиями и 2 сотнями казаков. Сверх того при отряде было грузинских князей, дворян и местных жителей до 4500 человек.

Экспедиция была удачна. Гуляков встретил лезгин при броду Урдо, разбил их и, преследуя, занял Белооканы — сильно укрепленное лезгинское селение — и уничтожил его.

Пользуясь этим успехом, Цицианов не хотел ограничиться введением в Джары и Белооканы русских гарнизонов и поручил Гулякову требовать принятия присяги на подданство.

Союзник джарцев нухинский хан, узнав о занятии Белоокан, предлагал свое посредничество. Надеясь на помощь нухинского хана, джарцы не согласились исполнить наши требования, и потому Гуляков принужден был продолжать с отрядом движение на Джары, самое главное и богатейшее селение лезгинских вольных обществ, которое и занял 29 марта без всякого сопротивления. Результатом этого похода было полное подчинение джаро-белооканских лезгин.

Для утверждения нашего господства в этом округе при броду Урдо был построен на батальоне редут, названный Александровским, и учреждены посты: вверх по реке Алазани при Царицынском колодце и вниз по течению реки при урочище Карагач, каждый для двух рот.

Покорение Джаро-Белооканской области все еще не обеспечивало спокойствия в Грузии, так как продолжавшиеся интриги членов грузинского царского дома распространились далеко за пределы Грузии и отразились на владетелях Име-

ретии и Мингрелии. Имеретия и Мингрелия, включая сюда Лечмух, входили прежде в состав грузинского царства. Во главе Имеретии стоял царь, а Мингрелии — Дадиан, с неограниченными деспотическими правами по отношению только к тем подданным, которые не имели возможности им сопротивляться; сильные же сопротивлялись правителям, значительно ослабляя власть обоих владетелей.

Упадок власти и беспорядки в Мингрелии особенно усилились после смерти предшественника князя Григория Дадиана, который оставил пять сыновей и вдову, женщину самолюбивую и мстительную, враждовавшую со старшим своим сыном и законным наследником Григорием Дадианом, 18 лет от роду ставшим правителем Мингрелии.

Царь Имеретии, Соломон II, был женат на сестре Григория, и между ними более двадцати лет существовала теснейшая дружба, но вторичная женитьба Григория Дадиана на дочери последнего царя Грузии Георгия XII — Нине Георгиевне, поставила их во враждебные отношения. Соломон заявил притязание на Лечхумскую область, находившуюся между их владениями. Правитель Мингрелии, не видя возможности бороться с сильнейшим противником, стал искать покровительства и подданства России, каковое и осуществилось 4 декабря 1803 г. с оставлением рода Дадианов начальствующими Мингрелией.

Вскоре после этого имеретинский царь Соломон также высказал желание вступить под покровительство России. Присоединение Имеретии к российским владениям Цицианов признавал не только полезным, но и необходимым, так как с этим приобретением осуществлялось желание нашего правительства придвинуть к Черному морю наши закавказские владения.

Вступление царя Соломона в подданство России было не так чистосердечно, как он об этом писал. Он желал только получить возможность разорить владения Дадиана, затем при первом случае отказаться от подданства. И одновременно с отправлением своего уполномоченного, князя Деонидзе, в Петербург, Соломон отправил другого посла в Константинополь с просьбой к турецкому правительству защитить его

от русского оружия. Посылка эта, впрочем, осталась без всяких последствий.

Вероломные поступки Соломона и его враждебные выступления против Мингрелии заставили прибегнуть к занятию Имеретии войсками даже без согласия Соломона. Но вследствие приготовления к походу в Ганжу необходимо было отложить действия против имеретинского царя до окончания этой экспедиции.

Недостаток войск в Грузии и невозможность усилить боевые средства новыми полками из России заставили Цицианова изворачиваться теми средствами, которые он имел в своем распоряжении. Действия с лезгинами, несколько раз нападавшими на села Цалки и Карели, на некоторое время задержали экспедицию князя Цицианова против Ганжи. Эта временная задержка позволила Джевад-хану подготовиться к встрече русских.

По прибытии в Грузию Севастопольского мушкетерского и 15-го егерского полков Цицианов собрал в Саганлуге, в 15 верстах от Тифлиса, отряд силою в 3 батальона с 2 егерскими ротами, 3 эскадрона драгун и 11 орудий и 22 ноября выступил из Саганлуга. Через шесть переходов достиг Загиала (шамшадильского селения), где к нему присоединились еще 2 батальона 17-го егерского полка. Таким образом, отряд увеличился до 5¹/₂ батальона.

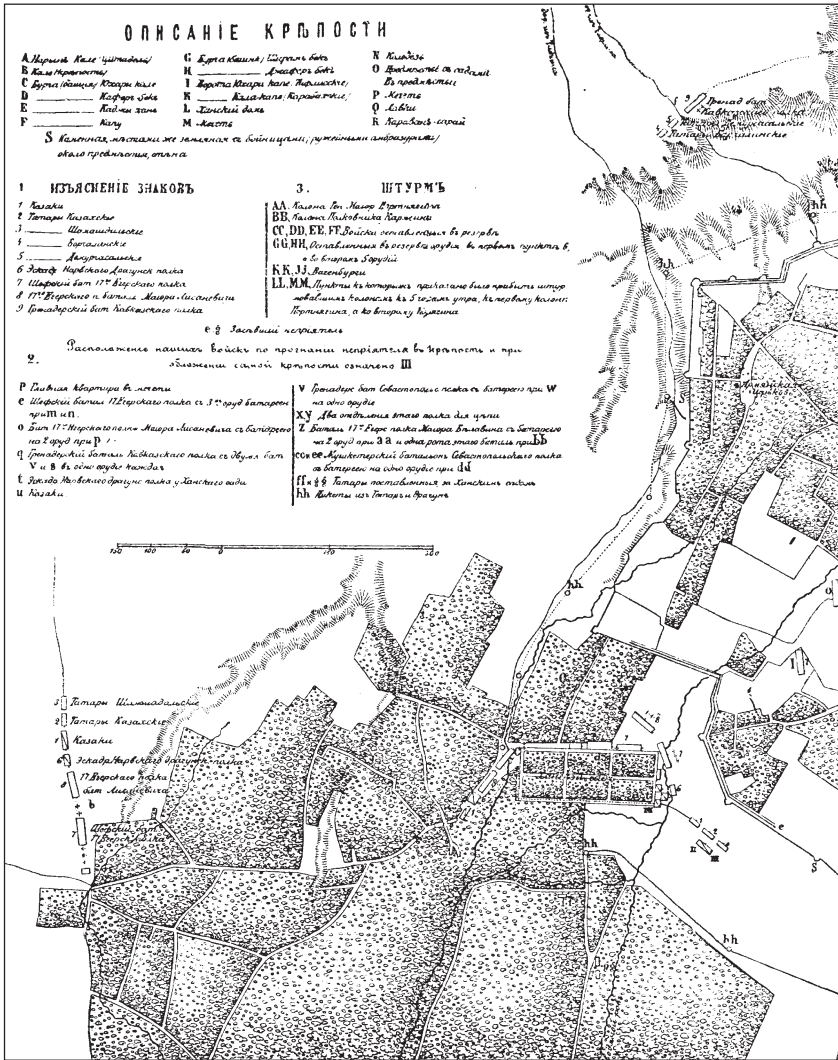
29 ноября, по прибытии в Шамхор, Цицианов отправил Джевад-хану письмо с требованием сдачи Ганжи. Получив отрицательный ответ, главнокомандующий приступил к рекогносцировке крепости. Подъехав к предместью и не имея возможности осмотреть крепость, не завладев предварительно садами, Цицианов сформировал две колонны: одну, из Кавказского гренадерского батальона, с легкими войсками и двумя орудиями, под начальством подполковника Симоновича, он направил по большой тифлисской дороге, а сам с 2 батальонами егерей, эскадроном драгун и 5 орудиями двинулся правее тифлисской дороги на ханский сад.

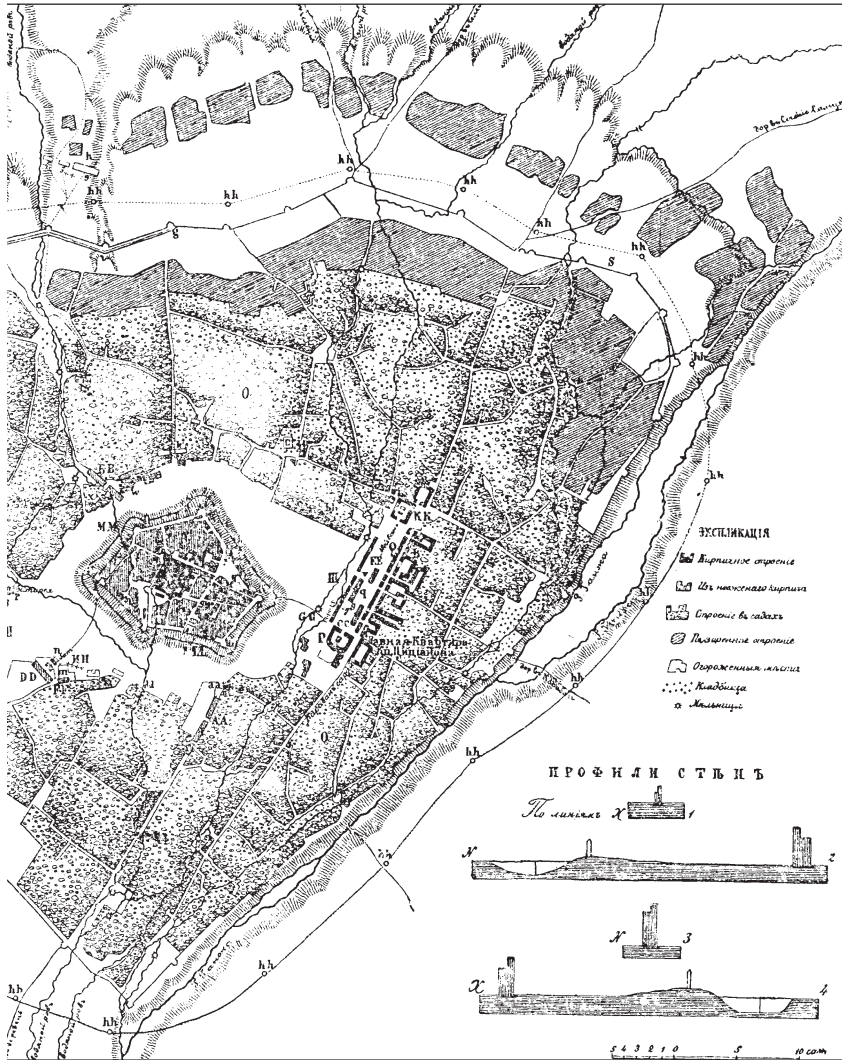
В садах наши войска встретили сильное сопротивление. Предместье, растянувшееся на полторы версты от стен крепости, изобиловало высокими глинобитными заборами, ок-

ружавшими сады и представлявшими ряд отдельных укреплений, которые приходилось брать штурмом. Несмотря, однако, на сильный огонь и отчаянное сопротивление, наши войска в течение 2 часов успели очистить предместье. На другой день крепость была обложена и открыто бомбардирование.

Желая избегнуть кровопролития и полагая, что Джевад-хан достаточно напуган поражением своих войск в предместье, Цицианов письмом вновь потребовал сдачи крепости. Целый месяц длились бесплодные переговоры, и наши войска держали ганжинскую крепость в осаде, но на все требования сдачи Джевад-хан отвечал отказом. Тогда, собрав военный совет, Цицианов решил штурмовать Ганжу. Начальником наступающих колонн был назначен генерал-майор Портнягин, и ему было приказано все предприятие держать в тайне, оставляя войска на местах, и только за полчаса до наступления развести их по назначенным местам. Казачья цепь до рассвета должна была оставаться на своих местах.

Штурмующие войска были разделены на две колонны, из которых первой, составленной из двух гренадерских батальонов и 200 спешенных драгун под общим начальством Портнягина, приказано было идти влево от карабагских, или верхних, ворот — «от батареи артиллерии подпоручика Башмакова», вторая колонна, из двух батальонов 17-го егерского полка, под начальством полковника Карягина, должна была наступать левее тифлисских, или цитадельских, ворот; колонна эта предназначалась для демонстративной атаки. Батальон 17-го егерского полка майора Белавина, при котором находился и сам Цицианов, составлял резерв и был поставлен на Майдане, против карабагских ворот. Батальон Севастопольского мушкетерского полка поставлен напротив тифлисских ворот с приказанием препятствовать выходу неприятеля из крепости и в случае надобности для помощи штурмующим. Вся артиллерия свезена была к резервам и туда же отряжено 100 казаков. Наконец, татарской коннице, «недостойной по неверности своей вести войну обще с высокочтимыми войсками», приказано было держать цепь вокруг форштадта и садов.

План крепости Ранжи

Штурм был назначен на 5 $\frac{1}{2}$ часа утра 3 января. До земляной стены отряд должен был дойти с крайнею тишиною и, пользуясь темнотою ночи, приставить лестницы к городской стене. Диспозиция была исполнена в точности. Колонны к назначенному времени заняли свои места и подошли к городскому валу так тихо, что огонь из крепости был открыт тогда, когда наши солдаты были не далее как в 15 сажен от земляного вала. За земляным валом оказалась каменная стена. Неприятель начал кидать в атакующих камни и стрелы, а также для освещения штурмующих — подсветы, сделанные из свернутых буро, смоченных нефтью и зажженных.

Карягин хотя и должен был производить демонстративную атаку, но, видя вред, причиняемый неприятелем, выделил лишь незначительный отряд для демонстрации и, не ожидая условленного сигнала колонны Портнягина, кинулся к лестницам и успел взойти на стену раньше левой колонны. Овладев стеною, Карягин отправил вдоль нее батальон майора Лисаневича, который овладел последовательно двумя башнями и затем отворил городские ворота. В одной из захваченных Лисаневичем башен был убит сам Джебев-хан, упорно защищавшийся, сидя верхом на одной из пушек.

Колонна Портнягина сначала не имела такого успеха. Сделанная в земляном валу накануне штурма брешь указала неприятелю место главной атаки, а потому здесь была сосредоточена большая часть сил осажденных. Вследствие этого левая колонна, встретив у бреши упорное сопротивление, была вынуждена взбираться по приставным лестницам. Портнягин первым взойшел на стену, а за ним последовал весь отряд и овладел тремя башнями.

Но, овладев башнями, войска должны были спуститься в город с каменной стены четырех сажен вышиною. Шести башенных спусков не хватало рвавшимся вперед войскам, и они, несмотря на продолжавшийся внизу ружейный огонь ганжинцев, перетаскивали с наружной стороны стены 14-аршинные лестницы и по ним спускались в город.

В городе между тем смятение было ужасное: толпы татар, конных и пеших, в беспорядке метались по улицам, отыскивая ханский бунчук, как место сбора; женщины собрались

на площадь и своими криками оглашали воздух. Солдаты очищали город от неприятеля. К полудню все стало тихо. Все улицы были покрыты мертвыми телами.

Таким образом, Ганжинская крепость, считавшаяся лучшей во всем Азербайджане, пала через полтора часа штурма. К чести наших солдат, ни одна из 8600 женщин, взятых ханом в город из деревень в залог верности их мужей, и ни один младенец не погибли. Трофеями оказались 9 медных и 3 чугунных орудия, 6 фальконетов, 8 знамен с надписями, 55 пудов пороху и большой хлебный запас, 8585 мужчин и 8639 женщин пленных.

Победа эта приобрела особую важность главным образом потому, что Ганжа была стратегическим ключом всех северных провинций Персии и держала в страхе весь Азербайджан. Эта крепость считалась между азиатами оплотом от всяких на них покушений.

Чтобы изгладить о ней самое воспоминание, Ганже было дано Цициановым название Елисаветполь. Устроив в Елисаветполе временный лазарет для раненых и оставив там Карягина с его полком для обороны, как крепости, так и всего владения, Цицианов возвратился в Тифлис для окончания переговоров с Соломоном, результатом которых стало принятие Имеретией подданства России.

Край, подведомственный России за Кавказом, состоял в то время собственно из Грузии и только что покоренного ганжинского ханства (переименованного в Елисаветпольский округ). Небольшая площадь этих двух владений была окружена со всех сторон разноплеменными народами, из которых хотя большая часть и изъявляла покорность России, заключив с Цициановым союзные договоры, но на прочность этих договоров и искренность подданства положиться было нельзя. Скорее можно было ожидать враждебных отношений.

Для упрочения русского владычества в Закавказье Цицианов решил продвинуть границы до реки Аракса и с этой целью овладеть Эриванью. Силы, которыми для этого располагал Цицианов, состояли из 8 полков пехоты с 24 орудиями, Нарвского драгунского и Донского казачьих полков. К началу 1804 г. войска эти были разбросаны от Елисаветполя

и от Анапура на военно-грузинской дороге до Бамбака по пути к Эривани. Этот разброс был вызван необходимостью держать в повиновении только что подчиненные народности и охранять их от набегов враждебных соседей. В экспедицию же против Эривани можно было выделить лишь незначительное число войск.

Экспедиционный отряд состоял всего из 10 батальонов, 4 эскадронов и 3 сотен линейных казаков, 300 человек грузинской милиции и 12 орудий, всего 4080 штыков и сабель.

В апреле месяце были получены сведения, что Аббас-Мирза, наследник персидского престола, прибыл в Тавриз с войском в числе 20—30 тысяч. Сосредоточив в этом пункте все свои силы, Аббас-Мирза был намерен отправить один отряд под начальством своего родственника Сулейман-хана к Шуше, а сам с главными силами следовать к Эривани и затем с разных сторон вторгнуться в Грузию.

При первом известии о сборе персиян у Тавриза Цицианов стянул войска к нашим границам с Персией. Тифлисский полк был отправлен в Сомхетию, причем генерал-майору Леонтьеву с батальоном его имени было приказано расположиться в Бамбаках. Находившийся в Елисаветполе Карягин с двумя батальонами 17-го егерского полка был усилен батальоном Севастопольского мушкетерского полка. Кроме того, Карягину было приказано собрать из шамшадильских татар и армян конных охотников.

Все подготовленные распоряжения Цицианова и движение наших полков к границам не ускользнули от внимания эриванского и нахичеванского ханов, поставленных теперь между двух огней, одинаково для них опасных.

Эриванский Мамед-хан прислал Цицианову письмо с изъявлением покорности. Но Цицианов ставил главными условиями подтверждение этой покорности: 1) поставить в Эривани русские войска, 2) признать российского императора своим государем и присягнуть ему на верность и 3) давать дань по 80 тысяч рублей в год. Мамед-хан боялся главным образом 1-го пункта и поэтому долго не решался.

Численность отряда, которым располагал Цицианов, была, как мы видели, очень невелика по сравнению с 30-ты-

сячной персидской армией, против которой приходилось действовать, и наступательный образ действия был единственным, который можно было принять в этом случае. Двумя днями ранее выступления в поход всего отряда Цицианов отправил Кавказский гренадерский полк, приказав ему следовать к слиянию рек Арпачая и Занги на Шурагельской равнине. К этому полку приказано было присоединиться гренадерскому батальону Тифлисского полка из Лори и мушкетерскому батальону того же полка из Бамбак. Командир гренадерского полка, генерал-майор Тучков, никаких приказаний о предстоящих действиях, кроме того, что по достижении Арпачая и Занги ожидать прибытия главных сил отряда, не получал.

По достижении указанного места Тучков соединился с отрядом генерал-майора Леонтьева, состоявшего из 2 батальонов, 4 орудий и 70 казаков. Не имея указаний и не зная, что предпринять, Тучков и Леонтьев стали в оборонительное положение и выставили передовые посты.

Между тем прибывший в лагерь архиерей сообщил им, что целый караван армянских семейств, вышедших из Персии, находится недалеко от отряда и что корпус персидских войск грозит истребить их, если они не вернутся обратно. Кроме того, из персидского лагеря прискакал грузин, спасшийся вплавь из плена, который сообщил, что видневшееся вблизи войско состоит из 8 тысяч отборной персидской конницы и что в лагере находятся царевичи Александр и Теймураз. Получив эти сведения, Тучков решил с рассветом следующего дня атаковать персов, и действительно при с. Гумри разбил персидский отряд наголову, захватив их лагерь, отбив до 100 армянских семейств, множество лошадей, скота и разных припасов.

12 июня Цицианов прибыл в Гумри, где и соединился с отрядом Тучкова. Сюда же прибыли посланные от Джафар-Кули-хана хойского и Мамед-хана эриванского с изъявлением покорности. Но Цицианов не доверял Эриванскому хану и условием подчинения ставил исполнение его требований.

19 июня отряд подошел к Эчмиадзинскому монастырю, сделав усиленный переход в 44 версты по гористой и каме-

нистой почве. Войска наши были чрезвычайно утомлены, и только по своей беспечности персияне упустили удобный случай нанести им серьезное поражение. Утром 20-го Цицианов расположился лагерем вблизи Эчмиадзина и вскоре был атакован персидской конницей, предводительствуемой Аббасом-Мирзою. Но встреченная отовсюду выстрелами из орудий неприятельская конница обратилась в бегство, и сам Аббас-Мирза был вынужден также бежать.

Рано утром 25 июня Цицианов перешел на 12 верст вперед, на реку Зангу, к деревне Канакири, отстоявшей в 7 верстах от Эривани и в 12 от персидского лагеря. Подойдя к деревне, наши войска нашли ее занятой неприятелем, который и был выбит 9-м егерским полком. Потесненный неприятель переправился через Зангу и присоединился к главным силам. В полночь и Аббас-Мирза со всеми своими силами потянулся за Аракс, но по просьбе Мамед-хана вернулся и расположился лагерем.

В конце июня Цицианов занял Эчмиадзин, оставленный персиянами, а в ночь на 30 июня, оставив слабых и больных в вагенбурге под прикрытием батальона Саратовского мушкетерского полка, двинул весь отряд для атаки персидского лагеря, расположенного в 7 верстах за эриванской крепостью.

Верстах в пяти от бывшего лагеря пришлось проходить ущелье. Из предосторожности Цицианов направил по батальону егерского полка по каждой стороне ущелья, по высотам. Лишь только егеря стали подниматься на высоты, как скрывавшиеся за ними персияне встретили их камнями и бревнами, но егеря пять раз прогоняли неприятеля, пока колонна двигалась по ущелью. В конце лощины оказалась крутая гора, занята противником. Полковник Козловский испросил у Цицианова разрешение пойти со своим батальоном на почти неприступную гору и прогнать персов и выполнил это предприятие с полным успехом. Не ожидая нападения с этой стороны, персияне объятые паническим страхом, кинулись в лагерь, находившийся в трех верстах от места столкновения, но быстро затем оставили и лагерь. В связи с тем, что взбравшийся на гору батальон Козловского был без артилле-

рии, а кавалерия осталась позади внизу, преследовать отступавшего неприятеля было нечем. Только 30 линейных казаков успели обскать гору и отрезать небольшую часть бегущих, причем было отбито 4 знамени и 4 фальконета. Неприятель бежал за Аракс, оставив свой богатый лагерь.

Пользуясь этой победой, Цицианов решил безотлагательно идти к Эривани, но общая усталость войск принудила его дать им отдых до 2 июля.

Крепость Эривань, лежавшая на реке Занге, на высоком, крутом и утесистом берегу, была окружена двойной стеной. Внутренняя, довольно высокая и толстая, имела 17 башен; наружная, отстоявшая от внутренней на 15—20 сажен, была ниже и тоньше внутренней. Вокруг крепости шел глубокий, местами наполненный водою, ров. Гарнизон крепости состоял из 7 тысяч человек при 60 пушках и 2 мортирах. К 4 июля Эривань была обложена со всех сторон, а 5-го было открыто бомбардирование крепости.

Прибывший 8 июля к Цицианову преданный нам Джафар-Кули-хан хойский сообщил главнокомандующему о сношениях находившегося в Эривани Келб-Али-хана нахичеванского с Баба-ханом персидским, извещая последнего об опасности, угрожавшей Аббас-Мирзе. Баба-хан, наскоро собрав около 15 тысяч человек из Хоя и Тавриза, поспешил на помощь сыну и 14 июля соединился с ним на реке Гарничаяе.

Нападение соединенных сил персиян, в 20 раз превосходивших силы русских, под предводительством самого Баба-хана было отбито, несмотря на произведенную одновременно с этим вылазку из крепости. Нашими трофеями были 2 знамени и 2 фальконета. Недостаток кавалерии не позволил преследовать неприятеля.

Отступившие персидские войска разделились на две части. Одна часть, под начальством Баба-хана, пошла на деревню Канакири, другая, под начальством Аббас-Мирзы, осталась в лагере на Гарничаяе.

Желая воспользоваться разделением персидских войск, Цицианов распорядился генералу Портнягину напасть на персидский лагерь Аббас-Мирзы. Правильное в основном решение было ослаблено назначением малого отряда.

Отряд Портнягина, напоравшись на 30 тысяч персов, начал отступать к Эривани и в продолжение 14¹/₂ часа отбивался от неприятеля с таким успехом, что привел с собою всех раненых, не оставив на поле сражения ни одного из них.

В период с 24 июля по 2 сентября особых событий под крепостью не произошло, но в августе осуществилась попытка лишить отряд продовольствия, которая ознаменовалась гибелью целого отряда русских. 15 августа из Тифлиса был послан транспорт с провиантом под начальством майора Стахиева. На помощь ему из Эриванского отряда был выслан Тифлисского мушкетерского полка майор Монтрезор с 350 н. ч. и 3 ор. 21 августа этот отряд, после двухдневных стычек с персидскими войсками, наткнулся у местечка Сарали на войска царевича Александра, который предложил маленькому русскому отряду сдаться, но Монтрезор спокойно ответил, что он честную смерть предпочитает постыдному плену. Получив такой ответ, Александр двинул все свои 6 тысяч персов на горстку русских.

Монтрезор отбивался с успехом, пока у него были снаряды и патроны, но, видя, что приближается конец боевым припасам, он, сняв мундир как знак начальника, крикнул своим солдатам: «Ребята! Я больше вам не начальник. Спасибо за храбрость и службу. Теперь, кто хочет меня покинуть, может спасаться». Никто, однако, из солдат не захотел воспользоваться данным разрешением. Дали последний залп и затем бросились в штыки. Весь отряд со своим доблестным начальником погиб геройской смертью. Спасся только один барабанщик и несколько грузин; два тяжелораненых офицера и 10 рядовых были захвачены в плен. Транспорт же, отправленный из Тифлиса с майором Стахиевым, вынужден был остановиться у Кара-Килиса, окруженный войсками царевича Александра, пока на выручку не прибыл высланный Цициановым отряд под начальством генерала Талызина, из 200 человек Тифлисского полка.

Неудачное движение наших транспортов уничтожало последнюю надежду на доставку провианта и поставило в весьма опасное положение войска, блокировавшие Эривань. Недостаток припасов вызвал болезни, ослабившие отряд до та-

кой степени, что под ружьем оставалось не более 2¹/₂ тысячи. Вследствие этого 2 сентября Цицианов снял блокаду Эривани и отступил.

Во время пребывания Цицианова под Эриванью в Грузии и на Северном Кавказе возникли волнения. Находившийся на Северном Кавказе генерал Несветаев ясно видел всю непригодность действий помощника Цицианова по управлению Грузией князя Волконского. С 6 ротами Казанского полка он быстро прошел Дарьяльское ущелье и грузинскую дорогу, сметая на пути все, что ему попадалось. Мятеж скоро прекратился. Цицианов, вернувшийся в Тифлис, был очень доволен действиями Несветаева, но, чтобы еще больше наказать осетин, предпринял карательную экспедицию в горы под личным руководством и до половины декабря оставался в горах Осетии, пока окончательно не принудил осетин к порядку.

В то время когда Цицианов усмирять осетин, Несветаев действовал в эриванском ханстве, взял Шурагель¹ и по дороге захватил Эчмиадзин. Покончив с Осетией, Цицианов в мае 1805 г. направился в Елисаветполь, вытребовал туда шушинского и карабагского ханов и заставил их также принять русское подданство.

Присоединением Карабага открывались ворота в азербайджанскую провинцию Персии и доступ к Баку и Сальянам. Присоединение же шушинского ханства служило угрозой для хищников-лезгин.

Само собой разумеется, это не могло нравиться персидскому правителю Баба-хану, и он начал восстание в Джаро-Белоканском округе. 26 марта 9 тысяч лезгин под предводительством Халил-бека ночью внезапно напали на Александровское укрепление при реке Алазани, но были отбиты. Вслед за тем Баба-хан стал собирать значительное войско для вторжения в Грузию. Цицианов для отражения персов располагал только 6800 человек пехоты и 1400 человек кавалерии. Россия, занятая в это время войной на европейском театре с

¹ Шурагель — небольшое ханство, лежавшее между Бамбаками, эриванским ханством и ахалцыхским пашалыком.

Наполеоном, не могла усилить кавказские войска. С этим ограниченным числом войск Цицианову приходилось сохранять внутреннее спокойствие во вновь приобретенных провинциях и оберегать их от вторжения персов. Действовать наступательно против 40-тысячной персидской армии не представлялось возможным, и Цицианов на этот раз решил действовать оборонительно. С этой целью от стянул небольшие силы, которыми мог располагать, в Елисаветполь и Бамбаки и отправил для занятия шушинской крепости шесть рот 17-го егерского полка с 3 орудиями и 30 казаками под начальством майора Лисаневича. Занятием Шуши Цицианов намеревался удержать в повиновении карабагское ханство и следить за движением персов в этом направлении.

Узнав, что к переправе через Аракс двигается значительный персидский отряд под начальством Пир-Кули-хана, главнокомандующий послал в помощь Лисаневичу полковника Карягина с батальоном егерей при 2 орудиях.

Пир-Кули-хан миновал переправу, у которой находился Лисаневич, и направился в ночь с 10 на 11 июня к жибраильским садам. Лисаневич двинулся туда же и с успехом атаковал персов. 12 июня Лисаневич узнал, что разбитый неприятель переправился назад за Аракс, получив значительные подкрепления. Лисаневич оставил Жибраил и отступил к Шуше.

Получив известие о том, что за Пир-Кули-ханом идет Аббас-Мирза, а за этим последним сам Баба-хан, Цицианов приказал Лисаневичу идти к крепости Аскарани и там, соединившись с отрядом Карягина, препятствовать дальнейшему движению Пир-Кули-хана.

Между тем, 21 июня Карягин выступил из Елисаветполя с отрядом из 400 человек 16-го егерского полка при 2 орудиях. Едва он 24 июня достиг речки Шах-Булаха, как был атакован 30-тысячным скопищем персов. В течение 6 часов Карягин мужественно пробивался вперед и, пройдя 14 верст под сильным огнем неприятеля, вечером прибыл к речке Аскарани, где и расположился лагерем. В 4 верстах от этого места находился Пир-Кули-хан со своим 10-тысячным отрядом. Едва солдаты успели разбить палатки, как в 6 часов вечера Пир-

кули-хан всеми силами стремительно атаковал Карягина. В течение 3 часов персы стремительно атаковали, но каждый раз были отбиваемы. Наступившая ночь прекратила нападения, но обе стороны остались вблизи друг от друга. Пир-Кулихан устроил батареи и отнял воду. Карягин обнес свой лагерь четырехфасным¹ вагенбургом, вырыл вокруг довольно глубокий ров и насыпал вал.

За день сражения было убито 33 и ранено 164 н. ч., то есть половина отряда, и это препятствовало ему пробиваться к Шуше. Карягин просил Лисаневича поскорее соединиться с ним, но волнения в Шуше и расположение ее жителей к восстанию удерживали Лисаневича на месте.

Предоставленный самому себе, Карягин 4 суток храбро защищался против полчищ персов, хотя голод и жажда при палящем зное сильно ослабили отряд, потерявший к тому же много убитыми и ранеными. На рассвете 28 июня Аббас-Мирза атаковал укрепленный лагерь Карягина и в течение дня безуспешно пытался овладеть им. Но в 4 часа пополудни находившийся в мечети, на самом важном посту лагеря, поручик Лисенко с 3 унтер-офицерами и 32 егерями перешел к неприятелю. Узнав от этих изменников о малочисленности отряда Карягина, персы снова напали, но были отбиты. В ночь после сражения из отряда бежало еще 20 человек. Открытое положение аскаранского лагеря делало дальнейшее пребывание в нем невозможным. В этом безвыходном положении майор Котляревский, один из выдающихся героев Кавказа, предложил в ночь с 29 на 30 июня тайно или напролом пройти сквозь персидские войска в укрепленный замок Шах-Булах и там держаться до последней крайности.

Крепость Шах-Булах, защищаемая 150 персами, была взята, но положение отряда улучшилось ненамного, так как Аббас-Мирза вскоре окружил наш отряд и, не надеясь взять замок силой, решил голодом принудить русских сдаться. Действительно отряд терпел величайший недостаток в продовольствии. Солдаты питались кониной и травой. 7 июля Карягин получил точные сведения, что Баба-хан не позже

¹ Четырехрядным. — *Прим. ред.*

9-го числа придет к Шах-Булаху с намерением атаковать русских. Сознавая всю опасность оставаться в Шах-Булахе, Карягин решил пробиться в горы к крепости Мухрату. Персы заметили отступление из Шах-Булаха русского отряда тогда, когда он был уже в 20 верстах. Вблизи Мухрата он был настигнут персидским отрядом около 1500 человек, но этот отряд был легко им отражен.

Своими действиями с малочисленным отрядом Карягин держал всю персидскую армию до тех пор, пока Цицианов успел собрать столько войск, что мог двинуться сам. В июле Цицианов, собрав отряд в 2300 человек с 10 орудиями, двинулся против 40-тысячной армии по направлению к Шуше. При одном известии о движении русских войск под начальством Цицианова Баба-хан отступил, и 24 июля Цицианов остановился у Аскарани.

В то время когда персы бежали перед Цициановым, Карягин был направлен к Елисаветполю и еще находился вдали от этого города. Аббас-Мирза с 25-тысячным отрядом 17 июля обложил Елисаветполь, но после неудачной попытки овладеть им отступил и двинулся к Тифлису. 22 июля Карягин прибыл в Елисаветполь и здесь узнал о движении Аббаса-Мирзы к Тифлису. Несмотря на изнеможение и раны, храбрый ветеран поспешил с отрядом в 570 человек к Шамхору, чтобы преградить путь Аббасу-Мирзе. Догнать последнего усталому отряду было бы трудно, но тут помогло одно обстоятельство. Из Тифлиса в Елисаветполь следовал провиантский транспорт под прикрытием 300 пехотинцев и 2 орудий. Не доходя 7 верст до Елисаветполя, 23 июля транспорт был атакован всею армиею Аббаса-Мирзы. Начальник транспорта, подпоручик Донцов, был убит в самом начале. Заступивший на его место прапорщик Платковский послал в Елисаветполь двух драгун с извещением о своем положении. Отряд, построив вагенбург, 4 суток отчаянно защищался, умирая от жажды и расстреляв все патроны, но на предложения персов сдаться отвечал отказом. Прапорщик Платковский, не получив ответа и помощи, решил отправиться лично, но был захвачен неприятелем.

Карягин, получив уведомление Платковского 25 июля, выступил из Шамхора на рассвете 27 июля и не только от-

бросил атаковавших его персов, но сам бросился на них, быстро смял, захватил орудия и из них же стал стрелять по неприятелю. 30-тысячная армия Аббаса-Мирзы бежала, оставив нам в добычу лагерь, обоз, пушки, знамена, награбленные вещи и много пленных, в числе которых находился и раненый царевич Теймураз.

Аббас-Мирза бежал в Казах, но казахские татары, еще недавно относившиеся недружелюбно к русским, увидя поражение персов, встретили их враждебно и, напав в Делижанском ущелье на армию Аббаса-Мирзы, нанесли ей окончательное поражение.

Карягин со спасенным им транспортом 30 июля возвратился в Елисаветполь, а 3 августа туда прибыл и Цицианов. Этим закончилась вторая персидская война в правление Грузией князя Цицианова, ознаменованная примером редкого мужества и героического самоотвержения войск.

В то время, когда происходили описанные события на суше, Каспийская флотилия и десантные войска действовали у Гиляни. Но эти действия далеко не оправдали ожиданий главнокомандующего. Во главе гилянской экспедиции был поставлен генерал-майор Завалишин — человек очень осторожный, помощником у него был подполковник Асеев, опытный в военном деле и известный своей храбростью. Отряд был силою около 1300 человек при 4 орудиях. Целью экспедиции ставилось занятие городов Решта и Баку; первого — для устрашения Баба-хана, а второго — с целью подчинения его России, так как там предполагалось устроить порт, могущий служить убежищем нашим купцам.

23 июня флотилия приблизилась к Энзели, и войска без особого сопротивления заняли этот город. 1 июля был занят город Пери-Базар, и оттуда 5 июля двинулся к Решту отряд из 800 человек с 3 орудиями. 7 тысяч персов засели в узкой малопроезжей дороге за огородами, засеками и на деревьях. Под градом неприятельских пуль русские шли неустрашимо, но люди изнемогали от жары, трудности пути и из-за того, что пушки и тяжести пришлось тащить на себе, так как все лошади были перебиты. Пройдя 7 верст от Пери-Базара, Завалишин решил отступить и возвратился в Энзели.

С 14 июля началась страшная жара, солдаты заболели и к 21-му числу в отряде было уже более 500 человек больных. При таких обстоятельствах Завалишин перевел людей на суда и 26 июля отплыл сначала к Ленкорани, а затем к Баку, куда прибыл 12 августа. К концу августа Завалишин устроил полную блокаду Баку и овладел высотами, которые командовали над городом, но слух о приближении кубинского Шейх-Али-хана на помощь осажденным заставил его отойти от крепости, сесть на суда и отойти к острову Саро.

Узнав об этом, Цицианов приказал Завалишину снова двинуться к Баку. И, несмотря на свою изнурительную болезнь, главнокомандующий с отрядом из 1600 человек при 10 орудиях в конце ноября сам выступил из Елисаветполя на помощь Завалишину. Ненастное зимнее время и приступы изнурительной лихорадки, повторявшиеся несколько раз в день, ослабили здоровье Цицианова, но тем не менее главнокомандующий считал свое присутствие необходимым и не оставлял отряд. Его отряд пришел к Баку 30 января 1806 г. и расположился лагерем в урочище Нахар-Булах.

Явившись под стенами крепости, главнокомандующий написал Хуссейн-Кули-хану, требуя от него безусловной сдачи. На поставленное категорическое требование хан ответил, что сдает бакинскую крепость на дискрецию (т. е. на совесть или на волю главнокомандующего) и повергает себя со всем своим владением и народом в вечное подданство Всероссийской Империи.

Посланный с письмом от хана Абдул-Хуссейн-бек объявил Цицианову, что хан его с покорностью принимает все милости государя и на другой день передаст ключи крепости. Князь Цицианов утром 6 февраля 1806 г. в сопровождении конвоя из 200 человек под начальством подполковника Асеева приблизился к колодцу, находившемуся в полуверсте от крепости, и в сопровождении генералов Завалишина и Гурьева вышел вперед. Бакинские старшины подали ему хлеб-соль и ключи. Ссылаясь на то, что хан не приготовился к приему, старшины просили отложить свидание до другого дня. На это Цицианов ответил, что он пришел не для того, чтобы возвращаться, и если придет в другой раз, то уже с лестницами.

Для объявления последних слов главнокомандующий отправил в город князя Эрстова. Вслед за тем из крепости выехал хан в сопровождении нескольких лиц своей свиты. Передав ключи от крепости князю, хан облобызался с ним и предложил сесть на намед (войлок). В знак почета, по азиатскому обычаю, Хуссейн передал Цицианову кальян, но лишь только последний взял его в рот, как один из приближенных хана Ибраим-бек выстрелил князю в затылок, другим выстрелом был убит и Эрстов, сопровождавший главнокомандующего. Отрезав голову Цицианову, Ибраим поскакал в город и в тот же момент с крепостных стен был открыт огонь по нашему отряду, стоявшему у колодца. Войска отступили, не успев выручить тело своего главнокомандующего. Оно было зарыто у ворот крепости и только через 6 лет маркиз Паулуччи перенес его в Тифлис и положил в Сионском соборе, где был воздвигнут и памятник с надписями на русском и грузинском языках.

Лучшим же памятником князю Цицианову будет то, что в течение трехлетнего своего управления Кавказом, он присоединил к России Гурию, Мингрелию, Шурагельскую область, карабагское, шекинское, ширванское ханства, Ганжу, Дербент, Кубу и джаро-белоканских лезгин.

Смерть славного воина и выдающегося администратора была поводом к тому, что все восточные хищники подняли голову. Прежде всего имеретинский царь Соломон потребовал, чтобы из Имеретии были выведены русские войска, и прекратил им выдачу продовольствия. Затем эриванский хан захотел захватить Шурагель и подготовить поход Персии. Далее поднялись шекинский, ширванский и карабагский ханы, пригласив к себе для совместных действий лезгин. Казикумухский хан с царевичем Александром захотели захватить Ганжу. В Джаро-белоканском округе началось брожение.

После смерти Цицианова на Кавказе остались его сподвижники: Несветаев, Карягин, Котляревский. Первым пришел в себя генерал Глазенап, находившийся на Северном Кавказе. Он немедленно послал в Тифлис Троицкий полк, поручив ведение дела Несветаеву, а сам с отрядом вышел на

Кумыкское плоскогорье, чтобы удерживать в повиновении весь Дагестан.

Замыслы эриванского хана разрушил полковник Симонович. В Шуше действовал Лисаневич, против которого двинулся 20-тысячная персидская армия. На помощь ему генерал Небольсин двинул Карягина с отрядом в 1100 человек.

Генерал Глазенап, усмирив дагестанцев, двинулся к Баку. На пути он подчинил Дербент, но дальнейшее его движение было остановлено вновь прибывшим на Кавказ генералом Гудовичем.

После Цицианова до Ермолова

После подло убитого Цицианова главнокомандующим был назначен граф Гудович, заслуженный кавказский ветеран. По прибытии на Кавказ Гудович нашел дела в очень затруднительном положении. Все Закавказье, сдерживаемое твердой рукой Цицианова, готово было восстать. Имеретинский царь Соломон бунтовал открыто. Персия собирала значительные силы, рассчитывая возвратить Ганжу, Карабаг и другие провинции, подпавшие под власть русских. Закубанские народы и кабардинцы, пользуясь отсутствием войск на линии, совершали дерзкие набеги на наши города и станицы.

Против возмущившихся карабагцев и шедших к ним на помощь персов был выслан отряд под начальством генерал-майора Небольсина. Несмотря на малочисленность своего отряда, Небольсин на Аскарани при Ханашинском ущелье разбил 20-тысячный отряд персов. Затем Гудович отправил Небольсина против шекинского хана, войска которого и были разбиты наголову. После отчаянного сопротивления столица ханства — Нуха — была взята штурмом. Хан бежал и был объявлен лишенным своих владений навсегда.

После взятия Нухи Небольсин, с одной стороны, а генерал-майор князь Орбелиани — с другой стали угрожать лезгинским владениям. 8 ноября Орбелиани запер все лезгинское войско вместе с аварской конницей в тесном Джарском ущелье и принудил их к полной покорности. Покорив силою оружия восставшие ханства, Гудович не сумел упрочить над нами власть,

введя там русское управление, как это сделал Цицианов с Ганжею. Он нашел более полезным оставить правителей туземцев, и таким образом благоприятный момент слить все Закавказье под одной общей русской властью был упущен.

Покорением лезгин закончились в Закавказском крае военные дела 1806 г. Наступила суровая зима, и Гудович поспешил заключить перемирие с Персией, так как Турция уже объявила России войну и сосредоточивала на границе значительные силы.

Положение главнокомандующего в крае было весьма затруднительно: в своем распоряжении он имел только одну 20-ю дивизию, а между тем государь настоятельно требовал наступательных действий, чтобы отвлечь часть турецких сил от главного театра войны на Дунае. Оставив небольшой отряд Небольсина на персидской границе и полагаясь на преданность вновь поставленных ханов, Гудович двинул остальные войска в турецкие пределы. Неудачная в начале кампания закончилась, однако, 18 июня 1807 г. полной победой над азиатской турецкой армией на берегах Арпачая, недалеко от селения Гумри.

Между тем переговоры о мире с Персией шли так медленно и неуспешно, что Гудович решил воздействовать на персов вновь оружием. С этой целью в начале сентября 1808 г. фельдмаршал вступил через Бамбакское ущелье в пределы эриванского ханства. Эчмиадзинский монастырь был занят без боя, и русские войска обложили Эривань. Одновременно с этими действиями Небольсин двинулся с 3-тысячным отрядом для покорения нахичеванского ханства. Несмотря на то что он там столкнулся с 25-тысячной армией Аббас-Мирзы, он нанес 28 октября персам решительное поражение. Разбитый Аббас-Мирза оставил Нахичевань без защиты, и Небольсин немедленно занял ее.

Эриванская крепость продолжала упорно защищаться. Между тем наступила ранняя суровая зима, глубокие снега завалили ущелья и совершенно прервали сообщения с Грузией. Эти обстоятельства, а также развитие болезней в лагере и недостаток боевых припасов, вынудили Гудовича решить на штурм Эривани.

Штурм был неудачен. Несколько дней Гудович еще оставался под стенами Эриванской крепости, изыскивая средства к ее покорению, но многие полки приведены были в такое расстройство, что о повторении штурма нечего было и думать. Сознывая, что при таких условиях взять Эривань открытою силою невозможно, фельдмаршал начал отступление в Грузию при самых тяжелых условиях: по сугробам снега и под натиском 30 тысяч персов.

Войска переходили горы по пояс в снегу, при вьюгах и морозах, доходивших до минус 15° С. Несмотря на принятые меры, до 1 тысячи человек из отряда погибло от стужи; Бороглебский драгунский полк лишился всех своих лошадей.

Едва возвратившись в Тифлис, фельдмаршалу пришлось усмирять восстание Шейх-Али-хана в кубинском ханстве.

Вскоре после этого Гудович был назначен главнокомандующим в Москву, а на его место на Кавказ прислан генерал от кавалерии Торماسов. Вступив в управление краем, Тормасов прежде всего начал мирные переговоры с Персией. Но во время этих переговоров персы вторглись в Грузию, и 23 июня их главные силы, под начальством самого Баба-хана, вошли в Бамбакскую провинцию. Однако персидская конница в трехдневном бою под Амамлы, Боканом и Гумри понесла полное поражение и обратилась в бегство.

Отразив персов, Тормасов обратил внимание на Имеретию. Для упрочения нашего положения в Имеретии командовавший там русскими войсками князь Дмитрий Орбелиани считал необходимым овладеть турецкой крепостью Потти. После ряда попыток склонить коменданта Потти Кучум-бея сдать крепость добровольно, было решено овладеть ею силою. Получив категорический отказ Кучум-бея, Орбелиани на рассвете 13 августа 1809 г. взял штурмом крепостной форштадт и, заложив в нем батарею, приступил к осаде самой крепости. Предпринятые им осадные работы подвигались, однако, медленно, из-за незначительности отряда, состоявшего всего из 12 рот пехоты и полусотни казаков при 5 полевых орудиях.

30 октября прибыл трапезондский сераскир Шериф-паша с 9-тысячным отрядом и расположился укрепленным лаге-

рем верстах в 20 от Поти. Положение русского отряда было затруднительно. Орбелиани решился атаковать сераскира, и 2 ноября, в то время когда союзные нам гурийцы напали на турок с тыла, стремительно атаковал турок и ворвался в лагерь. Кровавопролитный бой, начавшийся утром, окончился только с наступлением ночи. Потеряв убитыми, ранеными и пленными более 2 тысяч, турки были отброшены к морю. Эта победа уничтожила дух турецкого гарнизона, и 15 ноября крепость с 34 орудиями сдалась.

После взятия Поти Орбелиани вернулся в Грузию, а командование войсками в Имеретии и Мингрелии было поручено полковнику Симоновичу, главной задачей которого было захватить мятежного царя Соломона, что и было исполнено недалеко от крепости Свири полковником Лисаневичем. Тем не менее позднее Соломон бежал из Тифлиса, и это послужило к новым серьезным волнениям в Имеретии, во время которых действия русских войск были не всегда удачны. Лишь с назначением в Имеретию генерал-лейтенанта Розена русские войска были приведены в порядок. Розен с боя овладел переправой через реку Чхерители и, опрокинув 5-тысячное скопище мятежников, штыками проложил себе путь к Кутаису. Последние поражения убедили имеретин в невозможности для них бороться с Россией, и мятеж стал утихать. Соломон вторично бежал в Ахалцых, семейство же его было отправлено в Россию.

Вслед за усмирением Имеретии владетель Гурии, князь Мамий Гуриели, 19 июня 1810 г. добровольно подписал договор о подданстве с тем условием, чтобы власть в стране осталась наследственной в роде Гуриелей.

За Гурией была присоединена к России и Абхазия. Но в восточной части Закавказья волнения продолжались. Изгнанный владетель Кубы, Шейх-Али-хан, не оставлял в покое страны и тревожил ее постоянными набегами. Летом же 1810 г. эти набеги приняли размеры настоящего военного нашествия. Шейх-Али-хан собрал огромное скопище, преимущественно из жителей горной Табасарани, и с ним обложил Кубу.

В Кубе в то время были сосредоточены два батальона Севастопольского полка, но они не решались выступить в поле.

Между тем генерал князь Репнин, полагая, что в Кубе остался малочисленный гарнизон, а батальоны действуют в поле, отправил к Кубе из Баку майора Левицкого с небольшим отрядом. 13 августа этот отряд был окружен неприятелем и отступил к Баку. Это ободрило мятежников, и восстание распространилось по всей Кубинской провинции. Тормасов, изумленный малодушием начальников, запершихся в крепости с двумя батальонами, поспешил отправить туда полковника Лисаневича, на боевую опытность которого вполне полагался.

Лисаневич взял из Карабага две роты егерей и, обойдя Кубу стороной, кинулся прямо на главное скопище Шейх-Али-хана. Мятежники защищались недолго и в страшном беспорядке бежали в Табасаранские горы. Освободив Кубу, Лисаневич двинулся вглубь Табасарани, где рассеял 5-тысячное скопище Шейх-Али-хана и возвратился обратно.

Во время описываемых событий приходилось вести также серьезную борьбу с Персией. Летом 1810 г. персы вторглись в карабагское ханство, но дважды разбитые полковником Котляревским при Мигри и на Араксе вынуждены были отступить. Также неудачна была их попытка проникнуть в Грузию через Бамбак, где стоял с войсками Портнягин. Убедившись в невозможности сломить наши войска на Араксе собственными силами, персы решили действовать совместно с турками. В августе месяце эриванский сардарь с 10-тысячным войском прошел в Ахалцых и, соединившись там с турками, двинулся через Ахалкалаки в Грузию.

Узнав об этом, Тормасов отдал такое краткое и категорическое приказание маркизу Паулуччи, генерал-квартирмейстеру Кавказской линии: «Приготовить к походу 2 егерских полка, 9 и 15 без артиллерии, дойти в три перехода до неприятельского лагеря, атаковать его ночью и кончить всю экспедицию не далее как в десять дней».

Паулуччи взял только 2 батальона егерей, но добавил 2 легкие полевые пушки и после 3-дневного марша по снежным горам в полночь с 4 на 5 сентября в глубокой тишине приблизился к занимаемой неприятелем позиции. Разделив отряд на две колонны, правую под начальством Лисаневича

и левую – полковника Печерского, Паулуччи двинул их вперед. Колонны были замечены часовыми неприятеля тогда, когда они уже находились не более 100 шагов от лагеря. Нападение было так неожиданно, что неприятельские войска не успели даже схватиться за оружие. Многие бросились спасаться в Ахалкалак, но комендант при первой тревоге запер ворота, и беглецы, прижатые к крепости, завалили своими трупами ров. Резня и преследования в разные стороны продолжались более 2 часов, пока, наконец, канонада, открытая на рассвете из крепости, не заставила Паулуччи отвести войска из-под выстрелов. Трофеями этой славной победы были богатейший лагерь и 4 знамени, множество оружия, лошадей и драгоценностей.

Чтобы как-нибудь спасти остатки своих войск и дать им возможность пробраться к Эривани, Аббас-Мирза сам вторгся в Грузию, но в Шамшадильской провинции был встречен преданными России конными татарами, поддержанными Небольсиным, и прогнан.

Поражение под Ахалкалаками поссорило между собою турок и персов, сваливавших причины неудачи один на другого. Тормасов решил воспользоваться недоразумениями и двинулся через Боржомское ущелье с большим отрядом к Ахалцыху, направив туда же из Грузии и Имеретии отряды Портнягина и Симоновича. 16 ноября 1810 г. войска обложили Ахалцых, но на 10-й день осады в войсках обнаружались чумные заболевания, занесенные из крепости, и Тормасов, опасаясь развития эпидемии, отступил в Грузию, устроив повсюду по границе карантины.

Это отступление снова породило надежды в мусульманском мире. Персы вторглись в Карабаг в феврале 1811 г., турки собирали значительные силы около Карса, Дагестан волновался, угрожая отторгнуть от нас Кубинскую провинцию. В самой Грузии шло сильное брожение. Между тем Россия, готовившаяся в это время к борьбе с Наполеоном, не только не могла усилить кавказские войска, но, напротив, часть их перебросила для борьбы на другом театре. Тормасов получил приказание отправить три полка с Кавказской линии и один из Грузии в Россию. Сам Тормасов по собственной

просьбе был отозван с Кавказа и назначен главнокомандующим обсервационной¹ армией на Волыни.

В управление Грузией 22 сентября 1811 г. вступил маркиз Паулуччи в самый разгар военных действий с персами в Карабаге и с турками со стороны Карса. И первый удар он решил нанести Турции, завладев ахалкалакской крепостью. Это дело он поручил, известному своим боевым опытом, полковнику Котляревскому, который в ночь с 7 на 8 декабря 1811 г. штурмовал крепость двумя батальонами Грузинского гренадерского полка и овладел ею.

Покорение ахалкалакской крепости, закрывшее границы Грузии со стороны Ахалцыха, дало возможность Паулуччи сосредоточить свое внимание на Дагестане и Персии. Волнения, поднятые кубинским Шейх-Али-ханом среди казикумухцев, вскоре было подавлено энергичными действиями генерал-майора Хатунцева, овладевшего главным селением казикумухской провинции Кюри.

На персидской границе дела шли менее успешно. В январе 1812 г. персы нахлынули на карабагское ханство и в Султан-Бада-Керче окружили батальон Троицкого полка, который, потеряв старших начальников и оставшись под командою капитана Оловянишникова, сложил оружие. Вся кавказская армия была возмущена сдачей Оловянишникова, и главнокомандующий решил послать в Карабаг Котляревского, поручив ему «восстановить доверие жителей к русскому оружию и изгладить из их памяти позорное дело Оловянишникова». Бич персов, Котляревский, начал с того, что очистил весь Карабаг от разбойничьих шаек и двинулся против Аббас-Мирзы, но тот поспешно отошел за Аракс, уничтожив за собой переправы. В это самое время в Кахетии вспыхнуло народное восстание из-за сбора хлебных недоимок, и началось повсеместное избиение русских войск, расквартированных малыми командами по деревням и селам. Прибывший 21 февраля в Тифлис Паулуччи принял самые решительные меры, и восстание вскоре было подавлено.

¹ Обсервационное войско — наблюдательное, или сторожевое. — *Прим. ред.*

Пользуясь затруднениями русских войск в Закавказье, ахалцыхский паша попытался отобрать от нас Ахалкалаки, но благодаря стойкости гарнизона попытка эта успеха не имела.

Среди деятельных усилий, направленных к умиротворению края, Паулуччи был отозван в Петербург и на его место назначен генерал-лейтенант Ртищев. Вступив в управление краем в чрезвычайно трудное и тревожное время, Ртищев не смог внести в него успокоения, а напротив, принял систему, которая еще ухудшила положение дел. Ртищев думал держать горцев в повиновении посредством подарков и денег. Собранные в Моздоке для мирных переговоров чеченские старшины были осыпаны подарками, но в ту же ночь, возвращаясь домой, напали за Терекон на обоз самого Ртищева и разграбили его почти на глазах генерала.

Будучи нерешительным, Ртищев вынужден был действовать в силу обстоятельств, так как опасность грозила отовсюду. С этой целью он поручил защищать Ахалкалакскую область генерал-майору князю Орбелиани. Котляревского оставил действовать против персов, причем для его поддержки были назначены небольшие отряды генералов Клодта и Лисаневича, стоявшие в Нухе и Бамбаке. Генералу Хатунцеву были поручены дела Дагестана, а Симонович был назначен управлять Грузией. К счастью, турки не тревожили кавказские границы, и вскоре был заключен Бухарестский мир, по которому туркам были возвращены Ахалкалаки, Поти и Анапа.

Против малочисленного отряда Котляревского стояла 30-тысячная персидская армия. Ртищев, старавшийся всеми силами избежать кровавых столкновений, предложил персам перемирие и для ускорения переговоров сам прибыл на границу. Но по мере того, как Ртищев делался уступчивее, персы становились надменнее и требовательнее и, наконец, потребовали перенесения русской границы на Терек. Дело могло окончиться плохо, но Котляревский, воспользовавшись временным отъездом Ртищева в Тифлис, перешел к наступательным действиям. 19 октября 1812 г. со своим 2-тысячным отрядом он перешел Аракс и при Асландузе в кровопролит-

ном двухдневном сражении истребил главную персидскую армию, а затем, перейдя в тальшинское ханство, взял штурмом Ленкорань. Персидская армия была рассеяна, а весной 30 апреля 1813 г. полковник Пестель с Тифлисским полком нанес поражение при Кара-Беюке эриванскому сардару¹.

Все эти победы русского оружия вынудили персов к заключению Гюлистанского мира, по которому карабагское, ганжинское, шекинское, ширванское, дербентское, кубинское, бакинское ханства и часть тальшинского с крепостью Ленкоранью признаны на вечные времена принадлежащими России, и Персия отказалась от всяких притязаний на Дагестан и Грузию.

Окончание войн с Персией и Турцией заставило присмиреть и лезгин. В Кахетии также наступило спокойствие, нарушаемое лишь изредка набегами небольших хищнических шаек, которые, однако, всегда терпели поражение.

В Дагестане не было всеобщего восстания, но там гнездились закоренелые подстрекатели: Шейх-Али-хан кубинский, Сурхай казикумыкский и, наконец, царевич Александр, бежавший сюда после неудач в Грузии. Эти лица волновали умы то в одной, то в другой части Дагестана. Генералу Хатунцеву было поручено подавить эти вспышки мятежа, и, несмотря на небольшие силы, находившиеся в его распоряжении, он в течение 5 лет энергичными действиями удерживал полное спокойствие в этой части Кавказа.

Долговременная служба, возраст и болезнь заставили Ртищева просить увольнения от должности, и 12 октября 1816 г. он был зачислен по армии.

Ермолов

9 апреля 1816 г. командиром отдельного Грузинского корпуса с званием главнокомандующего был назначен генерал-лейтенант Алексей Петрович Ермолов, 39 лет от роду, один из выдающихся героев Отечественной войны и участник пер-

¹ Сардарь — главнокомандующий войсками в Турции, Персии, Египте. — *Прим. ред.*

сидского похода графа Зубова. Открытый характер, простота в обращении, заботливость о нижних чинах и строгая справедливость сделали его кумиром солдат. Внушительная внешность, железная воля, быстрота действий и суровость, доходившая до жестокости в обращении с покоренными народами, скоро заставили трепетать еще независимых горцев при одном имени Ермолова.

Вступая в командование кавказскими войсками, Ермолов поставил себе целью полное завоевание Кавказских гор. «Кавказ, — писал он, — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать ее или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду». Такова была простая и ясная программа действий Ермолова. Свои взгляды он развил во всеподданнейшем докладе, и государь одобрил его предложения.

Ко времени назначения Ермолова на Кавказ одною из важнейших задач внешней политики России было установление прочных отношений с Персией, которая не могла отказаться от обширных областей, отошедших к России по Гюлистанскому договору. Требования Персии, поддерживаемые Англией, были так настойчивы, что император Александр I в принципе был уже согласен возвратить некоторые из ее бывших провинций.

Для выполнения этой задачи Ермолов получил назначение полномочным императорским послом в Персию, и 19 мая 1817 г. посольство прибыло в Тавриз. Благодаря проницательности Ермолова, его твердости и такту, России не только не пришлось возвращать приобретенные по Гюлистанскому договору земли, но удалось установить узы доброго согласия с самим шахом.

Теперь Ермолов все свое внимание обратил на Северный Кавказ и приводить свою систему в исполнение начал с Чечни. Весною 1818 г. Ермолов собрал старшин чеченцев, живших над Тереком, и объявил им, что если они через свои владения будут пропускать хищников, то он повесит всех их атаманов. Затем 25 мая с отрядом из 6 батальонов, 16 орудий и 500 казаков Ермолов прибыл на Сунжу и расположился у выхода из Ханкальского ущелья. Здесь 10 июня, после тор-

жественного молебствия, при громе пушек, была заложена сильная для тогдашнего времени о 6 бастионах крепость, названная Грозною. Этой крепостью было положено начало того железного кольца, которым Ермолов предполагал постепенно сдавливать неприятеля. Грозная была связана рядом укреплений с Владикавказом.

Закладка крепости Грозной взволновала не только Чечню, но и Дагестан, и лезгины выслали на помощь чеченцам шайку около 1 тысячи человек под предводительством Нур-Магомета. 4 августа этой шайке нанес сильное поражение начальник штаба Ермолова полковник Вельяминов. После этой неудачи Нур-Магомет удалился в Дагестан, но слухи о всеобщем восстании не прекращались, и Ермолов, несмотря на осень и малочисленность войск, решил двинуться в Дагестан. 25 октября 5 батальонов, 14 орудий и 300 казаков выступили из крепости Грозной и двинулись первоначально к кумыкам. На пути к Андреевской деревне было получено известие о нападении 20 тысяч аварцев и других горцев в Каракайтаге на отряд генерала Пестеля, стоявший в селе Башлы и отступивший после тяжелого боя к Дербенту. Взятые отрядом 17 атаманов были повешены в наказание за неожиданное нападение их соплеменников.

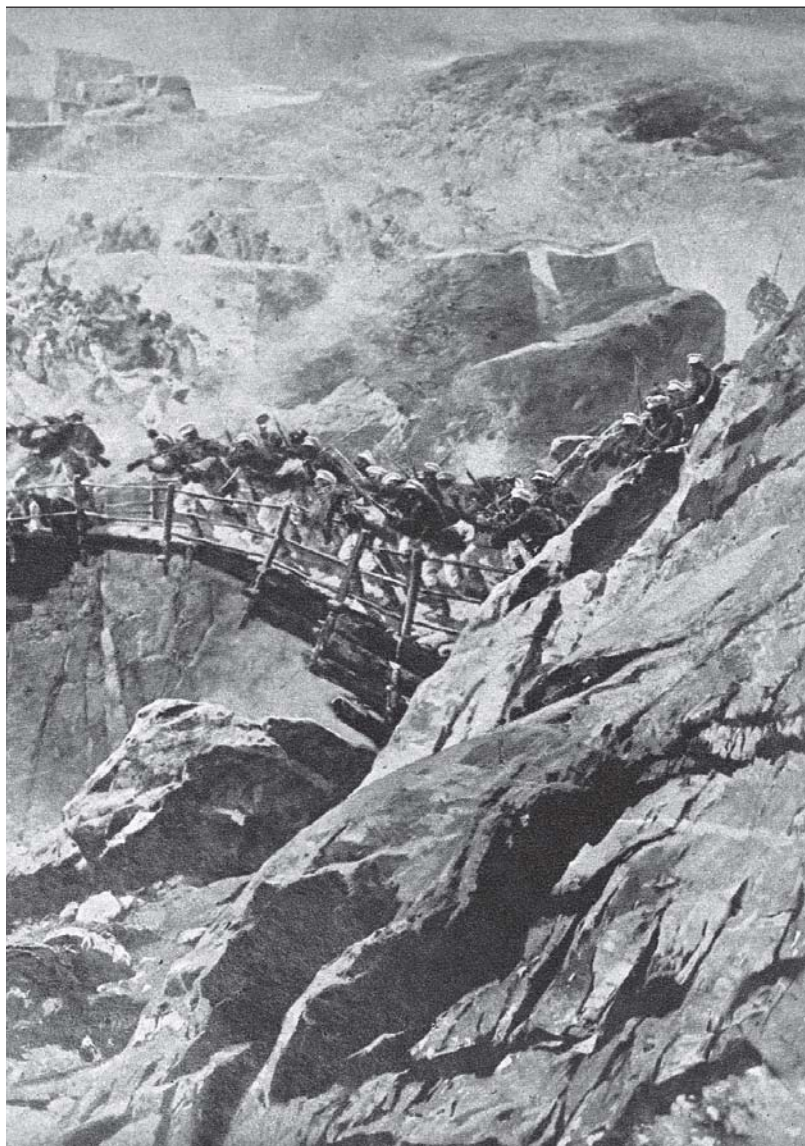
3 ноября Ермолов подошел к Таркам и, пользуясь тем, что теперь главное внимание горцев было обращено на него, приказал Пестелю снова двинуться к Башлам и наказать их за вероломство. Сам же двинулся на Мехтулу, лежавшую к югу от владений шамхала, и 12 ноября занял село Параул. Вслед за тем были заняты последовательно Большой Дженгутай, столица мехтулинского ханства, и Малый Дженгутай. Занятием последнего закончилась экспедиция Ермолова в Мехтулу, имевшая чрезвычайно важные результаты: селения Кака-Шура, Параул, Дургели, Урма были переданы во владение шамхала, из остальных же селений ханства было образовано особое приставство под управлением русского офицера, и таким образом самостоятельность Мехтулы исчезла навсегда. Разгром Мехтулы произвел сильное впечатление на умы горцев, и многие из них явились с выражением покорности.

18 июля полковник Вельяминов заложил крепость Внезапную. Постановкой этой крепости преграждался путь чеченцам к нижнему Тереку через кумыкскую степь и доступ в Дагестан через Салатавские горы. Кроме того, Внезапная связывала ранее построенную линию укреплений с дружественным нам шамхальством, и таким образом, к концу 1819 г. железный полукруг уже охватывал Чечню и часть Дагестана.

Постройка крепости Внезапной так встревожила весь Дагестан, что аварский хан решил наконец открыто встать во главе движения горцев. Поручив действия в южном Дагестане генерал-майору князю Мадатову, имевшему недюжинные боевые способности, сам Ермолов отправился к вновь строящейся крепости, против которой собирались скопища горцев. Выждав здесь прибытия подкреплений, Ермолов 29 августа занял село Болтугай. Многочисленный неприятель окружил русский отряд, но наши в продолжении 4 дней ограничивались одним бомбардированием неприятельских позиций. Стесненные в своих окопах и не решаясь атаковать русских, горцы стали ссориться между собою, аварский хан бежал, а вслед за ним побежало и все скопище. Спокойствие на Кумыкской плоскости было водворено с малыми потерями.

В конце сентября крепость Внезапная была достроена и Ермолов решил наказать качкальковских чеченцев за угон ими войскового табуна лошадей. Генерал-майору Сысоеву было приказано скрытно подойти к богатому аулу Дады-Юрт, окружить его и предложить жителям добровольно перебраться за Сунжу, а в случае отказа взять аул штурмом и не давать никому пощады. 15 сентября с отрядом из 6 рот, 5 орудий и 700 казаков Сысоев после 5-часового ожесточенного боя взял аул, при этом почти все его защитники погибли. Это произвело такое впечатление на чеченцев, что в дальнейшем они уже не оказывали упорного сопротивления, и в начале ноября Ермоловым были заняты аулы Исти-су, Наим-Барды и Аллаяр с незначительными потерями. Очистив Кумыкскую плоскость от чеченцев, Ермолов вернулся в крепость Внезапную.

Штурм Ахульго 22 августа 1839 г.

Между тем Мадатов 22 октября занял Янги-Кенд, главный пункт уцмийства каракайтагского, звание уцмия было упразднено и Каракайтаг вместе с Табасаранью были подчинены русской власти в лице дербентского пристава.

С занятием новых двух областей кольцо, сковывавшее горы Кавказа, все более и более охватывало страну, и это сильно волновало Дагестан. Опасность потерять независимость, а вместе с тем и возможность продолжать своеобразную полуразбойничью жизнь угрожала в равной мере всем дагестанским областям, и вот удержавшие еще владения, а также лишившиеся таковых ханы решили образовать союз, во главе которого стал акушинский кадий¹.

Предполагалось напасть на владения шамхала Тарковского, чтобы заставить его отречься от русских и примкнуть к союзу, затем захватить чирагское укрепление с целью открыть дорогу в Кубу и разорить владения преданного России Ассан-хана кюринского.

Укрепление Чираг стояло на границе между Казикумыком и Кюрюю в горном проходе и составляло ключ горной пограничной позиции. Укрепление было занято двумя ротами Троицкого полка, но часть нижних чинов располагалась в саклях вне укрепления. В начале декабря Сурхай-хан казикумыкский, собрав скопище около 6 тысяч, ночью неожиданно появился у чирагского укрепления. Из 80 гренадер, находившихся вне укрепления, лишь немногим удалось спастись в крепость. Прапорщик Щербина с 4 стрелками, пробившись сквозь толпу лезгин, заняли высокий каменный минарет вблизи укрепления и в течение дня отбивались от ожесточенных атак горцев, пока, наконец, лезгины не подкопали минарет и не повалили его. С падением минарета лезгины обратили все свои силы против крепости, занятой гарнизоном около 400 человек. Осада длилась 3 дня; в крепости не было ни капли воды, офицеры были перебиты все и оставался один только штабс-капитан Овечкин с простреленной ногой и при нем около 100 солдат, наполовину раненных. На 4—5-й день гибель

¹ Кадий, или кади, — судья из духовного звания у мусульман, руководствующийся в своих решениях предписаниями Корана. — *Прим. ред.*

казалась неизбежна, но в это время на выручку подоспел генерал-майор Вреде с ротой пехоты и капитан Асеев с 50 солдатами. Появление русских и известие о том, что Акуша пала, принудили Сурхай-хана к бегству.

Защита чирагского укрепления является одним из блестящих эпизодов Кавказской войны.

В то время, когда Сурхай-хан собирал лезгин, чтобы напасть на Чираг, Ермолов отдал приказ Мадатову идти форсированным маршем к границам Акуши, и сам 11 ноября двинулся к Таркам. От владений шамхала Акуша отделялась высоким, малодоступным хребтом, который стал бы неодолимой преградой, если бы акушинцы догадались всеми своими силами занять единственный удобный перевал. Мадатов успел их опередить и занял перевал без выстрела, а 12 декабря спустился с гор и занял первую акушинскую деревню Уруму. Верстах в 10 от нее, на высоком хребте, амфитеатром находилась первая укрепленная позиция акушинцев, занятая 20-тысячным отрядом.

16 декабря к Уруму подошли и главные силы Ермолова. Несколько дней прошло в бездействии, которое сильно удивляло окружающих Ермолова. Между тем главнокомандующий, понимая, что атака с фронта такой сильной позиции, занятой превосходящим числом противника, сопряжена с громадными потерями, выискивал средства обойти правый фланг неприятеля, где, между прочим, проходила и дорога в Акушу. Во время бездействия акушинские старшины приезжали несколько раз в русский лагерь. Ермолов приказал принимать их ласково и вселить убеждение в слабости русского отряда, чтобы усыпить их бдительность. Наконец, была найдена тропинка, по которой можно было даже протаскать артиллерию.

В полночь с 18 на 19 декабря русские войска осторожно, без шума, двинулись к неприятельской позиции и остановились на расстоянии орудийного выстрела перед деревней Лаваша. По обрыву в который упирался правый фланг неприятельской позиции, спустился отряд Мадатова и, перейдя вброд речку Манас, поднялся по отысканной казаками тропинке на противоположный гребень, заняв который, он отрезал путь к Акуше. Ермолов развернул свои силы с фронта.

С рассветом 19 декабря начался известный в истории Кавказских войн бой под Лавашами. Охваченный со всех сторон неприятель, несмотря на свою многочисленность, растерялся и бежал. В течение не более 2 часов Ермолов нанес полное поражение акушинцам, мы же потеряли только 2 офицеров и 28 нижних чинов убитыми и ранеными. 21 декабря отряд без боя занял Акушу. Разгромом акушинцев достигалось относительное спокойствие в Дагестане за исключением Казикумыка, а потому Ермолов, оставив в мехтулинском ханстве отряд подполковника Верховского, отослал остальные войска на линию, а сам в январе 1820 г. отправился в Тифлис, так как в Имеретии возник так называемый церковный бунт, который был подавлен полковником князем Горчаковым.

Теперь очередь настала за Казикумыком. 19 января 1820 г. Ермолов краткой прокламацией возвестил Дагестану, что за измену Сурхая Казикумык присоединяется к кюринскому владению и хан последнего, Аслан, возводится в достоинство казикумыкского хана. Дагестанцы принимали все меры к защите Сурхая. Ермолов поручил Мадатову с сильным отрядом вступить в Казикумык и выгнать Сурхая.

В начале июня 1820 г. с отрядом из 5 батальонов, 14 орудий, казачьей сотни и до 1 тысячи человек туземной татарской конницы Мадатов двинулся в южный Дагестан. Дорога из Ширвани в южный Дагестан считается одним из труднейших путей на Кавказе, но русские войска преодолели его. Утром 5 июня были получены известия о большом скопище горцев в Хазреке. 12 июня Мадатов подошел к Хазреку и выслал вперед татарскую конницу под предводительством Гассана-Аги, брата хана кюринского. Этой коннице удалось прорвать ряды неприятеля и ворваться в окопы, но смерть Гассана-Аги внесла смятение в ряды татар.

В этот критический момент Мадатов прискакал на место боя и за ним поспел майор Мартиненко с 4 ротами Апшеронского полка. Увидев князя, татары с новым рвением устремились на неприятеля и на этот раз окончательно сбили его с позиции. В это время удачный выстрел из орудия взорвал в самом селении неприятельские пороховые ящики, и смятение быстро охватило ряды противника. Мартиненко, восполь-

зовавшись этой минутой, бросился в штыки и взял передовые окопы. Таким образом, русские утвердились на правом фланге. Мадатов повел главные силы на Хазрек, а конница заходила во фланг неприятелю, чтобы занять деревню Гуллули и отрезать ему дорогу к Кумуху. Неприятель не выдержал натиска и бежал. Трофеями были лагерь с богатой ставкой Сурхая, 11 знамен и 2 тысячи ружей. Сурхай-хан бежал в Кумух, но старшины не приняли его и послали из своей среды трех человек к Аслан-хану, чтобы через него изъявить покорность русскому правительству.

Эти успехи русского оружия умирили горцев Чечни и Дагестана, по крайней мере, наружно. На левом фланге полковник Греков занялся устройством просек в чеченских лесах и с этой целью совершил экспедицию за Терек в землю качкальковцев, где овладел аулом Ойсунгур и тем утвердился на Мичике. Часть непроходимых лесов была уничтожена, в другой же сделаны широкие просеки.

Последующие годы в Дагестане прошли относительно спокойно, ограничиваясь лишь незначительными походами, вызывавшимися местными смутами, в которых основную роль играли аварский хан Султан-Ахмет и племянник шамхала Амалат-бек.

В конце же 1824 г. отчасти под влиянием турецких эмиссаров, отчасти под влиянием нового религиозного учения в Чечне началось брожение, во главе которого встали известный чеченский разбойник Бей-Булат и мулла Абдул-Кадыр. Но быстрыми движениями в Малую и Большую Чечню Греков подавил начало брожения и рассеял скопища Бей-Булата. Однако религиозное движение не затихло. Новым проповедником явился мулла Магома, а его учение стало зародышем того движения, которое позднее приняло форму мюридизма¹, охватившего, как увидим ниже, весь Дагестан.

¹ Мюридизм — кавказская магометанская секта, возникшая в 20-х гг. XIX в.; отстаивала политическую независимость и оказывала сильное сопротивление русским войскам при завоевании Кавказа, особенно при имаме (глава секты) Шамиле, с пленением которого (1859) распалась и секта. — *Прим. ред.*

Пользуясь этим религиозным движением, Бей-Булат собрал в Маюртупе, где находился пророк Магома, почти всех жителей Большой Чечни.

События разыгрались, главным образом, у Герзель-аула, защищаемого 2 ротами под начальством майора Пантелеева, когда 12 июля огромное скопище горцев обложило укрепление. Гарнизон геройски оборонялся 5 дней, пока к нему на помощь не пришли Греков и Лисаневич со своими отрядами, состоявшими из 3 рот пехоты, 6 орудий и 400 казаков. Мятежники, пораженные неудачей и гонимые страхом встречи с большими силами, отступили. Имам и сам Бей-Булат первыми бежали в сопровождении нескольких сообщников; прочие рассеялись по домам в ожидании наказания. Волнение готово было потухнуть, но неосторожность Лисаневича, послужившая к его гибели, испортила дело. Лисаневич, желая устрашить мятежников, потребовал выдачи виновных. 18 июля в Герзель-ауле было собрано около 300 кумыков. Лисаневич вышел к ним и стал упрекать в измене и вероломстве и затем начал вызывать по списку замешанных в мятеже. Один из них, мулла Учар-Хаджи, бросился и нанес смертельную рану Лисаневичу и вслед за тем Грекову. Гибель этих двух выдающихся генералов вновь возродила надежды горцев, и мятеж вспыхнул снова. Появление Ермолова и его энергичные меры по укреплению линии, а затем ряд экспедиций вглубь Большой Чечни и устройство просек за Сунжей, смирили окончательно чеченцев. Пророк Магома исчез бесследно, а Бей-Булат скрылся в горы.

Такую же систему Ермолов применил и на правом фланге Кавказа с 1821 г., назначив энергичного генерал-майора Сталя, одного из славных сподвижников Цицианова, начальником правого крыла, то есть уничтожение непокорных аулов и возведение на наиболее важных местах опорных пунктов, которые имели между собой постоянную связь. Так, в 1822 г. возникли Нальчик, Горячеводск (вблизи нынешнего Пятигорска). Благодаря этим мерам Кабарда была усмирена и, занятая русскими укреплениями, навсегда разделила воинственные народы Кавказа на две отдельные части, образовавшие два совершенно независимых друг от друга театра

военных действий, что имело важное значение для последующих действий.

На самом правом фланге положение было серьезнее. 1821 г. был также началом, когда набеги закубанских черкесов участились и стали производиться большими партиями. В начале мая 1823 г. три сильные партии черкесов, из коих одна численностью до 7 тысяч, под предводительством известного в горах Джембулата Айтекова, вторглись за Кубань и опустошили дотла селение Круглолесск. Сталь кинулся за ними в погоню, но черкесы успели уйти за Кубань и скрыться со своей добычей в горах.

Получив известие о разгроме Круглолесска, Ермолов послал своего начальника штаба, генерала Вельяминова, на Кубань с инструкцией и обширными полномочиями. Быстрые, энергичные движения по рекам Малому и Большому Зеленчуку и поражение закубанцев на Лабе водворили спокойствие на правом фланге.

В Черноморье до начала 1821 г. было спокойно, но совершенно неожиданно в ночь с 2 на 3 октября огромное скопище шапсугов и жанеевцев, под предводительством шапсугского старшины Измаила, появилось на Кубани. Начальник Черноморской линии генерал-майор Власов, собрав все, что было у него под руками, а именно: 611 конных и 65 пеших казаков при 2 орудиях, нанес шапсугам решительное поражение при Калаузском лимане. Но Калаузское поражение не образумило закубанцев, напротив, оно распалило страсти необузданного и гордого народа. Заволновались поголовно все горские племена Черкесии. Сильные партии, готовые нахлынуть в русские пределы, стали собираться в разных местах и производить целый ряд набегов, несмотря на решительные действия Власова, собравшего для этого даже льготные полки и вторгавшегося неоднократно в земли шапсугов и абадзехов. И только набег Власова 5 февраля 1824 г. привнес спокойствие на целый год, то есть до 1825 г. После чего шапсугский уорк Казбич вновь совершил ряд набегов в течение 1825 и 1826 гг. Наконец, убедившись в невозможности бороться с русскими, а также в бессилии Турции оказать им помощь, закубанцы присмирели вплоть до 1828 г.

Персидская война 1826 г. Ермолов и Паскевич

Императора Николай I после восшествия своего на престол обратил особое внимание на персидские дела. Под влиянием Нессельроде он считал необходимым поддерживать с Персией мир, пока она сама явно не нарушит Гюлистанский договор, и даже соглашался на уступки южной части талышинского ханства. Но Ермолов на основании опыта высказал, что малейшая уступка повлечет за собой новые притязания персов. Таким образом, Ермолов стал в прямое противоречие с намерениями и взглядами высшего правительства. Положение его становилось крайне затруднительным. Посылка генерала-адъютанта князя Меншикова в Тегеран с объявлением о восшествии на престол императора Николая I и с поручением укрепить дружественные отношения с Персией, обнаруживали недоверие государя к Ермолову. Нужно думать, что в Персию проникли слухи о пошатнувшемся положении Ермолова, так как со стороны персов в начале 1826 г. следует ряд прямо вызывающих действий. Присутствие в Персии доверенного от государя лица препятствовало Ермолову делать какие-либо приготовления к войне. Между тем персы усиленно готовились к ней, и не успел еще Меншиков выехать из Персии, как обнаружились враждебные действия. Сам Меншиков был задержан эриванским ханом и только благодаря вмешательству английского посла освобожден.

19 июля боевые действия начались на границе Карабага без объявления войны. Малочисленные и разбросанные русские посты, застигнутые врасплох, были вынуждены отступить.

В конце июля 1826 г. персидская армия под предводительством Аббас-Мирзы вторглась в Карабаг, где в это время находились 3 батальона 42-го егерского полка с 6 орудиями и 420 казаками. Начальником этого отряда был полковник Реут, заслуженный кавказский ветеран. Когда Реут получил известие о вторжении 60-тысячной персидской армии с 30 орудиями в Карабаг, он решил отступить к Шуше. 25 июля вся 60-тысячная армия Аббаса-Мирзы обложила Шушу. Построенная на высоких отвесных скалах, Шуша была доступна только со

стороны Елисаветполя, да и этот единственный путь, поднимаясь в гору, был так извилист, крут и загроможден скалами, что достаточно было двух пушек и роты стрелков, чтобы остановить движение по ней значительного отряда. Несмотря на жалкое состояние верков крепости, взять ее открытой силой не представлялось возможным. Но, к сожалению, в крепости не было запасов. Отступив же из Чинахчи, егеря имели с собой только 8-дневный запас продовольствия. Аббас-Мирза торопился в Тифлис, и Шуша ему была не нужна, но он боялся оставить ее у себя в тылу, и потому, обложив крепость со всех сторон, он вступил с Реутом в переговоры о добровольной сдаче с правом вывода гарнизона с оружием в руках.

Не только сам Реут, но и его сподвижники Миклашевский, Лузанов, Михайлов, Клюки фон Клюгенау и Чилиев, несмотря на недостаток запасов в крепости, единодушно отвергли предложение и решили защищаться до последней крайности. 30 июля началось бомбардирование крепости. Несмотря, однако, на тяжелые лишения, гарнизон Шуши продержался до 5 сентября, приковав к себе почти всю армию Аббаса-Мирзы в течение 40 дней и тем дал возможность сосредоточить разбросанные русские войска.

Вторжение огромной персидской армии в Карабаг отразилось на всех соседних с ним ханствах Закавказья. Первыми восстали елисаветпольские татары, и бывшая столица ганжинского ханства Елисаветполь была занята без всякого сопротивления, так как обычный ее гарнизон был в 20 верстах в селе Зундабаде. Одновременно с занятием Елисаветполя вернулись в свои бывшие столицы изгнанные ханы в сопровождении персидских отрядов и с мешками английского золота. К сентябрю месяцу почти все провинции восточной части Закавказья подпали под власть Персии. Но поднять восстание в Дагестане персам не удалось, благодаря верности и энергичному противодействию Аслан-хана казикумыкского и шамхала тарковского.

Хотя в распоряжении Ермолова ко времени вторжения персов в Карабаг имелось 30 батальонов пехоты, 6 эскадронов драгун и 9 казачьих полков, то есть до 30 тысяч штыков и 5 тысяч

сабель при 90 полевых орудиях, но вследствие разбросанности сил, вызывавшейся местными условиями, они не могли быть соединены в одну армию и противопоставлены персидскому нашествию. Ермолов мог располагать только 30 ротами, стоявшими в Грузии, но и из них необходимо было оставить часть для охраны страны, потому он медлил с наступлением, сосредоточивая наличные силы на пути к Елисаветполю у Акстафы, под начальством Мадатова.

22 августа состоялось первое столкновение на реке Таусе с передовым персидским отрядом, бывшим под начальством царевича Александра. Персы были разбиты, и царевич ускакал в Эривань. Получив подкрепление и отправив больных и излишние тяжести в Тифлис, Мадатов с отрядом из 3 батальонов Донского казачьего полка, 12 орудий и конной грузинской милиции, 31 августа двинулся вперед по направлению к Елисаветполю. Когда отряд 2 сентября достиг Дзигамы, то были получены достоверные известия, что 10-тысячный персидский отряд под начальством принца Мамед-Мирзы стоит под Шамхором. При отряде в качестве руководителя принца находился Амир-хан сардарь, один из лучших военачальников Персии.

На рассвете 3 сентября русский отряд двинулся к Шамхору. Неприятель отошел на правый берег реки Шамхорки. Образуя сильно укрепленную линию на протяжении 2 верст, фронтом к реке, персы стояли дугой и могли сосредоточить губительный перекрестный огонь на единственную дорогу, по которой должна была приближаться русская пехота. Разделив войска на 3 небольшие колонны с кавалерией по флангам, Мадатов выехал вперед и приказал начать наступление.

Шамхорская битва длилась недолго и была несложна, она окончилась одним стремительным ударом в штыки. В пять раз сильнейший противник не выдержал натиска русских войск и побежал, потеряв до 2 тысяч человек одними убитыми.

Местность от Шамхора до Елисаветполя, на протяжении тридцати с лишком верст, была устлана неприятельскими трупами. Ужас неприятеля был так велик, что персы бе-

жали за Елисаветполь. Русский же отряд быстро шел вперед по следам бежавшего врага и захватил на пути два брошенных лагеря.

Утром 4 сентября Мадатов занял Елисаветполь. Узнав об этом, Аббас-Мирза бросил осаду Шуши и двинулся против Мадатова со всеми своими силами. Но сразиться с Аббас-Мирзою не удалось, так как 10 сентября в Елисаветполь прибыл с кавалерией генерал-адъютант Паскевич и вступил в командование войсками.

Недоверие государя к Ермолову и интриги врагов его были причиной того, что командующим действующими в Закавказье войсками был назначен Паскевич, хотя и под главным начальством Ермолова. Но вследствие того, что Паскевич имел право лично связываться с государем, окончательное удаление Ермолова от кавказских дел было лишь вопросом времени.

При всех своих достоинствах и боевой репутации, Паскевич по самому ходу обстоятельств стал в оппозицию распоряжениям Ермолова, отчасти вследствие предвзятости мнения о кавказских войсках и их генералах. К 11 сентября отряд Паскевича имел 7 батальонов пехоты, один драгунский и два казачьих полка, всего 8 тысяч штыков и сабель при 24 орудиях. 13 сентября к Елисаветполю подошел со своей 40-тысячной армией Аббас-Мирза. Около полудня персидские войска с распущенными знаменами и барабанным боем начали подходить к русской позиции, но, развернув фронт, стали, ожидая нападения русских.

В боевом порядке друг против друга неподвижно стояли две враждебные армии. Ни та, ни другая не хотела начинать сражение. Паскевич, увидев перед собою тяжелую массу надвигающейся персидской конницы, сарбазов и шахской гвардии, был смущен и хотел отступить, но Мадатов и Вельяминов убедили его принять сражение. Бой был упорный, и успех клонился на сторону персов, но удача и блестящая атака Нижегородского драгунского полка под командою генерала Шабельского повернула победу на нашу сторону. Бегство персов было так поспешно, что 17 сентября Аббас-Мирза с остатками своей разбитой армии был уже за Араксом.

Елисаветпольским сражением закончился первый период Персидской войны в царствование Николая I. Это сражение выдвинуло на сцену нового деятеля — генерал-адъютанта Ивана Федоровича Паскевича.

С наступлением весны 1827 г. было решено военные действия вывести в пределы Персии. Но так как осторожные действия Ермолова не вполне соответствовали представлениям императора, то в Петербурге были составлены два проекта, которые и были сообщены Ермолову для общих соображений.

По первому проекту предполагалось, что с прибытием в Закавказье 20-й пехотной и 2-й уланской дивизий двинуть к Тавризу части, сосредоточенные в Карабаге, а главными силами действовать против Нахичевани, Маранда и Тавриза через эриванское ханство, оставив против крепостей наблюдательные отряды.

Вторым проектом намечалось движение главными силами прямо к Тавризу, а вспомогательным отрядом овладеть Эриванью.

Обоим этим проектам Ермолов противопоставил свой, которым он предполагал с большими силами идти на Эривань, обеспечивая при дальнейшем движении свои сообщения через эриванское ханство сильными постами.

Государь утвердил план Ермолова с условием, чтобы военные действия начались не позже 1 апреля 1827 г. При этом самим государем были распределены роли. Командование действующим корпусом было поручено Паскевичу под главным начальством Ермолова; авангардом этого корпуса был назначен генерал-адъютант Бенкендорф. Мадатов оставался начальником карабагского отряда, наконец, известному партизану 12 года, генерал-майору Давыдову, поручались действия с отдельными отрядами по усмотрению главнокомандующего.

По утверждению плана на Кавказ прибыл начальник главного штаба, генерал-адъютант Дибич, и вскоре между ним и Ермоловым возникли разногласия относительно хода кампании. Дибич стоял за более быстрое движение к Тавризу, Ермолов же считал необходимым прежде укрепить облада-

ние эриванским ханством, чтобы не оставлять у себя в тылу непокоренную область. Эти несогласия ускорили удаление Ермолова с Кавказа и 29 марта 1827 г. Паскевич был назначен командиром отдельного Кавказского корпуса со всеми правами, властью и преимуществами главнокомандующего большой действующей армией.

Между тем весной 1827 г. персы начали с русским правительством переговоры, соглашаясь уступить те земли, которые и без того принадлежали России по Гюлистанскому договору. Но им было предложено установить Аракс границей и уплатить 40 млн. контрибуции. Переговоры затягивались, и продолжение войны становилось неизбежным.

Новая кампания началась с того, что авангард под начальством Бенкендорфа в конце апреля занял Эчмиадзин. 23 апреля Бенкендорф двинулся к Эривани, 27 апреля крепость было обложена со всех сторон, и началась блокада Эривани.

Попытки персов освободить Эривань окончились целым рядом поражений персов. Между тем блокада Эривани продолжалась, и 15 июня на смену Бенкендорфа прибыл генерал Красовский с 20-й пехотной дивизией, а вместе с ним и сам Паскевич.

Осматривая начатые осадные работы, Паскевич нашел, что успех предприятия почти безнадежен, и приказал прекратить эти работы. Оставив 20-ю дивизию под Эриванью главнокомандующий передвинул остальные силы корпуса на Гарничай и 21-го двинулся к Нахичевани. 26 июня Нахичевань была занята русскими войсками без боя. Для окончательного ее закрепления за собой было необходимо овладеть лежавшей в нескольких верстах к югу от Нахичевани крепостью Аббас-Абадом.

После произведенной рекогносцировки 1 июля была начата осада крепости и через 3 дня были проделаны бреши в каменной ее ограде, но 4 июля Паскевич получил известие, что Аббас-Мирза двигается с 40-тысячной армией на помощь осажденным.

Оставив 3¹/₂ батальона и 28 орудий для прикрытия осадных работ и для охраны складов в Нахичевани, Паскевич решил со всеми остальными войсками идти вперед и самому

Взрыв в Михайловском укреплении 22 марта 1840 г.

атаковать неприятеля. 5 июля около 6 часов утра произошла стычка передовых кавалерийских частей с противником. На подкрепление их были высланы казаки под начальством Иловайского и вслед за тем вся кавалерия корпуса с конной артиллерией под начальством Бенкендорфа. За кавалерией Паскевич поспешил переправить пехоту и направил ее на центр неприятельской позиции. Персы были сбиты и, отойдя версты на четыре, заняли новую укрепленную позицию, пытаясь остановить наступление русских. Но кавалерия, предводимая полковником Раевским и князем Андронниковым, не давала Аббасу-Мирзе ни минуты, чтобы устроиться на новой позиции. Пехота по следам драгун тотчас заняла центральный холм, главенствующий над всей территорией боевого поля, и поставила здесь свою батарею. Неприятель обратился в совершенное бегство. Преследование пехотными частями продолжалось до Джеван-Булака. Поражение персов под Джеван-Булаком лишило гарнизон Аббас-Абада последней надежды на освобождение, и 7 июля утром крепость сдалась.

Одержанные успехи послужили Паскевичу предлогом начать переговоры о мире согласно желанию императора, но посланный с этой целью Грибоедов вскоре убедился, что переговоры не приведут ни к чему и персы желают лишь выиграть время.

С овладением крепостью Аббас-Абадом русские стали твердой ногой в Нахичеванской области. Оставалось овладеть Сардарь-Абадом и Эриванью, чтобы утвердиться в Эриванской области. Отправляя Грибоедова в персидский лагерь для переговоров о мире, Паскевич в то же время усиленно готовился к новому походу. Ввиду важного значения крепости Аббас-Абада, она была исправлена и приведена в оборонительное состояние. В нахичеванском ханстве было введено русское управление. Военная и административная власть области была сосредоточена в лице аббас-абадского коменданта, которым был назначен генерал-майор барон Остен-Сакен. Но болезненность, которая развивалась в войсках от невыносимой жары, заставила Паскевича отложить военные действия до осени, а войска, стоявшие в лагере под Аббас-

Абадом, перевести в более здоровое возвышенное место, каковым являлось село Кара-Баба, знаменитое по кровавому бою, который здесь выдержал Несветаев в 1808 г. Болезненность войск не уменьшалась, однако, и здесь.

В то время когда главные силы действовали в Нахичеванской области, 20-я пехотная дивизия под начальством Красовского блокировала Эривань. Наступившая жара породила также значительную болезненность в рядах солдат, только что пришедших из России и не привыкших к тамошнему климату. Поэтому блокада Эривани была снята, и отряд отошел на стоянку на Баш-Абаранскую возвышенность. Больные оставлены были в Эчмиадзине, а потому он был укреплен, снабжен запасами и там оставлен гарнизон — 1 батальон Севастопольского полка, 5 орудий и конная армянская сотня.

Комендант Эривани после неудачной попытки захвата Эчмиадзина написал Аббасу-Мирзе об уходе русского отряда в горы и беззащитности Эчмиадзина.

Потеряв Аббас-Абад и потерпев поражение при Джеван-Булаке, Аббас-Мирза, находившийся в это время в Чорсе, решился на довольно смелый план: двинуться к Эривани, разбить слабый отряд Красовского и затем идти на Тифлис, и таким образом, оказавшись в тылу главных сил русского корпуса, вынудить Паскевича отказаться от намерения идти на Тавриз.

Действительно, 4 августа на Эчмиадзинской равнине появилась 30-тысячная персидская армия, а 6 августа она остановилась у д. Аштарак, между Эчмиадзином и Дженгулями, где находился Красовский с 4-тысячным отрядом. В главном русском лагере у Кара-Бабы ничего не знали о движении Аббас-Мирзы, и таким образом, Красовский не мог рассчитывать на помощь оттуда.

Убедившись в неприступности позиции, занятой Красовским на дженгулинских горах, Аббас-Мирза расположил свои войска лагерем у Ушакана — также на сильной позиции и, с целью выманить Красовского в поле, большую часть своих сил отправил на Эчмиадзин, который и обложил. Так как с падением последнего открывалась дорога на Тифлис через

Гумри, то Красовский, несмотря на малочисленность своего отряда, решил двинуться на помощь Эчмиадзину. Оставив в лагере обоз, больных и небольшое прикрытие, Красовский 16 августа выступил с 5 батальонами, 2 казачьими полками и 12 орудиями и на втором переходе был атакован всею армиею Аббаса-Мирзы.

Потеряв 24 офицера и 1130 н. ч., Красовский тем не менее пробился к Эчмиадзину. Этот бой, носящий название Аштаракского, стал рядом героических подвигов и самопожертвования. Он освободил Эчмиадзин от блокады и так поразил персов, что они отошли к Эривани, и планы Аббаса-Мирзы о вторжении в Грузию рухнули.

Аштаракский бой повлиял на дальнейший ход кампании. Когда во второй половине августа главные силы корпуса готовились к движению на Тавриз, Паскевич получил известие о вступлении персидской армии в эриванское ханство. Вначале главнокомандующий не придавал этому большого значения, полагая, что туда двинулась только часть персидских сил, и преувеличивая численность отряда Красовского, он рассчитывал, что последний с персами справится сам. Но, получив 27 августа подробное донесение об Аштаракском бое, решил тотчас же идти к Эривани. 3 сентября отряд Паскевича был уже на Гарничае, а 5-го — у Эчмиадзина. Узнав о приближении русских войск, Аббас-Мирза отступил за Аракс и стал около укрепления Кара-Кала, в 45 верстах от Сардарь-Абада. Отступление персидских войск от Эривани и бегство коменданта этой крепости указывало на возможность овладения Эриванью без больших сравнительно усилий, но Паскевич решил сначала овладеть Сардарь-Абадом, так как эта небольшая крепость была важна по своему положению относительно Эривани, угрожая флангу осадного отряда.

Крепость Сардарь-Абад стояла на обширной равнине, расстилавшейся от Эчмиадзина к стороне Алагеза. Двойные высокие стены ее, расположенные правильным четырехугольником с огромными башнями и воротами, придавали ей весьма внушительный вид. Ее гарнизон состоял всего из 2 тысяч, но во главе стоял опытный вождь Гассан-хан, пробравшийся сюда тайком из Эривани. Ввиду этого Паскевич

решил овладеть Сардарь-Абадом правильной осадой. Начальником осадного корпуса был назначен Красовский.

В ночь с 14 на 15-е были построены батареи и открыто бомбардирование. 16 сентября в лагерь прибыла осадная артиллерия, и вечером того же дня заложили брешь-батарею. 19 сентября в крепости были произведены значительные разрушения, и вечером гарнизон, пользуясь темнотою, бежал из крепости, после чего крепость была занята.

После падения Сардарь-Абада настала очередь Эривани. Мысль о взятии Тавриза отходила на задний план, так как к концу 1827 г. возникла вероятность войны с Турцией, и для действий против Карса необходимо было утвердиться в Эриванской области.

Торопясь овладеть Эриванью до начала ненастной осенней погоды, Паскевич 22 сентября уже со всей своей армией был в Эчмиадзине, а на следующий день весь корпус двинулся к Эривани и стал на берегу Занги, в 2 верстах от города. Известие о падении Сардарь-Абада поколебало мужество эриванского гарнизона, но во главе его вновь появился Гассан-хан и его мужеству Эривань обязана упорной защитой.

После рекогносцировки 24 сентября собрался военный совет, и было решено вести атаку на крепость с ее юго-восточного угла. В ночь с 25 на 26-е начались осадные работы, и утром 28-го по крепости били уже 14 осадных орудий, а 1 октября Эривань была взята.

Выступая к Эривани, Паскевич поручил командование войсками в Нахичеванской области генерал-лейтенанту князю Эристову, в помощь которому был назначен полковник Муравьев (впоследствии известный Муравьев-Карский).

Между тем Аббас-Мирза, отойдя от Эчмиадзина за Аракс, двинулся к Нахичеванской области и собирался овладеть Нахичеванью, пользуясь слабостью отряда князя Эристова. В то время, когда персидские войска приближались к русским границам, к Эристову подошло подкрепление, и отряд его достиг численности до 4 тысяч пехоты и 2 тысяч конницы при 26 орудиях Аббас-Мирза, не зная об усилении русского отряда, в первой половине сентября перешел авангардом Аракс и остановился в 7 верстах от Нахичевани. Русская конница

бросилась на него. Персы стали поспешно отступать. При появлении нашей пехоты неприятель бросил начатые укрепления и стал отступать.

17 сентября авангард русского отряда был уже в Чорсе. Здесь Муравьев, двинувшийся с батальоном пехоты и дивизионом конницы на розыски неприятеля, убедился, что Аббас-Мирза со всеми своими силами стоит у Хои; кроме того, Муравьев узнал о полной деморализации персидской армии. Несмотря на благоприятные условия дальнейшего наступления, недостаток запасов заставил Эристова вернуться со своим отрядом в Нахичевань.

Муравьев тем временем убедил Эристова идти прямо на Тавриз, и вот 30 сентября отряд снова перешел Аракс и вступил в Азербайджан. Русские нигде не встретили сопротивления, и 2 октября заняли город Маранду. Еще не успели русские расположиться на отдых, как пришло известие о приближении Аббаса-Мирзы, который двигался сюда со всей своей армией. Занятием Маранды Эристов опередил принца на один день, но Аббас-Мирза, узнав, что русские в Маранде, перешел на нахичеванскую дорогу, отрезав таким образом русскому отряду путь для отступления. Положение Эристова было бы критическим, если бы в это время не пришло известие о падении Эривани, которое произвело на персидские войска потрясающее действие. А когда вслед за тем пронесся слух, что русские двигаются по хойской дороге, армия Аббаса-Мирзы, охваченная паникой, побежала. Путь на Тавриз был открыт, и столица Азербайджана была занята авангардом под начальством Муравьева 13 октября без боя, а 10 октября в Тавриз прибыл и сам Паскевич.

Потеря Тавриза была неожиданным и страшным ударом для Аббаса-Мирзы. И вот, едва Паскевич вступил в Тавриз, как на другой же день, 21 октября, прибыл каймакам¹ от Аббаса-Мирзы для переговоров. Паскевич поручил дипломатическому чиновнику Обрезкову вести переговоры с представителем Персии в деревне Кара-Мелик.

¹ Каймакам — в Турции титул начальника округа, соответствующего нашему уезду. — *Прим. ред.*

Переговоры эти уже приходили к благоприятному концу, как вдруг в отношениях персидского правительства к русскому наступила резкая перемена. Причиной этому были осложнения наших политических отношений с Турцией. Порта уведомила об этом шаха и советовала не спешить с заключением мира. Это обстоятельство заставило в начале 1828 г. , несмотря на холодную суровую зиму, продолжать войну. Быстрое наступление русских войск и занятие 15 января Урмии, а 25-го Ардебилля вынудили шаха принять все условия мира, который и был заключен 10 февраля в Туркменчае.

Развитие мюридизма. Первые успехи Шамиля. Занятие Черноморского побережья. Штурм Ахульго

В то время когда Ермолов и затем Паскевич были отвлечены войною с Персией, на Северном Кавказе разгоралось пламя обширного восстания под влиянием религиозного учения, известного в истории под названием мюридизма, сущность которого заключалась в своеобразном толковании второй части Корана-таригата, излагавшей действия и поступки Магомета, достойные подражания для каждого правоверного.

Первыми проповедниками таригата были персидские владельцы из дома Сафи, носившие название «мюршидов», а их последователи получили название «мюридов». В первоначальном своем виде учение мюридизма не имело политического характера, а тем более воинственного. Но, распространяясь постепенно с Востока, мюридизм достигает Кавказа в XVIII веке в значительно измененном виде, и одним из главных его догматов в это время является «джезид», то есть война с неверными. К чистому учению таригата примешалось в сильной степени демократическое начало, которое давало возможность всем, кому жизнь и обстоятельства не улыбались, порвать узы, связывавшие их с обществом, и под видом угождения Богу и истинной вере, в бунтах и разбоях искать изменения существующего порядка. Позднее при

Шамиле мюриды утратили свое религиозное направление и ученость, а сделались лишь слепыми исполнителями власти имамов. Мюридизм стал средством для любого бедняка к достижению почести и славы путем верной службы и строгого исполнения предписаний имама.

Первые проблески мюридизма на Кавказе проявились в лице Шейх-Мансура, но после его пленения русскими в Анапе его приверженцы рассеялись и о мюридизме не было слышно до 1823 г., когда он с новой силой распространился по всему Дагестану. Проповедниками его в это время явились Курали-Магома и Гази-Магомет, известный у нас под именем Кази-муллы. Спокойная религиозная проповедь Курали-Магомы у Кази-муллы обратилась в «газават», то есть призыв к священной войне. Несмотря на суровость проповедываемых правил жизни, Кази-мулла вскоре приобрел много последователей, в том числе Гамзат-бека и Шамиля.

К концу 1829 г. Кази-мулле повиновалась значительная часть Дагестана. Приняв звание газия, то есть ведущего священную войну, Кази-мулла собрал в Гимрах представителей духовенства, разъяснил им свое учение и цель его и вызвал такой энтузиазм, что все присутствующие провозгласили его имамом и поклялись исполнять все его приказания.

Сознавая, что власть его в Дагестане может быть прочной только с подчинением Аварии, Кази-мулла в феврале 1830 г. попытался овладеть Хунзахом, столицей аварского ханства, но потерпел неудачу. Скопище его разошлось, и сам он с немногими последователями в сопровождении Шамиля вернулся в Гимры. Эту неудачу Кази-мулла объяснил своим приверженцам недостатком их веры в новое учение, чем вновь вызвал подъем религиозного чувства. В первых числах марта 1830 г. Кази-мулла считал в числе своих последователей до 20 тысяч семейств. Возраставшая власть Кази-муллы заставила наконец обратить на него серьезное внимание, и Паскевич приказал генерал-лейтенанту барону Розену двинуться в землю койсубулинцев и захватить самого Кази-муллу. Экспедиция барона Розена успеха не имела и только послужила к увеличению влияния имама среди горцев: их набеги на нашу линию потеряли характер хищничества мел-

кими партиями, а приобрели вид правильно организованных военных действий.

Отъезжая в Петербург в апреле 1831 г., Паскевич предписал оставшимся начальникам держаться преимущественно оборонительного образа действий. Пользуясь этим, Кази-мулла напал на Тарки и крепость Бурную, расположенную вблизи этого города. Благодаря героической защите гарнизона Бурной под начальством майора Федосеева, Кази-мулле не только не удалось овладеть ею, но здесь он был разбит наголову генерал-майором Кохановым.

Отступив от Бурной, Кази-мулла двинулся на крепость Внезапную, которую уже обложил его помощник Ших-Абдулла. Несмотря на весьма тяжелые условия обороны и многочисленность неприятеля, крепость Внезапная продержалась до 28 июня, когда подоспел с подкреплениями генерал Емануель, и Кази-мулла отступил. Неудачи, однако, не ослабили влияния Кази-муллы. В дополнение к религиозному учению он прибавил чисто социальные выгоды для своих последователей, обещая уничтожить все сословные преимущества, установить равенство и наделить бедных за счет богатых. Эти обещания привлекли к нему массы народа, и 13 августа, собрав скопище до 8 тысяч, он двинулся к Дербенту, который обложил, и к 27 августа его сборище возросло до 15 тысяч, но прибывший с отрядом Коханов принудил Кази-муллу удалиться.

В сентябре 1831 г. командиром отдельного Кавказского корпуса и главнокомандующим на Кавказе был назначен генерал от инфантерии, генерал-адъютант барон Розен. По прибытии в Тифлис Розен разослал во все городские общества воззвание, которым требовал покорности, и в то же время поручил генералам Панкратьеву и Вельяминову предпринять ряд экспедиций для рассеяния сборищ Кази-муллы.

Занятие Вельяминовым аула Черкея, постоянного местопребывания Кази-муллы, крайне стеснило последнего в Дагестане, и он направился в Чечню, где его проповедь имела большой успех не только среди мусульман, но даже и среди ингушей, ничего общего с шариатом не имеющих.

Погоня за вновь собравшимся скопищем не приводила ни к чему. Кази-мулла избегал встречи с русскими войсками и, введя в заблуждение Вельяминова, с 1 тысячей отборных мюридов бросился на беззащитный Кизляр, в котором находился лишь один линейный батальон, и разграбил город. Этот успех поднял значение имама в глазах горцев, и погром, понесенный им в различных пунктах, не поколебал их приверженности к нему. По повелению Кази-муллы организовывались шайки, производившие почти всегда безнаказанно набеги на слабо защищенные места линии.

Розен считал необходимым лишь привести линию в оборонительное состояние и успокаивать горцев путем мирных с ними переговоров и развитием торговли. Такая политика позволяла свободно развиваться мюридизму, и в начале 1832 г. деятельность Кази-муллы проявилась снова, вызвав ряд бесплодных походов. Государь обратил внимание, что походы предпринимаются без общей цели. Но это была программа Паскевича, который и теперь имел громадное влияние на кавказские дела, давая заключения по всем предпринимаемым мероприятиям. Лишенный самостоятельности, Розен был крайне стеснен в своих действиях и ждал указаний из Петербурга. Наконец, в начале июля был получен утвержденный план действий, по которому предполагалось прежде всего двинуться в Чечню и затем направиться против Кази-муллы и его сборищ. Выполнение первой части плана привело к уничтожению 60 непокорных аулов, 80 же изъявили покорность, выдали аманатов¹ и дали обещание не содействовать замыслам Кази-муллы. К 23 сентября экспедиция в Чечню закончилась. Кази-мулла удалился в Гимры, где вместе с Шамилем занялся усиленным укреплением этого селения, а также Унцукуля и Ирганая. Селение Гимры, лежащее на правом берегу Койсу, окружено труднодоступной местностью. 17 октября наши войска подошли к Гимрам и в течение 2 дней штурмовали селение, в одной из башен которого находился Кази-мулла с

¹ Аманат — заложник; человек, взятый в залог. — *Прим. ред.*

Шамилем. Шамилю удалось спастись, но Кази-мулла был убит, Гимры были взяты.

Смерть Кази-моллы произвела сильное впечатление на горцев, но не уменьшила их пылкости. Учение имама сильно запало в умы горских народов, и стоило только явиться способному проповеднику, чтобы мюридизм проявился с новой силой. Таким проповедником явился Гамзат-бек, ученик и сподвижник Кази-моллы. К июню 1834 г. Гамзат-беку удалось подчинить себе большую часть дагестанских обществ и владений; оставалось только Авария, не желавшая присоединяться. Тогда Гамзат-бек решил овладеть ею силой. Собрал до 20 тыс. человек, он подступил с ними к Хунзаху. Во главе Аварии в это время стояла ханша Паху-бике. Выдающаяся по уму и энергии, правительница притворно согласилась следовать учению имама, но отказалась от газавата против русских и просила оставить ее в покое. Не имея возможности овладеть укрепленным Хунзахом открытой силой, Гамзат-бек прибег к вероломству. Он потребовал к себе для весьма важных переговоров двух старших сыновей Паху-бике и предательски убил их. Хунзахцы более не сопротивлялись, правительница была также убита, Гамзат объявил себя ханом Аварии и стал вводить в ней строгие правила мюридизма, что не понравилось населению, и против него состоялся заговор. 19 сентября 1834 г. Гамзат был убит.

Несмотря на кратковременность деятельности Гамзата, она имела весьма важные последствия в отношении нашей борьбы за водворение русской власти на Кавказе. Кази-мулла положил начало объединению различных городских обществ Дагестана и указал им возможность борьбы с нами. Гамзат-бек, истребив аварских ханов, устранил окончательное препятствие к дальнейшему объединению дагестанских народов. Кроме того, приняв самовольно титул имама, он указал предприимчивым людям возможность следовать его примеру.

Таким предприимчивым человеком явился Шамиль, второй сподвижник Кази-моллы. Шамиль не был так религиозен, как Кази-мулла, и опрометчив, как Гамзат-бек. Превосходя их обоих умом, настойчивостью, прозорливостью и

Станица Наурская на Северном Кавказе. Самозащита казачек в
отсутствии мужей

значительными военными дарованиями, Шамиль в течение 25 лет вел борьбу с Россией, иногда весьма успешно.

Во время убийства Гамзата, Шамиля не было в Хунзахе. Узнав о смерти имама, он собрал партию отчаяннейших мюридов и бросился с ними в аул Новый Гоцатль. Там он захватил награбленное имущество и уцелевшего младшего сына Паху-бике, единственного наследника аварского ханства, которого приказал немедленно убить. Но овладеть Аварией ему не удалось, так как аварцы, уstraшенные этим новым злодеянием, обратились к полковнику Клюки фон Кругену, командовавшему тогда войсками в Дагестане, с просьбой о назначении правителем Аварии Аслан-хана казикумухского до совершеннолетия Султан-Ахмет-хана, сына убитого Гамзатом Нуцаль-хана, старшего сына Паху-бике. Кругену, отгеснив скопища Шамиля, 20 октября пришел в Новый Гоцатль, где Аслан-хан был объявлен правителем Аварии, а население приняло присягу на верноподданство русскому императору.

Наступившая зима лишила нас возможности предпринять что-либо в Дагестане. Шамиль же в течение всего 1835 г. не проявлял своей деятельности, работая в тишине и усыпляя внимание русских властей ложною покорностью. Но в начале 1836 г. уже обнаружилось возрастающее значение Шамиля и его враждебные замыслы, вследствие чего главнокомандующий, барон Розен, предписал генерал-майору Реуту двинуться к Унцукулю и, если окажется возможным, то дойти до Ашильты — местопребывания Шамиля.

В течение 1837 г. действия на левом фланге ограничились лишь несколькими экспедициями. Важнейшим событием этого года является просьба аварцев поставить в Хунзах русские войска с целью избавить себя от притязаний Шамиля. Занятие главного пункта Аварии было возложено на генерал-майора Фези. 29 мая Фези прибыл в Хунзах и, оставив там небольшой гарнизон, 3 июля двинулся к Ашильте, близ которой на неприступном утесе стоял замок Ахульго, где находились семейство и имущество Шамиля. Сам же Шамиль был в ауле Тилитль. 11 и 12 июня Фези овладел обоими этими важными пунктами и направился к Тилитлю, чтобы покончить с самим Шамилем.

Тилитль был одним из неприступных аулов, тем не менее 5 июля после предварительной бомбардировки, Фези приказал штурмовать его. Не видя возможности бороться с русскими войсками, Шамиль выслал парламентаря с согласием покориться. Фези вступил в переговоры и этим совершил крупную ошибку: во-первых, выпустил из своих рук Шамиля и, во-вторых, вступая с ним в переговоры, признал в нем владыку над непокорными нам горцами. Таким образом, заключенным с Шамилем условием уничтожались все плоды удачных экспедиций Фези, и Шамиль получил возможность продолжать борьбу с нами.

В 1837 г. было обращено особое внимание на правый фланг и Черноморскую линию. Была подчинена Цебельда и начат ряд укреплений по побережью Черного моря, которые строились со стороны Сухума и от правого фланга Кавказской линии, которой в это время командовал генерал-лейтенант Вельяминов. Последним были построены Ново-Троицкое и Михайловское.

После посещения императором Николаем I Кавказа в сентябре 1837 г. Розен был уволен и на его место назначен командиром отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенант Головин 1-й.

В начале 1838 г. главное внимание было обращено на побережье Черного моря. С целью утвердиться на нем из Крыма были направлены два десантных отряда: один — под начальством генерала Симборского в Абхазию и другой — под начальством генерала Раевского на Таманский полуостров. Первый отряд 11 апреля высадился у устья реки Сочи и построил Навагинское укрепление. Таманский отряд 12 мая высадился у устья реки Туапсе и построил там укрепление, названное Вельяминовским, затем у устья реки Шапсуго — Тенгинское. На месте же прежней турецкой крепости Суджук-Кале при устье реки Цемес была заложена крепость, впоследствии город Новороссийск.

Собранный в Тамани отряд под начальством Раевского в течение лета произвел ряд высадок по Черноморскому побережью и устроил укрепления: в устье реки Субаши, названное Головинским фортом, в устье реки Псезуапе — Лазарев-

ский форт и в промежутке между Анапою и Новороссийском — форт Раевского. 15 мая последовал приказ по корпусу, которым все укрепления на восточном берегу Черного моря, от устья Кубани до границ Мингрелии, а также Абхазия и Цебельда, соединялись в одно укрепление под названием Черноморской береговой линии. Начальником всей линии был назначен генерал-лейтенант Раевский.

Это важное мероприятие прекращало возможность проникновения эмиссаров и провоза оружия со стороны Турции, так как все пункты, удобные для приставания судов, были заняты укреплениями. Тем не менее вновь образованная линия не была достаточно обеспечена вследствие того, что укрепления были слабой профили¹ и имели незначительные гарнизоны.

Кроме того, климатические условия восточного берега Черного моря оказались весьма неблагоприятны. В осень и зиму 1839—1840 гг. гарнизоны приморских укреплений были так ослаблены болезнями, что не представлялось никакой возможности не только закончить верки и внутренние постройки, но не имелось даже под ружьем необходимого числа людей для их обороны. С другой стороны, в горах западного Кавказа начался страшный голод. Горцы мучительной голодной смерти предпочли гибель с оружием в руках и смело решились идти на грабеж и разбой, мечтая завладеть запасами укреплений.

7 февраля 1840 г. большие толпы неприятеля окружили форт Лазарева, который к этому времени еще не был окончен и достаточно вооружен артиллерией. Гарнизон укрепления составляла 4-я мушкетерская рота Тенгинского полка капитана Марченко, ни разу еще не бывшего в делах против неприятеля. Рано утром вышедший бить зорю² барабанщик увидел неприятеля и ударил тревогу, но было уже поздно — горцы ворвались в укрепление, бросились к офицерскому флигелю и казармам и почти весь гарнизон уничтожили, уводя в плен не более 16 человек.

¹ Здесь: недостаточно прочно сооруженные. — *Прим. ред.*

² Здесь: давать сигнал к подъему. — *Прим. ред.*

Этот неожиданный успех ободрил горцев, и 29 февраля они захватили укрепление Вельяминовское, а 17 марта лазутчик-черкес дал знать, что горцы в числе более 12 тысяч собираются напасть на укрепление Михайловское. В укреплении находилось до 500 человек. Начальником гарнизона был старший из ротных командиров штабс-капитан Лико, пользовавшийся всеобщей любовью и уважением за свое бесстрашие, непреклонную волю и справедливое отношение к подчиненным. Получив известие о падении фортов Лазарева и Вельяминовского и зная, что гарнизон, имея много больных, не в состоянии занять все протяжение огня, штабс-капитан Лико разделил укрепление углубленным ретраншаментом¹ на две части.

Собрав всех офицеров и нижних чинов, Лико объявил им об угрожающей опасности, напомнил долг присяги и данное ими обещание начальнику Черноморской линии генералу Раевскому не сдаваться живыми, в крайнем же случае взорвать пороховой погреб и погибнуть вместе с неприятелем. На последний подвиг вызвался рядовой Тенгинского полка Архип Осипов. Штабс-капитан Лико потребовал его к себе и договорился с ним в присутствии всех офицеров. Осипов присягнул, что подожжет порох тогда, когда черкесы будут отбивать замо́к у погреба. О намерении Осипова было объявлено по гарнизону.

С вечера 18 марта каждую ночь в 12 часов весь гарнизон выходил на бастионы, а Осипов запирался в пороховом погребе. Так продолжалось до 22 марта. Часу в 4-м ночи с 21 на 22-е один из часовых заметил приближение горцев и сообщил об этом фельдфебелю Харитону Комлеву. Тот приказал стрелять. Видя, что они открыты, горцы с гиком бросились на укрепление, но были опрокинуты штыками. С 4 до 8 часов утра гарнизон укрепления отбивался от многочисленного неприятеля, но почти все защитники были перебиты и к

¹ Ретраншаменты — вторичные преграды внутри укрепления, дающие возможность гарнизону отступить и удержать за собой внутреннюю территорию. Располагаются за теми частями укрепления, которые более других подвержены атаке. — *Прим. ред.*

10 часам утра горцы ворвались в укрепление. Около 3 тысяч их бросилось к пороховому погребу и начали отбивать замки. Крыша погреба и все вокруг усеяно было неприятелем. Но вслед за стуком отбиваемых замков последовал страшный взрыв. Архип Осипов свято исполнил свой долг, и черкесам достались дорогой ценой лишь развалины Михайловского укрепления.

К концу 1840 г. Черноморская береговая линия была восстановлена, кроме того, часть Кубанской линии было решено перенести на реку Лабу, построить несколько новых крепостей, а территорию между старой и новой линиями заселить станицами Кавказского линейного казачьего войска.

На восточном Кавказе события в 1838 г. ограничивались небольшими походами в Салатавию и вверх по Самуру для усмирения волновавшихся вольных самурских обществ. Результатом этого похода было изъявление покорности самурцами.

Однако небольшие экспедиции не могли оказать влияния на уменьшение распространения мюридизма и помешать упрочению власти Шамиля в горах Дагестана. Чтобы нанести Шамилю более решительный удар в пункте его пребывания, весной 1839 г. было решено отправить в Андию для овладения укрепленным аулом Ахульго — резиденцией пророка — два отряда: один, из 9 батальонов, 22 орудий, роты саперов, 5 сотен казаков и свыше 3 тысяч милиции, под начальством генерал-адъютанта Граббе, должен был действовать со стороны Чечни от крепости Внезапной; другой, в составе 11 батальонов, 22 орудий, роты саперов, 2 сотен казаков и около 1 тысячи милиции, собранный у укрепления Хазры, под начальством генерала Головина, предназначался для действия на Самуре. Перед выступлением чеченского отряда было получено сведение, что один из деятельных сообщников Шамиля — мулла Ташав-Хаджи, собрав в Ичкерии значительные силы, намерен помешать отряду Граббе.

Двинувшись в Ичкерия, чеченский отряд весь май месяц был занят истреблением селений и уничтожением шайки Ташав-Хаджи и только в конце мая смог двинуться к селению Чиркату. При аулах Буртунай и Алмак чеченский отряд

встретил упорное сопротивление передовой толпы Шамиля, силою до 4 тысяч человек. Главные же силы Шамиля находились у селения Аргуани на спуске к реке Андийское Койсу. Находясь на труднодоступной местности, селение Аргуани было еще усилено искусственными преградами. Подошедший к селению наш отряд оказался в затруднительном положении: перед ним было сильно укрепленное селение, а с фланга и тыла высокие горы, занятые противником. В таких условиях отступление, разумеется, было невозможно. После двухдневного штурма, стоившего нам 635 человек убитыми и ранеными, селение было взято. Шамиль бежал в Ахульго.

Устроив мост на Андийском Койсу, Граббе перешел с левого берега на правый и обложил Ахульго, но неприступность укрепленного аула и понесенные при Аргуани потери заставили Граббе обратиться к генералу Головину с просьбой о высылке подкреплений из самурского отряда. Между тем этот последний, выступив в конце мая из укрепления Хазры, без особых затруднений дошел до аджиахурских высот, занятых значительными силами противника, устроившего по всему гребню завалы из камней. За завалами засело до 6 тысяч лезгин, готовых к упорному сопротивлению.

Ночью 31 мая эти завалы были взяты 3 ротами Тифлисского полка. Горцы, захваченные врасплох, едва успели сделать несколько выстрелов. С рассветом обнаружилось, что противник очистил аджиахурскую позицию и отступил. Дальнейшее движение отряда совершалось беспрепятственно, и 5 июня Головин занял Ахты, главный пункт этого края. Результатом действий Головина стало окончательное подчинение самурцев и учреждение Самурского округа с военным управлением. По Самуру была устроена укрепленная линия, чем достигалось разобщение мусульманских провинций Закавказья с лезгинскими племенами Дагестана. При селении Ахты возвели прочное укрепление, имевшее важное стратегическое значение для этого края.

По прибытии отряда в Ахты была получена просьба Граббе о присылке подкреплений. Понимая всю важность овладения замком Ахульго, Головин тотчас же отправил 3 бата-

План осады Ахульго

льона с 4 орудиями, с боевыми и продовольственными припасами в чеченский отряд. Прибытие этого подразделения дало возможность теснее обложить Ахульго и затем предпринять его штурм.

Аулы Старое и Новое Ахульго расположены на двух возвышенных утесах, образующих полуостров, омываемый с трех сторон рекой Андийским Койсу, берега которой совершенно здесь отвесны. Рекою Ашильтой, притокой Койсу, полуостров делится на две части, и сообщение между отвесными берегами Ашильты производилось по бревнам. Пути к обоим аулам шли по узким перешейкам, которые были усилены траншеями и завалами. Окружающая мест-

ность имела невыгодные условия для устройства осадных батарей.

К югу от Нового Ахульго возвышается отвесная скала, на вершине которой была расположена Сурхаева башня, составлявшая ключ позиции. В башне разместилось 100 самых отчаянных мюридов. Два узких гребня, которыми оба Ахульго примыкали с юга к окрестным горам, были защищены каменными постройками с глубоким рвом впереди. В Новом Ахульго за передовой башней были две каменные сакли с бойницами, соединенные траншеей и обстреливавшие перекрестным огнем то небольшое пространство, по которому было возможно движение к замку в случае падения Сурхаевой башни. Передовые постройки были соединены крутыми углубленными ходами с задними утесами, где находились жилища. По убеждению горцев, Ахульго не только не могло быть взято русскими, но даже доступ к нему совершенно невозможен.

Ограниченность наших сил заставила Граббе отказаться от полной блокады и ограничиться обложением замка с юга. Такая блокада была бесполезной, так как давала возможность Шамилю сообщаться с левым берегом Койсу и получать от туда подкрепления и продовольствие.

Блокирующий отряд уперся своими флангами в Койсу и 13 июня приступил к осадным работам. Недостаток земли и скалистость грунта крайне затрудняли сооружение ходов сообщения и ведение осады. Батареи приходилось устраивать из туров, наполненных камнями. К 27 июня было построено 6 батарей и устроен прикрытый проход между ними, начато сооружение спуска ко рву перед Старым Ахульго, поведена двойная крытая сапа и заняты сады у Сурхаевой башни. Помимо своего тактического значения Сурхаева башня заставляла нас растянуть блокаду до 4 верст. Так как осадные работы против башни были затруднительны, то решено было взять ее штурмом. Но произведенный 29 июня штурм, стоивший нам 20 офицеров и 295 нижних чинов убитыми, ранеными и контуженными, убедил Граббе в необходимости осадных работ против этой башни и артиллерийской подготовки.

К 4 июля были построены новые батареи, и в 2 часа пополудни началось бомбардирование. К вечеру башня представляла груды развалин. Охотники разных полков, бросившись на штурм, заняли ее, потеряв 4 офицеров и 102 нижнего чина.

С падением Сурхаевой башни появилась возможность сократить длину блокадной линии и начать действия против Ахульго. К 12 июля число осадных батарей еще увеличилось, и в этот же день прибыли подкрепления, высланные Головиным. Выдвинутые вперед 12 легких орудий, 8 горных единорогов и 6 мортир в течение двух дней бомбардировали Новое Ахульго и произвели значительные опустошения. Этот успех артиллерии, а также прибытие подкреплений, были побудительной причиной того, что Граббе решил 14 июля штурмовать Ахульго. Но этот штурм, стоивший нам 36 офицеров и 830 нижних чинов убитыми и ранеными, был неудачен¹.

Одна из причин нашего неуспеха заключалась в том, что Шамиль имел свободный проход на левый берег Койсу и от туда получал подкрепления и припасы, а туда отправлял больных и раненых. Ввиду этого Граббе перевел часть войск на левый берег и тесным кольцом охватил позицию Шамиля. Появилась возможность обстреливать всю внутренность позиции, а главное — единственный спуск к реке, что затрудняло осажденным добывать воду.

Сознавая трудность своего положения, Шамиль вступил в переговоры, но главным условием поставил свободный пропуск защитников Ахульго. Граббе требовал изъявления полной покорности и не соглашался ни на какие уступки. Так как переговоры эти не приводили ни к каким результатам, то Граббе приказал 17 августа вновь штурмовать Ахульго тремя колоннами: правая предназначалась для овладения передовыми постройками Нового Ахульго, средняя была направлена по руслу реки Ашильты, между обоими замками, и

¹ Перед штурмом не было произведено ни одной основательной рекогносцировки. Генерал Граббе поручил это дело и. д. начальника штаба отряда полковнику Пулло, который не осмотрел ни разу эти места.

левая была назначена для демонстрации против Старого Ахульго и затем, в случае успеха первых двух колонн, содействовать им в штурме Нового Ахульго.

С рассветом 17 августа охотники Куринского полка спустились крытою галереей, быстро поднялись на скалу и, несмотря на отчаянное сопротивление мюридов, овладели передовым укреплением. На узком, ограниченном с обеих сторон, пространстве, на котором даже нельзя было выстроить взводную колонну, завязался горячий рукопашный бой, продолжавшийся до полудня. В час пополудни Шамиль поднял белый флаг и, как только прекратилась стрельба, выслал в аманаты своего старшего сына Джемаль-Эдина. Граббе потребовал от Шамиля полной покорности и дал на размышление 3 дня срока.

Обещая быть верным подданным русского государя, имам просил позволения жить в Гимрах, но переселиться туда из Ахульго не раньше как через месяц. Не доверяя этим обещаниям и ввиду скорого наступления осеннего ненастья в горах, Граббе решил продолжать штурм.

С рассветом 24 августа кабарлинцы бросились на две передовые сакли, соединенные траншеей, но лишь к вечеру овладели ими. Наступавшая ночь остановила кровопролитие, а с наступлением утра было видно, как женщины и дети поспешно уходили в Старое Ахульго и уносили туда имущество. Наши войска снова двинулись вперед и проникли в само селение. Неприятель бежал в ущелье реки Ашильты и старый замок, но против последнего были поставлены в Новом Ахульго 2 орудия и двинуты части правой колонны, туда же ворвался батальон апшеронцев. В 2 часа дня 22 августа на обоих Ахульго развевались уже русские знамена.

Скрывшись в одной из пещер, Шамиль в ночь с 22 на 23-е прорвался сквозь линию нашей блокады и бежал с семейством в Гимры.

До 29 августа войскам, занявшим Ахульго, пришлось выбивать неприятеля, засевшего в отдельных саклях и не желавшего сдаваться.

80-дневная осада и штурмы Ахульго стоили нам 150 офицеров и 2919 нижних чинов убитыми, ранеными и контужен-

ными. Войска были крайне утомлены, и батальоны ослабели до того, что насчитывали в своих рядах не более 200 штыхов. Обувь и одежда были изношены, лошади дошли до полного истощения, и их не хватало под орудия и повозки. 30 августа экспедиционный отряд выступил из-под Ахульго, не оставив опорных пунктов ни в Койсубе, ни в Аварии, а потому вся эта территория оставалась по-прежнему вне нашей власти и влияния.

Уничтожение Ахульго сильно подействовало на горцев, но это было ослаблено тем, что, удалившись из гор, мы не утвердились на берегах реки Койсу.

Потеряв Ахульго, Шамиль понял, что укрепления не спасут его от русских и что, прежде чем вступить в борьбу, необходимо увеличить свои силы. Поэтому, избегая встреч с русскими войсками, Шамиль нападал на беззащитные покорные нам общества и отчасти силою, отчасти обещаниями подчинял их своей власти. Этому способствовало и действие местной русской администрации. Зимняя экспедиция генерал-майора Пулло по Чечне для сбора податей и попытки обезоружить чеченцев взволновали все население. Шамиль воспользовался этим и в начале марта явился со своими мюридами на реке Сунже. С появлением его обе Чечни, ичкеринцы, ауховцы, чачкалыки и другие горцы, подняли оружие и перешли на его сторону. Положение в Чечне и Дагестане становилось снова беспокойным.

После поражения, нанесенного горцам при штурме Ахульго, Граббе считал край настолько умиротворенным, что решил приступить к введению в Чечне русской администрации. В декабре 1839 г. он приказал командиру Куринского полка, генералу Пулло, двинуться с отрядом в Чечню и водворить там наших приставов.

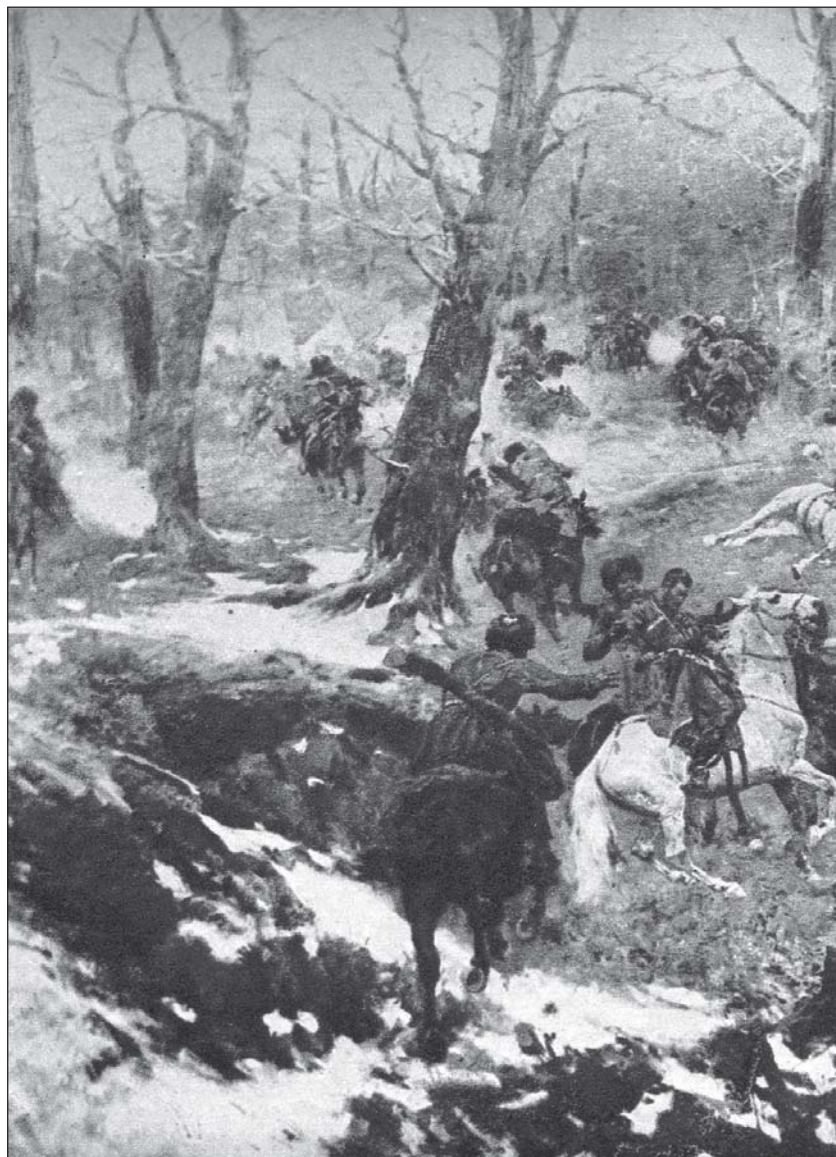
В течение декабря 1839 и в январе 1840 г. Пулло прошел почти всю Чечню, повсюду встречая изъявление покорности и готовность уплатить подати. Это обстоятельство дало Граббе повод донести в Петербург, что на левом фланге Кавказской линии совершенно спокойно и в будущем не предвидится никаких беспокойств. На самом же деле обстановка создавалась совсем иная. Поставлен-

ные нами приставы с генералом Пулло во главе, человеком жестоким и несправедливым, притесняли местное население, которое терпело до тех пор, пока среди него не распространился слух, что русское начальство намерено обезоружить их, обратить в крестьян и брать в солдаты. Слухи эти сильно взволновали чеченцев, и они решили избавиться от русской опеки. Этим обстоятельством воспользовался Шамиль, проповедью шариата поднявший вновь Малую Чечню, а затем перенесший свою деятельность и в Дагестан.

9 июля Клюки фон Кругенау, командовавший разбросанными в северном и нагорном Дагестане войсками, направил 4 роты с сотнею милиции шамхальцев в Ишкарты, на вероятные пути наступления противника, а 2 роты в Каранай. Утром 10 июля Шамиль стал разворачивать свое 10-тысячное ополчение. Не ожидая нападения, Кругенау сам двинулся вперед и после горячего, упорного боя остановил наступление неприятеля. На следующий день бой возобновился, но без всякого успеха для горцев. Ишкартинское дело, хотя и не было решительным, но имело то значение, что имам и его скопище, встретив при самом вступлении в наши пределы сопротивление, стали расходиться по домам. Надежды Шамиля на всеобщее восстание в Дагестане не сбылись, хотя преданность нам северных обществ Дагестана была поколеблена.

Вскоре Шамиль вновь собрал свои силы и двинулся в Аварию. Оттеснив аварскую милицию под начальством прапорщика Хаджи-Мурата, 8 августа Шамиль приблизился к Хунзаху. Кругенау выступил ему навстречу, но Шамиль уклонился от боя, и только 14 сентября произошел упорный бой, окончившийся поражением Шамиля. Авария и Койсубу были спасены от разграбления. Шамиль же двинулся снова в Чечню, куда его звал на помощь один из его приверженцев, Ахверды-Магома.

К этому надо добавить, что и в Аварии спокойствие было нарушено вследствие измены нам прапорщика милиции Хаджи-Мурата. Хаджи-Мурат, по происхождению знатный аварский бек, вначале был предан России. Он участвовал в

Смерть генерал-майора Слепцова 10 декабря 1851 г.

поражении аварцами Кази-муллы был душою заговора, уничтожившего Гамзат-бека со всеми его родственниками. Аварцы любили, верили ему и выбрали его своим правителем, русское правительство утвердило этот выбор, и он был произведен в прапорщики милиции. В это время Хаджи-Мурату было всего 20 лет и, сознавая себя слишком молодым для роли управителя такой обширной страны, как Авария, он сам добровольно допустил заместить себя соседним ханом мехтулинским Ахметом. Будучи преданным России, он мужественно отстаивал ханство от всех притязаний Шамиля до 1840 г., когда, по проискам Ахмет-хана, он был заподозрен в сношениях с Шамилем.

И вот его, гордого и именитого аварца, верой и правдой служившего России, приказано было заковать в кандалы и под конвоем доставить в Темир-Хан-Шуру. Это было неслыханным позором для родовитого горца. Во время препровождения ему удалось бежать в аул Цельмес, откуда Хаджи-Мурат и начал письменные переговоры с своим недавним врагом Шамилем, предлагая ему свою службу. Шамиль, потерпевший поражение под Ахульго и зная, каким влиянием пользуется Хаджи-Мурат среди аварцев, с радостью принял его предложение, так как с переходом Халжи-Мурата на сторону Шамиля дело мюридизма меняло свой характер в Аварии, а власть Шамиля получала новый блеск и распространение. Чего не могли сделать долготлетние усилия Шамиля, то сделало влияние одного человека – Хаджи-Мурата. Потеряв из сферы влияния Аварии, русские окончательно потеряли свое влияние над Дагестаном, что отдалило покорение Кавказа на несколько лет и потребовало новых усилий.

К концу 1840 г. весь край между Сунжею и Андийским Койсу и почти все пространство за этою рекою до Аварского Койсу признало Шамиля своим неограниченным властелином. В течение осени и зимы шайки горцев прорывались за Сулак и производили грабежи под самую Темир-Хан-Шурую. Это вызвало усиление войск Кавказской линии 14-й пехотной дивизией.

Дальнейшие действия Шамиля. Граф Воронцов. Экспедиция в Дарго и ее последствия

Для обеспечения линии вообще для усмирения волнений к маю 1841 г. были собраны 4 отряда: дагестанский — в Темир-Хан-Шуре под начальством корпусного командира, генерала Головина (12¹/₂ батальона, 2 эскадрона и 32 орудия), чеченский — в крепости Внезапной под начальством генерала Граббе (12¹/₄ батальона, 3 сотни и 30 орудий), назрановский — под начальством генерал-майора Пирятинского (4 батальона, 2 эскадрона, 2 сотни и 5 орудий) и, наконец, лабинский отряд — в Прочном Окопе под начальством генерал-лейтенанта Засса (8 батальонов, 1 тысяча линейных казаков и 10 орудий).

15 мая Головин, двинувшись через селение Хубары к Черкею, рассеял скопище Шамиля и в тот же день вечером занял Черкей, где тотчас же приступил к возведению Евгеньевского укрепления. Шамиль бросился в аухское общество и занял там аул Кишень. Граббе, занявший 22 мая после незначительной перестрелки селения Юрта-Аух и Акташ-Аух, по непонятной причине оставил их, отвел свой отряд на Терек и сам уехал в Ставрополь. Тогда Головин с половиной своего отряда двинулся в Кишень-Ауху и после упорного боя занял его 7 июня. В сентябре 250 семейств ауховского общества были переселены в деревню Андреевскую и окрестные кумыкские селения.

Конец 1841 г. ознаменовался постройкой ряда укреплений как на левом, так и на правом фланге Кавказской линии. Между Кубанью и Лабой были построены четыре станицы: Вознесенская, Лабинская, Чамлыкская и Урупская, каждая в 200 семейств линейных казаков, образовавших Лабинское линейное казачье войско.

Племена, жившие по реке Лабе, удалились на реку Белую и оттуда стали тревожить нас своими набегами.

Несмотря на усиление кавказских войск и постройку ряда укреплений, в течение 1841 г. мы не достигли никаких успехов. Власть Шамиля росла вместе с его смелостью, и в ноябре он произвел набег на Кизляр, захватив, кроме ог-

ромной добычи, 1 пушку и на обратном пути одержал верх над генерал-майором Ольшевским, хотевшим пересечь ему отступление.

1842 г. начался с недоразумений, возникших между генералом Головиным и Граббе, который добивался полной независимости действий и вышел совсем из подчинения корпусному командиру, что ставило последнего в неловкое положение, вызывая лишь пререкания.

Опасаясь вторжения Шамиля через Гимры в шамхальские, а через Гергебиль в мехтулинские владения, Головин отправил в Темир-Хан-Шуру подкрепления и назначил командовать там войсками генерал-лейтенанта Фези. Прибыв в начале февраля в Шуру, Фези тотчас же приступил к действиям против Гергебиля, который и занял с боя 20 февраля. Шамиль был вынужден перенести свою деятельность на юг и, пользуясь отсутствием русских войск в южном Дагестане, занял Кумух. Но 12 мая после поражения, нанесенного горцам при деревне Шаурклю отрядом князя Аргутинского-Долгорукова, Кумух был очищен.

К половине мая в распоряжении Граббе на левом фланге было 12 батальонов, 350 казаков, 32 орудия и 150 человек милиции, и ему же был подчинен находившийся в северном Дагестане отряд Клугенау, состоявший из 11½ батальона, 350 казаков, 20 орудий и 2 сотен милиции. Граббе была предоставлена полная свобода действий в этой части Кавказа.

Между тем в это время Шамиль, собрав до 15 тысяч горцев, вторгнулся с ними в казикумухское ханство и окружил в Кумухе незначительный отряд Аргутинского. Последний, пользуясь разделением сил неприятеля, разбил его по частям и энергично преследовал. Шамиль принужден был бежать, но скоро оправился по причине бездеятельности Граббе.

Выступив 30 мая из Герзель-аула, Граббе с 10-тысячным отрядом и 24 орудиями двинулся левым берегом реки Акся на деревни Шауни и Дарго. При отряде было множество повозок и 3 тысячи лошадей, что сильно затрудняло движение через дремучие леса Ичкерии.

По мере движения вперед препятствия увеличивались, стали встречаться завалы, и отряд в течение 2 дней не имел

воды. При упорной обороне горцев число раненых сильно возрастало. В три дня войска прошли только 25 верст, и Граббе, убедившись, что дальнейшее движение почти невозможно, 2 июня приказал отступить по той же дороге, по которой пришел, а 4 июня в весьма плачевном состоянии вернулся в Герзель-аул, потеряв 66 офицеров, более 1700 нижних чинов, оружие и почти все боевые и продовольственные припасы.

Экспедиция Граббе к селению Игали в конце июня также была неудачна. Простояв там двое суток и будучи не в состоянии овладеть переправой на Андийском Койсу, в ночь с 28 на 29-е Граббе отступил обратно в селение Цатаних, потеряв 11 офицеров и 275 нижних чинов. После этой неудачи войска дагестанского и чеченского отрядов обратились к усилению укреплений и улучшению дорог в Аварии.

В 1843 г. в Дагестане разыгрались события, которые заставили русское правительство обратить исключительное внимание на покорение главным образом Восточного Кавказа. Мюридизм сплотил все общества Дагестана, составил из них одно целое, готовое до фанатизма бороться за свою независимость. Император Николай I поручил генералу Головину принять более прочную систему к утверждению нашего владычества на Кавказе. Ему вменялось в обязанность постепенное овладение плоскостями посредством устройства укреплений при выходе из ущелий, проложение удобных дорог и сосредоточение всех свободных войск для наступательных действий в важнейшем пункте, оставаясь в прочих в наблюдательном положении.

Устроив свою резиденцию в Дарго, Шамиль все лето 1843 г. организовывал свое ополчение. С окончанием же полевых работ, когда горцы освободились, Шамиль решился снова перейти в наступление. Прибыв в селение Дылым, в 10 верстах от крепости Внезапной, Шамиль стянул сюда огромные массы пеших и конных горцев. Намерения имама не были известны никому, а потому приходилось ждать его на всех пунктах.

27 августа Шамиль с толпою до 10 тысяч неожиданно появился перед унцукульским укреплением, обложив его.

Поспешивший на помощь Унцукулю полковник Веселицкий погиб почти со всем своим отрядом — было убито 10 офицеров, с Веселицким во главе, и 477 нижних чинов, спаслись лишь несколько человек.

После овладения Унцукулем горцы направились к селению Харачи. Попытка Клугенау выбить неприятеля из селения Харачи не увенчалась успехом, тогда явилось опасение за сообщение наших главных сил с Темир-Хан-Шурую. Положение Клугенау было очень трудное: в его распоряжении было не более 1220 штыков с 4 орудиями, а между тем ему предстояло или бросить Аварию и сохранить свои сообщения с Шурую или пренебречь сообщениями, сосредоточиться в Аварской долине, чтобы обеспечить за нами центр гор. Клугенау избирает последнее. Оставив небольшой отряд для защиты селения Цатаныха, Клугенау перешел в Хунзах.

В начале сентября Шамиль последовательно овладел рядом укреплений, находившихся на наших сообщениях. Отряд Клугенау, находившийся в Хунзахе, оказался отрезанным со всех сторон и окружен скопищем Шамиля. В таком, почти безвыходном, положении Клугенау обратился за помощью к начальнику самурского отряда князю Аргутинскому, который в это время находился на правом берегу реки Кара-Койсу у урочища Гудуль-Мейдан.

Выступив 12 сентября, князь Аргутинский у селения Гочатля потеснил скопище мюридов, бывших под начальством Хаджи-Мурата, и 14 сентября в 4 верстах от Хунзаха соединился с отрядом Клугенау. С прибытием Аргутинского силы отряда возросли до 4 тысяч штыков, 1760 сабель и 17 орудий. Преследуя отступивших мюридов, Клугенау имел несколько незначительных стычек с горцами, в частности успешных, но положение его оставалось тяжелым, отряд был совершенно отрезан от Темир-Хан-Шуры, а между тем брожение среди горцев не ослабевало. Ввиду такого положения дел, корпусный командир распорядился отправить все свободные войска с Кавказской линии в северный Дагестан. Начальником этих сил был назначен генерал-лейтенант Гурко, которому было поручено отправиться в Шуру, восстановить сообщение с Аварией и оказать помощь отряду Клугенау.

В распоряжении Гурко было только 2 батальона с 4 орудиями, представлявшие единственный резерв всего края. Гурко решил выждать подкреплений, но в то же время, предполагая открыть сообщение с Аварией через Балаханское ущелье, разрешил Кругену двинуться к зырянской переправе.

Оставив с Хунзахе $2\frac{1}{2}$ батальона с 2 горными орудиями, Кругену двинулся в Балаханское ущелье и 27 сентября прошел его, прогнав небольшую партию мюридов, преграждавших ему путь. Оставив для защиты ущелья князя Аргутинского с 4 батальонами и 11 орудиями, Кругену с остальными войсками 28 сентября прибыл в Темир-Хан-Шуру.

Между тем Шамиль сосредоточил огромное скопище у селения Дылым и 30 сентября появился у деревни Андреевой, в которой находились всего 1 батальон Кабардинского полка и полковая учебная команда. Три раза произведенная Шамилем атака была отбита благодаря энергичным действиям полковника Козловского. Шамиль отступил к Акташ-Ауху.

Но уже 28 октября многочисленные толпы, предводимые Шамилем, показались на высотах перед Гергебилем. Укрепление было занято 300 нижними чинами Тифлисского полка с 5 орудиями под начальством майора Шаганова. В течение 6 дней горцы много раз пытались взять укрепление штурмом, но были отбиваемы. Утомленный непрерывным боем гарнизон, понеся значительные потери, решил оставить верхнее укрепление, заложив мины. Под офицерским флигелем и казармой были закопаны 4-пудовые бочонки с порохом. В ночь на 3-е число гарнизон перешел в нижнее укрепление, перенеся туда имущество и единственный уцелевший единокор. К рассвету у верхнего укрепления остались унтер-офицеры Чаевский, Неверов и рядовой Семенов, державшие провод для запалов. Увидев, что укрепление очищено, горцы бросились в него искать добычи, но страшный взрыв похоронил несколько сотен их. Оставшиеся в живых первое время остолбенели от ужаса, потом бросились на нижнее укрепление, но были отброшены картечным огнем. Около 4 часов пополудни гарнизон Гергебиля увидел блеск штыков на Аймякинских высотах и рассчитывал на скорую помощь.

Действительно, по получении известия о трудном положении Гергебиля, Гурко поспешил к нему на помощь с отрядом около 1600 человек. Но, подойдя к Гергебилю, Гурко увидел невозможность спуститься к нему по единственной тропе, которая обстреливалась с двух сторон неприятелем. Не желая рисковать последним резервом, Гурко в ночь с 5-го на 6-е отступил на Аймякинские высоты и 8 ноября Гергебель был взят горцами, причем большая часть гарнизона погибла.

С падением Гергебиля восстание распространилось по койсубулинским аулам правого берега Аварского Койсу. Обстоятельство это ставило аварский отряд в безвыходное положение, и потому Гурко приказал Кругену оставить Аварию. Находившемуся с отрядом в Хунзахе подполковнику Пассеку было предписано скрыть укрепления и отступить. 16 ноября отряд Пассека выступил, а 17-го занял укрепление Зыряны. Дальше двигаться было нельзя, так как кругом находился неприятель, хотя и державшийся на почтительном расстоянии от укрепления. К 23 ноября Пассек успел устроить 6 редутов, 1 ретраншамент и расположил в них свой отряд, состоявший из 2400 человек.

Испытывая страшные лишения, питаюсь кониной и фунтом сахару в день на человека, в трескучие морозы, без теплой одежды, тревожимый горцами, отряд продержался до 17 декабря, когда к нему на выручку прибыл отряд Гурко. Этим выдающимся подвигом маленького отряда закончился 1843 г. на Кавказе, но в общем результате итоги кампании этого года были крайне неблагоприятны для нас. Неприятель разрушил до основания 12 укрепленных пунктов, власть Шамиля распространилась почти вдвое. В Дагестане мы потеряли почти все, ранее приобретенное, его приходилось завоевывать снова, но уже при более тяжелых условиях, чем тогда, когда мы вступали в эту горную страну.

По получении известия об оставлении нами Аварии, император Николай I повелел вновь назначенному главнокомандующему генералу Нейгардту двинуться в горы, разбить все скопища Шамиля, разрушить все его военные заведения, овладеть всеми важнейшими пунктами в горах и укрепить те из них, занятие которых будет признано нужным.

Для выполнения этого кавказские войска был значительно усилены. Но в течение зимы и весны 1844 г. мы не предпринимали наступательных действий, тогда как Шамиль, ободренный занятием Ава предполагал сделать то же и с шамхальством тарковским. В апреле 1844 г. 5-тысячное скопище горцев вторглось в казикумухское ханство, а Хаджи-Мурат и Мусса Балаханский с толпою в 6 тысяч человек заняли в северном Дагестане селение Кодар. Эти частные успехи горцев не имели, однако, конечного результата. Высылаемые нами отряды всегда одерживали верх над неприятелем, и в особенности сильное поражение было нанесено горцам при селениях Кодаре и Мигри. После этих столкновений наступательные операции Шамиля на время прекратились, но горцы собирались с новыми силами, и 25 мая они вновь стали сосредоточиваться у сел. Кодар, а 2 июня заняли сел. Кака-Шуру. На следующий день большая часть неприятельских сил в громадных массах двинулась к сел. Гилли. Против них был выслан отряд генерала Пассека, в составе 3 батальонов, 4 сотен и 4 горных орудий. Пассек двинулся наперерез неприятелю и атаковал горцев, которые вынуждены были двигаться к сел. Кака-Шура перед нашим фронтом под сильнейшим огнем. Небольшой наш отряд таким образом разбил 27-тысячное скопище горцев. Неприятель потерял до 1 тысячи человек убитыми и ранеными. Последствием этой победы было успокоение шамхальских и мехтулинских владений. Вслед за тем князь Аргутинский предпринял экспедицию в сюргинское общество и нанес горцам несколько поражений, результатом которых было изъявление покорности Сюрги, Каптига и Кубачи.

Однако, несмотря на изъявление покорности этими обществами, власть Шамиля все-таки усиливалась. Он успел сплотить Чечню и дать ей административное устройство. Шамиль продолжал собирать около себя скопища и произвел ряд нападений на наши укрепления. Хотя нужно сказать, что ближайшие аулы Малой Чечни уже тяготились деспотизмом имама и желали перейти в русское подданство при условии, что русские войска не дадут их в обиду Шамилю. Одними из первых были жители селения Гехи в Малой Чечне.

Сознавая, что пример гехинцев может плодотворно подействовать на прочие чеченские общества, Фрейтаг двинулся к сел. Гехи с 6 батальонами, 2 сотнями и 14 орудиями. При этом из Назрана приказано было двинуться полковнику Нестерову с его отрядом на усиление отряда генерала Фрейтага. Нестеров, при приближении к реке Валерику, встретил большое сопротивление со стороны неприятеля. Горцы успели разорвать отряд на две части и поставить его в весьма затруднительное положение. Только появление Фрейтага с 3 батальонами спасло Нестерова от окончательного поражения. Услышав выстрелы со стороны Валерика, отряд Фрейтага бегом направился к месту боя и атаковал горцев.

Заняв Гехи, начальник левого фланга, генерал Фрейтаг, приступил к уничтожению окрестных аулов и продовольственных запасов. Но эти меры не имели решительных результатов. Горцы собирались то в одном, то в другом месте и вызывали необходимость экспедиций. Это привело к необходимости снова утвердиться в Чечне, и с этой целью отряд Гурко 19 августа прошел Ханкальское ущелье и двинулся вверх по реке Аргуни. В окрестностях разоренного аула Чех-Кери он выбрал место и 22 августа заложил укрепление, названное Воздвиженским. Это укрепление, вооруженное 34 орудиями крепостной и полевой артиллерии и снабженное в изобилии продовольственными припасами, составило центр, или опору, предполагаемой новой Чеченской линии.

Наиболее важным событием, имевшим влияние на положение наших дел в 1844 г., была измена нам элисуйского султана Даниель-бека. Не получивший образования, но одаренный от природы замечательными способностями и твердою волею, Даниель-бек принадлежал к уважаемой всеми горцами фамилии, управлял своим народом наследственно и пользовался большим влиянием среди элисуйцев. Даниель-бек считался на русской службе, имел чин генерал-майора и получал от русского правительства жалованье. Преобразования края, коснувшиеся и элисуйского владения, в особенности лишение права на жизнь и смерть своих подданных, не нравились Даниель-беку. Между ним и властями Джаро-Белоканского округа произошел ряд столкнове-

ний, которые окончились переходом Даниель-бека на сторону Шамиля.

В начале июня мирные до того элисуйцы обнаружили враждебные действия, начались разбои партий под предводительством султанских нукеров, толпа мятежников подошла к сел. Гулюк для возмущения жителей. Ближайшие горские общества и почти весь Белоканский округ волновались. Присутствие наших войск до некоторой степени сдерживало население от возмущения, но малейшая наша неудача могла стать сигналом к общему восстанию.

Обстоятельства требовали быстрых и решительных действий. Ввиду этого командовавший войсками в Джаро-Белоканском округе генерал-майор Шварц, с отрядом, силою около 4 батальонов, 2 эскадронов пеших драгун, 150 казаков и 1 дружины пешей милиции, выступил к сел. Гулюк и, пройдя его, вступил в элисуйские владения. Там он был встречен сильным огнем мятежников, атаковал их и принудил их к отступлению. 13 июня штурмовал завалы, занятые толпою около 3 тысяч человек. Неприятель потерял около 400 человек. Весть о нашей победе быстро разнеслась и внесла успокоение в готовые уже восстать Нухинский и Шекинский уезды и Белоканский округ. Позиция, занятая Шварцем при сел. Кахе, совершенно запирала Даниель-бека в горах.

Располагая 6 тысячами вооруженных горцев и рассчитывая на неприступность местности, Даниель-бек надеялся удержаться до прибытия подкреплений от Шамиля. Несмотря на малочисленность своего отряда, Шварц двинулся к Элису. После горячего боя он штурмом овладел и этим укрепленным селением. Наши потери были 12 офицеров и 351 нижний чин; горцы оставили на месте более 500 тел. Даниель-бек бежал. 26 июня в селении Ках было открыто временное управление, а элисуйское владение было переименовано в округ; население обращено в государственных крестьян и приведено к покорности.

На правом фланге действия ограничивались сравнительно незначительными стычками с горцами, на Черноморской же линии 1844 г. ознаменовался геройским отражением значительного скопища горцев от головинского укрепления.

Укрепление это, вооруженное 24 орудиями, имело гарнизон из 2 рот, численностью всего в 377 человек. Ночью 16 июля, за два часа до рассвета, горцы в числе до 6 тысяч человек тихо приблизились к укреплению и бросились на штурм. Между прочим во рву укрепления имелся палисад и были положены доски с вбитыми в них острыми железными гвоздями. Попав на гвозди, передние ряды горцев завалили дно рва своими телами и тем облегчили эскаладу своим задним товарищам. Несмотря на огромное поражение, нанесенное штурмующим картечными выстрелами, неприятель ворвался в укрепление и в темноте ночи бой разбился на несколько отдельных эпизодов.

С рассветом майор Янчин, державший резерв в своих руках, и поручик Завадский с небольшою горстью солдат атаковали неприятеля с такой стремительностью и неожиданностью, что горцы были выбиты из укрепления. Тем не менее они остались вблизи, и гарнизон деятельно готовился к новому штурму. Но прибывшая к утру 17 июля помощь из лазаревского укрепления заставила горцев удалиться.

В общем результаты всех наших экспедиций в 1844 г. были весьма незначительны. Они ограничились лишь покорением Акуши и Цудохара, постройкой же укрепления Воздвиженского было положено начало обустройству передовой Чеченской линии. Но значение наше в горах не усилилось, власть Шамиля не ослабилась и многое из утраченного в предшествующие годы мы не возвратили.

Выступление Шварца в Тлесерухе временно обеспечило Лезгинскую кордонную линию, внес успокоение и среди жителей элисуйского владения. Но в Дидое, Анкратле и северных магалах казикумухского ханства мюридизм развивался все более и более. Весь южный Дагестан, на территории между главным хребтом и Аварским Койсу, был охвачен волнением. Все лезгинские общества, расположенные по левым берегам Сулака и Аварского Койсу, оставались непокорными и высылали бойцов по первому требованию имама. Покорными нам в северном Дагестане были шамхальцы и большинство мехтулинцев. Среди же чеченцев, особенно Малой Чечни, было заметно уже утомление непрерывной

Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский

6-летней борьбой, отрывавшей рабочие руки от полевых работ и вследствие этого вызывавшей повсеместное обеднение населения.

Тем не менее власть Шамиля росла. Причинами такого роста была ненависть к русским и умение имама привязать к

себе бедный класс населения. Система управления Шамиля сплотила многие горские племена в одно целое, и борьба становилась трудной. Система наших действий против враждебных горцев, руководимая из Петербурга, не достигла цели. Необходимо было прислать на Кавказ лицо, облеченное полномочием и доверием для принятия решительных мер на месте. Таким лицом явился назначенный наместником Кавказа граф М.С. Воронцов.

В конце апреля наместник прибыл во Владикавказ, куда стали являться местные жители с изъявлением покорности и с просьбой прислать для их охраны войска. Граф Воронцов приказал генералу Лидерсу с отрядом двинуться из Воздвиженского к Ахшакатай-Гойте. Но по всему пути следования никто не явился с покорностью, а напротив, во многих местах встречали выстрелами. Тогда было решено послать экспедицию в Дарго, местопребывание Шамиля, чтобы там его поразить.

Для этой экспедиции предназначались два отряда: чеченский (13 батальонов, 14 сотен, 28 орудий) под начальством генерала Лидерса и дагестанский (10 батальонов, 3 сотни, 18 орудий) под начальством генерал-лейтенанта князя Бебутова. Дагестанский отряд 29 мая от Темир-Хан-Шуры перешел к аулу Гертме, где 3 июня соединился с чеченским отрядом. Наступление обоими отрядами предполагалось произвести через Гумбет и Андию.

Неприступность местности, необыкновенно крутые подъемы и спуски с множеством завалов из больших бревен замедляли движение отрядов. 14 июня чеченский отряд занял селение Анди и пространство до аула Гагатль, а дагестанский отряд стал лагерем за Гагатлем. До 18 июня войска действующего отряда оставались на занятых позициях и испытывали большие лишения. При трудной проходимости дорог значительное число лошадей пало, транспорты уменьшались и доставляли весьма мало продовольствия. Многие части по два и четыре дня не имели сухарей.

Обеспечение сообщений ослабило боевую численность войск, и оба отряда, соединенные в один, были подчинены генералу Лидерсу, а князю Бебутову было поручено отправиться в Темир-Хан-Шуру для принятия мер к обеспечению

и безостановочному снабжению экспедиционного отряда всем необходимым.

За выделением промежуточных и боковых отрядов, в распоряжении главнокомандующего оставалось 11 батальонов, 3 роты стрелков, 2 дружины пешей милиции, 4 сотни казаков, 9 сотен милиции и 10 орудий, всего 9500 человек. С этими силами Воронцов 6 июля двинулся по дороге в Дарго, направляясь по хребтам правого берега Аксяя. На 14-й версте от аула Гагатля дорога входит в дремучий ичкеринский лес и этим лесом тянется версты три. Недалеко от опушки леса отряд остановился для отдыха. Неприятель, видимо, готовился к обороне, и спуск к Дарго оказался прегражденным 27 завалами из толстых бревен.

Прибыв к авангарду, Воронцов приказал начальнику его, генералу Белявскому, спуститься в долину Аксяя и овладеть аулом Дарго. С большим трудом двигались солдаты по наклонному более 45° спуску, тянувшемуся на протяжении версты и, несмотря на отчаянное сопротивление горцев, 6-го же июля заняли Дарго.

Граф Воронцов ожидал, что с занятием резиденции Шамиля население изъявит покорность. Но в действительности чеченцы готовились к новому сопротивлению, так как отлично сознавали, что русскому отряду нет отступления и он должен погибнуть в ичкеринских лесах. На пути в Андию горцы повсюду устроили завалы. Таким образом, транспорты с продовольствием не могли достигнуть отряда, расположенного в Дарго. Для того чтобы взять припасы, была послана почти половина отряда навстречу транспортам. Солдаты должны были наполнить ранцы продовольствием и принести его для отряда, а транспортные повозки — следовать обратно. Эта экспедиция, прозванная сухарною, обошлась нам весьма дорого: были убиты 2 генерала, в том числе Пассек — один из выдающихся кавказских генералов, 17 офицеров и 537 нижних чинов, ранено 32 офицера и 738 нижних чинов. Кроме того, пришлось бросить в лесу 3 единорога.

Из-за недостатка продовольствия и невозможности двинуться в Андию, Воронцов решил пройти к Герзель-аулу, где должен был находиться отряд Фрейтага и до которого было

не более 40 верст. 12 июля все тяжести были уничтожены, даже палатки сожжены или разорваны на портянки, и 13 июля отряд двинулся на сел. Цонтери. Положение отряда с каждым днем становилось более критическим. Число раненых и больных росло. Вьючных лошадей не хватало на их перевозку, продовольствие уменьшалось. По прибытии к селению Шаухал-Берда Воронцов приказал уничтожить излишние лафеты и зарядные ящики, чтобы освободившихся лошадей отдать под больных и раненых. При отряде оставалось всего 2 легких и 6 горных орудий. В таком положении главнокомандующий решил дожидаться в Шаухал-Берда прибытия отряда Фрейтага, который и прибыл 19 июля.

Даргинская экспедиция, стоившая нам 3 генералов, 28 штаб-офицеров, 158 обер-офицеров и 3321 нижнего чина и необыкновенных усилий со стороны всех чинов отряда, дала совершенно отрицательные результаты. Был потерян год кампании, стоивший значительных денег и людей, и не подвинулись в смысле покорения Кавказа ни на один шаг вперед. Горцы же приобрели уверенность в своих силах и надежду отстоять свою независимость.

Еще раз в этом случае подтвердилось, что система отдельных экспедиций вглубь Дагестана не может привести к его покорению, и необходимо снова вернуться к намеченной Ермоловым системе, то есть к постепенному овладению и окружению горцев. Для этого необходимо было прежде всего занять плоскости и предгорья Большой и Малой Чечни. Первым шагом для этого было устройство в лесах просек. 4 декабря Фрейтаг выступил из крепости Грозной и приступил к устройству просек в гойтинском лесу. К 20 декабря широкая полоса леса, отделявшая урочище Начхой-Каж от Аргунской долины, исчезла, и неприятель не мог уже нам вредить при проходе наших войск через гойтинский лес.

Неудача Даргинской экспедиции не прошла бесследно, и граф Воронцов на опыте убедился в бесполезности наступательных действий, не связанных общим планом постепенного занятия страны.

Потерянные нами укрепленные пункты, разбросанные от реки Самура по Казикумухскому и Аварскому Койсу, то есть

от укрепления Ахты до аула Цатаных, имели важное стратегическое значение. Они прикрывали средний Дагестан и не позволяли неприятелю вторгаться в покорные нам владения. С переходом этих пунктов во власть Шамиля эти владения находились под ударами скопищ пророка. Чтобы защитить страну и устроить возможно лучшее сообщение с средним Дагестаном, Воронцов приступил к устройству военно-ахтинской дороги, от селения Шин через гору Большой Салават.

В 1847 г. дорога эта была проведена на 40 верст. Кроме этой дороги Воронцов признавал необходимым возвести укрепление в Гергебиле и занять один пункт у селения Руджи для подвижных резервов и для склада боевых и продовольственных припасов. С этой целью предполагалось составить два отряда: дагестанский – для движения с севера и самурский — с юга, со стороны казикумухского ханства. К ним впоследствии должен был присоединиться вспомогательный лезгинский отряд.

Получив известие о сосредоточении русских сил, но не зная направления наших действий, Шамиль старался привлечь к себе племена, оказавшие нам расположение, каковыми были акушинцы, казикумухцы и другие. Наэлектризовав население, Шамиль стал стягивать к Дарго свое ополчение. Планируя действовать в Чечне, имам принял все меры к тому, чтобы отвлечь от нее наше внимание и заставить сосредоточить его на Дагестане, а сам с несколькими тысячами человек и 7 орудиями двинулся к аулу Шали.

Между тем в начале мая открылась экспедиция по предложенному Воронцовым плану. 6 мая князь Бебутов выступил из Дженгутая к Гергебилю с отрядом в 4 батальона, 8 орудий, 1½ сотни казаков, командой саперов и конною милицией, на другой день в селении Оглы к нему присоединились 2 батальона ширванцев. 10 мая Бебутов подошел к Гергебилю, но, убедившись в невозможности овладеть этим аулом открытой силой и устроить блокаду, отступил. 25 мая в дагестанский отряд прибыл Воронцов с 2 батальонами самурского полка. 1 июня, по получении известия о движении самурского отряда с Турчидага, дагестанский отряд вновь двинулся к Гергебилю.

Аул Гергебиль, упиравшийся с северо-запада к отвесным недоступным скалам, был сильно укреплен внутри и обнесен высокою стеною с амбразурами; две башни и одна укрепленная сакля фланкировали¹ местность перед стеною.

В ночь с первого на второе июня были заложены батареи, которые тотчас же по окончании открыли огонь и к вечеру 3 июня пробили брешь в исходящем углу стены аула. Предполагая незначительность гарнизона Гергебиля, граф Воронцов 4 июня решил штурмовать аул двумя колоннами, общее начальствование над которыми было поручено генерал-майору Кудашеву. Самурский отряд должен был следить за неприятелем, расположенным на высотах вокруг укрепления. Но двукратно произведенный штурм успеха не имел, отряд потерял 36 офицеров и 581 нижнего чина.

До 8 июня отряд оставался на позиции перед Гергебилем и затем двинулся за Казикумухское Койсу. По отступлении в Ходжал-Махи граф Воронцов намерен был предпринять действия против аула Салты и с этой целью, сформировав особый отряд, 10 июня двинулся к Дюз-Мейдану и 20 июня пришел на Турчидаг. Как бы предвидя цель движения наших войск, Шамиль энергично укреплял Салты.

26 июня отряд подошел к аулу Салты, 28-го — заложены батареи, а 7-го — заложен минный колодезь и подведены минные галереи. При этом обнаружилось, что наш противник хорошо знаком с минной войной и сделал правильную контрминную галерею. 18 августа наши минеры слышали контрминера как раз по направлению галереи. Тотчас же заложен был камуфлет², но неприятель его предугадал и прежде, чем мы успели забить его, горцы просверлили тонкий простенок, разделявший их от камуфлета, и выстрелами из ружей взорвали его. Весь камуфлет обратился в нашу сторону и жертвами взрыва были 1 офицер и 2 минера.

¹ Фланкирование — продольное обстреливание, поражающее цель сбоку, вдоль ее длинной стороны. — *Прим. ред.*

² Камуфлет — минный подземный заряд, взрыв которого не обнаруживается на поверхности земли. — *Прим. ред.*

20 августа в стенах аула были пробиты две бреши. Чтобы теснее обложить Салты и лишить возможности осажденных получать подкрепления, были заняты сады в тылу укрепления и две высоты. Понимая важное значение этих высот, горцы два дня, в течение 22 и 23 августа, отчаянно отбивали их, но безуспешно. После упорной обороны 14 сентября аул Салты был взят штурмом, а 25 августа, разрушив все постройки, отряд двинулся на Цудахар и перешел затем на зимние квартиры.

В ноябре Шамиль сделал попытку напасть на Цудахар, где в это время находился 2-й батальон Самурского полка, но подоспевший на выручку князь Аргунтинский с войсками заставил Шамиля отступить. Аргунтинский преследовал неприятеля до селения Мукархлю, доказав этим зимним походом, что ни сильные морозы, ни глубокие снега не могут остановить русских и, по выражению Суворова, где проходит олень, там пройдет и русский солдат.

Вследствие агитации Шамиля в 1847 г. мюридизм распространился и утвердился в обществах, прилегавших к нашей Лезгинской кордонной линии. Руководитель партий, враждебных русским, бывший элисуйский султан Даниель-бек 1 мая явился в Джурмут с 6-тысячным ополчением, откуда двинул отряды в Мухахское ущелье и к селению Белоканам.

Сильная позиция в Мухахах была важна для нас в том отношении, что прикрывала хлебородные и спокойные энтлойские селения и по центральному положению давала возможность подать помощь в Элисуй и Белоканы. Ввиду этого начальник Лезгинской линии и Джаро-Белоканского округа генерал Шварц, узнав о приближении неприятеля, двинулся прежде всего в Мухахское ущелье, оставил там две роты, а с остальными 5 мая перешел в Закаталы, а оттуда к Белоканам, навстречу неприятелю. Встреча с горцами произошла у селения Рахети, и несмотря на сильную позицию, которую занимал неприятель, горцы были сбиты и рассеяны. 13 мая Шварц двинулся на селение Чардахлы, которое Даниель-бек сильно укреплял. К вечеру этого дня Чардахлы были взяты, и Даниель-бек бежал в горы, а 14 мая депутаты от разных селений явились в лагерь, прося пощады и помилования.

К концу 1847 г. наша деятельность в Дагестане выразилась устройством укрепленных штаб-квартир в Чир-Юрте, Ишкартах и Дешлагаре. В нагорном Дагестане с уничтожением аула Салты было основано укрепление у аула Хаджал-Махи, а занятием укрепленной позиции при Цудахаре положено начало линии по Казикумухскому Койсу. Эта линия обеспечивала прямое сообщение южного Дагестана с северным и запирала неприятелю главнейшие проходы в средний Дагестан.

На предстоявший 1848 г. предполагалось усилить занятые пункты, усовершенствовать дороги, взять Гергебиль и на его месте возвести укрепление. В зиму 1847/48 гг. власть Шамиля сильно пошатнулась, народ роптал на то, что вследствие беспрестанной борьбы с русскими поля оставались необработанными и семейства голодали. Наибы¹ ссорились между собой, обвиняя друг друга. Вследствие этих неурядиц в январе 1848 г. Шамиль собрал в Дарго наибов, главнейших старшин и духовенство и объявил им, что он слагает с себя звание имама. Это неожиданное заявление вновь подогрело остывший было энтузиазм, и представители обязались послушанием не только самому Шамилю, но и его сыну, к которому должно было перейти звание имама по смерти его отца. Шамиль объявил, что ближайшей его задачей будет затруднить нам овладение Гергебилем и затем разорить Казикумух, или верхние селения мехтулинского ханства.

В конце июня 1848 г. к Гергебилю двинулись наши войска, всего 13 батальонов, 24 орудия, дивизион драгун, 4 сотни казаков и милиция, двумя колоннами, левая — под начальством генерал-майора Бриммера и правая, более сильная, — князя Аргутинского.

С прибытием наших войск почти со всех сторон стали стекаться к Гергебилю партии горцев, и прежде других прибыл Хаджи-Мурат с 600 человек и 2 орудиями. 24 июня с занятием садов, находящихся в тылу аула, Гергебиль был обложен, и началась правильная осада. После усиленного

¹ Наиб — в Турции наместник султана, а также звание помощников судьи и муллы. — *Прим. ред.*

бомбардирования 6 июля ночью горцы оставили аул и разбежались в разные стороны.

Окончательно разрушив Гергебиль, Аргутинский решил отступить, но, желая предупредить назойливое преследование горцев, он приказал на пути отступления заложить шесть мин и один камнеметный фугас.

15 июля отряд отступил. Заметив это, находившийся на левом берегу реки Койсу неприятель бросился преследовать наши войска, но лишь только он вступил в полосу заложенных мин, как они были взорваны и значительное количество неприятеля уничтожено. С уничтожением Гергебиля неприятель лишился пункта, из которого он постоянно устремлялся на Даргинский округ и на мехтулинское ханство. Для лучшего прикрытия последних началось укрепление у селения Аймяки и разработка наиболее необходимых дорог.

К началу сентября у Шамиля собралось вновь до 12 тысяч человек и 3 орудия, и он решил напасть на укрепление Ахты.

Занимавший весьма важный пункт — селение Борч, генерал Бюрно 13 сентября отступил за гору Салават в Шинское ущелье и таким образом связь между войсками восточного Дагестана и лезгинского отряда была прервана. Неприятелю открывался путь в Нухинский уезд и представлялась полная возможность действовать вниз по реке Самуру, не опасаясь за свой тыл. Воспользовавшись этим, Шамиль с 15-тысячным скопищем обложил укрепление Ахты, геройская защита которого составляет одну из блестящих страниц в истории кавказских войн. Гарнизон укрепления состоял всего из 500 человек. Начальник гарнизон полковник Рот, давно известный своей храбростью и стойкостью, решил не сдаваться, но он был ранен в первый же день осады и начальствование над гарнизоном перешло к только что прибывшему перед тем с ротой Ширванского полка капитану Новоселову. С виду тщедушный и слабый, Новоселов явился в дни осады ахтинского укрепления примером неустрашимости, силы воли и энергии.

Расположенное на правом берегу Самура укрепление Ахты состояло из 5 фасов, соединенных между собой

5 батареями, каждая на 2 орудия. Самая сильная сторона была южная, самая слабая — северная, обращенная к Самуру. Неприятель тесным кольцом окружил укрепление и открыл сильный огонь. К вечеру второго дня осады, 15 сентября, гарнизон лишился 20 убитыми и 32 ранеными. Полковник Рот, находившийся вследствие раны в постели, собрал к себе всех офицеров и просил их не сдаваться, а взорвать укрепление на воздух и к этому подвигу подготовить людей.

Около полудня 16 сентября неприятельский снаряд попал в пороховой погреб и взорвал его. При этом взрыве погибли 1 офицер и 30 нижних чинов. Кроме того, взрыв произвел сильные разрушения в стенах и постройках укрепления. Но горцы, ошеломленные взрывом, не успели им воспользоваться, так как капитан Новоселов немедленно же завалил образовавшиеся бреши кулями муки, а на попытки горцев броситься на штурм отвечал картечью. Уже 6 суток гарнизон оставался без сна, горячей пищи и с ограниченным запасом воды. Площадь была завалена грудями убитых, для погребения которых не было ни средств, ни времени. Разрушенные казармы не вмещали в себя раненых; женщины и дети, оборванные и голодные, искали спасения между убитыми и ранеными лошадьми, сухарей было недостаточно. В этих условиях штабс-капитан Бучкиев в сопровождении двух самурских беков вызвался отправиться к князю Аргутинскому с просьбой о помощи. Осадные работы неприятеля продолжались. Гарнизон терпел страшные лишения, и люди обессили настолько, что караульную службу частью несли женщины. Работа неприятеля близилась к концу, а о помощи не было никакого слуха. Полковник Рот отправил еще двух охотников к Аргутинскому. Офицеры решили взорвать укрепление, и солдаты, с восторгом узнав об этом решении, сознательно готовились к смерти.

Между тем князь Аргутинский шел с отрядом без отдыха, спеша на помощь осажденным. В селении Курах к нему явился штабс-капитан Бучкиев, переодетый татаринном, и сообщил о тягостном положении гарнизона.

Несмотря на утомление отряда, Аргутинский немедленно двинулся прямо через горы и 18 сентября появился на

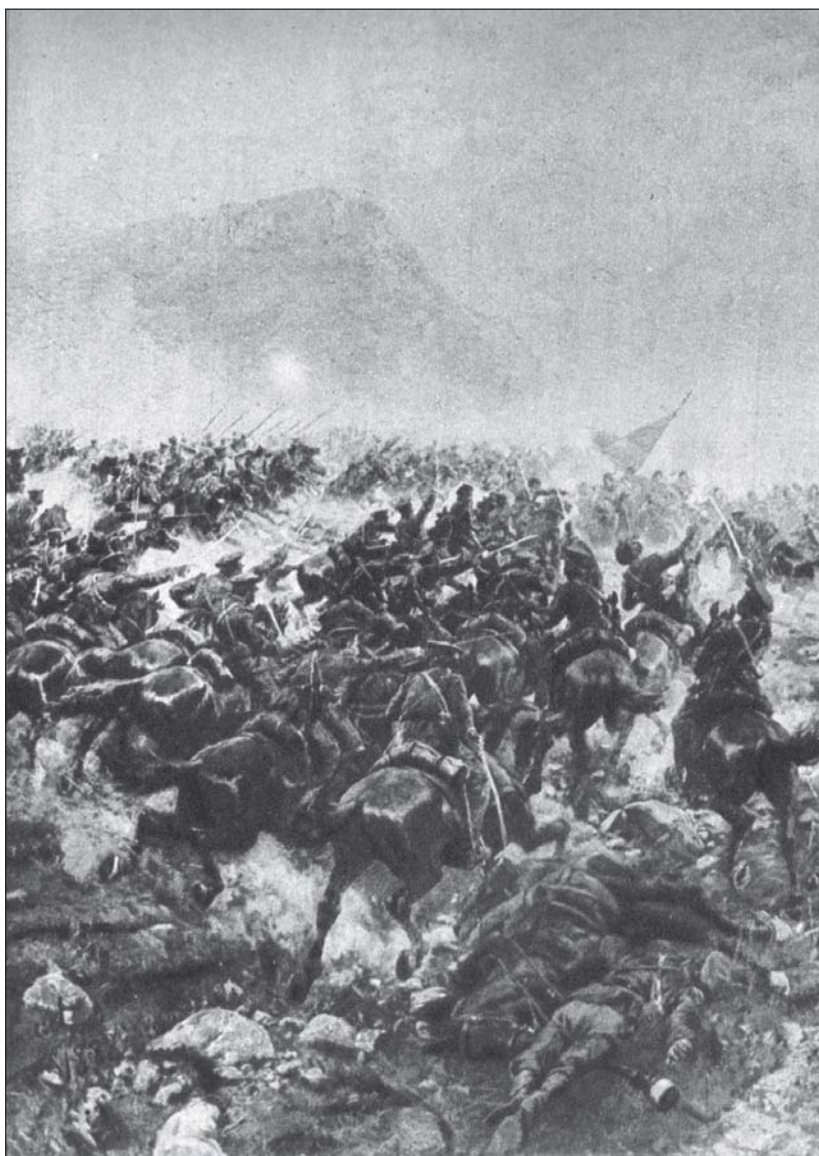
отвесных возвышенностях правого берега Самура. Блеск русских штыков на горах обрадовал гарнизон укрепления Ахты, но радость была непродолжительна. Выдвинув вперед ракетный взвод, Аргутинский выстрелами отогнал горцев от укрепления, но невозможность переправиться через Самур заставила его отступить, обнадежив гарнизон, что скоро прибудет. Прошло, однако, 5 томительных дней, пока подоспел Аргутинский на выручку, и это было вовремя. Через 2 дня по уходе Аргутинского горцы, забросав наполовину ров, пошли на приступ. Осажденные бросали гранаты, брандкугеля¹, зажигали фашинник² в траншеях, но ожесточение неприятеля не имело границ. Даже взрыв части укрепления, переполненной неприятелем, не остановил его. Новоселов был тяжело ранен. Силы гарнизона истощались. Так продолжалось до 22 сентября, когда осажденные заметили, что горцы с лихорадочной поспешностью отступают по направлению к селению Мескинджи. Это они спешили, чтобы задержать Аргутинского.

Аул Мескинджи и окружающие его высоты были сильно укреплены; на защиту его выступили лучшие сподвижники Шамиля: Кибит-Магома, Хаджи-Мурат и Даниель-бек, но князь Аргутинский стремительно атаковал неприятеля и буквально рассеял его. Оставшиеся в селении Ахты горцы, узнав о поражении при Мескинджи, бежали за Кара-Койсу, и 23 сентября геройский гарнизон укрепления Ахты был освобожден. Таким образом, планы Шамиля разрушились. Он обвинял в своих неудачах Даниель-бека и, поссорившись с ним, возвратился в свою резиденцию Дарго. Геройской защитой ахтинского укрепления закончился 1848 г.

Поражение горцев и занятие нами Гергебиля и Салты не убедило горцев в невозможности им бороться с Россией, они не считали себя побежденными, и с весны 1849 г. делают ряд смелых набегов, которые оканчиваются, однако, неудачами.

¹ Брандкугель — зажигательное ядро, сферический снаряд, изготавливаемый из легковоспламеняющихся горючих веществ. — *Прим. ред.*

² Фашины — связки хвороста, употребляемые в том числе в военном деле для наполнения рвов, сооружения плотин и пр. — *Прим. ред.*

Кюрюк-даринский бой 24 июля 1854 г.

Левый фланг Кавказской линии в 1848 г.

которая окончилась поражением горцев под аулом Хупро. Последняя экспедиция, а также отражение генералом Чияевым попытки Хаджи-Мурата проникнуть в Кахетию имели своим последствием изъявление покорности дидойцами и вы-

дачу ими заложников. Но эта покорность продолжалась только до осени следующего года. В начале мая 1850 г. толпа мюридов в 1 тысячу человек напала на селение Белоканы, но была отбита — грузинская милиция и охотники Тифлисского полка бросились на выручку селения. Штабс-капитан Кабулов, видя перед собою отступающего неприятеля, увлекся преследованием и в 9 верстах от Белокан наткнулся на засаду, устроенную муллою Шабаном. Окруженные со всех сторон, охотники и милиционеры дрались отчаянно, но героическое сопротивление их не спасло. 160 человек были убиты или ранены, взяты в плен. Кабулов изрублен, не многим удалось спастись и дать знать в Белоканы об ужасной резне. Из 6 офицеров отряда возвратился только один, да и тот весь израненный.

Происшествие это случилось перед объездом Лезгинской линии графом Воронцовым, который остался недоволен этим случаем и сделал выговор генералу Чиляеву.

Назначение князя Барятинского. Окончательное покорение Кавказа

По окончании Восточной войны 1853—1856 гг. император Александр II обратил внимание на Кавказ, где столько лет уже длилась война, отвлекая громадные народные силы и средства.

Главкомандующим и наместником на Кавказе в июле 1856 г. был назначен генерал-адъютант князь А.И. Барятинский. В его распоряжение были даны значительные денежные средства и усилен состав войск Кавказского корпуса, переименованного в Кавказскую армию, общая численность которой доходила до 200 тысяч пехоты и конницы при 200 орудиях. В конце октября Барятинский прибыл в Петровск.

Первою мерою нового наместника было разделение обширного и разнородного по своему населению и природе Кавказского края на пять военно-административных отделов, предоставив каждому из начальников этих отделов необходимую широкую самостоятельность в действиях под общим

руководством главнокомандующего. Отделы эти были следующие:

1) Правое крыло Кавказской линии, подчиненное начальнику 19-й пехотной дивизии, генерал-лейтенанту Козловскому. В состав этого отряда вошли бывшие «правый фланг», «центр» и Черноморье с приписанными к последнему морскими средствами.

2) Левое крыло Кавказской линии, подчиненное начальнику 20-й дивизии, генерал-лейтенанту Евдокимову, составлялось из бывшего «левого фланга» и Владикавказского округа.

3) Прикаспийский край, подчиненный начальнику 21-й пехотной дивизии, генерал-лейтенанту барону Врангелю.

4) Лезгинская кордонная линия с Джаро-Белоканским военным округом была подчинена начальнику Кавказской гренадерской дивизии, генерал-лейтенанту барону Вревскому.

5) Кутаисское генерал-губернаторство, из Кутаисской губернии и бывшего 3-го отделения Черноморской береговой линии.

Начальником штаба Кавказской армии был назначен генерал-майор Дмитрий Алексеевич Милютин, участник кавказских войн тридцатых годов и выдающийся офицер Генерального штаба.

Первою целью действий Барятинский ставил овладение Чечнею и Дагестаном, так как осознавал, что с падением Шамиля должна окончиться и вековая борьба наша с горцами. Исполнителем своих предначертаний главнокомандующий избрал начальника левого крыла, генерал-лейтенанта Николая Ивановича Евдокимова, который всю свою службу провел на Кавказе, участвовал во многих походах против горцев, был одно время койсубулинским приставом, в какой должности приобрел уважение дагестанцев за свою храбрость. Отлично знал местные наречия и обычаи.

Основная идея плана покорения восточного Кавказа заключалась как бы в правильной осаде крепости, то есть наши войска и укрепления окружали горцев и ставили их в положение гарнизона блокируемой крепости. Но блокада такой обширной территории была крайне затруднительна и не дала весомых результатов. Поэтому Барятинский, оставив

систему блокады и даже улучшив ее, решил произвести вторжение внутрь самого расположения горцев и при этом с трех сторон.

Так как постройка новых укреплений требовала больших средств, а главное — времени, то Барятинский отказался от них, но вместо этого он потребовал постоянного присутствия наших войск на линии передовых укреплений и непрерывного действия на их границах. Это вынуждало горцев на частый сбор своих сил, что было для них весьма стеснительно, так как постоянно отвлекало от домашних занятий. Войска находились в укрепленных лагерях, которые располагались в различных местах, смотря по ходу военных действий.

План всей операции был рассчитан на 3 года. В первый, то есть 1857 г., было предложено стеснить непокоренные общества и сократить длину блокадной линии. С этой целью было решено окончательно очистить чеченскую равнину и занять аул Аух; со стороны Дагестана занять Салатавию, а со стороны Лезгинской линии произвести усиленное вторжение в земли горцев, соседних с этою линией.

К концу 1857 г. все эти предположения были блестяще исполнены. Занятие Б. Чечни и Салаватии было особенно чувствительно для Шамиля, так как отняло самые богатые части края, служившие житницей для горного Дагестана. На следующий год предстояло разрешить вторую часть задуманного плана, то есть выбрать и подготовить главный путь для наступления.

Наиболее выгодным направлением как по условиям местным, так и политическим являлось вторжение со стороны Чечни. В Дагестане мы встретили бы сопротивление в определенных пунктах, которых нельзя было миновать и которые потребовали бы значительных жертв.

Между тем в Чечне, представлявшей нагорную местность, почти не было мест, где неприятель мог бы удержаться против нашего натиска. Расчистив местность в известных направлениях, по Чечне можно было ходить уже свободно. В политическом отношении можно было, скорее, надеяться на отказ чеченцев от приверженности к Шамилю: 1) потому, что чеченцы менее других были привержены учению мюри-

дизма; 2) стремились всегда сохранить свою личную и общественную самостоятельность от деспотических притязаний Шамиля и, наконец, 3) соседство мирных чеченцев не могло не оказать влияния на увеличение числа приверженцев к русскому управлению.

Для выполнения плана операции решено было идти концентрически со всех сторон, лишив Шамиля средств для сопротивления. Генерал Евдокимов, которому предстояло действовать со стороны Чечни, решил начать утверждение в Черных горах с занятия Аргунского ущелья, 1) потому что здесь пролегал лучший путь наступления, а 2) потому что, заняв ущелье, он отрезал все сообщения Шамиля с Малой Чечней и Западным Кавказом, и, кроме того являлась возможность войти в связь с войсками, действовавшими в Закавказье.

В конце января Евдокимов собрал войска: в крепости Грозной, у укрепления Бердыкель и в крепости Воздвиженской. Для того чтобы отвлечь внимание горцев от наших истинных намерений, делались распоряжения и распускались слухи о движении в Автуры¹. В ночь же на 16 января Евдокимов внезапно и быстро направил свои войска к Аргунскому ущелью, где почти без всякой потери овладел аулом Дагу-Барзаем, лежавшим в углу при слиянии реки Чанты и Шаро-Аргуна. Здесь было построено аргунское укрепление и разработано сообщение с крепостью Воздвиженской.

Укрепившись в Аргунском ущелье, Евдокимов наносит Шамилю целый ряд поражений, которые привели к отказу от него ближайших племен и даже восстанию некоторых из них против имама. Чеченцы поняли, что наступило время сбросить тяготевшее над ними иго Шамиля и при помощи русских избавиться от его необузданного деспотизма. Восстание, начавшееся по реке Шато-Аргуню и в Чантах, быстро распространилось по всей стране и облегчило нам покорение чеченских обществ. К концу августа вся территория между Тереком и Аргунем была уже в нашей власти и для

¹ Вследствие этих слухов Шамиль со своими силами направился в ущелье реки Басса к Автурам.

закрепления ее за нами Евдокимов поспешил построить два укрепления, названные: одно — Шатоевским, а другое, по высочайшему повелению, — Евдокимовским. Оставалось обеспечить вновь занятую часть края проложением дорог, рубкою просек, а также покорением тех отдельных аулов, которые, пользуясь недоступностью местности, пытались еще сохранить свою независимость. К концу 1858 г. все это было исполнено.

Успехи русского оружия и восстание горцев до того смутили Шамиля, что он поспешно удалился в аул Веден и объявил народу, что для него настало время кочевать во главе сподвижников, обрекающих себя на газават. Но власть Шамиля над горскими народами была уже поколеблена. Для окончательного покорения страны нам оставалось только спуститься вниз по Андийскому Койсу.

К началу 1859 г. во власти Шамиля оставалась часть нагорной территории от Аргуны до Салатавии, заключавшей в себе ичкеринские леса, в центре которых находился знаменитый аул Веден, служивший 14 лет резиденцией Шамиля и вследствие этого имевший большое значение в глазах горцев. Занятие этого аула не только наносило сильный нравственный удар могуществу имама, но и открывало нам доступ в андийскую часть Дагестана.

Для овладения Веденем предполагалось действовать дагестанским отрядом и частью чеченского, сосредоточенными в Салатавии, и направить их со стороны Бутурная почти по тому же пути, по которому шел граф Воронцов в 1845 г. Остальные силы левого крыла должны были содействовать общей цели демонстрациями со стороны Аргуны. Неожиданные и блестящие успехи Евдокимова заставили изменить план действий, и чеченский отряд из второстепенного сделался главным.

16 января Евдокимов в ущелье реки Бассы овладел сильно укрепленным аулом Таузенем, находившимся на пути к Веденю, всего в 14 верстах от него. Построив временное укрепление у Таузена и разработав дороги и просеки, Евдокимов в конце января двинулся к Веденю через аул Алистанджи. Пространство между аулами Алистанджи и Веденем,

перерезанное глубокими лесистыми оврагами, представляло на каждом шагу удобные для обороны позиции. Здесь Шамиль сосредоточил свои силы, предполагая упорно обороняться. Но направленная Евдокимовым ночью с 6 на 7 февраля колонна успела обойти все крепкие позиции неприятеля и к рассвету появилась в тылу его главных сил на дороге из Веденя в Анди. Шамиль бросил свои позиции и отошел к Веденю. Наши же войска 7 февраля расположились лагерем в долине Хулхулогу у аула Джан-Темир-Юрт в двух верстах ниже Веденя.

Река Хулхулогу близ Веденя разделяется на несколько рукавов. Аул был расположен на правом берегу левого рукава у самой подошвы гор. Западная и восточная стороны аула, выходявшие к отвесным обрывам оврагов, были укреплены брустверами из плетней и туров¹ и местами усилены палисадом. С северной же стороны были устроены два глинобитных бруствера, удаленных друг от друга на 5 шагов, и между ними проходил блиндированный ход. По флангам брустверов для обстреливания дна рвов, находящихся впереди, были устроены тур-бастионы.

На высотах, окружавших Веден с южной и частью с западной стороны, было построено 6 отдельных редутов весьма сильных профилей с гарнизоном в 500—600 человек каждый. Самый сильный из редутов находился на одной высоте с северным фасом Веденя. Он состоял из 3 отдельных построек, соединенных между собой крытыми ходами, и защищался андийцами. Этот редут составлял ключ неприятельской позиции, так как с его потерей неприятель не имел уже возможности держаться в ауле и ему отрезывался путь отступления.

Число защитников Веденя и редутов состояло из 7 тысяч человек под начальством 14 наибов, подчиненных сыну

¹ Туры — бездонные цилиндрические корзины из кольев, оплетенных хворостом, от 3 до 4 футов высоты и от 2 до 3 футов в диаметре; имеют широкое применение при ночных работах в крепостной войне, т. к. представляют устойчивую опору для возведения крутостей (стен) и всякого рода земляных прикритий. — *Прим. ред.*

Шамиля — Кази-Магоме. Сам же Шамиль со своим скопищем расположился в окрестных селениях и оттуда руководил обороной.

Русские войска, назначенные для овладения аулом Веден, были разделены на 3 колонны. Правая колонна флигель-адъютанта полковника Черткова назначалась для действия против западной окраины аула; средняя колонна генерал-майора барона Розена должна была подойти траншеями на возможно близкое расстояние к андийскому редуту и заложить против него брешь-батарею, наконец, левая колонна генерал-майора Ганецкого должна была обложить Веден с восточной стороны и преградить неприятелю ближайшие пути в Андию и Ичкеррию.

Начатые 17 марта осадные работы 31-го были окончены и все батареи вооружены, на следующий день назначен штурм. Главный удар был направлен на андийский редут как ключ всей позиции. В 6 часов утра 1 апреля по нему был открыт огонь из 24 орудий. Неприятель ответил на это стрельбою со всех редутов, окружавших Веден. Более семи часов длилась взаимная орудийная и ружейная перестрелка из траншей и укреплений. В час дня в главной построике андийского редута была пробита брешь, но Евдокимов приказал продолжать канонаду до 6 часов вечера, желая нанести неприятелю возможно больший урон и овладеть редутом с наименьшими жертвами.

Около полудня на вершине Ляни-Корта показался Шамиль со своей конницей и пехотой, прибывшей из Эрсенея. Проследив с полчаса за успехом нашей канонады, Шамиль отправил пехоту к Веденю, а сам с конницей отправился обратно.

К 6 часам вечера андийский редут представлял груды развалин. Тогда Евдокимов приказал полковнику Баженову с тремя батальонами Тенгинского и Кабардинского полков штурмовать укрепление. В резерве шли два батальона Рязского и Белевского полков под начальством полковника Берхмана.

Ровно в 6 часов взвилась сигнальная ракета, все батареи обратили свой огонь на аул, и войска двинулись на штурм. Тенгинцы бросились с фронта, а кабардинцы, обогнув редут

с тыла, атаковали заднюю построюку. Горцы встретили атаку с необыкновенною стойкостью, но в это время полковник Чертков с куринцами и 2 орудиями двинулся в ущелье левого притока Хулхулогу. Неприятель, заметив это движение, тотчас же оставил аул и стал отступать. В 9 часов вечера загорелся дом, в котором жил Шамиль, а к 10 часам неприятельская позиция совсем опустела, и Веден был занят нашими войсками. Шамиль удалился в Дагестан.

Овладение Веденем подчиняло нам всю Чечню и Ичкерия, а уже 5 апреля чаберлоевцы изъявили полную покорность и подчинение нашей власти. Осталось овладеть Дагестаном, последним убежищем Шамиля.

Разработанный начальником штаба Кавказской армии генералом Милютиным план наступления вглубь Дагестана заключался в следующем: в начале июля должно было начаться одновременное наступление с трех сторон — дагестанским отрядом под начальством барона Врангеля из Салатавии на Гумбет в Аварию, где он должен был войти в связь с чеченским; этот последний, под начальством графа Евдокимова, должен был спуститься из Веденя через Аварское Койсу в Технуцал; лезгинский же отряд, под начальством князя Меликова, должен был из Кахетии двинуться через Богозский хребет и через Дидо и Тушетию идти в средний Дагестан, где войти в соединение с войсками чеченского и дагестанского отрядов у реки Андийского Койсу.

Таким образом, чеченский отряд наступал с северо-запада, дагестанский — с севера и северо-востока и лезгинский — с юга. Перед первыми двумя лежала сильная оборонительная линия реки Андийской Койсу, прочно укрепленная и занятая многочисленными скопищами горцев. Лезгинский отряд находился в тылу этой оборонительной линии, но был отделен от нее обширным и малодоступным горным пространством, где нашим войскам приходилось действовать впервые. По плану операции отряды должны были сойтись против среднего течения Андийского Койсу. Наиболее активная роль выпала на долю дагестанского отряда, которому, как действовавшему по более доступному направлению, предстояло овладеть переправами на Койсу. Между чеченским и

дагестанским отрядами лежал высокий контрфорс, отделявшийся от главного хребта. Сообщение через этот контрфорс возможно было только по двум путям: верхнему — через так называемые Андийские ворота, и нижнему — над рекой. Шамиль укрепил оба эти пути.

14 июля князь Барятинский прибыл в чеченский отряд и 14-го началось общее наступление всех отрядов. Барон Врангель выступил из Мичикова к Аргуани. Обойдя селение по хребту с тыла, дагестанский отряд заставил горцев очистить селение. С высоты у Аргуани открылось расположение скопищ Шамиля. Они теснились у Андийских ворот и по всему контрфорсу, очевидно рассчитывая, что дагестанский отряд будет форсировать здесь перевал. За рекой же никого не было. Было ясно, что со стороны сагрытлохской переправы, где был уничтожен мост, неприятель нас не ждал. Врангель решил не теряя ни минуты воспользоваться этой оплошностью противника. Несмотря на чрезвычайное утомление войск после перехода по горам, Врангель двинул к сагрытлохской переправе генерала Ракусса с 3 батальонами пехоты и 3 сотнями конно-иррегулярного полка для ее захвата. Подойдя к месту переправы, сначала Ракусса, а потом и Врангель убедились, что переправа здесь невозможна, так как горцы, уничтожив мост, испортили и спуски, образовав на левом берегу реки 7-саженный обрыв, на левом же берегу были устроены несколько завалов в виде двух крытых галерей из тесаного камня с бойницами.

Врангель приказал отыскать для переправы другое место, и оно было найдено в полуверсте ниже, но там река имела до 15 сажен ширины. На противоположном берегу находился наблюдательный пост из двадцати горцев, засевших в глубокой и обширной пещере.

Получив приказание во то бы то ни стало устроить здесь переправу, Ракусса решил дожидаться ночи, чтобы под прикрытием темноты приступить к делу. На помощь к нему прибыл батальон ширванцев, 2 горных орудия и 2 полупудовые мортиры.

Лишь только стемнело, к берегу реки были спущены рабочие команды и приступили к постройке ложементов. Всю

ночь войска не смыкали глаз, и к утру готов был уже ряд окопов, в которых засели густой цепью стрелки дагестанского полка и 21-го стрелкового батальона. Против самой пещеры была устроена батарея на 3 орудия, и таким образом противоположный берег находился под перекрестным ружейным артиллерийским огнем.

Шамиль, получив сведения от мюридов о нашем появлении, поспешил отправить помощь сторожевому посту, но эта помощь, встреченная сильным огнем, не смогла добраться до поста, который таким образом оказался отрезанным. Занимавшие этот пост мюриды вышли из пещеры и стали просить пощады. Врангель согласился оставить их живыми с условием, чтобы они прикрепили конец каната, переброшенный на тот берег. Мюриды согласились и на это, но сколько ни старались наши солдаты, перебросить канат не могли. Тогда Ракусса вызвал охотников переплыть реку. Это было безумное предприятие, но тем не менее явилось желающих 6 человек: два юнкера — Агаев и Шпейер и рядовой Сергей Кочетков дагестанского полка, унтер-офицер Моисей Морданов и рядовые Василий Гуськов и Елизар Кочетов 21-го стрелкового батальона. Раздевшись и осенив себя крестным знаменем, все шесть разом бросились в бешено ревущие волны Койсу. Из них только Шпейер и Кочетов переплыли. С их помощью был прикреплен к противоположному берегу канат, по которому на подвешенной люльке было переправлено 40 человек. Эта партия уничтожила сторожевой пост мюридов и таким образом обеспечила переправу, которая производилась по веревочному мосту. К утру 18 июля уже было переправлено 8 рот дагестанцев, и Ракусса двинул их на устроенные горцами завалы. Но оказалось, что горцы, не ожидая нашей атаки, бросили эти завалы, и роты двинулись к аулу Сагрытло, где приступили к восстановлению бывшего здесь моста. Река Койсу имела здесь всего 2 сажени ширины, поэтому мост скоро был построен, и к вечеру весь дагестанский отряд перешел на правый берег реки Койсу, потеряв 4 убитыми и 48 ранеными.

Переправа через реку Андийское Койсу составляет одну из блестящих страниц в истории Кавказской армии.

Фельдмаршал граф Дмитрий Алексеевич Милютин,
начальник штаба Кавказской армии (1856—1859 гг.)

Она давала нам весьма важные выгоды положения, так как обладание правым берегом реки Койсу прорывало линию неприятельской обороны и открывало путь в Аварию, и действительно, после того как 22 июля Ракусса овладел высотами Арактау, аварцы прислали депутацию с изъяс-

лением покорности, на другой день явились гумбетовцы и койсубулинцы.

Для открытия связи с чеченским отрядом, Врангель 25 июля выслал полковника князя Чавчавадзе с Дагестанским конно-иррегулярным полком, который должен был пройти через Аварию и Карату.

Перевалив через хребет Танус, полк оказался в своей родной стране. Жители большими толпами встречали и провожали родственный им полк, к которому присоединилась и аварская конная милиция под начальством своего нового хана Ибрагима Мехтулинского.

Шамиль, только что прибывший в Карату, заметил движение конницы и понял, что аварцы, еще вчера трепетавшие при его имени, теперь идут против него. Ему оставалось только искать убежища в обществах, еще нами не покоренных, и он бежал к Гунибу.

С прибытием Дагестанского полка 27 июля на андийские высоты установилась связь между отрядами Врангеля и чеченским. Узнав от прибывшего на свидание барона Врангеля, что Шамиль направился к Гунибу, который находился против левого фланга дагестанского отряда, князь Барятинский усилил этот последний частью чеченского отряда и сам переехал в дагестанский отряд.

Бегство Шамиля из Караты послужило сигналом для общего отхода от него горцев. С 26 июля по 2 августа почти все горцы нагорного Дагестана изъявили покорность, а 2 августа бывший генерал русской службы и элисуыйский султан Даниель-бек сдал укрепленный аул Ириб с 9 орудиями и 7-го явился с повинной к главнокомандующему.

Между тем лезгинский отряд князя Меликова 18 июля сосредоточился на хребте Бешо над селением Китури. Войскам этого отряда приходилось грудью и железом преодолевать грандиозные скалистые перевалы один за другим. Особенно трудно было коннице, которой в некоторых теснинах и тоннелях приходилось расседлывать и почти протаскивать лошадей. Несмотря на все эти препятствия, Меликов 22 июля занял с боя укрепленный и почти неприступный иланхаевский аул Шаури, находившийся в Дидо,

подчинил все воинственные дидойские селения и, перевалив через Богозский хребет, вошел в связь с дагестанским и чеченским отрядами.

6 августа на вновь занятой позиции чеченского отряда было заложено укрепление, названное Преображенским.

29 июля Шамиль прибыл в Гуниб, всего с 400 мюридов, оставшимися ему верными до конца. Здесь он был встречен своим сыном Магомет-Шефи и жителями и решил упорно защищаться.

Аул Гуниб расположен на горе того же имени, которая представляет собой отдельную громадную высоту, поднимающуюся более чем на 7 тысяч футов над уровнем моря. С трех сторон Гуниб оканчивается почти отвесными скалами и только с восточной между скалами вьется узкая тропа, которая на самой вершине преграждалась каменной стенкой с бойницами и амбразурами, за которыми было 3 орудия. Самый аул был также обнесен стеной с бойницами и имел укрепленную башню. К началу августа войска наши тесным кольцом окружали Гуниб, занимая протяжение до 50 верст.

Желая избежать кровопролития, князь Барятинский предложил Шамилю сдаться, но до 14 августа еще недавний грозный владыка гор не мог примириться с мыслью сложить оружие к стопам главнокомандующего.

14 августа он пошел на переговоры, но скоро обнаружилась их бесплодность. Тогда утром 22 августа Шамилю было послано письмо с требованием определенного ответа: желает ли он мира на условиях, указанных наместником, или нет? Получив отрицательный ответ, Барятинский приказал приступить к осаде Гуниба, назначив генерала Кесслера командующим блокирующим отрядом и начальником инженерных работ.

Войска, блокировавшие Гуниб, были расположены следующим образом: на восточном фланге 1-й и 2-й батальоны ширванцев под начальством командира полка полковника Коновича, на северном фланге 3-й и 4-й батальоны того же полка, батальон грузинских гренадер, 2 батальона самурцев, 5 сотен дагестанского конно-иррегулярного полка и 2 сотни даргинской конной милиции под начальством князя Тархан-

Моуравова; на западном фесе 18-й стрелковый батальон и 2 батальона Дагестанского полка под начальством командира полка полковника Радецкого и, наконец, на южном фесе — батальон самурцев, 21-й стрелковый батальон и 2 батальона Апшеронского полка под общим начальством командира этого полка полковника Тер-Гукасова.

Осмотрев неприятельскую позицию, Кесслер приказал Кононовичу с двумя батальонами ширванцев переправиться на левый берег Кара-Койсу, другими же двумя батальонами усилить отряд Тархан-Моуравова.

Первоначально предполагалось демонстрацией привлечь внимание противника к восточному фесу, а затем ночью атаковать с остальных трех фесов. 23 августа, как только наступила ночь, 1-й и 2-й батальоны ширванцев, невзирая на жестокий огонь неприятеля, подошли на ближайший ружейный выстрел к завалам восточной стороны и расположились за камнями. Были приняты меры, чтобы Шамиль не мог спастись бегством или прорваться сквозь наши ряды.

24 августа Кесслер приказал ночью занять скалистые обрывы гор на всех фесах и окружить неприятеля непрерывным кольцом. Утром густой туман, окутывавший Гуниб-Даг, способствовал дальнейшему передвижению наших войск.

Молча, в гробовой тишине, обутые в лапти или завернув ноги в толстые онучи, обвязанные веревочками, люди двигались гуськом поодиночке по узким тропинкам, переползая местами на четвереньках. Чем выше, тем становилось труднее и опаснее. Малейший звук мог открыть горцам приближение русских, и они завалили быдвигающихся каменными лавинами.

Первыми были замечены охотники Апшеронского полка из отряда Тер-Гусакова. Неприятель открыл по ним огонь, апшеронцы удвоили усилия и, прежде чем Шамиль успел выслать помощь, атаковали завалы. Мюриды защищались отчаянно, но их было мало, так как большинство защитников было направлено к восточному фесу, против которого велась демонстрация колонной Кононовича, и апшеронцы овладели завалами, переколов всех защитников штыками. Появление апшеронцев на Гунибе так пора-

зило Шамиля, что он, отдав приказание собираться к аулу, поскакал туда.

Вслед за апшеронцами поднялись и охотники стрелкового батальона. Мюриды, защищавшие эту часть горы, пораженные внезапным появлением перед собою русских войск, отступили к аулу. Вслед за охотниками поднялись остальные батальоны, и скоро аул был охвачен со всех сторон нашими войсками, остановившимися на ружейный выстрел от него.

В 9 часов утра туман рассеялся, и солнце осветило грандиозную картину двух враждебных войск, стоявших в такой близости, что можно было переговариваться. Генерал Кесслер потребовал от Шамиля безусловной покорности. После некоторого колебания, заручившись обещанием полковника Лазарева, что его не тронут, Шамиль решил выйти. Было 3 часа пополудни, когда Шамиль явился к князю Барятинскому. Подойдя к главнокомандующему, Шамиль поклонился. Князь Барятинский объявил Шамилю, что отправит его в Петербург к государю императору, а теперь будет содержать его как военнопленного в лагере. После чего главнокомандующий поднялся и ушел. Шамиль был отправлен в лагерь, и война на Восточном Кавказе окончилась.

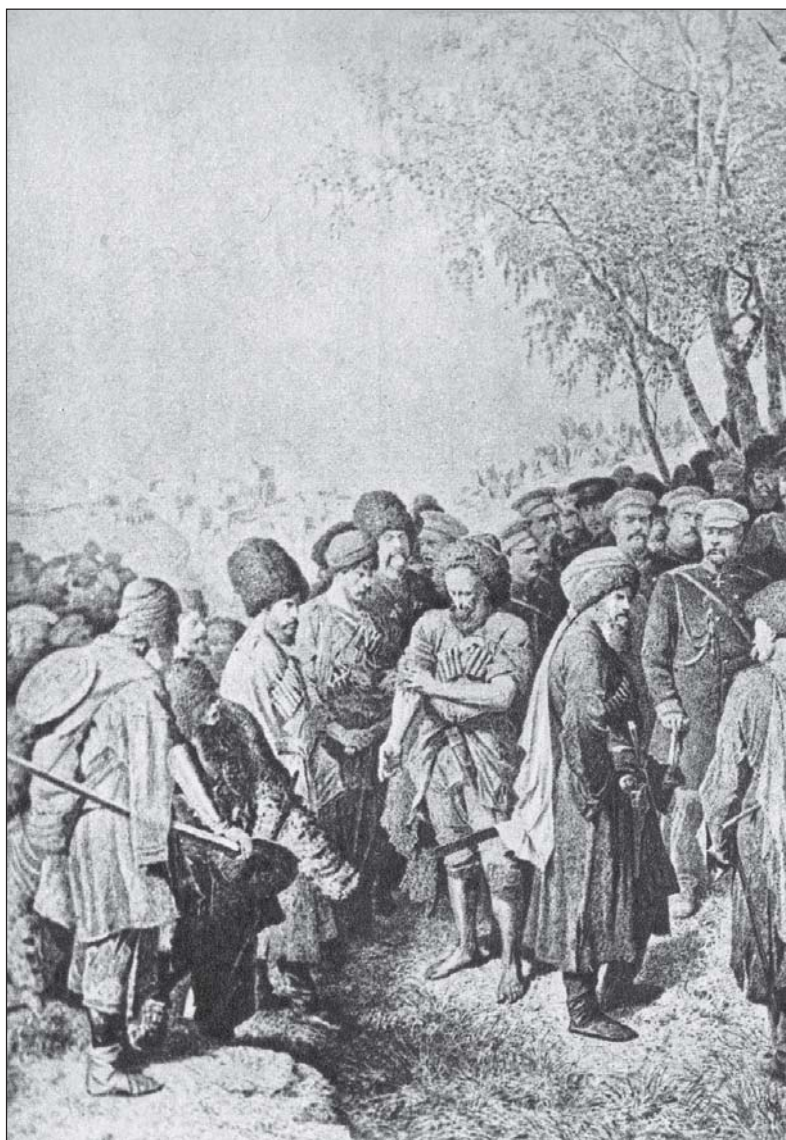
Это важное событие не могло не отразиться на положении дел на Западном Кавказе. Во главе закубанцев с 1849 г. стоял один из сподвижников и агентов Шамиля, шейх Магомет-Аминь, который, будучи отличным проповедником, сумел, подобно Шамилю, объединить горцев Западного Кавказа и дать им административное устройство. Но к 1859 г. большинство закубанцев уже потеряло веру в возможность бороться с Россией. Ввиду этого, узнав о пленении Шамиля, Магомет-Аминь тотчас же явился с изъявлением покорности к командовавшему войсками на правом фланге генерал-лейтенанту Филипсону. Изъявление покорности Магомет-Аминя не могло служить гарантией в прекращении враждебных действий со стороны закубанцев, выражавшихся в непрерывных нападениях на нашу линию и грабежах, а потому необходимо было достигнуть полного подчинения народов, населявших горы Западного Кавказа.

С этой целью тотчас же по покорении Восточного Кавказа в 1859 г. было начато выполнение плана действий, выработанного для утверждения нашей власти на Западном Кавказе. План этот, в силу топографических свойств Западного Кавказа и особенности быта населяющих его племен, отличался от плана действий, примененного в Чечне и Дагестане, и заключался в том, что враждебные нам племена решено было из гор выселить в долины, а оба склона Кавказского хребта заселить казаками.

При выполнении этого плана разрозненный неприятель не в состоянии был оказать серьезного сопротивления, войска не встречали неодолимых препятствий, а потому этот период борьбы за обладание Кавказом скуден выдающимися в боевом отношении событиями. Деятельность войск была не исключительно боевая, а скорее, военно-рабочая, которая потребовала также значительных усилий и жертв, в особенности ввиду свирепствовавших в войсках правого фланга лихорадок.

По окончании действий на Восточном Кавказе начальником правого фланга был назначен генерал-адъютант граф Евдокимов. В его распоряжении кроме 19-й пехотной дивизии были назначены части гренадерской, 20-й и 21-й пехотных дивизий, 3 драгунских полка и казаки. Всего собрано 70 батальонов, драгунская дивизия, 20 казачьих полков и 100 орудий. Несмотря на столь значительное количество войск им пришлось бороться с неприятелем почти 4 года и перенести массу труда и лишений. Выселение закубанцев из гор вызвало массовое их переселение в Турцию, которое русское правительство поощряло с целью удалить из края враждебный нам элемент.

Конец 1859, весь 1860 и 1861 гг. прошли в устройстве просек, дорог и заселении освобожденных от горцев мест без особенных столкновений с жителями. К апрелю 1862 г. вся полоса земли между Лабой и Белой до снеговых гор перешли в наши руки, была заселена переселенцами из России, и войска стали готовиться к наступлению в ущелья, тянувшиеся к юго-западу от реки Белой по течению реки Пшехи.

Пленный Шамиль перед главнокомандующим князем Барятинским в Гунибе 25 августа 1859 г.

В конце сентября и начале октября 1862 г. долины реки Пшехи и Пшиша, служившие житницами для абадзехов, были заняты русскими войсками, аулы выжжены и горцы вытеснены в ущелья левого берега Пшехи. Одновременно с пшехским отрядом, почти параллельно ему, действовал по Курджинскому ущелью даховский отряд под начальством полковника Геймана.

6 декабря 1862 г. наместником Кавказа и главнокомандующим войсками был назначен великий князь Михаил Николаевич. К началу 1863 г. на Западном Кавказе казачьими поселениями было занято: с одной стороны – все пространство от моря до Адагума, а с другой — от Кубани до реки Белой. Оставались непокоренными часть горцев на северном склоне между Белой и Адагумом и мелкие племена, населявшие узкую береговую полосу, каковыми являлись шапсуги, убыхи, джигеты и другие.

К концу лета 1863 г. пшехский отряд, которым в это время командовал генерал-майор Зотов, занял всю территорию от Белой до Пшиша. На южном склоне гор действовал особый джубский отряд под начальством генерал-майора графа Сумарокова-Эльстона. При движении этого отряда горцы не предпринимали никаких неприязненных действий, напротив, общества их одно за другим изъявляли покорность и готовность переселиться на новые места.

Осенью 1863 г., когда почти весь северный и часть южного склона были уже в наших руках, пришлось оставить медленную систему действий и перейти к более быстрой. Причинами к тому были политические затруднения России с Западной Европой, что не замедлило отразиться и на кавказских делах. Возвратившиеся из Константинополя абадзехские старшины привезли с собой письменные увещания горцам не изъявлять покорности русскому правительству с обещанием помощи со стороны Турции в случае возникновения европейской войны.

Ввиду возникавших волнений среди абадзехов граф Евдокимов приказал начальнику даховского отряда, полковнику Гейману, поспешить с окончанием предполагаемых движений, работ и других предприятий. Энергичные действия

Геймана водворили спокойствие среди абадзехов, и им было объявлено, чтобы с 1 февраля 1864 г. они непременно переселились в Турцию. Но, чтобы спуститься к портам Черного моря, им необходимо было проходить через земли убыхов и шапсугов. Последние, сознавая, что с удалением абадзехов с северных склонов гор они одни не будут в состоянии бороться с русскими войсками, решили не пропускать через свои земли абадзехов. Это обстоятельство вынудило нас нанести последний удар жителям южного склона Кавказского хребта, и эта задача выпала на джубский и адагумский отряды, последний под начальством генерал-майора Бабича.

Нужно заметить, что в 1854 г. из-за осложнения наших отношений с Портою, горцы, возбуждаемые турецким правительством и руководимые Магомет-Амином, были готовы напасть на наши укрепления Черноморской береговой линии при первом появлении иностранных судов в водах Черного моря. При таких условиях положение гарнизонов этих укреплений, поставленных между двух огней, становилось безвыходным, а потому было решено Черноморскую береговую линию упразднить, вследствие чего в конце апреля 1854 г. гарнизоны были сняты и укрепления разрушены. Таким образом, в 1863 г. пришлось береговую полосу Черного моря завоевывать вновь и строить там укрепления.

В конце октября адагумский отряд Сумарокова-Эльстона достиг устья реки Джубы. Наступившая зима приостановила дальнейшие действия. Войскам пшехского и даховского отрядов пришлось зазимовать в горах при весьма тяжелых условиях жизни, тем не менее войска продолжали работать по устройству станиц и проведению дорог, облегчая колонизацию края, что и составляло сущность военных действий принятой системы.

С наступлением весны 1864 г. джубский и адагумский отряды были расформированы. Для очищения же южных склонов гор от враждебного нам населения назначался даховский отряд (11½ батальона и 6 горных орудий), которым командовал произведенный в генерал-майоры Гейман. К 18 февраля отряд собрался в верховьях реки Пшиша у укрепления Гойтх, вблизи перевала того же названия.

19 февраля прибыл к отряду начальник Кубанской области граф Евдокимов, и с ним стрелковый батальон Кабардинского полка, дивизион тверских драгун, 3 сотни кубанских казаков и 2 — кабардинской милиции. Получив подкрепление, даховский отряд должен был перевалить через главный хребет к берегу Черного моря. Войскам пришлось двигаться по узкой и трудной горной тропе, имея на себе 6-дневный запас продовольствия. Приходилось раскапывать снег и расчищать едва заметный путь. Люди двигались в одиночку с большим затруднением среди крутых подъемов и спусков под снегом или дождем. Палатки у офицеров и одежда у людей насквозь пропитались дождем и грязью. Чем дальше двигался отряд, тем больше встречалось препятствий. Но, несмотря на все эти трудности, 20 февраля отряд спустился в долину реки Туапсе.

Появление в такое время значительного русского отряда со стороны Кавказского хребта произвело сильное впечатление на горцев, и уже вечером 20 февраля в русский лагерь явились шапсугские старшины с изъявлением полной покорности и с просьбой о беспрепятственном выезде в Турцию.

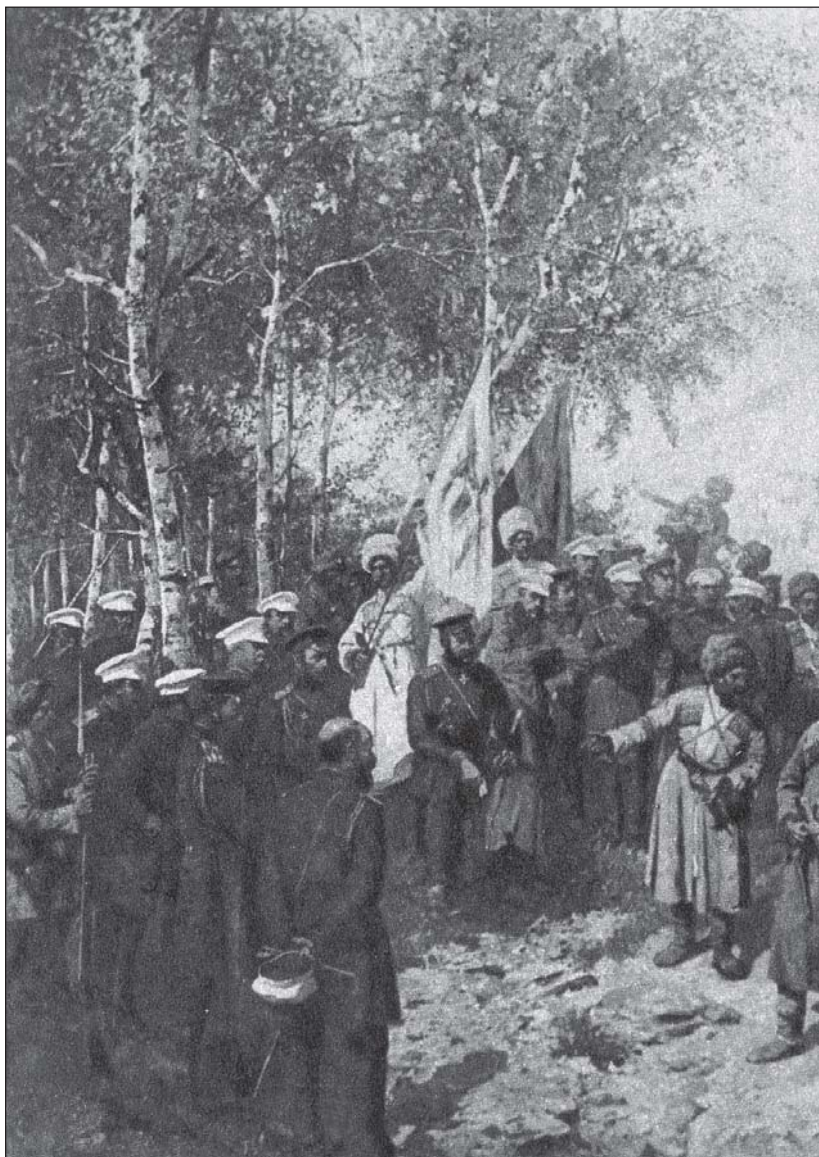
23 февраля отряд занял бывший форт Вельяминовский у устья Туапсе и остался там до 4 марта в ожидании подвоза продовольствия. За это время форт Вельяминовский был восстановлен и от него к укреплению Гойтх на перевале разработана дорога, вдоль которой устроено несколько постов, образовавших Туапсинскую кордонную линию. По окончании этих работ отряд двинулся дальше по берегу моря и 5 марта занял бывший форт Лазарева у устья реки Псезуапсе. На другой день сюда прибыли старшины убыхов, представители последнего серьезного племени, с которым оставалось покончить на Западном Кавказе. Убыхи часто стояли во главе западнокавказских горских племен, но так как они, занимаясь исключительно садоводством, покупали хлеб и скот у соседей шапсугов и абадзехов, то с покорением этих последних положение убыхов стало тяжелое. Старшины убыхов просили генерала Геймана дать им срок для переселения в Турцию. Гейман согласился на это, тем не менее при дальнейшем движении отряда к бывшему Головинскому форту

18 марта убухи пытались оказать сопротивление, но были рассеяны с большою для них потерею. Это было последнее вооруженное сопротивление при покорении Кавказа. Среди самих убухов поднялись горячие споры между сторонниками и противниками войны, причем последние искали нашей защиты и просили поскорее прибыть к ним с войсками для водворения порядка. Поэтому 21 марта генерал Гейман выступил из Головинского форта и 25-го занял бывшее навагинское укрепление при устье реки Сочи. Здесь был устроен пост, названный в честь отряда Даховским. 26 марта прибыли в лагерь с изъявлением покорности джигеты. Их примеру последовали и другие мелкие общества.

2 апреля в форт Даховский прибыл великий князь, наместник Кавказа, объехал войска и принял городских депутатов, принесших полную покорность и просивших дать им возможность переселиться в Турцию. Великий князь дал им месяц сроку, предупреждая что по истечении этого срока на них будут смотреть, как на военнопленных. Затем главнокомандующий приказал войскам продолжать действия с двух сторон: со стороны Кубанской области через главный хребет к верховьям реки Мзымты и Бзыби и из Кутаисского генерал-губернаторства от устья этих рек навстречу первому отряду.

Тотчас по отъезде великого князя даховский отряд занялся устройством кордонной линии. Пешехский же сосредоточился в четырех верстах выше станицы Самурской и 13 апреля перевалил через главный хребет. Таким образом, к концу апреля вся территория от устья Кубани до Сочи по берегу моря и от Лабы до устья Кубани по северному склону гор была совершенно очищена от враждебных нам племен. Оставалось непокоренным лишь общество ахчипсу, населявшее котловину реки Мзымты, замечательную по своей непроходимости, и небольшое племя хакучей, живших в трущобах гор, окружавших котловину Мзымты. По приказанию главнокомандующего на Мзымту были двинуты 4 отряда, причем во главе одного из них стал сам великий князь.

20 мая эти отряды сошлись в ущелье Ахчипсу на урочище Кбаада. Здесь на следующий день 21 мая 1864 г. было

Сдача Шамиля князю Барятинскому 25 августа 1859 г.

совершено молебствие по случаю покорения Западного Кавказа, и в тот же день войска стали расходиться по своим квартирам. Небольшим отрядом в период времени с 15 июня по 18 августа племя хакучей было рассеяно и земля их занята русскими войсками.

Так закончилась вековая борьба за водворение русского владычества на Кавказе. Эта борьба внесла немало блестящих страниц в историю русского воинства и была школой, где проявлялось немало истинных геройств от рядового до генерала включительно, где воспитывались и закалялись военные таланты, составляющие славу и гордость русской армии.

Усмирение Польского восстания 1830—1831 гг.

*Н. А. Орлов,
генерал-лейтенант*

Обстановка перед началом военных действий

Политическая обстановка ♦ Силы сторон ♦ Планы военных действий

В 1807 г. Наполеон основал Варшавское герцогство. Оно не удовлетворило ожиданий большинства поляков, мечтавших о Польше «от моря и до моря» со включением в нее Литвы и Западной Руси. Александр I в 1815 г. на Венском конгрессе оформил присоединение к России Варшавского герцогства под именем Царства Польского и даровал ему конституцию. Польша получила право иметь собственную армию в 30 тысяч. Мало того, деньги на вооружение, обмундирование и продовольствие этой армии отпускались не из казначейства Царства, а из сумм империи.

Мероприятия Александра относительно Польши не встретили сочувствия среди русских. Историк Карамзин высказался даже резко. «Царь, — писал он, — исправляет раздел Польши разделом России; этим он вызовет рукоплескания, но повергнет в отчаяние русских; восстановление Польши будет или разрушением России, или русские оросят Польшу своею кровью и еще раз возьмут штурмом Прагу».

«На одном из смотров, — рассказывает в своих записках Паскевич, бывший тогда проездом в Варшаве, — подхожу к гр. Милорадовичу и гр. Остерману-Толстому и спрашиваю: “Что из этого будет?” Остерман отвечал: “А вот что будет — через 10 лет ты с своей дивизией будешь Варшаву штурмовать”». Предсказание сбылось.

Главкомандующим польской армией назначен цесаревич великий князь Константин Павлович, а заместителем Царства — старый ветеран польской армии генерал Заиончек, действовавший совершенно согласно с великим князем. Между тем пост заместителя питал надежду занять Адам Чарторыйский на таком влиятельном посту достигнуть заветных польских целей. Пораженный неудачей, Чарторыйский занял должность попечителя виленского учебного округа и куратора Виленского университета и со своей матерью, Изабеллой, стал тайным центром всей польской интриги.

Тогда было время масонства, декабристского движения в России, карбонариев в Италии и т. д. Царство Польское и Западный край быстро покрылись сетью тайных обществ. Анархия, царившая в управлении Польши в течение столетий, право конфедераций, как бы придававшее вид законности каждому мятежу, дали известное политическое воспитание нации. Поляки пропитались неизгладимой страстью к заговорам — этим объясняется постоянная их готовность к опрометчивым восстаниям.

Центром революционных идей в Литве были Виленский университет и костелы, а на Украине, Волыни и Подолии — Кременецкий лицей, основанный графом Чацким. Главным пропагандистом в Вильне был талантливый профессор истории Лелевель.

Конечно, все это было известно русскому правительству, но оно или не принимало никаких мер, или меры эти были крайне неудачны. Со времени присоединения Литвы к России ничего не было сделано для ее объединения с прочими частями империи. Когда донесли, что в Виленском университете профессор философии читает лекции в революционном направлении, то приказано было на лекциях присутствовать капитан-исправнику. В 1823 г. Чарторыйского заменили Новосильцевым, а Лелевеля перевели в Варшаву, где он с еще большим удобством предался пропаганде.

Политическое настроение Польши настолько для всех было ясно, что Николай I, уезжая из Варшавы в 1829 г. после коронации как царь польский, сказал императрице, что они были на вулкане, который уже десять лет грозит извер-

жением. Понятно после этого, что взрыв 1830 г. не был неожиданностью, и совершенно наивно утверждать, что революцию сделали подпоручики Высоцкий, Заливский и Урбанасий и школа подпрапорщиков, «сморкачи» (сопляки), как их называл польский военный министр Гауке.

Июльская революция 1830 г. в Париже и августовская в Брюсселе подпила масла в польский огонь. Последним толчком к восстанию послужила высылка польских войск вместе с русскими для подавления революции в Бельгии. С удалением национальных войск исчезла и всякая надежда на успех революции, а потому поляки решили действовать. Таким образом, ради политических мечтаний, несбыточных уже потому одному, что осуществление их затрагивало интересы трех могущественных государств (России, Австрии и Пруссии), заключавших бывшие польские провинции, были принесены в жертву и дарованные уже учреждения и достигнутое под русским владычеством материальное благосостояние страны, сделавшее за 15 лет настолько замечательные успехи, что в казначействе, вместо прежнего постоянного дефицита, была теперь свободная наличность в 66 миллионов золотых (15 к.).

Вечером 17 ноября заговорщики напали на резиденцию цесаревича Бельведер. Великий князь благодаря камердинеру Фризе спасся, а русские войска и часть польских постепенно к нему присоединились и 18 ноября вечером вышли из города.

По признанию самих поляков, восстание легко было подавить в самом начале, но цесаревич растерялся. Он все время твердил, что «всякая пролитая капля крови только испортит дело», и отпустил польские войска, оставшиеся верными (эти превосходные полки присоединились к мятежникам), отступил с русским отрядом через Пулавы к Влодаву в пределы империи и сдал полякам крепость Люблин, имевшую важное стратегическое значение, и большие артиллерийские запасы, и Замостье. Восстание распространилось по всему краю.

Главнокомандующим польских войск был объявлен генерал Хлопицкий, известный ветеран наполеоновских войск,

человек с большими военными дарованиями, любимец войск и народа. 13 января 1831 г. сейм¹ объявил династию Романовых лишённую польского престола. Чарторыйский, ставший открыто во главе революционного правительства, вступил в переговоры с иностранными державами о предоставлении помощи полякам². Расчеты оказались ошибочными. Для Австрии и Пруссии восстановление Польши было опасно, ходатайства Англии и Франции государь отвел, объявив, что считает польский вопрос внутренним; прочие государства не могли проявить никакого влияния.

На призывы Николая к покорности поляки ответили требованием присоединения к царству западных губерний. Борьба становилась неизбежной.

Силы сторон. Поляки. Польская армия состояла из 35 тысяч (28 тысяч пехоты и 7 тысяч кавалерии) при 106 орудиях. Революционное правительство: во-первых, призвало на службу старослужащих солдат и уволенных офицеров — 20 тысяч; во-вторых, объявило набор 100 тысяч, из них 10 тысяч в кавалерию; в-третьих, взяло для кавалерии упряжных лошадей, а потом пришлось брать и крестьянских; в-четвертых, для формирования пяти 8-орудийных батарей взяли гаубицы из Модлина, прусские пушки, оставшиеся со времени господства пруссаков, турецкие пушки и отлили из колоколов 20 пушек; в-пятых, из школы подпрапорщиков³ и из калишского кадетского корпуса сделали усиленный выпуск офицеров, а кроме того назначили на офицерские места шляхтичей⁴, никогда не служивших в войсках, — мера неудачная, ибо служаки были плохие, а как революционеры внесли в армию разлагающее начало.

¹ Сейм — сословное представительное учреждение; представительное собрание в прежней Польше и позже в Финляндии. — *Прим. ред.*

² Прежде, как ни странно, Чарторыйский был министром иностранных дел в России.

³ Подпрапорщик — звание, в которое производились нижние чины, выдержавшие экзамен на прапорщика после прохождения курса в школе подпрапорщиков и оставшиеся на сверхсрочной службе. — *Прим. ред.*

⁴ Шляхтич — польский мелкопоместный дворянин. — *Прим. ред.*

К началу военных действий всего было до 140 тысяч, но в поле можно было выставить 55 тысяч. Действующая армия разделялась на 4 пехотные и 5 кавалерийских дивизий, кроме того, были войска в крепостях и в отрядах, имевшие отдельное назначение. Пехотные полки состояли из 4 батальонов, кавалерийские — из 6 эскадронов; батальоны были сильного состава, гораздо сильнее русских батальонов.

Старые войска были превосходно обучены благодаря неусыпным попечениям цесаревича. Новые — значительно уступали старым по обучению, дисциплине и выносливости. Ошибка заключалась в том, что из старых частей не выделили достаточно сильных кадров, которые придали бы крепость и стойкость новым войскам. Вооружение было хорошее благодаря запасу ружей, накопившемуся в арсенале: цесаревич все мало-мальски попорченные ружья сдавал в русский арсенал, а взамен требовал из империи новые.

Главкомандующим, после отказа Хлопицкого, был назначен князь Радзивилл, не обладавший ни военными дарованиями, ни соответствующим характером, поэтому он находился всецело под влиянием Хлопицкого, приставленного к нему в качестве советника. Однако власть главнокомандующего не терпит никакого разделения, а потому положение, казалось бы, всевластного Хлопицкого все-таки было фальшивым и привело к вреду в сражении при Грохове. Кроме того, Хлопицкий, хотя и обладал всеми данными, чтобы стоять во главе армии, но не сочувствовал восстанию, — отказался от наступательных действий и полагал, что для польской армии можно только приготовить почетную могилу под стенами Варшавы.

Начальником штаба был Хржановский — отличный офицер Генерального штаба. Генерал-квартирмейстер Прондзинский помимо обширного образования как офицер Генерального штаба отличался блеском и смелостью проницательных стратегических соображений.

Хотя среди польских офицеров многие служили в наполеоновских войсках, но там польскими дивизиями обыкновенно командовали французы, а потому среди них во время революции не оказалось достаточно опытных генералов.

Поляки отличались пылкостью атак, равно и стойкостью при обороне. Поляк подвижен, горяч, храбр, предприимчив, но у него нет нравственной стойкости. Порыв свой он считает непреодолимым, но если его постигнет неудача, то наступают малодушие, он падает духом. Кроме того, партийность приносила массу вреда. Любовь к отечеству превратилась с веками в преданность своей партии. Торжество последней стало главной целью — для него готовы были жертвовать интересами государства. Все это вело к разногласию среди высших, разрушало столь необходимое на войне единство.

Русские. Пехотные корпуса (как норма) состояли из 3 пехотных дивизий, по 3 двухполковые бригады каждая, полки из 3 четырехротных батальонов, но третьи батальоны (резервные) оставили в тылу для занятия более важных мест пограничной страны.

Кавалерия: 5 резервных кавалерийских корпусов по 2 дивизии и 10 легкокавалерийских дивизий, по одной при пехотном корпусе. Кавалерийские полки — 6 эскадронов. При каждой пехотной дивизии — 3 роты артиллерии 12-орудийного состава; при кавалерийской — 2 конные роты. Инженерные войска — 11 саперных батальонов, а при гвардейском корпусе и первом резервном кавалерийском — по одному конно-пионерному дивизиону. Ружья частью были плохи, испорчены бестолковой чисткой, с изогнутыми стволами и неисправными замками.

Нисколько не уступая полякам в маневрировании массажи, русские оказались менее подготовленными в одиночных действиях, в застрельщичьем¹ бое и т. п. Щегольством считался частый батальонный огонь в развернутом строю. Система Аракчеева имела вредное влияние на развитие предприимчивости и способности к самостоятельным действиям в начальниках.

В состав действующей армии были назначены: 6-й пехотный корпус (Литовский) Розена; к нему же причислен гвардейский отряд цесаревича; 1-й пехотный корпус Палена 1-го; 3-й резервный Кавказский корпус Витта и 5-й резервный кав-

¹ Застрельщик — солдат в передовой цепи. — *Прим. ред.*

лерийский Крейца; гренадерский корпус Шаховского; гвардейский великого князя Михаила Павловича; 2-й пехотный корпус Палена 2-го. Всего 183 тысячи (из них 41 тысяча кавалерии) и, кроме того, 13 казачьих полков.

Дух войск, однако, был прежний; в эту войну проявились обычные доблести. Во всех столкновениях с неприятелем полки поддерживали старую свою славу и показали свойственные им отвагу и стойкость. Прусский генерал Брандт, бывший тогда при русской армии и хорошо знавший ее, пишет, что русские солдаты — первые в мире. Особенно отличались своими подвигами гренадерский корпус и знаменитые 13-й и 14-й егерские полки. Не таков был дух 6-го (Литовского) корпуса Розена. Много в нем служило офицеров-поляков, участвовавших в тайных обществах, и потому в корпусе замечалось сочувствие полякам, «весь Литовский корпус смотре на Варшаву».

Перед началом военных действий войскам были даны «Правила для наблюдения во время марша, на биваках, на тесных квартирах и в самом бою». Этот полевой устав составлен на основе боевого опыта той эпохи людьми, знавшими войну, а потому имеет большую цену даже и для настоящего времени. К сожалению, тактическая подготовка русской армии под влиянием мастеров плац-парадного дела, не ведавших войны, была далеко не на уровне и не соответствовала основным требованиям «Правил».

При войсках имелось провианта всего на 15 дней и фуража для кавалерии на 12 дней. Пополнение этих запасов было в высшей степени затруднительно, т. к. в стране был неурожай, а жители относились или враждебно, или равнодушно. Прибегали к реквизициям — а тариф назначен был низкий — и жители избегали уступки продуктов. Затупить патриотизм полков можно было только деньгами. Кроме того, при реквизициях не обошлось без злоупотреблений и насилий. Лучшим средством для обеспечения продовольствия было бы надежное устройство перевозочной части армии, но русские рассчитывали покончить с поляками сразу и затем раскинуться на широких квартирах с довольствием от жителей, а потому пренебрегли этой частью. Недоста-

ки в организации продовольствия пагубно отразились на военных действиях.

Главкомандующим был назначен фельдмаршал граф Дибич-Забалканский, 45 лет, с огромными военными способностями, обширным боевым опытом и признанным авторитетом. Однако он в 1831 г. не вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды. Он не всегда проявлял достаточную решительность и задавался слишком сложными комбинациями. После смерти горячо любимой жены у Дибича стали замечать упадок духа и пристрастие к спиртным напиткам. К довершению несчастья Дибича в то время когда русская армия пережила все кризисы, когда важнейшая часть кампании окончилась и неприятель был ослаблен, так что оставалось нанести последний удар и пожать плоды своих трудов, главнокомандующий внезапно скончался от холеры — вся слава досталась его преемнику Паскевичу.

Начальник штаба граф Толь — талантлив, образован, решителен, энергичен, прошел боевую школу Суворова и Кутузова, находился в отличных отношениях с Дибичем.

Планы военных действий. *Поляки.* Около 20 декабря 1830 г. поляки могли собрать около 55 тысяч готовых войск. Между тем со стороны русских был готов только 6-й (Литовский) корпус (38 тысяч, а с отрядом цесаревича 45 тысяч), который барон Розен сосредоточил в двух местах (Бресте и Белостоке), удаленных один от другого на 120 верст. Ясно, что полякам было выгоднее наступать, чтобы разбить русских по частям и захватить возможно больше территории (Литву) для расширения источников комплектования армии и материальных средств.

Хлопицкий, по своим политическим соображениям, не хотел предпринимать никаких наступательных действий и решил: польская армия расположится эшелонами по двум направлениям, ведущим к Варшаве от Ковны и от Брест-Литовска; при наступлении русских — отступить к позиции у Грохова и принять там бой. Считали, что рискованно для прикрытия Варшавы выдвигаться далеко вперед, из опасения быть обойденными и отрезанными от мостов в Праге и

Молине. На Гроховской же позиции нельзя быть окруженным, русские по условия местности не могли развернуть всех своих сил и воспользоваться превосходством, наконец, поляки опирались на обширные источники Варшавы и на Пражский тет-де-пон¹. Однако надо заметить, что позиция поляков по обширности не соответствовала числу их войск, обходилась с левого фланга, а в тылу — большая река с одним мостом.

Согласно этому плану 1-я пехотная дивизия Круковецкого стала на Ковенском шоссе до Сероцка, а кавалерийская дивизия Янковского выдвинулась к Рожану. 2-я пехотная дивизия Жимирского — на Брестском шоссе, имея передовые полки на реке Ливец, а уланскую дивизию Сухоржевского впереди на реке Вепрж. 3-я пехотная дивизия Скржинецкого стала между этими двумя направлениями у Станиславова и Добре. Общий резерв (4-я пехотная дивизия Шембека и три кавказские дивизии) — впереди Варшавы. Для охранения верхней Вислы были назначены отдельные отряды Серовского, Дверницкого, Дзеконского, Казаковского.

Русские. Все предназначенные против поляков силы не могли быть сразу противопоставлены неприятелю. Литовский корпус мог собраться только в конце декабря; 3-му резервному кавалерийскому корпусу (из Подолии) на присоединение к Литовскому требовался месяц; к началу января мог подойти к Бресту 1-й корпус; в начале февраля — гренадерский; в начале марта — гвардейский; в конце марта — 2-й корпус, то есть вся армия — через 3—4 месяца.

К 20 января в действительности было собрано 126 тысяч (из них 28 тысяч конницы); оставляя 12 тысяч в тылу, для наступления было 114 тысяч — силы довольно значительные.

Цель Дибича — разбить неприятельскую армию и овладеть Варшавой. Для этого он предполагал сосредоточиться между Наревом и Бугом, между Ломжею и Нуром и действовать в зависимости от обстоятельств, стараясь отрезать противника от Варшавы. Если это не удастся, то перейти верх-

¹ Тет-де-пон (фр. tete de pont < tete голова + pont мост) — предмостное укрепление. — *Прим. ред.*

ною Вислу, окружить Варшаву и заставить ее, голодом или штурмом, капитулировать.

План соответствовал обстановке и преследовал важные цели (армия, столица), но в нем не была учтена возможность перемены погоды, то есть, что при оттепели Буг и Нарев представят препятствие для переправы. Кроме того, если уже предполагалась переправа через верхнюю Вислу, то некоторые советовали избрать центром действий Брест-Литовск и уже оттуда действовать по обстоятельствам либо к Варшаве, либо к верхней Висле. Но исполнение этого плана было сопряжено с разными неудобствами, а главное — с потерей времени, между тем фельдмаршал надеялся скоро покончить с восстанием и притом одним ударом.

Тогда Толь предложил компромисс: двинуться через Дрогичин на Седльце и оттуда к Варшаве, либо к верхней Висле; при этом войска далее двигались бы вблизи границы, а потому продовольствие облегчалось; зато путь удлинялся, и армия удалялась от гренадерского и гвардейского корпусов, следовавших с севера от Ковны. Дибич не согласился и начал действовать по первоначальному варианту.

Наступление Дибича к Варшаве

Переход русскими польской границы ♦ Перемена линии действий

♦ Наступление русской армии к Вавру ♦ Сражение при Вавре

7 февраля ♦ Бой при Бялоленке 12 февраля ♦ Сражение при Грохове

13 февраля ♦ Расположение русских на квартирах

24 и 25 января русская армия перешла польскую границу 11 колоннами на обширном пространстве от Ковны через Гродну, Белосток, Брест-Литовск до Устилуга. Несмотря на кажущуюся разброску, все движение и распределение войск было так рассчитано, что в главных силах в любом месте можно было через 20 часов сосредоточить 80 тысяч, тогда как поляки не могли противопоставить более 55 тысяч.

27 января главные силы достигли линии Ломжа, Замбров (1-й корпус Палена), Чижев (6-й корпус Розена), то есть в три дня прошли всего 60 верст, а между тем переходы были фор-

сированными. Вследствие оттепели дороги превратились в топи; шли не более двух верст в час; обозы, поставленные на санный путь, остановились. Дали войскам отдых. 27 января дождь согнал весь снег с полей; 29-го оттепель усилилась; небольшие речки вскрылись, на Буге лед местами протаял. Невозможно было втянуться в лесистое и болотистое пространство между Бугом и Наревом.

После обсуждения на военном совете фельдмаршал решил перейти на левый берег Буга у Брока и Нура, стянуть войска у Венгрова и Седльце, затем воспользоваться брестским шоссе и продолжать движение к Варшаве. Для сообщения могла служить дорога на Дрогичин.

Перемена линии действий. Таким образом, предстояло совершить фланговый марш и переменить линию действий. 30 января началась переправа. Затруднения при переправе были велики. Если бы поляки проявляли надлежащую деятельность, то могли бы сильно помешать Дибичу. После переправы армия двинулась к реке Ливцу, на котором утвердилась почти без сопротивления со стороны поляков, — были небольшие авангардные стычки. Ко 2 февраля армия стояла в двух массах у Венгрова и Седльце, выдвинув авангарды.

Марш на 100 верст по отвратительным дорогам был совершен чрезвычайно быстро, но с большим напряжением сил. Был дан отдых на 2, 3 и 4 февраля — необходимо было также подтянуть обозы.

2 февраля начальник конно-егерской дивизии барон Гейсмар из состава 5-го резервного кавалерийского корпуса, наступавшего из Киева к Пулавам, дал себя разбить по частям у д. Сточек польскому генералу Дверницкому (3 батальона, 17 эскадронов и 6 орудий).

Рослые конно-егери на массивных лошадях не могли повально действовать против увертливых польских улан на легких лошадях. Пользуясь превосходством сил, Дверницкий поочередно разбил оба русских полка, которые подверглись панике. Поляки их не преследовали. Русские потеряли 280 человек и 8 орудий, поляки 87 человек.

Гейсмар ушел к Седльце. Дверницкий, сформировав батарею из взятых пушек и воспользовавшись захваченными у русских лошадьми, ушел назад за Вислу. Дело это, маловажное само по себе, имело очень большое нравственное значение для поляков: вселило народу уверенность в его войска, подкрепило убеждение в возможности борьбы с Россией. Дверницкий сразу сделался народным героем, волонтеры стали к нему стекаться. Вообще значение дела у Сточека определяется тем, что оно было первое в предстоявшей кампании.

Наступление русской армии к Вавру. 5 февраля 6-й корпус двинулся на Добре; 1-й корпус — от Лива на Калушин; для связи между ними Литовская гренадерская бригада (Муравьева) — по старой варшавской дороге на Зимноводы (далее дорога идет на Станиславов, Окунев); резервы, под начальством Толя, — из Седльце по брестскому шоссе. В тылу армии Нур, Венгеров и Седльце были заняты гарнизонами. При таком направлении движения неизбежны были столкновения Скржинецкого с Розеном у Добре и Жимирского с Толем и Паленом у Калушина.

Бой у Калушина. Толь раньше Палена вышел в Калушину и обошел позицию Жимирского с обоих флангов. Жимирский без больших потерь успел отступить к Минску.

Бой у Добре. Скржинецкий занял сильную позицию на лесной поляне, опираясь на д. Добре. Он упорно держался против авангарда Розена и даже перешел было в наступление 4-м полком (пользовавшиеся славой «чвартаки»¹), но с прибытием главных сил 6-го корпуса, после жаркого 4-часового боя, опрокинут; впрочем, в порядке отступил к Окуневу. Потери русских 750 человек, поляков 600 человек.

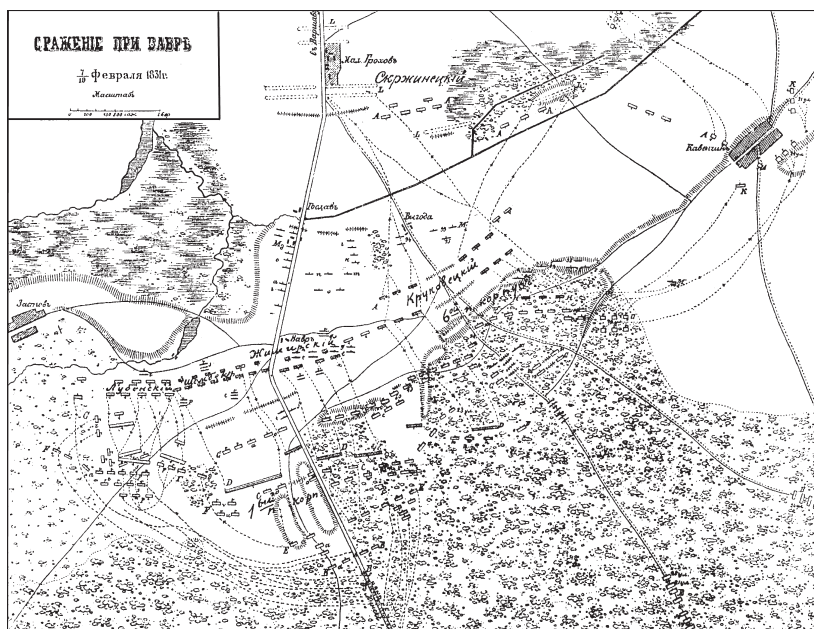
Скржинецкий имел 12 батальонов, 12 орудий, 4 эскадрона; Розен — 19 батальонов, 56 орудий, 2 уланских полка и казакий, но вводил войска в бой по частям и все-таки не ввел всех. Кроме того, у поляков была выгодная позиция, а русские не могли развернуть своей многочисленной артиллерии.

¹ Здесь: «четверка» (от польск. *swiartka* — четверка, четверть. — *Прим. ред.*

6 февраля, теснимый русскими, Скржинецкий отошел на гроховскую позицию к Ольховой роще, а Жимирский расположился, не доходя Вавра. Розен выдвинулся к Окуневу (авангард), Пален — к Милосне (авангард); левый фланг армии охранял Гейсмар у Шенницы.

Сражение при Вавре 7 февраля. Сражение было случайное для обеих сторон. 7 февраля фельдмаршал не рассчитывал на сражение. Он приказал 1-му и 6-му корпусам выступить в 7 часов утра и овладеть выходами из лесных теснин на Гроховскую равнину. 1-му корпусу приходилось пройти 8 верст по шоссе, а 6-му 12 верст до корчмы Выгода по дурной старой варшавской дороге. Ясно, что движение колонн не было равномерным.

Хлопицкий также не думал принимать сражения, но так как Жимирского сильно теснил Пален, то на смену и для

Сражение при Вавре в 1831 г.

поддержки послали дивизию Шембека; у них было всего 18 батальонов.

В главных силах авангарда Палена между пехотой шла бригада конных егерей, кроме того, в хвосте — еще 22 эскадрона и 16 к. ор.

Хлопицкий приказал атаковать Палена, подаваясь преимущественно вперед левым флангом, Круковецкому — занять Выгоду, сзади Круковецкого стоял Скржинецкий. Таким образом, почти вся польская армия оказалась на поле сражения. Польская артиллерия открыла частый огонь.

Начальника авангарда Палена Лопухина быстро опрокинули. Черноморский казачий полк едва выручил атамана Власова, уже попавшего под сабли. Пален тотчас выдвинул влево от шоссе 1-ю конно-артиллерийскую роту, коннице приказал очистить место для пехоты и перейти влево, чтобы удерживать напор правого фланга поляков. Прибежавшие полки 3-й пехотной дивизии спешно развертывались на шоссе и вправо; немного задержали врага, но все-таки подававшийся вперед Жимирский теснил правый фланг 1-го корпуса и грозил отрезать его от 6-го. Пален выдвигает на правый фланг Новоингерманландский полк. Прибывший Толь двинул вправо Староингерманландский полк и другие пехотные части, артиллерию же 3-й дивизии поставил уступом за конной.

Около 11 часов прибыл Дибич. Он приказал конным егерям пропустить пехоту. Но пока конница очищала шоссе, поляки сделали новое наступление на правый фланг. Конная рота обдала их внезапно картечью; поляки отхлынули, но застрельщики бросились на батарею. Дибич послал против них свой конвой (полуэскадрон лубенских гусар) и поддержал его саперным батальоном, то есть в крайности ввел в дело даже эти части, оказавшиеся под рукой, невзирая на их специальное назначение. Застрельщики оказались отброшены и скрылись в лесу.

Было уже 12 часов. Дибич послал торопить Розена, который успел развернуться только к 3 часам дня. Приходилось по необходимости вводить в бой войска Палена по частям, по мере их подхода: поспешность Лопухина поставила русскую армию в критическое положение.

Между тем начальник авангарда 6-го корпуса Владек, пройдя Грибовскую волю, услышал выстрелы со стороны Палена и сейчас же выдвинул по направлению к нему в лес 3 батальона егерей, которые атаковали неприятеля вместе с правым флангом Палена. Фельдмаршал, услышав канонаду у Розена, не опасаясь более за свой правый фланг, приказал начать общее наступление, а на крайний левый фланг послал Сакена, чтобы руководить многочисленной конницей. Поляки отброшены повсюду; опрокинутый Сакеном Лубенский старается найти защиту за пехотой, но Жимирского и Шембека тоже теснят. Тогда Хлопицкий сам направляет гвардейский гренадерский полк.

Дибич приказывает конным егерям атаковать прямо по шоссе. Они рады на глазах фельдмаршала загладить свою неудачу у Сточека. Вюртембергский конно-егерский полк опрокинул 3-й конно-егерский польский полк, затем врубился в каре гвардейских гренадер, отбросил их в болота, рассеяв и порубив часть людей. Постепенно тесня врага, русские заняли Вавр.

У Хлопицкого была еще дивизия Скржинецкого, которой он не воспользовался. Если он не имел в виду решительного нападения и предполагал дать окончательное сражение на гроховской позиции, то непонятно, с какой целью бой при Вавре он вел в таких крупных размерах. Круковецкий старался удержать Розена, но, атакованный значительными силами и видя отступление остальных войск, отошел к Ольховой роще, занятой Скржинецким. Розен занял и Кавенчин, прогнав оттуда небольшой польский отряд. В 4 часа Дибич уже завладел выходами из леса, чем и считал достигнутою цель боя.

Урон русских — 3700 человек, поляки потеряли не меньше, считая и взятых русскими 600 человек пленными.

8 февраля на передовых постах у Ольховой рощи завязалась перестрелка. Розен послал 25-ю дивизию Рейбница выбить оттуда поляков. Рейбниц был отброшен с потерей 1620 человек.

Дибич, узнав об этом бесполезном кровопролитии, подтвердил приказание воздерживаться от всяких столкновений с неприятелем.

Бой при Бялоленке 12 февраля. Князь Шаховской с гренадерским корпусом шел от Ковны (начиная с 24 января) на Мариамполь, Кальварию, Сувалки, Райгрод, Щучин, Ломжу и 8 февраля достиг Остроленки. Здесь переправился через Нарев и отправился далее в Пултуск, Сероцк и Зегрж. Переправившись здесь 11 февраля через Буго-Нарев, Шаховской у Непорента соединился с Сакеном (1 батальон, полк улан, рота саперов, 2 орудия), направленным фельдмаршалом для облегчения движения Шаховского. В это время Хлопицкий выслал к северу от Варшавы отряд Янковского для сбора продовольствия. Янковский рано утром 12 февраля напал на Шаховского и был отбит. Тогда Шаховской направился к Бялоленке, намереваясь отрезать Янковского.

Дибич между тем создал план гроховского сражения, при чем намеревался выдвинуть по возможности внезапно и скрытно Шаховского с частью других войск против левого фланга и тыла польской армии и нанести ей в этом направлении главный удар.

Своего плана фельдмаршал Шаховскому не разъяснил, а просто послал приказание (в сущности, это не приказание, а команда) остановиться в Непоренте или там, где застанет посланный. Казак с запиской наткнулся на Янковского, запоздал и прибыл к Шаховскому, когда тот уже подходил к Бялоленке, занятой сильно Малаховским и Янковским. Шаховской атаковал; поляки отошли к Брудно, где Круковецкий соединил свою дивизию и 18 орудий, то есть силы, равные силам Шаховского. Потери с обеих сторон по 650 человек.

Бой при Бялоленке показал фельдмаршалу, что расчеты его на внезапность нарушены. Опасаясь, чтобы поляки не обрушились на Шаховского в превосходящих силах, он в ту же ночь послал ему приказание, опять-таки не пояснив цели, оставаться и не завязывать боя вновь, а если же поляки нападут на него, то наши главные силы атакуют неприятеля с фронта. Адьютант, привезший приказание, сообщил, что Дибич крайне недоволен занятием Бялоленки. Это сильно взволновало старика Шаховского, он начал советоваться, что следовало предпринять, но ничего не решили.

Утром 13 февраля Шаховской, вообразив, что на него может броситься вся польская армия, решил отступить через Гродзиск и Марки на соединение с Дибичем. Круковецкий, видя отступление русских, открыл артиллерийский огонь и двинулся в атаку. Шаховской ушел благополучно, потеряв лишь одно орудие, увязшее в болоте. Бой окончился в 11 часов утра.

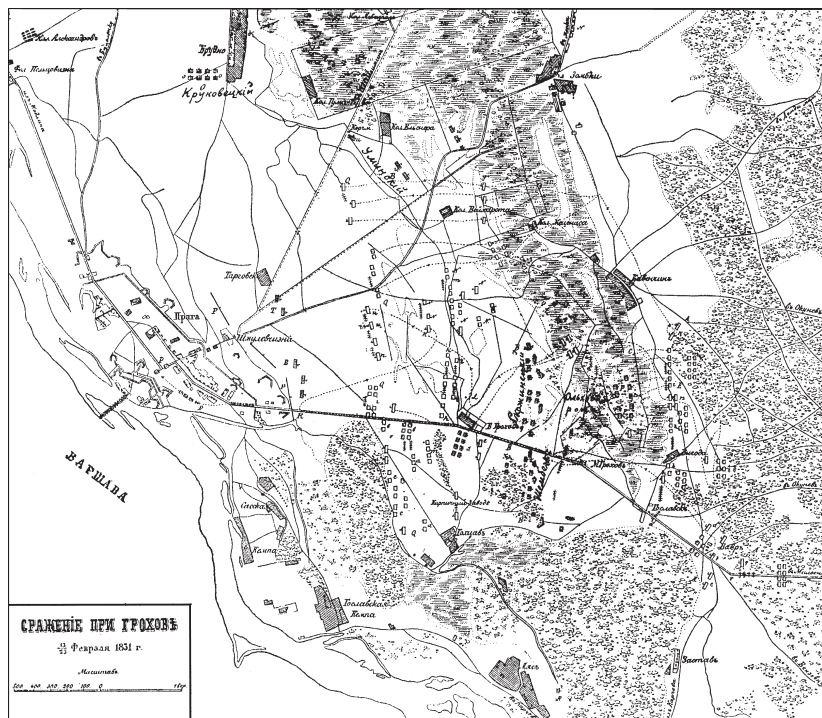
Дибич, услышав канонаду Шаховского, решил для его выручки атаковать поляков главными силами. Вследствие этого гроховское сражение разыгралось днем раньше, чем предполагалось — 13-го вместо 14-го, и совсем не по выработанному ранее плану.

Сражение при Грохове 13 февраля. Гроховская позиция находилась на обширной низменной равнине, пересеченной болотами и осушительными канавами. От М. Грохова мимо Кавенчина и Зомбки к Бялоленке тянется болотистая полоса 1—2 версты шириною.

К югу от Б. Грохова расположилась дивизия Шембека, в роще были устроены засеки¹. Дивизия Жимирского заняла Ольховую рощу, к северу от М. Грохова (около 1 версты по фронту и $\frac{3}{4}$ версты в глубину, прорезана саженым рвом). Болотистая почва подмерзла и допускала движение. Бригада Роланда рассыпала по опушке густую цепь застрельщиков с сильными резервами сзади. Главная масса бригады стояла за рвом в развернутом строю с интервалами между частями так, что опрокинутые передние войска могли пройти назад и устроиться под прикрытием батального огня и штыков развернутых частей. Другая бригада Чижевского стояла сзади, в резерве. Вблизи за рощею накопаны эполементы² для батарей, пронизывавших всю рощу. 2 батареи обстреливали территорию влево от рощи до Кавенчина. За дивизией Жимирского стоял Скржинецкий, предназначенный также для обороны рощи.

¹ Засека — преграда из заваленных деревьев. — *Прим. ред.*

² Эполементы — брустверы особого устройства, служащие для прикрытия войск там, где местность не имеет удобных естественных прикрытий. — *Прим. ред.*

Сражение при Грохове в 1831 г.

Кавалерия Лубенского стала между шоссе и д. Таргувек. Кавалерийский корпус Уминского (2 дивизии с 2 конными батареями) — у кол. Эльснера. Круковецкий действовал против Шаховского у Брудно; вблизи Праги — ополченцы с косами (косиньеры) и парки. Общего резерва не было, потому что нельзя же за него считать косиньеров¹.

Выгоды позиции: русские войска не имели достаточного пространства для развертывания и должны были исполнять его при выходе из леса под артиллерийским и даже ружейным огнем. *Недостатки:* левый фланг висел на воздухе, что и

¹ Косиньеры — во время восстания польское войско, вооруженное косами, которые крепились на шестах. — *Прим. ред.*

дало Дибичу основание к его обходу этого фланга корпусом Шаховского, однако неудавшемуся — в тылу большая река с одним мостом, так что отступление опасно.

Силы поляков — 56 тысяч; из них 12 тысяч кавалеристов; без Круковецкого — 44 тысячи; русских — 73 тысячи, из них 17 тысяч кавалеристов; без Шаховского — 60 тысяч.

В 9 $\frac{1}{2}$ часа русские начали канонаду, а затем их правый фланг стал подаваться вправо, чтобы атаковать Ольховую рощу. Атаки ведены были неправильно: войска вводились в бой по частям, не было подготовки артиллерийской и посредством окружения. Сперва 5 батальонов ворвались в опушку, но наткнулись на резервы за канавой и вытеснены из рощи батальонами Роланда. Подкрепили 6 батальонами. Снова русские ворвались, но Чижевский вместе с Роландом (12 батальонов) вновь заставил их отступить. Русские вводят еще 7 батальонов. Длинная линия (18 батальонов) русских стремительно бросается на поляков и выбивает около 11 часов утра всю дивизию из рощи. Сам Жимирский смертельно ранен. Но, не поддержанные достаточно артиллерией, русские сильно терпели от польской картечи. Хлопицкий вводит в дело дивизию Скриженецкого. 23 польских батальона овладевают рощей.

В 12 часов дня Дибич усиливает атаку еще 10 батальонами, начинает окружать рощу справа и слева, где по флангам выставлены новые батареи. Успешно вытеснив с опушки, русские справа могли пройти только до большого рва; зато слева свежие полки 3-й дивизии обогнули рощу и пошли далеко вперед, но попали под самый близкий огонь батарей.

Хлопицкий, желая воспользоваться этой минутой, вводит в дело обе дивизии (Жимирского и Скриженецкого) и 4 свежих батальона гвардейских гренадер, которых лично ведет в атаку. Видя посреди себя любимого своего вожда, — спокойного, с трубкою в зубах, — поляки с пением «Еще польска не згинела» с неудержимой силой нападают на русские утомленные, расстроенные полки. Последние начинают отступать. Поляки постепенно захватывают всю рощу, колонны их подходят к самой опушке, застрельщики выбегают вперед.

Прондзинский, указывая на русскую батарею, кричит: «Дети, еще 100 шагов — и эти орудия ваши». Два из них взяты и направлены на ту высоту, где стоял Дибич¹.

Это было последнее отчаянное усилие поляков. Фельд-маршал направляет в рощу что только можно из пехоты (2-ю гренадерскую дивизию); усиливает артиллерию: более 90 орудий действовали по сторонам рощи и, продвинувшись вперед с правой стороны (с севера), сильно поражали польские батареи за рощей; для обхода справа рощи двинута 3-я кирасирская дивизия с лейб-гвардии уланским его высочества полком и 32 орудиями, чтобы содействовать овладению рощей, а вместе с тем разорвать фронт отступающих поляков и попытаться отбросить к болотам у Брестского шоссе хоть правый их фланг. Еще правее Литовская гренадерская бригада Муравьева с уланской дивизией заняла колонии Меценаса и Эльснера, наступала вперед, связываясь левым флангом с кирасирами.

Взволнованный Дибич дал шпоры лошади и, подскакав к отступающим войскам, громко крикнул: «Куда вы, ребята, ведь неприятель там! Вперед! Вперед!» — и, став перед полками 3-й дивизии, повел их в атаку. Огромная лавина со всех сторон обрушилась на рощу. Гренадеры, не отвечая на огонь поляков и наклонив штыки, врываются в рощу; за ними пошла 3-я дивизия, далее — 6-й корпус Розена. Тщетно Хлопицкий, уже раненный в ногу, лично обходит передовую линию и старается воодушевить поляков. По грудам тел русские переходят через ров и окончательно овладевают рощей.

Хлопицкий приказывает Круковецкому перейти к роще, а Лубенскому с кавалерией — поддержать предстоящую ата-

¹ Именно эта атака поляков изображена на картине Коссака, где патристический художник сплошь изобразил торжествующих поляков и только в правом углу одного русского штаб-офицера, поверженного во прах. Хлопицкий — в штатском сером пальто и цилиндре, верхом, за ним в форме генерального штаба Прондзинский. Вообще много портретов. На шоссе видна батарея Пионтека. Он израсходовал снаряды, но не хотел покинуть позиции, сел на пушку, закурил трубку и решил выждать, пока подадут снаряды. Вдали видна Варшава.

ку. Лубенский отвечал, что местность неудобна для действий кавалерии, что Хлопицкий — пехотный генерал и не понимает кавалерийского дела, а что приказание он исполнит, лишь получив его от официального главнокомандующего Радзивилла. Вот в какую критическую минуту сказалась неправильность положения Хлопицкого. Он отправился к Радзивиллу. На пути граната попала в лошадь Хлопицкого, разорвалась внутри и поранила ему ноги. Деятельность его прекратилась. Все дело поляков пришло в расстройство, общее управление исчезло. Радзивилл совершенно растерялся, шептал молитвы и на вопросы отвечал текстами из Священного писания. Малодушный Шембек плакал. Уминский ссорился с Круковецким. Один Скржинецкий сохранил присутствие духа и обнаружил распорядительность.

Руководство действиями кавалерийской массы Дибич поручил Толю, который увлекся частностями и свою кавалерию разметал по полю, лишь один кирасирский принца Альберта полк, имея во главе дивизион подполковника фон Зона, бросился преследовать беспорядочно отходящих поляков. Полк прошел весь боевой порядок неприятеля, и только у самой Праги 5 польских уланских эскадронов взяли Зона во фланг. Но он ловко вывел своих кирасир на шоссе и ушел из-под огня пехоты и ракетной батареи. Атака продолжалась 20 минут на протяжении $2\frac{1}{2}$ версты. Хотя потери кирасир доходили до половины состава (Зон смертельно ранен и взят в плен), однако нравственное действие атаки громадно. Радзивилл со свитой ускакал в Варшаву.

Ольвиопольские гусары лихо атаковали Шембека, приперли два полка к Висле и рассеяли. Поляки были оттеснены повсюду. Скржинецкий собрал и устроил остатки сзади на позиции, на песчаных холмах.

Около 4 часов дня показался наконец Шаховский, который проявил в этот день полную бездеятельность. Обрадованный Дибич не сделал никакого упрека, только объявил, что честь довершения победы принадлежит им, и сам стал во главе гренадер. Но когда они подошли к неприятельской позиции, то было 5 часов, день клонился к вечеру. Фельдмар-

шал задумался и после некоторого колебания приказал прекратить бой.

Потери поляков — 12 тысяч, русских 9400 человек.

Между тем у поляков господствовал страшный беспорядок. Войска и обозы столпились у моста, лишь к полуночи окончилась переправа, под прикрытием Скржинецкого¹.

При таких условиях русским нетрудно было бы справиться с Скржинецким, а затем и штурмовать Пражский тет-де-пон. Совершенно непонятно, почему этого не сделал Дибич. Его план и заключался в том, чтобы покончить с восстанием одним ударом и притом возможно скорее. Случай как раз представлялся, и фельдмаршал им не воспользовался. Темный вопрос о причинах до сих пор не разъяснен историей².

Расположение русских на квартирах. На следующий день поляки заняли и сильно вооружили пражские укрепления. Атаковать можно было только при помощи осадных средств, а доставка их требовала 4 месяца. Переправа через верхнюю Вислу, дабы затем атаковать Варшаву с запада, также требовала времени. Поэтому Дибич расположил армию на широких квартирах (Окунев, Колбель, Желехов, Радзынь, Седльце), около 40 верст по фронту и 40 в глубину, чтобы облегчить продовольствие путем реквизиции.

Между тем к 10 марта Висла очистилась ото льда и можно было приступить к переправе. Для этого выбрали Тырчин (вне сферы влияния польской армии, ширина всего 400 шагов, фарватер ближе к правому берегу, недалеко впадает Вепрж, которым можно воспользоваться для заготовки и сплава материалов). Хотя распутица достигла крайнего предела, но Дибич торопился и 15 марта отдал распоряжение о движении армии к переправе.

¹ Впоследствии он был избран главнокомандующим вместо Радзивилла.

² Предположение, что Дибич опасался ужасов штурма перед общественным мнением Европы, но подобный сентиментализм невероятен в Дибиче, выдавшем войну много раз.

Наступательные действия поляков

Экспедиция Дверницкого ♦ Наступление Скржинецкого

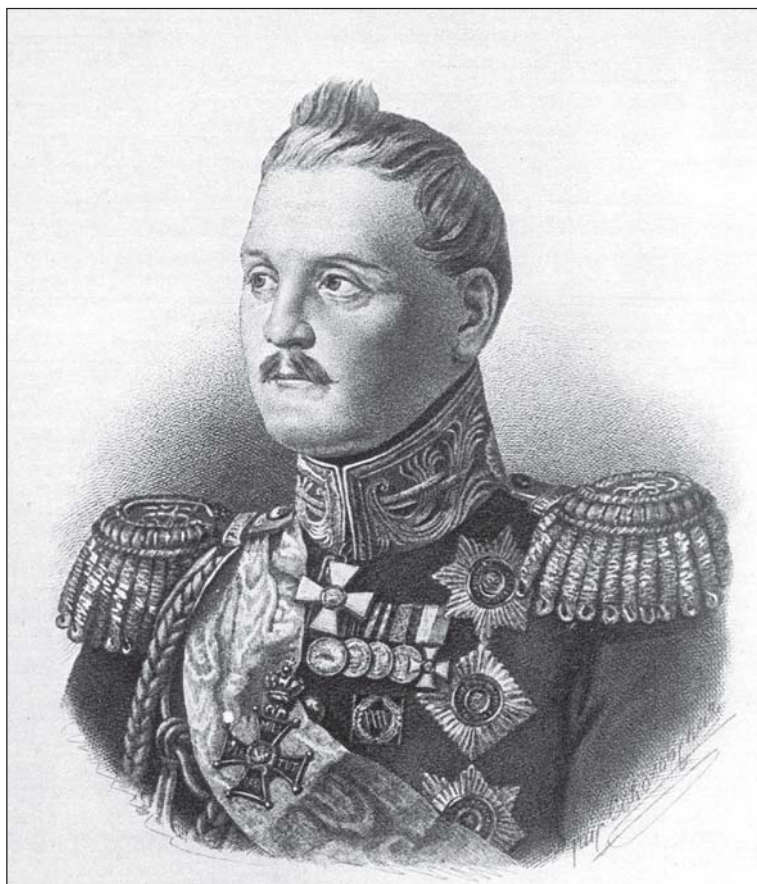
Приостановкой действий русской главной армии поляки воспользовались для частных предприятий. Так как Люблинское воеводство было занято русскими слабо, а кр. Замостье могла послужить опорой для партизанского отряда, то по настоянию Лелевеля отряд Дверницкого (2 батальона, 22 эскадрона, 12 орудий — 6500 человек) назначался для движения на Волынь с целью возбудить там восстание. 19 февраля Дверницкий переправился через Вислу и у Курова напал на кавалерийский отряд генерала Кавера, опрокинул финляндских драгун и захватил 4 орудия. 21 февраля Дибич двинул с разных сторон значительные силы, а руководство всем делом поручил Толю. Тогда Дверницкий 4 марта укрылся в Замостье.

В конце марта Дверницкий решил продолжить экспедицию на Волынь: быстро двинулся к Крылову и там 29 марта перешел Буг. Против поляков на Волыни были войска Ридигера — 11 тысяч с 36 орудиями.

Дверницкий, двигаясь вдоль австрийской границы, убедился, что в этой стороне с господствующим русским населением нечего и думать относительно общего восстания, а потому решил пробраться в Подолию. На Стыри у Боремли (Михайловки) Ридигер преградил ему путь.

Дверницкий ночью скрытно снялся с позиции: шел вдоль границы, а Ридигер параллельно преследовал. 15 апреля Дверницкий занял сильную позицию у люлинской корчмы, тылом к австрийской границе. Ридигер атаковал, но в последнюю минуту Дверницкий не принял атаки, перешел границу и был обезоружен австрийскими войсками.

Наступление Скржинецкого. Для обеспечения армии, двигавшейся к переправе, на брестском шоссе временно был оставлен 6-й корпус Розена, которому приказано: наблюдать Прагу, прикрывать тыл движения, обеспечивать край и особенно охранять Седльце и сообщение с Брестом. В случае

Генерал-адъютант граф Карл Федорович Толь

наступления поляков в превосходящих силах — отступить на Калушин и даже до Седльце.

17 марта армия тронулась с квартир. Марш был весьма труден: люди изнемогали от усталости, артиллерию тащила пехота, обозы отстали, понтоны увязли в грязи. Но все-таки 19 марта армия подошла к переправе. На подтяжку обоза требовалось еще 2—3 дня. Уже фельдмаршал готов

был начать переправу, как поляки перешли в наступление и нанесли Розену удар, который расстроил весь план Дибича.

19 марта корпус Розена состоял из 18 тысяч, из них 6 тысяч в авангарде Гейсмара у Вавра. Несмотря на указания фельдмаршала, Розен не оттянул назад авангард. Поляки, сознавая все трудности непосредственной обороны Вислы, решились в числе 40 тысяч напасть внезапно на Розена и тем отвлечь Дибича от переправы. Приняты были все меры скрытности. В 3 часа утра 10 марта, посреди густого тумана, поляки стали дебушировать из Праги.

Хотя Гейсмар и действовал энергично, однако нападение было отчасти внезапное, и поляки 8 часов подряд теснили Гейсмара, отступившего к Дембе-Вельке.

Розен успел свести свои войска с квартир, но трех мест: у Дембе-Вельке (10 тысяч вместе с Гейсмаром), у Рыше (3 версты вправо) и у Мистова (в тылу). Местность перед позицией — болотистая, труднодоступная для противника, но болота тянулись под углом к пути отступления (шоссе), проходившего у левого фланга. Между тем Розен даже не сломал здесь моста.

Бой шел очень удачно для русских, многочисленные попытки поляков отражались. Однако блестящая атака кавалерийской дивизии во главе с Скаржинским, произведенная к вечеру, заставила Розена отступить. Корпус отошел к Минску. Потери: русских — 5500 человек и 10 орудий, поляков — 500 человек.

20 марта отступление продолжалось по направлению к Седльце, арьергард остановился у Ягодне. Скржинецкий расположился у Латович.

Движение главной русской армии. 23 марта Дибич собрал военный совет, на котором было решено, по предложению Толя временно отказаться от переправы и двинуться против польской главной армии и на ее сообщения. Уже дана была диспозиция для движения армии 28 марта на Гарволин, как генерал-интендант д. с. с. Абакумов доложил Дибичу, что довольствие войск совершенно не обеспечено, так как вследствие бездорожья сильно отстали ожидав-

шие транспорты; войскового запас был уже большею частью израсходован, а пополнить реквизициями нельзя вследствие истощения страны. Дибич решился 28 марта фланговым маршем на Луков сблизиться с запасами в Седльце и Мендзиржеце и с транспортами из Бреста и Дрогичина. 31 марта фельдмаршал вступил в Седльце.

Прондзинский убедил Скржинецкого добить Розена под Седльце, продвинуться к Бресту и отрезать Дибича от сообщений с севером. План: с фронта, от Бойме, сам Скржинецкий; слева, через Суху, Лубенский и справа, через Водыне, Прондзинский, которому поручена главная роль (12 тысяч). Это и привело к сражению 29 марта у Игане, где сильно пострадали 13-й и 14-й егерские полки и Прондзинскому удалось рассеять 2 полка арьергарда генерала Фези.

Потери: русских — 3 тысячи, поляков — гораздо меньше. Только поздно вечером появились польские войска от Сухи, а потом и сам Скржинецкий. Он прибыл к войскам утром 29 марта, ожидавшим его под ружьем. Не выходя из кареты, он стал жаловаться на утомление, в ближайшем селении позавтракал и лег отдохнуть; будить его не смели. Главнокомандующий проспал сражение. Войска из Сухи не получили никаких инструкция.

Пребывание Дибича у Седльце. Во время вынужденного бездействия фельдмаршал принял меры для обеспечения продовольствием армию, чтобы удовлетворить текущие потребности и образовать еще двухнедельный запас на 120 тысяч человек. Для этого между прочим было выслано из армии в Брест за продовольствием 450 полковых фур и 7 подвижных артиллерийских парков, которым приказано в Бресте сложить боевые припасы, а привезти зерновой фураж. Стали подходить транспорты с Волыни к Коцку.

Для обеспечения тыла был укреплен Брест-Литовск, снабженный значительным гарнизоном в 12 батальонов, 10 эскадронов и 60 орудий под начальством Розена. Это должно было успокоить и волнующуюся уже Литву.

Первое наступление Дибича. Наконец было решено двинуться с армией через Водыне и Ерузалем к Куфлеву, чтобы обойти с юга польский авангард, внезапно напасть

на главные силы неприятеля и опрокинуть их от шоссе к северу.

Приготовления были довольно долги, меры скрытности при марше 12 апреля не приняты, да, впрочем, поляки и раньше были осведомлены о предприятии русских. Вследствие этого Скржинецкий успел ускользнуть и отошел к Дембе-Вельке, где позиция была хорошо укреплена. Все предприятие выразилось арьергардным боем у Минска, где поляки потеряли 365 человек.

После дневки¹ между Минском и Дембе-Вельке русская армия (60 тысяч) отошла назад.

Новый план военных действий

Второе наступление Дибича ♦ Холера

Император Николай сам указал план военных действий. Затруднения Дибича состояли в обеспечении тыла действующей армии и в снабжении ее продовольствием. Обеспечение тыла возлагалось на вновь сформированную резервную армию графа Толстого и на 1-ю армию, которая существовала и раньше. Таким образом, руки Дибича были развязаны. Его армию было приказано двинуть на нижнюю Вислу, обеспечив запас продовольствия первоначально покупкою в Пруссии, а впоследствии доставкой водою из России через Данциг и далее по Висле.

Таким образом, приходилось совершенно менять линию действий, то есть предстояло очистить брестское шоссе от госпиталей и складов и все вновь устроить на линии от Нарева к нижней Висле.

Вскоре же поляки узнали об этих новых предложениях.

Второе наступление Дибича. Движение Хржановского в Замостье обеспокоило фельдмаршала, который получил ложное сведение, будто Скржинецкий 1 мая намерен двинуться против левого фланга русской армии и напасть на

¹ Суточный привал. — *Прим. ред.*

Седльце. Тогда Дибич с рассветом 1 мая сам двинулся по шоссе. Первые войска поляков безостановочно отступали. У Янова русские остановились на ночлег, а на следующий день отошли назад. От пленных узнали, что войска принадлежали отряду Уминского. Дибич заключил, что Скржинецкий опять ускользнул. На самом же деле польский главнокомандующий отправился против гвардии, что Дибичу осталось неизвестным.

Холера. Если месячная стоянка у Седльце помогла русской армии устроиться, то и поляки укомплектовали свои войска, окончили формирование новых полков, уверовали в свою силу и в значение одержанных ими частных успехов. Теперь в распоряжении Скржинецкого было 5 пехотных и 5 кавалерийских дивизий, весьма благоустроенных.

В то же время в русской армии быстро развивалась холера. Она появилась на северном берегу Каспийского моря еще в 1830 г., а в следующем году распространилась по всей России и даже в Западной Европе. В армию проникла через Брест, куда сходились отовсюду транспорты и укомплектования. Появилась 6 марта, но сначала слабо, так что в марте считалось всего 233 больных, в апреле, из-за скученной и неподвижной стоянки, их было 5 тысяч. В начале апреля холера проникла и в польскую армию, которая пострадала от нее не менее русской.

Поход Скржинецкого против гвардии

Гвардейский корпус под начальством великого князя Михаила Павловича стоял отдельно от главной армии между Бугом и Наревом и не вполне был подчинен Дибичу. Такое положение приносило вред. Если бы при наступлении к переправам на верхней Висле Дибич мог распоряжаться гвардией, то, быть может, и не случилось бы катастрофы с корпусом Розена.

Теперь поляки задумали разбить гвардию прежде, чем Дибич придет к ней на помощь, а затем войти в соединение с

литовскими инсургентами¹ через Августовское воеводство. Остановленный на брестском шоссе для защиты Варшавы Уминский (11 тысяч), соединившись с отрядом Дзеконского, бывшим на верхней Висле, и Хожановским из Замостья, мог собрать 25 тысяч и действовать Дибичу в тыл или соединиться со Скржинецким для общей атаки, в том случае если Дибич пойдет на помощь гвардии.

Всего у Скржинецкого было 46 тысяч, а русская гвардия с усиливавшим ее отрядом Сакена имела только 27 тысяч. Ясно, что шансы на успех были значительны, однако Скржинецкий все колебался. Сначала, 30 апреля, поляки ушли из своего расположения под Калушином к Сероцку, откуда разделились на три колонны: 1) Дембинский (4200 человек) — по шоссе по правому берегу Нарева к Остроленке против Сакена; 2) Лубенский (12 тысяч) — вверх по Бугу к Нуру для уничтожения мостов и перерыва сообщений Дибича с гвардией; 3) Скржинецкий (30 тысяч) — посередине между двумя предыдущими на Ломжу.

Гвардия сосредоточилась у Замброва, авангард Бистрома — у Вонсева, передовой отряд генерала Полешки — у Пржетыче.

4 мая польский авангард Янковского потеснил казаков, но у Пржетыче встретил упорное сопротивление со стороны гвардейских егерей. Полешко в порядке, шаг за шагом, отошел к Соколову. Великий князь в это время сосредоточил главные силы у Снядова.

5 мая русский авангард отошел к Якоцу. Лубенский занял Нур. Скржинецкий для помощи литовцам выслал в интервалах между Дибичем и гвардией генерала Хлаповского с уланским полком, 100 пехотинцами и 2 орудиями, в виде кадров для будущих польских войск.

Прондзинский настаивал на атаке гвардии (23 тысячи), пользуясь превосходством польских сил (30 тысяч). Скржинецкий не согласился, а пошел с дивизией Гелгуда на Остроленку. Сакен успел отступить к Ломже; Гелгуд его пресле-

¹ Инсургенты — подданные, восставшие с оружием против своего правительства, считаемого ими незаконным. — *Прим. ред.*

довал и занял Мясцово, то есть почти в тылу гвардии. Великий князь 7 мая потянулся на Белосток.

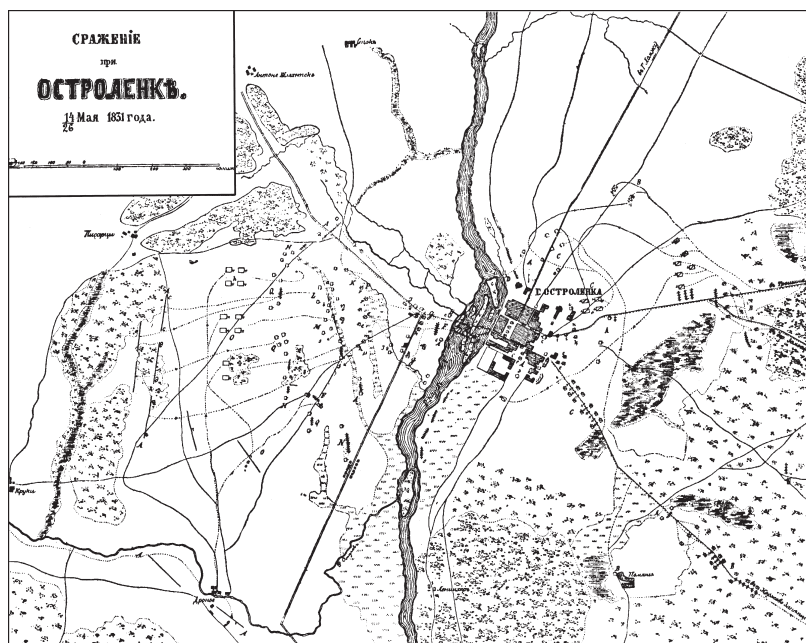
Итак, удар Скржинецкого пришелся по воздуху; мало того, зайдя так далеко, он поставил армию в рискованное положение. Двигаясь на соединение с гвардией, Дибич 10 мая разбил Лубенского у Нура.

Фельдмаршал продолжал движение на соединение с гвардией, 12 мая он дошел до Высоко-Мазовецка, а гвардия уже была в Менженине. Скржинецкий поспешно отступил к Остроленке.

13 мая Дибич совершил необычайный форсированный марш. Войска Палена прошли 50 верст, Шаховского — 40 верст, и все-таки после короткого ночного привала фельдмаршал продолжал движение.

Сражение при Остроленке 14 мая. Город Остроленка лежит на левом берегу Нарева и соединяется с правым двумя мостами, длиною около 120 сажен: постоянным на сваях и плавучим. Саженьях в 700 от берега тянутся песчаные холмы, покрытые мелким и редким кустарником. Вся местность несколько болотиста. Поле сражения представляло много выгод для пассивной обороны, особенно если разрушить мосты. Но этого сделать было нельзя, так как по ту сторону реки находилось еще много польских войск: дивизия Гелгуда в Ломже и арьергард Лубенского. Прондзинский планировал, укрыв войска в кустарниках, громить переправившихся артиллерийским огнем, а затем совместным нападением с нескольких сторон отбросить их в Нарев, причем из-за тесноты русские не будут иметь возможности ни развернуться, ни употребить значительных сил, особенно кавалерии. Скржинецкий, рассчитывая на обычную медлительность русских, не ожидал боя на следующий день и совершенно успокоенный предоставил Прондзинскому сделать необходимые распоряжения; сам же уехал в м. Круки и провел ночь на постоялом дворе, услаждаясь шампанским.

1-я и 3-я пехотные дивизии стали на песчаных холмах. Перед левым флангом на холме — 10 орудий Турского; Билицкий с 12 орудиями выдвинулся к самому мосту; кавалерия первоначально стала правее, за р. Омулев.

Сражение при Остроленке 14 мая 1831 г.

Уже в 6 часов утра 14 мая Бистром показался ввиду Лубенского, который после некоторого сопротивления начал отступать к Остроленке. Около 11 часов утра к городу подошла голова русской армии, сделав в 32 часа 70 верст, причем войска сохранили отличный порядок и бодрость духа. В польском главном лагере царила полная беспечность: в кавалерии лошади были расседланы, пехота разбрелась за дровами, водой и для купанья.

Открыв артиллерийский огонь, гренандеры стремительно атаковали Лубенского. Несмотря на глубокие пески, они быстро ворвались в город и прошли его насквозь, опрокидывая или отсекая неприятеля. Даже знаменитый 4-й полк («чвартаки») был потеснен и совершенно расстроен гвардейскими конно-егерями и уланами. Всего было взято в плен 1200 человек.

Хоть армия и сильно растянулась, но Дибич приказал продолжать бой и овладеть мостами. Тотчас по улице против моста выставили 3 орудия, 4 орудия правее города и 2 — левее. Потом эти батареи, имевшие весьма важное значение, увеличились до 28 и 34 орудий, соответственно.

Поляки пытались разрушить мост, но русская картечь заставила их отойти назад. Астраханский гренадерский полк, имея во главе георгиевских кавалеров, устремляется, несмотря на картечь двух орудий Биелицкого, по переводинам¹ и захватывает пушки. Пац с остатками арьегарда обрушивается на астраханцев, но генерал Мартынов с батальоном Суворовского (Фанагорийского) полка перебежал по плававучему мосту; другой батальон направляется по свайному мосту, и общими усилиями неприятель отброшен. Прибывший на поле сражения Скржинецкий был совершенно озадачен происшедшим и начал бросать по частям свои войска в атаку на русских, переправившихся на левый берег.

Между тем суворовцы и астраханцы ворвались на батарею и овладели несколькими орудиями, но увезти их не сумели, ибо слева показались польские конные егеря. Суворовцы без ранжира построились в кучу и встретили неприятеля огнем. Конные егеря не смутились огнем, подскакали к батальону и, пытаясь ворваться в каре, саблями рубили русских. Тогда батальонный командир приказал бить тревогу и кричать «ура»; испуганные лошади понеслись назад.

Брошенная Скржинецким вперед бригада Венгерского сцепилась врукопашную с русскими у шоссе. Перешедший через мост батальон суворовцев ударил во фланг полякам — они отброшены. Артиллерия с левого берега оказывает русским сильнейшую поддержку.

Венгерский привел свою бригаду в порядок и вновь повел в атаку. Но и Мартынов получил помощь: перешли через мост еще два полка. Ударили на Венгерского с фланга, отбросили и захватили одно орудие. Венгерский потерял половину людей и ушел в кусты. Тогда Скржинецкий приказал

¹ Переводина — слега или перекладина, балка, всякое лежащее на весу дерево. — *Прим. ред.*

бригаде Лангермана не только отбросить русских за реку, но и овладеть городом. Атака была неудачна.

В неопишемом волнении польский главнокомандующий скакал вдоль фронта и кричал: «Малаховский, вперед! Рыбинский, вперед! Все вперед!» Он продолжал последовательно разбивать бригады о русских гренадер. Наконец, он взял бригаду Красицкого, усилил пехотным полком и несколькими эскадронами и сам повел в атаку. Воодушевленные присутствием главнокомандующего, поляки запели «Еще польска не згинела» и бросились на русских. Гордые совершенными уже подвигами, гренадеры опрокинули и эту атаку, причем нанесли жестокий урон, ибо имели 4 пушки. Красицкий, сбитый прикладом с лошади, был взят в плен.

В 4-м часу на правом берегу уже собралось 17 батальонов. Они продвинулись вперед и оттеснили неприятеля. Славившийся своей храбростью 2-й польский уланский полк пытался атаковать, но все его атаки отбиты.

Скржинецкий сохранил непоколебимую твердость; 8 часов он подвергался огню, ища смерти. «Здесь мы должны победить или погибнуть все, — говорил он. — Здесь решается судьба Польши». Он задумал произвести общую атаку остатками всех дивизий. Решение запоздалое — русские уже утвердились на правом берегу, а поляки сильно ослаблены. Сам Скржинецкий стал во главе, и все-таки пришлось отойти с потерей пленными 250 человек.

Еще несколько раз повторялись частные атаки, и в конце концов половина войск выбыла из строя. Теперь уже Скржинецкий старается только продлить бой до ночи. Он приказал собрать все рассеянные части и отдельных людей, свести в батальоны, во главе которых поставить всех наличных офицеров. Длинная линия батальонных колонн без резерва двинулась вперед, а батарея подскакала на самое близкое расстояние к войскам 3-й дивизии, только что перешедшим мост, и обдала их картечью. Ошеломленные Старо- и Новоингерманландские полки побежали назад на мост. Но начальникам удалось восстановить порядок, и те же полки храбро ударили на поляков и преследовали их.

В 7 часов пополудни бой смолк. В 8 часов по недоразумению возобновилась артиллерийская перестрелка, но сейчас же и затихла. Польская армия находилась в полном расстройстве; переход русских в решительное наступление мог бы привести к полному истреблению. Но фельдмаршал под влиянием каких-то второстепенных мыслей, то ли относительно неизвестности, где находится дивизия Гелгуда, не решился преследовать всеми силами и ночью выслал 3 полка казаков. Уже 15-го после полудня послано 7 тысяч под начальством Витта, да и тот двигался с такой медленностью, что в 5 дней прошел 56 верст.

Отступление поляков имело вид самого беспорядочного бегства; чтобы увезти пушки, потребовали из Варшавы извозчиков. Сам Дибич с главными силами лишь 20 мая оставил Остроленку и перешел к Пултуску. Потери русских — до 5 тысяч, поляков — до 9500 человек.

Кончина Дибича. Фельдмаршал энергично готовился к переправе через нижнюю Вислу. Были заготовлены значительные запасы продовольствия, перевозочные средства, артиллерийское и госпитальное довольствие, материалы для устройства переправы. Наконец, произведены разведки мест для переправы и путей к ним. Таким образом, когда все трудности были пережиты, все подготовлено для решительного удара ослабленному противнику, когда победа должна была увенчать все дело фельдмаршала и слава его заблестала бы новым блеском, в это время, 29 мая, граф Дибич скончался от холеры в течение нескольких часов. На основании закона в командование армией вступил начальник штаба граф Толь, но только до прибытия вновь назначенного главнокомандующего графа Паскевича-Эриванского.

Партизанские действия в Литве и Подолии

Восстание в Литве распространилось повсюду, и только города Вильна, Ковна и Визды находились в руках русских. Особенно далеко продвинулась организация повстанческих войск в Самогитии, в Россиенах и Тельшах. Для русских отрядов борьба с инсургентами, несмотря на постоянные успе-

хи в схватках, была тягостна, ибо противник был прямо неупокоим.

Хлаповский, искусно пробравшийся между русскими войсками, собрал отряд до 5 тысяч человек и организовал его в несколько пехотных и кавалерийских полков.

После сражения при Остроленке в Литву был направлен отряд генерала Гелгуда, силою до 12 тысяч при 26 орудиях. Гелгуд был храбрый, но бесхарактерный и неспособный человек. Против него действовал генерал Сакен с отрядом, силою до 6 тысяч 21 мая он дошел до Ковны, пройдя в 4 дня 150 верст, а в ночь на 31 мая Сакен пришел к Висле с 7 тысячами и занял позицию в 7 верстах к западу на Понарских высотах.

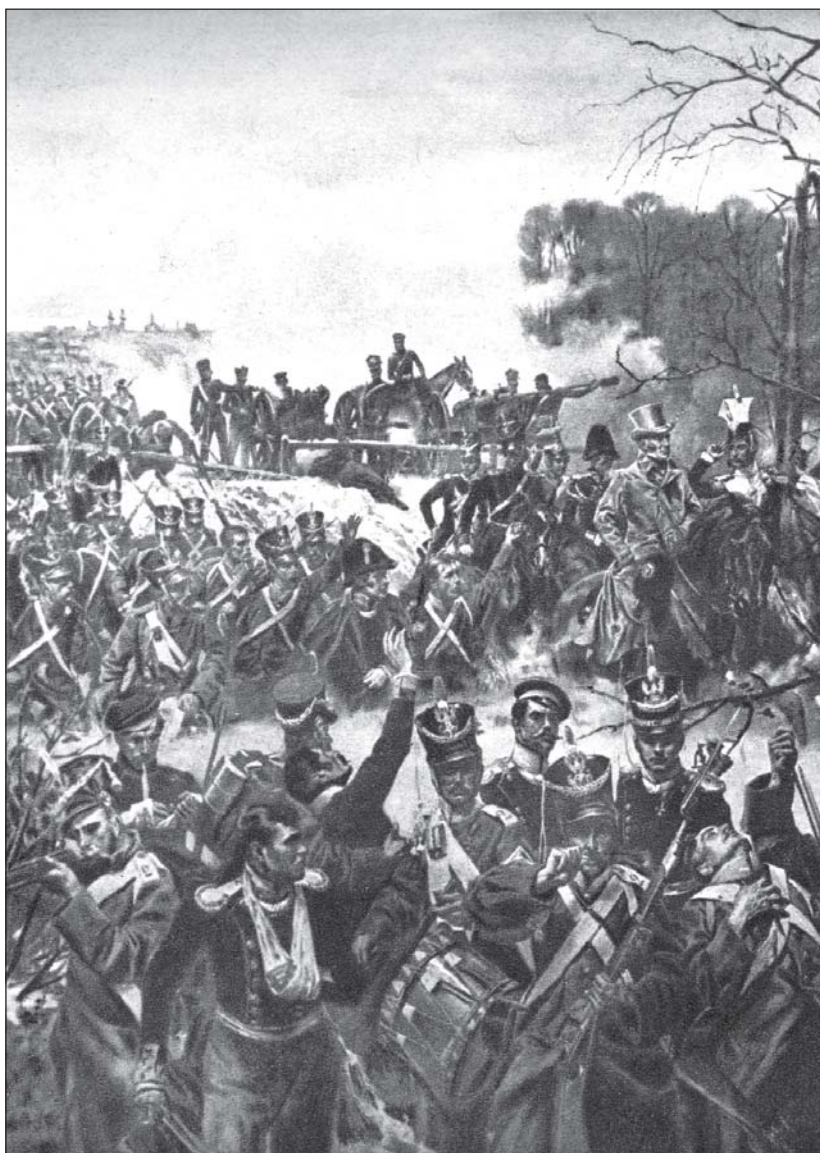
Силы Гелгуда увеличились до 24 тысяч. Под влиянием Хлаповского Гелгуд решил атаковать русских на Понарских высотах, но медлил с исполнением этого плана. А между тем к Вильне стягивались отряды Сулимы, князя Хилкова и др. Наконец, 4 июня подошел Курута. Всего собралось 24 тысячи с 76 орудиями.

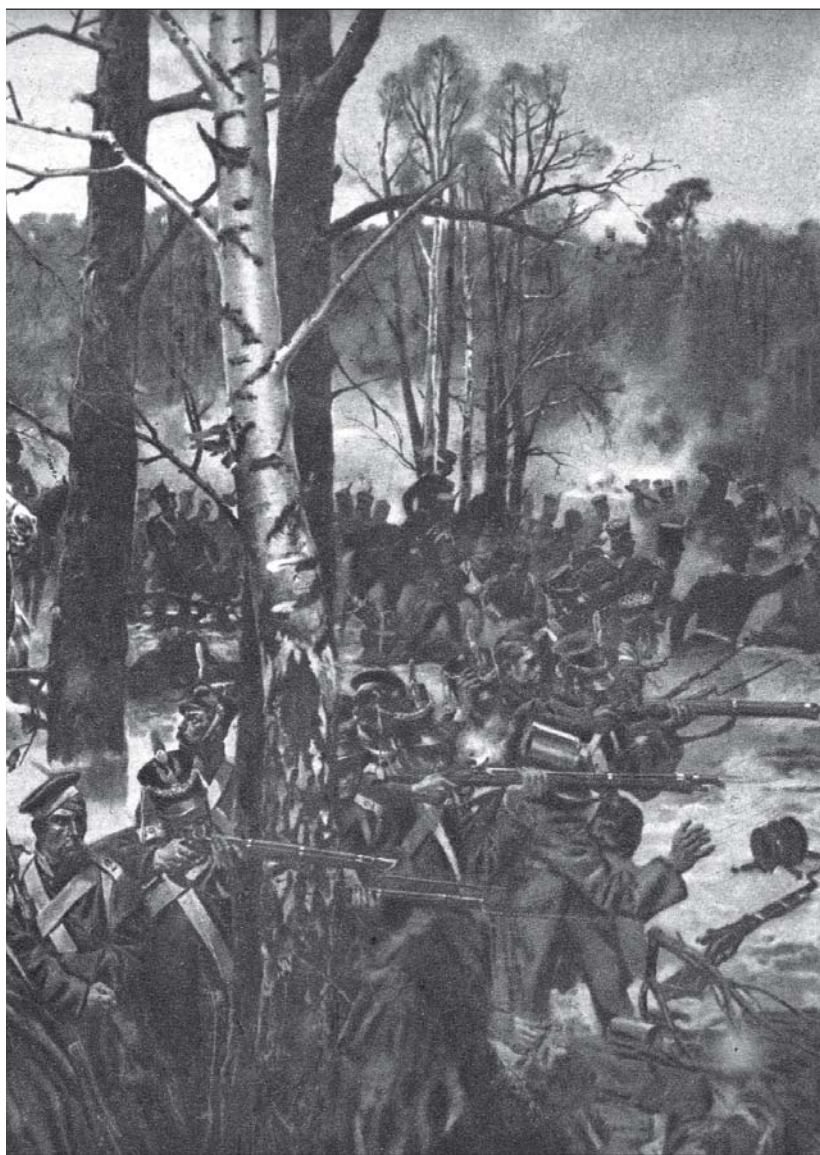
7 июня произошло сражение на Понарских высотах, в котором распоряжался Сакен, хотя старшим был генерал Курута. Поляки действовали неумело и по частям, русские — решительно (особенно отличились лейб-гвардии Волынский и Оренбургский уланские полки). Поляки были разбиты наголову и начали поспешно отступать.

Среди отступавших поляков обнаружались признаки паники. Сакен готовился энергичным преследованием нанести решительное поражение, но... в это время Курута заявил о своем старшинстве и решительно сказал Сакену: «Нет, вы преследовать не будете». Урон русских — 364 человека, поляков — вместе с разбежавшимися 2 тысячи.

С подходом к Вильне резервной армии Толстого Гелгуд сделал неудачную попытку овладеть г. Шавли, где был подполковник Крюков с 5 батальонами и 5 орудиями, после чего его отряд рассеялся: Хлаповский, преследуемый русскими, 30 июня перешел русскую границу у Гудауна, а Роланд — 3 июля у Дегуце.

Во время суматохи у прусской границы 30 июня Гелгуд сидел верхом; офицеры осыпали его упреками и ругатель-

Сражение под Гроховом 13 февраля 1831 г.

ствами. Адьютант 7-го полка поручик Скульский выстрелом из пистолета в грудь убил Гелгуда наповал и спокойно присоединился к своему полку.

Поход Дембинского представляет превосходный образец партизанских действий. Всего было до 4 тысяч. Дембинский избегал открытых пространств и значительных городов; он пробирался лесами между русскими отрядами, разбивая мелкие и обходя более сильные. 28 июня он выступил по направлению к Беловежской пуше и достиг ее 15 июля. Удачно действуя и счастливо проскользнув мимо отряда генералов Савоини и Розена, Дембинский через Рудню, Стердынь 22 июля прибыл к Маркам под Варшавой.

Восстание в Подолии разгорелось преимущественно между шляхтой, потому что не удалось возмутить массу крестьянского русского населения. Знамя восстания подняли братья Сабанские, помещики близ Ольгополя. К концу апреля число мятежников дошло до 5 тысяч под начальством отставного генерала Кольшко. Командир 5-го корпуса Рот из Бессарабии прибыл форсированными маршами и около Дашева разбил их наголову (потеря поляков 1600 человек). Остатки еще раз разбиты генералом Шереметьевым у Майданека (близ Деражни). Остатки в числе 700 человек 14 мая перешли австрийскую границу у Сатанова.

Усмирение мятежа Паскевичем

Движение Паскевича к Нижней Висле ♦ Штурм Варшавы 25 и 26 августа

Толь собирался совершить фланговый марш от Пултуска мимо польской армии, опиравшейся на Люблин, по удобным дорогам, уже обследованным раньше. Но Паскевич, прибывший в Пултуск 13 июня, направил армию севернее, якобы для безопасности. 22 июня началось движение четырьмя колоннами. Марш по плохим дорогам был очень труден, все тонуло в невылазной грязи. Между колоннами не было дорог для связи, а потому в случае нужды одна не могла бы дать помощи другой.

Для переправы был избран Осек, вблизи прусской границы. Устройство мостов Паленом 1-м началось 1 июля, а равно

и постройка тет-де-понов на обоих берегах. 8 июля окончена переправа всей армии, которая расположилась в окрестностях Нешавы.

Действия на Брестском шоссе. Паскевич приказал Розену выдвинуть авангард под начальством генерала Головина, чтобы: 1) тревожить неприятеля, 2) отвлечь на себя поляков от переправы главной армии, но вместе с тем избегать решительного столкновения с сильнейшим неприятелем, 3) демонстрировать к Праге и Люблину. На все это дано менее 7 тысяч Головин выдвинулся к Калушину и 2 июля решил атаковать противника несколькими мелкими колоннами, захватив соседние с шоссе пути. В тот же самый день Хржановский, сосредоточив под своей командой 22 тысячи, также решил атаковать. Конечно, поляки опрокинули русских, но только такой дерзостью Головин и мог достичь цели разведки и отвлечения противника.

Движение Паскевича к Варшаве. План осторожного фельдмаршала, опасавшегося рискнуть своими недавно приобретенными лаврами, заключался в том, чтобы по возможности без боя подвести армию к Варшаве, а затем принудить ее к сдаче блокадой.

Обеспечив себя с избытком продовольствием, доставленным из Пруссии, фельдмаршал 15 июля двинулся через Брест-Куявский, Гостынин, Гомбин (18 июля). Поляки занимали известную позицию у Сохачева за р. Баурой; обойти ее можно через Лович. Поляки не оценили значения Ловича, а потому передовые части русской армии заняли Лович 20 июля, а 21-го там сосредоточилась и вся армия. Оттеснив поляков за р. Равку, русские остановились, и так обе армии оставались до первых чисел августа.

В это время в Варшаве поднялось сильное волнение. Вместо Скржинецкого главнокомандующим был назначен Дембинский, увенчанный славой недавнего искусного движения из Литвы. В ночь на 3 августа он отвел армию к Варшаве и занял позицию позади Воли. 3 августа в Варшаве вспыхнуло возмущение уличной черни; искали изменников и перебили многих подозреваемых и ни в чем неповинных лиц. Президентом правления был избран старый интриган Круковец-

кий, а главнокомандующим старик Малаховский. 6 августа началось обложение Варшавы; армия перешла к Надаржину и окрестностям.

Действия Ридигера. Он занимал Люблинское воеводство. Паскевич предложил ему тоже переправиться за Вислу. Фельдмаршал Сакен, командующий 1-й армией, которому Ридигер был подчинен, согласился, и Ридигер (12 400 человек и 42 орудия) 26 июля перешел Вислу и Юзефове. Против Ридигера действовал польский генерал Рожицкий, имевший в нескольких отрядах не более 5 тысяч человек. 31 июля Ридигер занял Радом.

В начале августа Рожицкий усилился до 8 тысяч и начал действовать наступательно. 10 августа Ридигер уничтожил отряд Гедройца, а самого его взял в плен. Тогда Рожицкий затих, но и Ридигер, выславший по приглашению Паскевича к нему дивизию да оставивший охрану моста, сам остался с 4 батальонами и ничего не мог предпринять.

Действия на брестском шоссе. В ночь на 10 августа из Праги выступил Ромарино с 20 тысячами и пошел на Гарволин и Желехов с целью разбить отдельно Головина и Розена. Ромарино удалось одержать небольшие частные успехи и даже дойти до Тересполья (под Брестом), но разбить Головина и Розена не удалось. 24 августа Ромарино приостановился в Мендзиржеце, так как он узнал о переговорах Круковецкого с Паскевичем.

Штурм Варшавы 25 и 26 августа. Паскевичу удалось сосредоточить у Надоржина 70 тысяч и 362 орудия. В Варшаве поляков было 35 тысяч с 92 орудиями. Если присчитать Ромарино 20 тысяч, то составит самое большое — 55 тысяч. Правда, было еще у Рожицкого 8 тысяч, в Плоцком воеводстве у Лубенского 4 тысячи, в гарнизонах Люблина и Замостья 10 тысяч, что в общем даст 77 тысяч и 151 орудие. Но эти все войска не приняли участия в обороне столицы, равно как и Ромарино.

Для укрепления Варшавы Хржановский предлагал возвести несколько сильных фортов с интервалами для перехода в наступление. Для занятия их он считал нужным назначить 15 тысяч, да в резерв 10 тысяч, итого 25 тысяч было бы достаточ-

но. Инженерный комитет отверг этот проект и набросал целую сотню мелких укреплений, которых даже не успели кончить ко дню штурма. Для занятия всех укреплений понадобилось бы не менее 60 тысяч. Войска, разбросанные мелкими частями за слабыми брустверами, не прикрывавшими от огня многочисленной русской артиллерии, не могли оказать стойкого сопротивления, особенно при отсутствии внешнего резерва.

Укрепления образовали три круга. Самым сильным укреплением в 1-й линии был редут Воля (№ 56) с полубастионами на углах, с редюитом¹ в юго-западном углу и с фланговой обороной рвов. Внутренние укрепления разделялись ретраншаментом на две части: в большей из них был сад, а в меньшей — каменный костел с каменной оградой, приспособленные к обороне. Подступы к Воле оборонялись люнетом² № 57. Вторая линия была особенно сильна у калишского шоссе, укрепления № 22 и 23. Третью линию составлял городской вал, высотой и толщиной в 10 футов, построенный напротив контрабанды, без всякого соображения с условиями обороны; только потом он был усилен люнетами и флешами. Иерусалимская застава — сильнейшее место третьей линии, укрепления № 15, 16, 18. На вооружении, кроме полевых пушек, было 130 крепостных, но сильно разбросанных.

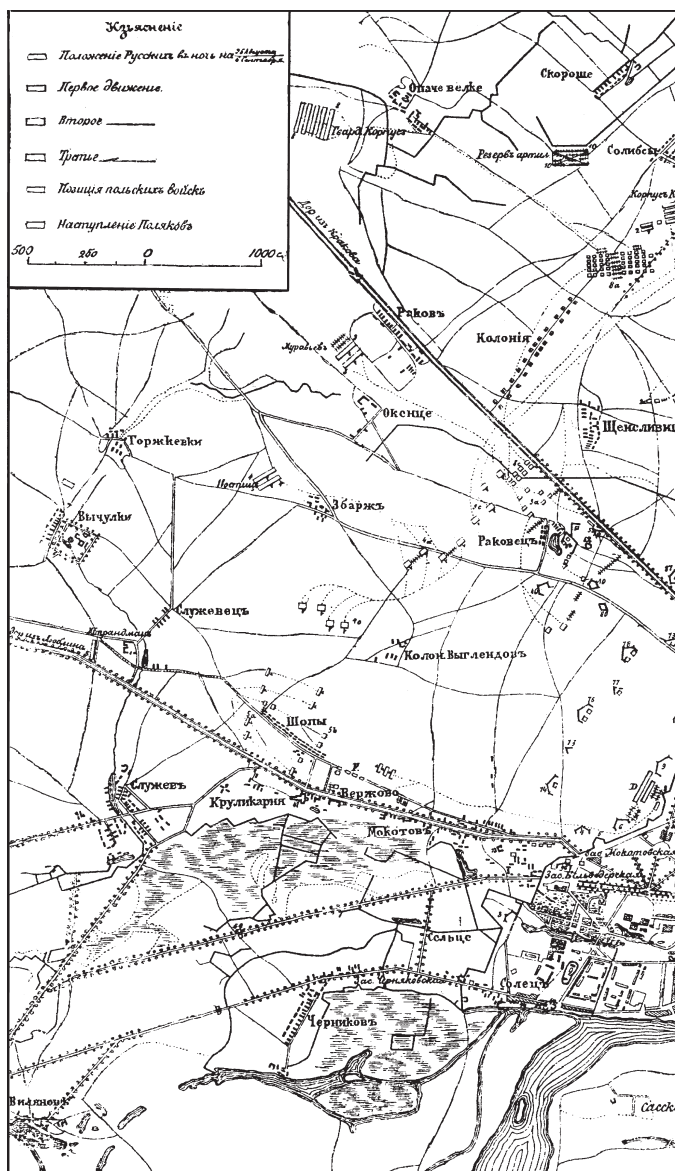
Корпус Уминского (20 тысяч) защищал территорию от Черняковской заставы до № 54, а Дембинский (13 тысяч) — все остальное.

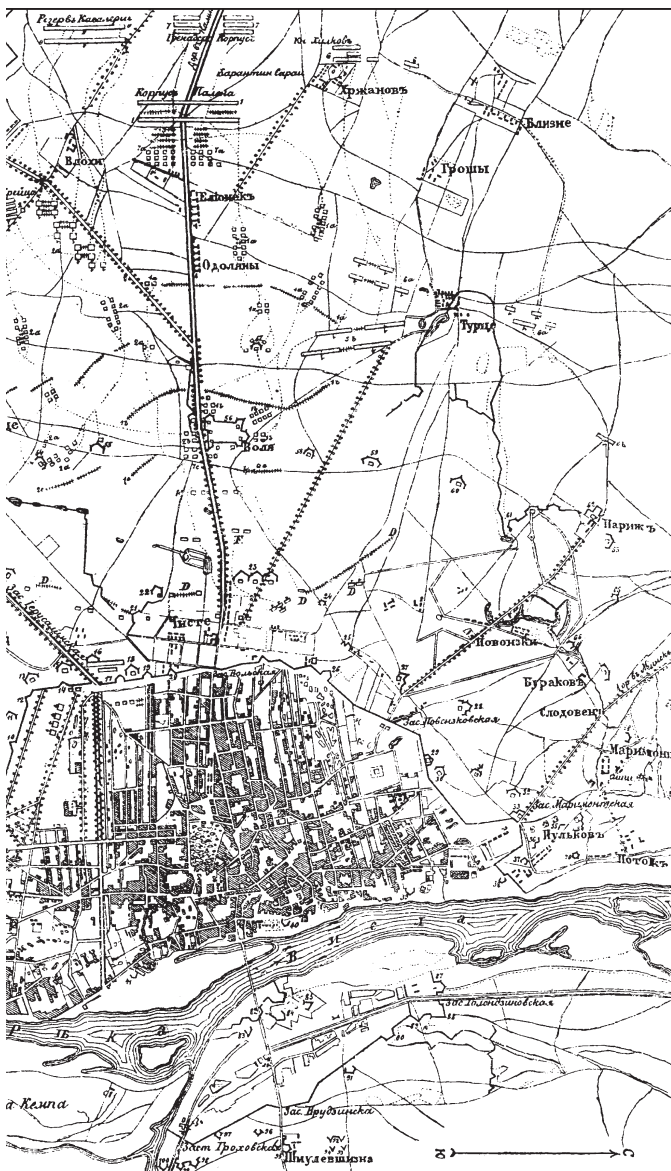
Русские решили вести атаку на Волю. С падением этого сильнейшего укрепления штурм остальных казался делом легким. Кроме того, при бое внутри города в этом направлении скорее можно было добраться до Пражского моста.

1-й день штурма, 25 августа. Согласно воле государя, Паскевич предложил полякам покориться на условии общей амнистии. Круковецкий отвечал о желании восстановить отечество в древних пределах. С вечера 24 августа войска заняли следующие места: 1) Пален (11 тысяч)

¹ Редюит — небольшие укрепления внутри главных для противопоставления неприятелю вторичной преграды. — *Прим. ред.*

² Люнет — открытое полевое укрепление. — *Прим. ред.*

Штурм Варшавы 25—26 августа 1831 г.

у калишского шоссе на высоте Хржанова; цель — атака Воли. 2) Крейц (12 тысяч) около с. Влохи; атаковать укрепления правее Воли. 3) Муравьев (3 тысячи) у Ракова; отвлекать внимание неприятеля по Краковскому шоссе. 4) Штрандман (2 тысячи) у Служевца; для ложной атаки по Люблинскому шоссе. 5) Хилков (2800 кавалерии) около Хржанова, левее Палена, для охранения левого фланга. 6) Ностиц (2100 лег. гв. кавалерии) позади Збаржа, для связи между Штрандманом и Муравьевым и для отражения вылазок. 7) Гвардия и гренадеры (2700) резерв, за Паленом и Крейцом. 8) рез артиллерия (198 орудий) и резервная кавалерия Витта (8 тысяч) у Солибсы, недалеко от Крейца. 9) Казаки распределены по разным пунктам. В 5 часов утра артиллерия открыла огонь, а спустя часа два войска бросились на штурм. Крейц с налету овладел укреплениями № 54 и 55. Труднее достался Палену № 57. Поляки встретили сильнейшим ружейным огнем атакующего, прошедшего волчьи ямы и переходившего ров. Воткнутые штыки послужили ступеньками для подъема на бруствер храбрецов. Несмотря на отчаянное сопротивление, люнет был взят, большую часть гарнизона положили на месте, 80 человек взяты в плен.

Предстоял штурм Воли, которую занимал престарелый генерал Совинский с 5 батальонами и 12 орудиями. Русские выдвинули 76 орудий, а затем с трех сторон пошла отборная пехота. Она ворвалась через вал, но была тут остановлена отчаянным сопротивлением. Наконец поляки оказались выбиты из сада, но редюит оставался в их руках, расстреливать их артиллерийским огнем было нельзя, чтобы не стрелять по своим. Паскевич послал еще несколько полков, причем гренадеров повел Толь. Под сильным огнем неприятеля русские преодолели целый ряд препятствий, но близость цели всех воспламеняла. Перебравшись через ограду костела, солдаты подступили к палисадам, ограждавшим вход в костел. Сделав пролом, они очутились перед заваленными дверьми костела, которые пришлось выбить. Наконец, в 11 часов удалось ворваться внутрь церкви, где после ожесточенной схватки, неприятель был истреблен или взят в плен. Совинский пал под штыками гренадер у алтаря. Пленных 30 офицеров и 1200

нижних чинов, в числе пленных один из зачинщиков мятежа — Высоцкий.

Муравьев взял Раковец, Штрандман — Шопы. Между тем Уминский произвел демонстрацию против них. Тогда Паскевич послал Муравьеву поддержку, а вместе с тем приказал, несмотря на представления Толя, приостановить пока всякие наступательные действия. Это было совершенно ошибочно: чем больше войск Уминский послал бы против Муравьева и Штрандмана, тем было бы легче атаковать в главном направлении. Поляки воспользовались приостановкой, чтобы исправить ошибки в распределении своих войск, что вызвало лишние усилия и жертвы со стороны русских на следующий день. Наконец поляки приняли приостановку за истощение русских сил и тотчас перешли в наступление против Воли, причем подошли к ней на полуружейный выстрел. Тогда два карабинерных полка без всякого приказанья с отчаянной стремительностью бросились вперед в штыки и опрокинули поляков. Но бой на этом не закончился — пришлось 3 раза ходить в штыки, пробрались за вторую линию укреплений и даже в Вольское предместье, но, по приказанию фельдмаршала, отозваны назад. Это был один из кровопролитнейших эпизодов дня.

Уминский отнял у Штрандмана Шопы, но Муравьев удержал Раковец. Было еще только 3 часа дня, но фельдмаршал не пожелал в этот день продолжать штурм. Войска провели ночь без шинелей и теплой пищи, многие даже без куска хлеба, так как запас был только на один день.

2-й день штурма, 26 августа. На следующий день Паскевич имел свидание с Круковецким, но оно ни к чему не привело. Польские войска стянулись преимущественно к центру между Вольскою и Иерусалимскою заставами. Около 2 часов дня русские начали канонаду. В самом начале дела Паскевич был контужен ядром в руку и, бледный, с искаженным лицом, свалился он на землю¹. Неограниченное командование армией он передал Толю.

¹ Некоторые подозревают, что Паскевич все это сделал, чтобы уклониться от командования и возложить все на Толя.

Немедленно была сосредоточена 120-пушечная батарея, которая начала борьбу с польской батареей из 112 полевых и крепостных орудий. Муравьеву было приказано энергично наступать. Муравьев, усиленный гвардейской бригадой, повел атаку двумя колоннами. Одной после упорного боя овладел укреплением № 81, а другая устремилась на № 78. Уминский выслал против нее пехотный и кавалерийский полки. Тогда Ностиц послал на помощь гвардейских драгун, покрывших здесь себя и подоспевших к ним на помощь лейбгусар неувыдаемой славой в борьбе с противником, вчетверо сильнейшим.

Около 5 часов Крейц пошел двумя колоннами на укрепления № 21 и 22: 4-я конная рота полковника Житова подскочила к редуту № 21 на 200 шагов и осыпала неприятеля такой жестокой картечью, что он бежал, не выждав атаки, причем конноартиллеристы охотники бросились верхами в редут и захватили орудие. Таким образом, Житов явил крайне редкий образец самостоятельной атаки артиллерией без помощи других родов войск.

№ 22 с двумя батальонами был занят войсками Крейца после упорного боя, причем гарнизон почти поголовно истреблен.

Пален овладел № 23 и 24, а далее после ожесточенного боя — евангелическим кладбищем. Было уже около 6 часов вечера, наступали сумерки. Некоторые генералы предложили Толю отложить штурм до утра. «Теперь или никогда», — отвечал Толь и приказал привести войска в порядок, усилить резервами, направить артиллерию и штурмовать городской вал. После 3-часовой борьбы Иерусалимская застава взята, а около 10 часов вечера — Вольская. Ночью половина войск отдыхала, а другая находилась под ружьем, выдвинув передовые посты всего на 50 шагов впереди вала. Саперы прорезали амбразуры для орудий для завтрашнего дня. Однако драться не пришлось: ночью главнокомандующий Малазовский прислал на имя Паскевича письмо, что к 5 часам утра Варшава будет очищена.

Очистив Варшаву, поляки двинулись к Модлину. 27 августа русская армия вступила в неприятельскую столицу. По-

тери русских составили 10 $\frac{1}{2}$ тысячи, поляков — 11 тысяч и 132 орудия.

Казалось, что борьба с поляками кончилась и разбитая польская армия должна отдаться на милость победителя. Однако едва поляки избегли грозившей им гибели, как собравшиеся в Закрочиме (возле Модлина) члены правления заявили о нежелании безусловно повиноваться. У Паскевича было 60 тысяч, но в гарнизон Варшавы надо было выделить 12 тысяч, да отряд для обеспечения Брестского шоссе, то есть осталось бы 45 тысяч, которыми он не хотел рисковать и идти против 30 тысяч поляков, хотя и разгромленных и дезорганизованных. Он хотел выждать, когда Розен и Ридигер справятся с Ромарино и Рожицким.

Малаховский приказал Ромарино прибыть в Модлин, но последний, преследуя свои личные цели и подчиняясь желанию магнатов, бывших при его отряде, не исполнил приказания главнокомандующего под предлогом опасности движения к Модлину. Он решил отступить к Верхней Висле, переправиться у Завихоста и соединиться с Рожицким. Ромарино занял сильную позицию у Ополя, но 3 сентября был там опрокинут Розеном, который в конце концов прижал его к австрийской границе. 5 сентября у Борова Ромарино с 14 тысячами и 42 орудиями перешел границу и сдался австрийцам.

В первых числах сентября Ридигер, усиленный из отряда Розена, имел 9 тысяч с 24 орудиями. Рожицкий тоже имел 9 тысяч, но отступил на Пинчов и, предполагая держаться здесь за р. Нидой, отделил к Стопнице Каменского с большей частью кавалерии, 3 батальонами и 2 орудиями. Ридигер 11 сентября послал против Каменского Красовского с 2 тысячами, а сам пошел на Пинчов. 12 сентября Красовский настиг и разбил Каменского у Шкалмбержа (одних пленных 2 тысячи), а генерал Плахово с авангардом Ридигера нанес сильное поражение Рожицкому, отступавшему на Мехов. 14 сентября Рожицкий решил перейти в краковские владения. Ридигер последовал за ним и вытеснил его в Галицию, где австрийцы обезоружили поляков; впрочем, их осталось только 1400 человек.

Смерть полковника Козлиникова
в окрестностях г. Плоцка

Видя успехи против Ромарино и Рожницкого, Паскевич решил действовать силою оружия против главной польской армии. Для поляков продолжать войну на севере было невозможно, оставалось перенести войну на юг в лесистую, гористую и пересеченную местность, где можно было опираться на Краков и сочувствовавшую полякам Галицию. Однако, чтобы перебросить армию на юг мимо русских, требовались быстрота, энергия и скрытность.

Новый польский главнокомандующий Рыбинский, оставив гарнизон в Люблине, прибыл 11 сентября к Плоцку. Переправа началась благополучно, но Рыбинский вернул войска назад, от Паскевича были возвращены условия о покорности, принятые большинством на военном совете. Но такое решение вызвало негодование, особенно среди молодых офицеров, а потому предложение — отвергнуто. Паскевич послал большую часть своих сил за поляками по обоим берегам Вислы.

16 сентября у Влоцлавска опять благополучно началась переправа поляков, но Рыбинский, узнав об участии Рожницкого (на соединение с ним уже нельзя было рассчитывать), опять отказался от переправы. Тут же Мюльберг, который вел переговоры с Паскевичем, привез новое его предложение, более суровое, из присяги слова «конституционному» и «отечество» были исключены. Предложение отвергли и решили уходить в Пруссию.

20 сентября польская армия (21 тысяча, 95 орудий и 9 тысяч лошадей) перешла прусскую границу в Собержине, Шутове и Гурзно (к востоку от Торна). Оборванные, в холщовых брюках, без шинелей и многие даже без обуви, поляки внушали сострадание прусским войскам, приготовившимся их принять. Пока войска имели в руках оружие, они еще казались спокойными, но когда им пришлось отдать ружья, слезть с коней, отстегнуть и сложить сабли, то некоторые заплакали. Через несколько дней, однако, поляки предались беззаботной и рассеянной жизни. Их беспокойное поведение, постоянное стремление к интригам и сплетням, ненависть ко всему, что носило признак порядка, наконец, их хвастовство и тщеславие — все это

было причиною, что перешедшие границу еще более упали в общем мнении.

Модлин (6 тысяч) сдался 26 сентября, Замостье (4 тысячи) — 9 октября.

За время восстания Царство Польское потеряло 326 тысяч человек, из них 25 тысяч одна Варшава, и свыше 600 миллионов злотых, не считая частных потерь. Но важнее всего, что поляки утратили те значительные привилегии, которыми пользовались до восстания.

Венгерский поход в 1849 г.

*П. М. Андрианов,
подполковник Генерального штаба*

Политическая обстановка и начало войны

Револуция 1848 г., охватив важнейшие государства Западной Европы, коснулась и лоскутной монархии Габсбургов. Пользуясь слабостью центральной власти, венгерский парламент настойчиво требовал расширения своих прав и явно обнаруживал стремление выйти из-под опеки общеимперских учреждений. Всецело захваченное борьбой с Италией, австрийское правительство пошло было на уступки, но чрезмерные националистические притязания мадьяр вызвали энергичный протест со стороны народностей, населяющих венгерские провинции: сербов, кроатов и румын.

При ассигновании венгерским парламентом средств на борьбу со своими славянами возник острый конфликт между короной и венгерским парламентом. Оппозиция, руководимая Кошутом, проявила явное неповиновение имперской власти. Назначенный императором главнокомандующий венгерской армии граф Ламберт 28 сентября был убит возмущившейся чернью. В стране вспыхнул мятеж.

Манифестом императора 3 октября венгерское национальное собрание было распущено. Борьба разгоралась, 18-тысячная венгерская армия двинулась к Вене на поддержку революционеров. Габсбургская династия была объявлена низложенной в Венгрии. Австрийское правительство получило князю Виндишгрецу усмирить восстание. Австрийская

армия, разбив при Швехате венгерские ополчения, почти беспрепятственно дошла до Пешта, заставив Кошута и его приверженцев удалиться в Дебречин. Осенью 1848 г. венгерские силы сосредоточились частью в Трансильвании под начальством энергичного генерала Бема, частью на р. Тисе под начальством поляка Дембинского.

Бездействие австрийцев в течение зимы позволило Венгрии привести в порядок свои силы. В Трансильвании Бем развил энергичные действия против австрийского отряда генерала Пухнера, так что австрийский генерал, доведенный до крайности, обратился за помощью к русскому генералу Лидерсу, занимавшему Валахию. Лидерс выделил в помощь австрийцам два небольших отряда: генерала Энгельгардта и полковника Скарятин.

Русские войска заняли пограничные города Германштадт и Кронштадт, но это не оказало существенной помощи австрийцам в Трансильвании. Бем продолжал теснить их.

Между тем на Тисе 14 и 15 февраля 1849 г. князю Виндишгрецу удалось разбить при Копольне Дембинского, но этим и ограничен был успех австрийцев. Бездарный Дембинский был сменен талантливым и опытным генералом Герге-ем, и война приняла иной оборот. Венгры овладели Петерсвардейном, осадили крепости Арад, Карлсбург и Темешвар, заняли центр края — Будапешт и двинулись к Вене. Слабая австрийская армия отошла к Пресбургу. Удар заносился над столицей Габсбургов. Не видя возможности справиться с врагами, австрийское правительство обратилось к императору Николаю Павловичу с просьбой оказать помощь соседней стране для восстановления порядка и поправленных прав монарха. Просьба не была отклонена.

Революционный пожар на Западе Европы вызвал понятную тревогу в правящих сферах России. Чтобы оградить наше отечество от тяжких последствий смуты, государь повелел мобилизовать в западном районе империи 4 корпуса, а 5-й (генерала Лидерса) по соглашению с Турцией послан был в Валахию. Сообщая русскому народу в манифесте от 14 марта 1848 г. о событиях на Западе, государь объявил, что «мятеж и безначалие распространились в Австрии и в Пруссии и в безумии

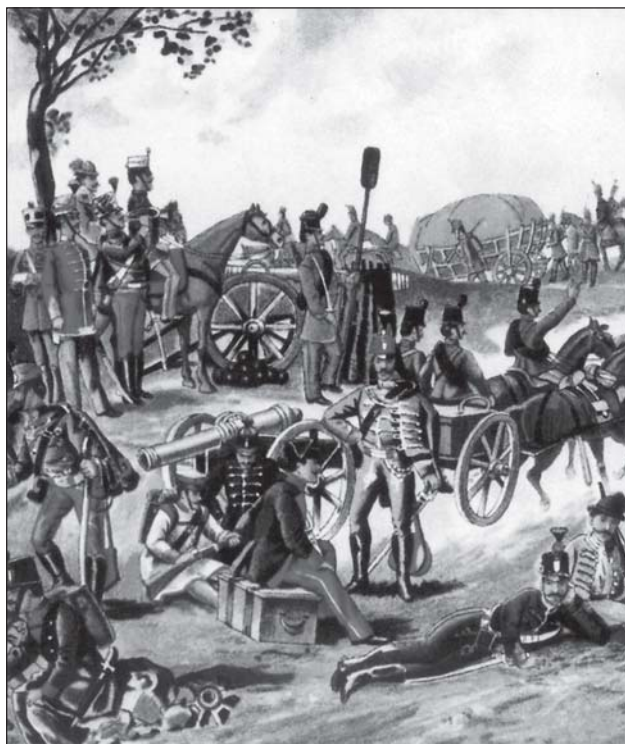

Солдаты разных родов войск венгерской национальной армии.
1848—1849 гг.

Руководители революционного движения в Венгрии:
Г. Дембинский, Л. Кошут, Ю. Бем

Генерал-лейтенант А. Гергей
(1818—1916), главнокомандующий
венгерской армии

Лагерь отряда венгерской национальной армии (1849)

Князь А. Виндишгрец (1787—1862),
австрийский фельдмаршал, до
апреля 1849 года возглавлял поход
против Венгерской революции

Генерал-фельдмаршал
И. Ф. Паскевич
(1782—1856),
главнокомандующий
русской армии в Венгрии

Триумфальный въезд австрийских войск во главе с императором
Францем-Иосифом I в Рааб. Июль 1849 года

своем, не зная себе более пределов, угрожают и нашей Богом нам вверенной России».

Руку помощи австрийцам император Николай I протягивал при условии соблюдения следующих требований: 1) русские войска действуют отдельно от австрийских, 2) сила наших отрядов должна быть значительна для развития самостоятельных действий и 3) база русской армии устраивается в Галиции. Соглашаясь принципиально с этими условиями, австрийское правительство ввиду опасности, угрожавшей Вене, упросило русского главнокомандующего князя Паскевича выделить из состава русской армии, предназначенной для усмирения венгров, одну дивизию в помощь австрийским войскам. Дивизия Панютина была перевезена по железной дороге из Кракова в Вену.

Силы сторон. На помощь деморализованной военными неудачами регулярной австрийской армии, насчитывавшей в своих рядах на главном театре под Веной не более 40 тысяч человек, была отправлена русская армия силой в 190 тысяч. В состав нашей армии вошли: 2-й пехотный корпус (генерал-лейтенант Куприянов), 3-й пехотный корпус (генерал-адъютант Ридигер), 4-й пехотный корпус (генерал от инфантерии Чеодаев), 5-й пехотный корпус (генерал-адъютант Лидерс). Всего в действующей армии — 196 батальонов, 154 эскадрона, 70 сотен, 584 орудия. Из этих войск 3 корпуса предназначались для действий на главном театре в Венгрии со стороны Галиции и один корпус (Лидерс) — для действий в Трансильвании.

Боевая подготовка русских войск была односторонняя. Наша армия переживала эпоху увлечения сомкнутым строем, маршировкой, одиночной выправкой, стрельба и рассыпной строй были в пренебрежении. Армия наша незадолго перед походом имела обширный боевой опыт во время войны с Турцией в 1828—1829 гг., но благополучный исход этой войны для русского оружия затмил в то же время обнаружившиеся серьезные недостатки в деле боевой подготовки. Но, несмотря на общее ложное направление в системе тактической подготовки войск, наша армия из опыта последней Русско-турецкой войны вынесла много поучительного. Во время Венгерского похода наши войска значительно превос-

ходили боевым опытом своих врагов, а наши союзники – австрийцы – постоянно восторгались подготовкой русских войск в тактическом отношении.

Главкомандующим русской армии, действующей в Венгрии, был назначен фельдмаршал князь Паскевич-Эриванский. Он пользовался личной дружбой и полным доверием государя. Странно было слышать из уст человека на склоне дней, с почти полувековым боевым опытом, что война с инсургентами должна быть решена не «баталиями», а маневрами. Действия Паскевича, как и в 1831 г., были медлительны и излишне осторожны. Упускаются самые благоприятные случаи для нанесения решительного удара врагу. Фельдмаршал постоянно считает врага сильнее, чем он есть в действительности. Неумение распорядиться крупными силами затянуло войну.

Совсем иначе действовал командир 5-го корпуса генерал-адъютант Лидерс. Оказавшись в роли самостоятельного начальника на Трансильванском театре, Лидерс обнаружил крупные военные дарования. Он умело разбирается в обстановке, принимает смелые решения и энергично проводит их в исполнение. При этих дарованиях Лидерс обладал личной обаятельностью и заслужил любовь и доверие у офицеров и солдат.

Вооруженные силы Венгрии состояли из регулярной армии и ополчения (гонвед)¹. Регулярная армия — 25 батальонов пехоты, 18 гусарских полков (144 эскадрона) и 50 батарей (400 орудий). Главную массу войск составляло народное ополчение. В течение войны было сформировано 147 батальонов гонведа. К венгерским войскам примыкали легионы польских и итальянских волонтеров. При полном напряжении сил страна могла дать около 160 тысяч бойцов, но из них большая часть не была обучена военному делу. Вооружение было самое разнообразное: нередко попадались охотничьи ружья и даже косы. При недостаточной выучке и плохом вооружении армия была охвачена большим воодушевлением. Воинственные мадьяры и особенно секлеры, населявшие восточную Трансильванию, сражались с большим подъемом и упорством. Из родов войск

¹ Гонведы — венгерская пехота. — *Прим. ред.*

хорошими боевыми качествами отличались венгерская конница, сидевшая на превосходных конях.

Командный состав венгерской армии был мало удовлетворителен. Случайные начальники выдвигались благодаря интригам политических партий. Офицеры из магнатов-помещиков, взявшиеся за оружие поневоле, не были подготовлены. Из заурядных военачальников выдвинулись два: Гергей и поляк Бем. Первый получил солидное образование и обладал военным опытом. Действия его были энергичны и толковы. Многие операции Гергея были хорошо продуманы и осуществлены с большою смелостью.

Генерал Бем показал себя в Трансильвании как искусный организатор народных ополчений. Он отличался большою подвижностью, умением воодушевить войска. Это был тип партизана в широком масштабе, склонного к авантюристическим предприятиям, чуждого политических интриг.

Театр войны. Главным театром военных действий для русской армии послужили южные склоны Карпатских гор и долина р. Тисы; второстепенным театром являлась Трансильвания. Склоны Карпат и Трансильвания имеют все особенности гористых стран; широкая долина р. Тисы болотиста, бедна хорошою питьевою водою и отличается дурным климатом. Лучшие пути из Галиции к столице Венгрии, Пешту, шли из Яблунки, Иорданова, Змиграда и Дуклы. Пути из Валахии в Трансильванию шли через Темешское и Ротентурмское ущелья. Почти все дороги были грунтовые. Население в горной части Венгрии славянское, в Трансильвании — румыны, в долине Тисы — мадьяры. Славяне и румыны бедны и угнетены, мадьяры очень зажиточны.

Мадьярские населенные пункты представляли большие удобства для расквартирования войск. Продовольственные запасы всюду имелись в большом количестве. Славянское население страны сочувственно относилось к русским войскам; сельское мадьярское население не проявляло враждебных чувств, только в Трансильвании секлеры проявляли большую нетерпимость к чужестранцам.

Континентальный климат с резкими колебаниями суточной температуры способствовал развитию болезней.

Карта театра войны в Венгрии

Группировка сил перед вступлением русских войск на театр войны. Внушая австрийцам ужас близостью к ним, главная венгерская армия (58 тысяч), под начальством Гергея, занимала в мае 1849 г. крепость Коморн. У слияния Тисы с Дунаем расположилась 30-тысячная армия Перцеля-Феттера; в Трансильвании в различных пунктах группировалась 40-тысячная армия Бема. В стране спешно производились новые формирования. При первых слухах о вмешательстве в войну России мелкие наблюдательные отряды выдвинуты были на восток к Карпатским проходам.

Русская армия, вступив в Галицию, развернулась на линии Иорданов—Змиград—Дукла. 5-й корпус Лидерса сосредоточился в Северной Валахии на границе с Трансильванией; здесь же 12-тысячный отряд австрийцев. Австрийская армия Гайнау (70 тысяч), усиленная русской дивизией Панютина, — на линии Эденбург — Пресбург. Кроатский бан Иелачич (40 тысяч) у кр. Петервардейн. Имея почти полуторное превосходство в силах, союзники занимали объемлющее положение, угрожая со всех сторон венгерским силам.

План союзников. Предметом действий главных сил русской армии намечалась столица Венгрии — Пешт: операционное направление — в тыл главным силам венгров, сосредоточенным у кр. Коморн, наступление планировалось осуществить двумя колоннами: а) правая — Ридигера (31 $\frac{1}{2}$ тысячи) через Неймарк и южные переправы Карпат, б) левая — Паскевича (71 тысяча) из Дуклы на Кашау; после соединения обе колонны наступают к Пешту. Отряд ген. Граббе (15 тысяч) охраняет Галицию. Отряд генерала Гротенгельма (8 $\frac{1}{2}$ тысячи) вступает через Буковину в Трансильванию к р. Быстрице, отвлекая противника от главного театра. Австрийская армия с дивизией Панютина переходит в наступление с запада к Коморну. Генерал Лидерс (26 тысяч) вторгается из Валахии в Трансильванию; в связи с ним действует 12-тысячный корпус австрийцев и 40-тысячная армия Бана Иелачича.

Этот сложный план действий по внешним операционным линиям войсками разных государств, разных настроений и не объединенных общим командованием нельзя признать удачным.

Краткий очерк действий на главном театре

Вторжение главных сил русской армии из Галиции в Венгрию произошло в начале июня. Перевалы в горах на путях 100-тысячной русской армии были заняты слабыми отрядами ополчений до 17 тысяч на фронте около 200 в. Венгерскими отрядами командовал поляк Дембинский, но вскоре его заменил Высоцкий. Однако русская армия с большой осторожностью движется вперед через горы, сохраняя готовность к бою на каждом переходе. Между тем слабые отряды Высоцкого спешно отступали при первом известии о появлении русских войск. 11 июня нашему конному отряду удалось достигнуть у Шомоша венгров и нанести им первое поражение.

12 июня наш главнокомандующий, в предложении, что противник занимает позицию у Будамира, выстраивает на походе боевой порядок из 4 дивизий фронтом на 5 верст и в таком порядке следует почти полперехода. Лишь 12-го, после занятия Кашау, наша армия переходит к более широкому расположению, занимая 2 корпусами Мишкольц и одним — Токай. В течение двух недель с 5 по 18 июня наши главные силы перешли по гористой местности 200 верст, почти не встретив сопротивления. 21-го гнездо революции — г. Дебречин — был занят русскими войсками. Продовольственные транспорты сильно отстали и пришлось обратиться к местным средствам. В сборе продуктов встретилось затруднение. Австрийцы, обещавшие доставлять все нужное русским войскам, по обыкновению, не могли исполнить взятых на себя обязательств.

С первых же дней изнурительного похода в наших войсках появилась холерная эпидемия. Болезнь сильно разрасталась. С 17 по 23 июня умерло около 2 тысяч. Санитарные средства при армии были ничтожны, и борьба с страшной болезнью была не по плечу малочисленному медицинскому персоналу. К счастью, в конце месяца, вырвав массу жертв, болезнь стала ослабевать. Опасение встречи с врагами побуждало князя Паскевича постоянно держать войска в сборе. На отдых располагались исключительно на биваках, что также способствовало развитию болезней.

Под Коморном. Одновременно с вторжением русской армии с востока из Галиции, перешли в наступление главные силы венгров под начальством Гергея против австрийской армии Гайнау.

8 июня, наступая левым берегом Дуная, Гергей разбил 12-тысячный австрийский корпус Вольгемута, но на следующий день к австрийцам прибыла русская дивизия Панютина, и, ободренные этой поддержкой, они перешли в наступление. Гергей с 18-тысячным отрядом при 60 орудиях занял позицию у с. Перед. Союзники тремя колоннами подошли к позиции, причем в центре на важнейший участок наступала дивизия Панютина, а Брянский полк под командой полковника Семякина подкрепил правую колонну австрийцев. При наступлении брянцы неожиданно попали под огонь скрытно расположенной 16 орудийной батареи противника. Головной батальон заколебался. Тогда полковник Баумгартен, выхватив у знаменщика полковое знамя, смело бросился вперед, а за ним, как один человек, кинулся весь полк.

Венгры не сдержали этого порыва и отступили, очистив на правом фланге с. Киралирева. Между тем дивизия Панютина, смело наступая в центре, ворвалась в с. Перед и завязала молодецкий штыковой бой. Стройное наступление русских батальонов под грохот барабанов, как на параде, поразило венгров. Первая линия, не выдержав штыкового удара, бежала, очистив с. Перед. Гергей с трудом удерживал от бегства свои резервы. Не принимая удара, они отступают, очищая поле сражения. Ночная темнота не позволила союзникам развить успех. Первый бой с участием русских войск закончился полной победой. Честь этой победы бесспорно принадлежала русским войскам, выполнившим самую трудную задачу.

После неудачного боя у с. Перед Гергей отошел к кр. Коморн. Австрийская армия перенесла операции на правый берег Дуная. 1-й австрийский корпус, подойдя к Коморну, отеснил передовые посты венгров, но 20 июня Гергей перешел в наступление и потеснил австрийцев. В критическую для австрийцев минуту боя на поле сражения прибыла поднятая по тревоге дивизия Панютина и вырвала у венгров победу.

29 июня при вторичной попытке Гергея перейти в наступление из Коморна, временный успех венгров опять был парализован искусными действиями дивизии Панютинна, развернувшейся на фланге венгерской армии.

30 июня передовые части австрийской армии заняли на правом берегу Дуная Офен, а в этот же день летучий отряд русской армии находился у Пешта.

Наступление русской армии к Дунаю. Выждав подхода продовольственных транспортов и выделив отряды для обеспечения тыла, 26 июня князь Паскевич возобновил наступление. Армия, связанная огромнейшим обозом в 4 тысячи повозок, двигалась очень медленно. 1 июля главные силы подошли к Хатвану и Хорчу.

2 и 3 июля было обнаружено движение венгерской армии левым берегом Дуная от Коморна к Вайцену. Гергей, оставив в Коморне 18-тысячный гарнизон под начальством Клаппи, с 27-тысячной армией пошел на восток. Узнав о движении Гергея, князь Паскевич имел намерение привлечь венгерскую армию на равнину к юго-востоку от Вайцена и нанести ей здесь удар. 3 июля наши главные силы группируются так: авангард генерала Засса — у Годоло, 2 и 3-й корпуса — у Ашода, близ Вайцена — кавказская конница князя Бебутова, 4-й корпус — на марше Гиенгиеша. Утром 3 июля авангард венгерской армии, подойдя к Вайцену, сбил наши конные посты и оттеснил отряд Бебутова к Уйфале. Венгерские войска, заняв Вайцен, расположились на позиции за железнодорожной насыпью.

Генерал Ридигер, командир 3-го корпуса, узнав о подходе венгров, приказал генералу Зассу с конницей авангарда поддерживать кн. Бебутова, но генерал Засс двинул также свою пехоту. Подойдя к Вайцену, генерал Засс ввязался в упорный бой. Многочисленная и удачно расположенная на местности венгерская артиллерия открыла убийственный огонь, осыпая градом снарядов нашу артиллерию, ставшую на открытой позиции. Атаки нашей конницы расстраивались огнем венгерской артиллерии. На помощь генералу Зассу прибыла конница 3-го корпуса под начальством генерала барона Оффенберга, но и это не склонило успеха на нашу сторону. К венгерскому

авангарду все время подходили подкрепления. Прибыл Гергей, но, видя упорство русских, посчитал, что имеет дело с крупным отрядом, и не рискнул перейти в наступление. К полю сражения с нашей стороны прибыл генерал Ридигер. Он сделал выговор генералу Зассу за неточно исполненное приказание, но не счел возможным отступить, чтобы не подорвать духа войск. Бой продолжался до наступления темноты. Потом наши войска очистили занимаемую позицию и отошли на 2—3 версты от поля сражения. Все были уверены, что на следующий день бой возобновится.

4 июля венгерская армия, утомленная тяжелыми переходами и последним боем, оставалась на позиции у Вайцена. У противника почти на исходе были запасы продовольствия и необходимо было спешно собрать новые. Положение слабой 25-тысячной полумилиционной армии Гергея в непосредственной близости от почти втрое превосходящих сил русской армии было поистине тяжко. Решительный удар 4 июля мог бы привести к окончанию войны. Но князь Паскевич продолжал заблуждаться относительно сил противника. Он считал, что перед ним по крайней мере 40 тысяч мадьяр. 4-го он не рискует атаковать врага, откладывая бой на следующий день. А между тем Гергей, убедившись, что перед ним собралась вся русская армия, с которой не под силу бороться венграм, останавливается на новом плане действий. В ночь с 4 на 5 июля он совершенно скрытно очищает вайценскую позицию для того, чтобы двинуться кружными северными путями через горы и угрожать тылу русской армии. Этот смелый план врага приводит в смущение князя Паскевича. У него появляется множество предположений относительно дальнейших действий Гергея. В итоге наша армия приостанавливается, а затем стягивается в обратном направлении к Гиенгиешу и Мезо-Кевезду.

Во время этих передвижений к району операций русской армии с юга от Солнока приближалась только что сформированная 24-тысячная Тисская армия Перцеля. Эта армия имела задачу облегчить прорыв Гергея от Вайцена к югу. Не зная еще об отступлении Гергея, Перцель двинулся на север. 8 июля эта армия столкнулась близ Тура с особым русским отрядом генерала Лабинцева, сформированным для прикрытия

огромных обозов нашей армии. Сперва конница нашего отряда потеснила многочисленную венгерскую конницу, и с прибытием 7 батальонов нашей пехоты вся Тисская армия отступила к Замбоку. Далее, по распоряжению венгерского правительства, армия Перцеля получила новую задачу: оборонять р. Тису от австрийцев.

Между тем армия Гергея, совершив кружной марш в горах, делая форсированные переходы, 10 июля благополучно вступила в Мишкольц. В это время наша армия стягивалась к Гиенгешу. Против венгров к Мишкольцу князь Паскевич направил 4-й корпус, а с 2 и 3-м двинулся к Тиса-Фюредской переправе, чтобы не допустить Гергея на правый берег Тисы. 13 июля генерал Чеодаев атаковал часть венгерской армии на позиции за р. Шайо, но противник ушел из-под удара, уничтожив за собой мосты.

14 июля отряд князя Горчакова занял Тиса-Фюред и переправу, оттеснив при этом 2-тысячный отряд противника. Главные силы нашей армии под начальством князя Паскевича в этот же день заняли Мезо-Кевезд. К Токаю, по приказанию главнокомандующего, следовали отряды генерала Граббе и генерала Сакена. Таким образом, все пути для армии Гергея (25 тысяч) в Южную Венгрию на Дебречин-Темешвар были закрыты частями 100-тысячной русской армии. Но главная масса русских сил группировалась у Тисса-Фюреда. Этим пользуется Гергей и, оттеснив 16 июля отряд генерала Граббе у Гестели, занимает Токай и, благополучно переправившись через р. Тису, отходит со своей армией к Ньюред-Хаза.

Князь Паскевич, все еще опасаясь за свои сообщения, не идет решительно на юг, чтобы перехватить пути венгерской армии, а занимает выжидательную позицию на р. Тисе у д. Чеге, куда переносят мост из Фюреда. Затем русская армия осторожно, ощупью, не имея сведений о противнике, выдвигается на восток, к р. Хернанд и 20 июля получает известие, что Гергей уже за Тисой и отходит к Ньюред-Хаза. Тогда князь Паскевич решил идти к Дебречину.

Желая уклониться от встречи с русской армией и отойти за р. Беретию, для прикрытия Гросс-Вардейна, Гергей спешно шел на Бемош—Перч, выдвинув боковой авангард (8 тысяч,

40 орудий) под начальством Надь-Шандора через Дебречин на Б. Уйфалу.

Дебречинский бой. 2 июля армия Паскевича, в составе 2 корпусов пехоты и 2 дивизий конницы (63 тысячи), достигла Уйвароша. В это время Дебречин был уже занят боковым авангардом венгерской армии. Противник мог легко уклониться от боя, но генерал Надь-Шандор, не осведомленный о том, что перед ним главные силы русской армии и к тому же поддержанный местным населением (национальной гвардией), решил принять бой. Позиция занята к северо-западу от города.

Князь Паскевич из Уйвароша посылает на разведку 12-тысячный отряд конницы. Разведка выяснила, что у города занимает позицию венгерская армия. Силы противника не были определены даже примерно. Князь Паскевич считает, что перед ним готовая к отчаянному сопротивлению вся армия Гергея. Атака венгров назначается на 21 июля. Утром вся наша армия у Уйвароша развернулась в боевой порядок. Одна дивизия пехоты с бригадой конницы составили резерв. В таком порядке армия двинулась вперед по пересеченной местности через кукурузные поля и виноградники. Через несколько верст движения армия свернулась в походную колонну, но, не доходя 6 верст до Дебречина, снова развернулась в боевой порядок. Конница двинулась вперед, отеснила конные посты неприятеля и подступила к позиции венгров. Две наши конные батареи открыли огонь по 40-орудийной батарее противника и в огневом состязании понесли сильный урон. Только после двух часов дня русская армия в нормальном боевом порядке подошла к полю сражения.

Стратегически важным был левый фланг неприятельской позиции: отсюда отходили пути отступления на Темешвар, но князь Паскевич избрал пунктом решительного удара правый фланг. При первом же натиске русских войск правый фланг противника был сбит, и весь отряд Надь-Шандора освободил позицию и в беспорядке бросился бежать на юг. Беглецов энергично преследовали до ночи казаки и кавказская кавалерия. Пехота, утомленная движением, в боевом порядке не могла уже преследовать.

Удачно избежав встречи с многочисленной русской армией, Гергей 27 июля вступил в Гросс-Вардейн.

Заняв Дебречин, в ожидании подвоза припасов, армия не могла продолжать наступление.

Действия армии Гайнау на западном фронте. 12 июля столица Венгрии была занята 45-тысячной армией Гайнау. Революционное правительство Венгрии бежало в Сегедин. Сюда призывались новые ополчения. Инсургенты спешно строили укрепленный лагерь.

В Пеште Гайнау получил известие о том, что бан Иелачич еще 4 июля потерпел поражение у Хендьеша и ушел за Дунай у Петервардейна. Гайнау, оставив часть сил в Пеште, спешит на выручку бану и кр. Темешвар в Южную Венгрию. Венгерские ополчения, несмотря на горячие воззвания патриотов, собирались к Сегедину медленно. В середине июля вместо предположенных 100 тысяч едва набралось 35. Узнав о приближении австро-русской армии Гайнау, венгры оставили незаконченную позицию у Сегедина и отошли на другую позицию за р. Тисой у Серегая. Но и здесь держались только до появления авангарда австрийцев. Затем венгерская армия пыталась идти к кр. Арад, где легко могло произойти соединение этих сил с армией Гергея, ушедшей уже из-под ударов князя Паскевича, но близость Гайнау помешала движению Сегединской армии к Араду, и она потянулась к осажденному Темешвару.

Командование над Сегединской армией принял генерал Бем, вызванный из Трансильвании. 28 июля Гайнау наконец настиг близ Темешвара венгерскую армию. Соединенных сил австрийско-русской армии было около 28 тысяч, у Бема же собралось около 45 тысяч. Гайнау подвел к позиции утром 28 июля не более 20 тысяч. Не видя значительных сил венгров, укрытых в перелесках, Гайнау решил атаковать врага. Бем, видя слабость союзных сил, тоже захотел перейти в наступление. Происходит встречный бой.

Австрийцы не ожидали наступления венгров, и скоро энергичным натиском гусар, подкрепленных венгерской пехотой, были поставлены в критическое положение. И на этот раз дивизия Панютинна выручила австрийцев. Заслышав гул боя,

Панютин, находившийся на $\frac{1}{2}$ перехода в тылу, бросился к полю сражения. Доблестный полковник Баумгартен с 2 батальонами орловцев у д. Бешеново ринулся в бой и приостановил натиск венгерской пехоты. Баумгартен поддержал полковник Семякин с Брянским полком, и русский отряд стал теснить венгров. Появление русских войск на поле сражения ободрило австрийцев и послужило сигналом к общему переходу в наступление союзников. Бем был отброшен к Лугошу, а кр. Темешвар освобождена после $3\frac{1}{2}$ -месячной осады. При преследовании Бема союзники захватили в плен около 15 тысяч деморализованных венгров.

Краткий очерк военных действий в Трансильвании

Для действий в Трансильвании был предназначен 5-й пехотный корпус генерал-адъютанта Лидерса, сосредоточенный в Северной Валахии. Здесь же находился австрийский отряд графа Клам-Галаса, силою около 10 тысяч. В Южной Валахии и в Молдавии для поддержания порядка в тылу находился небольшой отряд русских войск под начальством генерала Данненберга. Всего у Бема было около 32 тысяч войск при 110 орудиях. Австрийцы занимали единственный пункт в стране: кр. Карлсбург, осажденную венграми.

Усмирить Трансильванию было нелегко. Воинственное население — секлеры — склонно было во всем помогать своей армии, даже развить партизанские действия. Гористый театр мог до чрезвычайности затруднить ведение операций. Настроение армии Бема, под влиянием предшествующих побед над австрийцами, было бодрое, а главнокомандующий отличался энергией и пользовался большой популярностью в стране.

На путях из Валахии в Трансильванию перед вторжением русских сил находились: у Ротентурмского прохода близ Германштадта — $3\frac{1}{2}$ тысячи венгров, у Темешского и Терцбургского проходов на путях к Кронштадту — около $4\frac{1}{2}$ тысячи.

Генерал Лидерс избирает для вторжения главных сил своего корпуса путь через Темешский проход, а ближайшим

предметом действий намечает Кронштадт. Поэтому туда двинуты 21 батальон, 26 эскадронов, 48 орудий. Для отвлечения внимания противника направляются обходно-демонстративные колонны: генерала Энгельгардта (4 батальона, 2 сотни, 8 орудий) через Терцбургский проход и долиною р. Ойтоза такой же отряд из Молдавии к Кезди-Вашаргели. Для отдаленной демонстрации к Орсову выслан небольшой отряд и в Орсовском районе сделаны распоряжения о сборе подвод и припасов.

7 июля у Преद्याла появился совершенно неожиданно для венгров отряд русских войск под начальством Лидерса. После 6-часового боя венгерский отряд, очистив передовую позицию у Преद्याла, отступил на главную — у Темешского ущелья. Эта позиция была типичным горным дефиле, шириною в 9 сажен и обеспеченными флангами. Позиция была сильно укреплена. Генерал Бем полагал, что небольшим отрядом на этой позиции можно задержать на две недели даже весьма многочисленного неприятеля.

8 июня русские войска подошли к позиции. Для содействия фронтальной атаке, кроме следовавшей слева колонны генерала Энгельгардта справа была пущена еще одна обходная колонна. Попытка атаковать позицию с фронта успеха не имела. Тогда горсть лихих застрельщиков Пражского полка взобралась по козьим тропинкам на скалы, нависшими над правым флангом венгерской позиции. Огонь с неба ошеломил венгров, и они в страхе бежали. Проход к Кронштадту был свободен.

В этот же день Кронштадт был занят Лидерсом, а через два дня сдалась цитадель. В течение нескольких дней Лидерс посылал отряды для усмирения воинственных секлеров и для сбора продовольствия. К 20-му во всем ближайшем районе уже был восстановлен порядок и водворены австрийские администраторы.

Одновременно с вторжением корпуса Лидерса из Валахии в Трансильванию, в северную Трансильванию из Буковины вторгся отряд генерала Гротенгельма. Появление Гротенгельма в с. Трансильвании заставило Бема разбросать свои силы, чем были облегчены операции 5-го корпуса. Устроив в

Кронштадте промежуточную базу и усмирив секлеров в ближайшем районе, Лидерс собирался двинуть свои войска к Германштадту, где и соединиться с ожидаемым из Валахии австрийским отрядом Клам-Галаса. Но во время приготовлений к выступлению было получено известие, что 8-тысячный отряд венгров, под начальством Гол-Шандора, находится у С.-Георги в 20 верстах от Кронштадта. Тогда Лидерс идет на север и 23 июня разбивает арьергард Шандора близ Узона, главные же силы секлерского отряда отступили к Чик-Середе. Получив известие, что австрийцы идут не к Германштадту, а к Кронштадту, Лидерс отложил движение в Западную Трансильванию и остался у Мариенбурга. При подходе же последних к Кронштадту Лидерс перешел в наступление на запад. 30 июня авангард Энгельгардта неожиданным нападением овладел Фогарашомо, захватив 400 пленных, 4 орудия и большие запасы. Здесь было получено известие, что значительные силы противника собираются на севере, у Марош—Вашаргели, что Бем находится с отрядом секлеров у Чик-Середы. Но эта группировка сил противника не изменяет решения Лидерса: он продолжает путь через Ротентурмское ущелье к Германштадту, так как с занятием этого важного пункта открывались новые пути связи с Валахией, базой русских войск.

9 июля Лидерс был в Германштадте. Теперь русские войска получили широкую базу в Южной Трансильвании (Кронштадт—Германштадт) и надежно обеспеченные коммуникации с Валахией. Как в стратегическом, так и в тактическом отношении операции Лидерса в этот период борьбы нужно признать образцовыми.

В конце июня и в начале июля отряд Гротенгельма, основавшись на центральной позиции у Рус-Борго, предпринимал экспедиции по Северной Трансильвании. 28 июня он разбил 6-тысячный отряд Бема у Быстрицы, 4 июля рассеял между Середфальвой и Текендорфом 3-тысячный отряд Дамаскина и, наконец, 11 июля разбил у Сас-Регена 14-тысячный отряд только что собранных ополченцев. Действуя совершенно самостоятельно, Гротенгельм ничего не знал об успешных операциях Лидерса на юге.

После неудачного боя у Быстрицы Бем с 8-тысячным отрядом бросился на юг сперва к с. Георги, а затем, оставив заслон против Кронштадта, с 4 тысячами секлеров двинулся через Ойтозский проход в Молдавию. У гор. Окна Бем имел удачное дело с Литовским полком. Заняв Окна, Бем обратился с воззванием к молдавским секлерам, поднимая их на борьбу за свободу Венгрии, но это воззвание не имело никакого успеха, тогда Бем вернулся опять в Трансильванию.

Утвердившись в Германштадте, Лидерс решил двинуться в глубь Трансильвании, чтобы захватить очаг секлерского восстания. С линии Германштадт—Кронштадт русско-австрийские войска двинулись тремя колоннами: левая под начальством Лидерса — из Германштадта через Шегешвар к Удваргели; средняя — генерала Дика — из Фогараша к Удваргели, правая (австрийская) — Клам-Галаса — из Кронштадта к Чик-Середе. Гротенгельму было послано приказание идти от Сас-Регена к Марош-Вашаргели. Для обеспечения тыла из Молдавии к Беречку притягивался отряд Данненберга. В Германштадте оставлен отряд генерала Гасфорда.

Концентрическое движение союзных войск заставило Бема стянуть свои войска к Удваргели. Отсюда венгерский генерал решил броситься на одну из наступающих колонн, прорвать стратегический фронт союзников и зайти к ним с тылу. План этот, хороший по идее, едва ли обещал успех, так как у Бема были небольшие силы, состоящие преимущественно из ополченцев. 19 июля 7-тысячный венгерский отряд направляется от Удваргели к Шегешвару против колонны русских войск, предводимой Лидерсом. В этот день отряд Лидерса, находясь у Шегешвара, был разделен на две части: большая часть отряда под начальством генерала Энгельгардта сосредоточилась на дороге из Марош-Вашаргели; меньшая часть отряда, оторвавшись версты на три к востоку, стояла на дороге к Удваргели. Наши войска бивакировали. Утром со стороны Удваргели было обнаружено наступление отряда Бема. Генерал Лидерс уехал к отряду Энгельгардта. Не теряя времени, начальник штаба колонны генерал Скарятин выдвигает отряд на позицию. При содействии меткого огня артиллерии Бем резко ведет наступление. Завязывается жаркий бой.

К полю сражения прибывает Лидерс, но сначала считает наступление венгров демонстрацией, ожидая, что одновременно противник появится с севера на марош-вашаргельской дороге. Поэтому Лидерс не привлекает на поддержку отряд Энгельгардта. Однако сильная артиллерия противника и его многочисленность скоро рассеивают сомнения Лидерса. В бой с нашей стороны постепенно вливаются все наши войска, и тогда Лидерс переходит в решительное наступление. Враг не выносит удара, бежит с поля битвы, тесня в этом злосчастном для Бема бою 1200 убитыми, 500 пленными, 8 орудий и весь обоз.

Потерпев страшное поражение под Шегешваром, Бем бросается к Марош-Вашаргели. Бем посылает приказание генералу Штейну, блокирующему Карлсбург также с 8 тысячами, идти к Германштадту. Таким образом, против 5-тысячного отряда генерала Гасфорда, охранявшего город, громадные склады, тыловые учреждения и Ротентурмское дефиле, готовился удар 22-тысячного венгерского отряда. Однако генерал Гасфорд, еще ничего не зная о замыслах Бема, по собственному почину 20 июля с частью своих сил обрушился на отряд Штейна, находившийся в опасной близости от Германштадта, и нанес ему решительное поражение у Рейсмаркта.

Бем, обманув бдительность Лидерса, ушедшего к Эрде-Сен-Георги, спешно шел из Мароша в Германштадт. 22 июля Бем находился в 50 верстах от Германштадта, а Лидерс в 100 верстах. 23-го вечером Бем находился у Марк-Шенка, но в этот день Лидерс форсированным маршем уже шел на юг и после 36-верстного перехода достиг Гальфальевы.

О приближении Бема к Германштадту Гасфор узнал 22 июля, но сперва не поверил полученному известию и стал готовиться к встрече врага лишь утром 24-го, когда Бем находился в нескольких верстах от Германштадта. Наш крупнейший обоз, загромоздивший весь город, потянулся к Ротенбургскому ущелью. Чтобы скрыть это движение обоза и выиграть нужное время, Гасфорд выдвинул версты на 3 к северу от города на гросс-шеернские высоты $4\frac{1}{2}$ -тысячный отряд. Постепенно отходя, Гасфорд стянул свой отряд к позиции у Толмача. Наш отряд сражался непрерывно в течение полу-

суток. Весь огромный обоз был спасен благодаря изумительной доблести войск.

В тот же день Лидерс, напрягая все усилия, шел на вырчку. Выступив на рассвете, его войска к полудню сделали 29 верст, подойдя к Медиашу. После 4-часового привала двинулись дальше и в 11 часов ночи были у Марк-Шенка, сделав еще 24 версты при страшном зное. До Германштадта оставалось еще 30 верст. Лидерс в тот же вечер выслал вперед конницу, а на рассвете следующего дня колонна опять стремится вперед, и к 8 часам утра наш авангард неожиданно появляется у гросс-шеернских высот, занятых частью отряда Бема. С 6¹/₂ часа утра неутомимый генерал Лидерс находился уже на высотах перед противником.

Лидерс опасался, что Бем разорит Германштадт и уничтожит все запасы, но теперь убедился в безопасности противника. Венгерские войска спешили на помощь своему слабому авангарду у Гросс-Шеерна. Лидерс выжидал полного сосредоточения противника, чтобы нанести удар всему отряду Бема и не позволить ему безнаказанно уйти на запад, в Мюленбах. Наша артиллерия, заняв очень удачную позицию, громила батарею и колонны Бема, а пехота наша и конница скрытно накапливались перед фронтом и против флангов противника. Генерал Энгельгардт несколько раз обращался к Лидерсу за разрешением начать атаку, но Лидерс сдерживал его порыв.

Лишь в 10 часов, когда конница Демидова уже висела над путем отступления врага, а батальоны Люблинского и Пражского полков заняли сел. Гросс-Шеерн, Лидерс считает минуту для удара назревшей. Одновременно по всему фронту, сверкнув штыками, наша пехота бросилась на врага. Венгры не приняли удара в штыки и бежали к городу. Их энергично преследовала конница. Вскоре бой закипел на улицах Германштадта. Часть венгров совершенно была рассеяна, только 3-тысячная колонна успела выйти на западную дорогу. За ней погналась конница Демидова и преследовала венгров до тех пор, пока они не втянулись в горы у с. Гроссау.

В бою 25 июля рассеяно было ядро трансильванских повстанцев во главе с выдающимся их начальником Бемом.

Дело венгров в Трансильвании было проиграно, и венгерскому правительству пришлось отозвать Бема на главный театр, где уже назревали решительные события. Блестящей победе русских войск при Германштадте предшествовал достойный быть отмеченным в истории марш колонны Лидерса. Этот марш может быть назван «Суворовским». За три дня — с 22-го по 25-е — отряд Лидерса сделал 150 верст, а в последние 36 часов прошел 85 верст, после чего войска немедленно вступили в бой.

Крупные неудачи, испытанные венграми в конце июля и в начале августа, приблизили развязку. В конце июля были начаты переговоры о капитуляции. Венгры не хотели сложить оружия перед австрийскими войсками, предпочитая сдаваться русским как истинным своим победителям¹.

В течение 3-месячной борьбы русская армия потеряла в боях 708 убитых и 2447 раненых, но от болезней погибло 10 885 человек. Ценою этих жертв был восстановлен законный порядок в соседней стране.

Заключение. Венгерский поход 1849 г. не омрачил боевой репутации русского оружия. Всюду, где нужны были стойкость, порыв и доблесть, наши войска действовали выше похвалы и вполне заслужили те восторженные отзывы, на которые не скупились наши союзники — австрийцы. Неблагополучно обстояло дело командования войсками на главном театре. Князь Паскевич похоронил в этом походе свою военную славу, со 100-тысячной армией он трижды упускает случай уничтожить 20—25-тысячную армию противника (Вайцен, Мишкольц, Дебречин), бесцельно маневрируя в долине р. Тисы, выпускает из рук армию Гергея, не пользуется своей многочисленной конницей для разведок. В течение всего похода князь Паскевич преувеличивает силы противника вдвое и поэтому все время действует с осторожностью, не оправдываемой действительной обстановкой. 20-верстный подход 63-тысячной армии к Дебречину в боевом порядке вполне характеризует стратегические и тактические дарования князя Паскевича.

¹ 1 августа армия Гергея (30 889) сложила оружие у Вилагоша перед корпусом Ридигера.

Совсем иное мы видим в деятельности генерала Лидерса. Здесь полное умение оценить обстановку и действовать по обстоятельствам. С 35-тысячным корпусом Лидерс наносит ряд ударов превосходящим силам врага, руководимым энергичным и весьма искусным генералом Бемом. Сочетая стремительность с осторожностью, методизм (утверждение на базе Кронштадт—Германштадт) с порывом (движение на вырчку Гасфорда), Лидерс обнаружил крупные военные дарования и заслужил добрую память у потомства.

Война выдвинула ряд энергичных начальников, как генерал Ридигер, князь Бебутов, Засс, Гасфорд. Блеснули имена героев полковника Баумгартена, капитанов Алексеева и Деконского. Прежнюю отвагу и выносливость обнаружил и русский солдат.

Поход подчеркнул также и темные стороны военного дела в рядах нашей армии. Обнаружилось неумение конницы разведывать, стремление пехоты действовать в сомкнутых строях, отсутствие тактической подготовки у начальников. Не проявлялся личный почин, этот могучий залог успеха на войне. Но поход окончился благополучно, и войска, успокоенные успехом, не думали об искоренении зла, пустившего глубокие корни. Понадобился кровавый опыт Восточной войны 1853—1856 гг., с ее тяжкими поражениями, глубокими разочарованиями, чтобы разрушилась наконец рутинная, чтобы русская армия освободилась от уродливых наростов и вернулась на истинный путь, указанный ей в отдаленном прошлом великими нашими полководцами.

Усмирение Польского восстания 1863—1864 гг.

*Н. А. Орлов,
генерал-лейтенант*

Подготовка восстания

Восстание 1831 г. было усмирено, однако искры польских стремлений к восстановлению Польши продолжали тлеть в России и раздувались из-за границы, куда эмигрировали главные деятели восстания: князь Адам Чарторыйский, Лелевель и др. Эмиграция делилась на две партии: белых (аристократов, консерваторов) и красных (демократов, радикалов). Чарторыйский стоял во главе белых, поселился в Париже и считался «некоронованным королем Польши». Белые основывали успех на помощи европейских держав и полагали терпеливо выжидать для действий удобную политическую обстановку, красные готовы были поднять восстание в любое время.

С воцарением Александра II и началом эпохи реформ, которые коснулись и Польши, в смысле предоставления ей большей самостоятельности, надежды поляков оживились, но сделанные им уступки не удовлетворяли их желаний – они стремились к полной национальной независимости и к восстановлению Польши «от моря до моря». Поляки энергично принялись за подготовку восстания. Обстоятельства им благоприятствовали: по случаю коронации из Сибири были возвращены ссыльные поляки и среди них участники восстания 1831 г. Большинство этих лиц сильно пополнило ряды заговорщиков, а между тем твердые правители в Варшаве, Киеве и Вильне заменены слабыми и неудачными.

Сераковский, окончивший курс Академии Генерального штаба в 1859 г., вместе с товарищем своим по университету, Иосафатом Огрызко, крупным чиновником министерства финансов в Петербурге, образовал польские кружки и вербовал для восстания не только поляков, но даже и русских. В Академии Генерального штаба среди администрации и профессуры польский элемент был весьма силен. Спасович был преподавателем законоведения и смело с кафедры внушал, что огромное государственное тело России не может уже существовать в своей целостности, а должно разбиться на свои составные части, которые образуют федерацию независимых государств. Среди слушателей Академии было немало поляков, которые дали по окончании курса многочисленный кадр начальников для повстанческих банд¹.

В 1860 г. в Варшаве начались политические демонстрации. Дошло до того, что осенью, когда приехал государь, в театре в царской ложе был испорчен бархат, а во время торжественного представления разлита вонючая жидкость.

Демонстрации продолжались и после отъезда государя. На улицах и даже в костелах пелись революционные песни, произошли столкновения черни с войсками. Государь настойчиво требовал строгих мер и введения военного положения, а Горчаков думал успокоить поляков уступками.

¹ Из списков офицеров Генерального штаба, окончивших курс Академии, мы извлекли следующие фамилии со скромными отметками «исключен из службы», «уволен по болезни», относящимися к 1863 г. или 1862 г.: выпуска 1857 г. подполковник Теофил Фаддеевич Владычанский, бывший офицер л. гв. драг. п.; вып. 1858 г. Жвирждовский; 1859 г. — капитан Сигизмунд Игнатъевич Сераковский, бывший офицер Арзамасского др. полка, участвовал в восстании под именем Доленги; капитан Онуфрий Фердинандович Станевич, бывший оф. оренбургского линейн. № 5 батальона; Павел Венедиктович Чехович, — эстляндского п. полка; капитан Карл Карлович Александрович, — 3 сводной резерв. арт. бригады; 1860 г. — Рудницкий — бывший воен. инженер; штабс-капитан Станишевский — 11 арт. бр.; Ярослав Викторович Домбровский — 19 арт. бр.; Игнатий Игнатъевич Родкевич — л. гв. грен. п.; Пясецкий — конно-арил. № 18 батареи; штаб-капитан Туровский — 11 арт. бр.; Станевич — 6 сап. бат.; штаб-капитан де Генинг-Гейденрейх — екатеринославского драг. полка, уча-

15 марта 1861 г. Велепольский был назначен главным директором комиссии духовных дел и народного просвещения, а потом и юстиции. Тогда-то Велепольский и начал вырывать у русского правительства уступку за уступкой и совершенно подчинил своему влиянию Горчакова. Демонстрации продолжались.

17 мая 1861 г. Горчаков скончался и на его место был послан военный министр Сухозанет, так как имелось в виду заместить его Д. А. Милютиным. Сухозанет сменил генерала Лидерса, умелая деятельность которого была не по сердцу революционерам (во главе с Велепольским).

27 мая 1862 г. состоялись указы о назначении великого князя Константина Николаевича наместником в Варшаву, Велепольского управляющим гражданской частью, а генерала Рамзая командующим войсками. Во главе революции стал центральный комитет, который начал применять в широких размерах политические убийства. Всех политических убийств за время революционного террора произведено до 5 тысяч.

В декабре 1862 г. в Варшаву съехались белые и красные польские революционеры. На съезде были назначены руководить восстанием: на левом берегу Вислы — Лангевич, на правом — Левандовский и Чапский, в Литве — Сераковский, приехавший из Парижа, куда он был командирован на счет военного ведомства с научной целью; в юго-западном крае — Ружицкий, штаб-офицер русской службы. В первых числах января 1863 г. центральный комитет переименовал себя во временное народное правительство (народовый ржонд); в Париж к Мерославскому послана депутация, подносящая ему титул диктатора.

10 января ржонд издал воззвание, в котором призывал поляков поднять оружие. «Нарыв лопнул».

ствовал в восстании под именем Крука; Шалевич — 3 стрелк. батальона; Михаил Иосифович Мусницкий — кавказск. резервн. стрелк. бат.; 1862 г. — капитан Обирн — 3 стрелк. бат.; штаб-капитан Обезерский — 3 стрелк. батал.; Черняк — одесского пех. полка; Подбельский — белевского пех. полка; капитан Дмоховский — 5 гр. киевского п. Список наш далеко не полон. Кроме того, в повстание пошли офицеры также из других академий и прямо из частей войск.

Начало восстания и военные действия до лета 1863 г.

Революционное правительство разделило Царство по-старинному на 8 воеводств, которые делились на уезды и далее на округа, сотни и десятки. В Париже была образована комиссия для вербовки офицеров и закупки оружия, которое ожидалось к концу января.

10 и 11 января был произведен целый ряд нападений на русские войска (в Плоцке, Суходневе, Лукове, Радине, Радоме и др.), но почти все эти нападения оказались для повстанцев неудачными. Взрыв восстания 10 января прошел почти безвредно, но подпольная печать, а за ней и заграничная, прокричали о некоторых стычках, как о блистательных победах поляков. Дерзкие нападения подняли на ноги весь край и открыли наконец глаза русской администрации.

Силы русских. В Варшавском округе войск было всего до 90 тысяч, да 3 тысяч пограничной стражи. Пехотные полки состояли из 3 батальонов, каждый из 4 рот линейных и одной стрелковой. В регулярной коннице дивизии состояли из 2 драгунских, 2 уланских и 2 гусарских полков, по 4 эскадрона каждый. Четыре 8-орудийные батареи составляли артиллерийскую бригаду, конные батареи — 8-орудийные. Дислокация была приурочена лишь к удобствам квартирования, так как никто не ожидал восстания.

Силы повстанцев. Кроме 25 тысяч присяжных к восстанию присоединилось еще много тысяч черни и всякого сброда, но все же это составляло ничтожный процент всего населения. Четыре миллиона крестьян мрачно и подозрительно смотрели на предпринятую затею, не принимая в ней никакого участия. Сначала их старались привлечь, обещая даровой надел землею, а потом жестокостью и страхом смерти принуждали вступать в банды. Духовенство¹ приняло действительное участие в пропаганде и даже в боях, но народ не поднимался.

¹ Из 3550 ксендзов, считавшихся в 1862 г. в Царстве Польском, убито, расстреляно и повешено — 37, сослано на каторгу и поселение — 217, бежало за границу — 43.

Первоначальное вооружение повстанцев состояло из кос и обоюдоострых особых длинных ножей, изготовлявшихся на местных заводах и насаженных на длинные древки, охотничьих ружей, пистолетов и револьверов. Огнестрельное оружие имели немногие. Впоследствии было заказано 76 тысяч штуцеров в Льеже, но при доставке более половины задержано русскими и австрийскими властями; из остального количества очень много попало в руки русских. Было потом несколько очень плохих пушек, частью деревянных, выдерживавших 1—2 выстрела. Небольшое количество конницы, плохо вооруженной и снаряженной, оказывало, однако, помощь в стычках и при разведке.

Лошади, одежда, продовольствие, подводы отбирались у населения под квитанции. Деньги приобретались сбором податей за 2 года вперед, вымогательством у состоятельных лиц и грабежом касс и почт. Сначала было всего 400 тысяч злотых (злот = 15 копеек); потом, в июне 1863 г., похищено в Варшаве из главной кассы Царства 3 миллиона рублей Вашковским при помощи чиновников, да в других местностях около миллиона рублей.

Общей организации вооруженных сил не было; отдельные шайки собирались в разных местах, где оказывались благоприятные условия. Устройство каждой шайки зависело от знаний и способностей начальника (довудца), но в общем банда состояла из 3 частей: стрелков, косинеров и конницы. Обоз из обывательских подвод служил не только для перевозки имущества, но нередко для передвижения отряда, особенно при отступлении.

Конечно, оружие русских было гораздо лучше и било на большее расстояние, однако очень часто приходилось вести бой на очень коротких дистанциях (100 шагов и менее), когда разница в достоинстве ружей уничтожалась.

Европейские державы по-разному отнеслись к восстанию. Франция и Англия желали ослабления России, а потому лживыми обещаниями поддерживали надежды поляков на иностранную помощь. Пруссия педантично охраняла границу, чтобы восстание не распространилось на ее польские области. Тем не менее Бисмарк проявлял двойную игру, ибо при удоб-

ном случае не прочь был занять, под видом дружеской услуги, Привислинский край, и эта двойственность стала известна руководителям польского движения. Австрия в начале восстания явно не препятствовала полякам в Галиции, которая стала опорой восстания, и долгое время его питала. Австрия даже склонялась создать польское государство с одним из Габсбургов на престоле.

Первые меры русских. Было восстановлено военное положение, снятое в конце 1862 г. Сообразно с этим Царство было разделено на военные отделы: Плоцкий (генерал-лейтенант Семека), Люблинский (генерал-лейтенант Хрущов), Радомский (генерал-лейтенант Ушаков), Калишский (генерал-лейтенант Бруннер), Варшавский (генерал-адъютант Корф), Августовский и для охраны сообщений особые отделы Варшавско-Венской ж. д., Варшавско-Бромбергской и Петербурго-Варшавской.

Начальникам главных военных отделов предоставлено право судить взятых с оружием в руках полевым военным судом, утверждать и приводить в исполнение смертные приговоры.

Последовало назначение частных и военных начальников и учреждение военно-судных комиссий.

Войскам было приказано сосредоточиться в самостоятельные отряды из всех родов войск, заняв важнейшие тракты, и выслать подвижные колонны для уничтожения и рассеяния шаек.

Отряды стянулись почти везде к 20 января, но мера эта оказалась неудачной: без войск оставили много уездных городов и фабричных центров (из 40 городов оставлено 14), а между тем в них развилась сильная пропаганда, на заводах же прекратили работу, стали делать оружие (даже пушки) и формировать банды. Хотя вначале среди повстанцев «встал дух паники рядом с безумием предприятия», но затем их «массы, похожие на сброд, получают некоторую организацию», пользуясь свободой пребывания в местах, оставленных русскими. Пограничная стража, не поддержанная войсками, подверглась нападением поляков, которые таким образом очистили южную, а несколько позднее и западную границы и открыли свободный доступ из Галиции, отчасти также из Познани, укомплектованиям и контрабанде.

Диктатор Мерославский из Познани перешел границу у Крживосондза с секретарем Куржиной и 12 офицерами-авантюристами из всяких наций. К нему присоединилось 100 человек учащейся молодежи из Варшавы («академики») и ближайшие мелкие партии повстанцев. Всего собралось 400—500 человек. 7 февраля эта банда столкнулась на опушке крживосондзского леса с отрядом командира Олонецкого полка Шильдер-Шульднера (3½ роты, 60 казаков и 50 человек пограничной стражи).

Шильдер-Шульднер легко рассеял эту банду, при этом захватив лагерь, много лошадей, оружия, повозок, переписку Мерославского. Последний с остатками банды ушел и 8 февраля соединился с Меленцким в д. Троячек (более 1 тысячи человек).

Троячек 9 февраля. Меленцкий, прусский офицер из Познани, богатый помещик, умный, энергичный предводитель, на вербовал в свою шайку не только местных жителей, но и охотников из Познани. Он неохотно подчинялся диктатору, против которого интриговал. Присоединение деморализованной банды Мерославского неблагоприятно повлияло на дух шайки Меленцкого. Шайка заняла опушку леса у Троячека, где и была разбита Шильдер-Шульднером. Мерославский бежал в Париж.

Высланные из Калиша и Ленчицы отряды подполковника Орановского и майора Дыммана для совместных действий с Шильдер-Шульднером опоздали. Если бы удалось всем трем отрядам окружить противника, то, может быть, вся банда Меленцкого была бы захвачена и перестала бы существовать.

Диктатор Лангевич. Ржонд, узнав, что диктатор скрылся, решил 8 дней ждать от него известий. Известия оказались печальными, ржонд не знал, что делать; а между тем в это время приобрел известность один из довудцов — Мариан Лангевич.

Лангевич одно время был прусским офицером, а потому имел кое-какую военную подготовку. Ко времени восстания, когда он был назначен революционным начальником Сандомирского воеводства, ему было всего 35 лет. После нападе-

ния на Шидловец, когда Лангевич увидел недостатки своей банды, он решился заняться ее организацией и потому ушел 14 января к м. Вонхоцк (близ Суходнева) в густой лес, где собрал и организовал более 3 тысяч человек с 5 пушками. Здесь же у него был типография, посредством которой он действовал на общественное мнение и сделал себе рекламу.

Из Радома 20 января выступил против Лангевича отряд генерал-майора Марка, но действовал неискусно. В Суходневе, для наблюдения за радомским шоссе, стоял авангард Лангевича под начальством сурового 67-летнего старика Чаховского. В 1831 г. он был поручиком кавалерии и адъютантом Дембинского во время его знаменитого похода через Литву. Прекрасный солдат, искусный стрелок, лихой наездник, Чаховский поддерживал железную дисциплину и отличался жестокостью. Он не только задержал русских в Суходневе, но еще ловко устроил там засаду. 22 января генерал-майор Марк занял Вонхоцк, откуда Лангевич заблаговременно отступил в Свентокржижские горы. Марк, потеряв связь, вернулся 24 января в Радом.

Малогоща 12 февраля. Не найдя поддержки в Сандомирском уезде, Лангевич отошел к Малогоще (25 верст к западу от Кельце). На пути к нему присоединились остатки банд Куровского, Франковского и некоторых других, а в самой Малогоще шайка Езиоранского. Отряд Лангевича дошел до 5 тысяч.

Утром 12 февраля Лангевич собрался пить чай. В эту минуту в бричке приехала одна из дам — курьеров, состоявших при Лангевиче, и сообщила, что русские наступают со всех сторон. Повстанцы наскоро приготовились к бою. Действительно, наступали 3 колонны, на этот раз условившиеся о совместных действиях: полковника Ченгеры — с северо-запада, подполковника Добровольского — с востока, майора Голубева — с юга; каждая колонна из 3 рот с кавалерией и артиллерией.

Ген. шт. подполк. Добровольский хотел окончить дело один, а потому в 10 часов утра, не дожидаясь товарищей, открыл артиллерийский огонь с 700 саженьей, построил боевой порядок и начал наступление. Польский батальон Гродзин-

ского произвел контратаку, отбитую артиллерийским огнем. Тем не менее повстанцы Добровольского окружили с трех сторон и если не раздавили его превосходством своих сил, то единственно вследствие отсутствия общего управления боем. Добровольский решил продолжать атаку на центр (вершину) позиции. Как раз в 11 часов подошел Голубев и, не останавливаясь, атаковал Малогощу. Пожар селения и быстрота наступления русских смутили обороняющихся — они бросились бежать. Преследуя бегущих, Голубев пристроился к левому флангу Добровольского. Положение поляков стало критическим. Тогда Езиоранский приказал коннице атаковать, последней удалось остановить преследование, поляки успели выйти из-под перекрестного огня.

В 12 часов подошел Ченгеры и открыл по отступавшим и по упорно сопротивлявшемуся арьергарду Чаховского огонь из батарейных орудий. Позиция его (лесистая гора) взята в 10 минут и орудия захвачены. Преследование за темнотою прекратилось. Потери повстанцев: 300 убитых, 800 раненых, 1500 разбежались; русских — 6 раненых. 14 февраля у д. Евиной Ченгеры захватил обоз поляков — 60 повозок, орудие, 2 фальконета, 4 знамени. Отступив к Пясковой скале, замку графа Мышковского, Лангевич 20 февраля был выбит и оттуда. 22 февраля Лангевич пришел в Гошу, близ австрийской границы.

Усилившись охотниками из Галиции до 3 тысяч, банда приняла название корпуса. Несмотря на видимую организацию и многочисленный штаб, в лагере царили настоящий повстанческий хаос, интриги и ссоры. Опасаясь влияния красных и возвращения Мерославского, главари белых решили лучше иметь своего диктатора. На совещании в Кракове остановились на Лангевиче, предложили ему звание, и 25 февраля он провозгласил себя диктатором, якобы по поручению ржонда. Озадаченный этим, ржонд примирился с фактом. Восстание подогревалось. Помещики стали снабжать повстанцев фуражом, лошадьми, подводами, «Земское кредитное общество» выдавало деньги.

Узнав о намерении русских идти в Гошу из Мехова, Лангевич ушел 28 февраля и 4 марта дошел до Хробежа, близ Пин-

чова, оттуда ему пришлось поспешно уходить в Грохофиско под настойчивым натиском отряда Ченгеры.

7 марта Лангевич бросился к Влашце, переправился через Ниду и сжег за собою мост. Затем часть повстанцев ушла за Вислу, а другая бросилась к австрийской границе у д. Черняхово, где, под напором преследовавших русских, 9 марта перешла в Галицию и была забрана австрийским отрядом.

Еще ранее Лангевич бросил свои войска, переправился через Вислу (в д. Усцы) в Галицию и был арестован австрийцами. Отсидев в тюрьме в Тарнове и потом в Иглау, Лангевич, по некоторым известиям, перешел на турецкую службу под именем Ибрагим-Бея и был полицмейстером в Константинополе.

Русские подвижные колонны очень часто производили поиски и вовсе без всяких результатов. Обыкновенно появлялись «верные слухи», подтверждаемые официальными донесениями, что в таких-то местах появились банды. Тотчас снаряжалась экспедиция, нередко ночью; проходила большие расстояния, но в большинстве случаев ничего не находила и, разочарованная, возвращалась домой. Постоянное ожидание нападений днем и ночью приводило слабые русские гарнизоны в крайне нервное состояние.

После бегства Мерославского Меленцкий не перешел прусскую границу, а прошмыгнул на русскую территорию и усилил свою банду до тысячи человек присоединением шайки Гарчинского, прибывшей из Познани. Однако 18 февраля отряды майоров Дыммана и Москвина погнали его к северо-западу от Казимержа и приперли к прусской границе, где банда была захвачена прусскими войсками. В это же время разбиты другие банды, меньшего значения, произведены аресты, а сам предводитель в Калишском воеводстве Руцкий застрелился при аресте.

Из выдающихся повстанческих действий следует отметить Чаховского. После исчезновения Лангевича у Чаховского осталось не более 270 человек, составивших ядро многочисленной банды, с которой энергичный доводца держался в Радомском отделе почти 3 месяца. Дисциплина была железная, организация отличная — стрелки с бельгийскими

штуцерами, косинеры, конница. Небрежность в сторожевой службе жестоко каралась, часто смертью. Спали все с оружием при себе.

24 марта присоединилась банда Кононовича — 546 человек. 25 марта Чаховский, угрожая револьвером, заставил присоединиться Грелинского (450 человек); 3 апреля подошел Лопатский (250 человек); а потом банда еще усилилась до 2 тысяч.

4 апреля майор Ридигер из Илжи начал преследование Чаховского. Вечером Грелинский под прикрытием темноты ушел от Чаховского и попал между отрядами генерала Ченгеры и полковника Эрнота. 5-го Грелинский расположил банду на ночлег у д. Брод, а сам уехал за 25 верст с романтическими целями. 6 апреля в его отсутствие банда была разбита, только 100 человек ускользнуло и присоединилось к Чаховскому, который в наказание вооружил их палками. Грелинский бежал и потом попал под революционный суд.

10 апреля в лесу у д. Стефанково на Чаховского напал отряд майора Донец-Хмельницкого. Здесь был убит лучший сподвижник Чаховского, Гржмот (псевдоним русского офицера Доброгосского). Чаховский повесил взятых в плен 4 солдат и командира 6-й роты Полоцкого полка ш.-к. Никифорова (раненного двумя пулями), после продолжительного и жестокого издевательства. Никифоров держал себя с полным достоинством, резко отвечал Чаховскому, когда же его повесили, то вдруг правая рука его со сжатым кулаком поднялась и долго грозила изуверам, что на них произвело сильное впечатление.

Чаховский вешал на каждом ночлеге крестьян, заподозренных в недостатке усердия. Так, 12 апреля было повешено 11 человек.

24 апреля Чаховского настиг подполковник Насекин и начал у д. Ржечнев теснить арьергард. Когда несколько пуль попало в главные силы повстанцев, возникла паника. Ни угрозы, ни гнев старого доводцы, который лично стрелял в беглецов, не помогли: все бросились врассыпную в илженские леса. Из 1400 человек у Чаховского почти ничего не осталось: часть людей продала оружие евреям, однако к 1 мая Чаховскому удалось собрать и устроить значительную бан-

ду, только подчиненные ему Янковский и Кононович не хотели быть под его командой, да и между собою ссорились. После дела 2 мая с отрядом полковника Эрнрота в рознишевских лесах, Янковский ушел за Вислу, а Кононович — за Пилицу в Варшавский отдел.

К 13 мая Чаховский едва сформировал банду в 450 человек, с которой 14 мая имел дело в хрущевском лесу с отрядом полковника Булатовича из Радома. Потери повстанцев оказались значительными. Чаховский ушел в казеницкие леса и здесь узнал, что поблизости стоит Кононович. Немедленно ему было приказано присоединиться, но Кононович отказался в дерзких выражениях. Старик был так возмущен, что поднял свою истомленную банду и двинулся на Кононовича, но последний успел уйти — только передовые конные обменялись выстрелами. 21 мая Эрнрот недалеко от Радома захватил бричку, в которой ехал Кононович с адъютантами. Теперь в Радомском отделе остался только Чаховский. 28 мая для его преследования выступил подполковник Суханин с 3½ рот. и эск.

Чаховский уходил от него без отдыха, 30 мая устроил ему весьма искусно засаду в заводе у д. Новые Заклады и, наконец, был настигнут в лесах у д. Ратай (близ Вонхоцка). Банда рассеялась, сам Чаховский, раненный пулею в руку, уехал в Краков.

Прибытие подкреплений к русским войскам. Итак, в конце февраля русские всюду одержали решительные успехи, но восстание возгорается вновь. В середине марта второй раз повстанцы всюду разбиты, но как бы новые силы вливаются в восстание, и оно продолжается. Войска были нужны: для борьбы с бандами, занятия важнейших мест, охранения железной дороги, надзора за границей, защиты населения от грабителей, исполнения полицейских обязанностей и даже для надзора за действиями гражданской администрации. Оказалось, войск недостаточно для усмирения мятежа. Поэтому в Варшавский округ были направлены: 2 гвардейских кавалерийских полка с конной батареей (прибыли в феврале 1863 г.), 2-я гвардейская дивизия со стрелковым батальоном (прибыла в марте), 10-я пехотная дивизия со стрелковым батальоном и 7 донских казачьих полков (начали прибывать с мар-

та). Кроме того, по мере усмирения восстания в остальном западном крае были двинуты в Царство 2-я и 8-я пехотные и 3-я кавалерийская дивизии.

Восстание в Юго-Западном и Северо-Западном краях

Восстание в Северо-Западном крае ♦ Галицийские банды

♦ Познанские банды

В Юго-Западном крае в конце апреля появились шайки в Волынской губернии, перешедшие из Галиции, а затем в Киевской губернии, особенно в Васильковском уезде, в имении графов Браницких. В Подольской губернии восстания не было, главным образом вследствие ее безлесья. В Киевском округе было русских войск до 45 тысяч. Этого оказалось не только достаточным для подавления восстания в пределах округа, но даже для помощи в сопредельных частях Люблинской и Гродненской губерний. Местное население (малороссы) приняло самое деятельное участие в истреблении шаяк. «Золотые грамоты» агитаторов, призывавшие население к бунту и обещавшие им землю и освобождение от податей, не действовали: священники отказывались их читать, а крестьяне слушать. В д. Гасташке повстанцы уплатили крестьянам по 2 рубля каждому за принятие грамот.

Главной и наиболее многочисленной бандой оказалась Ружицкого, сосредоточившаяся близ м. Полонного в Волынской губернии. После поражений у сс. Мирополь (5 мая) и Миньковцы (10-го) остатки банды в ночь на 17-е перешли в Галицию, где сдались австрийцам.

Восстание в Северо-Западном крае. Одновременно с появлением вооруженных банд в Царстве начали формироваться шайки и в соседней Гродненской губернии. У м. Семятичи (Бельск. уез.) собралась шайка до 5 тысяч. Главным деятелем был Рогинский. После боев 25 и 26 января с отрядом генерал-лейтенанта Манюкина (7 рот, 1 сотня, 4 орудия) банды ушли, и некоторые из них вернулись в Люблинский отдел. Сам Рогинский потом в Пинске был арестован крестьянами.

В феврале появились повстанцы в Виленской губернии, а в первой половине марта и в Ковенской. В Вильну приехал из Петербурга Сераковский, принял имя Доленга, провозгласил себя литовским и ковенским воеводою, сформировал себе банду более 3 тысяч и направился встречать высадку на берегах Курляндии, которую затеял центральный комитет, чтобы придать значение восстанию как воюющей стороне.

Действия генерал-майора Гонецкого (12—28 апреля). Так и не дождался Сераковский высадки. Большая банда стояла на фольварке Кнебе, среди большого леса к северу от м. Оникшты, Вилькомирского уезда. Узнав о движении русских со стороны Вилькомира, повстанцы 21 апреля потянулись к м. Биржи и на пути усилились бандами Поневежского и Ново-Александрийского уездов. 22 апреля в Оникшты прибыл Гонецкий (5½ роты, эскадрон и 120 казаков). Желая отрезать повстанцев от поневежских лесов, он выдвинул майора Мерлина (1½ роты, 70 казаков) на д. Шиманцы и майора Гильцбаха (2 роты, взвод улан) к м. Субоч; остальные 23-го перешли в Шиманцы. 25 апреля Мерлин настиг у Медейки Сераковского (800 человек), опрокинул и начал преследовать.

Гонецкий соединился с Мерлиным у Медеек и 26-го в 2 часа дня пошел по следам шайки, которую обнаружил у д. Гудишки на крепкой лесной позиции, прикрытой слева болотистым ручьем, а справа упиравшейся в деревню. Густая цепь стрелков занимала опушку леса; ее подкрепляли колонны косинеров. Здесь у Сераковского сосредоточились 3 банды, до 1½ тысячи. Русские стрелки и спешенные казаки, открыв огонь, быстро сбили передовую цепь поляков и погнали по болотистому лесу. Повстанцы пытались устроиться, но были совершенно рассеяны. Около 300 человек успели, однако, присоединиться к находившейся недалеко шайке ксендза Мацкевича. Потери русских: 5 убитых, 28 раненых.

27 апреля у д. Ворсконишки после непродолжительной перестрелки шайка Мацкевича была сбита и бросилась бежать; преследовали 8 верст, почти все время бегом. Отбит обоз и много оружия. Потери русских: 9 раненых. Гонецкий возвратился в Медейки и в тот же вечер выслал колонну в Попель и далее в Понедели. Она захватила до 120 пленных,

в том числе раненый Сераковский и Кольшко (впоследствии казнены).

Между тем Гильцбах 25 апреля двинулся на Вобольники, но шайка в 500 человек успела отступить на северо-восток, Гильцбах 26 апреля достиг ее у мызы Говенишки и рассеял, потеряв 1 убитого и 1 раненого.

28 апреля весь отряд Гонецкого двинулся несколькими колоннами обратно в Оникшты. Пройденная им часть Вилькомирского уезда была совершенно очищена от повстанцев.

Развитие восстания. В апреле и мае восстание в Ковенской губернии, при содействии католического духовенства и польских помещиков, приняло широкие размеры. В первой половине апреля показались небольшие банды в Минской губернии (Траугута и Свенторжецкого), а затем в губерниях Витебской и Могилевской.

13 апреля у м. Креславка (близ Двинска, Витебской губернии) шайка из местных помещиков, под начальством Плятера и Миля, напала на русский транспорт с оружием. Нападение было отбито при помощи старообрядцев, и поляки пытались представить дело как бунт старообрядцев. Впоследствии Муравьев казнил Плятера.

В Виленском округе было около 60 тысяч войск, понадобились подкрепления, которые начали прибывать с февраля. Главная масса подошла в апреле и мае, а в августе были сформированы из резервных батальонов 6 пехотных дивизий (26—31-я).

М. Н. Муравьев, назначенный в Вильну генерал-губернатором вместо Назимова, прибыл 14 мая, а 24 мая уже появилась его «Инструкция для устройства военно-гражданского управления». Он хорошо знал край по своей прежней службе. Войска стали преследовать шайки до полного их истребления и до водворения в данной местности спокойствия и порядка. Громадными контрибуциями облагались как отдельные помещики, так и селения, в которых появлялись повстанцы. Были установлены крупные штрафы за политические манифестации, произведена перепись населения и с оставшихся на месте взыскивались значительные штрафы за чью-либо беспаспортную отлучку. Находя, что местное население

само должно оплачивать чрезмерные расходы по усмирению края, Муравьев обложил все помещичьи имения 10 %-ным сбором с их доходов, а с русских — 1½ %. Это составило в первый год 2 миллиона 600 тысяч рублей. С католического духовенства взыскивались расходы по высылке из края лиц духовных; взыскано 68 тысяч рублей. Польское дворянство заплатило за все убытки, причиненные повстанцами, и за содержание сельской стражи 800 тысяч рублей. Для удобства преследования банд вырубались на 50 сажен от дорог леса, а срубленные деревья отдавались крестьянам, их рубившим.

Казнь ксендза Ишара, призывавшего народ в костеле к восстанию, произвела громадное впечатление. «Инструкция» предписывала установить на дорогах обывательские караулы и, где нужно, конные разъезды; очищать уезды от шаек и наблюдать, чтобы не возникали новые. У шляхты, ее прислуги и ксендзов приказано было немедленно отобрать оружие, неблагонадежных лиц немедленно брать под стражу, военный суд кончать без замедления. Чиновников, содействующих мятежу, немедленно брать под арест и предавать суду; обязать лесничих очищать леса от шаек. Ряд энергичных, последовательных и хорошо обдуманных мер быстро смирил открытое восстание. В конце июня действия войск Виленского округа ограничивались походами за незначительными партиями повстанцев, тщательно скрывавшимися от преследования.

Галицийские банды. В Западной Галиции действовал краковский комитет, во Львове был комитет Восточной Галиции, во главе которого стоял богатый магнат князь Адам Сапега. Галиция в разное время доставила восстанию до 10 тысяч человек, на что ржонд в 3 месяца выслал в Галицию до миллиона рублей.

Кобелянка 19—24 апреля. 14 апреля в Люблинскую губернию из Галиции перешла банда Езиоранского (до 800 человек) и 16-го заняла на самой границе, в Кобелянке, укрепленную позицию. 19 апреля майор Штернберг (4 роты, полусотня, взвод улан и 2 орудия, около 800 человек), высланный из Янова, атаковал по болотистому лесу. Первая линия была остановлена

сильным огнем из-за вала. Езиоранский произвел контратаку с охватом обоих флангов. Бой длился с 11 до 3 часов дня. Теснимый с флангов и поражаемый с тыла, Штернберг, отбиваясь шаг за шагом, отступил к Боровым Млынам, потеряв 7 убитых и 11 раненых. Сюда подошел из Томашева отряд майора Оголина. Общее начальство принял Медников.

Езиоранский, усилившийся подкреплениями до тысячи человек, устроил на всех подступах два ряда засек и ровчики для стрелков. 24 апреля Медников (5 рот, сотня, 2 орудия) через д. Глухе вступил в лес и в 8 часов утра начал бой в болотистой чаще. Скоро овладели первой линией завалов, но Езиоранский направил отдельную колонну на левый фланг русских и одновременно перешел по всей линии в наступление. Русские начали отступать, но повстанцы наседали со всех сторон. Опять артиллерия со 100 шагов дала несколько выстрелов картечью и ослабила натиск. Наступил перерыв боя. Утомленными русскими овладело уныние. Но вот в 11 часов показали стрелки — подкрепления майора Чернявского. Медников направил их на свой левый фланг. Но Езиоранский на свой правый фланг также послал две роты. Однако при возобновлении боя русские их смяли и одним натиском овладели лагерем повстанцев, которые беспорядочными толпами перебежали в Галицию.

Медников, видя, что делать больше нечего, решил через полчаса оставить лагерь. Тогда поляки опять вернулись и открыли огонь в тыл. Ближайшие русские роты повернули кругом и ударили в штыки. Завязалась рукопашная. Усеяв границу польскими трупами, русские вновь заняли лагерь и оставались там более часа. Медников отошел к Боровым Млынам, потому что считал бесплодным атаковать позицию повстанцев, которых нельзя доконать, ибо они всякую минуту могли спастись за границу. Езиоранский двинулся к западу вдоль границы для соединения с другими бандами.

27-го он опять перешел границу у Люхова. Выхав на разведку, доводца был контужен казачьим разездом, заблудился (якобы) в лесу и, не возвращаясь к своей партии, отправился в Галицию, где скрывался почти месяц. Смаховский, оставшийся заместителем, не мог справиться с деморализацией

банды, которая совершенно расшаталась от бывших столкновений и потери многих офицеров, и по некоторым известиям, до 400 убитых и раненых. Вскоре банда в полном беспорядке перешла границу, причем часть людей была обезоружена австрийцами. Езиоранский также попался австрийцам и отсидел в Куфштейне. В 1870 г. он сражался во французской армии против немцев.

Неудача банды Высоцкого под Радзивилловым и арест австрийцами князя Сапеги, которого посадили в тюрьму, совершенно парализовали организацию банд в восточной Галиции.

Банды Западной Галиции сформировались с большим трудом, нельзя было даже подыскать желающих быть начальниками.

7 июня Вислу перешли две банды: Иордана (427 человек) у Слупец и Жапковского (300 человек) у Жабец. Люди хорошо вооружены и одинаково обмундированы. Атакованный Жапковский сейчас же ушел назад, причем многие утонули, в том числе сам довудца.

В июне и в июле перешло границу несколько мелких конных банд, но неудачно. Галицийские банды действовали без всякого общего плана, связи между собой и с общим восстанием.

Познанские банды. Войскам Калишского отдела, как пограничного с Познанью, надлежало, кроме борьбы с внутренними бандами, охранять границу от познанских выходцев и от военной контрабанды. В Познани польское дело вели белые в лице графа Дзялынского, женатого на дочери Чарторыйского. Но секретарь его, Гуттри, душа всего, поддерживал тесную связь с варшавским центральным комитетом, т. е. с красными; следовательно, все было объединено. Познань дала всего 3 тысячи повстанцев, но прошедших военную службу в прусских войсках и потому составлявших сносные кадры для Царства. Около самой познанской границы образовались в конце марта соединенные банды Оборского (1 тыс. чел.) и Зейфрида. 28 марта князь Витгенштейн атаковал повстанцев у д. Садльно, опрокинул их, но утомление

отряда и сломанный мост помешали дальнейшему преследованию.

Между тем в Познани формировались 3 банды: молодого деятельного французского офицера Юнк фон Бланкенгейма, другая — Точановского, служившего у Гарибальди, и третья — француза Фоше. Было много хороших офицеров, вооружены и снабжены повстанцы были отлично.

13 апреля отряд майора Нелидова (2 роты, 40 каз.) был выслан из Влоцлавска на разведку окрестностей Пиотркова. 14-го, пройдя Нововесь, он наткнулся на шайку Юнка, соединившегося с другими (3 тысячи). Окруженный превосходящими силами, он успел пробиться штыками сквозь ряды повстанцев у прусской границы и, сохранив весь обоз, раненых и пленных, вступил близ Марианова в пределы Пруссии, потеряв 34 убитыми и ранеными. Пробыв в Пруссии 3 дня, отряд возвратился в Влоцлавск.

Шайка Юнка сосредоточилась в окрестностях Брдува и стала в обширном лесу четырьмя лагерями. Генерал-майор Костанда (5 рот, команда сапер, 40 гусар, 35 каз., 2 кон. Ор.) выступил 17-го из г. Коло к Брдуву. Разделив свой отряд на 3 части, он окружил лес. Повстанцы, теснимые с фронта и слева пехотой и осыпаемые справа картечью, дрались отчаянно, но, не выдержав натиска, были выбиты из леса. Сначала они бросились к Брдуву. Встреченные же гусарами и казаками, бежали в д. Модзерово, уничтожив за собою мост, что, в связи с крайним утомлением войск, приостановило преследование. Бой кончился около 12 часов дня. Отряд сильно растянулся и только к 8 часам вечера возвратился в Коло. Потери русских: 2 убитых, 19 раненых; повстанцев — убитыми более 500 (в том числе Юнк) и пленными 85.

26 апреля из Коло выступил генерал-майор Краснокутский (3 роты, 60 саперов, дивизион гусар, 27 каз., 2 ор.) и двинулся по следам шайки Точановского (2500), направлявшейся к слесинскому лесу. Разведка показала, что повстанцы занимали окопы вдоль д. Игнацево и опушку леса. Успешно веденный бой был приостановлен стремительной атакой косинеров, но с прибытием генерал-лейтенанта Бруннера и подкреплением отряда Краснокутского тремя ротами деревня, окопы и

опушка леса окончательно были заняты. Шайка понесла большие потери и была совершенно рассеяна. Потери русских: 24 убитых, 71 раненый.

Под Игнацевым граф Дзялынский сражался как рядовой, а затем бежал в Париж; одновременно бежали Гутттри и другие члены комитета.

Окончание восстания

Изданный, отчасти под давлением европейских держав, манифест (31 марта) об амнистии всем повстанцам, которые вернутся домой до 1 мая, не принес пользы. Банды в июне, июле и августе покрыли густой сетью Царство. За эти 3 месяца в Люблинской губернии была у войск 31 стычка с повстанцами, в Радомской — 30, в Варшавской — 39, в Плоцкой — 24 и в Августовской тоже 24. В июле у поляков было 13 тысяч ружей, стоивших 195 тысяч рублей. Террор усилился. Ржонд требовал, чтобы доводцы не только оборонялись или уходили от русских, но и нападали бы на них.

Жиржинский лес 27 июля. В конце июля значительные банды проникли из Галиции в Люблинскую губернию. Полковник Медников, выступив 21 июля из Красностава, встретил 23 июля в окрестностях м. Уржендов (Замостьского уезда) соединенные банды Крука, Крысинского, Лютынского, Яроцкого и Гржималы (более 4 тысяч) под д. Хруслиным и заставил их отступить. Но по присоединении к ним еще банд Зелинского и Янковского Медников, прекратив преследование, вернулся в Янов, так как был изнурен 8-дневным непрерывным походом. В ту же ночь он выслал к Уржендову майора Владимирова (3 роты) в подкрепление полковнику Цвечинскому, прибывшему 23-го в Уржендов из Люблина с отрядом в 6 рот и 4 орудия. Усилившись, Цвечинский пошел на Ополе и Казимерж. 26 июня начальник Люблинского отдела генерал-лейтенант Хрущов, получив донесения Медникова и Цвечинского и зная, что 27-го из кр. Ивангород должен выступить в м. Куров этап и транспорт с почтою и казенными деньгами, немедленно послал в крепость эстафету с приказанием остановить отправление почты.

Но приказание это было перехвачено инсургентами в окрестностях Пулавы. Общий начальник Крук (Гейденрейх, оф. ген. шт.) решил овладеть деньгами и устроил засаду в лесу у почтовой станции Жиржин (21 верста от Ивангорода, 14 — от Курова, 28 — от Люблина, 22 — от Казимержа). 26-го почта (198 тысяч рублей) прибыла на двух фургонах в Ивангород. Комендант генерал-лейтенант Бурмейстер, не знавший о польских шайках, отправил 27-го в 2 часа утра почту и этап из 79 человек под прикрытием 2 рот, 2 батарейных орудий и 15 каз., под начальством саперного поручика Лявданского. В 5 часов утра, подходя к Жиржинскому лесу, казаки захватили двух повстанцев, которые объяснили, что принадлежат к небольшой шайке Янковского, направившейся на заре к м. Бараново (на левой стороне Вепржа, в 10 верстах от Жиржина).

Лявданский выслал вперед казаков, а затем, построив отряд в боевой порядок, продолжил движение к густому лесу, которого не осмотрел как следует. Пройдя версту по лесу, казаки заметили всадников, которые поскакали к Жиржину. Полагая, что это разъезды от шайки, ушедшей к Баранову, Лявданский продолжал движение. Еще через версту отряд был встречен выстрелами с двух сторон, причем сразу были убиты и переранены почти все артиллерийские лошади. Отряд остановился. Открыв артиллерийский огонь, Лявданский рассыпал по взводу и сторонам шоссе; второй же роте поручил прикрывать артиллерию и денежные фургоны. Повстанцы подались назад. Лявданский перешел в наступление сперва с правой, а потом и с левой цепью, но толпы повстанцев появились и с фронта и с тыла. Пришлось приостановить наступление и сосредоточить все силы возле орудий и фургонов.

Повстанцы, ободренные успехом, выслали густые массы косинеров и несколько раз бросались на русских, но безуспешно. После 3-часового боя, когда все заряды и патроны были израсходованы, Лявданский приказал заклепать орудия и повел остатки отряда сквозь густые толпы повстанцев. На протяжении 3 верст пришлось прокладывать дорогу штыками. На 4-й версте от Жиржинской станции встретили отряд майора Лебедзинского (2 роты и казаки) из Курова. К Лебед-

зинскому присоединились 57 раненых, в том числе 2 офицера, и 30 здоровых. Выстроив боевой порядок, он двинулся в лес, но, убедившись, что он сильно занят, не решился на атаку и отошел к Курову. Пушечную пальбу в жиржинском лесу слышали в Казимерже, откуда немедленно выступил Цвещинский. Но он прибыл к Жиржину после полудня, когда повстанцы ушли уже к Баранову и сожгли мост. Цвещинский 28-го перешел Вепрж и преследовал поляков до д. Радорицы, где они разделились на партии и ушли частью в Седлецкий уезд, а частью в любартовские леса. В отряде Лявданского убитых 2 офицера и 82 нижних чина; ранено 6 офицеров и 149 нижних чинов. Орудия поляки закопали в землю. Из захваченных денег 60 тысяч похитили Зелинский и Янковский.

Файславицкий лес 12 августа. Отряд полковника Еманова (8 рот, эскадрон улан, 2 сотни, 30 объездчиков, 4 орудия) следовал 12 августа из д. Высокое за шайками Рущкого и Вагнера, уходившими на север. В то же время отряд подполковника Соллогуба (6 рот, $1\frac{1}{2}$ сотен, 2 орудия), высланный из Люблина и ночевавший в д. Яблонна, двигался через д. Хмель к м. Пяски. Шайки, преследуемые Емановым, соединясь 12-го у д. Дорогуч с бандами Крука и Крысинского (всего 4 тысячи), повернули назад и, переправившись через Вепрж, двинулись через д. Олесники к Воле Идзиковской.

В это время отряд Еманова следовал из д. Гордзенице прямой дорогой к д. Файславице. Заметив русских, повстанцы свернули в небольшой лес (к с. от Файславице). Прибыв в деревню с конницей и с одним конным орудием, Еманов двинулся к северу и открыл огонь. Когда подошла пехота, он направил 4 роты для атаки леса с фронта, а 3 роты, 2 орудия и полуэскадрон улан по дороге в м. Бискупице, чтобы, став с западной стороны леса, помогать артиллерийским огнем фронтальной атаке, а главное — не допускать повстанцев уйти в соседний большой лес.

Полуэскадрону улан, 2 сотням и объездчикам приказано было обложить лес со стороны д. Травники и м. Бискупице. Рота была оставлена при обозе. Когда была поведена атака на южную часть леса, Еманов, взяв 2 конных орудия, дви-

нулся в его восточную сторону и, переносясь с орудиями с места на место, обстреливал лес картечью, не позволяя повстанцам выйти из него. Вскоре подошел Соллогуб и атаковал лес со стороны Бискупце. Повстанцы, попавшие между двух огней, после боя, продолжавшегося несколько часов, потеряли более $\frac{2}{3}$ убитых и раненых и 680 пленных. Из всей шайки ускакал Крук и несколько десятков всадников. Потери русских: 4 убитых, 7 раненых.

Из дальнейших стычек упомянем, что 18 сентября под м. Мильковом убит Заремба (Владыщенский); по всей вероятности, это бывший подполковник Генерального штаба Владычанский.

25 октября высланные из Радома партизаны, пор. Медянов и Ассиев с 54 екатеринославскими драгунами и 10 казаками и подпор. Воронца с 75 стрелками настигли банду Чаховского из 120 всадников у д. Кремпы, близ г. Липска, и, преследуя до д. Явора, рассеяли ее. Чаховский был изрублен Ассиевым.

Правительственные меры. Быстрое подавление восстания в Северо-Западном крае указывало на необходимость применения энергичных мер и в Варшавском округе. В начале августа, для скорейшего раскрытия революционной организации, была преобразована полиция. Новые полицмейстеры и приставы назначались из русских офицеров; полицейская стража усилена нижними чинами. Городская и земская полиция подчинена военным властям. 27 августа великий князь Константин Николаевич уехал в Крым, а помощник его генерал-адъютант граф Берг («хозяин строгий») вступил в исполнение его должности. Пришлось уехать и Велепольскому, который был уволен от должности. Революционеры, после ряда тайных убийств в Варшаве, произвели 7 сентября покушение на жизнь Берга.

Восстание напрягало последние силы. Пруссия и Австрия, убедившись, что поляки восстали не против одной России, приняли строгие меры против революционеров. В Галиции было объявлено военное положение. Решительные меры Берга значительно ослабили революционную деятельность в крае. Временно установлено военное управление. Употреблены все средства к очищению страны от шаек, унич-

тожению всех способов для ведения партизанской войны в зимнее время и охранению пограничной черты.

Манифест 14 февраля 1864 г. об устройстве крестьян в Царстве нанес последний удар партии восстания. Оставалось только захватить главных коноводов.

В конце декабря было учреждено в Варшаве центральное военное полицейское управление, в ведении генерал-полицейстера генерал-майора Трепова; открыло действия 1 января 1864 г., а 29 марта захватило почти весь «ржонд народовой» с председателем его Траугутом (бывший русский подполковник). Членов ржонда казнили 24 июля 1864 г. Официально признано считать военные действия оконченными 1 мая 1864 г., а для Августовской губернии — 23 ноября 1863 г.

По официальным донесениям, в 1863 г. было боев — 547, в 1864 г. — 84, всего 631. Потери русских — всего до 4¹/₂ тысячи, из них собственно в Царстве Польском 3343 человека (826 убитых, 2169 раненых, 348 без вести пропавших); повстанцев — до 30 тысяч.

Судьба различных руководителей восстания, насколько известно, такова. Гуттри вызвал на дуэль Куржину и убил его. Мерославскому в Париже публично дали пощечину. Ярослав Домбровский погиб в 1870 г. в Париже во время коммуны.

Заключение. Деятельность польской sprawy не кончилась и по настоящее время. В Швейцарии, в городе Рапперсвилль, открыт после восстания польский национальный музей, при котором в 90-х гг. XIX столетия образован «народный фонд» на случай будущего восстания. Ежегодно в Галицко-Польском курорте Закопаном съезжаются «представители всех частей Польши» из числа белых и обсуждают способы действий поляков.

Содержание

Н. П. Михневич. Отечественная война 1812 г.

Оставление Москвы. Партизанская война. Тарутинский бой	3
Отступление армии Кутузова к Москве. Военный совет в Филях. Оставление Москвы. Вступление Наполеона в Москву. Переход русской армии на старую Калужскую дорогу. План Императора Александра I относительно дальнейших операций. Партизанская и народная война. Тарутинский бой	
Отступление французской армии	24
Уход Наполеона из Москвы. Бой под Малоярославцем. Бой при Вязьме. Бои под Красным	
Березинская операция	49
План императора Александра I. Переправа через Березину. Уничтожение армии Наполеона. 29-й бюллетень Наполеона. Преследование нашими войсками остатков армии Наполеона	
Характеристики главных деятелей войны	68
Император Александр I. Генерал-фельдмаршал М. И. Кутузов, М. Б. Барклай-де-Толли. П. И. Багратион. Д. С. Дохтуров. Н. Н. Раевский. П. П. Коновницын. А. П. Ермолов. Д. П. Неверовский. Д. В. Давыдов. А. С. Фигнер. А. Н. Сеславин	
Причины неудач Наполеона в войне 1812 г.	83

Н. А. Орлов. Война за освобождение Германии в 1813 г.

Зимний и весенний походы	91
Вооруженные силы сторон. Сражение при Люцене. Сражение при Бауцене	

Осенний поход	107
Театр войны. Вооруженные силы сторон. Состав главных квартир союзников. Группировка сил. Планы сторон. Сражение под Дрезденом. Сражение при Кульме. Сражение при Кацбахе. 2-е наступление Богемской армии. Приготовления союзников к решающему наступлению. Дюбенская операция	
Сражение под Лейпцигом	138
Сосредоточение сил обеих сторон. Планы действий. Бои у Вахау, Мекерна и Линденау. Штурм Лейпцига	
Н. А. Орлов Низложение Наполеона в 1814 г.	
Обстановка в начале войны 1814 г.	152
Политическая обстановка. Силы и планы сторон	
Вторжение союзников во Францию и наступление Наполеона	159
Движение против Блюхера. Бой под Бриенном. Ларотьер	
Первое наступление союзников к Парижу	164
Движение Блюхера в долину Марны. Действия Наполеона по внутренним операционным линиям (Шампобер, Монмираль, Шато-Тьери). Действия Наполеона против Главной армии. Отступление Шварценберга	
Второе наступление союзников к Парижу	174
План действий союзников. Действия Наполеона против армии Блюхера. Сражения под Краоном и при Лаоне. Действия Наполеона против Главной армии. Операция при Арсис-сюр-Об	
Третье наступление союзников к Парижу	185
Бой у Фер-Шампенуаза. Разгром дивизий Пакто и Аме. Сражение под Парижем	
Низложение Наполеона	192
Вступление союзников в Париж. Отречение Наполеона	
Значение для русской армии Заграничных походов	195

П. А. Ниве. Финляндские войны

Борьба Петра Великого за укрепление безопасности северных границ 198

Операция по захвату Выборга в 1710 г. Кампания 1712 г. Сражение при р. Пелкиной 6 октября 1713 г. Бой при д. Лаппола 19 февраля 1714 г. Разгром шведской эскадры у Гангута в июле 1714 г. Границы России и Финляндии по условиям Ништадского мира

Война 1741—1743 гг. 219

Русско-шведские отношения в годы правления Екатерины I и Анны Иоанновны. Политические последствия падения Нейшлота и капитуляции Тавастгуса. Условия Абоского мирного трактата

Война 1788—1790 гг. 226

Милитаристские устремления Густава III. Вступление русских войск в Финляндию. Гибель русской эскадры в Роченсальмском проливе. Итоги войны

Война 1808—1809 г. 239

Капитуляция крепостей Свеаборг и Свартгольм. Операции под командованием графа Каменского. Окончательное покорение Финляндии. Манифест Александра I об окончании войны

П. М. Андрианов. Русско-Турецкая война 1806—12 гг.

Обстановка перед войной 269

Силы враждующих сторон. Театр войны. Предпосылки к развертыванию боевых действий со стороны России и Турции

Первый период войны: с 1806 по 1808 г. 274

Сражение у Обилешти. Эрфуртская союзная конвенция

Второй период войны: с 1809 по 1812 г. 280

Последствия отказа Турции принять условия Эрфуртской конвенции. Осада Силистрии. Результаты кампании 1809 г. Боевые успехи графа Каменского в качестве главнокомандующего: взятие Силистрии, падение крепости Рушук. Назначение Кутузова главнокомандующим. Ратификация Бухарестского мира. Итоги войны

Заключение	304
------------------	-----

**В. П. Никольский. Состояние русской армии к концу
царствования Александра I**

Влияние Заграничных походов	306
-----------------------------------	-----

Рост политического самосознания в русской армии. Устройство школ и ланкастерских училищ для солдат

Влияние Аракчеева на ужесточение армейской дисциплины и муштры	310
---	-----

Усиление роли Аракчеева при Александре I. Отзывы современников о реформах, проводимых Аракчеевым в области военного дела

Князь П. М. Волконский	332
------------------------------	-----

Командирование Волконского в 1807 г. во Францию. Роль Волконского как начальника штаба при российском императоре во время Заграничных походов. Усовершенствование Волконским квартирмейстерской части. Трения между Аракчеевым и Волконским и их последствия

Уставные требования к обучению войск	339
--	-----

Пехотные и артиллерийские уставы. Причины и последствия ускоренной подготовки офицерских кадров

Возникновение тайных обществ	347
------------------------------------	-----

Союз благоденствия. Северное и Южное тайные общества. Подавление вспышки недовольства в Лейб-гвардии Семеновском полку. Беспорядки в войсках в период междуцарствия. Мятеж в Черниговском полку

Военные поселения	360
-------------------------	-----

Цели и задачи создания военных поселений. Отзывы современников о состоянии дел в поселениях. Холерные бунты. Ликвидация Николаем I военных поселений

**П. М. Андрианов. Русско-Турецкая война
1828—1829 гг.**

Обстановка перед войной	373
-------------------------------	-----

Аккерманская конвенция и Лондонский трактат. Силы и средства противоборствующих сторон. Театр военных действий на Балканском полуострове. Планы враждующих сторон	
Кампания 1828 г.	385
Начало военных действий. Наступление к Балканам. Блокада Шумлы. Осада Варны. Сражение при Курт-Тепе. Продолжение осады Варны. Военные действия на Дунае. Блокада Силистрии. Итоги кампании	
Кампания 1829 г.	417
Назначение графа Дибича главнокомандующим и подготовка к кампании. Начало военных действий. Осада Силистрии. Наступательные действия турок. Бой у Кулевчи	
Поход за Балканы	431
Выступление русских войск из-под Шумлы. Переход через Балканы. Неудачи турок у Айдоса, Ямболя и Сливна. Русские у стен Адрианополя. Переговоры о мире. Заключение Адрианопольского мира	
Заключение	440

М. И. Шишкевич. Покорение Кавказа. Персидские и кавказские войны

Первоначальные сношения России с Каказом. Персидский поход Петра I. Отношения к Кавказу и Персии	
после Петра I	442
Покровительство Грузии и волнения на Северном Кавказе	451
Персидский поход графа Зубова	470
Время Цицианова	481
После Цицианова до Ермолова	506
Ермолов	514
Персидская война 1826 г. Ермолов и Паскевич	528
Развитие мюридизма. Первые успехи Шамиля. Занятие Черноморского побережья. Штурм Ахульго	541
Дальнейшие действия Шамиля. Граф Воронцов. Экспедиция в Дарго и ее последствия	563
Назначение князя Барятинского. Окончательное покорение Кавказа	588

Н. А. Орлов. Усмирение Польского восстания 1830—1831 гг.

Обстановка перед началом военных действий	613
Политическая обстановка. Силы сторон. Планы военных действий	
Наступление Дибича к Варшаве	622
Переход русскими польской границы. Перемена линии действий. Наступление русской армии к Вавру. Сражение при Вавре 7 февраля. Бой при Бялоленке 12 февраля. Сражение при Грохове 13 февраля. Расположение русских на квартирах	
Наступательные действия поляков	635
Экспедиция Дверницкого. Наступление Скржинецкого	
Новый план военных действий	639
Второе наступление Дибича. Холера	
Поход Скржинецкого против гвардии	640
Партизанские действия в Литве и Подолии	646
Усмирение мятежа Паскевичем	650
Движение Паскевича к Нижней Висле. Штурм Варшавы 25 и 26 августа	

П. М. Андрианов. Венгерский поход в 1849 г.

Политическая обстановка и начало войны	664
Краткий очерк действий на главном театре	675
Краткий очерк военных действий в Трансильвании	682

Н. А. Орлов. Усмирение Польского восстания 1863—1864 гг.

Подготовка восстания	690
Начало восстания и военные действия до лета 1863 г.	693
Восстание в Юго-Западном и Северо-Западном краях	702
Восстание в Северо-Западном крае. Галицийские банды. Познанские банды	
Окончание восстания	709
Содержание	711

Научно-популярное издание

**История русской армии
Том второй**

Главный редактор *Н. Л. Волковский*. Редактор *Л. Ю. Киреева*.
Технический редактор *И. В. Буздалева*. Корректор *В. Д. Чаленко*.
Компьютерная верстка *Н. С. Сидельниковой*.
Компьютерная графика *Е. М. Петровой*

ЛР ИД № 03073 от 23.10.2000 г.
Подписано в печать 12.11.02. Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Гарнитура TimeRoman. Печ. физ. л. 22,5.
Усл. печ. л. 37,8. Тираж 5000 экз. Зак. №

ООО «Издательство «Полигон»,
194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 38/40.
Тел.: 320-74-24; тел./факс: 320-74-23. E-mail: polygon@rol.ru